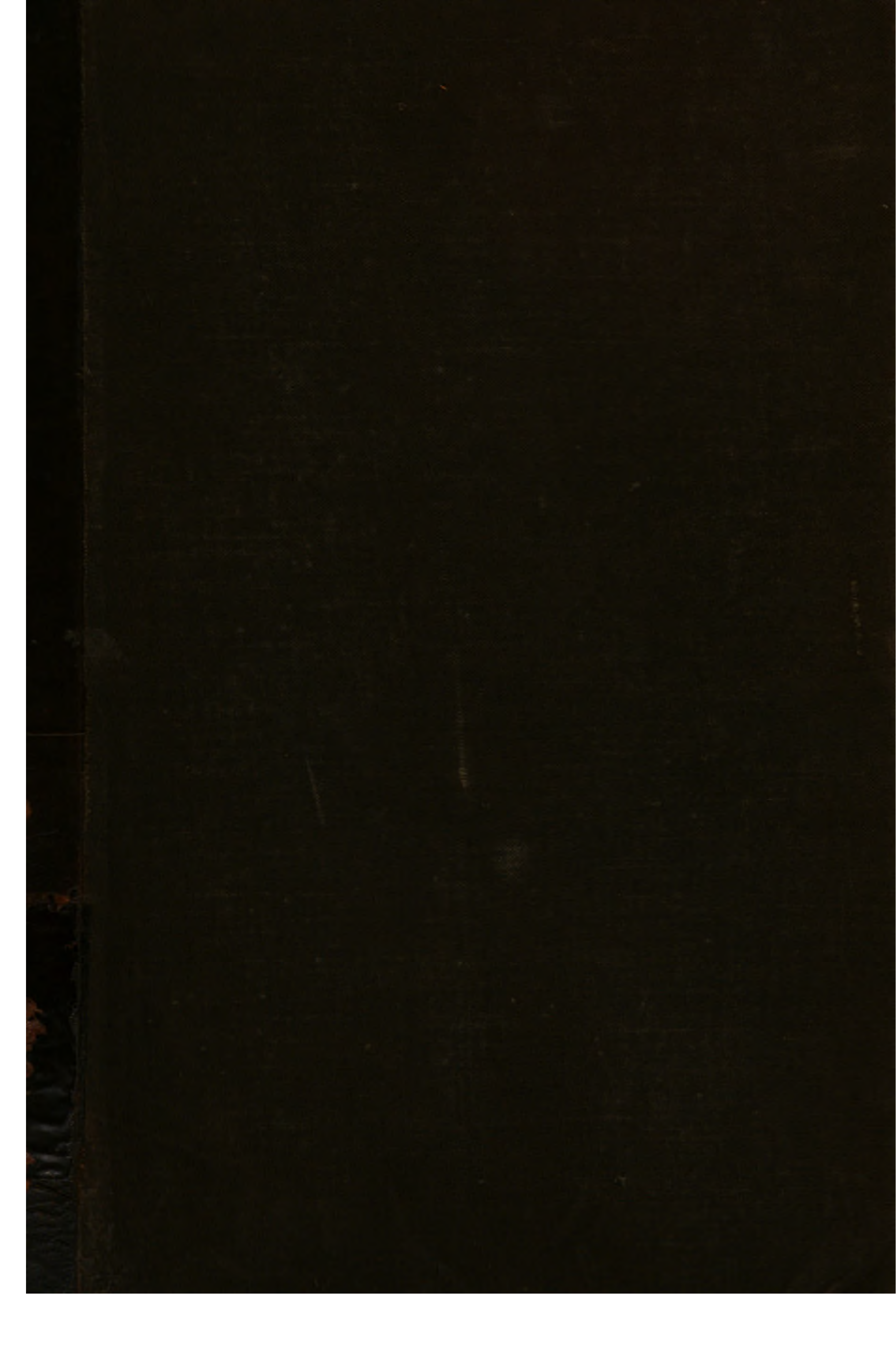
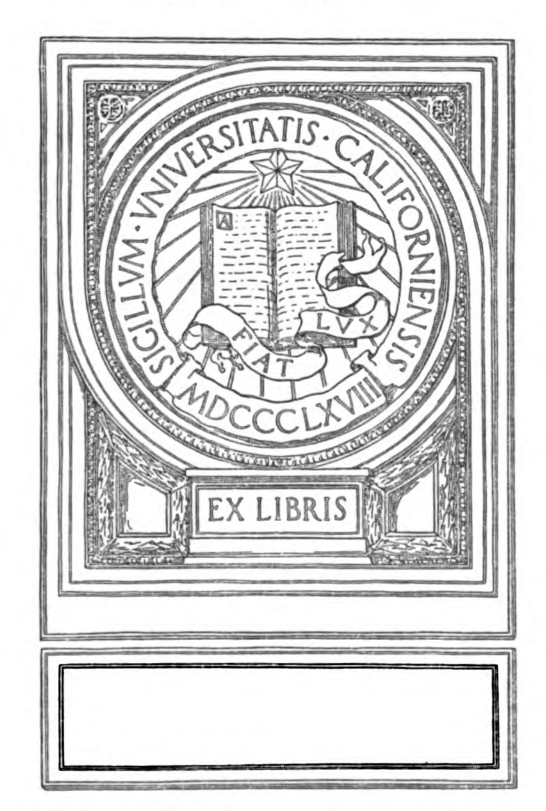

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ X-й. **№ 8-й.**

М. С.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

«Міръ Божій», № 8. 1901 г.

Проектъ.

РУССКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА

общественныхъ наукъ

16, Rue de la Sorbonne, 16.

ПАРИЖЪ.

Занятія начнутся 1-го ноября 1901 г.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА ШКОЛЫ.

Цѣль учрежденія Школы.

§ 1. Согласно 2-му пункту 2-го § *Устава Русской Группы Международнаго Союза* для развитія наукъ, искусствъ и образованія *), въ Парижѣ учреждается ВЫСШАЯ ШКОЛА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

§ 2. Преподаваніе въ Школѣ ведется преимущественно на русскомъ языкѣ.

§ 3. Преподаваніе состоитъ: a) изъ систематическихъ курсовъ по различнымъ отраслямъ обществовѣдѣнія; b) изъ отдѣльныхъ лекцій и рефератовъ; c) изъ практическихъ занятій, экскурсій, осмотровъ и пр.

§ 4. Профессора Р. В. Ш. О. Н. и лица, читающія при ней отдѣльныя лекціи, пользуются полной свободой преподаванія подъ своей личной отвѣтственностью и въ предѣлахъ дѣйствующаго во Франціи законодательства.

§ 5. Постояннымъ слушателямъ Р. В. Ш. О. Н. выдаются свидѣтельства объ ихъ успѣшныхъ занятіяхъ. Для полученія такого свидѣтельства требуется: a) удостовѣреніе трехъ профессоровъ Школы объ успѣшномъ ходѣ работъ кандидата; b) представленіе послѣднимъ письменной работы (по возможности напечатанной), одобренной и допущенной совѣтомъ профессоровъ къ публичной защитѣ; c) публичная защита представленной работы.

Завѣдываніе дѣлами Школы.

§ 6. Завѣдываніе дѣлами Школы принадлежитъ *Совѣту профессоровъ*, который на первое время состоитъ изъ членовъ Комитета Русской Группы Международнаго Союза, а потомъ пополняется избраніемъ.

§ 7. Совѣтъ избираетъ изъ своей среды *Исполнительную Коммиссію*, состоящую изъ пяти членовъ: предсѣдателя, двухъ товарищей его и двухъ секретарей (на одного изъ членовъ Коммиссіи возлагаются и обязанности казначея). Коммиссія приглашаетъ профессоровъ и лекторовъ и, сверхъ того, завѣдуетъ хозяйственной частью.

Условія пріема въ Школу.

§ 8. Школа открыта для всѣхъ и преподаваніе въ ней ведется безплатное.

§ 9. Лица, желающія считаться постоянными слушателями, для полученія свидѣтельства, указаннаго въ § 5, вносятъ свои имена въ особые списки и платятъ 10 франковъ въ годъ (или 5 франковъ въ полугодіе) за право слушанія всѣхъ курсовъ и участія во всѣхъ занятіяхъ, организуемыхъ Школой. Совѣту профессоровъ предоставлено освобождать отъ платы и эту категорію слушателей.

---

*) «Русская Группа международнаго союза для развитія наукъ, искусствъ и образованія ставитъ себѣ главнымъ образомъ способствованіе: а) учрежденію международныхъ школъ высшихъ научныхъ знаній и народныхъ университетовъ; б) образованію постоянныхъ центровъ для научныхъ справокъ и личныхъ сношеній между русскими и иностранными учеными, литераторами и художниками!»

[illegible]

Предполагаемая программа постоянныхъ курсовъ.

I. Философія и методологія математическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ наукъ. *N. N.*

II. Философія и методологія общественныхъ наукъ. Общая соціологія. *Е. В. де РОБЕРТИ, проф. Нов. Брюссел. Унив.*

III. Всеобщая исторія. *М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, быв. проф. Моск. Унив. — И. В. ЛУЧИЦКІЙ, проф. Кіевск. Унив. — Н. И. КАРѢЕВЪ, быв. проф. Петерб. Унив. — М. И. ТАМАМШЕВЪ, канд. правъ.*

IV. Статистика и географія. *N. N.*

V. Антропологія и этнографія. *И. ВОЛКОВЪ, проф. Париж. Антропол. Шк.*

VI. Сравнительное языковѣдѣніе. *N. N.*

VII. Исторія религій. *И. И. ЩУКИНЪ, проф. Нов. Брюс. Ун.*

VIII. Исторія экономическихъ отношеній и ученій. *А. А. ИСАЕВЪ, быв. проф. Петерб. Унив.*

IX. Исторія политическихъ ученій и учрежденій. *М. М. КОВАЛЕВСКІЙ, быв. проф. Моск. Ун.*

X. Исторія идей и учрежденій гражданскаго права. *Ю. С. ГАМБАРОВЪ, быв. проф. Моск. Ун.* (семья, собственность, наслѣдованіе и т. д.)

XI. Соціальная криминологія. *N. N.*

XII. Исторія метафизическихъ и нравственныхъ ученій. *Е. В. де РОБЕРТИ, проф. Нов. Брюс. Ун.*

XIII. Исторія литературы и искусствъ. *Е. В. АНИЧКОВЪ, быв. проф. Кіев. Ун.*

ПРИМѢЧАНІЕ 1. О лекціяхъ и рефератахъ по отдѣльнымъ вопросамъ, равно какъ и о практическихъ занятіяхъ, осмотрахъ, экскурсіяхъ и т. п. будутъ сдѣланы своевременныя объявленія.

ПРИМѢЧАНІЕ 2. Сверхъ поименованныхъ лекторовъ, Р. Г. М. С. разсчитываетъ на участіе въ устраиваемыхъ ею курсахъ и отдѣльныхъ лекціяхъ, *И. И. МЕЧНИКОВА, проф. въ Инстит. Пастера, А. И. ЧУПРОВА, проф. Моск. Ун., Н. А. КАРЫШЕВА, проф. Моск. Землед. Инст., В. И. СЕМЕВСКАГО, быв. прив.-доц. Петерб. Ун. М. И. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКАГО, М. М. ВИНАВЕРА, прис. пов., г. ВЕНГЕРОВА быв. прив.-доц. Петерб. Ун. П. Б. СТРУВЕ, и т. д.*

Совѣтъ профессоровъ на 1901/2 учебный годъ.

Почетный членъ Р. Г. М. С. . . . . *Графъ Л. Н. ТОЛСТОЙ.*
Предсѣдатель Р. Г. М. С. . . . . *проф. И. И. МЕЧНИКОВЪ.*
Товарищи предсѣдателя . . проф. М. М. КОВАЛЕВСКІЙ и Е. В. де РОБЕРТИ.
Секретари: проф. Ю. С. ГАМБАРОВЪ и писательница ИВАНЪ СТРАННИКЪ.

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА: проф. А. И. Чупровъ, А. С. Посниковъ, А. Н. Коротневъ, Н. А. Карышевъ, Д. Н. Овсянинико-Куликовскій, А. Васильевъ, Н. И. Карѣевъ, И. В. Лучицкій, Е. В. Аничковъ, П. Н. Милюковъ, В. Н. Ивановскій, Н. В. Сперанскій, Н. И. Щукинъ, С. А. Котляревскій, И. Х. Озеровъ, И. Волковъ, д-ръ мед. Елпатьевскій, художн. Боткинъ, д-ръ мед. И. И. Баженовъ, канд. правъ М. И. Тамамшевъ.

Исполнительная Коммиссія на 1901/2 уч. годъ.

Выборы въ исполнительную коммиссію отсрочены до октября текущаго года, но обязанности этой коммиссіи возложены до производства выборовъ на дѣйствующее нынѣ бюро Русской Группы Международнаго Союза для развитія наукъ, искусствъ и образованія.

Попечительный Совѣтъ.

Сверхъ совѣта профессоровъ и исполнительной коммиссіи, при Р. В. Шк. предположено организовать еще особый попечительный совѣтъ, въ который войдутъ русскіе и иностранные ученые и писатели, избранные совѣтомъ профессоровъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Сообщеніе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и объясненій по дѣламъ Р. В. Шк. беретъ на себя Евг. Вас. АНИЧКОВЪ, 11 bis, rue Faraday, Paris. На этотъ адресъ или на адресъ генер. секр. Р. Г. М. С. проф. ГАМБАРОВА, 226, Bd Raspail, должны быть обращаемы и всѣ письменныя заявленія, касающіяся Высшей Школы.

Годъ X-й. № 8-й.

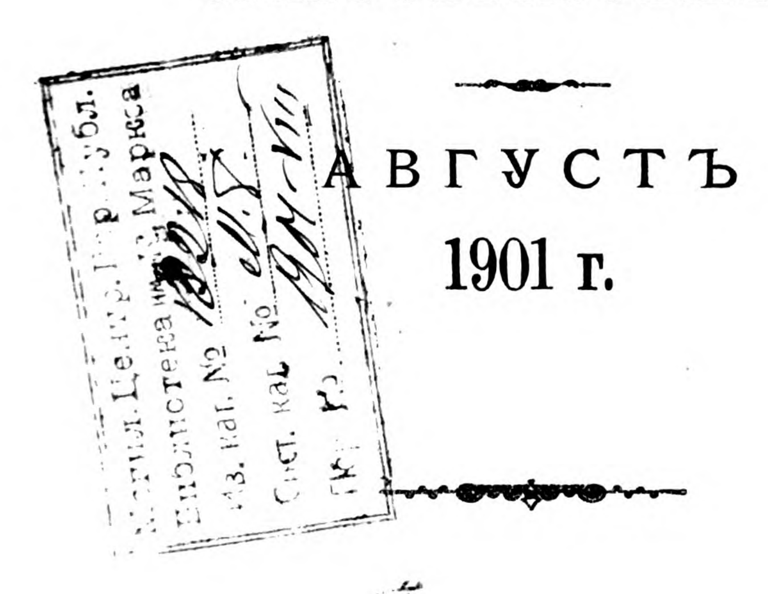
МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Дозволено цензурою. Спб. 27-го іюля 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

[illegible]

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ!

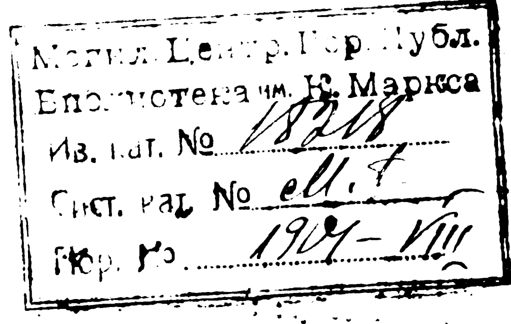
Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой удѣлить мѣсто въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ нижеслѣдующему моему письму.

Въ январѣ 1900 г. умеръ Флорентій Федоровичъ Павленковъ, неутомимый издатель научно-популярныхъ и другихъ книгъ, сдѣлавшій для ихъ созданія и распространенія среди разныхъ слоевъ русской читающей публики больше, чѣмъ кто-либо за послѣднее сорокалѣтіе. Съ именемъ Ф. Ф. Павленкова тѣснѣйшимъ образомъ связана исторія книжнаго дѣла въ Россіи. Его жизнь— одна изъ интереснѣйшихъ страницъ русскаго общественнаго просвѣщенія, знакомство съ которой несомнѣнно имѣетъ весьма большой не только историко-литературный, но и общественный интересъ.

Пользуясь любезнымъ содѣйствіемъ Н. А. Розенталя, В. Д. Черкасова и В. И. Яковенко, душеприказчиковъ покойнаго, я рѣшилъ приступить къ составленію подробной біографіи Ф. Ф. Павленкова, въ связи съ исторіей русскаго книжнаго дѣла за послѣднія 40 лѣтъ. Обращаясь ко всѣмъ лицамъ, знавшимъ Флорентія Федоровича и имѣвшимъ къ нему какія-либо отношенія, съ покорнѣйшей просьбой помочь выполненію моей задачи и присылать мнѣ всякаго рода матеріалы, какіе только могутъ оказаться полезными въ томъ или иномъ отношеніи для возможно разносторонняго освѣщенія замѣчательной личности и трудовъ Ф. Ф. Павленкова, напр., его письма, свои воспоминанія о немъ, даже газетныя замѣтки о немъ и его изданіяхъ, и т. п. За пересылку всякаго матеріала, какимъ бы ничтожнымъ онъ ни казался, я буду глубоко признателенъ. Все присланное будетъ сохранено въ цѣлости и возвращено собственнику въ указанный имъ срокъ. Присылать прошу *заказной бандеролью* или посылкой по одному изъ нижеслѣдующихъ адресовъ: 1) С.-Петербургъ, Б. Садовая, 63. Библіотека Л. Т. Рубакиной для передачи Н. А. Рубакину. 2) С.-Петербургъ, Рузовская ул. 5. Ник. Ал. Розенталю.

Покорнѣйше прошу провинціальныя газеты перепечатать это мое письмо.

Н. Рубакинъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

III.

Отношеніе елизаветинскаго поколѣнія къ реформѣ и просвѣщенію.—Среда и формы, въ которыхъ совершалось просвѣтительное движеніе той эпохи. — Книгоиздательство петровскаго времени и причина его неудачи.—Новое направленіе издательства съ 1748 года. — Переводный романъ, его культурная роль. — Малая распространенность книги. — Культурная дѣятельность учащейся молодежи. — Петровскій театръ и причина его неудачи. — Роль шляхетскаго корпуса при началѣ новаго театра. — Театръ, какъ арена борьбы новаго направленія съ ложноклассическимъ. — Побѣда мѣщанской драмы, бытовой комедіи и политической пьесы въ московскомъ театрѣ. — Первый русскій журналъ при академіи; журналы молодежи шляхетскаго корпуса и московскаго университета.—Миллеровскій журналъ устанавливаетъ типъ и источники.—Шляхетская молодежь доставляетъ перевѣсъ нравоучительно-психологическому элементу и намѣчаетъ задачи и темы сатиры, Сумароковъ вноситъ элементъ любовной лирики; московскіе студенты подчеркиваютъ принципіальную основу нравоучительныхъ статей (естественное право) и сводятъ ее къ идеямъ масонства. — Ограниченный кругъ вліянія первой русской періодической прессы.

Изъ трехъ типовъ общественной мысли, съ которыми мы познакомились въ предыдущемъ отдѣлѣ, одинъ принадлежалъ прошедшему, другой настоящему и третій будущему. Естественно, что главное наше вниманіе будетъ обращено теперь на развитіе третьяго типа. Это—то́ критическое воззрѣніе, первую пробу котораго мы видѣли въ теоріяхъ Татищева и которое одинаково шло въ разрѣзъ и съ архаическимъ міровоззрѣніемъ «подлаго состоянія», и съ практикой «свѣтскаго житія», усвоенной благороднымъ шляхетствомъ. Опору въ своей борьбѣ противъ новыхъ модъ и старыхъ суевѣрій—это направленіе нашло въ образовательныхъ средствахъ, созданныхъ реформой. Но отношеніе къ образованію было у поколѣнія, выросшаго въ преобразованной Россіи, уже совсѣмъ другое, нежели у поколѣнія преобразователей. Тѣ ловили кое-какъ, на ходу, обрывки западной культуры и поневолѣ пріобрѣли сноровку сразу вылавливать практически-нужное и непосредственно-приложимое. Молодое поколѣніе очень скоро эманципировалось отъ такого утилитарно-техническаго характера заимствованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно на время утратило и то сознаніе связи между заимствованіями и ближайшими жизненными задачами, которое поневолѣ оказы-

валось налицо у піонеровъ новой культуры. Какъ жильцы новаго дома пользуются его удобствами, не зная, какъ онъ построенъ, и не чувствуя еще нужды приступать къ ремонту, къ надстройкамъ и перестройкамъ, такъ точно чувствовало себя поколѣніе, родившееся во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка. Главные вопросы казались навсегда рѣшенными; оставались детали и орнаменты. Принципіальная оппозиція противъ Петра уже настолько отошла въ прошлое, что сыновья націоналистовъ-оппозиціонеровъ могли выступить подъ знаменемъ петровской реформы противъ иностранныхъ дѣльцовъ, остававшихся полтора десятка лѣтъ ея главными исполнителями. Это оригинальное возвращеніе къ Петру подъ знаменемъ націонализма само по себѣ показывало, какъ далеко елизаветинское поколѣніе отошло отъ пониманія жизненныхъ противорѣчій, вызванныхъ реформой, и какъ скоро оно забыло о прошломъ. Реформа стояла передъ этимъ поколѣніемъ, какъ непререкаемый, окончательный фактъ. За нее нечего было и не съ кѣмъ было бороться; ее предстояло эксплуатировать, т.-е. прежде всего прогнать «эксплуататоровъ»-иностранцевъ и занять ихъ мѣста, а затѣмъ извлечь изъ новаго положенія какъ можно больше жизненныхъ наслажденій. Одинъ изъ прогнанныхъ, Минихъ, приноровляясь къ настроенію минуты, пробовалъ вымолить себѣ пощаду Елизаветы вотъ какого рода проектомъ «шествованія по стопамъ» преобразователя. Петръ, по его словамъ, разсчитывалъ все пространство между Ораніенбаумомъ и Ладогой, на протяженіи 220 верстъ, застроить увеселительными домами, парками, фонтанами и каскадами, бассейнами и резервуарами, садами и звѣринцами; каждый годъ онъ предполагалъ съ министрами, генералами и дипломатическимъ корпусомъ совершать увеселительную прогулку по Невѣ и каналу, среди всѣхъ этихъ чудесъ искусства. Минихъ предлагалъ все это осуществить къ удовольствію Елизаветы. Приманка была, конечно, черезчуръ уже груба, но за то очень характерна для всего поколѣнія сверстниковъ императрицы. Дѣйствительно, гораздо доступнѣе, понятнѣе, вразумительнѣе, чѣмъ «польза» новой культуры, было для этого поколѣнія то увеселеніе, которое можно было почерпнуть изъ этого источника.

Мы видѣли, въ чемъ находили удовольствіе въ срединѣ вѣка любители «свѣтскаго житія». Теперь мы должны прибавить, что и лучшіе люди того же поколѣнія,—враждебные свѣтскимъ излишествамъ и разсѣяніямъ,—всетаки искали удовлетворенія въ удовольствіяхъ же, только болѣе тонкихъ и культурныхъ. Новую ноту вноситъ здѣсь лишь поколѣніе, родившееся въ самомъ началѣ царствованія Елизаветы и выступившее въ литературѣ въ самомъ его концѣ. Но и оно стоитъ на только что подготовленной почвѣ. Культъ утонченныхъ удовольствій сердца послужилъ и для него основаніемъ, на которомъ оно создало свое болѣе отвлеченное, болѣе далекое отъ жизни, но за то и болѣе идеальное представленіе о цѣляхъ и о сущности новаго просвѣщенія.

Съ такимъ условнымъ, безпредметнымъ идеализмомъ, культурное движеніе елизаветинской эпохи составляетъ естественный переходъ отъ безыдейнаго реализма петровскаго времени къ первымъ попыткамъ сблизить реальность съ идеей и ввести въ литературу обсужденіе жизненныхъ вопросовъ — въ вѣкъ Екатерины II. Какъ нельзя лучше этому переходному характеру Елизаветинской литературы соотвѣтствуетъ и характеръ среды, въ которой она развивалась. Это были не практическіе дѣльцы петровскаго времени и не «философы»-просвѣтители екатерининскаго. Движеніе все еще совершалось въ непосредственной близости къ двору и правительству, но уже вышло изъ тѣснаго круга правительственныхъ лицъ. Главный матеріалъ для этого культурнаго движенія дала подроставшая молодежь новооткрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеній: сперва академическаго университета, потомъ—и въ гораздо большей степени—сухопутнаго шляхетскаго корпуса и, наконецъ, въ самомъ концѣ эпохи—московскаго университета. Въ тѣхъ предѣлахъ—чисто ученическихъ «добрыхъ намѣреній» и «невинныхъ упражненій», изъ которыхъ пока еще не выходило движеніе тогдашней учащейся молодежи,—оно нисколько не противорѣчило настроенію двора, нашло даже точки соприкосновенія съ нимъ въ своемъ стремленіи — соединить пріятное съ полезнымъ и въ такихъ случаяхъ встрѣчало со стороны двора и императрицы прямую поддержку.

Простодушная, привыкшая окружать себя мужской молодежью, жадная до развлеченій и наслажденій императрица, сама дебютировавшая нѣсколькими стихотвореніями въ модномъ тогда сентиментально-любовномъ жанрѣ (М. Б. VI), была довольно подходящей центральной фигурой для характеризуемаго культурнаго момента. Конечно, и при ней искусство и литература продолжали—и даже въ усиленной степени—служить аксессуаромъ и орнаментомъ придворной обстановки. Но это выходило какъ-то искреннѣе, естественнѣе, безъ той чопорности и церемоннаго формализма, въ которые такъ неумѣло рядился неуклюжій дворъ имп. Анны, безъ того крикливаго противорѣчія съ окружающими нравами, которое чувствовалось на каждомъ шагу въ маскарадахъ, тріумфальныхъ шествіяхъ и школьныхъ спектакляхъ петровскаго времени. «Педантство», въ лицѣ Тредьяковскаго, уступило мѣсто «хорошему вкусу», въ лицѣ новаго придворнаго поэта Сумарокова, «посвятившаго всю жизнь на увеселеніе двора». Мы увидимъ, однако, что къ концу царствованія литературное движеніе рѣшительно выростаетъ изъ этихъ придворныхъ рамокъ, продолжая все время оставаться въ рукахъ учащейся молодежи.

Помимо школы, главнымъ образовательнымъ средствомъ служила книга; къ этому присоединился еще теперь любительскій спектакль и, въ концѣ періода, книжка періодическаго журнала. На всемъ этомъ,— на книгѣ, театрѣ и періодической прессѣ отразился самымъ рѣшительнымъ образомъ переходъ просвѣтительной роли изъ рукъ власти

въ руки молодого поколѣнія и соотвѣтственная перемѣна во взглядахъ на самыя задачи просвѣщенія.

Благодаря Петру Великому русскій читатель впервые получилъ свѣтскую книгу, напечатанную (съ 1708) «новоизобрѣтенными амстердамскими литерами», т.-е. гражданскимъ шрифтомъ. Но на первый разъ ни содержаніе, ни языкъ этой книги не могли привлечь къ ней симпатій читателя. Въ учрежденныхъ Петромъ казенныхъ типографіяхъ печатались произведенія, составленныя, или чаще всего переведенныя по личному выбору и распоряженію императора. Выборъ этотъ соотвѣтствовалъ цѣлямъ Петра, но нисколько не соотвѣтствовалъ вкусамъ тогдашняго читателя. Читатель стараго покроя интересовался, кромѣ священнаго писанія и житій святыхъ, духовно-нравственными произведеніями вродѣ «Великаго Зерцала» (II, 134). Читатель новаго типа увлекался произведеніями повѣствовательной литературы, составившейся къ концу XVII в. изъ переводовъ съ польскаго,—повѣстями «умильными», или «потѣшными», или «чудными» (II, 176). А Петръ спѣшилъ обогатить русскую литературу переводными учебниками по артиллеріи и фортификаціи, по инженерству и военной архитектурѣ, по «художествамъ—математическому, механическому, хирургическому, архитектурѣ—цивилисъ, анатомическому, ботаническому, милитарисъ и прочимъ тому подобнымъ». Царь строго наблюдалъ при этомъ, чтобы переводилось только дѣло, а не разговоры, «чтобы не праздной ради красоты, а для вразумленія и наставленія чтущему было», «понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались,—чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго передъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ». Въ довершеніе всего, выборъ дѣлался наудачу, по заглавіямъ, и иногда оказывались переведенными руководства, трудныя даже и для спеціалистовъ (напр., Кугорна). А такъ какъ переводчики почти всегда, «которые умѣли языки,—художествъ не умѣли, а которые умѣли художества, языку не умѣли»,—то естественно, что зачастую изъ печати выходила макулатура, ни для кого не понятная и ни къ чему не пригодная. При этихъ условіяхъ русскій читатель просто на просто игнорировалъ произведенія новой гражданской печати и продолжалъ пробавляться, по старому, рукописной литературой. Уже въ 1703 г. голландскій купецъ, торговавшій русскими книгами, напечатанными по порученію Петра въ Голландіи, жаловался царю на то, что его книги не продаются и что онъ терпитъ убытокъ, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего величества зѣло мало». Однако, въ то же время синодальная типографія торговала бойко своими церковнослужебными книгами и букварями, печатавшимися и расходившимися въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Изъ произведеній новой печати тысячами распродавались только указы (съ 1714), сотнями—мѣсяцесловы и десятками—нѣкоторыя любимыя

произведенія средняго читателя, къ которымъ онъ уже привыкъ въ рукописныхъ спискахъ. Положеніе оставалось такимъ до второй половины вѣка, по наблюденію такого знатока русской читающей публики, какимъ былъ Новиковъ. «У насъ, говорилъ онъ, только тѣ книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями издаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ (мѣщанамъ нашимъ) нравятся. Въ подтвержденіе сего мнѣнія служатъ тѣ книги, кои отъ просвѣщенныхъ людей (екатерининскаго времени) никакого уваженія не заслуживаютъ и читаются одними только мѣщанами. Сіи книги суть: «Троянская исторія», «Синопсисъ», «Юности честное зерцало», «Совершенное воспитаніе дѣтей», «Азовская исторія» и нѣкоторыя другія. Напротивъ того, книги, на вкусъ такихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ».

Такова именно и была судьба петровскихъ переводовъ. Въ 1743 г. академія наукъ представила сенату оригинальный проектъ обязательной распродажи залежавшихся изданій петровскаго времени. Каждый чиновникъ, какъ по военной такъ и по гражданской части, во всѣхъ учрежденіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ всей Россіи, долженъ былъ по этому проекту купить въ академіи книгъ на 5—6 р. съ каждой сотни получаемаго имъ жалованья. Купцовъ тоже предполагалось привлечь къ уплатѣ этого курьезнаго налога «по пропорціи ихъ торгу». Еще рѣшительнѣе поступила съ петровскими изданіями синодальная типографія. Она прямо пустила ихъ на обложки для вновь выходящихъ книгъ (1752, 1769 и 1779).

Въ концѣ концовъ, книгоиздательство должно было уступить «мѣщанскому» вкусу, тѣмъ болѣе, что до Екатерины этотъ вкусъ вовсе нельзя было бы назвать исключительно вкусомъ «мѣщанъ». Его раздѣляла и «благородная» публика, безспорно предпочитавшая «умильный» и «потѣшный» элементъ въ литературѣ сухимъ и неудобоваримымъ петровскимъ учебникамъ. Какъ только реформирована была академія введеніемъ новаго устава, — новый президентъ ея гр. Разумовскій передалъ ей (27 янв. 1748) изустный указъ Елизаветы — «стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы *польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ*». Во исполненіе указа академія приглашала черезъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» желающихъ переводить книги съ иностранныхъ языковъ и обѣщала переводчикамъ, въ видѣ гонорара—по 100 экземпляровъ переведенной книги. Это былъ одинъ изъ первыхъ случаевъ непосредственнаго привлеченія молодежи высшихъ учебныхъ заведеній къ участію въ просвѣтительной дѣятельности. Очерченный въ указѣ характеръ желательныхъ переводовъ такъ же хорошо совпадалъ съ интересами этой молодежи, какъ и со вкусами читающей публики. Объявившіеся по публикаціи переводчики оказались большею частью

учениками академической гимназіи и университета или же служащими при академіи. Въ результатѣ новаго направленія издательства и книжное дѣло значительно оживилось. Издательская дѣятельность такъ возросла въ 50-хъ годахъ, что старая академическая типографія оказалась не въ состояніи выполнять всѣхъ заказовъ. Заведена была «новая» типографія, съ прямой цѣлью «умножить въ оной печатаніе книгъ, какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной». Дѣйствительно, новая типографія печатала въ огромномъ количествѣ экземпляровъ книги, удовлетворявшія «мѣщанскому» вкусу вродѣ перечисленныхъ Новиковымъ: «Троянской исторіи», «Повѣсти о разореніи Іерусалима», «Синопсиса» и т. п. При такомъ направленіи дѣла обѣ поставленныя цѣли, т.-е. и «удовольствіе народное», и «казенная прибыль», были вполнѣ достигнуты.

Но, сдѣлавшись выгоднымъ промышленнымъ предпріятіемъ, книжное издательство и торговля немного принесли бы пользы просвѣщенію, если бы ограничились перепечаткой старыхъ продуктовъ популярной литературы, распространявшихся и безъ того въ рукописныхъ спискахъ. Приглашенная къ сотрудничеству интеллигентная молодежь принялась искать свѣжаго матеріала для переводовъ въ популярныхъ произведеніяхъ заграничной литературы. Скоро она нашла литературный жанръ, одинаково привлекательный и для интеллигентнаго читателя, и для сѣрой публики. Этимъ жанромъ, дѣйствительно соединявшимъ, какъ требовалъ указъ 1748 г., «пользу и забаву съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ»,—былъ переводный романъ. Роману скоро суждено было сдѣлаться самымъ популярнымъ, если не самымъ моднымъ видомъ литературы XVIII в. Въ смыслѣ развитія первыхъ отвлеченныхъ чувствъ, на которыхъ сходились полуобразованный верхъ и вовсе необразованный низъ русскаго общества,—переводный романъ сыгралъ еще болѣе важную культурную роль, чѣмъ оригинальная любовная лирика (II, 178). Что давалъ переводный романъ русскому читателю, обь этомъ пусть скажетъ намъ, впрочемъ, самъ этотъ читатель. «Обыкновенно обвиняютъ романы»,—говоритъ Болотовъ, зачитывавшійся романами въ срединѣ XVIII в.,—въ томъ, что чтеніе ихъ не столько пользы, сколько вреда производитъ и что они нерѣдко ядомъ и отравою молодымъ людямъ почесться могутъ. Однако, я торжественно о себѣ скажу, что мнѣ не сдѣлали они ничего дурного. Сколько я ихъ ни читалъ, не развратились ими мысли мои и не испортилось сердце... но чтеніе оныхъ, напротивъ того, произвело для меня безчисленныя выгоды и пользы... Читая описываемыя происшествія во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, я нечувствительно узналъ и получилъ довольное понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, что во всѣхъ государствахъ есть хорошаго и худого и какъ люди въ томъ и другомъ государствѣ живутъ и что у нихъ тамъ водится... Не меньшее понятіе получилъ я и о родѣ жизни разнаго со-

стоянія людей, начиная отъ владыкъ земныхъ до людей самаго низкаго состоянія. Самая житейская свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣе передъ прежнимъ... Что касается до моего сердца, то отъ многаго чтенія преисполнилось оно столь нѣжными и особыми чувствованіями, что я примѣтно ощущалъ въ себѣ великую перемѣну и самого себя точно какъ переродившимся. Я начиналъ смотрѣть на всѣ происшествія въ свѣтѣ какими-то иными и благоправнѣйшими глазами; а все сіе и вперяло въ меня нѣкое отвращеніе отъ грубаго и гнуснаго общества и сообщества съ порочными людьми... Что же касается до увеселенія, производимаго во мнѣ симъ чтеніемъ романовъ, то я не знаю уже, съ чѣмъ бы оное сравнить и какъ бы изобразить оное. А довольно, когда скажу, что оное было безпрерывно и такъ велико, что я и понынѣ (т.-е. около 40 лѣтъ спустя) еще не могу позабыть тогдашняго времени и того сколь оно было для меня пріятно и увеселительно». Подобныя признанія мы слышимъ отъ многихъ лицъ, юные годы которыхъ прошли во второй половинѣ XVIII в. *). Нельзя не заключить изъ нихъ, что переводный романъ дѣйствительно былъ серьезной культурной силой, облагороживавшей чувства и возбуждавшей умственные интересы. Чтеніе романовъ, на ряду съ затверживаніемъ любовныхъ пѣсенъ, было первой школой русскаго идеализма.

Однако же, въ теченіе всей первой половины вѣка кругъ вліянія романа былъ весьма ограниченъ уже просто потому, что печатная свѣтская книга оставалась большой рѣдкостью; книжныхъ лавокъ, кромѣ петербургской академической и московской синодальной, не существовало: въ провинціи добыть новую книгу было совершенно невозможно. Только-что упоминавшійся Болотовъ былъ страстнымъ охотникомъ до чтенія и, какъ сынъ полковника, принадлежалъ, повидимому къ средѣ, въ которой сравнительно легко было доставать книги. Тѣмъ не менѣе и въ его дѣтствѣ и юности каждая новая книга была важнымъ и рѣдкимъ событіемъ, которое онъ помнилъ до старости и черезъ нѣсколько десятилѣтій аккуратно занесъ въ свои записки. Одиннадцати лѣтъ, во французскомъ пансіонѣ, онъ наткнулся на «Похожденія Телемака», пробудившія у него вкусъ къ чтенію и послужившія для него «фундаментомъ всей будущей учености». На слѣдующій годъ онъ обревизовалъ книги своего отца и нашелъ среди нихъ двѣ по своему вкусу. Это были—жалкій учебникъ исторіи Гильмара Кураса и исторія походовъ принца Евгенія: первую Болотовъ перечиталъ трижды, вторую дважды. Заброшенный затѣмъ въ свою глухую деревню, онъ принужденъ былъ довольствоваться повтореніемъ своихъ учебниковъ нѣмецкой и французской грамматики и географіи. Только черезъ два года, вернувшись

---

*) Въ это время, какъ увидимъ, особенно усилилось чтеніе и издательство романовъ.

снова въ Петербургъ, напрактиковавшись нѣсколько во французскомъ разговорѣ у мосье Лаписса и перенявъ кое-что случайно изъ геометріи у товарища по занятіямъ, Болотовъ обогатилъ свой репертуаръ свѣтскихъ знаній нѣсколькими модными любовными пѣсенками и чтеніемъ печатной Сумароковской трагедіи «Артистоны» и рукописнаго любовнаго романа: «Эпаминондъ и Целеріана», перечитаннаго имъ дважды. Прошелъ еще годъ; умирая отъ скуки въ своей деревнѣ, Болотовъ раздобылся у сосѣдей «Камнемъ Вѣры» и Четьими-минеями, а у дяди рукописными курсами геометріи и фортификаціи, записанными когда-то подъ руководствомъ извѣстнаго Ганнибала. Богословскіе аргументы Яворскаго были скоро изучены, къ великому изумленію сельскихъ поповъ; чертежи Ганнибала перечерчены: по чертежамъ кое-какъ усвоенъ и математическій текстъ. Истощивъ всѣ эти рессурсы, Болотовъ принялся списывать Телемака съ печатнаго экземпляра и списалъ его всего; списалъ и любимыя житія святыхъ. Затѣмъ оставалось только вернуться къ двумъ иностраннымъ грамматикамъ и къ географіи, но этого даже терпѣніе Болотова не выдержало: повертѣвъ нѣсколько разъ въ рукахъ, онъ ихъ бросилъ. Дошла и до деревенскаго захолустья вѣсть о новомъ необыкновенно интересномъ романѣ, «Аргенидѣ» (Барклая, перев. Тредьяковскаго, въ отвѣтъ на извѣстный намъ вызовъ академіи), гдѣ «все можно найтить—и политику и нравоученіе и пріятность и все и все». Но этой заманчивой новинки въ деревнѣ получить было нельзя. На счастье Болотова, ему минуло шестнадцать лѣтъ: надо было собираться въ полкъ, на службу. По пріѣздѣ въ Петербургъ, первый выходъ Болотова былъ въ академическую книжную лавку, гдѣ онъ нашелъ не только вожделѣнную «Аргениду», но и только что вышедшаго тогда въ русскомъ переводѣ «Жиль-Блаза» Лесажа. Съ третьимъ знаменитымъ тогда романомъ, «Житіемъ Клевеланда, философа англійскаго» аббата Прево, Болотовъ познакомился вскорѣ уже въ нѣмецкомъ переводѣ не дожидаясь русскаго, вышедшаго въ 1760 г.

Эти шесть лѣтъ (1749 — 1755) изъ біографіи русскаго читателя новаго типа лучше всего могутъ объяснить намъ, почему современное литературное движеніе могло возникнуть только въ столицахъ и только въ той удобной для самообразованія обстановкѣ, какую создавало товарищеское общеніе между учениками высшихъ учебныхъ заведеній. Такой характеръ среды, въ которой совершалось новое движеніе, предопредѣлилъ и его формы. Формы эти были тѣ же, какія и теперь можно встрѣтить среди учащейся молодежи среднеучебныхъ заведеній: началось любительскими спектаклями, продолжалось литературными упражненіями въ кружкахъ самообразованія, кончилось созданіемъ литературныхъ журналовъ. Особенность момента была та, что эти ученическія упражненія оказались передовыми, піонерскими для цѣлой Россіи. При этомъ условіи ученическій спектакль послужилъ основой

на которой возникъ первый русскій театръ, а ученическій журналъ положилъ начало русской періодической прессѣ.

Правда, петровское время и здѣсь предупредило елизаветинское. Но петровскія попытки и въ данномъ случаѣ оказались безуспѣшными по той же причинѣ, по которой кончилось неудачей и его книгоиздательство. Черезчуръ еще неподготовленному обществу была предложена слишкомъ канцелярскимъ путемъ совершенно неудобоваримая пища.

Театръ царя Алексѣя былъ случайнымъ эпизодомъ, не оставившимъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, притомъ московскіе спектакли XVII вѣка, были доступны только царской семьѣ и немногимъ придворнымъ. Петръ Великій задумалъ создать общедоступный театръ и нашелъ для него мѣсто на Красной площади. Вопреки пассивному сопротивленію посольскихъ дьяковъ, въ 1702 г. отстроена была на площади помѣстительная «комедіальная храмина». Тогда же выписана была изъ Германіи труппа актеровъ, подъ управленіемъ Кунста, котораго замѣнилъ послѣ его смерти (1703) Фюрстъ. Два раза въ недѣлю давались представленія; указомъ 1705 г. приказывалось «смотрящимъ всякихъ чиновъ людямъ россійскаго народа и иноземцамъ ходить» на представленія «повольно и свободно безъ всякаго опасенія». Разрѣшено даже не запирать городскихъ воротъ въ день представленія до 9 часовъ; съ проходящихъ не бралось пошлины, для того, чтобы «смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно». Уже въ 1704 году отданные для выучки Кунсту подъячіе и посадскіе (10 чел.) начали давать представленія по-русски, а въ 1705 г. только русскіе спектакли и давались. Все это, однако, не привлекло въ театръ значительной публики. Судя по цифрамъ сборовъ, въ самые удачные лѣтніе дни число посѣтителей не превышало 400, обыкновенно же эта цифра была гораздо ниже, а зимой спускалась иногда до 25. Уже въ 1707 г. спектакли прекратились; «комидійная храмина» на Красной площади была заброшена, а театральная обстановка взята царевной Натальей, для ея домашняго театра въ Преображенскомъ. Такое быстрое охлажденіе любопытства, не успѣвшаго развиться въ прочный интересъ къ театру, въ значительной степени объясняется самымъ характеромъ репертуара. Полтора десятка пьесъ, перешедшихъ на московскую сцену изъ репертуара нѣмецкихъ странствующихъ актеровъ, могли привлекать публику только шутовскими интермедіями да раздирательными сценами убійствъ и отравленій, которыми была такъ богата модная нѣмецкая пьеса того времени. Все, что выходило изъ этихъ рамокъ балагана, высокія чувства и нѣжныя любовныя объясненія совершенно пропадали въ неуклюжемъ переводѣ посольскихъ подьячихъ. Эти невольные переводчики по служебной обязанности—терялись передъ непривычной и невозможной задачей—передать прозой посольскаго приказа вычурныя фразы нѣмецкой торжественной трагедіи и живой діалогъ Мольера. Какое, напр., впечатлѣніе на зрителя могло произвести страст-

ное любовное объясненіе, веденное въ такихъ выраженіяхъ, какъ слѣдующія: «Удовольствованія полное время, когда мы веселость весны безъ препятія и овощь любви безъ зазрѣнія употреблять могли. Пріиди, любовь моя! Поволь черезъ смотрѣніе нашихъ цвѣтовъ очеса и чрезъ изрядное волненіе чувствованія нашего наполнить» и т. д.? Или вотъ во что обращался въ подъяческихъ рукахъ игривый разговоръ Юпитера съ Алкменой (въ «Амфитріонѣ»): «Во мнѣ, милая и любимая Алкмена, ты видишь мужа и любителя; кромѣ любительнаго имени не хочу я себѣ дати, хотя я съ тобою вмѣсто мужа пребывалъ. И той любитель твоей воли съ ревностію желаетъ, дабы твое сердце къ нему одному склонилось, а страданія того не хочетъ, что именемъ мужъ даетъ». Эти пудовыя фразы составляютъ плодъ безуспѣшной борьбы переводчика съ слѣдующими строками Мольера:

En moi, belle et charmante Alcmène,
Vous voyez un mari, vous voyez un amant;
Mais l'amant seul me touche, à parler franchement:
Et je sens, près de vous, que le mari le gêne.
Cet amant, de vos veux jaloux au dernier point,
Souhaite, qu'à lui seul votre coeur s'abondonne,
Et sa passion ne veut point
De ce que le mari lui donne.

Это сопоставленіе одно можетъ показать, насколько безжизненъ былъ русскій театръ петровскаго времени.

Въ полуиностранномъ Петербургѣ конца петровскаго царствованія кое-какъ влачила существованіе вольная нѣмецкая труппа, спектакли которой преимущественно посѣщались дворомъ; кромѣ придворныхъ «изъ русскихъ никто не ходилъ смотрѣть ихъ, а изъ иностранцевъ также бывали немногіе (Берхгольцъ)». Послѣ Петра придворный спектакль вошелъ въ обиходъ придворной жизни; но это была не трагедія и комедія, а опера и балетъ. Композиторъ — итальянецъ, Франческо Арайа, составилъ изъ придворныхъ пѣвчихъ оперный хоръ, а въ роли танцоровъ явились воспитанники шляхетскаго корпуса, гдѣ, какъ мы знаемъ, хореографическое искусство преподавалось успѣшнѣе всѣхъ наукъ въ рукахъ Landet. Maître Landet хвалился даже впослѣдствіи, «что нигдѣ въ Европѣ не танцовали менуэта съ большей граціей, чѣмъ при петербургскомъ дворѣ». Въ концѣ царствованія Анны появилась, помимо итальянской оперы, и нѣмецкая драматическая труппа подъ дирекціей Нейбурга. Если вспомнимъ, что послѣ танцевъ всего больше учились въ корпусѣ нѣмецкому языку, то естественно будетъ предположить, что и представленія нѣмецкой труппы не прошли для кадетъ безслѣдно. При Елизаветѣ Арайа и Ландé сохранили свое положеніе, но на смѣну Нейбургу явилась французская драматическая труппа Сериньи, въ составѣ которой было нѣсколько актеровъ изъ Comédie française.

Это было послѣднимъ толчкомъ, вызвавшимъ подражаніе со стороны корпусной молодежи. Корпусъ далъ двору танцоровъ, ему предстояло теперь дать актеровъ и драматурговъ. Помимо интереса къ дѣлу, тутъ было замѣшано самолюбіе и выгода: за Чеглоковымъ, сдѣлавшимъ карьеру танцами при Аннѣ, слѣдовалъ Бекетовъ, впервые привлекшій вниманіе Елизаветы исполненіемъ роли «Хорева».

Въ 1749 г., какъ извѣстно, разыграны были въ корпусѣ, одна за другой, четыре оригинальныя пьесы Сумарокова: «Хоревъ», «Гамлетъ», «Синавъ» и «Артистона». Въ февралѣ слѣдующаго 1750 г. кадеты повторили «Хорева» на сценѣ Зимняго дворца; затѣмъ, въ теченіе года они дали еще пять придворныхъ спектаклей. Однако же, на постоянное профессіональное участіе въ спектакляхъ—такихъ любителей-кадетъ, какъ князь Мещерскій, графъ Бутурлинъ или баронъ Остервальдъ, разсчитывать было нельзя. Разъ забава становилась постоянною, надо было организовать спеціальную труппу. Въ ходъ были пущены старыя средства: въ мартѣ 1752 г. семеро придворныхъ пѣвчихъ отданы «для обученія наукамъ», т.-е. для пріобрѣтенія культурной внѣшности, въ шляхетскій корпусъ; за ними черезъ нѣсколько дней поступили въ корпусъ еще двое «ярославцевъ», — посадскихъ изъ провинціальной любительской труппы, доставленной, волею императрицы, въ полномъ составѣ на казенный счетъ въ столицу. Это были Дмитревскій и Поповъ; братья Ѳ. и Григ. Волковы, повидимому, поѣхали съ дворомъ въ Москву (1753 г.) и только по возвращеніи оттуда тоже опредѣлены въ шляхетскій корпусъ (январь 1754). По сосѣдству съ корпусомъ, на мѣстѣ теперешней Академіи художествъ, въ домѣ Головина будущіе актеры должны были практиковаться въ представленіяхъ. Наконецъ, въ 1756 г. обученіе пѣвчихъ и «комедіантовъ», отданныхъ въ корпусъ, закончилось; осенью этого года русскій театръ былъ учрежденъ оффиціально, а 5 мая 1757 г. дано «первое представленіе для народа вольной трагедіи русской за деньги». Въ томъ же году учрежденъ русскій театръ въ Москвѣ подъ управленіемъ Хераскова—тоже воспитанника корпуса. Однако, свободное посѣщеніе театра петербургской публикой продолжалось не долго: въ 1761 г. возстановленъ былъ старый порядокъ раздачи мѣстъ по чинамъ. Только при Екатеринѣ, съ постройкой новаго зданія (на мѣстѣ теперешняго Большого театра) открылось въ Петербургѣ вновь «публичное русское комедіальное зрѣлище» (1783 г.). Такой длинный перерывъ (1761—83) далъ, какъ увидимъ, Москвѣ преимущество въ развитіи театральныхъ вкусовъ.

Шляхетскій корпусъ, такъ много сдѣлавшій для устройства русскаго театра, далъ ему и репертуаръ. Въ первое время игрались исключительно произведенія Сумарокова; съ 1757 года къ нимъ присоединились переводы, сдѣланные воспитанниками. Въ этомъ году поставлены были на сцену, въ переводахъ Кропотова, Нартова и Елагина, 6 комедій Мольера, по одной — Гольдберга, Лафона, Сенъ-Фуа;

въ 1758 еще двѣ комедіи Мольера (перев. Свистунова и Чаадаева), по одной Леграна (А. Волковъ) и Детуша (А. Нартовъ), двѣ итальянскихъ (Булатницкаго и Карина). Какъ видимъ, начало театра вызвало усиленную литературную работу въ корпусѣ. Продукты этой работы стояли несравненно выше переводовъ петровскихъ подъячихъ. Искусственность и приподнятость сумароковскихъ трагедій не только не мѣшали публикѣ наслаждаться ими, но вполнѣ соотвѣтствовали модному вкусу. Офицерская молодежь знала наизусть эффектные монологи и, подражая актерамъ, любила «прокрикивать стихи и съ жестами дѣлать декламаціи (Болотовъ)». Дмитревскій и Троепольская производили такого рода декламаціей огромное впечатлѣніе на публику въ пьесахъ Сумароковскаго репертуара. Трагическая коллизія у Сумарокова была всегда—любовнаго характера: даже «непросвѣщеннаго» Шекспира онъ передѣлалъ на свой ладъ, выдвинувъ на первый планъ въ числѣ психологическихъ мотивовъ гамлетовскаго колебанія—его страсть къ Офеліи, а изъ Полонія, отца возлюбленной, сдѣлавъ главнаго соучастника въ убійствѣ отца Гамлета и, слѣдовательно, предметъ его мщенія. Такъ было понятнѣе и чувствительнѣе въ глазахъ современной публики. Но увы, поклонникъ классической трагедіи, явившій театръ Расиновъ россамъ, не сознавалъ, что, выдвигая такъ сильно любовь, онъ уже измѣняетъ основному принципу классической трагедіи—выводить лишь исключительныхъ людей и исключительныя чувства. Положеніе было тѣмъ опаснѣе для Сумароковской теоріи, что ложноклассицизмъ водворялся у насъ на сценѣ въ то самое время, когда въ Европѣ онъ изгонялся съ нея, уступая мѣсто изображенію обыкновенныхъ людей и обыкновенныхъ чувствъ въ мѣщанской драмѣ. Произведенія этого рода попадали на русскую сцену одновременно съ сумароковскими подражаніями Корнелю и Расину, Естественно, что русская публика, непосвященная въ тонкости европейской литературной борьбы смѣшала Сумарокова въ представителями новаго, болѣе живого направленія, а старое, формалистическое, мертвое направленіе ложнаго классицизма—олицетворила въ «одѣ», какъ литературномъ жанрѣ, и въ Ломоносовѣ, какъ его оффиціальномъ представителѣ. Споръ о томъ, кто выше, Ломоносовъ или Сумароковъ, и что лучше, ода или трагедія,— сдѣлался модной темой литературнаго разговора: разумѣется, молодое поколѣніе отдавало предпочтеніе трагедіи и Сумарокову. Въ Россіи, навѣрное, было извѣстно мѣсто изъ «La Critique de l'école des femmes», въ которомъ Мольеръ, одинъ изъ первыхъ, подвергъ рѣзкой критикѣ искусственность ложноклассической трагедіи. «Гораздо легче витать въ сферѣ высокихъ чувствъ, бросать въ стихахъ вызовъ счастью, осыпать обвиненіями судьбу, поносить боговъ, чѣмъ проникать въ смѣшныя стороны человѣческой природы и заинтересовывать публику несообразностями повседневной жизни. Когда вы изображаете героевъ, вы дѣлаете это, какъ вамъ вздумается. Это совершенно произвольные образы,

въ которыхъ нечего искать сходства съ чѣмъ-нибудь дѣйствительнымъ... Но когда вы беретесь изображать дѣйствительныхъ людей, вы должны ихъ брать, какими они являются въ жизни. Необходимо, чтобы ваши созданія походили на дѣйствительность; ваша работа утратитъ всякое значеніе, если въ ней не узнаютъ типовъ современности». То что здѣсь говорится о преимуществахъ комедіи передъ трагедіей, въ Россіи повторялось относительно преимуществъ трагедіи надъ одой: при оффиціальности и, еще недавно, полной безсмысленности придворнаго одопѣнія даже классическая трагедія казалась самой жизнью и дѣйствительностью въ сравненіи съ одой. «Одистъ на своей лирѣ», говорилось въ «Адской Почтѣ» (1769), «говоритъ обыкновенно съ одними героями, а трагикъ со всѣми человѣками. Одинъ наполняетъ свое сочиненіе вымыслами, а другой истинными разсужденіями; тотъ летаетъ по воздуху, по небесамъ, а другой остается на землѣ; тотъ выдумываетъ, чего нѣтъ и чему иногда быть не можно, а сей и то, что есть, тонкостію своей разбираетъ; и ежели теперь больше въ свѣтѣ людей, чѣмъ героевъ, — то смѣю сказать, что трагедія полезнѣе оды... Трагику... можно скорѣе и больше сдѣлать людей, хорошо мыслящихъ, нежели одисту героевъ; а изъ сего и большинство пользы видно». Какъ видимъ, критикъ защищаетъ трагедію такими аргументами, которые собственно относятся къ мѣщанской драмѣ, и выдвигаетъ противъ оды обвиненія, которыя падаютъ всей своей тяжестью на саму классическую трагедію. Это характерное смѣшеніе трагедіи съ драмою наглядно отразилось въ пестротѣ репертуара, особенно замѣтной въ Москвѣ, въ херасковскомъ театрѣ, доступномъ для публики и болѣе свободномъ отъ личнаго вліянія Сумарокова и его классическихъ теорій. Знаменитая пьеса Бомарше довершила здѣсь торжество мѣщанской драмы, и напрасны были всѣ протесты Сумарокова противъ «скареднаго вкуса москвичей»; напрасны были жалобы на новый жанръ самому Вольтеру; напрасенъ былъ даже авторитетный отвѣтъ старика, скрывшаго собственныя колебанія подъ не совсѣмъ искреннимъ осужденіемъ этихъ piéces bâtardes, этого genre larmoyant, который avilit le cothurne. Общество продолжало у самого Сумарокова и его продолжателей, Княжнина, Озерова, Крюковскаго — цѣнить ту самую живую струю, которая окончательно побѣдила въ новомъ направленіи: живое человѣческое чувство. Никогда не переживъ самой эпохи господства подлиннаго, строгаго классицизма, общество готово было къ воспріятію новѣйшихъ теченій драматургіи. Такимъ образомъ, на русскую сцену скоро и безпрепятственно проникла и бытовая пьеса, какъ «Мельникъ» Аблесимова (1779), и настоящая комедія «типовъ современности», (Фонъ-Визинъ), сравнительно съ которой сама мольеровская комедія отходила въ Европѣ на второй планъ, какъ комедія абстрактныхъ общечеловѣческихъ типовъ: явилась и обличительная комедія имп. Екатерины и, наконецъ, пьеса съ политической тенденціей, при-

нятая одно время подъ личную защиту самой императрицей. 12 февраля 1785 г. въ Москвѣ дана была пьеса такого характера, принадлежавшая знаменитому нѣкогда писателю Николеву, «Сорена и Замиръ». Трагедія имѣла огромный успѣхъ; весь театръ плакалъ навзрыдъ о судьбѣ супруговъ, разлученныхъ злодѣемъ Мстиславомъ, россійскимъ царемъ, и погибшихъ насильственной смертью. Авторъ не пожалѣлъ красокъ для характеристики коварнаго Мстислава. Слѣдующіе стихи обратили на себя особенное вниманіе московскаго главнокомандующаго:

Изчезни навсегда, сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ;
Львя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца.

Главнокомандующій пріостановилъ дальнѣйшія представленія пьесы и отослалъ Екатеринѣ рукопись съ своими отмѣтками. «Удивляюсь,— отвѣчала Екатерина, — что вы остановили представленія трагедіи, какъ видно принятой съ удовольствіемъ всей публикой. Смыслъ такихъ стиховъ, которые вы замѣтили, никакого не имѣетъ отношенія къ вашей государынѣ. Авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью».

Естественно, что теперь и отношеніе къ театру со стороны публики было совершенно иное, чѣмъ прежде. Пьесы новаго направленія дѣйствовали на нее въ томъ же духѣ, какъ и новые переводные романы, но только театръ былъ гораздо доступнѣе книги и впечатлѣніе зрѣлища сильнѣе, чѣмъ впечатлѣніе чтенія. Театръ содѣйствовалъ, такимъ образомъ, развитію той «чувствительности», которая все болѣе и болѣе становилась маркой истиннаго образованія. «Петиметры» и «щеголихи» посѣщали его вначалѣ изъ моды; потомъ это вошло въ привычку и, наконецъ, сдѣлалось потребностью культурной жизни. Конечно, особый успѣхъ все еще имѣли въ обширныхъ кругахъ публики пьесы, дѣйствовавшія не на чувствительность, а на смѣшливость, или пьесы народнаго быта, доступныя для самыхъ низменныхъ слоевъ мѣщанства. Аблесимовскій «Мельникъ» выдержалъ, по сообщенію Крылова (въ «Зрителѣ»), болѣе 200 полныхъ представленій въ демократическомъ московскомъ театрѣ. Болѣе тонкая петербургская публика все же смотрѣла его 27 разъ подрядъ въ вольномъ театрѣ Книппера (начало 80-хъ гг.).

Мы вышли за предѣлы характеризуемаго періода, чтобы не возвращаться къ исторіи театра въ слѣдующую эпоху, когда наше вниманіе будетъ занято болѣе сложными проявленіями русской общественности. Подготовку къ этимъ болѣе сложнымъ явленіямъ мы найдемъ, въ предѣлахъ елизаветинскаго времени, не столько въ исторіи театра, сколько въ исторіи русской періодической печати. Первые рус-

скіе журналы (конца 50-хъ и начала 60-хъ гг.) покажутъ намъ русскую общественную мысль въ состояніи наибольшей зрѣлости, какой она могла достигнуть, оставаясь на школьной скамьѣ тогдашнихъ высшихъ учебныхъ заведеній или только-что сойдя съ этой скамьи.

Академическій университетъ и здѣсь, какъ въ дѣлѣ книгоиздательства, положилъ начало, и самый толчокъ къ изданію перваго популярнаго журнала данъ былъ тѣмъ же событіемъ академической жизни, которое вызвало оживленіе дѣятельности переводчиковъ въ новомъ, болѣе популярномъ направленіи: новымъ уставомъ и новымъ президентомъ. Для перваго редактора и первыхъ сотрудниковъ русскаго журнала—ихъ дѣятельность была службой, которую они обязаны были отправлять по приказанію графа К. Г. Разумовскаго. Обязательные сотрудники назначены были изъ числа академическихъ студентовъ съ жалованьемъ 100—150 р. въ годъ. Обязательнымъ редакторомъ сдѣланъ былъ историкъ Миллеръ, отъ личной энергіи котораго и личныхъ знаній зависѣло и направленіе, и успѣхъ журнала. Когда Миллеръ переведенъ былъ на службу изъ Петербурга въ Москву, то и журналъ прекратился, послѣ десятилѣтняго существованія (1755—1764).

За этотъ промежутокъ времени «Ежемѣсячныя сочиненія» Миллера успѣли, однако, вызвать къ дѣятельности цѣлый кружокъ добровольныхъ сотрудниковъ. Добровольцами явились опять извѣстные намъ воспитанники шляхетскаго корпуса (Сумароковъ, Елагинъ, Нартовъ, Херасковъ, Порошинъ). Втянувшись, при посредствѣ спектаклей и театра, также и вообще въ литературные интересы, они составили между собой цѣлое общество любителей русской словесности. Здѣсь читались литературные опыты сочленовъ; отсюда они переходили въ редакцію «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ начала миллеровскаго журнала молодежь рѣшила завести свой собственный органъ. Журналъ кадетъ («Праздное время, въ пользу употребленное»)—первый журналъ въ Россіи, заведенный частными лицами,—издавался въ типографіи корпуса и просуществовалъ два года (1759—1760), выходя еженедѣльно. Одновременно съ нимъ Сумароковъ издавалъ свой особый журналъ, «Трудолюбивую пчелу», прекратившійся на первомъ году (1759). Наконецъ, членъ того же кружка, Херасковъ, вмѣстѣ съ театромъ перенесъ въ Москву и изданіе литературныхъ журналовъ. Новый составъ сотрудниковъ скоро подобрался здѣсь изъ воспитанниковъ, только-что открытаго Московскаго университета. При дѣятельномъ участіи университетской молодежи Херасковъ издавалъ одинъ за другимъ два журнала: «Полезное увеселеніе» (дек. 1760—іюнь 1762) и «Свободные часы» (1763). Наконецъ, въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ отдѣльные сотрудники Хераскова дѣлали попытки выступить съ собственными журналами однороднаго характера («Невинное упражненіе» Богдановича въ 1763 и «Доброе намѣреніе» Санковскаго въ 1764).

Уже самыя заглавія сближаютъ перечисленные журналы въ одну общую семью. Характеръ ихъ, дѣйствительно, одинаковъ, также какъ и стремленія, одушевлявшія ихъ участниковъ, несомнѣнно, одни и тѣ же. Но, всматриваясь внимательнѣе въ особенности отдѣльныхъ журналовъ, не трудно замѣтить въ смѣнѣ главныхъ изъ нихъ признаки быстраго внутренняго роста. На этомъ ростѣ еще важнѣе остановиться, чѣмъ на общей характеристикѣ названныхъ журналовъ.

«Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія» носятъ двойственный характеръ. Миллеръ является въ нихъ, съ одной стороны, спеціалистомъ-историкомъ, съ другой—посредникомъ между русскими читателями и современной ему европейской журналистикой. Какъ историкъ, онъ загромождаетъ свой журналъ массой сырого матеріала, сдѣлавшаго «Ежемѣсячныя сочиненія» слишкомъ тяжелымъ чтеніемъ для того времени и сохранившаго за ними до сихъ поръ нѣкоторый интересъ для спеціалистовъ Какъ проводникъ европейской журналистики, Миллеръ даетъ точный сколокъ съ безчисленныхъ гамбургскихъ, ганноверскихъ, лейпцигскихъ и т. д. «сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ». Прототипомъ всѣхъ ихъ были знаменитые журналы Аддисона и Стиля: «Болтунъ», «Зритель» и «Опекунъ». Число подражаній этимъ англійскимъ журналамъ доходило въ Германіи къ 1760 г. до 180.

Въ этихъ иностранныхъ образцахъ и источникахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» типъ перваго русскаго журнала былъ уже предопредѣленъ. Это была отвлеченная и потому черезчуръ блѣдная мораль, улавливавшая только общіе психологическіе мотивы человѣческихъ страстей, бичевавшая только ярлыки пороковъ, претендовавшая на рѣшающій голосъ въ вопросахъ житейской мудрости и съ завидною самоувѣренностью хозяйничавшая въ сферѣ тѣхъ прописныхъ правилъ и наблюденій, тѣхъ «среднихъ аксіомъ», въ самой формулировкѣ которыхъ обыкновенно гнѣздится наибольшее количество логическихъ ошибокъ. Пословица и аллегорія были любимою формой этого нравоученія, удачно скрывавшей, даже и отъ самихъ авторовъ, грозившіе имъ на всякомъ шагу ихъ моралистическихъ разсужденій логическіе провалы. Впрочемъ, нравоучительные журналы и не хотѣли быть школой строгаго мышленія; ихъ цѣль была совсѣмъ другая—самосовершенствованіе, господство разума надъ страстями. Они ставили себѣ также цѣлью—исправленіе и воспитаніе нравовъ. Въ заключеніи одной изъ переводныхъ статей «Празднаго Времени» (I, 168) эти цѣли формулированы очень характерно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Разсужденія о нравоученіи и натурѣ человѣческой суть наилучшіе способы для приведенія ума нашего къ совершенству и для снисканія точнаго понятія о себѣ самомъ, слѣдовательно, и для освобожденія нашихъ душъ отъ пороковъ невѣжества и предразсужденій, которымъ они подвержены. Вотъ то намѣреніе, которое предпріялъ я въ моихъ разсужденіяхъ, и надѣюсь,

что они могутъ нѣсколько вспомоществовать къ исправленію нашихъ нравовъ. По крайнимъ образомъ должно признаться, что предпріятіе мое похвально, какимъ бы образомъ я оное ни исполнялъ».

Изъ переводныхъ «разсужденій» такого рода, на моральныя темы, и состоитъ исключительно проза «Ежемѣсячныхъ сочиненій», если оставить въ сторонѣ ихъ главное содержаніе: статьи и матеріалы спеціальнаго характера по русской и азіатской исторіи и географіи. 17 нравоучительныхъ статей переведено прямо изъ англійскихъ журналовъ, болѣе дюжины изъ нѣмецкихъ. Оригинальны въ первомъ русскомъ журналѣ только стихи, ихъ въ изобиліи поставляетъ Сумароковъ (123 стихотворенія), за которымъ слѣдуютъ Херасковъ (21) и нѣсколько менѣе значительныхъ поэтовъ шляхетскаго корпуса (А. Нартовъ, А. Демидовъ, Сем. Нарышкинъ, И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ).

Изъ источниковъ, указанныхъ Миллеромъ, въ изобиліи черпалъ и первый самостоятельный журналъ молодежи, «Праздное время, на пользу употребленное». Исторія въ немъ безусловно отсутствовала, за исключеніемъ нѣсколькихъ страничекъ «Краткаго извѣстія о коммерціи между Россіей и Турціей», представлявшаго какъ бы визитную карточку Миллера въ молодую редакцію, и большой статьи о Донъ-Карлосѣ, но съ содержаніемъ совершенно романическимъ. Стиховъ тоже было очень мало. Корпусная молодежь «употребляла на пользу свое праздное время» исключительно въ видѣ переводовъ нравоучительныхъ статей: переводы не всегда свидѣтельствовали о полномъ знаніи языковъ (нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго, англійскаго, датскаго, латинскаго и греческаго); стиль былъ иногда тяжелъ и запутанъ; но большей частью молодежь удачно разрѣшала не легкую задачу: создать удобопонятный русскій философскій языкъ. При отсутствіи оригинальныхъ статей, объ интересахъ и взглядахъ переводчиковъ можетъ свидѣтельствовать только выборъ ими темъ для перевода. На пространствѣ четырехъ книжекъ «Празднаго времени» и двухъ лѣтъ изданія журнала можно замѣтить, какъ мало-по-малу вниманіе переводчиковъ, сперва разсѣянное въ обширномъ кругѣ нравственно-психологическихъ вопросовъ, мало-по-малу фиксируется на темахъ, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ русской дѣйствительности. Въ первый годъ изданія молодежь занимаютъ темы общіе и отвлеченно-этическія *). Во второй

*) Для наглядности приведемъ списокъ большинства этихъ статей 1759 года. О надеждѣ; о пространствѣ разума и предѣлахъ онаго (авторъ сходитъ на вопросъ объ умѣренности, какъ слѣдствіи самопознанія, и идеализируетъ довольство крестьянина); о чести (точка зрѣнія утилитарная); о ревности; о ученіи (практическая необходимость стоять на уровнѣ современнаго знанія); о душевномъ спокойствіи и о безумныхъ людскихъ желаніяхъ; о дѣйствіяхъ добраго и худого воспитанія (отношеніе разума къ страстямъ); о предѣлахъ дружества; о двухъ путяхъ, по которымъ человѣкъ въ сей временной жизни послѣдуетъ (пріятное здѣсь противополагается полезному); о излишнихъ желаніяхъ; о счастьи и несчастьи (слѣдуй своей природѣ); человѣческая жизнь подобна опасному путешествію; разсужденія

годъ встрѣчаемъ рядъ переводныхъ статей, которыя кажутся оригинальными: до такой степени они вводятъ насъ въ кругъ вопросовъ, извѣстныхъ изъ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени. Во главѣ ихъ стоитъ вопросъ «о позволеніи сатиры», такъ горячо дебатировавшійся въ Екатерининскихъ журналахъ; въ «Праздномъ времени» онъ рѣшается въ самомъ либеральномъ смыслѣ. Прежде всего, не всякое зубоскальство есть сатира. «Лизетта коситъ глазами»: надъ этимъ можетъ упражнять свое остроуміе какой-нибудь шутникъ въ веселой компаніи; но до этого «нѣтъ дѣла сатирѣ». Вотъ, когда «Лизетта бросаетъ косые свои взоры съ безстыдною дерзостію въ компаніяхъ», тогда она становится достойнымъ предметомъ сатиры обязанность которой «представлять *пороки* смѣшными и причинять въ людяхъ омерзѣніе къ онымъ». Невѣрно, что сатира безполезна [или опасна. «Хотя сатира не всегда поправляетъ порочнаго; однако, удерживаетъ другихъ быть порочными». Опасность же грозитъ только такому неосторожному безумцу, «кто сталъ бы говорить при всякомъ случаѣ правду». Рекомендуя осторожность, статья однако прямо допускаетъ возможность личностей въ сатирѣ. «Не почитаю я достойными наказанія тѣхъ, кои при сочиненіи сатиры мысли свои на нѣкоторое лицо обращаютъ. Мысли, изъясненія и все сочиненіе бываетъ гораздо живѣе, имѣя предъ собою подлинникъ. Они не хулятъ тогда лицо, но порокъ, который онъ имѣетъ». Такъ подготовлялось, уже при Елизаветѣ, настроеніе, отразившееся въ сатирѣ новиковскихъ журналовъ.

Близко напоминаютъ русскую дѣйствительность и отдѣльныя темы сатиры въ выбираемыхъ теперь для перевода статьяхъ. Такова, напр., характеристика дворянина въ статьѣ, переведенной съ нѣмецкаго кадетомъ П. Пастуховымъ *). «Скажите мнѣ, г. дворянинъ,—обращается сатирикъ къ своей жертвѣ,—что вамъ милѣе, лошадь ли ваша или жена, лягавая ли собака или сынъ?... Я съ нижайшимъ моимъ почтеніемъ помню ту ярмарку, на которой вы купили сѣрую въ яблокахъ лошадь. Вы требовали полезныхъ совѣтовъ у всѣхъ вашихъ пріятелей и имѣли три дня сроку, прежде нежели могли вознамѣриться къ сей хорошей покупкѣ, и теперь такъ вы ей радуетесь, что нѣсколько

о молчаливости; хуже ли сталъ свѣтъ прежняго (отвѣтъ отрицательный, при чемъ особенно подчеркивается искорененіе суевѣрій); счастье не отъ насъ зависитъ; о честолюбіи; о порицаніи; о славѣ; о худыхъ слѣдствіяхъ злой и о прибыткахъ доброй совѣсти; о вкусѣ; о воспитаніи дочерей (передовая точка зрѣнія), о добромъ употребленіи страстей; о ненависти и враждѣ; о благодѣяніяхъ; о неблагодарности: о привидѣніяхъ («не смѣю отрѣшить всѣ такія исторіи»); о примиреніи; о избраніи сообщества; о человѣческой жизни (доказательства существованія будущей жизни); запрещенное охотнѣе исполняютъ; о жестокосердіи (съ декламаціей противъ тирановъ).

*) Будущимъ членомъ екатерининской коммиссіи училищъ, руководившимъ составленіемъ учебниковъ.

часовъ сряду говорите о свойствахъ своей лошади. О женѣ же вашей вы говорите тѣмъ менѣе и весьма довольны, когда и другіе вамъ про нее не напомнятъ. Вы женились на ней безъ дальняго размышленія, не зная ея точно,—да и по сіе время еще ея не знаете... (Сынъ вашъ) подростаетъ,... вамъ надобно содержать для него учителя. Ученъ чтобъ онъ не былъ,... ему надобно учиться языкамъ, фехтовать и танцовать; вамъ надобно отдать его въ чужіе люди, чтобы сложилъ онъ деревенскій свой обычай. О,... я, съ моей стороны, почитаю все сіе совсѣмъ за ненужное: я знаю довольно древнее ваше шляхетство. Ему въ самомъ дѣлѣ не надобно сихъ педантствъ. Но дворъ,...— конечно худо, да уже такъ сдѣлано,—дворъ хочетъ, чтобы дѣти наши еще къ важнѣйшему могли быть употреблены, кромѣ того, чтобы умѣли ловить только зайцевъ... (Тратя съ сожалѣніемъ деньги на обученіе сына, дворянинъ не жалѣетъ ихъ на дрессировку собакъ)... Истинно, я... отгадалъ, что лошадь и собака милѣе вамъ жены и сына. Какъ благородно думаете ваше благородіе! Сколь превосходно разсужденіе ваше предъ подлыми предразсужденіями нешляхетнаго народа!» И сатирикъ сообщаетъ затѣмъ читателямъ біографію своего героя. «У него все натура. Отецъ его—старикъ добрый и такъ же незнающъ, какъ и его родители, былъ истиннымъ украшеніемъ своей деревни, когда пивалъ съ своими сосѣдями. Нашему дворянину не недоставало ни пищи, ни питья, коими милосердое попеченіе неба такъ его благословило, что онъ уже на восьмомъ году былъ твердаго и крѣпкаго сложенія. Потомъ засадилъ его отецъ на лошадь. На девятомъ году застрѣлилъ сей надеждою преисполненный сынъ перваго зайца—къ увеселенію всей высокой фамиліи. Сіе кавалерское упражненіе продолжалъ онъ до двѣнадцатаго года, какъ отецъ вознамѣрился дать ему столько наставленія, чтобы умѣлъ онъ подписать свое имя и прочесть, что написано. Учитель мучился съ нимъ цѣлый годъ: онъ уже въ обѣихъ сихъ наукахъ далеко дошелъ, какъ отецъ умеръ. Теперь все педантство кончилось. Опекуны не хотѣли употреблять на то болѣе иждивенія, и въ самомъ дѣлѣ было уже непристойно ходить въ школу такому знатному дворянину. Что помѣщику знать надобно было, то зналъ уже онъ по ихъ мнѣнію. Онъ умѣлъ ѣсть, пить, спать, ѣздить, ходить на охоту, бить крестьянъ, повелѣвать попамъ, роптать на дворъ и спать съ дѣвушкою; и для того, назвавши себя взрослымъ, вступилъ самъ во владѣніе и женился. Думали ли, чтобы господинъ дворянинъ, при семъ воспитаніи, былъ тотъ, котораго сосѣди за хорошій столъ любятъ, удивляются, видя у него хорошихъ лошадей и собакъ, какъ разумному мужу,—и чтобы за неосторожность, съ которою онъ за столомъ противъ правительства негодуетъ, почитали его за сына отечества? Конечно бы не имѣлъ онъ всѣхъ сихъ преимуществъ, если бы родился побѣднѣе и воспитанъ былъ рачительнѣе!»

Переводчики нѣсколько разъ возвращаются къ подобнымъ темамъ,

какъ бы указывая этимъ, что выборъ не случаенъ *). Но, вообще говоря, такія темы составляютъ въ «Праздномъ времени» исключеніе изъ извѣстнаго намъ обычнаго типа.

«Трудолюбивая Пчела» Сумарокова (1759) несравненно богаче оригинальными статьями **), особенно стихотвореніями; выборъ переводовъ разнообразнѣе (много переводовъ изъ классиковъ: Овидія, Горація, Тита Ливія, Лукіана, Эсхина) и стиль переводовъ гораздо лучше. Но въ смыслѣ развитія общественной мысли, она стоитъ на одномъ уровнѣ съ «Празднымъ временемъ», прибавляя только новыя темы сатиры. Сумароковъ не избѣгаетъ нападенія на дворянскую смѣсь и невѣжество («Сатира»), но любимымъ предметомъ его сатирическихъ выходокъ служатъ взяточничество и крючкотворство приказныхъ, а затѣмъ щегольство «петиметровъ». Любопытно, однако, что самая яркая характеристика «петиметра», давшая матеріалъ и краски русской сатирѣ, является въ журналѣ переводомъ съ датскаго, «изъ Гольберговыхъ писемъ». Довольно естественно, что вызвали наибольшее сочувствіе дворянскихъ читателей «Пчелы» нападки на приказныхъ: въ журналѣ напечатано по этому поводу благодарственное письмо къ издателю отъ имени «нѣкотораго общества, которыхъ благородныя мысли отвѣтствуютъ знатости ихъ и благорожденію». Члены «благорожденнаго» общества «ненавидятъ порокъ лихоимства», и авторъ «не сомнѣвается», что «Сумароковъ устыдитъ и усовѣститъ тѣ подлыя души»,—«если въ нихъ еще какой-либо добродѣтели есть остатки», прибавляетъ онъ, впрочемъ, съ высоты «омерзѣнія черныхъ людей къ сему здѣшнему пороку».

Что касается поэзіи «Трудолюбивой Пчелы», она вся почти проникнута эротическимъ настроеніемъ, создавшимъ Сумарокову еще на школьной скамьѣ славу моднаго стихотворца любовныхъ романсовъ. Въ безчисленныхъ «элегіяхъ», «идилліяхъ» и «эклогахъ» воспѣваются игривыя похожденія пастуховъ и пастушекъ подъ тѣнью «сплетенныхъ древесъ», «на бережкахъ журчащихъ и по камышкамъ быстро текущихъ потоковъ». Нѣкоторые изъ романсовъ не лишены, впрочемъ, ни чувства, ни технической ловкости стиха ***).

---

*) О худомъ воспитаніи большихъ сыновей дворянъ, живущихъ въ деревнѣ; письмо слуги къ господину; о излишнемъ щегольствѣ и др.

**) Безразличнаго въ общественномъ смыслѣ содержанія: о пользѣ миѳологіи, о вопросахъ русскаго языка и грамматики.

***) Приведу для примѣра стихотвореніе дочери Сумарокова, напечатанное въ «Пчелѣ» отцомъ подъ своимъ именемъ и положенное еще раньше на музыку.

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь:
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, какъ много я ни тщусь.
Сердце тяжкимъ стономъ, очи токомъ слезнымъ
Извлекаютъ тайну муки сей:
Ты мое старанье сдѣлалъ безполезнымъ,
Ты, о хищникъ вольности моей!
Ввергнута тобою я въ сію злу долю;
Ты спокойный духъ мой возмутилъ,
Ты мою свободу превратилъ въ неволю,
Ты утѣхи въ горесть обратилъ.
И, къ лютѣйшей мукѣ, ты, того не зная,

Значительную разницу по содержанію и тону представляетъ первый органъ московской университетской молодежи, сгруппировавшейся около Хераскова, — «Полезное увеселеніе», издававшееся три года (1760—1762). Прежде всего, эротическому элементу здѣсь отводится совершенно второстепенное мѣсто. Стиховъ, правда, очень много въ журналѣ Хераскова; но эти стихи, въ особенномъ изобиліи доставляемые юными поэтами А. Нарышкинымъ и А. Ржевскимъ, — при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются просто рифмованною прозой. Въ стихотворную форму передѣлываются здѣсь, одна за другой, тѣ самыя нравоучительныя разсужденія, съ которыми познакомили русскую публику предыдущіе журналы. Уже одно это переложеніе прозы въ стихи показываетъ, что сюжеты переводныхъ разсужденій начали сознательно восприниматься и перерабатываться въ умахъ только-что подросшаго поколѣнія молодежи. Сознательность видна и въ томъ особенномъ направленіи, съ которымъ эти старыя темы разрабатываются юношами. Во-первыхъ, у нихъ выдвигается на первый планъ та общая философско-этическая принципіальная подкладка, которая скорѣе предполагалась, чѣмъ прямо излагалась въ переводныхъ разсужденіяхъ. Московская молодежь разсказываетъ отъ себя въ стихахъ, со всей свѣжестью только что выученнаго урока, ту самую теорію естественнаго права, которую мы слышали отъ Татищева и которую одинъ изъ этихъ самыхъ студентовъ, сотрудниковъ Хераскова, изложилъ популярно въ первомъ русскомъ систематическомъ руководствѣ по естественному праву *). Юные поэты оправдываютъ человѣческія страсти и эгоизмъ, какъ вложенные въ человѣка высшею волей; считаютъ игру страстей залогомъ земного счастья и находятъ справедливымъ и законнымъ—пользоваться этимъ счастьемъ на землѣ; пессимизмъ кажется имъ грѣхомъ противъ Божества. Цѣлью жизни они готовы признать спокойствіе совѣсти на смертномъ одрѣ; а достиженіе этой цѣли зависитъ, по ихъ мнѣнію, отъ господства разума надъ страстями, отъ умѣреннаго пользованія радостями жизни, которое, въ свою очередь, вытекаетъ изъ познанія самого себя. Но вся

Можетъ быть, вздыхаешь о иной:
Можетъ быть, безплоднымъ пламенемъ сгорая,
Страждешь ею такъ, какъ я тобой.
Зрѣть тебя желаю, а, узрѣвъ, мятуся
И боюсь, чтобъ взоръ не измѣнилъ:
При тебѣ смущаюсь, безъ тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мнѣ милъ.
Стыдъ изъ сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыдъ:
Въ сей жестокой брани мой разсудокъ тмится,
Сердце рвется, страждетъ и горитъ.
Такъ изъ муки въ муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо я, чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь:
Знаю что всемѣстно плѣнна мысль тобою
Воображаетъ мнѣ твой милый зракъ:
Знаю, что, вспаленной страстію презлою
Мнѣ забыть тебя нельзя никакъ.

*) Сокращеніе естественнаго права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы россійскаго общества Владиміромъ Золотницкимъ. Спб. 1764.

эта система благоразумной умѣренности и широкаго эгоизма развивается совершенно на новый ладъ. Оказывается, что, по сердечному убѣжденію юныхъ поэтовъ, міръ есть тлѣнъ и суета, что нетлѣнна лишь добродѣтель и что добродѣтель сводится къ любви къ ближнему, къ другу; что любовь есть единственный способъ борьбы съ порокомъ и что цѣль жизни—есть истребленіе зла въ мірѣ и въ обществѣ посредствомъ подвига любви. Такимъ образомъ, начавъ тезисомъ изъ теоріи естественнаго права, сотрудники Хераскова постоянно кончаютъ свои стихотворныя тирады евангельскими призывами. Для иллюстраціи можно было бы процитировать цѣликомъ стихотворныя посланія, которыми обмѣнялись Нарышкинъ и Ржевскій въ январской книжкѣ 1861 г., если бы эти посланія не были такъ длинны, тягучи и безцвѣтны. Вмѣсто того, мы ограничимся другой характерной цитатой. У супруговъ Херасковыхъ былъ литературный салонъ, въ которомъ собирались журнальные сотрудники. У m-me Херасковой была слабость къ стихотворной игрѣ въ bouts rimés. Навѣрное, въ одинъ изъ этихъ вечеровъ она задала своимъ гостямъ четыре риѳмы, на которыя каждый долженъ былъ импровизировать по стихотворенію. Результаты этого поэтическаго состязанія какъ нельзя лучше характеризуютъ идеи, бродившія въ умахъ посѣтителей любезной хозяйки. Гости написали:

1) Что есть всему Творецъ, сомнѣнья не... имѣю,
Мнѣ сердце говоритъ... о немъ:
Но иначе любить я Бога не... умѣю,
Какъ только въ ближнемъ лишь... моемъ.

2) Не мучуся, что я богатства не... имѣю,
И не пекусь... о немъ:
Довольно, если я спокойнымъ быть... умѣю
Въ несчастіи моемъ.

3) Влюбяся я въ тебя, спокойства не... имѣю;
И потерявъ покой, хотя грущу... о немъ:
Но возвратить его, Клариса, не... умѣю,
Пріятность находя въ страданіи... моемъ.

Какъ видимъ, изъ трехъ поэтовъ только одинъ вспомнилъ о любви; другой воспользовался моралью естественнаго права, а третій выразилъ совершенно масонскую мысль.

Къ серьезной сторонѣ московскаго идейнаго движенія мы еще вернемся. Теперь отмѣтимъ только, что несмотря на очевидную наивность и непосредственность, а, можетъ быть, и благодаря этимъ чертамъ,—оно захватывало молодежь цѣликомъ, совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ модные романсы захватывали два предыдущихъ поколѣнія.

Такова была та высшая точка, на которую смогла подняться русская общественная мысль въ елизаветинскую эпоху. Но и эта ступень была

достигнута лишь небольшимъ кружкомъ лицъ, которыхъ можно было бы всѣхъ пересчитать по спискамъ высшихъ учебныхъ заведеній того времени. Этотъ кружокъ писалъ и печаталъ почти исключительно для самого себя. Академическій журналъ Миллера требовалъ отъ читателя довольно значительной научной подготовки; послѣдовавшіе за нимъ литературные журналы требовали привычки къ условностямъ модныхъ литературныхъ вкусовъ и формъ, а также—интереса къ отвлеченнымъ темамъ и навыка въ философскомъ языкѣ, только что тогда создавшемся. Естественно, что всѣ эти журналы не могли имѣть вліянія за тѣсными предѣлами собственнаго литературнаго круга. Ихъ задачей было—поддержать и укрѣплять интеллектуально-нравственные интересы въ тѣхъ кружкахъ, которыми они были созданы; а затѣмъ, когда общественная жизнь вышла на болѣе широкій просторъ, роль ихъ была сыграна, и они подверглись полному забвенію. Любопытно отмѣтить, что всѣ эти журналы никогда не переиздавались (за исключеніемъ сумароковской «Пчелы»), тогда какъ очень многіе журналы послѣдующаго періода перепечатывались по нѣскольку разъ. Ихъ кружковому характеру соотвѣтствовало и незначительное количество подписчиковъ, и взгляды издателей на свою роль. У «Ежемѣсячныхъ сочиненій», имѣвшихъ наибольшее распространеніе, никогда не было больше 700 подписчиковъ, а иногда эта цифра пàдала до 500. Остальные журналы имѣли и того меньше; очевидно, поэтому они составляютъ такую библіографическую рѣдкость, а уцѣлѣвшіе экземпляры часто носятъ надписи кого-нибудь изъ членовъ того же литературнаго круга. Издатель «Невиннаго Упражненія», объявляя о прекращеніи журнала послѣ полугодичнаго существованія, считаетъ это вполнѣ нормальнымъ и нисколько не думаетъ жаловаться на равнодушіе публики. Онъ просто ставитъ выходъ журнала въ тѣсную зависимость отъ удобствъ своего маленькаго круга сотрудниковъ и читателей. Журналъ прекращается потому, что наступило лѣто и «какъ издатели, такъ и тѣ, кои подписались брать нашъ журналъ, изъ Москвы разъѣхались». Издатели «сожалѣютъ, что далѣе полугода трудами своими жертвовать читателю не могутъ и съ чувствительной прискорбностью лишаются собственнаго своего утѣшенія». Такое отношеніе къ издательству какъ нельзя лучше подчеркиваетъ характеръ періода, когда русское просвѣщеніе ограничивалось кругомъ добрыхъ знакомыхъ, употреблявшимъ на пользу этого просвѣщенія лишь свои школьные годы и свое праздное время.

Пыпинъ, Исторія русской литературы, т. III, Спб. 1899. Проектъ Миниха въ «Русскомъ Архивѣ», 1865. О книгоиздательствѣ Петра и его времени см. *Пекарскаго*, Наука и литература при Петрѣ В. О новомъ направленіи издательства *его же*. Исторія Имп. Академіи Наукъ, Спб. 1870—1873. Тексты пьесъ петровскаго времени напечатаны *Тихонравовымъ*, Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг. 1874, 2 тома. См. *его же* статьи о русскомъ театрѣ во II т. Сочиненій.

П. Морозова, Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія, Спб. 1890. О последующемъ періодѣ исторіи русскаго театра, наиболѣе интересномъ, къ сожалѣнію, нѣтъ столь же обстоятельныхъ изслѣдованій. Le théatre en Russie depuis ses origines jusqu'à nos jours, раб. Pierre de Corvin (Круковскаго). Paris, 1890 г., 2-е изд. не отличается критичностью и не носитъ характера изслѣдованія по первоисточникамъ. Документальная статья *Лонгинова*, Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (до 1774 г.) даетъ только хронологическій остовъ (Сборникъ II отдѣленія Академіи Наукъ, т. XI, 1875). Литература о Сумароковѣ указана въ Русской поэзіи *С. А. Венгерова*, гдѣ собраны и лирическія произведенія Сумарокова, а также образцы поэзіи мелкихъ поэтовъ того времени и біографическія данныя о нихъ. Наличный составъ литераторовъ елизаветинской эпохи перечисленъ и характеризованъ еще Дмитревскимъ, въ его Извѣстіи о русскихъ писателяхъ (перепечатано въ матеріалахъ для исторіи русской литературы *П. Ефремова*). О борьбѣ мѣщанской драмы съ ложноклассической трагедіей во Франціи см. главу о драмѣ въ соч. *И. И. Иванова*, Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка, М. 1895. Библіографическое описаніе журналовъ XVIII в., съ перечнемъ статей и краткими свѣдѣніями о редакторахъ и сотрудникахъ см. въ Историческомъ разысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 Спб. 1875. *А. Н. Неустроева* и указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и къ предыдущему труду, *его же*. Спб. 1898. Содержаніе «Ежемѣсячныхъ сочиненій обстоятельно изслѣдовано *В. А. Милютинымъ* въ трехъ статьяхъ «Очерки русской журналистики». «Современникъ» 1851 г., т. XXV и XXVI. См. также *Пекарскаго*, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг. (Сборникъ II отдѣленія, т. II, 1867). Къ сожалѣнію, другіе перечисленные въ текстѣ журналы до сихъ поръ очень мало обращали на себя вниманія изслѣдователей. Краткія замѣчанія о журналахъ Хераскова см. у *Незеленова* въ Литературныхъ направленіяхъ екатерининской эпохи Спб. 1889. Нѣкоторыя свѣдѣнія о театрѣ и журналистикѣ елизаветинскаго времени, можно найти также въ Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII в. *Н. Майкова*, Спб. 1889 г.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ СТЕПИ.

1. Зарницы.

Зарницы ликъ, какъ сновидѣнье,
Блеснулъ—и въ темнотѣ исчезъ.
Но я увидѣлъ на мгновенье
Всю даль и глубину небесъ.
Тамъ въ горнемъ свѣтѣ встали горы
Изъ розоватыхъ облаковъ...
Тамъ градъ и райскіе соборы...
И снова черный палъ покровъ.
Вотъ задрожалъ и вспыхнулъ снова—
И снова блещущій восторгъ,
И мракъ томленія земного
Господь десницею расторгъ!..
Не также-ль въ радости случайной
Мечта взмахнетъ порой крыломъ—
И вдругъ блеснетъ небесной тайной
Все потонувшее въ быломъ?

2. Отрывокъ.

...Въ поздній часъ мы были съ нею въ полѣ...
Я несмѣло обнялъ станъ ея...
„Я хочу объятія до боли! —
Я хочу быть сильной, какъ змѣя!..“
Утомясь, она просила нѣжно:
„Убаюкай, дай мнѣ отдохнуть!
Не цѣлуй такъ крѣпко и мятежно,—
Положи мнѣ голову на грудь!..“
Звѣзды тихо искрились надъ нами.
Тонко пахло свѣжестью росы.

Ласково касался я устами
До горячихъ щекъ и до косы.
И она забылась. Разъ проснулась,
Какъ дитя, вздохнула въ полуснѣ,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалася ко мнѣ.
Ночь царила долго въ темномъ полѣ.
Долго милый сонъ я охранялъ...
А потомъ на золотомъ престолѣ,
На востокѣ, тихо засіялъ
Новый день,—въ поляхъ прохладно стало...
Я ее тихонько разбудилъ
И въ степи, сверкающей и алой,
По росамъ до дому проводилъ...

---

3. Курганъ.

Любилъ онъ ночи темныя въ шатрѣ,
Степныхъ кобылъ заливчатое ржанье,
И передъ битвой волчье завыванье,
И коршуновъ на сумрачномъ бугрѣ.
Нагую даль онъ осенью любилъ
И никогда не могъ насытить взора
Свободою пустыннаго простора
И широтою первобытныхъ силъ.
И жажду жизни силясь утолить,
Онъ за врагомъ скакалъ, какъ изступленный,
Чтобъ, дерзостью погони опьяненный,
Горячей кровью землю напоить.
Стрѣлою скиѳъ насквозь его пробилъ,
И тамъ, гдѣ смерть ему закрыла очи,
Возсталъ курганъ—и темный вѣтеръ ночи
Дождемъ холодныхъ слезъ его кропилъ.
Прошли вѣка, но слава древней были
Жила въ вѣкахъ... Нѣтъ смерти для того,
Кто жизнь любилъ, и пѣсни сохранили
Далекое наслѣдіе его.
Онѣ поютъ печаль воспоминаній,
Онѣ безсмертье вѣчнаго поютъ
И жизни, отошедшей въ міръ преданій,
Свой братскій зовъ и голосъ подаютъ.

---

4. Сонъ-цвѣтокъ.

Это было глухое, тяжелое время.
Дни въ разлукѣ текли, —я, какъ мертвый, блуждалъ,
А съ вечернимъ закатомъ я лошадь сѣдлалъ
И въ безлюдномъ дворѣ ставилъ ногу на стремя.
На горѣ меня темное поле встрѣчало.
Въ темноту, на востокъ, направлялъ я коня—
И пустынная ночь окружала меня
И, склонивши колосья, глубоко молчала.
Замыкалось кольцомъ море спѣлаго хлѣба.
Жизни не было въ немъ. Ужъ давно отцвѣли
Тѣ цвѣты, что въ поляхъ хороводы вели
И смотрѣли въ далекое, ясное небо.
И, молчанью внимая, я тихо склонялся
Головой на луку. Я безъ мысли глядѣлъ
На темнѣвшую даль и душой холодѣлъ
И въ холодной безмолвной тоскѣ забывался.
О, когда бы я могъ плакать въ эти мгновенья!
Но изсякли тѣ слезы, въ которыхъ была
Молодая печаль такъ призывно-свѣтла,
Такъ полна красоты молодого стремленья...
Позднимъ лѣтомъ въ степи на казацкихъ могилахъ
„Сонъ-цвѣтокъ“ въ полуснѣ одиноко цвѣтетъ...
Онъ живой, но сухой... Онъ угаснуть не въ силахъ,
Но весна для него никогда не придетъ!

Ив. Бунинъ.

ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

(*Продолженіе* *).

XII.

Въ описываемую эпоху сочиненія Писарева были недоступны не только для гимназистовъ, но и для публики вообще—ихъ не существовало въ продажѣ: старое изданіе частью разошлось, частью было изъято, а новое еще считалось запретнымъ плодомъ. Тѣмъ не менѣе, Писарева, конечно, читали: запрещеніе, если и принесло кому пользу, то развѣ букинистамъ, которые за полное собраніе сочиненій драли по 100 руб., а за отдѣльные томы по 25 руб.

Эта безобразная цѣна и прелесть запретнаго плода сдѣлали то, что среди начинающей читать молодежи Писаревъ сдѣлался самымъ популярнымъ писателемъ. Счастливцы, у которыхъ имѣлось драгоцѣнное изданіе, берегли его, какъ зѣницу ока, и самый фактъ обладанія Писаревымъ создавалъ собственникамъ исключительное положеніе въ гимназическихъ кругахъ.

— У него есть Писаревъ!

— Онъ купилъ всего Писарева!

Этого было вполнѣ достаточно, чтобы выдѣлить человѣка изъ толпы, чтобы создать ему своего рода имя, популярность.

Какъ и всѣ популярные люди, „собственники“ знали, однако, не только розы, но и терніи своей славы: ихъ осаждали безчисленными просьбами. Писарева просили не такъ, какъ всякую другую книгу: его просили на три часа, на одну ночь, на одинъ вечеръ; просили не только знакомые, но и незнакомые. Не считалось предосудительнымъ придти въ домъ незнакомаго гимназиста и сказать:

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль 1901 г.

— У васъ есть Писаревъ, дайте для нашего кружка на три часика такой-то томъ.

Отказать въ такой просьбѣ считалось мѣщанствомъ, отказавшаго засмѣяли бы, осудили, нарекли „буржуемъ". Но, съ другой стороны, не было случая, чтобы полученный томъ возвращался не во время, въ изорванномъ видѣ, а тѣмъ болѣе зачитывался. Зачитать Писарева—это считалось преступленіемъ неслыханнымъ, за которое мало было ввергнуть виновнаго въ геену огненную...

Трубчевскій принадлежалъ къ числу счастливцевъ, которые обладали сокровищемъ въ полной мѣрѣ: въ библіотекѣ его отца былъ „весь Писаревъ". Поэтому и первое чтеніе состоялось у Трубчевскаго.

Еще за цѣлый часъ до прихода гостей, въ домѣ Трубчевскихъ все было готово къ ихъ пріему: въ большой комнатѣ гимназиста были открыты фортки, на столикахъ разложены пачки папиросъ, а за письменнымъ столомъ было приготовлено мѣсто для лектора, о чемъ можно было догадаться по опрятному томику Писарева и стакану воды. Въ столовой тоже шли кое-какія приготовленія по бутербродной части, но этой стороны дѣла хозяинъ-гимназистъ не касался: онъ во всемъ полагался на мать и спокойно расхаживалъ по гостиной, оживленно бесѣдуя съ отцомъ.

Высокій и коренастый, какъ старый дубъ, адмиралъ Трубчевскій казался богатыремъ, несмотря на сѣдую бороду и сѣдую же, словно напудренную голову: широкая, какъ паромъ, спина, большія, сильныя руки—все говорило, что этотъ человѣкъ и теперь свободно могъ бы ломать подковы. Выраженіе силы, которой дышала вся его фигура, нѣсколько смягчалось добродушнымъ, мягкимъ юморомъ, свѣтившимся въ его черныхъ, небольшихъ глазахъ и такой же добродушной улыбкой, которая шевелилась у него въ усахъ всякій разъ, когда онъ обращался къ сыну.

— Такъ ты, значитъ, противъ того, чтобы и я присутствовалъ на вашихъ чтеніяхъ?

— Я-то не противъ, но другихъ это можетъ стѣснить, папа. Когда они тебя больше узнаютъ, тогда, конечно, другое дѣло.

— Гм... Жаль, чортъ возьми. Очень бы хотѣлось посмотрѣть, какъ молокососы будутъ горячиться и спорить. Я это страхъ люблю: ни дать, ни взять пѣтушиный бой... Кто же у васъ считается самымъ отъявленнымъ спорщикомъ?

Сынъ отвѣчалъ подумавъ и съ улыбкой:

— Всѣ отъявленные, папа.

— Ха-ха!.. А тотъ, какъ его, любимецъ мой, тотъ, что заикается, неужели и онъ отъявленный?

— Это Харламовъ? Да онъ у насъ не участвуетъ, папа, онъ не прошелъ на баллотировкѣ.

Это несказанно удивило отца, онъ даже остановился.

— На какой еще баллотировкѣ?

— Да вѣдь я тебѣ говорилъ, папа: члены-основатели кружка баллотируютъ всякаго новичка и Харламова на баллотировкѣ провалили.

— Ослы твои члены-основатели!

Старикъ сказалъ это съ сердцемъ. Отъ сына онъ очень много хорошаго слышалъ о Харламовѣ, зналъ его и самъ и „провалъ на баллотировкѣ" очень удивилъ и вмѣстѣ огорчилъ адмирала.

Но сынъ горячо вступился за „членовъ-основателей".

— Ты, папа, не знаешь сути дѣла. Я прежде думалъ такъ же, какъ и ты, но меня разубѣдили и теперь я согласенъ съ Дорошенкой, что человѣкъ, который органически не умѣетъ лгать, не можетъ участвовать ни въ одномъ нелегальномъ дѣлѣ.

Старикъ-отецъ высоко поднялъ брови.

— Да что ты плетешь, братецъ, какое еще тамъ „нелегальное" дѣло. Мнѣ это нравится, ей-Богу! Соберутся шесть поросятъ чай пить, прочтутъ статейку Писарева и думаютъ, что они сію же минуту превратятся въ *нелегальныхъ* поросятъ.

Упоминаніе о „нелегальныхъ поросятахъ" не только не обидѣло сына, но заставило его даже улыбнуться.

— Я, папа, сказалъ это слово примѣнительно къ нашимъ гимназическимъ условіямъ.

— Да что за вздоръ, это все ваша „нелегальная" фантазія. А, между тѣмъ, такого милаго мальчика за бортъ вышвырнули, такого честнаго, правдиваго, искренняго!.. Трусы вы, господа нелегальные поросята, вотъ что!

На этотъ разъ глаза сына вспыхнули.

— Ты совершенно правъ—мы струсили. Но струсили не за собственную шкуру, а за общее дѣло. На почвѣ нелегальныхъ отношеній Харламовъ прямо невозможенъ. Ты пойми, папа! Вѣдь если его завтра же Харченко спроситъ въ упоръ: „вы участвуете въ кружкѣ, или нѣтъ?"—онъ не скажетъ „нѣтъ", понимаешь, онъ не можетъ выговорить неправды, онъ промолчитъ. Согласись же самъ, можно ли при такомъ условіи принимать Харламова въ рискованное дѣло? И потомъ нужно же подойти къ вопросу и съ другой стороны, нужно посмотрѣть, каково самому Харламову будетъ съ его недостаткомъ. Если бы ты зналъ, папа, какъ онъ мучается, какъ онъ, бѣдняга, страдаетъ, когда его выпытываютъ „халдеи". Послѣ каждаго допроса онъ прямо боленъ, на немъ лица нѣтъ. Я увѣренъ, что если бы мы пригласили его въ свой кружокъ, то оказали бы ему медвѣжью услугу, даже больше—сдѣлали бы несчастнымъ.

Все время, пока сынъ, съ жаромъ жестикулируя, объяснялъ истинное положеніе дѣла, старый адмиралъ покачивалъ сѣдой головой и серьезными, грустными глазами глядѣлъ на гимназиста.

— Какъ жаль, что я не отдалъ тебя въ морской кадетскій корпусъ,—наконецъ, промолвилъ онъ и задумчиво зашагалъ по гостиной. Сынъ, заложивъ руки за спину, молча шагалъ рядомъ. Онъ понялъ грусть отца и ему самому сдѣлалось вдругъ грустно: уродство отношеній, царствовавшее въ гимназіи, и ему на одну минуту показалось чудовищнымъ, несмотря на то, что онъ давно привыкъ къ этому уродству, сжился съ нимъ, примѣнился къ нему.

Такъ и ходили отецъ съ сыномъ, не говоря ни слова, пока въ прихожей послышался звонокъ.

— Это, должно быть, мои „нелегальные поросята!“ —встрепенулся сынъ и побѣжалъ навстрѣчу гостямъ.

Въ передней, дѣйствительно, уже раздѣвались раскраснѣвшіеся съ морозу Дорошенко, Савицкій и Мельниковъ.

— Здорово, черти!—радушно привѣтствовалъ хозяинъ, пожимая гостямъ руки и похлопывая ихъ по плечамъ и по спинамъ.

— Здорово, Трубочка, а другіе пришли?

— Вы первые!.

Трубчевскій провелъ гостей прямо въ свою комнату и, предложивъ имъ быть, какъ дома, побѣжалъ распорядиться насчетъ чаю. Но въ передней опять послышался звонокъ. Пришелъ пятиклассникъ Калининъ и Варшавчикъ.

— А гдѣ же Ливановъ?—спросилъ, здороваясь, Трубчевскій.

— Не приходилъ еще развѣ?

— Нѣтъ.

Ласково толкнувъ вновь пришедшихъ по направленію къ своей комнатѣ, хозяинъ побѣжалъ, или, вѣрнѣе сказать, протанцовалъ мазурку вплоть до самой столовой, лихо притопывая ногами и насвистывая себѣ мотивъ.

Пока приготовляли чай, собравшіеся гимназисты разсматривали Писарева. Они столпились вокругъ письменнаго стола, гдѣ лежала эта драгоцѣнность, и глядѣли на нее такъ, какъ глядитъ археологъ, только что выкопавшій изъ нѣдръ земли какую-нибудь рѣдкую диковинку. Многіе видѣли Писарева впервой и съ интересомъ разсматривали даже шрифтъ, форматъ и въ особенности заглавія статей. Особенно заинтересованъ былъ черномазый, какъ цыганенокъ, пятиклассникъ Калининъ. По наслышкѣ онъ много зналъ и о Писаревѣ, и о его значеніи въ литературѣ, зналъ даже содержаніе нѣкоторыхъ статей, но книгу видѣлъ впервые и потому теперь не только оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, но даже благоговѣйно подержалъ въ рукахъ.

— Писаревъ, чортъ возьми! И какъ подумаешь, что у подлеца-Трубчевскаго есть полное собраніе, такъ такая зависть возьметъ, что страсть! Я въ прошломъ году за два тома одному студенту велосипедъ предлагалъ—не захотѣлъ дьяволъ!

Тѣмъ временемъ принесли чай и въ ожиданіи, пока придетъ послѣдній членъ кружка, Ливановъ, гимназисты задымили папиросами и затараторили объ отцѣ этого Ливанова, прославившемся на всю гимназію своими „халдейскими убѣжденіями".

— Совсѣмъ невозможный отецъ! Просто немыслимый!

— Окончательно поработилъ бѣднаго парня!

— Онъ хочетъ, чтобы сынъ его велъ себя, какъ архіерей: „мой другъ, сиди дома: уже половина восьмого", „мой другъ, не ходи въ ѳеатры" (такъ и произноситъ—„ѳеатры"), „мой другъ не смѣйся такъ громко", „мой другъ, не читай „аѳеиста"—Тургенева". И все это елейнымъ голоскомъ, все это мягко, добродѣтельно, „благочестно". Ну, „мой другъ", конечно, слушаетъ, слушаетъ эти рѣчи и не знаетъ, что ему дѣлать: повѣситься, или запьянствовать!

— Да что у него отецъ, ненормальный, что ли?—съ удивленіемъ прислушиваясь къ этимъ разговорамъ, спросилъ непосвященный въ дѣло Калининъ.

— Кой чортъ ненормальный,—отвѣчалъ Трубческій,—просто „халдей" по убѣжденіямъ. Онъ консисторскій попъ: всю жизнь ходилъ по веревочкѣ, а теперь и отъ сына того же требуетъ.

Въ разговорахъ о семейномъ положеніи Ливанова прошло больше двадцати минутъ и теперь ужъ никто не настаивалъ на дальнѣйшемъ ожиданіи. Компанія приступила къ чтенію. Мѣсто лектора занялъ Савицкій, славившійся своимъ умѣньемъ выразительно читать, а прочіе размѣстились гдѣ пришлось, и не безъ нѣкотораго волненія посматривали на раскрытый томикъ Писарева. У всѣхъ на лицахъ было написано сознаніе важности, значительности предстоящаго дѣла. Одинъ только Трубчевскій былъ, повидимому, совершенно спокоенъ: съ папироской въ углу рта, онъ разлегся на кровати, задралъ ноги на спинку и промурлыкалъ съ театральнымъ жестомъ:

— Итакъ, мы начина-а-емъ!..

— „Пушкинъ и Бѣлинскій", прочиталъ Савицкій заглавіе и откашлялся. Водворилась мертвая тишина.

Писаревъ, съ его блестящимъ, безподобнымъ стилемъ, съ его злыми сарказмами и смѣлыми парадоксами, производилъ на слушателей впечатлѣніе чуднаго фейерверка, который въ одно и то же время и ослѣплялъ, и приводилъ въ восхищеніе. Даже тѣ изъ гимназистовъ, кто успѣлъ составить себѣ собственное мнѣніе объ „Евгеніи Онѣгинѣ" и кто учился понимать Пушкина въ истол-

кованіи Бѣлинскаго—и тѣ, подъ вліяніемъ головокружительной смѣлости молодого критика чувствовали себя обезкураженными, сбитыми съ толку и спѣшили отказаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Всего больше подкупала ихъ дерзость языка, молодой задоръ, фонтаномъ бьющее остроуміе. Послѣднее производило особенно разрушающее дѣйствіе и не прошло какого-нибудь часа, какъ отъ Пушкина, по выраженію пятиклассника Калинина, остались только „рожки да ножки". Имѣлъ дерзость остаться при особомъ мнѣніи и цѣликомъ отвергать аргументы властителя гимназическихъ думъ одинъ только Дорошенко, да развѣ еще Савицкій.

— Господа!—началъ Дорошенко, когда сдѣланъ былъ маленькій антрактъ.—Я абсолютно не согласенъ съ Писаревымъ и настаиваю, что Онѣгинъ былъ, дѣйствительно, лучшимъ человѣкомъ своего времени! Это, господа, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

— А я думаю, что это подлежитъ бо-ольшому сомнѣнію!—запальчиво вскричалъ, задорный, какъ ершъ, Калининъ. — На мой взглядъ, Онѣгинъ просто великосвѣтскій прохвостъ и ничего больше.—И, оттопыривъ нижнюю губу, Калининъ съ дѣтскимъ возмущеніемъ прибавилъ:—Вы посудите сами, господа: человѣкъ ни черта не дѣлаетъ, ни черта не читаетъ, живетъ на содержаніи у мужиковъ, шляется по балетамъ,—и насъ хотятъ увѣрить, что это животное можно назвать лучшимъ человѣкомъ?

— Вѣрно, Калининъ, здорово!—посыпалось со всѣхъ сторонъ.

Хотя на сторонѣ Дорошенки почти не было союзниковъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, не сдался.

— Господа! говорить можно все, но этого мало, надо, чортъ возьми, и доказывать. А чѣмъ вы можете доказать, что Онѣгинъ скотина?

— Чѣмъ доказать?—взвился съ мѣста распѣтушившійся Калининъ.—Ты хочешь доказательствъ. Изволь!—И загибая пальцы, Калининъ началъ съ сверкающими глазами.—Онѣгинъ скотина потому, что, во-первыхъ, тунеядецъ, во-вторыхъ, укокошилъ Иванушку-дурачка Ленскаго, въ-третьихъ, крѣпостникъ! Если онъ былъ лучшимъ человѣкомъ своего времени,—почему онъ не освободилъ своихъ крестьянъ? почему?

— Да зачѣмъ ты тащишь его за шиворотъ на скамью подсудимыхъ? Ты упрекаешь его, что онъ не освободилъ крестьянъ, а я тебѣ такой вопросъ задамъ: Аристотель, какъ по твоему, былъ лучшій человѣкъ своего времени, или нѣтъ?

— Да причемъ здѣсь Аристотель?

— Нѣтъ ты скажи, отвѣть на вопросъ: лучшимъ?

— Ну, лучшимъ, ну что же изъ этого?

— А ты знаешь, что Аристотель былъ принципіальный сторонникъ рабства, знаешь?

Калининъ опѣшилъ, но не больше, чѣмъ на секунду.

— Нѣтъ, не знаю, но если дѣйствительно, былъ, то значитъ и Аристотель былъ свинья!

Дорошенко въ отчаяніи хлопнулъ себя по ногамъ.

— Да брось ты, ради Бога, свои безапелляціонные приговоры, что ты изрекаешь, какъ оракулъ? Ты намъ докажи, что Аристотель былъ, какъ ты говоришь, свинья, тогда мы тебѣ повѣримъ! Развѣ можно обвинять Геродота, что онъ не ѣздилъ на желѣзныхъ дорогахъ? можно? Ну, точно также и здѣсь: моральныя понятія—тѣ же открытія и изобрѣтенія: пока люди до нихъ не додумались, ихъ нѣтъ. и обвинять въ этомъ некого и незачто. У всякой эпохи своя нравственность.

Слова Дорошенки произвели должное впечатлѣніе, и многіе съ нимъ согласились. Но Калининъ и не думалъ сдаваться.

— Ну, это, братъ, „ахъ оставьте", что у всякой эпохи своя нравственность! По твоему, выходитъ, что нравственность—это что-то въ родѣ отрывного календаря: на каждый день новая, не такъ ли?

— Голова ты съ ушами!—въ отчаяніи, осипшимъ голосомъ вскричалъ Дорошенко.—Да совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ ты не то говоришь...

— Постой, я ему возражу,—вмѣшался въ дѣло Трубчевскій и отстранилъ рукой Дорошенку.—Ты, Калининъ, думаешь, значитъ, что нравственность врожденное чувство, что она одна для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ?

— А что-жъ? А по твоему нѣтъ?

— Чушь, братецъ, ерунда! ничего подобнаго! Для примѣра возьми такую параллель: возьми нашего мужика и, скажемъ, африканскаго дикаря и предположи, что каждый изъ нихъ укралъ лошадь. Нашъ мужикъ будетъ чувствовать раскаяніе, онъ побѣжитъ въ церковь, будетъ молиться Богу: „Господи, прости мнѣ мой тяжкій грѣхъ". А дикарь что сдѣлаетъ? Дикарь тоже будетъ молиться: „благодарю тебя, Боже, что ты помогъ мнѣ украсть коня. Посодѣйствуй и въ слѣдующій разъ". Понялъ разницу? При врожденной нравственности ея не могло бы быть! Значитъ, у мужика и у дикаря мораль разнаго калибра!

Наглядность примѣра Трубчевскаго закрыла уста даже распѣтушившемуся Калинину: онъ не нашелъ возраженій и побѣда, видимымъ образомъ, стала склоняться на сторону Дорошенки. Но въ дѣло вмѣшался до сихъ поръ молчавшій Мельниковъ.

— Позвольте, господа, мнѣ кажется, что вытаскивать изъ глубины вѣковъ Аристотеля и призывать изъ Африки дикарей

нѣтъ никакой надобности: Онѣгинъ слава тебѣ Господи, жилъ не въ Африкѣ, а въ Россійской имперіи и не до Р. X., а въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, т.-е. въ то время, когда у насъ былъ Бѣлинскій, былъ Грановскій, были декабристы. Мерзость крѣпостного права онъ, значитъ, понимать могъ, если онъ былъ лучшимъ человѣкомъ, а если онъ его не понималъ, то, значитъ, былъ заурядный баринъ, былъ крѣпостникъ...

— Совершенно вѣрно! Абсолютно вѣрно!—восторженно замахалъ руками Калининъ и, по свойственной его характеру юркости, забѣгалъ быстрыми шажками по комнатѣ.

— Я, господа, также присоединяюсь къ Мельникову,—моргая своими громадными глазами и склонивъ на бокъ черноволосую голову, неувѣренно промолвилъ Варшавчикъ.—Я читалъ въ одной книгѣ, что въ четырнадцатомъ или въ шестнадцатомъ столѣтіи (не помню, навѣрное, въ какомъ) былъ бояринъ Башкинъ, который, кромѣ Евангелія, ничего не читалъ, но за то, прочитавъ Евангеліе, немедленно далъ волю всѣмъ своимъ рабамъ. Вотъ, господа! Это, по моему мнѣнію, былъ дѣйствительно лучшій человѣкъ своего времени, а объ Онѣгинѣ я бы этого не сказалъ.

Доводы Мельникова и Варшавчика сдѣлали то, что Дорошенко опять остался одинъ. Но это его не смущало.

— Черти вы, господа, и больше ничего! Да кто же вамъ говоритъ, что Онѣгинъ, *какъ человѣкъ*, былъ лучше всѣхъ людей въ 20-хъ годахъ? Вѣдь такой ерунды никто и не доказываетъ. Очень можетъ быть, что лакеи Онѣгина, *какъ люди*, были выше своего барина—дѣло не въ этомъ. Вамъ говорятъ только, что какъ *типъ*, какъ лицо *собирательное*, Онѣгинъ былъ наиболѣе благороднымъ представителемъ своего класса.

— Да въ чемъ же, Христа ради, его благородство, чортъ его дери, въ чемъ?—тоненькой фистулой взывалъ Калининъ.

— Въ чемъ благородство? А въ томъ, что онъ тяготился современной ему жизнью, что онъ понималъ ея пустоту, безсодержательность. Онъ и Татьяна—это два типа протестующихъ людей, людей, которыхъ мучила окружающая пошлость!..

Калининъ презрительно махнулъ рукой и свистнулъ.

— Ха! „разскажите вы ей, цвѣты мои!“ Протестующіе люди, чортъ ихъ дери: одинъ протестуетъ въ балетѣ, а другая на балконѣ, на луну глядя.

— Ну, насчетъ Татьяны ты ужъ, братъ, помолчи, легче на поворотахъ,—вступился Трубчевскій.—Это братъ, прелесть, а не дѣвушка.

— А по моему обыкновенный помѣщичій выкормокъ: дѣвица съ придурью, овца, какихъ, къ несчастью, и въ наши дни не мало.

— И даже съ придурью? Ты знаешь, чего бы хотѣлъ? Ты хотѣлъ бы, чтобы Татьяна читала Писарева и мечтала о поступленіи на медицинскіе курсы,—тогда ты призналъ бы ее умницей.

Всѣ улыбнулись, а Калининъ заволновался хуже прежняго.

— Напрасно ты приписываешь мнѣ чепуху, которой я не говорилъ. Я отлично понимаю, что Татьяна могла дѣлать и чего не могла.

— А что же она могла, чтобы снискать твою благосклонность?

— Мало ли что! Могла, напримѣръ, заботиться о своихъ крестьянахъ, могла ихъ учить, лѣчить, даже просто любить! А это животное палецъ о палецъ не ударило, чтобы облегчить участь людей, которые на нее же работали! Она, изволите ли видѣть, на балконѣ грустила! Ея мамаша, можетъ быть, по щекамъ своихъ дѣвокъ хлестала, папаша ея, можетъ быть, на конюшнѣ людей засѣкалъ, а она въ это время на луну смотрѣла, соловьевъ слушала!..

Столь неблагосклонный отзывъ Калинина о Татьянѣ вызвалъ общій протестъ, но Калининъ держался за свое мнѣніе цѣпко и не сворачивалъ съ занятой позиціи ни на одну пядь.

— А какъ вамъ нравится ея миленькій бракъ?—кричалъ онъ, заглушая протесты товарищей.—Мамаша ей говоритъ: „иди, Танечка, за старичка: онъ богатый“.—„Слушаю-съ, маменька“.— Эхъ, и ненавижу же я такихъ безсловесныхъ овецъ, которыхъ все можно заставить. Хотѣлъ бы я, чортъ возьми, видѣть, какъ бы это *меня* заставили сдѣлать такую пакость! Да я бы головы посворочивалъ всѣмъ, а не поддался бы!

Калининъ свои слова сопроводилъ такимъ энергичнымъ жестомъ, а все его раскраснѣвшееся и негодующее лицо было такъ забавно и вмѣстѣ мило, что многіе не удержались отъ улыбки.

— Опять ты, братъ, разгорячился,—вставилъ Савицкій,— ужъ и головы сворачивать принялся.

— А очень просто—не толкай въ лужу. Если ты мать, такъ будь же матерью, а не скотиной.

Неизвѣстно, до какихъ предѣловъ дошелъ бы споръ, если бы какъ разъ въ это время не раздался громкій звонокъ въ передней. Звонокъ всѣхъ встревожилъ и споръ оборвался на полусловѣ.

— Ужъ не Харченку ли нелегкая принесла „сближаться“?

Гимназистамъ неловко было сознаться другъ передъ другомъ, что ихъ напугалъ звонокъ. Но въ дѣйствительности это было такъ. Возможность появленія Харченки и привычка бояться гимназическаго начальства даже у себя дома поселяла въ душѣ невольный, но очень оскорбительный для самолюбія страхъ.

— Вѣдь можетъ, имѣетъ право ворваться въ квартиру,—со

злостью шипѣлъ Мельниковъ.—А тамъ, поди объясняй ему, по какому случаю „сборище“! Охъ, это мнѣ крѣпостное состояніе!..

Варшавчикъ кусалъ ногти и не сводилъ пристальнаго взгляда съ двери, въ которую юркнулъ Трубчевскій.

— Полно, господа, все это вздоръ!—успокоительно протянулъ Дорошенко. Но въ душѣ и онъ чувствовалъ какую-то неловкость, которую хотѣлъ скрыть даже отъ самого себя. Ему было и стыдно, и обидно, и злость его разбирала—злость человѣка, раздраженнаго постояннымъ надзоромъ, отъ котораго никуда нельзя было ни уйти, ни спрятаться.

Къ счастью, страхи ихъ на этотъ разъ оказались совершенно напрасными: въ дверяхъ показался Трубчевскій, который на ходу пробѣгалъ только что полученное письмо.

— Отъ Ливанова, господа! Слушайте! „Къ сожалѣнію, никакъ не могъ вырваться и придти. Причины разъясню завтра въ классѣ. Завидую вамъ отъ всей души“.

Коротенькая записка Ливанова никого не удивила, но зато всѣхъ опечалила. Чѣмъ-то безотраднымъ, какой-то глубокой грустью повѣяло отъ нея на гимназистовъ. Всѣ они хорошо знали, что если Ливановъ не пришелъ, то, значитъ, у отца его мелькнуло подозрѣніе, и теперь сына будутъ держать подъ крѣпкимъ карауломъ. Всѣ точно также знали, что помочь несчастному юношѣ нѣтъ возможности, что однажды попавъ подъ родительскую пяту, онъ будетъ „въ рабствѣ“, пока не встанетъ на собственныя ноги и не уйдетъ изъ-подъ родительскаго крова. Однако, долго горевать о судьбѣ Ливанова было некогда и спустя десять минутъ гимназисты снова взялись за дѣло.

Началось опять чтеніе и безконечные споры. Почти каждая фраза, каждый абзацъ писаревскаго текста вызывалъ ожесточенные дебаты. Спорили до поту, до хрипоты, до изнеможенія, причемъ почти всѣ споры отличались однимъ и тѣмъ же недостаткомъ: спорщики поминутно соскакивали съ темы и забирались въ такія дебри, что потомъ сами раскрывали рты отъ изумленія и не могли понять, какимъ образомъ они здѣсь очутились... Такъ начинающіе ходить дѣти бѣгутъ, не разбирая направленія, куда ноги укажутъ, безпрестанно шлепаясь и поминутно натыкаясь на что-нибудь. Много при этомъ бываетъ и синяковъ и шишекъ, но безъ этого нельзя выучиться ходить.

Отъ Трубчевскаго гимназисты разошлись взвинченные, возбужденные, раскраснѣвшіеся. Они точно въ банѣ побывали и теперь, чувствуя усталость и истому во всемъ тѣлѣ, тихо брели домой.

— А славная, чортъ возьми, штука эти чтенія,—мечтательно воскликнулъ весь потный Калининъ.—Я какъ будто вѣникомъ два часа парился!

— Подождите, братцы, еще то ли будетъ?—многозначительно сказалъ Савицкій.—У меня одинъ такой проектъ есть, что любо два!

— Проектъ дѣйствительно геніальный!—возбужденно поддержалъ Дорошенко.—Онъ хочетъ открыть что-то вродѣ читальни.

— Кабинетъ для чтенія!—загадочно подмигнувъ, поправилъ Савицкій.

Всѣ стали приставать къ нему, прося болѣе подробныхъ объясненій, но Савицкій хранилъ самый таинственный видъ.

— Теперь ничего не скажу, еще не все выяснилось. Потомъ сами увидите!

VIII.

Въ седьмомъ классѣ Трубчевскому, что называется, не повезло. Онъ и вообще былъ въ гимназіи всегда на самомъ худомъ счету и, какъ говорится, висѣлъ на волоскѣ, а тутъ прибавилась еще цѣлая серія новыхъ прегрѣшеній. Дѣло началось съ того, что Харченко совершенно случайно засталъ его на любовномъ свиданіи.

Это случилось въ одинъ изъ тѣхъ теплыхъ августовскихъ вечеровъ, которые такъ хороши на благодатномъ югѣ. Трубчевскій съ обожаемой гимназисткой сидѣлъ на городскомъ бульварѣ, въ самой уединенной аллеѣ, носившей на языкѣ мѣстной молодежи поэтическое названіе „аллеи любви“. Густо засаженная каштанами и акаціями, эта аллея всегда особенно нравилась Трубчевскому и всѣ три по счету романа его начинались, продолжались и оканчивались въ тѣни этихъ старыхъ деревьевъ, на маленькой площадкѣ, съ которой открывался прелестный видъ на море и куда доносились звуки духового оркестра, каждый день игравшаго въ послѣобѣденные часы на бульварѣ. Четвертый романъ съ хорошенькой, бѣлокурой гимназисткой начался здѣсь же. Какъ казалось Трубчевскому, это было самое серьезное его увлеченіе, по крайней мѣрѣ онъ чувствовалъ, что ни одна изъ его прежнихъ „пассій“ не владѣла имъ въ такой мѣрѣ, какъ эта нѣжная голубоглазая гимназистка съ тяжелой косой золотистыхъ волосъ.

Каждое утро избранница его сердца получала букетъ изъ чайныхъ розъ и нѣжное стихотвореніе, въ которомъ воспѣвались ея совершенства (Трубчевскій въ періоды любовныхъ увлеченій очень недурно писалъ стихи и при содѣйствіи Савицкаго нѣкоторые изъ нихъ даже печаталъ въ мѣстномъ листкѣ). Букетъ и стихи чрезвычайно льстили самолюбію шестнадцатилѣтней дѣвушки и ужъ это одно способно было завоевать ея гимназиче-

свое сердце. Но Трубчевскій, сверхъ того, вносилъ въ дѣло столько огня, столько жара, что окончательно вскружилъ бѣлокурую головку. Онъ то ревновалъ ее, какъ мавръ, то осыпалъ насмѣшками и оскорбленіями, то очаровывалъ ласковой нѣжностью, то вдругъ ни съ того, ни съ сего „на зло" начиналъ волочиться за другой и терзалъ сердце своей повелительницы жесточайшимъ муками ревности.

Ни одно свиданіе не проходило для нея незамѣтно: она то смѣялась до слезъ, то плакала, то восхищалась, то гордилась имъ. Но чаще они ссорились.

Наканунѣ того дня, когда на нихъ случайно наткнулся Харченко, они поссорились на столько серьезно, что гимназистка со слезами на глазахъ требовала полнаго разрыва и возвращенія писемъ. На это Трубчевскій съ язвительной усмѣшкой замѣтилъ, что „мысль о разрывѣ ему давно улыбается" и, пообѣщавъ возвратить письма, чопорно простился съ твердымъ намѣреніемъ никогда не встрѣчаться.

Но черезъ два часа его уже мучила совѣсть и онъ писалъ покаянное письмо, прося прощенія и умоляя о свиданіи. И то, и другое ему было дано, и на другой день вечеромъ, сидя въ глухомъ углу аллеи, влюбленная парочка переживала счастливѣйшія минуты своей молодой жизни. Передъ ними съ высокой площадки блестѣло, какъ ледъ, спокойное недвижное море, откуда несся влажный соленый вѣтерокъ и вечерній замирающій гулъ человѣческихъ голосовъ—то спѣшили съ разгрузочными работами гаваньскіе илоты. Ихъ хриплая, надорванная „дубинушка" неуклюжими обрывками перелетала на городской бульваръ, а съ бульвара навстрѣчу ей неслось и стелилось по морю нѣжное и сладкое, какъ запахъ акаціи, intermecco изъ „Сельской чести". Обѣ мелодіи сшибались въ воздухѣ и какъ будто вступали въ неравный споръ: тягучее, душистое intermecco расло, ширилось и крѣпло, а осипшая „дубинушка", словно спотыкаясь и задыхаясь, разрывалась въ воздухѣ тяжелыми звуковыми обрубками...

Уже ночныя тѣни поползли къ обрывистымъ песчанымъ берегамъ и притаились въ группахъ деревьевъ; уже задрожали на пароходныхъ мачтахъ электрическіе огоньки, а въ небѣ надъ ними зажглись такія же звѣзды—а работы на пристани все еще не прекращались: вѣтеръ то и дѣло доносилъ то отдаленное громыханье тяжелыхъ полосъ прыгающаго на телѣгѣ желѣза, то вопль брошеннаго на землю жестяного листа, то похожій на крикъ аиста сухой трескъ пароходной лебедки.

Но всѣ эти звуки не доходили до ушей влюбленной парочки: сладость примиренія такъ захватила ее, что ей было не до звуковъ. Трубчевскій чувствовалъ себя „до подлости счастливымъ":

онъ покрывалъ поцѣлуями тонкія ручки своей возлюбленной и не переставая нашептывалъ ей такія ласковыя, горячія и задушевныя слова, что гимназистка отъ счастья совсѣмъ не могла говорить и въ нѣмомъ восхищеніи, глазами полными слезъ, смотрѣла на свое „ясное солнышко", какъ называла она Трубчевскаго.

Свое примиреніе влюбленные скрѣпили поцѣлуемъ и этотъ способъ мириться показался обоимъ настолько увлекательнымъ, что они совсѣмъ забыли, что сидятъ, хотя и одни, но все-таки въ общественномъ мѣстѣ, куда каждую минуту могли зайти гуляющіе. Они ничего не помнили, ничего не видѣли, и оба то тихо смѣялись тѣмъ груднымъ глубокимъ смѣхомъ, который льется изъ души, когда набѣжавшее счастье захлестнетъ человѣка съ головой, то безъ словъ, одними глазами, говорили о своей любви, то, наконецъ, цѣловались. Окружающее совсѣмъ перестало для нихъ существовать, и потому оба чуть не вскрикнули, когда возлѣ нихъ послышался насмѣшливый, полный ироніи голосъ:

— Здравствуйте, г. Трубчевскій!

Отъ неожиданности гимназистка вздрогнула всѣмъ тѣломъ, такъ что широкополая соломенная шляпа ея съѣхала на затылокъ и упалъ на землю зонтикъ, а Трубчевскій вскочилъ съ мѣста, точно въ него выстрѣлили, и стоялъ растерянный, обезкураженный, уничтоженный: налѣво отъ нихъ быстро промелькнула фигура Харченки въ чечунчовомъ пиджакѣ и скрылась на поворотѣ въ другую аллею. Свиданіе было отравлено. Ядовитая насмѣшка, прозвучавшая въ голосѣ учителя, спугнула робкое чувство: оно свернулось, какъ лепестки измятаго цвѣтка, и притаилось гдѣ-то на самомъ днѣ уязвленнаго сердца.

— Кто это?—испуганнымъ шопотомъ спросила гимназистка.

— Учитель,—глухо, точно изъ погреба, послышался отвѣтъ. Больше они не сказали ни слова: каждый ушелъ въ себя и думалъ свою думу, но каждому ясно было, что творится въ душѣ другого, потому что оба чувствовали одно и то же: и стыдъ, и обиду, и досаду, точно на ихъ распустившееся чувство наступили копытомъ и смяли его, изуродовали, растоптали.

Въ глубокомъ молчаньи проводилъ Трубчевскій свою до слезъ сконфуженную даму и чернѣе тучи побрелъ домой. Въ тотъ вечеръ онъ ни съ кѣмъ не желалъ говорить, никого не хотѣлъ видѣть и, запершись на ключъ въ своей комнатѣ, молча шагалъ изъ угла въ уголъ. Въ душѣ его происходила цѣлая буря. Онъ зналъ, что Харченко ни за что не оставитъ этого „дѣла" такъ и непремѣнно потянетъ на допросъ, а на допросѣ начнетъ съ своей кривой усмѣшкой иронизировать, станетъ подшучивать и вообще покусывать его, какъ лисица пойманнаго цыпленка.

— Хоть повѣситься въ пору! — шепталъ злополучный гим-

назистъ. — Подлѣе не можетъ быть положенія: вѣдь въ качествѣ классного наставника онъ имѣетъ *право* лѣзть мнѣ въ душу съ сапогами! Онъ *можетъ* меня исповѣдывать, потому что я не болѣе какъ „мальчишка", а онъ педагогъ. По правиламъ гимназисты должны заниматься наукой, а не любовью!... А если случилось, что ты влюбился и воспитатель подсмотрѣлъ твою тайну, такъ тебя потащутъ сквозь строй, заплюютъ, засмѣютъ... Ну, да мы еще посморимъ, чортъ возьми, какъ вы меня заплюете...

Красивые продолговатые глаза Трубчевскаго загорѣлись злостью и вся его стройная фигура выпрямилась какъ стальная, точно готовясь къ схваткѣ. Быстро, нервной походкой бѣгалъ онъ по своей комнатѣ и по его тонкому, подвижному лицу, словно тѣни, мелькали отраженія его душевной работы. Онъ вспомнилъ, что въ прошломъ году одинъ изъ восьмиклассниковъ попалъ точь-въ-точь въ такое же положеніе, и его сердечная тайна стала потомъ предметомъ игривыхъ разговоровъ въ учительской и вызвала даже вопросъ: какія мѣры принять противъ влюбленнаго восьмиклассника и подлежитъ ли онъ вообще дисциплинарному взысканію.

— Боже мой, гдѣ глаза у нашихъ мудрыхъ халдеевъ,—стискивая руки, шепталъ Трубчевскій:—неужели они не знаютъ, что только любовь, одна любовь спасаетъ нашихъ гимназистовъ отъ болота, отъ разврата. Вѣдь во всей гимназіи на перечетъ: кто влюбленъ—отъ того не услышишь ни сальныхъ анекдотовъ, ни скабрезной пѣсни, ни разсказа о ночныхъ похожденіяхъ — онъ чистъ, въ немъ есть порядочность, онъ застрахованъ. Такъ вѣдь надо же и сюда „халдейскій" носъ сунуть, надо и на наше сердце, на нашу душу наложить свою поганую лапу!..

Въ ту ночь Трубчевскій почти не спалъ. Онъ лежалъ съ открытыми глазами въ своей постели и на тысячу ладовъ представлялъ себѣ, что его завтра спросятъ, какъ спросятъ и что онъ будетъ отвѣчать. На утро же онъ проснулся съ головной болью и почувствовалъ въ душѣ такую апатію, такую тоску, точно ему предстояло идти на эшафотъ. Была минута, когда онъ совсѣмъ было рѣшился не идти въ гимназію и сказаться больнымъ на цѣлую недѣлю, на мѣсяцъ, чтобы избѣжать объясненія. Но сознаніе, что и черезъ мѣсяцъ объясненіе все-таки будетъ, заставило его встряхнуться и взять себя въ руки. Умывшись, Трубчевскій почувствовалъ, что голова его стала свѣжей, и что душевныя силы его возстанавляются, благодаря новому притоку вчерашней злости.

— Еще посмотримъ, какъ вы меня проглотите!—шепталъ онъ, разсѣянно собирая учебники.—Я вѣдь на все пойду, если будетъ нужно!

Въ гимназію Трубчевскій пришелъ, по собственному его вы-

раженію, „злѣе дьявола“ и, едва переступивъ порогъ, успѣлъ сцѣпиться съ надзирателемъ, дежурившимъ въ шинельной. Надзиратель, молодой, чрезвычайно жизнерадостный, всегда игриво настроенный человѣкъ, котораго гимназисты какъ нельзя болѣе кстати прозвали „Именинникомъ“, замѣтилъ разстегнутое пальто Трубчевскаго и подлетѣлъ къ нему съ упрекомъ.

— А пальтецо-то у г. Трубчевскаго опять разстегнуто! Опять г. Трубчевскій нарушаетъ законы!

Трубчевскій окинулъ надзирателя тяжелымъ взглядомъ и съ гримасой бросилъ:

— Оставьте меня въ покоѣ.

От неожиданности „Именинникъ“ въ первую минуту остолбенѣлъ, такъ что даже пропало игривое выраженіе на его румяномъ лицѣ, но спустя секунду выхватилъ изъ кармана свою записную книжку и, сдѣлавъ въ ней надлежащую отмѣтку, значительно проговорилъ:

— Я сегодня же доложу о васъ г. инпектору.

Трубчевскій насмѣшливо, какъ-то сбоку поглядѣлъ на него и съ вызывающей дерзостью проговорилъ:

— А почему же не директору? Я вамъ совѣтую доложить лучше г-ну директору.

Надзиратель опять выхватилъ изъ кармана свою книжку съ такимъ видомъ, какъ будто онъ выхватывалъ револьверъ, и сдѣлалъ въ ней новую отмѣтку. А Трубчевскій, не удостаивая его даже взглядомъ, захватилъ свой ранецъ и спокойно, съ выраженіемъ не то брезгливости, не то презрѣнія на лицѣ, поднялся наверхъ.

Въ классѣ нервное, злое настроеніе не покидало его. Безъ всякой видимой причины онъ поругался съ Кривцовымъ, и потомъ на первомъ же урокѣ пріобрѣлъ себѣ врага въ лицѣ учителя исторіи. Этотъ учитель былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, очень красивый, но съ большой претензіей на мѣщанскій шикъ. Говорили, что онъ ищетъ богатую невѣсту и заранѣе принимаетъ мѣры, чтобъ снискать ея благосклонность: его черные усики были всегда подвинчены и острыми иглами торчали кверху, прическа поражала своей обдуманностью и безукоризненностью пробора, а отъ новенькаго вицъ-мундира несся запахъ хорошихъ англійскихъ духовъ, къ сожалѣнію слишкомъ сильный. Къ духамъ этотъ чистенькій, сытенькій учитель питалъ особенную слабость и, по выраженію гимназистовъ, „душился, какъ извозчикъ“—даже брюки его благоухали.

Столкновеніе съ Трубчевскимъ началось съ того, что учитель вызвалъ его отвѣчать, но вызвалъ не такъ, какъ обыкновенно, а съ явной насмѣшливостью въ голосѣ.

— Ну-съ, г. Трубчевскій,—съ любопытствомъ оглядывая ученика, сказалъ онъ,—не потрудитесь ли вы разсказать намъ что-нибудь хорошенькое?

Трубчевскій уловилъ иронію и въ этомъ взглядѣ, и въ голосѣ и смекнулъ, что Харченко уже раззвонилъ въ учительской вчерашній эпизодъ.

— Не могу отвѣчать, не приготовился,—сухо, не подымаясь съ мѣста, отвѣтилъ Трубчевскій.

— Чѣмъ же вы вчера были заняты?—сощуривъ насмѣшливые глаза, промолвилъ учитель. Трубчевскій окончательно убѣдился, что Харченко разболталъ и потому призвалъ на помощь все свое самообладаніе. А учитель продолжалъ:

— Съ нѣкоторыхъ поръ, г. Трубчевскій, я замѣчаю, что вы охладѣли къ исторіи. Быть можетъ, вы увлечены какимъ-нибудь другимъ предметомъ?

Трубчевскій собралъ всѣ силы и еще разъ смолчалъ, хотя въ глазахъ его уже давно горѣла злость, какъ у волчонка, котораго дразнитъ, остановившись передъ клѣткой, скучающая публика.

— Итакъ, вы не хотите ничего сказать о предметѣ вашего увлеченія,—пожавъ плечами, протянулъ учитель,—что же дѣлать! А единицу я вамъ все-таки поставлю.

— Пожалуйста,—вѣжливо наклонивъ голову, сказалъ Трубчевскій, но съ такимъ спокойствіемъ, что классъ фыркнулъ. Учитель строго посмотрѣлъ на него.

— Г. Трубчевскій, что это у васъ за бульварный тонъ? Я васъ въ журналъ запишу.

— Запишите,—опять съ тѣмъ же небрежнымъ спокойствіемъ уронилъ Трубчевскій.

Учитель вспыхнулъ.

— Въ уголъ, Трубчевскій!

Это приказаніе произвело сенсацію. Классъ загудѣлъ, такъ какъ подобныя наказанія почти не примѣнялись въ старшихъ классахъ. Трубчевскій побѣлѣлъ, какъ полотно, но воздержался отъ замѣчаній и, вмѣсто отвѣта учителю, развалился на партѣ и засунулъ руки въ карманы.

— Я сказалъ—въ уголъ!—уже крикнулъ учитель и, соскочивъ съ каѳедры, вплотную подошелъ къ непокорному ученику.

— Вы слышали мое приказаніе?

— Слышалъ,—глядя въ глаза историку и не мѣняя позы, отвѣчалъ Трубчевскій.

— Ну-съ?! Извольте же исполнить, если слышали!

— Въ уголъ я не стану!—не спуская съ учителя глазъ, промолвилъ ученикъ. Учитель нѣсколько опѣшилъ.

— Вы не на бульарѣ, Трубчевскій, предупреждаю васъ, вы очень пожалѣете!

— Не думаю,—вздернувъ плечомъ, равнодушно, даже небрежно буркнулъ Трубчевскій.

Учитель смѣрилъ его взглядомъ.

— Послѣ урока я попрошу васъ къ директору.

Трубчевскій кивнулъ головой:

— Къ вашимъ услугамъ.

Этой угрозой инцидентъ былъ исчерпанъ. Учитель опять прослѣдовалъ къ каѳедрѣ и только ученики гудѣли, какъ пчелы въ ульѣ, возмущаясь историкомъ и строя безчисленныя предположенія, почему учитель помянулъ про бульваръ.

Но любопытство гимназистовъ еще болѣе возрасло, когда дверь класса отворилась и просунувшаяся голова „Именинника“ громко прокричала.

— Г. Трубчевскій! къ классному наставнику!

Трубчевскій всталъ, обдернулъ, по гимназической привычкѣ, полы своей сѣрой блузы и, не отвѣчая на торопливые вопросы друзей, вышелъ.

Харченко стоялъ въ корридорѣ, въ 20 шагахъ отъ класса и поджидалъ своего провинившагося ученика, обдумывая, какъ приступить къ щекотливому объясненію. Въ глубинѣ души онъ былъ увѣренъ, что Трубчевскій сидѣлъ на бульварѣ съ уличной женщиной, такъ какъ „цѣловаться съ мальчишкой въ общественномъ мѣстѣ“, по его мнѣнію, никто другой не могъ, а въ темнотѣ онъ не разглядѣлъ лица ея.

— Вы меня звали, Петръ Иванычъ,—учтиво, какъ хорошо выдрессированный гимназистъ, поклонился Трубчевскій.

Харченко даже не кивнулъ на поклонъ. Онъ глубоко засунулъ руки въ карманы своихъ свѣтлыхъ панталонъ и, покачиваясь всѣмъ своимъ полнымъ тѣломъ, проговорилъ въ сторону.

— Хорошъ! Нечего сказать, хорошъ! Это называется воспитанникъ средняго учебнаго заведенія, юноша, готовящій собя къ университету. Впрочемъ, я такъ и зналъ, что онъ этимъ кончитъ!

Во время этого вступленія Трубчевскій смотрѣлъ прямо въ лицо учителю, но въ глазахъ его ровно ничего кельзя было прочитать: апатичные, какіе-то полусонные, они не выражали ничего, точно такъ же, какъ и лицо гимназиста, принявшее выраженіе автомата.

А Харченко тѣмъ временемъ, выдержавъ значительную паузу, заговорилъ уже не въ третьемъ, а во второмъ лицѣ.

— Вы узнали меня вчера?

— Узналъ.

— Съ кѣмъ вы были?

На деревянномъ лицѣ Трубчевскаго не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, онъ стоялъ, какъ чурбанъ, и молчалъ. Это былъ его

излюбленный, испытанный пріемъ во всѣхъ острыхъ разговорахъ съ начальствомъ, когда нельзя было прибѣгнуть къ спасительной лжи: автоматическая покорность, наружное послушаніе и въ то же время стойкое, хотя вполнѣ пассивное сопротивленіе. Среди гимназистовъ этотъ пріемъ былъ въ большомъ ходу и носилъ даже спеціальное названіе: „кататься на ослахъ".

— Вы слышали мой вопросъ?—повторилъ Харченко.

— Слышалъ.

— Такъ отвѣчайте!

Трубчевскій ни звука.

— Вы не желаете отвѣчать?

Молчаніе.

— Почему вы не желаете отвѣчать?

Опять молчаніе.

Харченко глубже засунулъ въ карманы руки и, прищурившись, поглядѣлъ на ученика.

— Послушайте, Трубчевскій, вы меня, кажется, хорошо знаете и знаете, что я не люблю и не умѣю шутить. Знаете вы это?

— Знаю.

— Такъ извольте же сію минуту отвѣчать!

Но деревянное лицо Трубчевскаго по прежнему хранило выраженіе полной окаменѣлости, онъ продолжалъ смотрѣть своими потухшими глазами прямо въ лицо учителю и молчалъ, какъ глухонѣмой.

— Вы рѣшительно отказываетесь назвать лицо, съ которымъ вы были?

— Да.

Харченко криво усмѣхнулся.

— Почему?

Молчаніе.

— Значитъ, вы признаете свою вину?

— Я признаю только фактъ.

— Этого вполнѣ достаточно. Я этотъ „фактъ" передамъ на усмотрѣніе г. директора.

На лицѣ Трубчевскаго угроза не вызвала никакого измѣненія. Харченко же не сводилъ съ лица ученика пристальнаго, упорнаго взгляда и про себя удивлялся закоренѣлости „перваго ушкуйника въ гимназіи". Выдержавъ паузу, онъ опять началъ:

— Да, Трубчевскій, такіе „факты" не могутъ быть терпимы. Что-нибудь одно: или бульвары, или гимназія, а позорить учебное заведеніе вамъ не позволятъ. Вы уже давно висите на волоскѣ, и этотъ волосокъ вы оборвете собственной рукой,—я вамъ предсказываю. Вы не гимназистъ, вы — „бульвардье", у васъ и внѣшность какая-то бульварная: что это за волосы вы отростили,

что это за усы? Какіе могутъ быть усы у воспитанника средняго учебнаго заведенія? Пока вы въ гимназіи, я рекомендую вамъ эти украшенія снять, завтра же, чтобъ я не видѣлъ этого!

Читатель уже знакомъ съ поразительной слабостью Харченки къ гимназическимъ волосамъ. Ни одинъ человѣкъ никогда не преслѣдовалъ такъ своихъ злѣйшихъ враговъ, какъ преслѣдовалъ этотъ педагогъ волосы учениковъ. Этой слабостью своего наставника искусно воспользовался Трубчевскій, чтобы отвлечь разговоръ въ другую сторону.

— У меня, Петръ Иванычъ, совсѣмъ небольшіе волосы, это только такъ кажется...

— Я васъ прошу оставить эти разсужденія! Вы должны исполнять то, что вамъ велятъ и ничего больше! —И пощупавъ волосы Трубчевскаго рукой, Харченко прибавилъ тономъ искренняго негодованія:

— Это онъ называетъ—„небольшіе", это, по его мнѣнію, короткіе волосы! Мнѣ нравится такое нахальство! Завтра же, чтобъ я этого не видѣлъ!

Перескочивъ на свою любимую тему, Харченко еще долгонько говорилъ о волосахъ, но уходя все-таки повторилъ, что о „вчерашнемъ" онъ доведетъ до свѣдѣнія директора.

Проводивъ глазами учителя, Трубчевскій вздохнулъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ, хотя на душѣ у него было такъ скверно, что ему не хотѣлось идти въ классъ и видѣть „рожу историка". Задумчивый, грустный онъ подошелъ къ окну, выходившему на улицу и опершись рукой о раму, съ тоской и завистью въ глазахъ смотрѣлъ на мелькавшихъ извозчиковъ, на снующихъ взадъ-впередъ прохожихъ, на громыхавшихъ ломовыхъ.

— Вѣдь вотъ живутъ же люди. Свободные, независимые: по своей волѣ ходятъ, по своей волѣ работаютъ, любятъ. А ты, какъ проклятый, всегда подъ пятой, всегда, какъ связанный, шагу не смѣешь ступить безъ того, чтобъ на тебя не накинули сѣтки, какъ на быка въ испанскихъ циркахъ. И волосы твои, и душу твою одинаково подъ гребенку стригутъ: не смѣть отпускать больше чѣмъ на вершокъ!.. И мѣрочка-то какая „халдейская"—„халдеи" все на вершокъ мѣряютъ, другой мѣры у нихъ нѣтъ!

— Вы что же, г. Трубчевскій, не идете въ классъ?—вдругъ неожиданно раздался голосъ сзади Трубчевскаго.

Трубчевскій вздрогнулъ и обернулся. Передъ нимъ стоялъ „Именинникъ", всегда расхаживавшій по корридору во время уроковъ.

— Я сейчасъ, — машинально отвѣчалъ Трубчевскій и тутъ только всполнилъ, что Харченко ни одного слова не говорилъ съ нимъ объ инцидентѣ съ „Именинникомъ".

— Что же это онъ, не успѣлъ пожаловаться или „доложилъ" только инспектору? — съ удивленіемъ подумалъ Трубчевскій и, искоса поглядѣвъ въ лицо надзирателя, удивился еще больше: румяное лицо „Именинника", сверхъ всякаго обыкновенія, было сосредоточенно и грустно.

— Животъ, должно быть, болитъ,—со злостью подумалъ Трубчевскій, но тотчасъ же осѣкся, потому что „Именинникъ" заговорилъ. Онъ отвернулся въ сторону, нахмурился еще больше и, сильно сопя, сказалъ.

— А я, г. Трубчевскій, ничего не докладывалъ г. инспектору... И не доложу-съ, Христосъ съ вами...

Тонъ этой фразы былъ таковъ, что въ глазахъ Трубчевскаго мгновенно вспыхнуло теплое, ласковое, любящее выраженіе и, тронутый до глубины души, онъ сразу не нашелъ даже отвѣта.

А „Именинникъ", все также отвернувшись въ сторону, и по прежнему сопя, продолжалъ:

— И не скажу-съ, хотя и не знаю, за что вы хотѣли меня обидѣть...

— Голубчикъ, Дмитрій Лукичъ, извините меня, я виноватъ, я очень виноватъ предъ вами, но я... я...

Трубчевскій давно не слышалъ такихъ словъ въ гимназіи и не предполагалъ даже о возможности ихъ существованія. Поэтому онъ сразу, какъ-то мгновенно размякъ и, весь охваченный набѣжавшимъ теплымъ чувствомъ, влажными глазами глядѣлъ на надзирателя и безсвязно повторялъ:

— Простите меня, я былъ такъ невозможенъ, такъ грубъ, я не зналъ... я право... мнѣ такъ совѣстно, такъ стыдно...

Такое искреннее и горячее покаяніе растрогало и „Именинника". Онъ засопѣлъ еще больше, забылъ о разницѣ положеній и, подавая руку ученику, дрогнувшимъ голосомъ заговорилъ:

— Ну ладно, ладно, помирились и все тутъ, и кончено...

— Голубчикъ, Дмитрій Лукичъ, не сердитесь... мнѣ такъ теперь стыдно, такъ стыдно...—лепеталъ растроганный Трубчевскій и почувствовалъ, что на глаза его набѣжали слезы, и въ горлѣ что-то защекотало.

XIV.

Харченко сдержалъ слово и доложилъ директору объ инцидентѣ на бульварѣ, но, къ немалому его удивленію, Чеботаевъ взглянулъ на дѣло совсѣмъ иными глазами. Онъ прямо заявилъ, что въ данномъ случаѣ считаетъ неумѣстнымъ всякое „дисциплинарное воздѣйствіе" и даже попенялъ классному наставнику за излишнюю ретивость.

— Въ возрастѣ отъ 16 лѣтъ,—докторальнымъ тономъ заявилъ онъ,—я допускаю возможность сердечныхъ увлеченій и полагаю, что репрессія не должна имѣть здѣсь мѣста.

Это была первая неудача Харченки, первый случай, когда директоръ не только „не пошелъ навстрѣчу" его мѣропріятіямъ, но даже осудилъ ихъ. Замѣтивъ, однако, что классный наставникъ очень смущенъ столь неожиданнымъ оборотомъ дѣла, Чеботаевъ съ снисходительной улыбкой сказалъ ему маленькую рѣчь (иначе, какъ рѣчами, этотъ человѣкъ никогда не говорилъ и едва ли даже умѣлъ говорить).

— На нашихъ плечахъ, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, лежатъ заботы высшаго порядка, и мы должны фиксировать свое вниманіе на другомъ, на главнѣйшемъ: мы обязаны, такъ сказать, „блиндировать" молодежь, сдѣлать ее недоступной, нечувствительной для воздѣйствія темныхъ силъ подпольной пропаганды. Вотъ наша первая и важнѣйшая задача. Я считалъ бы для себя позоромъ и безчестьемъ, еслибы хоть одинъ изъ тѣхъ юношей, которыхъ я пропустилъ черезъ мои руки, впослѣдствіи, въ университетѣ, свихнулся бы и скомпрометировалъ такимъ образомъ ту школу, которая не сумѣла уберечь его отъ Собакевичей нигилизма. Это я считаю главнымъ. А амурная сторона—она скорѣе помогаетъ, чѣмъ вредитъ намъ. Я, по крайней мѣрѣ, того мнѣнія, что любовь — прекрасный горчичникъ, хорошо вытягивающій бредовыя увлеченія.

Совсѣмъ иначе отнесся Чеботаевъ къ столкновенію Трубчевскаго съ учителемъ исторіи. Тутъ онъ видѣлъ открытое, дерзкое нарушеніе дисциплины и поступилъ, быть можетъ, даже съ чрезмѣрной строгостью. Трубчевскому была назначена цѣлая серія наказаній: строгій выговоръ изъ устъ директора, занесеніе въ штрафной журналъ, тройка изъ поведенія и 24 часа карцера. Этотъ приговоръ показался гимназистамъ „баснословно-свирѣпымъ", но впечатлѣніе, произведенное имъ, усилилось еще больше, когда Харченко, по порученію директора, предупредилъ весь классъ, что на будущее время отказъ стать въ уголъ вызоветъ спеціальное наказаніе, придуманное ad hoc.

— Кто не исполнитъ требованія преподавателя, — со свойственнымъ ему спокойствіемъ сказалъ Харченко, — и позволитъ себѣ отказаться подчиниться приказанію, тотъ въ теченіе недѣли, каждую большую перемѣну, будетъ стоять въ углу рекреаціонной залы, на глазахъ у всѣхъ. Если же это кому-нибудь покажется неудобнымъ, то ему предложатъ взять документы.

Это постановленіе директора вызвало цѣлую бурю негодованія; молодое самолюбіе гимназистовъ встало на дыбы: унизительный элементъ наказанія и опасность каждый день вылетѣть изъ гим-

назіи за здорово живешь возмутили всѣхъ до глубины души. Обижало больше всего то, что взрослыхъ гимназистовъ во всемъ приравниваютъ къ девятилѣтнимъ „приготовишкамъ“, что въ наказаніяхъ, какъ и во всемъ прочемъ, между солиднымъ „дядей“-восьмиклассникомъ и десятилѣтнимъ мальчуганомъ не проводится никакой разницы. Это казалось издѣвательствомъ, попраніемъ человѣческаго достоинства, намѣреннымъ оскорбленіемъ. И потому, лишь только Харченко объявилъ постановленіе директора, какъ въ седьмомъ классѣ состоялся грандіознѣйшій митингъ негодованія, который привелъ къ значительнымъ послѣдствіямъ.

Какъ и всегда бываетъ на митингахъ подобнаго рода, гимназисты простымъ крикомъ выражали свое неудовольствіе. Отдѣльныхъ рѣчей не было и всѣ говорили вразъ.

— Пусть исключаютъ, чортъ съ ними!

— Но, какъ вамъ нравится эта подлость? а?

— Всѣхъ въ уголъ, отъ мала до велика!

— Двадцатилѣтнихъ парней—въ уголъ носомъ!

— Господа! Ни-за-что этому не подчиняться!

— Низачто!

— Низачто!..

— Пусть выгоняютъ!

— Пусть записываютъ въ штрафной журналъ.

— Пусть хоть на цѣлый годъ сажаютъ въ карцеръ.

— Начихать на журналъ.

— Плевать на карцеръ.

— Подлецъ, кто станетъ въ уголъ!

Общественное негодованіе достигло своего высшаго напряженія. Взвинченные, возбужденные гимназисты вскакивали на парты, стучали ногами, швыряли объ полъ и о стѣны ранцы, пеналы, учебники. По странной случайности общее возбужденіе съ особенной интенсивностью обрушилось на неизвѣстно кому принадлежащій учебникъ Иловайскаго. Этотъ учебникъ то и дѣло перелеталъ, трепеща всѣми своими страницами, съ одного угла класса въ другой, гдѣ его въ ту же секунду подхватывали и среди общаго гама и крика съ неистовой злобой, съ лютымъ остервенѣніемъ швыряли въ стѣну, въ потолокъ, въ печь. Въ концѣ концовъ, Иловайскій не выдержалъ и разсыпался, но и тогда народная ярость не улеглась: гимназисты подхватывали изорванныя, смятыя страницы, комкали ихъ и съ прежнимъ ожесточеніемъ швыряли во всѣхъ направленіяхъ.

Среди этой свалки, оглушенный криками и общимъ неистовствомъ, уже давно безпомощно метался Дорошенко и осипшимъ голосомъ умолялъ товарищей разрѣшить ему „слово“. Но страсти такъ расходились, что гулъ общаго негодованія совсѣмъ покры-

валъ слабый голосъ гимназическаго „Мирабо": его никто не слушалъ да и не могъ слушать. Напрасно „Мирабо" взбѣгалъ на каѳедру и отчаянными жестами призывалъ къ порядку разбушевавшуюся толпу, — шумъ только возрасталъ. Тогда, наконецъ, „Мирабо" ухватился, какъ за якорь спасенія, за Робеспьера-Трубчевскаго. Вытащивъ его изъ толпы за рукавъ, онъ прокричалъ ему въ самое ухо.

— Скажи имъ своимъ баритономъ, чтобы на одну минуту стихли.

Трубчевскій кивнулъ въ знакъ согласія головой и, приложивъ руки трубою ко рту, на весь классъ гаркнулъ:

— Чер-рти-и-и!.. За-мол-чи-те на одну ми-ну-у-ту: гетманъ хочетъ говор-р-р-и-и-ть!..

Могучій голосъ Трубчевскаго безъ труда покрылъ общій крикъ, и классъ, хотя не сразу, но сталъ стихать.

А Дорошенко уже стоялъ на каѳедрѣ съ своими горящими карими глазами и вибрирующимъ отъ волненія голосомъ выкрикивалъ:

— Господа! Вы сами видите, что претензіи „халдеевъ" не имѣютъ конца! Вы сами видите, что наше ярмо съ каждымъ днемъ все больнѣе рѣжетъ намъ шею, и что не далекъ тотъ день...

— Къ дѣлу, гетманъ!

— Ближе къ дѣлу!..

— Не ораторствуй!..—послышались со всѣхъ сторонъ нетерпѣливые голоса.

— Господа! Не перебивайте, я буду кратокъ! Я хотѣлъ только сдѣлать слѣдующее предложеніе. По моему, господа одного пассивнаго сопротивленія недостаточно; мало только не исполнить требованія, мало только отказаться — необходимо сдѣлать такъ, чтобы насъ не могли унижать, вотъ въ чемъ штука, господа! И я предлагаю способъ добиться этого!

„Способъ" очень заинтересовалъ гимназистовъ. Они совсѣмъ стихли, повскакивали съ мѣстъ и тѣснымъ кольцомъ окружили каѳедру. А Дорошенко, довольный, что ему удалось, наконецъ, привлечь общее вниманіе, сталъ говорить увѣреннѣе и смѣлѣе.

— Господа! Собственными силами мы, конечно, мало, даже, собственно говоря, ни черта не сдѣлаемъ—въ этомъ нужно сознаться. Но если мы соединимся съ нашими родителями, если мы убѣдимъ родителей подать прошеніе о томъ, чтобы наказанія, оскорбляющія человѣческое достоинство, были отмѣнены, чтобы гимназическія правила дѣлали разницу между взрослыми людьми и десятилѣтними дѣтьми,—тогда, господа, я глубоко убѣжденъ...

Тутъ Дорошенко долженъ былъ невольно остановиться, такъ какъ классъ загудѣлъ, заволновался и буквально застоналъ отъ

криковъ. Повидимому, мысль о прошеніи всѣмъ пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу.

— Прошеніе!..—на всѣ лады кричали ученики.

— Родители должны вмѣшаться!

— Обязаны!

— Не имѣютъ права не вмѣшаться!..

Тщетно Дорошенко махалъ руками, стучалъ кулаками и даже ногами о каѳедру—его никто не слушалъ. Пришлось опять прибѣгнуть къ баритону Трубчевскаго. Подозвавъ при помощи жестовъ пріятеля, Дорошенко крикнулъ ему въ ухо.

— Скажи имъ!..

Трубчевскій покорно приложилъ руки къ губамъ, оперся для устойчивости спиной о каѳедру и во всю мочь гаркнулъ:

— Чер-р-р-ти! Дайте же человѣку доко-о-нчить!..

Какъ ни были возбуждены „черти", но голосъ Трубчевскаго они услышали и черезъ минуту Дорошенко получилъ возможность продолжать.

— Господа! Я еще не знаю... Да слушайте же, чортъ васъ возьми... Я еще не знаю, какъ вы отнесетесь къ моему предложенію...

— Одобряемъ! Одобряемъ!

— Предложеніе принято!

— Единогласно и безусловно!

— Да дайте же, ради Христа, договорить! Если принято, то тѣмъ лучше. Но, во всякомъ случаѣ, его надо обсудить серьезно! Здѣсь, въ классѣ, мы не можемъ этого сдѣлать, потому что каждую минуту можетъ войти „халдей" и митингъ будетъ сорванъ. Поэтому, господа, я предлагаю слѣдующее: мы всѣ, сію минуту, отправляемся въ „клубъ", избираемъ предсѣдателя и подъ его руководствомъ ведемъ пренія. Въ то же время мы даемъ знать пятому, шестому и восьмому классу—пусть каждый пришлетъ по два делегата! Принимаете вы такое предложеніе?

Бурные аплодисменты и крики „браво" были отвѣтомъ оратору.

— Господа! Въ „клубъ"! Въ „клубъ"!

Меньше чѣмъ черезъ пять минутъ „клубъ" былъ до такой степени переполненъ, что не было гдѣ упасть яблоку.

Надо сказать правду: „клубъ" менѣе всего былъ приспособленъ для парламентскихъ засѣданій, и самая атмосфера его далеко не располагала къ пламеннымъ рѣчамъ. Но, къ сожалѣнію, у гимназистовъ не было другого выбора. Всѣ знали, что, кромѣ „клуба", буквально некуда было дѣться и всѣ давно привыкли къ мысли, что школьная общественная жизнь всегда замыкалась въ предѣлы отхожаго мѣста. Это до такой степени вошло въ

*

обычай и въ нравы гимназіи, до такой степени приросло къ ней, что ни учителямъ, ни ученикамъ и въ голову никогда не западала мысль, что школьные интересы гимназистовъ, ихъ пробуждающіеся запросы на свою общественную жизнь и самая эта общественная жизнь—могутъ зарождаться и протекать гдѣ-нибудь за предѣлами ватеръ-клозета. Всѣ къ этому приглядѣлись и никого это не коробило. Гимназисты привыкли не замѣчать окружающей обстановки и прозаическія стѣны „клуба“ видѣли на своемъ вѣку много благороднѣйшаго энтузіазма, много горячихъ рѣчей, много искренняго паѳоса...

На импровизированномъ митингѣ предсѣдателемъ единогласно былъ избранъ Дорошенко. По установившемуся обычаю, онъ влѣзъ на подоконникъ, чтобы всѣмъ его было видно, и оттуда долженъ былъ руководить преніями, пользуясь, вмѣсто звонка, собственными ладонями. Кромѣ него, никто не пользовался правомъ бить въ ладоши. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что и Дорошенкѣ очень рѣдко приходилось прибѣгать къ этому импровизированному звонку: участники митинга вели себя образцово. Это уже не было то разбушевавшееся стадо, которое до хрипоты орало въ классѣ: здѣсь всѣ чувствовали себя членами общества, занятаго обсужденіемъ серьезнаго дѣла, всѣ чувствовали себя отвѣтственными передъ той дисциплиной, которой добровольно согласились подчиниться и всѣмъ было стыдно показать себя мальчишками, а не взрослыми людьми.

Когда явились депутаты отъ другихъ классовъ и вопросъ о петиціи прошелъ единогласно, предсѣдатель предложилъ собранію избрать лицо для составленія примѣрнаго текста петиціи и, съ своей стороны, указалъ на Савицкаго, какъ на перваго „стилиста въ гимназіи“.

Вопросъ прошелъ безъ преній и собраніе единогласно постановило избрать Савицкаго и обязать его черезъ два дня представить текстъ петиціи. Савицкій съ комическимъ видомъ благодарилъ за довѣріе, а предсѣдатель, указавъ на важное значеніе петиціи, предложилъ собранію намѣтить хотя бы въ общихъ чертахъ ея основные принципы.

— Не желаетъ ли, господа, кто-нибудь высказаться съ принципіальной точки зрѣнія?—закончилъ онъ свою рѣчь.

Изъ толпы протискался Мельниковъ.

— Я прошу слова.

Предсѣдатель троекратно стукнулъ въ ладоши и возгласилъ:

— Слово принадлежитъ Мельникову.

— Господа!—началъ Мельниковъ.—Счастливая мысль Дорошенки о петиціи мнѣ представляется дѣломъ очень большой общественной важности, такъ сказать. Поэтому, господа, разъ мы

набрели на эту мысль, то ее необходимо, по возможности, развить до ея логическаго конца... поэтому я предлагаю маленькую поправку: не будемъ просить *только* о смягченіи наказаній. Мы, напримѣръ, т.-е. не мы, конечно, а наши родители могутъ попросить, чтобы отмѣнили и массу другихъ правилъ, напримѣръ невозможное правило, запрещающее ходить въ театръ на галерку. „Халдеи" съ легкимъ сердцемъ ввели этотъ законъ, якобы съ той цѣлью, чтобы мы не смѣшивались съ „чернью" и не заражались отъ нея „хамскими" привычками. Но, слава Богу, мы не потомки Рюрика: многіе изъ насъ вышли и до сихъ поръ живутъ въ средѣ той самой „черни", отъ которой насъ такъ тщательно берегутъ въ театрѣ. Поэтому, господа, я предлагаю внести въ петицію и этотъ пунктъ и просить, чтобы театръ не считали школой „хорошаго тона" и открыли его и для гимназистовъ-бѣдняковъ!

— Браво, Мельниковъ!

— Молодецъ, браво!

— Прекрасно...—послышались голоса со всѣхъ сторонъ,

Дорошенко забилъ въ ладоши, призывая къ порядку.

— Господа, я ставлю на баллотировку предложеніе Мельникова. Угодно вамъ ввести это предложеніе, какъ дополнительный параграфъ къ петиціи? Кому неугодно, подымите руку!

Ни одна рука не поднялась.

— Кто еще, господа, желаетъ высказаться?

— Я прошу слова,—раздался изъ толпы робкій, неувѣренный голосъ.

— Слово принадлежитъ Варшавчику!

Весь красный отъ смущенія, застѣнчивый Варшавчикъ испуганно заморгалъ своими огромными глазищами и началъ:

— Я, господа, насчетъ книгъ, т.-е. библіотекъ, или правильнѣе сказать чтенія. Какъ вы знаете, намъ запрещено пользоваться книгами изъ частныхъ библіотекъ, мы можемъ брать только изъ гимназической библіотеки, а въ гимназической библіотеки ни черта нѣтъ. Выходитъ, такимъ образомъ, довольно большое безобразіе, и я думаю, господа, что его надо внести въ петицію, т.-е. чтобы намъ разрѣшили читать... Больше я, господа, ничего не имѣю сказать...

Стыдливый Варшавчикъ совсѣмъ заробѣлъ на людяхъ и конфузливо замѣшался въ толпу. А Дорошенко поставилъ на баллотировку его предложеніе и, когда оно единогласно прошло, разрѣшилъ слово Савицкому. Въ противоположность Варшавчику, Савицкій говорилъ чрезвычайно спокойно, точно не въ собраніи, а наединѣ съ пріятелемъ. Въ его красивыхъ синихъ глазахъ свѣтился огонекъ юмора и по всему лицу то и дѣло мелькала добродушная усмѣшка.

— Я, господа, насчетъ запрещенія ходить по улицамъ послѣ семи часовъ вечера. Это, господа, во-истину адамантъ „халдейскаго“ законодательства! Я возьму въ примѣръ хоть себя. Я даю уроки и этимъ, какъ говорятъ черносалопницы, „снискиваю себѣ хотя скромное, но достаточное пропитаніе“. Но спрашивается, какимъ же образомъ я могу его снискивать, когда не пользуюсь правомъ ходить по улицѣ? Не на воздушномъ же шарѣ, чортъ возьми, мнѣ летать? А жить я, между тѣмъ, долженъ. И вотъ, чтобы имѣть хотя фиктивное право хожденія, я практикую такой способъ: каждый разъ, выходя изъ дому, я беру аптечную бутылочку съ сигнатурками и съ рецептомъ, наливаю въ нее чаю, завертываю въ подходящую бумагу и кладу въ карманъ „на страхъ врагамъ“. Если на улицѣ меня нечистый столкнетъ съ „халдеемъ“ и меня спросятъ: „на какомъ основаніи вы въ половинѣ девятаго?»—я молча вынимаю бутылочку и докладываю: „ходилъ въ аптеку за лѣкарствомъ—тетка при смерти!“

Среди гимназистовъ раздался смѣхъ: миѳическая тетка Савицкаго всегда настраивала ихъ на веселый ладъ, и потому Дорошенко долженъ былъ пустить въ ходъ ладони, чтобы возстановить тишину и дать возможность Савицкому окончить рѣчь.

— Вы легко можете понять, господа,—продолжалъ Савицкій,— что бутылочка сохраняетъ силу аргумента только въ томъ случаѣ, если ее не каждый день показывать. Притомъ же, и тетка не можетъ же вѣчно находиться въ состояніи агоніи: въ концѣ концовъ, должна же и она рѣшиться на что-нибудь одно изъ двухъ—или умереть, или выздоровѣть, а это уже мѣняетъ дѣло и бутылочка теряетъ всякую силу. Такъ вотъ, господа! Я предлагаю включить въ петицію и этотъ вопросъ!.. Пусть каждый изъ насъ получитъ право навѣки разбить свою бутылочку!

Послѣ Савицкаго говорило еще нѣсколько человѣкъ, и предложенія сыпались, какъ изъ распоротаго мѣшка: у всякаго было что сказать и всякій спѣшилъ высказаться. Такъ, Харламовъ потребовалъ, чтобы въ петицію включили ходатайство о пріемѣ въ гимназію евреевъ наравнѣ съ русскими, безъ всякихъ ограничительныхъ процентовъ: неистовый Калининъ, который почему-то опоздалъ на митингъ, явившись, немедленно же потребовалъ разрѣшенія кружковаго чтенія и отмѣны классическихъ языковъ, делегатъ восьмого класса выразилъ желаніе отмѣны военной гимнастики и всякихъ еще другихъ отмѣнъ и пр. Словомъ, говорили всѣ о томъ, что у всѣхъ давно наболѣло, что всѣмъ мѣшало жить. Всѣ предложенія предсѣдатель ставилъ на баллотировку, и постепенно петиція разросталась почти до невѣроятныхъ размѣровъ.

Пока шли эти спѣшныя разсужденія (больше пяти минутъ

никому не позволялось говорить), Трубчевскій, слушавшій дебаты сначала съ напряженнымъ вниманіемъ, сталъ незамѣтно для самого себя охладѣвать и къ концу митинга почувствовалъ непреодолимое желаніе смѣяться. Послѣ того, какъ Калининъ потребовалъ отмѣны классическихъ языковъ, онъ, не скрывая улыбки, попросилъ слова и, обведя все собраніе насмѣшливымъ взоромъ, началъ:

— Господа! Предшествовавшіе ораторы высказали такъ много хорошаго, что я поставленъ въ большое затрудненіе и положительно не знаю, чего бы еще намъ пожелать. Я поэтому могу просить лишь одного: чтобы въ петицію, въ видѣ отдѣльнаго параграфа, было включено ходатайство о томъ, чтобы директоръ Чеботаевъ былъ лишенъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и сосланъ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Послышавшееся со всѣхъ сторонъ сдержанное фырканье, а мѣстами шиканье помѣшало Трубчевскому договорить. Предсѣдатель же усиленно захлопалъ въ ладоши и, кое-какъ возстановивъ порядокъ, съ негодованіемъ объявилъ, что онъ лишаетъ Трубчевскаго слова.

— Отъ кого другого, но отъ тебя я никакъ не ожидалъ увидѣть зубоскальство, Трубчевскій!—весь красный отъ волненія, крикнулъ Дорошенко.—Ты относишься къ общественному дѣлу, какъ гаменъ!

Трубчевскій не обидѣлся на слова пріятеля. Онъ вздернулъ плечами и съ добродушной улыбкой проговорилъ:

— Да ей-Богу же, господа, я смѣюсь только надъ тѣмъ, что смѣшно. Вы требуете, чтобы „халдеи“ сами себя высѣкли на манеръ унтеръ-офицерской вдовы. Неужели вы серьезно думаете, что хоть одно ваше требованіе будетъ уважено?

Эти слова значительно охладили пылъ собранія. Всѣ какъ-то сразу поняли, что зашли слишкомъ далеко и что петиція, если и будетъ подана, то ни на волосъ не измѣнитъ положеніе вещей! Разочарованіе повлекло за собой ослабленіе дисциплины и Дорошенко лишь послѣ героическихъ усилій водворилъ тишину и предоставилъ слово Харламову. Толстый и круглый, какъ медвѣжонокъ, заика Харламовъ, сильно засопѣлъ носомъ, покраснѣлъ, и переведя наивные, чистые, какъ небо, глаза на Трубчевскаго сказалъ, волнуясь и заикаясь.

— Тру... Трубческій аб... абсолютно не правъ. Онъ сказалъ совершенный вздоръ, онъ сказалъ глупость, и я сейчасъ это докажу. Никто изъ насъ, господа, и не разсчитывалъ, конечно, что прошеніе перевернетъ вверхъ дномъ всю гимназію. Надѣяться на это смѣшно. Но оно имѣетъ важное значеніе потому, что

указываетъ на желаніе родителей, желаніе семьи, которая не признается совсѣмъ нынѣшней школой. Я не сомнѣваюсь, что петиція совсѣмъ провалится, что надъ нею будутъ только смѣяться. Но это ничего не значитъ. Пусть надъ нами смѣются, но мы должны говорить о своихъ нуждахъ, это наша, господа, обязанность! Можетъ быть, намъ оттого такъ и скверно, что мы всегда поджимаемъ хвостъ, что мы даже пищать не рѣшаемся, когда намъ больно!

— Совершенно вѣрно!

— Браво, Харламовъ!

— Дѣльно! дѣльно...—посыпались со всѣхъ сторонъ одобренія.

Трубчевскій хотѣлъ было возражать, но не успѣлъ и рта раскрыть, такъ какъ въ „клубъ", запыхавшись, влетѣлъ Кривцовъ и зловѣщимъ голосомъ прокричалъ:

— Инспекторъ!..

„Клубъ" моментально стихъ и всѣ глаза обратились на входную дверь, откуда дѣйствительно показалась высокая фигура инспектора съ его библейской сѣдой бородой. Лица гимназистовъ, точно по командѣ, приняли безпечно-равнодушное выраженіе, а старикъ-инспекторъ сердито крикнулъ.

— Это еще что такое? Перемѣна давно кончилась, пробилъ третій звонокъ, преподаватель въ классѣ, а они и ухомъ не ведутъ! Маршъ по мѣстамъ сію минуту. Что это за сборище такое? Это вы, Трубчевскій, здѣсь ораторствуете! Вы всегда здѣсь роль царька разыгрываете.

Трубчевскій привыкъ, что ему во всѣхъ исторіяхъ доставался первый кнутъ и шмыгнувъ изъ „клуба" какъ вьюнъ, пробормоталъ:

— Туда же, еще и остритъ „старый дьяволъ!"

Хотя отрицательное отношеніе Твубчевскаго къ прошенію глубоко огорчило его ближайшихъ товарищей, но тѣмъ не менѣе оно принесло свою пользу, такъ какъ заставило гимназистовъ строже отнестись къ своимъ домогательствамъ и подвергнуть тщательной критической оцѣнкѣ каждое предложеніе, внесенное на общемъ собраніи. Рѣшено было не отягощать прошеніе утопическими пожеланіями, а просить только того, что могло быть разрѣшено единоличной властью попечителя учебнаго округа, или даже директора.

Какъ ни наивна сама по себѣ была вѣра гимназистовъ въ чудодѣйственную силу прошенія, какъ ни скоропалительно рѣшали они подчасъ самые сложные вопросы педагогической техники, но все-таки кое-какія основанія для надеждъ у нихъ были и зданіе свое они строили не вовсе на пескѣ. Дѣло въ томъ, что всѣ стѣсненія, объ отмѣнѣ которыхъ они хотѣли просить, имѣли, такъ сказать, мѣстный характеръ. Всѣ эти педантическія стрижки,

хожденіе до 7-ми часовъ вечера, обязательные поклоны генераламъ и пр.. и пр.—насаждались и поддерживались или попечителями учебныхъ округовъ, или же представляли собой плодъ педагогическихъ воззрѣній директоровъ и даже инспекторовъ. Гимназисты, напримѣръ, очень хорошо знали что южные учебные округа, и въ особенности тотъ, въ которомъ имъ самимъ привелось учиться, по своему режиму чрезвычайно рѣзко отличались отъ сѣверныхъ и ужъ совсѣмъ не могли идти въ сравненіе съ петербургскимъ. Они знали, что ихъ петербургскіе товарищи не несутъ и десятой доли тѣхъ тягостей школьной муштры, которая выпала въ удѣлъ имъ. Для нихъ точно также не было тайной, что всякое слово строгости, раздавшееся въ Петербургѣ, перелетая въ провинцію, разросталось въ ней, какъ въ колоссальномъ резонаторѣ до совершенно неожиданныхъ, ни съ чѣмъ не сообразныхъ размѣровъ.

Эти общія посылки позволяли сдѣлать логически правильное заключеніе: что если въ другихъ учебныхъ округахъ господствуютъ иные порядки, то, значитъ, и законъ, и министерскіе циркуляры допускали эти порядки, и, слѣдовательно, родители имѣли вполнѣ законное основаніе желать, чтобы для ихъ дѣтей не создавали исключительно суроваго режима. Рѣчь, такимъ образомъ, могла идти только о формѣ, въ которой должно было выразиться это желаніе. По тщательномъ размышленіи, гимназисты рѣшили остановиться на прошеніи, которая имъ въ особенности улыбалась. Правда, они знали, что прошеніе — изобрѣтеніе иноземное и что въ Россіи они въ старину замѣнялись „челобитными", а въ наше время „слезницами", но тутъ на помощь были призваны соображенія о такъ называемомъ „сближеніи". Въ ту пору идея сближенія семьи и школы была въ большомъ ходу. Ради сближенія, учителя ходили по квартирамъ учениковъ, знакомились съ родителями вступали съ ними въ бесѣды и вообще прилагали старанія, чтобы „поднять ихъ до себя". Естественно, что и родители получали, такимъ образомъ, нѣкоторое основаніе идти навстрѣчу желаніямъ начальства и, съ своей стороны, сдѣлать попытку подняться до него. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи и должна была, по мысли гимназистовъ, служить петиція, въ которой родители могли бы высказать свое педагогическое credo и тѣмь какъ бы вбить первыя сваи того моста, который педагоги мечтали перекинуть между семьей и школой.

Всѣ эти соображенія были развиты на второмъ и третьемъ общемъ собраніи, которыя, какъ и первое, происходили все въ томъ же „клубѣ" и подъ предсѣдательствомъ все того же Дорошенки. Эти собранія отличались отъ перваго значительной выдержкой и спокойствіемъ. Теперь ужъ предложенія не принимались

единогласно, имъ ужъ не апплодировали только потому, что они были „симпатичны", а каждое изъ нихъ подвергали самой придирчивой, самой жестокой критикѣ, такъ что, въ концѣ концовъ, прежнее грандіозное прошеніе значительно усохло и укоротилось до размѣровъ почти ничтожныхъ.

Скромность желаній гимназисты преслѣдовали не только потому, что разсчитывали этимъ легче склонить на уступку начальство, но еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы не пугать родителей грандіозностью замысла, такъ какъ уже на первыхъ же порахъ выяснилось, что родители начинаютъ „кобениться", какъ выразился Дорошенко.

XV.

Съ родителями, дѣйствительно, дѣла обстояли не совсѣмъ благополучно, и еще во время дебатовъ очень многіе гимназисты мысленно прикидывали, какъ отнесутся къ дѣлу ихъ отцы, и тутъ же про себя говорили.

— Ну, мой не захочетъ,—другіе подпишутъ, а подписей мы все-таки наберемъ чортову пропасть.

По мѣрѣ же того, какъ вырабатывался текстъ, становилось все болѣе и болѣе ясно, что по храбрости родители далеко отстали отъ гимназистовъ и что школьнаго начальства они боятся несравненно больше, чѣмъ ихъ сыновья.

Едва-ли не труднѣе всѣхъ приходилось въ этомъ случаѣ Дорошенкѣ. Онъ заранѣе былъ увѣренъ, что его отецъ ни-за-что не подпишетъ петиціи, и что ничего, кромѣ шутливой насмѣшки, невозможно было ожидать отъ упорнаго инженера. Дорошенко даже не хотѣлъ говорить отцу о грандіозномъ проектѣ, боясь какъ бы это не вызвало между ними ссоры и не испортило въ конецъ ихъ и безъ того холодныхъ отношеній. Однако, не сказать отцу ни слова сынъ считалъ себя не въ правѣ и, скрѣпя сердце, пошелъ на объясненіе.

Какъ-то за обѣдомъ, когда они были вдвоемъ, сынъ собрался съ духомъ и какъ бы невзначай сообщилъ:

— Папа, а у насъ въ гимназіи теперь идетъ рѣчь о томъ, чтобы родители подали попечителю коллективную просьбу...

Отецъ, не переставая хлебать супъ, поднялъ на сына свои маленькіе каріе глаза, въ которыхъ свѣтилось и любопытство и обычная насмѣшливость.

— О чемъ это? Если о томъ, чтобы сыновей-либераловъ почаще въ карцеръ сажали, такъ я первый подпишусь.

Насмѣшливое отношеніе отца, хотя и не было неожиданностью, но уязвило сына въ самое сердце. Ему было больно, что

отецъ никогда не говоритъ съ нимъ серьезно, и потому, чтобы избѣжать отцовскихъ шуточекъ, сынъ предпочелъ замолчать. Онъ уткнулся въ свою тарелку и пересталъ ѣсть.

— Никогда, никогда онъ не говорилъ со мной по-человѣчески, все сводитъ на шутку, точно я до сихъ поръ трехлѣтній ребенокъ.—И Дорошенко съ завистью вспомнилъ адмирала Трубчевскаго, который относился къ сыну, какъ къ другу, какъ къ равному.

— О чемъ же прошеніе-то?—полюбопытствовалъ, между тѣмъ, отецъ.

Сынъ вяло и неохотно, деревяннымъ тономъ передалъ ему суть дѣла, причемъ, не переставая, глядѣлъ на жирный отцовскій носъ. Этотъ носъ все морщился, точно инженеръ собирался чихнуть или расхохотаться и, когда сынъ закончилъ изложеніе петиціи, и носъ, и все лицо отца расплылось въ добродушную улыбку.

— Такъ чтобъ я подъ всѣмъ этимъ подписался? Хе-хе-хе... Хорошъ же я буду, если и въ самомъ дѣлѣ подамъ прошеніе: „Ваше, молъ превосходительство! По встрѣтившейся надобности имѣю честь покорнѣйше просить немедленнно ввести конституцію для приготовительнаго класса“. Хе-хе-хе... „Крайне, дескать, нужно“. Вѣдь этакое дурачье, право! И придумаютъ же такую штуку!... Хе-хе...

Сынъ какъ-то собралъ все свое лицо и съ холоднымъ спокойствіемъ равнодушно слушалъ смѣхъ отца. А отецъ, не сводя добродушно-насмѣшливаго взгляда съ физіономіи сына, тѣмъ временемъ продолжалъ.

— А подумалъ ли ты о томъ, что если я сегодня подамъ такое прошеніе, такъ завтра черезъ полицію придетъ предписаніе отъ губернатора: „изслѣдовать умственныя способности инженера Дорошенки“... Ну, не дураки вы, а? Сознайся!...

Сынъ покраснѣлъ и, уставившись въ свою тарелку, съ горечью, дрогнувшимъ голосомъ произнесъ:

— Да, мы дураки!.. Дураки, потому что ищемъ защиты у своихъ отцовъ, потому что надѣемся на помощь семьи и думаемъ, что за насъ заступятся... Мы, дѣйствительно, большіе дураки.

— Вотъ уже и драматическій монол-о-огъ,—шутливо протянулъ инженеръ.—Либералы только тѣмъ и занимаются, что передѣлываютъ водевили въ драму... Кто же и въ чемъ, скажи на милость, васъ обижаетъ, чтобы за васъ надо было заступиться?

— Я вамъ говорилъ, кто и въ чемъ,—не подымая глазъ, сухо уронилъ сынъ.

— А я ей-ей не понимаю. Ты говоришь, либералы недовольны, что имъ можно ходить только до 7-ми часовъ. А я ду-

маю, что для либераловъ и до 6-ти много. Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, либералы будутъ шататься по ночамъ?

— Папа, прекратимъ лучше этотъ разговоръ. Вы выяснили свою точку зрѣнія и значитъ, о чемъ же толковать?

Сынъ проговорилъ это раздражительно, даже съ гнѣвомъ, но этотъ тонъ только еще больше развеселилъ отца.

— Да почему же и не потолковать? Я тебѣ серьезно говорю, что не понимаю, чего вы хотите. Да вы и сами не понимаете. Ну, что такое значитъ, напримѣръ,—разрѣшать вамъ чтеніе книгъ изъ библіотекъ, когда вы сами его давно себѣ разрѣшили. Что, ты считаешься, кто-нибудь изъ твоихъ либераловъ считается съ этимъ запрещеніемъ? Да вы плевать хотѣли! У тебя, напримѣръ, и сейчасъ подъ тюфякомъ цѣлая библіотека запрещенныхъ книгъ. Кстати сказать, за эти книги когда-нибудь да выгонятъ тебя изъ гимназіи, непремѣнно выгонятъ.

На всѣ эти доводы отца сынъ упорно не возражалъ ни слова и упрямо каталъ по столу шарикъ изъ хлѣба. Впрочемъ, молчаніе сына не смущало отца. Онъ былъ радъ, что нашелъ благодарную тему и могъ подразнить „желторотыхъ либераловъ“. До самаго конца обѣда онъ очень охотно доказывалъ сыну, что всѣ его товарищи-гимназисты — дураки, и притомъ самаго безнадежнаго, „либеральнаго“ свойства.

— Начитаются своего Фердинанда Лассаля, а потомъ и ну „петицію“ сочинять: дескать. и мы не лѣвой ногой сморкаемся; какъ же можно намъ, либеральнымъ чижикамъ, безъ петиціи, когда всѣ передовыя націи надоѣдаютъ начальству петиціями. И намъ, значитъ, пожалуйте. Да и какая же, чортъ возьми, это цивилизація, когда ни одной петиціи, и когда самъ „Фердинандъ“ всю жизнь петиціями занимался. Охъ, ужъ этотъ мнѣ „Фердинандъ“, будь онъ неладенъ!..

Инженеръ Дорошенко питалъ необъяснимую антипатію къ Лассалю, и хотя не прочиталъ ни строки изъ твореній знаменитаго германскаго гиганта, но тѣмъ не менѣе въ разговорахъ съ сыномъ никогда не упускалъ случая, чтобы не „заушить жидовскаго либерала“. И теперь, вспомнивъ про Лассаля и вставая изъ-за стола, чтобы идти спать, инженеръ съ особеннымъ удовольствіемъ остановился на любезномъ его сердцу предметѣ.

— Да, это все онъ, все „Фердинандъ“, побрали-бъ его черти! Сколько этотъ еврейчикъ русскихъ дураковъ съ панталыку сбилъ— выговорить страшно! И когда, наконецъ, вы его раскусите? Сдѣлали себѣ божка и носятся съ нимъ! Фер-ди-нандъ Лассаль— подумаешь, какая птица! И съ какой стати *Фердинандъ?* Христіанское имя и вдругъ еврейчикъ носитъ—на какомъ основаніи? Почему не Шлемка, не Янкель не Исакъ? Почему непремѣнно

Фердинандъ? Вѣдь этакое нахальство жидовское! Страсть какая-то ко всему поддѣльному, ко всему фальшивому... Русскій человѣкъ никогда на такіе псевдонимы не поднимается. Не стану же я, напримѣръ, называть себя Джузеппе Дорошенко, когда я всего на всего Осипъ Дорошенко?...

Вдосталь насладившись разговоромъ о Лассалѣ, инженеръ сладко потянулся всѣмъ своимъ плотнымъ, крѣпкимъ тѣломъ, хрустнулъ пальцами и тяжелой походкой слишкомъ основательно пообѣдавшаго человѣка побрелъ спать. А сынъ еще долго сидѣлъ за столомъ и разсѣянно каталъ свой шарикъ изъ хлѣба. Его смуглое лицо съ пушкомъ на верхней губѣ и съ длинными загнутыми рѣсницами, за которыя товарищи прозвали его „Віемъ", было безнадежно печально. Разладъ съ отцомъ все больше и больше тяготилъ его и подымалъ со дна души какія-то неясныя, но тоскливыя чувства. Правда, нынѣшній разговоръ ничего новаго не прибавилъ, но онъ, какъ волненье на морѣ, поднялъ со дна песокъ и замутилъ прозрачную, чистую воду.

— Скорѣй бы, скорѣй отсюда!—мысленно шепталъ гимназистъ и чувствовалъ, что вся его душа рвется вонъ изъ чиннаго, спокойнаго и сытаго отцовскаго дома.

— Скорѣй на вольный Божій свѣтъ!..

Божій свѣтъ въ представленіи Дорошенки обыкновенно замыкался въ предѣлы университета, дальше котораго его воображеніе не шло. Но зато университетъ оно разрисовывало такими яркими, густыми красками, что при одной мысли о возможности попасть, наконецъ, туда, спирало въ груди дыханіе. Для Дорошенки университетъ съ четвертаго класса былъ магнитомъ, притягивавшимъ къ себѣ всѣ его помыслы, всѣ мечты, всѣ надежды. Онъ увлекалъ его, главнымъ образомъ, потому, что за порогомъ университета прекращалось подопечное состояніе, что только тамъ онъ могъ почувствовать себя свободнымъ, полноправнымъ человѣкомъ.

— Всѣ эти родители,—мечталъ онъ,—всѣ мучители, учители, попечители—все это останется тамъ, позади, все это свалится съ его плечъ и потеряетъ свою власть надъ нимъ, независимымъ и самостоятельнымъ *человѣкомъ*. О! въ университетѣ онъ непремѣннно будетъ самостоятеленъ. Никакія силы не заставятъ его допустить матеріальную зависимость отъ отца, и ни одна отцовская копѣйка—чего бы это ни стоило—не ляжетъ камнемъ на его душу.

Отъ мечтаній оторвала гимназиста прислуга, пришедшая убирать со стола. Онъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, и мысли его снова перепрыгнули на петицію. Петиція за послѣдніе дни такъ завладѣла всѣмъ его существомъ, что ни о чемъ другомъ онъ не могъ ни думать, ни говорить.

Насобираемъ ли подписей, удастся ли раскачать родителей и что вообще представляютъ собой эти загадочные родители?—таковы были постоянные мысли Дорошенки, мучившіе его и днемъ, и ночью. Родители безпокоили его въ особенности. Въ его воображеніи они сливались въ какую-то загадочную, сѣрую массу случайныхъ людей, поведенія которыхъ никакъ нельзя было предугадать заранѣе: могутъ и въ сторону шарахнуться, какъ перепуганные телята, но съ другой стороны могутъ, какъ овцы, увлеченныя примѣромъ, побѣжать въ одну сторону, и какъ разъ туда, куда нужно. Дорошенкѣ мучительно хотѣлось угадать, куда именно они побѣгутъ. Онъ даже всякій день ходилъ къ знакомымъ гимназистамъ и, со свойственнымъ ему жаромъ, на всѣ лады доказывалъ родителямъ, что они, изъ любви къ сыновьямъ и изъ уваженія къ себѣ, должны подать свой голосъ въ защиту собственныхъ дѣтей. Но чѣмъ больше ходилъ Дорошенко, тѣмъ тоскливѣе у него становилось на душѣ и тѣмъ яснѣе для него было, что родители по самую шею вросли въ то болото, на которое забросила ихъ судьба и что надобны силы Геркулеса, чтобы вытащить ихъ хоть на вершокъ.

Сегодня Дорошенко рѣшилъ идти къ Варшавчику, который давно уже звалъ его, чтобы общими силами сдѣлать натискъ на мать и убѣдить ее, что петиція вещь вполнѣ безопасная.

— Легко сказать—убѣдить. А сунься-ко убѣди ее, когда у нея съ дѣтства душа въ пятки ушла, да тамъ и осталась.

Изъ дому онъ вышелъ озабоченный и печальный.

XVI.

Мать Варшавчика была по профессіи акушерка, а по происхожденію еврейка. Очень рано овдовѣвъ (всего на осьмнадцатомъ году), она прошла долгую школу страданій и терпѣнія. Едва похоронивъ мужа, она должна была оставить насиженное мѣсто, покинуть друзей и переѣхать въ другой городъ. Въ чужомъ городѣ, безъ гроша денегъ, съ ребенкомъ на рукахъ, она поселилась въ углахъ и, до обморока работая, по недѣлямъ голодала. Днемъ она поштучно шила юбки на толкучій рынокъ, а ночью готовилась къ экзамену на акушерку. Цѣлыхъ три года тянулась эта отчаянная, безумная борьба съ голодной смертью и кончилась побѣдой—ее приняли на курсы. Это былъ первый радостный день послѣ смерти мужа и въ этотъ день она въ первый разъ плакала радостными слезами. Но курсы принесли съ собой только ту перемѣну, что она теперь училась днемъ, а работала ночью, работы же еще прибавилось, и къ концу ученія

эта молодая, красивая, изящная женщина превратилась въ худенькаго нервнаго заморыша съ плоскою грудью, съ блѣднымъ лицомъ и съ остановившимися въ какомъ-то нѣмомъ испугѣ глазами. Но теперь у нея была, по крайней мѣрѣ, надежда. Она мечтала уѣхать въ деревню, пока подрастетъ сынъ, мечтала поправиться, отдохнуть и хоть годъ, другой не дышать промозглой атмосферой угловъ, не ходить по вонючимъ лѣстницамъ, не угорать каждый день отъ кухоннаго чада. Но, увы! ни одна изъ этихъ надеждъ не сбылась. Такъ и не уѣхала она никуда изъ своихъ угловъ и только приклеила на своемъ окнѣ маленькую бумажную вывѣску, въ родѣ тѣхъ, что выставляются о сдачѣ комнаты: „Акушерка Варшавчикъ. Бѣдные безплатно".

Вначалѣ эта вывѣска почти совсѣмъ не защищала отъ голода, и только когда къ слову „акушерка" прибавилась „и массажистка", дѣла пошли лучше, и къ тому времени, когда нужно было отдавать сына въ гимназію, судьба обернулась къ бѣдной женщинѣ лицомъ и окончательно вырвала ее изъ лапъ нужды.

И Варшавчика, и его мать Дорошенко засталъ за горячимъ споромъ. Рѣчь шла все о той же злосчастной петиціи. Мать, видимо, горячилась и нервничала: на ея блѣдныхъ щекахъ пятнами выступилъ румянецъ, а большіе, какъ у сына, темные глаза горѣли недобрымъ блескомъ. Дорошенко замѣтилъ, что даже уши у нея были красны.

Съ гостемъ акушерка поздоровалась сдержанно и сухо, а сынъ, уловивъ эту сухость, привѣтствовалъ товарища съ особенной теплотой.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—никакъ не могу убѣдить ее подписаться—боится.

— И не скрываю, что боюсь! — нервно бросила мать и вызывающе посмотрѣла на гимназистовъ.—Да, и не скрываю, нисколько не скрываю, потому что намъ, нечего совать свой носъ въ эту затѣю!

— Да почему же, madame Варшавчикъ, — учтиво спросилъ Дорошенко? (На югѣ въ еврейскихъ семьяхъ не въ обычаѣ называть знакомыхъ по имени отчеству).

— А вашъ отецъ, monsieur Дорошенко, подпишется?

Теперь уже Дорошенко былъ застигнутъ врасплохъ. Онъ давно боялся этого вопроса и потому совсѣмъ смутился и покраснѣлъ.

— Мой отецъ, собственно, не подписался и не подпишется, но онъ...

Лицо акушерки вспыхнуло радостью и, переходя въ наступленіе, она съ торжествомъ воскликнула.

— А! Онъ не подписалъ, вы говорите, онъ не подпишетъ даже! Этого довольно! Я тоже не подпишу!

— Мама,—вмѣшался въ разговоръ все время смущенно молчавшій Варшавчикъ,—что ты такъ ухватилась за Дорошенкинаго отца? Какъ будто это развязываетъ тебѣ руки, какъ будто...

— А ты молчи!—рѣзко оборвала акушерка сына.—Ты долженъ знать, что ты жидовское отродье, что если ты еще дышишь, такъ только потому, что молчишь! Понялъ?

Дорошенко въ отчаяніи хлопнулъ себя по поламъ своей сѣрой блузы.

— Да побойтесь Бога, madame Варшавчикъ!

Но акушерка заткнула уши и, выбѣгая въ другую комнату, прокричала:

— И слышать не хочу! Скорѣй отдамъ руку на отсѣченіе, чѣмъ буду подписывать такія вещи!..

Столь категорическая форма отказа повергла обоихъ гимназистовъ въ крайнее смущеніе. Дорошенко, склонивъ голову, молча сидѣлъ у рабочаго стола товарища и барабанилъ пальцами по переплету лежавшаго тутъ Горація. А Варшавчикъ смущенными, виноватыми глазами старался заглянуть въ лицо пріятеля, чтобы прочитать, очень ли осуждаетъ онъ его мать. Ему больно было при одной мысли, что Дорошенко истолкуетъ какъ-нибудь въ дурную сторону слова его матери и посмѣется надъ ея трусостью. Въ совершенномъ смущеніи, моргая своими огромными глазами, Варшавчикъ тихо пробормоталъ:

— Она всегда такая боязливая; думаетъ, что если она еврейка, такъ ей и на свѣтѣ нельзя жить... Она много намучилась...

— Да, это видно,—вздохнувъ, сказалъ Дорошенко и поднялся, чтобы проститься.

— Ты куда?

— Пойду къ Савицкому.

— И я съ тобой. Хорошо?

— Отлично!..

Варшавчикъ суетливо напялилъ на свою большую голову фуражку, накинулъ пальто и на ходу крикнулъ матери въ другую комнату.

— Мама, я ухожу къ Савицкому!

На улицѣ пріятели почти не разговаривали. Дорошенко шелъ хмурый и сосредоточенный, а Варшавчикъ то и дѣло бросалъ на него незамѣтные взгляды, все стараясь угадать, какъ отнесся его товарищъ къ матери и очень ли онъ ее осуждаетъ. Варшавчику чрезвычайно хотѣлось прямо спросить пріятеля, но мѣшала робость, и потому онъ, уже подходя къ дому, гдѣ жилъ Савицкій, началъ издалека, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Моя мать очень за меня боится. Она всегда точно на

иголкахъ сидитъ, всегда дрожитъ, что меня выгонятъ изъ гимназіи, что я не попаду въ университетъ...

— Да, она очень у тебя напуганная...—разсѣянно подалъ реплику Дорошенко.

— Страсть, какъ напугана! Она всегда производитъ впечатлѣніе трусихи. Но знаешь, ей, дѣйствительно, тяжело было. А въ сущности она совсѣмъ не такая, какъ кажется. Я знаю, что она намъ сочувствуетъ, что душой она на нашей сторонѣ. Если бы ты видѣлъ, какъ она волнуется и злится, когда я разсказываю ей о гимназіи. Даже съ лица перемѣнится, поблѣднѣетъ вся, губу закуситъ, а глаза такъ и горятъ, такъ и горятъ... Право, она въ сущности совсѣмъ не такая, какъ кажется...— И помолчавъ немного Варшавчикъ прибавилъ:—Если бы ты у насъ чаще бывалъ, ты самъ бы увидѣлъ... На самомъ дѣлѣ она совсѣмъ, совсѣмъ другая...

Робкій тонъ и теплая искренность Варшавчика заставили Дорошенку поднять голову. Онъ замедлилъ шагъ, поглядѣлъ въ большіе мигающіе глаза пріятеля и ласково улыбнулся.

— Вотъ дуракъ! Ты, кажется, оправдываешься? Да я былъ бы послѣднимъ подлецомъ, если бы осудилъ твою мать.

Лицо Варшавчика расцвѣло радостной улыбкой.

— Правда? Ей-Богу?

— Вотъ дуракъ!—улыбаясь, отвѣтилъ Дорошенко и, ласково хлопнувъ пріятеля по спинѣ, воскликнулъ:

— Этакая идіотина!..

Савицкаго не было дома, когда къ нему пришли Варшавчикъ съ Дорошенкой. Но прислуга сказала, что онъ скоро придетъ, и потому оба рѣшили подождать и, разоблачившись, уложили свои пальто на кровати хозяина, какъ это дѣлали всѣ гости Савицкаго, за отсутствіемъ вѣшалки и даже гвоздя въ передней.

Комната Савицкаго, снимаемая имъ у дяди (на этотъ разъ самаго подлиннаго), пользовалась во всей гимназіи громадной популярностью. Не было гимназиста старшихъ классовъ, который не побывалъ бы здѣсь хоть разъ въ недѣлю. Это было нѣчто вродѣ гимназическаго клуба, обставленнаго, впрочемъ, совсѣмъ по-спартански: узкій, длинный столъ, въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются чертежниками и обойными мастерами, полдюжины стульевъ, сосновыя полки для книгъ и искалѣченная этажерка въ углу— такова была вся несложная обстановка этого обиталища. Во всей комнатѣ не было и намека на ученическія принадлежности; ни географической карты на стѣнѣ, ни глобуса, ни даже какого-нибудь учебника или тетради. Всѣ свои ученическія принадлежности Савицкій хранилъ въ ранцѣ, подъ кроватью, и гордился

тѣмъ, что въ его комнатѣ „не оскорбляла зрѣніе гимназическая требуха“. За то, вмѣсто учебниковъ, въ комнатѣ, какъ въ газетной редакціи, была тьма всевозможныхъ газетъ, русскихъ и иностранныхъ, и десятка полтора разложенныхъ на столѣ журналовъ. Всѣ эти сокровища Савицкій приносилъ изъ редакціи „на потребу всей братіи“, и хотя сокровища не отличались свѣжестью (журналы были за прошлый и позапрошлый мѣсяцъ, а газеты отставали на цѣлую недѣлю), но въ глазахъ гимназистовъ это былъ сущій кладъ. Они отъ души посылали заочныя благодарности благодушному старичку-редактору и слетались къ Савицкому, какъ мухи на медъ. Савицкій такъ привыкъ, что въ комнатѣ его была, какъ говорится, нетолченая труба, что вывѣсилъ даже надпись надъ своимъ столомъ:

„Самоваръ во всякое время можетъ поставить кухарка Аннушка. Чай, сахаръ и папиросы — на этажеркѣ; деньги въ столикѣ. Ни журналовъ, ни газетъ нельзя брать на домъ“.

На свою роль поставщика книгъ Савицкій смотрѣлъ, какъ на общественное служеніе, и организовалъ свой импровизированный „кабинетъ для чтенія“, о которомъ мечталъ еще въ шестомъ классѣ, съ единственной цѣлью дать возможность товарищамъ слѣдить за текущей журналистикой и литературой. Справедливость требуетъ отмѣтить, что впервые Савицкій напалъ на мысль о „кабинетѣ“ подъ вліяніемъ извѣстной уже читателю пресловутой рѣчи директора о вредѣ безсистемнаго чтенія.

Съ этой мыслью, которую Дорошенко назвалъ „геніальной“, Савицкій носился довольно долго и осуществилъ ее лишь при помощи своего друга Бернштейна, одного изъ вліятельнѣйшихъ сотрудниковъ мѣстной газеты. Планъ организаціи „кабинета“ былъ до тонкости разработанъ совмѣстно съ Дорошенкой, причемъ на совѣщанія, въ качествѣ „эксперта-мошенника“, всякій разъ приглашался Трубчевскій. Послѣдній завѣдывалъ, по собственному его выраженію, „отдѣломъ предосторожностей“ и долженъ былъ изыскать способъ такой организаціи „кабинета“, при которой „опасность со стороны „халдеевъ“ была бы доведена до возможнаго минимума“. Надо отдать справедливость Трубчевскому—онъ съ честью вышелъ изъ затрудненій и вполнѣ оправдалъ репутацію „перваго въ гимназіи мошенника“. По его настояніямъ, была нанята квартира съ двумя входами: на одной и той же площадкѣ лѣстницы было двѣ двери рядомъ, одна вела въ совершенно изолированный „кабинетъ“, другая въ квартиру дяди Савицкаго. Прислугѣ было строжайше внушено, что въ „кабинетъ“ можно впускать лишь гимназистовъ и особо указанныхъ лицъ, а когда барчука-Савицкаго будутъ спрашивать „штатскіе“, то вести ихъ прямо въ квартиру. Въ квартирѣ же

комната дяди-Савицкаго оффиціально была превращена въ комнату гимназиста-Савицкаго, причемъ Трубчевскій, для отвода глазъ, соотвѣтствующимъ образомъ декорировалъ ее: наставилъ на этажеркѣ греческихъ и нѣмецкихъ словарей, поставилъ въ углу искалѣченный глобусъ, повѣсилъ на стѣнѣ гимназическую фуражку и старые коньки, а на противоположной стѣнѣ прибилъ большую карту Америки. Закончивъ такимъ образомъ „декоративную часть", Трубчевскій, потирая руки отъ удовольствія, шутливо говорилъ, что если Харченко и заглянетъ сюда когда-нибудь, то ему ни за что „не открыть этой Америки".

Надъ „Америкой" гимназисты очень много потѣшались. Но они пришли въ совершенный восторгъ, когда Трубчевскій, въ качествѣ заключительнаго штриха въ декораціи, прибилъ на дверяхъ „кабинета" визитную карточку, на которой отчетливо было изображено: „Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Селифонтовъ".

— Теперь ужъ ни одинъ чортъ не сунетъ сюда носа! — торжествуя говорилъ „декораторъ".

Прошло добрыхъ полчаса, а Савицкій все еще не возвращался. Отъ скуки Дорошенко и Варшавчикъ попросили Аннушку поставить самоваръ и принялись за журналы. Перекидываясь время отъ времени коротенькими фразами, они предались тому кейфу, который такъ соблазнялъ гимназистовъ въ этой почти пустой, просторной, но низенькой комнатѣ. Оба чувствовали себя какъ дома и даже лучше чѣмъ дома, потому что въ квартирѣ родителей не было той безусловной свободы и совершенной непринужденности, какая всегда царствовала въ комнатѣ Савицкаго. Родственники Савицкаго никогда сюда не заглядывали и рѣшительно не безпокоили „читателей кабинета". Это были очень бѣдные полуинтеллигентные люди, признававшіе умственный авторитетъ Савицкаго и дорожившіе той платой, которую получали съ племянника за квартиру и столъ.

За чтеніемъ незамѣтно пролетѣло и еще полчаса, а хозяина все не было.

— Однако, онъ сегодня съ значительнымъ опозданіемъ,— процѣдилъ Дорошенко, не отрываясь отъ „Русской Мысли".

— Бѣгаетъ, бѣдняга, по урокамъ,— тоже не отрываясь отъ „Русской Старины", буркнулъ Варшавчикъ, большой любитель исторіи.

Наступило опять молчаніе, но не надолго.

— Ты сказалъ—„бѣдняга",—задумчиво промолвилъ Дорошенко, отрываясь отъ книги.—А почему? Въ концѣ концовъ, онъ устроился едва ли не лучше насъ всѣхъ: самъ себѣ панъ, и на всѣхъ плевать хотѣлъ. Такая независимость чего-нибудь да стоитъ.

*

— Но за то трудно ему,—тоже отрываясь отъ книги, задумчиво сказалъ Варшавчикъ.—Я даже не понимаю, какъ онъ успѣваетъ: и учится, и по урокамъ бѣгаетъ, и въ газетѣ пишетъ и читаетъ. И вѣдь нисколько не меньше насъ читаетъ... Моя мать всегда говоритъ, что онъ плохо кончитъ: надорвется и разстроитъ здоровье.

— Ну, это еще бабушка на двое сказала. Работаетъ онъ, это правда, какъ волъ, но за то живетъ полной жизнью, ничѣмъ никому не обязанъ, ничѣмъ...

Дорошенко не договорилъ своей фразы, потому что на лѣстницѣ послышались проворные шаги и вслѣдъ затѣмъ широко распахнулась дверь „кабинета". На порогѣ показался хозяинъ.

— О! да у меня никакъ гости!—весело крикнулъ онъ и, не снимая ни пальто, ни фуражки, съ ожесточеніемъ потрясъ руки товарищей.—Здорово, черти!.. И самоварчикъ сварганили—вотъ здорово! Я, признаться, проголодался, какъ сорокъ тысячъ индусовъ! Въ двадцати мѣстахъ былъ, и хоть бы тебѣ одна собака стаканъ чаю предложила!

И блистая своими прелестными синими глазами, веселый и возбужденный, Савицкій сталъ разгружать свои карманы. На столѣ появилась всякая снѣдь: полфунта ветчины, булки, бублики, халва.

— Я сегодня за урокъ получилъ,—объяснилъ онъ происхожденіе этихъ предметовъ роскоши.—Налейте, братцы, и мнѣ чайку.

Варшавчикъ поглядѣлъ на Савицкаго глазами любящей женщины и съ удовольствіемъ, ясно написанномъ на лицѣ, принялся наливать чай.

Савицкій тѣмъ временемъ снялъ пальто и, не отходя отъ стола, швырнулъ его, сажени за двѣ, на кровать, потомъ, какъ былъ въ фуражкѣ и колошахъ, оторвалъ кусокъ булки, покрылъ его ломтемъ ветчины и съ нескрываемымъ наслажденіемъ отправилъ въ ротъ.

— Ѣшьте!—едва ворочая языкомъ, пробормоталъ онъ и глазами указалъ на снѣдь. Но товарищи не были голодны и оказали честь лишь халвѣ.

— Ну, разсказывай, гдѣ былъ, что слышно!

— Чортъ знаетъ, гдѣ только не былъ!—не переставая жевать и плохо ворочая языкомъ въ набитомъ ртѣ, возбужденно говорилъ Савицкій.—Былъ на урокахъ, былъ у Бернштейна, былъ въ редакціи, у Ливанова и на секундочку забѣжалъ къ Трубчевскому.

— Ну что отецъ Трубчевскаго?—въ одинъ голосъ спросили и Дорошенко и Варшавчикъ.—Подпишетъ петицію?

Савицкій, глотая кусокъ, кивнулъ головой.

— Знаете, что сказалъ нашъ адмиралъ? Онъ сказалъ, что эта

петиція напоминаетъ ему крестовый походъ дѣтей, и что если дѣти поднялись въ походъ, такъ родителямъ не годится прятаться въ кусты!.. Каковъ?—восторженно закончилъ Савицкій.

При этихъ словахъ пріятеля, Варшавчикъ низко опустилъ голову къ столу, а Дорошенко отрывисто, лаконически сообщилъ Савицкому, что мать Варшавчика и его, Дорошенкинъ, отецъ отказались подписать. Ни одного слова о причинахъ отказа онъ не сообщилъ, и Савицкій изъ деликатности не только не сталъ спрашивать, но даже сказалъ задумчиво и грустно:

— Если бы мои родители были живы, они тоже, вѣроятно, отказались бы. Всѣ отказываются: давеча я къ Ливанову зашелъ, такъ его отецъ просто до потолка прыгаетъ. Перетрусилъ старикъ такъ, что чуть не заболѣлъ. Все кричитъ: „Мы не во Франціи! Вы, чего добраго попросите еще, чтобъ я на старости лѣтъ „марсельезу“ пѣлъ!“—Савицкій весело улыбнулся и, показывая всѣ свои молодые, бѣлые зубы, присовокупилъ со свойственнымъ ему юморомъ:—Какая ужъ къ чорту „марсельеза“, когда мы за всю свою жизнь ничего, кромѣ „комаринской“, не пѣвали!..

Но это замѣчаніе вызвало лишь слабую улыбку на лицахъ товарищей. Обоимъ было грустно на душѣ, оба болѣли сердцемъ за своихъ родителей.

— Вообще, похоже на то,—нахмурившись сказалъ Дорошенко,—что наша петиція полетитъ ко всѣмъ чертямъ.

Савицкій развелъ руками.

— „Неизвѣстно будущее“, сказалъ Гоголь, и ему надо вѣрить: чортъ его знаетъ, что выйдетъ. Но дѣла идутъ, дѣйствительно, неважно. Кого ни спросишь: „ну что твои родители?“—только рукой махнетъ. Но представьте,—точно вспомнивъ что-то, весело крикнулъ Савицкій,—мать Мельникова подписалась! Хоть и неграмотная, а подписалась! И замѣтьте, Мельниковъ ее не убѣждалъ, не приставалъ, а только объяснилъ: „такъ, молъ, и такъ, мама, вотъ родители моихъ товарищей хотятъ просить начальство, чтобъ намъ передышку дали. Хотите подписаться?“ И что же бы вы думали? Взяла прачка бумагу въ руки и съ наслажденіемъ три здоровеннѣйшихъ креста закатила! Вполнѣ сознательно закатила!

Варшавчикъ опять низко склонилъ голову, а Дорошенко не утерпѣлъ и въ порывѣ искренняго восхищенія крикнулъ:

— Молодецъ-баба! Ай, да прачка!..—И возбужденно забѣгавъ по комнатѣ, онъ прибавилъ:—Чортъ возьми, можетъ быть, мы еще повоюемъ!..

Три креста прачки настроили и Дорошенку, и Варшавчика съ Савицкимъ на самый оптимистическій ладъ. Они вслухъ мечтали о своей петиціи, строили тысячи всевозможныхъ предположеній, высказывали сотни самыхъ радужныхъ надеждъ и засидѣлись въ „читальнѣ“ далеко за полночь.

Провожая въ первомъ часу ночи пріятелей на лѣстницу, Савицкій убѣждалъ ихъ „вѣрить въ правое дѣло".

— Знаете,—вспомнилъ онъ,—что сказалъ о петиціи Бернштейнъ? Онъ сказалъ, что петиція—это, во всякомъ случаѣ, экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, который мы устраиваемъ нашимъ родителямъ!.. Здорово сказано?

Менѣе чѣмъ недѣлю спустя, послѣ того, какъ была выработана окончательная редакція петиціи, съ несомнѣнной очевидностью выяснилось, что родители экзамена не выдержали. Результаты голосованія оказались самые ничтожные: седьмой классъ едва-едва насобиралъ лишь восемь подписей, шестой—три, пятый—пять, а восьмой—ни одной. Родители восьмиклассниковъ полагали, что ихъ сыновья все равно кончаютъ въ этомъ году гимназію и, слѣдовательно, хлопотать не для кого и незачѣмъ. Такимъ образомъ, всего на всего было собрано шестнадцать подписей, да и изъ тѣхъ нѣкоторые были еще подъ сомнѣніемъ, такъ какъ многіе подписались лишь условно и просили снять ихъ подписи, если общее число подписавшихся будетъ менѣе ста человѣкъ. Въ день, когда эти итоги выяснились, въ комнатѣ Савицкаго опять былъ созванъ малый митингъ и на баллотировку былъ поставленъ вопросъ: идти ли до конца, или повернуть вспять?

Большинство стояло за то, что идти на срамъ и вѣрный провалъ нечего: но были и такіе, которые доказывали, что никакого срама здѣсь нѣтъ и что важно создать прецедентъ.

Во время этихъ дебатовъ Дорошенко хранилъ упорное молчаніе. Лицо его было пасмурно, глаза злые и весь онъ имѣлъ видъ человѣка, котораго обманули. Онъ разсѣянно слушалъ споры товарищей и заговорилъ только тогда, когда къ нему обратились съ прямымъ вопросомъ.

— Вы спрашиваете меня, что надо дѣлать съ прошеніемъ?—вставая и подходя къ столу, сказалъ онъ.—По моему, съ нимъ можно сдѣлать только вотъ что!

И схвативъ со стола тщательно, каллиграфически переписанное прошеніе онъ со злостью, съ искривившимся ртомъ разодралъ его на-двое.

— Вотъ что съ нимъ надо сдѣлать! Вотъ что надо сдѣлать, вотъ что съ нимъ!..—Дорошенко съ какимъ-то наслажденіемъ, со страстью терзалъ прошеніе, на мельчайшіе кусочки, точно врага, нанесшаго ему смертельное оскорбленіе. Потомъ, схвативъ эти кусочки въ руку, онъ швырнулъ ихъ въ сторону и кусочки бѣлымъ дождемъ разсыпались по комнатѣ.

А. Яблоновскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ ВЪ НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ XIX ВѢКА *).

Въ жизни человѣчества существуютъ условные моменты, которые, хотя и ничѣмъ не отличаются отъ предшествующихъ и послѣдующихъ моментовъ, однако, являются удобнымъ поводомъ для подведенія итоговъ прошлаго и для учета надеждъ будущаго. Такой моментъ представляетъ наше вступленіе въ двадцатое столѣтіе. Много было пережито человѣчествомъ въ прошломъ XIX вѣкѣ, много новаго было имъ создано и проведено въ жизнь. Какъ все это отразилось на судьбахъ женской половины человѣческаго рода и что оно ей обѣщаетъ въ дальнѣйшемъ? Ставя себѣ эти вопросы, мы далеки, конечно, отъ мысли сказать что-либо новое, а желаемъ лишь подвести самые общіе итоги экономической исторіи женщины въ прошломъ столѣтіи, явившемся для нея рѣшающей и поворотной эпохой.

Съ незапамятныхъ временъ женщина является виднымъ работникомъ на хозяйственномъ поприщѣ. Въ первобытныхъ племенахъ на нее возлагаются даже самыя тяжелыя и непріятныя работы. Въ то время, какъ мужчина занятъ охотой, войной и другими благородными видами дѣятельности, женщина должна отыскивать дикіе плоды, таскать убитыхъ животныхъ, а съ возникновеніемъ земледѣлія заниматься полевыми работами. Позднѣе осѣдлость и болѣе мирный строй жизни внесли существенное измѣненіе въ характеръ труда женщины; послѣдняя сосредоточивается по преимуществу на веденіи домашняго хозяйства, на заботахъ по устройству дома, по приготовленію пищи, одежды и т. п. Такая роль домоправительницы и домохозяйки принадлежитъ ей въ теченіе всей древней и средневѣковой исторіи; типичной похвалой служило, напр., въ Римѣ изреченіе: «она сидитъ дома и ткетъ». Однако, какъ въ первобытномъ хозяйствѣ, такъ и въ позднѣйшее время женщина остается въ полномъ подчиненіи мужчинѣ. Представители болѣе сильнаго пола являются домовладыками, властелинами судьбы какъ своихъ женъ, такъ и дѣтей. Эта власть выражается въ полной экономической и юридической зависимости женщины отъ отца семейства и доходитъ въ Римѣ даже до права мужа на жизнь жены. «Резуль-

*) Публичная лекція, прочитанная въ Томскѣ 3 февраля 1901 года.

таты труда женщинъ, — говоритъ Стетсонъ, — составляютъ собственность мужчины, вся ихъ дѣятельность опредѣляется его волей, а получаемыя ими средства существованія зависятъ отъ его власти». Широкая власть мужчины, возникшая изъ права сильнаго, была закрѣплена обычаемъ и правомъ на многія столѣтія. Главнымъ предназначеніемъ женщины было вступленіе въ бракъ, рожденіе и воспитаніе дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается своеобразное раздѣленіе функцій двухъ половъ: мужчина добываетъ средства существованія во внѣ, а женщина завѣдуетъ потребленіемъ добытаго. Этимъ еще прочнѣе устанавливается экономическая зависимость замужней женщины. Что касается тѣхъ женщинъ, которыя не могли выдти замужъ, то онѣ оставались приживалками въ родѣ или семьѣ, а въ средніе вѣка нерѣдко поступали въ монастыри. Сосредоточеніе труда женщины на домашнемъ хозяйствѣ продолжается и въ эпоху новой исторіи, хотя здѣсь мы можемъ уже отмѣтить нѣкоторые зачатки хозяйственной ея дѣятельности для рынка, напр., въ шелковомъ, шерстяномъ производствѣ, въ изготовленіи кружевъ, полотна и пр. Эти занятія ведутся, однако, преимущественно дома и сравнительно небольшой частью женскаго населенія. Вотъ почему они не останавливаютъ на себѣ ничьего вниманія и не оказываютъ никакого вліянія на общее положеніе женщины.

Рѣшающее значеніе для судебъ женщины имѣло изобрѣтеніе машинъ въ концѣ XVIII вѣка и связанный съ нимъ промышленный переворотъ. Тяжелый физическій трудъ, выполнявшійся раньше ручнымъ рабочимъ, былъ переданъ теперь машинѣ, а человѣку остался только надзоръ и управленіе ею. Для этого достаточно было легкихъ усилій женскихъ и дѣтскихъ рукъ, которыя къ тому же отличались необходимымъ при максимальномъ производствѣ проворствомъ, тонкостью и гибкостью (напр., при связываніи рвущихся нитокъ); фабриканты сейчасъ же обратились къ труду этихъ новыхъ категорій рабочихъ, которыя вознаграждались болѣе дешевой заработной платой и представляли болѣе послушную и менѣе притязательную массу. Въ 1768 году въ Англіи была выстроена первая хлопчатобумажная прядильная фабрика, а черезъ 20 лѣтъ въ ней было уже 142 такихъ фабрики съ 26.000 рабочихъ мужчинъ, 35.000 дѣтей и 31.000 женщинъ. Чѣмъ болѣе развивалась новая крупная индустрія, тѣмъ значительнѣе становится притокъ женщинъ въ промышленныя предпріятія. Въ той же Англіи, долгое время пользовавшейся плодами творческаго генія англійскихъ изобрѣтателей, число фабричныхъ работницъ составляло 463.600 въ 1841 г. и 1.447.500 въ 1891 г., т.-е. увеличилось на 221%, въ то самое время, какъ число рабочихъ мужчинъ возрасло съ 1.030.600 чел. до 1.576.100, т.-е на 53%. Приростъ всего женскаго трудящагося населенія точно такъ же сильнѣе, чѣмъ приростъ мужского. Если сравнить число женщинъ въ Англіи и Уэльсѣ, занятыхъ какимъ-либо промысловымъ трудомъ (то, что нѣмцы назы-

ваютъ erwerbstäthige, т.-е. трудящіяся въ земледѣліи, промышленности, торговлѣ и въ свободныхъ профессіяхъ) и работой въ качествѣ прислуги, то окажется что ихъ было

въ 1871 г.	3.322.280	человѣкъ.
» 1881 »	3.403.918	»
» 1891 »	4.016.320	»

Увеличеніе ихъ числа за 1871—1891 равняется 20,9%, въ то время, какъ число мужчинъ, занятыхъ всѣми видами промысловаго труда, увеличилось за то же время только на 7,9%. За 1881—1891 гг. увеличеніе числа трудящихся женщинъ составило 15,22%, а увеличеніе числа мужчинъ 12,38%.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки число женщинъ, занятыхъ какимъ-нибудь промысловымъ трудомъ, возрасло съ 1.836.288 въ 1870 г. до 2.647.157 въ 1880 г. и 3.914.711 въ 1890 г., т.-е. процентъ возростанія былъ равенъ 117%, а число мужчинъ возрасло за то же время съ 10,7 до 18,8 мил., т.-е. на 76%; за 1880—1890 гг это возрастаніе равняется 47,8% для женщинъ и 27,6% для мужчинъ.

Въ Германіи, наконецъ, трудящихся для заработка женщинъ въ 1882 г. 5.541.517, а въ 1895 г. уже 6.578.350 человѣкъ, что составляетъ увеличеніе на 18,71%, тогда какъ среди мужчинъ процентъ увеличенія былъ 15,78%. Что касается Россіи, то въ ней мы имѣемъ данныя только о фабричномъ населеніи; число фабричныхъ работницъ быстро растетъ какъ абсолютно, такъ и относительно; въ 1885 г. онѣ составляли 30% общаго числа рабочихъ, а въ 1899 г. уже 44% (т.-е. 660.000 чел. изъ 1½ милліоновъ). Итакъ, мы можемъ сказать, что появленіе машинной индустріи вовлекло въ самостоятельную хозяйственную дѣятельность много милліоновъ женщинъ и что ростъ женскаго промысловаго населенія въ теченіе всего XIX вѣка значительно превышаетъ ростъ мужского населенія.

Если мы сравнимъ число женщинъ, занятыхъ въ настоящее время какимъ-либо трудомъ, съ общимъ количествомъ женскаго населенія, то получимъ слѣдующіе результаты. Во всей Великобританіи въ 1891 г. изъ всего женскаго населенія въ 19.418.351 чел. посвящало себя промысловымъ занятіямъ 5.081.493 чел., т.-е. 26,2%, немного болѣе одной четверти всѣхъ женщинъ, въ Англіи и Уэльсѣ — 26,9%; въ то же время изъ всего мужского населенія трудящіеся составляли 62,6%, или свыше трехъ пятыхъ мужчинъ. Изъ числа женщинъ старше 10 лѣтъ было занято трудомъ въ 1881 г. 34,05%, а въ 1891 г. уже 34,42%. Въ Соединенныхъ Штатахъ процентъ трудящихся женщинъ къ женскому населенію старше 10 лѣтъ составлялъ:

въ 1870 г.	13,1%
» 1880 »	14,7 »
» 1890 »	17,0 »

Въ отношеніи ко всему женскому населенію процентъ трудящихся составлялъ въ 1890 г. 12,6%. Въ Германіи процентъ трудящихся женщинъ къ общему числу женщинъ составлялъ въ 1882 г. 23,9%, въ 1895 г. уже 24,96%, т.-е. четверть всѣхъ женщинъ, тогда какъ мужчинъ было занято какой-нибудь промысловой дѣятельностью 61%, или три пятыхъ мужского населенія. Точно такъ же во Франціи, по даннымъ переписи 1891 г., трудящихся для заработка женщинъ было 4,6 мил., или 24,1% женскаго населенія. Въ Австріи понятіе «промысловой дѣятельности» понимается очень широко, и потому процентъ женщинъ, занятыхъ ею, оказывается очень высокимъ, именно 47,7% всего женскаго населенія (5,8 мил. изъ 12,2 мил.).

По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ количество женщинъ, занятыхъ промысловой дѣятельностью, роль женщинъ въ общей трудовой дѣятельности страны становится относительно мужчинъ все значительнѣе.

На 100 занятыхъ лицъ обоего пола приходится *):

	мужчинъ	женщинъ
въ Англіи 1881 г.	69,59	30,41
» » 1891 »	61,12	38,88
» Соединенныхъ Штатахъ 1880 г.	84,78	15,22
» » » 1890 »	84,10	15,90
» Германіи 1882 г.	71,24	28,76
» » 1895 »	70,25	29,75
» Австріи 1880 г.	59,27	40,67
» » 1890 »	55,47	45,53

Всѣ приведенныя данныя достаточно показываютъ, что женщина пріобрѣла въ экономической жизни современныхъ народовъ очень и очень видную роль. Чѣмъ же объясняется этотъ постоянно усиливающійся притокъ женскихъ силъ къ разнообразнѣйшимъ видамъ хозяйственной дѣятельности?

Первая причина,—на которую мы указывали раньше,—заключается въ томъ, что для фабрикантовъ было выгодно примѣненіе женскихъ силъ, въ виду ихъ дешевизны. Вторая же причина, которая побуждала женщину воспользоваться возможностью открывавшагося ей заработка, сводилась къ экономической необходимости. Прежняя патріархальная семья, соединявшая въ одно цѣлое массу лицъ и поддерживавшая общимъ трудомъ существованіе всѣхъ своихъ членовъ, стала разлагаться, родственныя связи стали ослабѣвать, а вмѣстѣ съ тѣмъ многія женщины, лишавшіяся поддержки родственниковъ и не выходившія замужъ, должны были искать себѣ самостоятельнаго заработка. Подъ вліяніемъ этой причины въ XIX вѣкѣ сталъ особенно ощутительнымъ фактъ превышенія числа женщинъ надъ мужчинами въ Европѣ. Въ

*) Статья Lili Braun въ «Archiv für soc. Gesetzgebung», 1900, 1—2 Heft.

этой части свѣта на каждую тысячу мужчинъ въ среднемъ приходится 1.024 женщины; среди всего же населенія Европы женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ ни много, ни мало на 4.200.000 человѣкъ, въ частности въ Германіи на 952.000 чел., въ Англіи на 900.000 чел., въ Россіи на 1.319.000 чел. По отдѣльнымъ странамъ приходится на 1.000 мужчинъ женщинъ:

въ Норвегіи	1.091	Голландіи	1.024
» Швеціи	1.065	Венгріи	1.015
» Англіи	1.064	Франціи	1.014
» Швейцаріи	1.057	Бельгіи	1.005
» Даніи	1.051	Италіи	989
» Австріи	1.044	Греціи	929
» Германіи	1.039	Соедин. Штатахъ	952 (въ частности въ пріатлантическихъ штатахъ 1.004—1.005 женщ. въ центральныхъ 928—961, въ западныхъ 698).

Это отношеніе половъ оказывается еще болѣе невыгоднымъ, если сравнивать мужчинъ и женщинъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ они главнымъ образомъ, вступаютъ въ бракъ. По вычисленіямъ Лили Браунъ, оказывается на каждую 1.000 мужчинъ въ возрастѣ 20 — 40 лѣтъ женщинъ:

въ Даніи	1.102	Англіи	1.093
» Швеціи	1.096	Швейцаріи	1.080
» Германіи	1.054	Голландіи	1.029 и т. д.
» Австріи	1.047		

Если же взять мужчинъ въ главномъ ихъ брачномъ возрастѣ 25—45 лѣтъ и сравнить съ женщинами брачнаго возраста 20—40 лѣтъ, то на 1.000 мужчинъ придется еще больше женщинъ:

въ Германіи	1.167	женщинъ.
» Австріи	1.154	»
» Франціи	1.069	»

Итакъ, фактически въ Германіи, напр., свыше $^1/_4$ милліона женщинъ въ брачномъ возрастѣ 20—40 лѣтъ не могли бы выйти замужъ, если бы даже женились всѣ мужчины соотвѣтственнаго возраста, во Франціи такихъ «несчастныхъ» оказалось бы болѣе $^1/_4$ милліона человѣкъ.

Однако, мы предположили идеальный случай—именно вступленіе въ бракъ всѣхъ мужчинъ брачнаго возраста. Современная жизнь обнаруживаетъ постоянно уменьшающуюся склонность мужского пола вступать въ бракъ. Число браковъ на 1.000 жителей составляло:

	въ 1841—1850 гг.	въ 1881—1890 гг.
въ Германіи	8,05	7,77
» Англіи	8,05	7,47
» Франціи	7,94	7,38
» Даніи	7,87	7,33
» Голландіи	7,41	7,08
» Бельгіи	6,79	7,07
» Норвегіи	7,78	6,52
» Швеціи	7,27	6,26

Вездѣ обнаруживается сокращеніе браковъ, за исключеніемъ одной Бельгіи. Слѣдуетъ отмѣтить, что наибольшее паденіе брачности чувствуется въ болѣе состоятельныхъ слояхъ населенія, въ которыхъ возрастъ вступающихъ въ бракъ все повышается, а число лицъ, готовыхъ къ этому акту, сильно сокращается. Вслѣдствіе усиливающагося предубѣжденія мужчинъ къ браку, обусловливаемаго постоянно растущей трудностью экономической борьбы, число женщинъ, не могущихъ выйти замужъ, еще болѣе умножается. Изъ нихъ образуется уже многомилліонная армія, требующая себѣ работы ради поддержанія существованія. По переписи Германіи въ 1890 г., около $^1/_3$ всѣхъ женщинъ было замужемъ; остальныя распредѣляются такъ: 14,6 милліоновъ незамужнихъ и 2,2 милл. вдовыхъ. Предполагая, что замужнія женщины и дѣвушки моложе 20 лѣтъ не нуждаются въ заработкѣ, остается незамужнихъ и вдовъ свыше $5^1/_2$ милліоновъ. Въ 1895 г. изъ 16,88 милліоновъ женщинъ старше 16 лѣтъ было 5,88 милл. незамужнихъ и 2,21 вдовъ и разведенныхъ, въ суммѣ 8,09 милліоновъ чел.

Тотъ же фактъ выясняется для другихъ странъ изъ сопоставленія процента женщинъ старше 20 лѣтъ незамужнихъ, замужнихъ и вдовыхъ (для 1890 г.).

	Незамужнихъ.	Вдовыхъ.	Замужнихъ.
Бельгія	32%	13%	55%
Австро-Венгрія	28 »	13 »	58 »
Ирландія	37 »	17 »	46 »
Шотландія	35 »	14 »	51 »
Англія и Уэльсъ	28 »	14 »	58 »
Соединенные Штаты	20 »	13 »	67 »

Итакъ, среди способныхъ къ браку женщинъ отъ $^1/_3$ до половины оказывается внѣ этого прибѣжища, долгое время считавшагося единственнымъ предназначеніемъ женщины.

Впрочемъ, спѣшимъ оговориться. Конечно, не всѣ женщины, которыя лишены возможности вступить въ бракъ, нуждаются непремѣнно въ заработкѣ. Часть ихъ и при современныхъ условіяхъ живетъ на средства родителей или родныхъ, другія имѣютъ доходы отъ имущества, капиталовъ или, наконецъ, пользуются пенсіей. Если даже принять этихъ лицъ во вниманіе, то все-таки слѣдуетъ считать нуждаю-

щихся въ заработкѣ многими милліонами. Это подтверждается огромнымъ количествомъ женщинъ, занятыхъ въ настоящее время хозяйственной дѣятельностью, а также тѣмъ, что главный контингентъ трудящихся женщинъ состоитъ изъ незамужнихъ и вдовъ. Такъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки (по цензу 1890 г.) изъ всего числа занятыхъ хозяйственной дѣятельностью женщинъ старше 10 лѣтъ на незамужнихъ приходилось 69,8%, на вдовъ и разведенныхъ 17%, а на замужнихъ всего 13,2%. Изъ общаго числа всѣхъ незамужнихъ было занято промысловымъ трудомъ 28%, изъ числа вдовъ 29,3%, изъ числа разведенныхъ 49%, а изъ числа замужнихъ женщинъ всего 4,6%. Къ тому же среди 515.260 замужнихъ женщинъ было 269.258 цвѣтныхъ, занятыхъ, главнымъ образомъ, въ земледѣліи. Въ мануфактурныхъ и механическихъ производствахъ Соединенныхъ Штатовъ было занято всего 109.712 замужнихъ женщинъ (главнымъ образомъ, портнихи, модистки и швеи), въ ткацко-прядильной промышленности 23.018 и т. д. Въ Германіи изъ женщинъ старше 16 лѣтъ, занятыхъ промысловой дѣятельностью, на незамужнихъ падало 56%, на вдовъ 16% и на замужнихъ всего 18% *), тогда какъ среди мужского трудящагося населенія главный контингентъ составляли женатые (57%). Въ Англіи не имѣется данныхъ о распредѣленіи всѣхъ трудящихся женщинъ по семейному состоянію. Цензъ 1891 г. позволяетъ судить только о нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности:

	% незамужнихъ и вдовъ.	% замужнихъ.
хлопчатобумажная въ Ланкаширѣ	58,9	41,1
кружевная въ Ноттингэмѣ	58,9	41,1
обуви въ Норзгамптонѣ	57,3	42,7
ковровая въ Киддерминстерѣ	68,1	31,9
шерстяной одежды въ Гѣддерсфильдѣ	72,7	27,3
шерстяной пряжи въ Брадфордѣ	75,6	24,4
стеклянное въ Прескотѣ	83,5	16,5 и т. д.

Если значительнѣйшая часть работницъ принадлежитъ къ незамужнимъ, то не мало среди нихъ и замужнихъ. Чѣмъ объясняется это явленіе? Несомнѣнно, стремленіемъ жены доставить семьѣ дополнительный доходъ. Въ трудящихся классахъ нерѣдки случаи, когда заработокъ главы семьи падаетъ вслѣдствіе конкуренціи, или вслѣдствіе кризиса, безработицы и т. п. По статистикѣ бюджетовъ рабочихъ семействъ, оказывается, напр., что въ штатѣ Нью-Джарсеѣ заработка мужа не хватаетъ на 13% общей суммы расходовъ семьи, въ Массачузетсѣ 30%, въ Великобританіи 41%, въ Германіи 18%. При такомъ положеніи, жены начинаютъ также заниматься промысловымъ трудомъ. Въ 1899 г. былъ произведенъ въ Берлинѣ и Шарлоттенбургѣ опросъ

*) Абсолютныя цифры: 3.940.711 незамужнихъ, 1.057.653 замужнихъ и 974.931 вдовыхъ.

замужнихъ работницъ въ числѣ 8.029 (составлявшихъ 18% общаго числа работницъ старше 16 лѣтъ) о причинахъ, которыя побудили ихъ къ работѣ. Громадная масса указала въ качествѣ такой причины на недостатокъ заработка мужа, нѣкоторыя, живущія отдѣльно отъ мужа, на отсутствіе какихъ-либо источниковъ средствъ. Точно также спеціальная анкета о трудѣ замужнихъ женщинъ въ Баденѣ и отчетъ фабричныхъ инспекторовъ Баваріи за 1889 годъ указываютъ на недостатокъ средствъ существованія семьи, какъ на главную причину фабричной работы замужнихъ женщинъ.

Итакъ, основнымъ побужденіемъ, заставляющимъ женщинъ—незамужнихъ и замужнихъ—искать себѣ оплачиваемыхъ занятій, является недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Наряду съ нимъ серьезную роль играетъ и общее стремленіе къ самостоятельности, къ освобожденію личности, которое развивается въ XIX столѣтіи. Исканіе заработка явилось протестомъ женщины противъ многовѣковаго рабства, противъ приниженнаго и безправнаго ея положенія. Развитіе духа индивидуализма побуждало къ самостоятельной хозяйственной дѣятельности даже такихъ женщинъ, которыя по семейнымъ условіямъ вовсе не нуждались въ заработкѣ. Наконецъ, пробужденіе самосознанія женщины сопровождалось часто желаніемъ принять активное участіе въ кипучей жизни народа, выйти изъ рамокъ домашняго хозяйства и очага и проявлять себя самостоятельно извнѣ. Въ этомъ выразилось то общее естественное стремленіе къ дѣятельности, къ труду, которое присуще всякому здоровому человѣку.

Остановимся на болѣе подробномъ распредѣленіи женскихъ рабочихъ силъ по различнымъ областямъ народнаго хозяйства. Въ Соединенныхъ Штатахъ наибольшее число женщинъ было занято въ 1890 г. домашнимъ услуженіемъ и личными услугами, именно 1.667.698 чел. *). Въ обрабатывающей промышленности ихъ было 1.027.242 **), въ сельскомъ хозяйствѣ и горномъ дѣлѣ 679.523, свободными профессіями было занято 311.687 женщинъ, торговлей и перевозочной промышленностью 228.421. За 1880—1890 гг. число занятыхъ женщинъ увеличилось въ такомъ размѣрѣ:

въ торговлѣ и перевозкѣ	на	263%
» свободныхъ профессіяхъ	»	76%
» промышленности	»	63%
» услуженіи и личныхъ услугахъ	»	41%
» сельскомъ хозяйствѣ	»	14,3%

*) Въ частности 1.216.639 чел. домашней прислуги, 216.631 прачекъ, 41.396 нянекъ и акушерокъ, 86.089 экономокъ и прислуги на пароходовъ, 32.593 содержательницъ меблированныхъ комнатъ и пансіоновъ.

**) Въ частности 288.328 портнихъ, 223.658 работницъ въ ткацко-прядильныхъ фабрикахъ, 168.040 швей, 60.087 модистокъ, 27.991 работницъ на табачныхъ и сигарныхъ фабрикахъ и т. д.

Въ Великобританіи, по переписи 1891 года (Англія, Шотландія, Ирландія), главный контингентъ трудящихся женщинъ приходится на промышленность—2.383.521 женщина *), затѣмъ на домашнюю прислугу и занятыхъ личными услугами—2.170.233 чел., на женщинъ-чиновниковъ и свободныхъ профессій—306.741, на земледѣліе и рыболовство—173.202 и на торговлю—47.796 человѣкъ.

Въ Германіи, по переписи 1895 г., было занято какимъ-нибудь промысловымъ трудомъ 5,26 мил. женщинъ, прислугой 1,31 мил. Въ частности изъ 5,26 мил. женщинъ 2,75 милліоновъ приходилось на сельское и лѣсное хозяйство, 1,52 милліона—на промышленность и горное дѣло, 580.000 женщинъ — на торговлю и перевозочную промышленность, 230.000 женщинъ на наемную работу всякаго рода и 180.000—на общественную службу и либеральныя профессіи **). Увеличеніе женскаго труда противъ 1882 г. произошло больше всего въ торговлѣ и перевозочномъ дѣлѣ—на 94,4%, въ общественной службѣ и свободныхъ профессіяхъ—на 53,2%, въ промышленности—на 35%, въ разной частной работѣ—на 27,2%, въ земледѣліи на 8,6% и прислуга на 2,5% (процентъ увеличенія и уменьшенія труда мужчинъ составлялъ по тѣмъ же отраслямъ — + 38,3%, + 33,2%, + 28,3%, — 7,1%, — 2,8% — 40,3%).

Въ Бельгіи, по предварительнымъ даннымъ промышленной переписи 1896 года, промысловое женское населеніе составляло 264.784 человѣка; изъ нихъ 109.280 женщинъ приходилось на производство одежды, 98.477—на обработку волокнистыхъ веществъ, 57.027—на прочія производства. Изъ общаго числа трудящихся женщинъ 77.058 было занято въ домашней промышленности.

Во Франціи изъ 4,1 милліона женщинъ, занятыхъ промысловымъ трудомъ, 1,8 мил. приходится на сельское хозяйство, 1,4 мил.—на промышленность, 600.000—на торговлю и перевозочное дѣло и 300.000—на свободныя профессіи и т. п.

Изъ сдѣланнаго обзора мы видимъ, что женщины трудятся больше всего въ домашнемъ производствѣ платья и бѣлья, въ качествѣ прислуги, торговыхъ служащихъ и работницъ на фабрикахъ, гдѣ не требуется большая физическая сила, главнымъ образомъ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Женщины остались чуждыми сферамъ тяже-

*) Въ частности въ производствѣ платья было занято 883.824 женщины, на фабрикахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ 844.733, въ производствѣ пищи и строительномъ дѣлѣ 247.792, въ горной промышленности 77.956, въ обработкѣ дерева и другихъ растительныхъ матеріаловъ 65.517, въ переплетномъ и типографскомъ дѣлѣ 30.969 и т. д.

**) Въ частности производство платья и бѣлья занимало 713.021 женщинъ, промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ—427.961 женщинъ, торговля—299.829 женщинъ, трактирный промыселъ—261.450, производство пищи—140.333 женщины и т. д. Въ домашней крупной промышленности было занято—201.853 женщины.

лаго физическаго труда—мореплаванію, обработкѣ металловъ, большей части горнаго дѣла и т. п.

Мы констатировали колоссальный ростъ женскаго труда въ народномъ хозяйствѣ XIX столѣтія и попытались указать главныя причины этого роста. Однако, въ литературѣ, и жизни часто приходится слышать о недостаткѣ занятій для женщины, объ ограниченности для нея сферы приложенія труда. Какъ совмѣстить такую жалобу съ фактомъ хозяйственнаго труда многихъ милліоновъ женщинъ? Дѣло заключается въ томъ, что жалобы раздаются вовсе не въ тѣхъ областяхъ народнаго хозяйства, гдѣ женскій трудъ широко примѣняется, а въ сферѣ интеллигентныхъ, такъ называемыхъ «либеральныхъ» профессій. Оказывается, что здѣсь мужчины до послѣдняго времени всячески затрудняли, да и теперь часто затрудняютъ женщинамъ доступъ къ труду. Тамъ, гдѣ по образовательному уровню казалось бы естественнымъ ждать отъ мужского пола всякаго содѣйствія и сочувствія, женщина встрѣчаетъ враждебный отпоръ. Съ точки зрѣнія цѣлаго народнаго хозяйства, жалобамъ на эти стѣсненія и ограниченія нельзя придавать особеннаго значенія. Число лицъ, могущихъ заняться свободными профессіями, совершенно тонетъ въ массѣ болѣе простого промыслового труда. Возьмемъ, напр., Великобританію. Въ ней свободными профессіями и общественной службой занято, кромѣ 306.741 женщинъ, еще 666.071 мужчинъ. Если женщина даже расширитъ приложеніе своихъ силъ въ этой области до размѣра мужского труда, то что значатъ здѣсь двѣ, даже три сотни тысячъ женщинъ по сравненію съ 4,8 милліонами женщинъ, занятыхъ въ прочихъ областяхъ хозяйства? Вопросъ объ интеллигентныхъ профессіяхъ выдвигался на первый планъ потому, что объ нихъ писали и говорили женщины, имѣвшія къ этому возможность. Этимъ и объясняется одностороннее освѣщеніе женскаго вопроса, какъ вопроса о расширеніи сферы труда женщины *). Это расширеніе давнымъ давно совершилось и продолжаетъ совершаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Главный центръ вопроса не въ этомъ, а въ улучшеніи условій труда и заработка женщины, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Однако, отмѣчая односторонность постановки вопроса о женскомъ трудѣ, мы не хотимъ сказать, чтобы для женщины изъ образованныхъ классовъ не было нужно расширенія сферы ея трудовой дѣятельности. Эта женщина точно такъ же стремится къ экономической самостоятельности и къ обезпеченію себѣ средствъ существованія, какъ и простая работница. Ея требованіе вполнѣ справедливо, согласуется съ общимъ ходомъ экономическаго развитія и постепенно получаетъ себѣ удовлетвореніе. Впервые борьба

*) «Центръ тяжести женскаго движенія,—говоритъ проф. Конъ,—заключается въ вопросѣ о развитіи и расширеніи промысловой дѣятельности («Erwerbsthätigkeit») женщины и о сообщеніи ей для того нужнаго образованія» («Frauenbewegung», стр. 8).

за доступъ къ свободнымъ профессіямъ возгорѣлась въ половинѣ XIX столѣтія въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Всемірную извѣстность стяжали себѣ первая женщина-врачъ Блэкуэллъ, первая проповѣдница-богословъ Броунъ и др. Піонерки въ этой области должны были выдержать жестокія преслѣдованія. Блэкуэллъ долго не могла найти себѣ квартиру въ Нью-Іоркѣ, такъ какъ всѣ домохозяева отказывали «презрѣнной женщинѣ». Броунъ, блестяще сдавшая экзамены по богословію, была вычеркнута изъ списковъ окончившихъ испытанія за «неженственное поведеніе»; первыя проповѣдницы въ Америкѣ были осыпаемы свистками и даже каменьями. Однако мужественныя женщины продолжали добиваться своей цѣли и въ результатѣ полувѣковыхъ усилій достигли очень существенныхъ результатовъ, особенно въ заокеанскихъ странахъ. Въ Австраліи господствуетъ въ настоящее время почти полное равенство обоихъ половъ въ хозяйственной дѣятельности. Широко участвуя въ матеріальномъ производствѣ страны, женщины занимаютъ должности фабричныхъ и школьныхъ инспекторовъ, государственныхъ чиновниковъ, служатъ по выборамъ, являются врачами, адвокатами, учительницами и пр. Въ Соединенныхъ Штатахъ женщинамъ открыты всѣ свободныя профессіи. Онѣ работаютъ въ качествѣ нотаріусовъ, школьныхъ и фабричныхъ инспекторовъ, прокуроровъ (въ Мичиганѣ), адвокатовъ (впервые въ 1869 г. въ Айовѣ, въ 1899 г. 275 женщинъ), врачей, общинныхъ старостъ, государственныхъ чиновниковъ, журналистовъ, статистиковъ; тамъ есть нѣсколько женщинъ-профессоровъ (Джэксонъ въ Бостонѣ по дѣтскимъ болѣзнямъ и Кампбелль въ Висконсинѣ по политической экономіи), министры народнаго просвѣщенія въ двухъ штатахъ и даже военные врачи-женщины съ чиномъ лейтенанта. Въ Англіи женщины могутъ быть врачами (съ 1876 г.), назначаются инспекторами по призрѣнію бѣдныхъ, по санитарной части, фабричными инспектрисами, окружными докторами больницъ, фармацевтами, чиновниками въ почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденіяхъ, въ сберегательныхъ кассахъ. Даже въ Россіи за послѣдніе годы замѣчается расширеніе интеллигентныхъ профессій женщинъ. Онѣ принимаются на службу въ министерствѣ земледѣлія, въ судебномъ вѣдомствѣ на мелкія должности, на желѣзныхъ дорогахъ, въ Государственномъ банкѣ; онѣ могутъ быть врачами, фармацевтами, учительницами не только низшихъ, но и среднихъ школъ *) и т. д. «Русскія женщины,—говоритъ нѣмецкая писательница Лили Броунъ,—въ качествѣ учительницъ могутъ справедливо считаться не только носительницами женскаго движенія, но и важнѣйшимъ факторомъ народнаго просвѣщенія и соціальнаго прогресса» **). Насколько разви-

*) Въ Россіи въ 1898 г., по свѣдѣніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, учительницъ и преподавательницъ было 25.075 изъ общаго чосла 84.121, т.-.е 27%.

**) «Archiv für Sociale Gesetzgebung», 1900, 1—2 Heft, стр. 75.

вается дѣятельность женщинъ въ разсматриваемой области, видно изъ сопоставленія американскихъ цензовъ 1870 г. и 1890 г. Число женщинъ было:

	въ 1870 г.	въ 1890 г.
проповѣдницъ	67	1.143
дантистовъ	24	337
журналистовъ	35	888
адвокатовъ	5	208
музыкантовъ и учительницъ музыки	5.753	34.519
чиновниковъ государства и самоуправленія	414	4.875
врачей	527	4.557
учительницъ и профессоровъ	84.047	246.066
бухгалтеровъ	8.016	91.991
стенографистокъ и работающихъ на пишущихъ машинахъ	7	21.270

Итакъ, даже въ интеллигентныхъ профессіяхъ, гдѣ женщина встрѣчала до послѣдняго времени сильный антагонизмъ мужчины, замѣчается въ указанныхъ государствахъ значительное развитіе женскаго труда; однако, на континентѣ Европы женщинѣ все еще приходится бороться съ предразсудками и эгоизмомъ мужчинъ и предстоитъ завоевать себѣ равноправное положеніе.

Слѣдуетъ замѣтить, что опасность конкуренціи женщинъ для мужчинъ, выдвигаемая иногда, какъ аргументъ противъ занятій женщинъ, существуетъ болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Если мы указали выше на относительное увеличеніе доли женскаго труда по сравненію съ мужскимъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что женщина вытѣсняетъ мужчину изъ промысловой дѣятельности. Развивающаяся экономическая жизнь требуетъ все большаго количества рабочихъ силъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Вторыя растутъ быстрѣе первыхъ, и только. Если взять, напр., производство тканей въ Англіи и Уэльсѣ, то окажется, что за 1841—1891 гг. число мужчинъ-работниковъ увеличилось съ 343.200 до 430.500, а число женщинъ—съ 257.600 до 586.000; въ производствѣ одежды число мужчинъ возрасло за тѣ же 50 лѣтъ съ 343.6000 до 353.800, а число женщинъ съ 177.200 до 681.300. Въ свободныхъ профессіяхъ мужчинъ было въ 1881 г. 326.000, а въ 1891 г. 471.000, женщинъ за тѣ же годы 196.000 и 328.000. Слѣдовательно, нигдѣ увеличеніе трудящихся женщинъ не сопровождалось *уменьшеніемъ* числа мужчинъ (кромѣ домашней прислуги). На ряду съ этимъ значительно увеличилось число мужчинъ въ горномъ дѣлѣ, въ металлургическихъ производствахъ, въ машиностроеніи, на желѣзныхъ дорогахъ. Другими словами, женщины не столько вытѣсняютъ мужчинъ изъ ихъ даннаго занятія, сколько ведутъ къ постепенному перераспредѣленію вновь появляющихся рабочихъ силъ народа по различнымъ профессіямъ. Однѣ изъ этихъ про-

фессій становятся по преимуществу женскими (обработка волокнистыхъ матеріаловъ, производство платья, домашнее услуженіе, преподаваніе въ школахъ), другія, существовавшія ранѣе и вновь возникающія, привлекаютъ къ себѣ, главнымъ образомъ, мужскія силы (горное дѣло, желѣзныя дороги, электричество и его примѣненіе, машиностроеніе и др.). «Устраненіе мужчинъ изъ нѣкоторыхъ занятій,— говоритъ Сидней Веббъ, — отнюдь не сокращаетъ поля дѣятельности мужчинъ, такъ какъ на ряду съ этимъ процессомъ для нихъ открываются новыя отрасли труда». Вотъ почему мужчины-рабочіе въ большинствѣ случаевъ относились и относятся вполнѣ сочувственно къ своимъ новымъ товарищамъ по труду, открывая имъ доступъ какъ въ свои профессіональные союзы, такъ и политическія организаціи. Случаи отрицательнаго отношенія рабочихъ къ работницамъ очень рѣдки. Въ Соединенныхъ Штатахъ и Англіи нѣкоторые рабочіе союзы отказывались принимать въ свою среду женщинъ, во Франціи встрѣчались союзы, которые запрещали своимъ членамъ работать вмѣстѣ съ женщинами. Подобный образъ дѣйствій объясняется боязнью воображаемой конкуренціи женскаго труда. Въ нѣкоторыхъ категоріяхъ промышленности ростъ женскаго труда происходитъ за счетъ труда дѣтей. По мѣрѣ развитія законодательной охраны дѣтей и возвышенія предѣльнаго возраста, съ котораго допускается ихъ промышленная работа, дѣтскій трудъ сокращается, но за то разростается женскій. Напр., число дѣтей 10 — 15 лѣтъ, занятыхъ въ промышленности Соединенныхъ Штатовъ, упало съ 1.118.356 въ 1880 г. до 603.013 въ 1890 г.; убыль этихъ рабочихъ силъ была возмѣщена женщинами. Точно также фабричный законъ 1891 г. въ Германіи повліялъ на замѣну дѣтей дѣвушками-подростками. Во всякомъ случаѣ, въ производствѣ хозяйственныхъ благъ, способномъ къ безпредѣльному расширенію, всякая новая рабочая сила является желанной, такъ какъ при надлежащемъ распредѣленіи всѣхъ силъ по спеціальностямъ общество получаетъ возможность полнѣе и шире удовлетворять свои потребности

Теперь мы должны обратиться къ условіямъ женскаго труда, который намъ представляется центромъ тяжести экономической стороны женскаго вопроса.

Общая обстановка труда къ концу прошлаго вѣка, несомнѣнно измѣнилась къ лучшему по сравненію съ обстановкой въ началѣ столѣтія. Въ теченіе первыхъ десятилѣтій предпринимателямъ былъ предоставленъ полный произволъ въ устройствѣ промышленныхъ заведеній. Имѣя въ виду возможно большую прибыль, они совершенно игнорировали интересы здоровья и жизни нанимаемыхъ рабочихъ. Коммиссіи, назначавшіяся англійскимъ парламентомъ въ 1816 г., 1833 г., 1842—1843 гг. для изслѣдованія положенія трудящихся на фабрикахъ женщинъ и дѣтей, впервые раскрыли ужасную картину, поразившую общественное мнѣніе и повлекшую за собой введеніе фабричныхъ законовъ. Та-

кимъ образомъ стали устраняться наиболѣе вопіющія темныя стороны промысловаго труда женщинъ, хотя нельзя сказать, чтобы онѣ совершенно сгладились и въ настоящее время.

Прежде всего рабочій день отличался крайней продолжительностью. Въ началѣ вѣка въ промышленныхъ заведеніяхъ встрѣчается 15, 16 и 18 часовой рабочій день. Съ теченіемъ времени онъ сокращается на фабрикахъ до 12, 11, даже въ нѣкоторыхъ случахъ 10 и 9 часовъ въ сутки, смотря по государствамъ и отраслямъ промышленности. Длинный рабочій день продолжаетъ господствовать въ мастерскихъ ремесленниковъ и въ домашней промышленности. Въ 1863 г. была констатирована въ Лондонѣ смерть одной двадцатилѣтней модистки отъ чрезмѣрной работы; оказалось, что въ мастерской работали по 16 час. въ сутки, въ разгаръ же сезона хозяйка заставляла шить въ теченіе 30 часовъ безъ перерыва. Въ домашнемъ производствѣ платья, бѣлья, зонтовъ, галстуховъ и пр. и теперь встрѣчается 14—16-часовой рабочій день, особенно въ періодъ сезона. Въ Россіи наиболѣе тяжелъ рабочій день въ рогожныхъ заведеніяхъ; работница встаетъ въ 4 ч. утра и работаетъ до 2 час. ночи съ перерывомъ для сна отъ 2 до 6 ч. дня, слѣдовательно, работаетъ 18 час. въ сутки. Очень продолжителенъ рабочій день въ торговыхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ до послѣдняго времени достигалъ даже въ Англіи для взрослыхъ женщинъ 13—16 ч. въ сутки (75—90 час. въ недѣлю). «Приказчицы,—говорилось въ одномъ отчетѣ,—мѣняютъ въ теченіе всей недѣли до воскресенья конторку на постель и обратно». Такъ же продолжительна работа въ ресторанахъ и питейныхъ заведеніяхъ и работа домашней прислуги, во многихъ случаяхъ не имѣющая опредѣленныхъ предѣловъ рабочаго дня.

Ночной трудъ женщинъ практиковался въ первой половинѣ XIX столѣтія въ самыхъ широкихъ предѣлахъ наравнѣ съ мужчинами. Теперь онъ встрѣчается сравнительно рѣдко, главнымъ образомъ въ производствахъ непрерывнаго характера.

Санитарныя условія рабочихъ мастерскихъ были особенно ужасны въ началѣ прошлаго вѣка, такъ какъ совершенно пренебрегались предпринимателями. Вредные газы, пары, пыль, поднимавшіяся при многихъ производствахъ, проникали въ легкія, въ носъ и ротъ рабочихъ и вызывали различныя болѣзни, напр., въ производствѣ свинцовыхъ бѣлилъ и другихъ химическихъ продуктовъ, фосфорныхъ спичекъ, въ льнотрепальныхъ заведеніяхъ, при бѣленіи тканей (пары хлора), въ производствѣ типографскаго шрифта, въ резиновой промышленности, въ зеркальномъ производствѣ и т. д. Многія заведенія оказываются вредными для здоровья вслѣдствіе поддерживаемой высокой температуры и сырости. На ткацко-прядильныхъ фабрикахъ высокая температура нужна для доброкачественности продукта; при отсутствіи вентиляціи это ведетъ къ простудамъ и серьезнымъ груднымъ болѣзнямъ. Въ бѣлильныхъ заведеніяхъ Англіи (по отчету 1862 г.) имѣлись су-

сушильни съ 90 — 100 Фаренгейта, въ которыхъ работали дѣвушки; результатомъ ихъ занятій и рѣзкихъ переходовъ изъ мастерскихъ на улицу были—чахотка, бронхитъ, женскія болѣзни, истерія въ тяжелыхъ формахъ, ревматизмъ. Изъ такъ называемыхъ «мокрыхъ отдѣленій» суконныхъ фабрикъ Варшавскаго округа полураздѣтыя работницы ходятъ въ сушильню съ температурой въ 40° Цельзія, результатомъ чего являются постоянныя простуды.

Къ тому же санитарному неблагоустройству относится и недостатокъ кубическаго содержанія воздуха какъ въ рабочихъ, такъ и жилыхъ помѣщеніяхъ. Минимальной нормой кубическаго содержанія воздуха на человѣка считается 1 куб. сажень (20 — 25 куб. метровъ). Масса промышленныхъ заведеній даже въ настоящее время не удовлетворяетъ этому требованію. Въ мастерскихъ конфекціонной промышленности Берлина больше половины имѣютъ не свыше 12 куб. метровъ на работницу, въ сезонъ эта величина уменьшается до 6—9 куб. метровъ. Въ рогожныхъ фабрикахъ Московской губ. на человѣка приходится въ $^2/_3$ случаевъ по 0,4—0,8 куб. саженъ. Недавно засѣдавшая коммиссія по изслѣдованію положенія женскаго труда въ Вѣнѣ отмѣчаетъ въ переплетномъ, коробочномъ, литографскомъ производствахъ душныя и сырыя помѣщенія работницъ, многія находятся въ подвалахъ, весь день освѣщенныхъ газомъ.

Жилыя помѣщенія рабочихъ тоже по большой части не удовлетворительны. Въ 60-хъ годахъ въ Брэдфордѣ констатированы сырыя, грязныя и темныя помѣщенія, въ которыхъ нѣсколько человѣкъ спятъ на одной кровати, часто не раздѣваясь и безъ различія пола и возраста. Въ Московской губ., въ Богородскомъ уѣздѣ, встрѣчались въ 70-хъ годахъ жилыя помѣщенія въ 12—13 куб. саженъ для 90—100 рабочихъ! Въ Ярцевской мануфактурѣ господствовало въ 60-хъ годахъ въ общихъ спальняхъ полное смѣшеніе половъ и возрастовъ, причемъ на каждую постель приходилось не менѣе 2 человѣкъ; комнаты въ 18 куб. саженъ вмѣщала въ будни 17 человѣкъ, а въ свободные дни до 40 чел., причемъ одни лежали на постели, а другіе—подъ постелью. Санитарное изслѣдованіе фабрикъ Московскимъ земствомъ въ 80-хъ годахъ показало, что обычная норма количества воздуха на рабочаго въ жилыхъ казармахъ не превышаетъ $^1/_2$ куб. сажени, спускаясь иногда до $^1/_5$ куб. саж. Фабричный инспекторъ Святловскій такъ описывалъ жилое помѣщеніе рабочихъ спичечной фабрики Черниговской губерніи: казармой служитъ чердакъ съ голыми стѣнами безъ оконъ; рабочіе всѣхъ возрастовъ и половъ спятъ въ повалку на голомъ полу, прижавшись другъ къ другу и не раздѣваясь.

Съ тѣснотой рабочаго помѣщенія связана и тѣснота расположенія машинъ, что при отсутствіи ограждeній и предохранительныхъ приспособленій ведетъ къ частымъ несчастнымъ случаямъ. Особенно опасны въ этомъ отношеніи прядильныя и чесальныя машины, валы, зубчатыя

колеса и пр., а женщины съ ихъ костюмами подвергаются большему риску, чѣмъ мужчины.

Самый промысловый трудъ работницъ часто влечетъ за собой тяжелыя послѣдствія. Постоянное стояніе на ногахъ вызываетъ серьезныя разстройства женскихъ органовъ и болѣзни въ ногахъ; между тѣмъ, вездѣ до послѣдняго времени сидѣнье женщинъ въ фабричныхъ и торговыхъ заведеніяхъ строго запрещалось и влекло за собой штрафы и увольненія виновныхъ. Трудъ многочисленныхъ работницъ на табачныхъ фабрикахъ сопровождается расширеніемъ зрачковъ, неврозомъ сердца, повышеніемъ рефлексовъ, дрожаніемъ рукъ, одышкой, головными болями, головокруженіемъ, гастральгіей, судорогами конечностей (изслѣдованіе dr. Валицкой); на табачныхъ фабрикахъ Харьковской губерніи устроены такія сушильни табаку, что работницы, пробывшія въ нихъ 15—20 минутъ, падаютъ въ обморокъ. Отъ стоячаго положенія и страшнаго шума въ ткацкихъ фабрикахъ происходитъ нервное удушье, сердцебіеніе и другія нервныя разстройства, опуханіе печени и селезенки, брюшная водянка. Надавливаніе груди на ручной ткацкій станокъ и согнутое сидячее положеніе ткачей ведетъ къ разстройству пищеварительныхъ путей и утомленію дыхательнаго органа. Въ отбѣльныхъ и печатныхъ отдѣленіяхъ ткацкихъ фабрикъ руки работницъ, подъ вліяніемъ химическихъ составовъ и красокъ, трескаются, изъязвляются и покрываются сыпями. Первобытный способъ мытья шерсти въ видѣ затаптыванія ея въ мокрую глину, практикуемый женщинами въ харьковскомъ фабричномъ округѣ, развиваетъ въ ногахъ вслѣдствіе большихъ мышечныхъ усилій воспаленіе сухожилій; на кожѣ, соприкасающейся съ грязной шерстью, развиваются чирьи, сыпи, рожистыя воспаленія; въ періодъ холодовъ пріобрѣтается ревматизмъ. Въ конфекціонной промышленности стегальщицы страдаютъ болѣзнями женскихъ органовъ, разстройствомъ пищеваренія и ухудшеніемъ питанія. Дѣвушка, начавшая заниматься стеганіемъ, становится блѣдной, теряетъ аппетитъ, страдаетъ кровотеченіями изъ носа, безсонницей, разстройствомъ нервовъ; черезъ 4—6 лѣтъ она физически становится неспособной къ работѣ. Швея на машинѣ черезъ 10 лѣтъ готова для госпиталя *). Неблагопріятными условіями труда и объясняется усиленная заболѣваемость работницъ и значительныя осложненія функцій женщины, какъ матери. По даннымъ больничной кассы конфекціонныхъ работницъ въ Берлинѣ было:

Года.	Число членовъ.	Число заболѣвшихъ.	%
1891	14.500	4.504	31
1892	19.940	4.277	21,4
1893	18.047	4.650	25,8
1894	19.078	5.051	26,5

*) «Schriften des Vereins für Socialpolitik», томъ 85, стр. 288—289.

Въ то время, какъ процентъ заболѣвшихъ мужчинъ на Жирардовской мануфактурѣ въ Варшавской губерніи составлялъ 14,1; процентъ заболѣвшихъ женщинъ достигалъ 26,7. Въ Баденѣ фабричная инспекція отмѣтила увеличеніе преждевременныхъ родовъ работницъ (съ 1.039 въ среднемъ за 1882—1886 гг. до 1.244 въ среднемъ за 1887—1891 гг.) и числа операцій при родахъ (съ 1.118 до 1.885 за тѣ же года). При продолжительномъ отсутствіи замужнихъ женщинъ на фабрикахъ ими забрасывалось домашнее хозяйство и воспитаніе дѣтей. Въ первое время господства фабричной системы это сопровождалось чрезвычайной смертностью маленькихъ дѣтей. Такъ, напр., въ Манчестерѣ въ 30-хъ годахъ умирало изъ дѣтей рабочихъ моложе 5 лѣтъ 57%, въ то время какъ изъ состоятельныхъ классовъ всего 20%. Въ 1832 г. въ промышленныхъ городахъ Престонѣ и Лидсѣ умирала половина дѣтей до 5 лѣтъ (50 и 53%), а въ земледѣльческомъ графствѣ Рутландѣ — только 29%. Въ 70-ыхъ годахъ въ Англіи обыкновенная дѣтская смертность до 1 года составляла 15—16%, въ рабочемъ же классѣ, въ которомъ дѣти отдавались на вскормленіе женщинамъ, спеціально промышлявшимъ этимъ, она поднималась до 40, 60 и даже более процентовъ (Янжулъ). Усиленная смертность объясняется главнымъ образомъ отсутствіемъ надлежащаго питанія, такъ какъ матери-работницы не могли кормить своихъ грудныхъ дѣтей, затѣмъ плохимъ уходомъ и употребленіемъ искусственныхъ средствъ для успокоенія дѣтей, напр., снадобія Godfrey's cordial, содержавшаго опіумы, и спиртныхъ напитковъ. Впрочемъ, и въ настоящее время констатируется большая смертность дѣтей въ промышленныхъ центрахъ. Если въ сельскихъ графствахъ Англіи смертность дѣтей при рожденіи составляетъ 21,8%, то въ горныхъ и промышленныхъ графствахъ она поднимается до 33,1%, а для 3 наихудшихъ по санитарнымъ условіямъ городахъ до 38,2%; для дѣтей до 3 мѣсяцевъ смертность по тѣмъ же группамъ составляетъ 7,5%, 15,4% и 24%.

Нельзя не отмѣтить продолжительнаго господства грубыхъ нравовъ и моральной распущенности въ фабричной средѣ. Въ первой половинѣ XIX вѣка констатируются нерѣдкіе случаи побоевъ работницъ. Многіе фабриканты устраивали себѣ гаремы изъ служащихъ женщинъ. Недавно работавшая коммиссія по изслѣдованію положенія женскаго труда въ Вѣнѣ отмѣчаетъ и для настоящаго времени грубое и безнравственное обращеніе съ работницами; владѣлецъ одной вѣнской фабрики принимаетъ только молодыхъ работницъ, выдавая сначала заработную плату въ 2 гульд. и повышая ее лишь подъ извѣстными позорными условіями. Такое же отношеніе встрѣчается на свеклосахарныхъ заводахъ, табачныхъ плантаціяхъ и въ другихъ предпріятіяхъ Россіи. Англійская коммиссія о дѣтскомъ трудѣ 1866 г. такъ описывала кирпичные заводы своего времени: «Безобразный языкъ, безнравственныя привычки, среди которыхъ дѣвушки выростаютъ невѣждами и звѣ-

рями. Источникомъ деморализаціи служатъ жилища, общія для всѣхъ возрастовъ и слоевъ... Одѣтыя въ жалкія лохмотья, дѣвушки привыкаютъ относиться съ презрѣніемъ ко всякому чувству приличія и стыда».

Въ результатѣ неблагопріятныхъ условій труда и распаденія прежней патріархальной семьи стало обнаруживаться уже во второй четверти XIX вѣка физическое вырожденіе рабочаго населенія. Опасность такого вырожденія и ужасы, раскрытые изслѣдователями, привели къ созданію новой области государственнаго вмѣшательства—фабричнаго законодательства. Это законодательство началось съ регламентаціи условій труда дѣтей и женщинъ и долгое время имъ и ограничивалось; только въ позднѣйшее время оно стало распространять свою защиту и на взрослыхъ мужчинъ. Первые фабричные законы, изданные въ Англіи, касались возраста трудящихся на фабрикахъ дѣтей и размѣра рабочаго дня для дѣтей и подростковъ. Въ 1842 г. въ Англіи были запрещены женщинамъ горныя работы подъ землей, въ 1847 г. установленъ 10-часовой день для работницъ въ промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. По примѣру Англіи стало развиваться законодательство по охранѣ женщинъ-работницъ и въ другихъ странахъ.

Въ настоящее время это законодательство можно раздѣлить на двѣ части: первая опредѣляетъ спеціально условія труда женщинъ, вторая—распространяемая на женщинъ въ такой же мѣрѣ, какъ на мужчинъ. На первомъ мѣстѣ среди постановленій, касающихся работницъ, слѣдуетъ поставить *запрещеніе ночной* работы, тяжелѣе всего отражающейся на здоровьѣ рабочихъ. Это запрещеніе существуетъ въ Англіи, Франціи, Швейцаріи, Германіи, Австріи, Остъ-Индіи, Масачузетѣ, Новой Зеландіи. Постановленія названныхъ государствъ различаются предѣлами, установленными для понятія ночного труда, и числомъ исключеній, допущенныхъ для производствъ непрерывнаго характера. Въ Новой Зеландіи ночью считается время отъ 6 ч. веч. до 7 час. утра въ Германіи—отъ 6½ ч. веч. до 5½ ч. утра, во Франціи—отъ 9 час. веч. до 5 ч. утра и т. д. Въ Россіи законъ 3 іюня 1885 г. воспретилъ ночную работу подростковъ и женщинъ (отъ 9 ч. веч. до 5 ч. утра) въ промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ и въ производствѣ фосфорныхъ спичекъ; позднѣйшій законъ 24 апрѣля 1890 г. сократилъ ночной періодъ до времени отъ 10 ч. веч. до 4 час. утра для фабрикъ, работающихъ 18 час. въ сутки двумя смѣнами, и предоставилъ мѣстнымъ властямъ широко разрѣшать ночную работу женщинъ въ производствахъ, гдѣ она запрещена, съ единственнымъ условіемъ, чтобы на слѣдующій день женщины не начинали работу ранѣе 12 час. дня; этимъ было почти уничтожено значеніе закона 1885 года.

Для рабочаго дня женщинъ въ государствахъ, въ которыхъ не установлено максимальнаго рабочаго дня для всѣхъ рабочихъ, опредѣленъ закономъ максимальный предѣлъ. Въ Германіи этотъ предѣлъ ра-

вenъ (по закону 1891 г.) 11 часамъ съ обязательнымъ обѣденнымъ перерывомъ въ 1 часъ, а для замужнихъ работницъ—въ $1^1/_2$ часа; передъ воскресными и праздничными днями работа женщинъ должна кончаться къ $5^1/_2$ ч. пополудни; при накопленіи заказовъ (въ сезонныхъ, напр., производствахъ) разрѣшается работать до 13 час. въ сутки, но въ общемъ итогѣ за годъ не болѣе 40 дней. Въ Англіи въ ткацко-прядильной промышленности установленъ для женщинъ 10-часовой рабочій день (между 6 ч. или 7 ч. утра и 6 или 7 час. веч. съ 2-часовымъ перерывомъ), въ субботу $6^1/_2$ часовой день, въ прочихъ фабрикахъ и въ мастерскихъ $10^1/_2$-часовой рабочій день (тѣ же предѣлы съ $1^1/_2$ часовымъ перерывомъ), въ субботу $7^1/_2$ часовой день. Во Франціи до послѣдняго времени существовалъ 11 часовой рабочій день для взрослыхъ женщинъ; законъ 1900 года установилъ введеніе черезъ 2 года $10^1/_2$ часового дня, а черезъ слѣдующіе 2 года—10-часового дня съ обязательнымъ перерывомъ въ срединѣ работы въ 1 часъ. Десятичасовой день для работницъ существуетъ въ штатахъ Сѣверной Америки—Масачузетсѣ, Огайо, Миннезотѣ, Дакотѣ и Мичиганѣ, а восьмичасовой день—въ Висконсинѣ (въ Сѣв. Америкѣ), въ Новой Зеландіи, Викторіи, Южной Австраліи.

Во многихъ странахъ существуетъ запрещеніе труда для женщинъ передъ и послѣ родовъ. Въ Швейцаріи этотъ періодъ равняется 8 недѣлямъ, въ Австріи, Англіи, Новой Зеландіи періодъ послѣ родовъ, въ теченіе котораго нельзя работать, составляетъ 4 недѣли, въ Германіи 6 недѣль (только при особомъ врачебномъ разрѣшеніи 4 недѣли).

Нѣкоторые виды труда совершенно запрещены женщинамъ, напр., горное дѣло въ Англіи, Франціи, Германіи и др. странахъ. Кромѣ того въ Англіи молодыя дѣвушки не допускаются къ работѣ при покрытіи зеркалъ ртутью, при плавленіи стекла, на кирпичныхъ заводахъ, при добываніи соли, при точеніи металлическихъ издѣлій, при производствѣ свинцовыхъ бѣлилъ. Въ Германіи и Австріи предоставляется органамъ административной власти запрещать трудъ женщинъ въ опасныхъ для нихъ производствахъ.

Въ послѣдніе годы изданъ рядъ законовъ, обязывающихъ купцовъ устраивать сидѣнья для приказчицъ, на которыхъ онѣ могутъ сидѣть въ свободное отъ продажи время; такіе законы были изданы въ Англіи (9 августа 1899 г.), въ Германіи, Франціи, Новой Зеландіи и многихъ штатахъ Сѣверной Америки; въ штатѣ Нью-Іоркъ обязанность устраивать для работницъ сидѣнія распространена также на фабрикантовъ и владѣльцевъ отелей и ресторановъ.

Что касается общаго съ мужчинами законодательства, то прежде всего сюда относятся постановленія для дѣтей и подростковъ обоего пола, которыя опредѣляютъ наименьшій возрастъ, при которомъ возможна фабричная работа (12—14 лѣтъ), и размѣръ рабочаго дня (отъ 6 до 10 час.). Для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ установленъ максималь-

ный рабочій день въ Австріи и Швейцаріи, въ 11 часовъ, въ Россіи въ $11^{1}/_{2}$ часовъ, передъ праздниками и воскресеньями 10 часовъ, при ночной работѣ—не болѣе 10 часовъ. Въ Англіи для торговыхъ служащихъ моложе 18 лѣтъ обоего пола опредѣленъ максимумъ недѣльнаго труда въ 74 часа. Въ Германіи по закону 1900 года о торговыхъ служащихъ всѣ магазины должны быть закрыты отъ 9 час. веч. до 5 час. утра (отъ 8 час. веч., если такъ распорядится мѣстная власть); сплошной отдыхъ служащихъ не можетъ быть менѣе 10 часовъ, въ крупныхъ городахъ 11 часовъ. Въ большинствѣ государствъ установленъ для всѣхъ рабочихъ обязательный воскресный отдыхъ.

Наконецъ, имѣются многочисленныя постановленія для защиты рабочихъ и работницъ отъ опасностей ихъ жизни и здоровья. Законъ требуетъ огражденія машинъ, достаточнаго свѣта, воздуха (въ Англіи, напр., не менѣе 250 куб. фут. на человѣка), чистоты, вентиляціи, устраненія пыли и вредныхъ газовъ, извѣстной температуры. Германскій законъ требуетъ особыхъ помѣщеній для переодѣванія и мытья отдѣльно для обоихъ половъ. Въ Англіи обязательна періодическая окраска стѣнъ и т. д.

Домашняя промышленность, какъ мы видѣли, характеризуется особенно печальными условіями труда вообще и женскаго въ особенности. Въ послѣдніе годы замѣчается стремленіе законодательства распространить свое вліяніе и на эту область. Изъ европейскихъ государствъ только въ Англіи часть постановленій фабричныхъ законовъ обязательна для мастерскихъ домашней промышленности. Кромѣ того, всѣ работодатели обязаны вести списки работающихъ дома и обязаны подчиняться требованіямъ фабричной инспекціи въ дѣлѣ устраненія опасности или вреда для здоровья работающихъ.

Въ нѣсколькихъ штатахъ Сѣверной Америки сдѣланы первыя попытки прямой регламентаціи домашней промышленности. Въ Нью-Іоркѣ домашняя работа въ частныхъ квартирахъ разрѣшается только членамъ семьи; для устройства домашнихъ мастерскихъ требуется особое разрѣшеніе инспекціи, причемъ минимумъ кубическаго содержанія воздуха на рабочаго долженъ быть 250 куб. футовъ. Съ 1893 г. введена въ Нью-Іоркѣ обязанность работодателей вести списки домашнихъ рабочихъ; ночной трудъ (отъ 9 час. вечера до 6 час. утра) подросткамъ и женщинамъ запрещенъ. Надзору инспекціи домашняя промышленность подчинена въ Нью-Іоркѣ, Масачузетсѣ, Огайо и Миссури. Въ Викторіи (Австралія), кромѣ обязательныхъ вѣдомостей о числѣ и заработной платѣ домашнихъ рабочихъ, которые представляются инспекціи работодателями, учреждены особыя коммиссіи (законъ 1896 г.) изъ представителей работодателей и рабочихъ, которыя устанавливаютъ обязательный минимумъ заработной платы въ производствахъ платья, бѣлья, обуви, мебели и булочныхъ товаровъ. Этотъ законъ любопытенъ, какъ первая попытка государственнаго регулированія заработной платы.

Для наилучшаго надзора за исполненіемъ фабричныхъ законовъ въ отношеніи женщинъ во многихъ странахъ введена женская фабричная инспекція. Въ Соединенныхъ Штатахъ имѣется уже свыше 20 инспектрисъ, въ Англіи—5, объединенныхъ въ особое отдѣленіе женской инспекціи; инспектрисы существуютъ даже въ Голландіи, Гессенѣ, Баваріи, Саксенъ-Веймарѣ и Франціи; въ Россіи также поставленъ на очередь вопросъ о назначеніи фабричныхъ инспектрисъ.

Еще недавно, когда зло фабричной жизни для замужнихъ работницъ было особенно рѣзко, поднималось не мало голосовъ за полное запрещеніе промышленнаго труда замужнихъ женщинъ. «Дѣйствительнымъ счастьемъ для фабричныхъ округовъ Англіи,—говорилъ фабричный инспекторъ Бекеръ въ отчетѣ 1862 года, — будетъ запрещеніе всѣмъ замужнимъ женщинамъ, имѣющимъ семью, работать на какой бы то ни было фабрикѣ». За это запрещеніе въ Англіи поднялась въ 80-хъ годахъ цѣлая агитація; за нее высказывались и многіе писатели другихъ странъ (Гитце, dr. Симонъ). Однако, если запретительныя нормы бываютъ полезными въ однихъ случаяхъ, здѣсь онѣ едва-ли принесли бы пользу. Трудъ замужнихъ женщинъ, съ одной стороны, является по большей части необходимымъ подспорьемъ средствъ семьи, съ другой стороны, открывая женщинѣ возможность заработка, онъ позволяетъ ей всегда стать въ независимое отъ мужа положеніе, т.-е. косвенно содѣйствуетъ экономическому освобожденію женщины. Въ силу этихъ соображеній, новѣйшіе отчеты фабричныхъ инспекторовъ, напр., въ Баваріи, Баденѣ, высказываются противъ такого запрещенія. Для устраненія возникающихъ отъ труда замужнихъ неблагопріятныхъ послѣдствій, нужно идти другими путями: можно сокращать рабочій день, что позволитъ женщинѣ проводить большую часть времени дома, устраивать дневныя ясли и пріюты, какъ это проектируетъ сдѣлать въ широкихъ рамкахъ берлинская дума, въ цѣляхъ борьбы съ повышенной смертностью рабочихъ дѣтей, можно умножать фабричныя школы и развивать законодательство, ограждающее женщинъ отъ вредныхъ вліяній производства.

Мы обозрѣли тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ приходится трудиться женщинѣ, и усилія, которыя дѣлаетъ законодательство для смягченія ихъ. Въ этой области интересы трудящихся женщинъ вполнѣ совпадаютъ съ интересами мужчинъ, и обезпеченіе ихъ лучше всего достижимо совокупными усиліями обоихъ половъ.

Намъ остается коснуться еще одного важнаго момента въ условіяхъ женскаго труда, именно заработной платы женщинъ. Общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что женщины получаютъ меньшее вознагражденіе за свой трудъ, чѣмъ мужчины. Укажемъ въ видѣ примѣра нѣсколько данныхъ. Средній годовой заработокъ рабочаго въ обрабатывающей промышленности Соединенныхъ Штатовъ (по цензу 1890 г.) составлялъ для мужчинъ 498 долларовъ, для женщинъ 276 долларовъ. Въ

частности въ хлопчатобумажной промышленности конторскіе служащіе—мужчины получаютъ въ недѣлю 18,2 долларовъ, женщины 9,04 долл., искусные рабочіе (skilled) мужчины 7,75 долл., женщины 5,53 долл., чернорабочіе мужчины 7,69 долл., женщины 4,37 долл. Въ большей или меньшей степени различается плата за преподавательскій трудъ въ Америкѣ:

Штаты.	Учителя.	Учительницы.
Нью-Іоркъ . . .	74,95 долл.	51,33 долл.
Масачузетсъ. . .	128,55 »	48,38 »
Коннентивутъ . .	85,58 »	41,88 »
Южная Каролина .	25,46 »	22,32 »
Флорида	35,50 »	34,00 »

По разсчетамъ Гиффена, средняя заработная плата мужчинъ-рабочихъ въ Англіи составляетъ 24 шиллинга 7 пенсовъ въ недѣлю, а заработная плата женщинъ—12 шилл. 8 пенсовъ. Въ интеллигентныхъ профессіяхъ замѣчается такая же разница. Въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ женщины никогда не получаютъ болѣе 65—70 фунт. стерл. въ годъ, тогда какъ мужчины начинаютъ съ жалованья въ 70 ф. ст. и достигаютъ 200—300 ф. ст. Высшія должности оплачиваются для мужчинъ въ 900 ф. ст., а для женщинъ только въ 400 ф. ст. Въ Берлинѣ учителя получаютъ отъ 2.800 до 6.000 марокъ, учительницы всего отъ 1.800 до 2.600 марокъ. Во Франціи женщины получаютъ въ почтовомъ вѣдомствѣ за ту же самую работу, за которую мужчинамъ платятъ 1.500 фр., только 1.000 фр. Въ Россіи средній мѣсячный заработокъ рабочаго мужчины въ Московской губерніи (по даннымъ Дементьева) равенъ 14 р. 16 к., или, если исключить машиностроительныхъ рабочихъ въ силу особо высокой платы, то 13 р. 53 к., а заработокъ женщины—10 р. 35 к., другими словами заработокъ женщины составляетъ почти ³/₄ заработка мужчины. Въ варшавскомъ фабричномъ округѣ мужчины имѣютъ въ среднемъ 17 р., женщины 9 р. 75 к., въ харьковскомъ округѣ 12 р. 25 к. и 7 р. 50 к. и т. д.

Причины, которыя создаютъ низкій уровень женскаго заработка, довольно многочисленны и сложны. Прежде всего при установленіи высоты заработной платы имѣетъ значеніе объемъ потребностей (Standart of life). Для мужчины эта плата должна покрывать его собственное содержаніе и содержаніе средней семьи или, по крайней мѣрѣ, части этой семьи. Этимъ опредѣляется минимумъ вознагражденія за мужской трудъ. Минимальная плата женщинъ при самыхъ выгодныхъ условіяхъ устанавливается сообразно нормѣ потребностей одинокой женщины *). При этомъ надо замѣтить, что уровень потребностей женщины обыкновенно ниже уровня потребностей мужчины; женщина оказывается въ состояніи и хуже питаться, и жить въ менѣе удобной

*) Ср. Гобсонъ, «Проблемы бѣдности и безработицы», стр. 142—143.

квартирѣ, и обходиться безъ культурныхъ привычекъ; все это оказываетъ огромное вліяніе на величину заработной платы. Мы сказали, что вознагражденіе трудящейся женщины пріурочивается къ величинѣ потребностей ея одинокаго существованія только въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ. Очень часто не бываетъ и этого. Женщина, живущая на средства мужа или родителей, женщина, имѣющая помощь родныхъ, покровителей и пр., можетъ работать за еще болѣе низкую плату, такъ какъ послѣдняя составляетъ ея подсобный, вспомогательный доходъ. Въ цѣляхъ хотя небольшого увеличенія дохода семьи, или для полученія средствъ на личные расходы такая женщина соглашается работать за «нищенское» вознагражденіе, которымъ она, конечно, не удовлетворилась бы, если бы была самостоятельна. Многія молодыя дѣвушки смотрятъ на свое занятіе, какъ на временное — до выхода замужъ, и потому соглашаются въ теченіе этого временнаго періода работать за самую ничтожную плату. Сюда же относится вліяніе конкуренціи труда женщинъ изъ имущихъ классовъ населенія и изъ разнообразныхъ благотворительныхъ учрежденій. Въ Германіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ встрѣчаются случаи производства товаровъ состоятельными женщинами, которыя, живя на всемъ готовомъ и желая имѣть деньги «на булавки», продаютъ свои издѣлія за безцѣнокъ, подрывая тѣмъ плату настоящихъ работницъ. Нѣмецкіе экономисты заклеймили этотъ видъ конкурренціи названіемъ «Schmutzkonkurrenz»; Гобсонъ называетъ его «некоммерческимъ предложеніемъ». Указанныя группы женщинъ, выступая на рынокъ труда съ самыми умѣренными требованіями, понижаютъ своимъ предложеніемъ общую женскую заработную плату до такого уровня, при которомъ почти не можетъ существовать даже неприхотливая одинокая женщина.

Въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, благодаря предложенію такихъ разнообразныхъ рабочихъ силъ, происходитъ крайнее переполненіе рынка труда и прямо невѣроятное паденіе платы. Характернымъ примѣромъ этого рода можетъ служить берлинская конфекціонная промышленность, т.-е. производство готоваго платья, бѣлья и другихъ предметовъ одѣянія. Такъ какъ для нея оказывается пригодной всякая женщина, умѣющая держать иголку въ рукахъ, то здѣсь предложеніе труда достигаетъ огромныхъ размѣровъ, а заработная плата падаетъ до крайности. Работницы мужского бѣлья въ Берлинѣ зарабатываютъ въ недѣлю 4—5 мар., работницы передниковъ отъ $2^1/_2$ до 5 мар., работницы галстуховъ 5—6 мар., изготовляющая блузы 6 мар., работницы дѣтскихъ платьевъ и бѣлья получаютъ въ среднемъ 7 мар., особенно хорошія изъ нихъ достигаютъ дохода въ 8 — 9 и немного болѣе мар. Между тѣмъ, самостоятельная работница не можетъ существовать въ Берлинѣ дешевле 8 — 9 мар. въ недѣлю. Отсюда тѣ печальныя послѣдствія отъ недоѣданія, недосыпанія, отъ поисковъ сомнительныхъ въ нравственномъ отношеніи доходовъ и пр., которыми ха-

рактеризуется жизнь многихъ труженицъ въ конфекціонной промышленности.

Въ связи съ указанной важнѣйшей причиной дѣйствуетъ и то обстоятельство, что во многихъ производствахъ женскій трудъ, какъ могущій быть оплачиваемъ дешевле, примѣняется въ наименѣе выгодныхъ для предпринимателя отдѣлахъ предпріятія, которые не могутъ выдержать стоимости дорогого мужского труда. Такъ, напр., на сигарныхъ фабрикахъ Лондона мужчины получаютъ по 35 шил. въ недѣлю, а женщины—по 12—18 шил., потому что первые работаютъ высшіе сорта, оплачиваемые по 4—5 шил. съ тысячи, а вторыя—только дешевые сорта, за которые и получаютъ по 1—3 шиллинга. По словамъ Сиднея Вебба, въ 9/10 поля промышленнаго труда не существуетъ никакой конкурренціи между мужчинами и женщинами, такъ какъ тѣ и другія заняты различными процессами; при этомъ на долю женщинъ приходятся хуже всего оплачиваемыя занятія. («Problems of modern industry»).

Нѣкоторые экономисты высказываютъ мысль, что женщины получаютъ болѣе низкую заработную плату потому, что трудъ ихъ менѣе производителенъ, хуже по качеству, меньше по количеству, чѣмъ трудъ мужчинъ. Это положеніе не можетъ быть признано справедливымъ въ такой общей формулировкѣ. Женскій трудъ можетъ уступать мужскому тамъ, гдѣ требуется большая физическая сила. Въ другихъ же случаяхъ онъ оказывается, по свидѣтельству спеціалистовъ, равнаго качества и количества съ мужскимъ. Такъ, напр., въ Ланкаширской шерстяной промышленности женщины столь же ловки и быстры, какъ и мужчины; онѣ уступаютъ послѣднимъ только въ одномъ процессѣ—въ приспособленіи тяжелыхъ ткацкихъ станковъ, въ которыхъ нарушена правильность хода; благодаря большему времени, которое женщины тратятъ на это приспособленіе, производительность ихъ труда въ общемъ меньше производительности мужского труда на 2,2%. Что работницы отнюдь не характеризуются меньшей производительностью труда, свидѣтельствуютъ случаи ихъ вознагражденія въ одинаковомъ размѣрѣ съ мужчинами. Напр., въ англійской хлопчатобумажной промышленности получаютъ въ недѣлю.

Округа.	Мужчины.				Женщины.			
Burnley.......	21	шил.	7	пенсовъ	21	шил.	4	пенса.
Darwen.......	22	»	2	»	20	»	11	»
Preston......	21	»	11	»	20	»	9	»
Blackburn.....	21	»	—	»	20	»	8	»
Ashton.......	21	»	5	»	20	»	4	»
Todmorden....	19	»	5	»	19	»	4	»
Rochdale......	19	»	7	»	19	»	—	»
Bury.........	19	»	2	»	18	»	11	»
Stockport	19	»	8	»	18	»	4	»

Такое же равенство наблюдается въ нѣкоторыхъ округахъ для шерстяной промышленности.

	Мужчины.	Женщины.
Holifax............	14 шил. 3 пенс.	13 шил. 1 пенс.
Dewsbury..........	15 » 10 »	14 » 4 »
Cleckheaton........	14 » 5 »	14 » 1 »

Въ шелковой промышленности Англіи получали:

		Мужчины.	Женщины.
Прядильщики.....	повременная плата.	11 шил. 9 пенс.	11 шил. 2 пенс.
Ткачи...........	повременная плата.	15 » 2 »	15 » 8 »

Въ штатѣ Нью-Джерсеѣ (Сѣв. Америки), по свѣдѣніямъ бюро статистики труда, трудъ ткачей и ткачихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ оплачивается совершенно одинаково.

Итакъ, женщины могутъ получать одинаковую съ мужчинами плату и, исполняя ту же работу съ совершенно тѣмъ же успѣхомъ, оказываются одинаково выгодными для предпринимателей. Почему же почти только въ одной промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, да и то не во всѣхъ мѣстностяхъ Англіи, женщины достигли такого положенія? Здѣсь мы переходимъ къ послѣдней причинѣ низкаго ихъ заработка—къ откутствію профессіональной организаціи. Мужчины-рабочіе во многихъ странахъ—въ Англіи, Австраліи, Соединенныхъ Штатахъ, менѣе на континентѣ Европы—сплотились въ прочные и сильные союзы, которые даютъ возможность добиваться отъ предпринимателей болѣе выгодныхъ условій продажи рабочей силы. Другое дѣло—женщины, которыя остаются обособленными и разрозненными. «Группа работницъ,—говоритъ Гобсонъ,—имѣющихъ столь же сильную организацію, какъ мужчины, могли бы получать одинаковую съ ними заработную плату. Все дѣло заключается въ наличности этой организаціи. Общая экономическая слабость большей части работницъ мѣшаетъ имъ получать одинаковое съ мужчинами вознагражденіе» *). До сихъ поръ женщины принимаютъ очень незначительное участіе въ профессіональной организаціи. Въ Англіи, классической странѣ по развитію рабочихъ союзовъ, идея женскихъ трэдъ-юніоновъ возникаетъ впервые въ 1874 г. подъ вліяніемъ Эммы Петерсонъ. До этого времени существовало нѣсколько рабочихъ союзовъ въ ткацко-прядильной промышленности сѣверной Англіи, принимавшихъ въ число своихъ членовъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ 1874 г. организуется лига покровительства женщинѣ, имѣющая цѣлью сдѣлать трудящихся женщинъ способными къ организаціи для защиты своихъ интересовъ. Подъ вліяніемъ лиги устраивается союзъ работницъ въ переплетномъ дѣлѣ, союзъ работницъ бѣлья (въ 1874 г.), союзъ портнихъ (1877 г. и 1879 г.), союзъ работницъ сигарныхъ фабрикъ (1879 г.) и т. д. Въ общемъ

*) «Проблемы бѣдности», стр. 141.

итогѣ число членовъ этихъ организацій достигло въ 1879 г. 1.300. Въ 80-хъ годахъ движеніе продолжаетъ распространяться въ производствѣ конфектъ, щетокъ, коробокъ, обоевъ, зонтовъ, плащей и пр. Въ 1893 г. въ Англіи насчитывалось до 100.000 женщинъ въ трэдъ-юніонахъ, изъ которыхъ 80.000 принадлежало къ промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, въ 1896 г. 118.000 женщинъ, въ 1897 г. 120.254. Въ 1898 г. общее число трэдъ-юніоновъ въ Англіи было 1.267 съ 1.644.591 членовъ. Женщины участвовали въ 140 изъ нихъ въ числѣ 116.016 (7% общаго числа членовъ и 41% числа членовъ тѣхъ союзовъ, которые допускаютъ женщинъ). Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть женщинъ-юніонистокъ участвуетъ въ союзахъ наравнѣ съ мужчинами; исключительно женскихъ союзовъ имѣется всего 29 съ 7.785 членами. Главная масса объединенныхъ работницъ относится къ ткацко-прядильной промышленности, именно 106—470 женщинъ; изъ этихъ послѣднихъ 87% работаетъ въ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ. Факту сравнительно большого объединенія этихъ работницъ и слѣдуетъ приписать указанное выше равенство заработной платы женщинъ и мужчинъ въ ткацко-прядильной промышленности Англіи. Въ другихъ государствахъ участіе работницъ въ союзахъ еще меньше. Въ Германіи, напр., въ 1898 г. было 57 центральныхъ рабочихъ союзовъ съ 493.742 членами, изъ которыхъ всего 13.481 были женщины (въ 1896 г. 15.265). Въ этой области для женщинъ остается еще широкое поле. Превратившись изъ изолированныхъ единицъ въ организованное цѣлое, онѣ будутъ въ состояніи согласовать свои дѣйствія съ интересами всѣхъ трудящихся въ данной отрасли и добиваться лучшихъ условій. Однимъ изъ важнѣйшихъ девизовъ женщинъ должно здѣсь быть: «одинаковая заработная плата за одинаковый съ мужчинами трудъ». Этотъ принципъ воспринятъ многими рабочими союзами, въ которыхъ участвуютъ оба пола, между прочимъ и сѣверо-американскимъ «орденомъ рыцарей труда».

Между тѣмъ, профессіональному объединенію трудящихся женщинъ препятствуетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ. Женщины, воспитанныя цѣлые вѣка въ зависимости и подчиненіи, часто обнаруживаютъ инертность и равнодушіе къ этому дѣлу, оказываются неподготовленными къ общественной дѣятельности, особенно въ области организаціонной, боятся репрессивныхъ мѣръ со стороны предпринимателей (недаромъ многіе предприниматели предпочитаютъ работницъ за ихъ безотвѣтность и послушаніе) *). Тѣ женщины, которыя зарабатываютъ себѣ только побочный доходъ, довольствуются всякой платой и мало заинтересованы въ повышеніи ея соотвѣтственно нормѣ потребностей самостоятельно живущей работницы. Наконецъ, низкій уровень платы

*) По словамъ баденскаго фабричнаго инспектора Вёрисгофена, фабриканты предпочитаютъ работницъ за ихъ бóльшую податливость (Fügsamkeit).

препятствуетъ установленію такихъ членскихъ взносовъ, изъ которыхъ могъ бы образоваться запасный фондъ для вспомоществованій—необходимый фундаментъ всякой профессіональной организаціи.

Для развитія самосознанія трудящихся женщинъ, для содѣйствія ихъ организаціи, для обученія ихъ техническимъ и профессіональнымъ знаніямъ образовались и образуются во всѣхъ государствахъ многочисленныя общества. Въ 1859 г. было основано въ Англіи «общество для содѣйствія труду женщины», которое открыло разнообразные курсы для профессіональнаго обученія. Затѣмъ устраиваются ассоціаціи для поддержки женской прислуги, союзы приказчицъ, многочисленные клубы работницъ и пр., и пр. Въ Германіи въ 1865 г. возникъ «всеобщій германскій женскій ферейнъ» для расширенія женскаго образованія и освобожденія женскаго труда отъ всякихъ препятствій, «союзъ реформы женскаго образованія», «союзъ блага женщинъ», знаменитый «Леттеферейнъ» для содѣйствія промысловой дѣятельности женщины (въ 1866 г.); въ Соединенныхъ Штатахъ была основана «ассоціація молодыхъ женщинъ» съ отдѣленіями чуть не во всѣхъ городахъ союза для обученія бухгалтеріи, стенографіи, кройкѣ, фотографіи, черченію; цѣлямъ развитія служили библіотеки, концерты, лекціи. Съ 1868 г. въ Нью-Іоркѣ функціонируетъ «общество покровительства рабочей женщинѣ», которое имѣетъ цѣлью защищать женщинъ отъ обмановъ и эксплуатаціи безсовѣстныхъ хозяевъ, содѣйствовать пріисканію работы и пр. «Промышленный и воспитательный союзъ женщинъ» также беретъ на себя юридическую защиту интересовъ работницъ, отыскиваетъ занятія, устраиваетъ дешевые рестораны. Однимъ словомъ, въ Сѣверной Америкѣ имѣется безчисленное множество женскихъ обществъ, клубовъ и ассоціацій для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей трудящихся женщинъ. Во Франціи еще въ 30-хъ годахъ существовало нѣкоторое время «Общество для поднятія положенія женщины», въ 60-хъ годахъ возникли общества для профессіональнаго образованія женщины и т. д. Въ этой области также остается еще очень много дѣла. Всякая организація, укрѣпляющая общественное самосознаніе женщины и дающая ей образовательныя средства для болѣе успѣшной хозяйственной дѣятельности, содѣйствуетъ повышенію ея заработка до уровня мужского, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближаетъ ее къ рѣшенію женскаго вопроса.

Къ какимъ выводамъ изъ всего сказаннаго мы можемъ придти? Изобрѣтеніе машинъ и развитіе промышленнаго капитализма рѣзче всего отразилось на судьбѣ женщины, такъ какъ впервые въ широкихъ размѣрахъ предоставило ей самостоятельную роль въ экономической жизни народа. Доля участія женщинъ въ хозяйственномъ трудѣ достигаетъ $^1/_3$—$^2/_5$ общей его массы.

При завоеваніи каждой новой отрасли труда женщины проходятъ двѣ стадіи: 1) добиваются самаго участія въ данной категоріи труда

и 2) когда онѣ уже заняли позицію, стремятся укрѣпиться въ ней и обезпечить себѣ наилучшія условія. Для большей части матеріальнаго производства женщины уже прошли первую стадію. Здѣсь ихъ главная задача—поставить свой трудъ въ одинаковыя условія съ мужскимъ трудомъ и добиваться сообща съ мужчинами болѣе выгоднаго положенія. Для интеллигентныхъ профессій въ большинствѣ государствъ женщина находится еще въ началѣ первой стадіи. Слѣдовательно, здѣсь женщинамъ образованныхъ классовъ предстоитъ еще завоевать себѣ самое право на самостоятельный трудъ.

Въ общемъ женщины идутъ прямой дорогой къ достиженію экономической самостоятельности, т.-е. къ освобожденію отъ экономическаго подчиненія мужчинѣ, и рано или поздно достигнутъ своей цѣли.

Въ заключеніе мы хотѣли бы еще коснуться той роли, которую играетъ хозяйственная дѣятельность современной женщины въ ея общей судьбѣ. Всякому извѣстно то широкое женское движеніе, которое возникло и разрослось въ XIX столѣтіи и было направлено на достиженіе женщиной избирательныхъ правъ, на участіе ея въ общественной и политической жизни народа, на уравненіе ея съ мужчиной въ области гражданскихъ отношеній. Каково взаимоотношеніе этого движенія и хозяйственной роли женщины?

Въ прежнія времена женщина получала всѣ средства отъ отца и затѣмъ отъ мужа; имѣя возможность пріобрѣсти обезпеченное положеніе только черезъ бракъ, она направляла всѣ свои усилія на то, чтобы найти жениха и сдѣлать выгодную партію. Цѣлью воспитанія женщины было plaire à l'homme (нравиться мужчинѣ—Руссо). Половыя особенности женщины, по выраженію Стетсонъ, становятся, такимъ образомъ, не только средствомъ привлеченія мужчины, какъ у всѣхъ животныхъ, но и способомъ пріобрѣтенія дохода, чего уже не встрѣчается ни въ одномъ животномъ видѣ. Благодаря этому обстоятельству, въ человѣчествѣ устраняется вліяніе полового подбора, путемъ котораго происходитъ усовершенствованіе рода. При существованіи выбора женщиною лучшаго мужчины и наоборотъ, представители каждаго пола старались бы превзойти одинъ другого, стремились бы къ самоусовершенствованію и къ завоеванію расположенія другого. До сихъ поръ мужчины стремились главнымъ образомъ къ пріобрѣтенію средствъ, которыя обезпечивали бы имъ экономическое господство надъ женщинами. Послѣднія же старались привлечь всякими пріемами тѣхъ мужчинъ, которые владѣютъ наибольшимъ богатствомъ. Женщины чрезмѣрно развивали и выдвигали свои женскія особенности, какъ способъ полученія средствъ существованія отъ мужчины *). Вмѣстѣ съ экономической подчиненностью женщины были связаны и ея политическое, и гражданско-правовое положеніе. Суще-

*) Stetson, «Women and economics», New-York, 1899.

ство, смотрящее изъ рукъ другого и живущее на его счетъ, не можетъ играть роли въ общественной и политической жизни народа; оно не можетъ имѣть собственнаго имущества, самостоятельно заключать имущественныя сдѣлки, оно вѣчно находится подъ опекой и т. д.

Весь этотъ строй отношеній начинаетъ измѣняться по мѣрѣ того, какъ женщина пріобрѣтаетъ самостоятельное положеніе въ экономической жизни и зарабатываетъ собственнымъ трудомъ средства существованія. Прежде всего она становится въ болѣе достойныя отношенія къ мужчинѣ. Выборомъ мужа руководитъ не соображеніе нужды, а искреннее чувство любви и уваженія. Въ бракъ вступаютъ лица, экономически независимыя другъ отъ друга, что накладываетъ совершенно новую печать на отношенія супруговъ.

Женщина, занявшая самостоятельное мѣсто въ хозяйственной жизни и участвующая въ процессѣ народнаго производства, предъявляетъ основательное требованіе на участіе въ распоряженіи общественными богатствами и въ качествѣ равноправнаго члена общества добивается права участія въ выборахъ, въ государственномъ управленіи и пр. Наконецъ, гражданскія отношенія такой женщины преобразуются въ томъ направленіи, чтобы обезпечить за ней обладаніе заработаннымъ доходомъ, собственнымъ имуществомъ и дать ей право самостоятельнаго совершенія всѣхъ гражданскихъ актовъ. Такъ переплетаются между собой гражданско-политическія права женщины съ ея экономическимъ положеніемъ. Наибольшихъ результатовъ по этому пути достигла женщина въ Австраліи и Соединенныхъ Штатахъ, меньше—въ Европѣ. Но, во всякомъ случаѣ, и тамъ, и тутъ разрѣшеніе всѣхъ задачъ, которыя ставятся женскимъ вопросомъ въ правовой, соціальной и образовательной сферахъ, тѣснымъ образомъ связано съ окончательнымъ экономическимъ освобожденіемъ женщины изъ прежней подчиненности мужчинѣ. Въ этомъ смыслѣ женскій вопросъ является по преимуществу вопросомъ объ обезпеченіи за женщиной права на самостоятельное экономическое существованіе, на самостоятельный заработокъ и вопросомъ объ улучшеніи самыхъ условій женскаго труда. Такимъ образомъ, женскій вопросъ входитъ, какъ составная часть, въ общій соціальный вопросъ, имѣющій своей задачей осуществленіе такой общественной организаціи, которая отвѣчаетъ интересамъ массы трудящагося населенія.

Истекшій XIX вѣкъ разрѣшилъ одну великую проблему: освобожденіе крестьянской массы отъ крѣпостного ига. Тотъ же вѣкъ поставилъ на очередь крупную проблему эмансипаціи женщины и указалъ направленіе, въ которомъ она можетъ быть рѣшена. Окончательное же разрѣшеніе этой проблемы, въ которой заинтересована половина человѣческаго рода, принадлежитъ новому XX столѣтію.

Проф. М. Соболевъ.

ВУНДТЪ О ФЕХНЕРѢ.

11-го мая (28-го апрѣля) въ Лейпцигскомъ университетѣ праздновалась столѣтняя годовщина дня рожденія Фехнера. По этому поводу въ актовомъ залѣ университета была произнесена рѣчь однимъ изъ ближайшихъ учениковъ и сотрудниковъ Фехнера, Вильгельмомъ Вундтомъ. Имя Фехнера одно изъ славныхъ именъ, которыми гордится Лейпцигскій университетъ. Какъ психологъ, въ особенности какъ основатель психо-физики, Фехнеръ не будетъ забытъ въ наукѣ. Но для знакомыхъ съ его идеалами къ его міровой славѣ примѣшивается еще особая черта, черта глубокаго и чистаго идеализма, дѣлающая его духовный обликъ особенно привлекательнымъ.

Съ громаднымъ упорствомъ,—говоритъ Вундтъ,—со способностью къ мелочному и кропотливому изслѣдованію онъ соединялъ свободный и смѣлый полетъ мысли, вдохновенный и широкій творческій размахъ. *Одна* идея придавала въ его глазахъ смыслъ всей его работѣ, дѣлу его жизни. Фехнеръ былъ человѣкомъ *одной* идеи, которая властно завладѣла имъ—разъ навсегда, которая подчинила себѣ самые глубокіе помыслы и стремленія его. Онъ былъ «однолюбомъ» въ полномъ смыслѣ этого слова. «Все, что не ты, такъ суетно и ложно, все, что не ты, холодно и мертво»—могъ онъ съ полнымъ правомъ сказать про эту идею. Она была глубоко заложена въ его душѣ, она росла незамѣтно и безсознательно и только сравнительно поздно понялъ онъ ея значеніе; съ этого момента онъ безраздѣльно отдался ей.

Фехнеръ происходилъ изъ пасторской семьи; его отецъ, оба дѣда были пасторами въ Саксоніи и Пруссіи. Онъ воспитывался въ скромной обстановкѣ, сначала у родителей, потомъ въ домѣ своего дяди, тоже пастора. Рано начало развиваться въ немъ религіозное чувство. Подъ вліяніемъ всей окружающей обстановки оно пустило въ душѣ его прочные корни; его вѣра росла вмѣстѣ съ нимъ. Потомъ, когда онъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, на медицинскій факультетъ, онъ забылъ свои дѣтскія вѣрованія или думалъ, что забылъ ихъ; какъ и подобаетъ молодому медику, онъ сдѣлался ярымъ матеріалистомъ. Но это увлеченіе продолжалось недолго. Въ февралѣ 1820-го года (ему еще не было 19-ти лѣтъ) попадаетъ въ его руки Окенъ.

Онъ инстинктивно почувствовалъ свое духовное родство съ этимъ писателемъ; хотя онъ и не могъ вполнѣ понять Окена, онъ все же дѣлается его искреннимъ и безусловнымъ послѣдователемъ. Міръ представляется ему уже не въ формѣ безжизненнаго механизма, а какъ проявленіе духа. Духъ и природа, мысль и бытіе тожественны. Внѣ абсолютнаго разума нѣтъ ничего, но все въ немъ. Въ человѣкѣ природа достигла наиболѣе высокаго своего развитія. Въ человѣкѣ природа познаетъ самое себя. Души людей—это безчисленное множество глазъ, которыми безконечный всеміриый духъ смотритъ на самого себя. На признаніи тожества мысли и бытія строится натуръ-философская система; для этого не требуется ни опыта, ни наблюденія; вся природа есть только развитіе разума, слѣдовательно, она вся можетъ быть познана чисто умозрительнымъ путемъ. Фехнеръ, однако, довольно скоро отдѣлался отъ всѣхъ крайностей, отъ всѣхъ увлеченій, которыми изобиловала философія Шеллинга, Окена и другихъ. Но одна идея крѣпко засѣла въ немъ—сущность міра есть духъ, сознаніе. Доказательство этой идеи научнымъ путемъ сдѣлалось для Фехнера впослѣдствіи главною жизненною задачею. Она была источникомъ его энергіи и страстнаго трудолюбія, она давала ему силу для борьбы съ различными невзгодами, съ тяжелой болѣзнью. Эта идея была тѣмъ солнцемъ, которое озарило всю его внутреннюю жизнь, она подарила ему глубокое, несокрушимое счастье. Выясненію связи философскаго міросозерцанія Фехнера съ его научными работами была посвящена лекція Вундта *).

Лейпцигскій университетъ можетъ по праву гордиться Фехнеромъ, какъ своимъ дѣтищемъ. 70 лѣтъ его жизнь протекла въ Лейпцигѣ. Сюда пріѣхалъ онъ 16-ти лѣтнимъ юношею и здѣсь-же умеръ, 86-ти лѣтъ отъ роду, въ 1887 г. По пріѣздѣ въ Лейпцигъ въ 1817 г., Фехнеръ поступилъ на медицинскій факультетъ, но очень скоро разочаровался въ медицинѣ; она не удовлетворяла его научнымъ стремленьямъ, такъ какъ носила грубо-эмпирическій характеръ. Къ практической дѣятельности онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія. Тѣмъ не менѣе онъ въ 1822 г. сдалъ экзаменъ на доктора медицины. Уже въ бытность студентомъ онъ, главнымъ образомъ, занимался физикою. Черезъ два года по окончаніи курса медицинскаго факультета онъ въ качествѣ приватъ-доцента началъ читать лекціи по физикѣ; такъ какъ средства его были очень ограничены, то ему приходилось, кромѣ того, заниматься срочнымъ литературнымъ трудомъ. Страшная

*) При передачѣ содержанія этой лекціи, сдѣланы нѣкоторые добавленія; они касаются, однако, только изложенія Фехнеровскаго ученія. Выпущены нѣкоторыя частности, не представляющія для русскихъ читателей общаго интереса.—О значеніи Фехнера, какъ основателя экспериментальной психологіи, см. статью проф. Челпанова—«Что такое экспериментальная психологія», «М. Б.», 1899 г., іюль—августъ.
Ред.

масса работы, матеріальныя заботы подорвали его здоровье; въ 1834 г., когда ему, наконецъ, удалось получить каѳедру физика, онъ серьезно заболѣлъ. Чтобы не заниматься слишкомъ много теоретически, онъ сталъ главное время удѣлять экспериментамъ—занялся изслѣдованіемъ зрительныхъ ощущеній. Эти занятія, однако, повлекли за собою серьезную болѣзнь глазъ и три года онъ долженъ былъ провести безвыходно въ темнотѣ. Это было для него очень тяжелымъ временемъ. Лѣченіе только истощило его силы и оказывалось совершенно безуспѣшнымъ. Долгое время, повидимому, не было никакой надежды на улучшеніе. Онъ былъ близокъ къ самоубійству. Улучшеніе наступило внезапно и вызвало необычайный подъемъ духа, ему казалось, что онъ избранъ Богомъ совершить что-то великое. Несмотря на тѣ ужасныя мученія, которыя онъ пережилъ за эти три года, время болѣзни подѣйствовало на него благотворно. Предоставленный самому себѣ, своимъ мыслямъ, онъ много передумалъ и перечувствовалъ; въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ крѣпла и зрѣла его философская мысль. Тѣ философскіе вопросы, которые постоянно интересовали его, получили теперь окончальное рѣшеніе. Характерными чертами его мысли были самостоятельность, оригинальность и смѣлость. Лейбницъ говорилъ про себя, что готовъ согласиться со всякимъ мнѣніемъ, при условіи нѣкоторыхъ ограниченій. Про Фехнера можно было сказать, что онъ готовъ былъ бороться со всякимъ мнѣніемъ, безъ всякаго ограниченія. Его полемика не носила, однако, никогда личнаго характера. Споръ съ нимъ бывалъ всегда очень поучителенъ и доставлялъ высокое наслажденіе.

48-ми лѣтъ отъ роду онъ написалъ произведеніе, въ которомъ изложилъ основные свои взгляды, «Die Tagesansicht gegenüber der Nachtansicht». Матеріалисты думаютъ, что міръ цвѣтовъ и звуковъ—это преходящее явленіе, иллюзія, что всѣ явленія сознанія представляютъ только колебанія атомовъ. Матеріалисты хотятъ превратить весь міръ, полный звуковъ, сіяющій цвѣтами, чудный и свѣтлый Божій міръ въ глухую, безпросвѣтную ночь. Матеріалистическимъ теоріямъ Фехнеръ противопоставляетъ двѣ проблемы—проблему жизни и проблему сознанія. Матеріалисты думаютъ, что жизнь возникла изъ неорганизованной матеріи. Они утверждаютъ, что при другихъ условіяхъ, отличныхъ отъ современныхъ и имѣвшихъ когда-то мѣсто, было возможно самопроизвольное зарожденіе. Но они забываютъ, что условія для этого были раньше еще болѣе неблагопріятными, чѣмъ теперь. Нѣтъ ничего болѣе неправдоподобнаго, какъ предположеніе о происхожденіи организмовъ изъ неорганической матеріи. Сколь далеко ни проникаетъ наша мысль—мы вездѣ видимъ, что организованная матерія переходитъ въ неорганическую, а не обратно. Движеніе молекулъ неорганической матеріи отлично отъ движенія молекулъ организованныхъ тѣлъ. Въ неорганической матеріи имѣетъ мѣсто простое, однообразное движеніе. Въ организмахъ мы наблюдаемъ слож-

ное ритмическое движеніе. Типомъ движенія организованныхъ молекулъ можетъ служить движеніе планетъ вокругъ солнца; въ теченіе извѣстныхъ, ритмически повторяющихся промежутковъ времени совершаютъ они свой кругооборотъ. Аналогичнымъ же образомъ молекулы нашего тѣла совершаютъ сложное ритмическое движеніе; это движеніе присуще какъ отдѣльнымъ молекуламъ, такъ и цѣлымъ органамъ—легкимъ, сердцу и т. д., наконецъ, всему нашему тѣлу. Жизнь существуетъ не только въ такъ называемыхъ организованныхъ тѣлахъ, она разлита во всей вселенной. Наша солнечная система тоже живетъ, она представляетъ живой организмъ. Съ другими системами небесныхъ тѣлъ она составляетъ новый, болѣе сложный организмъ; такимъ образомъ, существуетъ цѣлая система организмовъ, комплексы низшихъ объединяются въ высшіе организмы, включающіе всѣ низшіе. Высшій организмъ есть вселенная, единая космоорганическая масса. Эта масса въ своемъ развитіи даетъ начало все новымъ и новымъ организмамъ. Она образовала организмъ земли. Этотъ организмъ, подобно отдѣльному продукту его—человѣку, спитъ и бодрствуетъ—одно время года смѣняется другимъ, день смѣняется ночью, имѣетъ систему кровообращенія—морскіе приливы и отливы, имѣетъ чувствительную поверхность—земную кору съ ея безконечно-разнообразною растительностью. Чтобы быть организмомъ, она не должна во всемъ походить на человѣка; подобно тому, какъ организмы кровяныхъ тѣлецъ, мышечной ткани, нервныхъ клѣтокъ и т. д. объединяются въ одинъ сложный человѣческій организмъ, такъ и организмы людей, животныхъ, растеній объединяются въ сложный организмъ земли. Неорганическіе элементы земли по существу не отличаются отъ организмовъ, входящихъ въ составъ ея. Единственное различіе въ степени сложности движенія. Какъ въ человѣческомъ организмѣ, такъ и въ организмѣ земли рядомъ съ организованными тѣлами содержится масса неорганическихъ. Организмъ образуетъ въ своемъ развитіи неорганическія тѣла—это есть процессъ дифференціаціи его составныхъ частей, повышеніе жизни однихъ частей путемъ субординаціи имъ другихъ, такимъ образомъ внутри организма происходитъ постоянное усложненіе, постоянный прогрессъ органическихъ функцій. Этотъ процессъ развитія присущъ не однимъ организмамъ, населяющимъ землю—онъ совершается во всей вселенной. Отдѣльная планета является подобнымъ же организмомъ; витая въ космоорганическомъ пространствѣ, она подобнымъ же образомъ дифференцируетъ свои части, развиваетъ свои органы. Организмы не погибаютъ, не умираютъ, превращаясь въ неорганическую матерію, они становятся составною частью болѣе сложныхъ организмовъ. Что справедливо относительно органической жизни, то справедливо и относительно сознанія. Мы говоримъ, что сознательное дѣлается безсознательнымъ, но это невѣрно. Сознаніе никогда не уничтожается. Если оно, повидимому, исчезло, то это только означаетъ, что оно пе-

решло границы нашей индивидуальности, что оно вошло въ общее сознаніе вселенной. Сознаніе всюду проникаетъ вселенную. Каждый физическій процессъ является въ то же время и психическимъ. Оба представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія. Если мы смотримъ на шаръ изнутри, поверхность его кажется вогнутою, при разсматриваніи снаружи она представляется выпуклою; въ обоихъ случаяхъ передъ нами то же самое тѣло. Физическій и духовный міръ—двѣ различныхъ точки зрѣнія на тотъ же предметъ. Сознаніе вселенной едино и вѣчно, оно представляетъ изъ себя какъ бы одну систему волнообразныхъ движеній. Отдѣльныя волны этого общаго сознанія, плеснувшіе черезъ порогъ нашей безсознательной жизни, становятся достояніемъ нашего индивидуальнаго сознанія. Этотъ порогъ отдѣляетъ наше индивидуальное сознаніе отъ общаго сознанія вселенной. Только гребни отдѣльныхъ волнъ прорываются черезъ него, чтобы затѣмъ опять слиться съ общей водной поверхностью, съ міровымъ сознаніемъ. Все, что не переступаетъ порога нашей индивидуальности, относится къ области безсознательнаго, міровое же сознаніе дѣлается намъ доступнымъ только по тѣмъ немногимъ всплескамъ, которые прорываются черезъ грань, лежащую высоко надъ общимъ уровнемъ его, по всплескамъ, которые переступаютъ порогъ нашей чувствительности. Эти отдѣльные всплески міроваго сознанія достигаютъ въ нашей индивидуальности высокаго развитія. Съ такъ-называемой смертью организма индивидуальное сознаніе сливается съ тѣмъ, что намъ, съ нашей точки зрѣнія, представляется безсознательнымъ и что на самомъ дѣлѣ есть только болѣе широкое сознаніе; индивидуальное сознаніе, не утрачивая ни одного изъ своихъ достояній, становится частью болѣе совершеннаго сознанія. Со смертью человѣка духъ его не утопаетъ безслѣдно въ болѣе высокомъ и совершенномъ духѣ, но вступаетъ къ послѣднему въ болѣе ясное, въ болѣе сознательное отношеніе; наше земное сознаніе не утрачивается, а просвѣтляется. Наша земная жизнь представится намъ въ нашей новой жизни, какъ рядъ воспоминаній. И эти воспоминанія дадутъ намъ возможность въ томъ, болѣе высокомъ сознаніи, съ которымъ мы слились, узнать вошедшія въ него сознанія нашихъ близкихъ, любимыхъ нами людей.

Въ одну любовь сліясь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить, въ сіяньи правды вѣчной,
Намъ врозь не суждено.

Таково въ общихъ чертахъ философское міросозерцаніе Фехнера. Впервые всѣ эти взгляды были выражены имъ въ Зендъ-Авестѣ, появившейся въ 1853 г. Въ Зендъ-Авестѣ уже содержатся всѣ основные взгляды Фехнера. На это сочиненіе не обратили вниманія. Подобнаго рода вопросы были не въ духѣ того времени. Незадолго до этого померкла звѣзда Гегеля. Въ Шопенгауера никто не вѣрилъ, кромѣ

его самого. Повсюду звучала горячая проповѣдь матеріализма. Фехнеръ былъ глубоко обиженъ тѣмъ равнодушнымъ пріемомъ, который встрѣтила его книга. «Чтобы разбудить спящій міръ, нужны крѣпкіе и мощные звуки. Мой голосъ является только слабымъ дуновеньемъ»,—писалъ онъ. Облечь свои золотыя мечты въ научную форму, придать имъ силу и мощь, заставить признать ихъ—это становится задачей его жизни. Въ 60-мъ году вышло въ свѣтъ его капитальное произведеніе, его психофизика («Elemente der Psychophysik»). Уже въ 1850 г. 22-го октября его внезапно осѣнила мысль о своеобразной зависимости между силою внѣшняго раздраженія и вызваннымъ послѣднимъ ощущеніемъ. Эта мысль пришла Фехнеру совершенно самостоятельно, тѣмъ не менѣе онъ далъ названіе «веберовскаго» закона наблюденной и изученной имъ зависимости между раздраженіемъ и ощущеніемъ, такъ какъ Веберъ впервые обратилъ на нее вниманіе. Послѣ этого начинается многолѣтняя мелкая и кропотливая работа, которая въ 1860 г. привела Фехнера къ слѣдующему выводу: ощущеніе пропорціонально логариѳму раздраженія, или,—въ то время, какъ раздраженія возрастаютъ въ геометрической прогрессіи, соотвѣтствующія имъ ощущенія увеличиваются въ ариѳметической. Онъ установилъ законъ о порогѣ раздраженія. Въ силу этого закона, внѣшнее раздраженіе можетъ быть воспринято нами только въ томъ случаѣ, если оно достигнетъ извѣстной интенсивности; точно также и приростъ внѣшняго раздраженія распознается только при условіи достиженія имъ извѣстной степени. Итакъ, физическое раздраженіе можетъ не вызвать въ насъ никакого ощущенія. Между тѣмъ, по принципу психофизическаго параллелизма мы должны допустить, что всякому физическому процессу соотвѣтствуетъ психическій; это должно имѣть мѣсто и въ данномъ случаѣ. Психическій процессъ только не перешелъ порога нашей чувствительности, не достигъ области нашего индивидуальнаго сознанія. Онъ остался для насъ въ сферѣ безсознательнаго. Онъ отразился на теченіи міроваго сознанія. Этимъ доказывается, что, кромѣ нашего личнаго сознанія, существуетъ еще другое, сверхъ-индивидуальное; наше личное сознаніе является только частью послѣдняго. Индивидуальное сознаніе есть не что иное, какъ подъемъ, всплескъ этого міроваго сознанія за порогъ нашей чувствительности.

Психофизика Фехнера—плодъ многолѣтней упорной и точной экспериментальной работы—содержитъ въ себѣ тѣ же идеи, что выражены и въ Зендъ-Авестѣ; ни одна изъ основныхъ идей Зендъ-Авесты не опущена въ психофизикѣ.

Психофизика Фехнера возбудила большое вниманіе; ученые дѣятельно принялись обсуждать и провѣрять фехнеровскій законъ. Но идея, смыслъ этого произведенія никого не интересовали. «Они толкуютъ все о внѣшней психофизикѣ», говоритъ Фехнеръ, «а моей внутренней психофизикѣ (meine inere Psychophysik) никто не оцѣнилъ,

не понялъ». Съ глубокою горечью смотрѣлъ онъ на судьбу своего произведенія. Но его поддерживала надежда, что рано или поздно истина восторжествуетъ, что люди поймутъ и оцѣнятъ его завѣтныя стремленія, бывшія для него цѣлью и смысломъ жизни.

Какъ и многіе великіе люди. онъ невѣрно понималъ свое значеніе, онъ не понялъ своей великой преобразовательной роли въ дѣлѣ изученія психическихъ явленій. Его незабвенная заслуга—введеніе въ психологію точнаго экспериментальнаго метода; онъ проложилъ для психологіи новые пути, показавъ, что она можетъ и должна сдѣлаться точною наукою.

Но въ этомъ ли одномъ—въ созданіи для психологіи строго-научнаго метода и заключается его заслуга? Онъ создалъ еще своеобразную философскую систему. Философскія системы имѣютъ вообще двоякаго рода характеръ. Одинъ рядъ философовъ исходитъ изъ выработанныхъ современною имъ наукою положеній, обобщеній. Осторожно воздвигаютъ они свое зданіе на положительныхъ, твердо установленныхъ завоеваніяхъ человѣческой мысли. Всѣ выводы, къ которымъ пришли отдѣльныя науки ихъ времени, они подвергаютъ критической переработкѣ и соединяютъ ихъ въ стройную философскую систему. Къ такого рода философамъ принадлежатъ Аристотель, Декартъ. Во всеоружіи современнаго имъ знанія, въ непосредственной связи съ данными отдѣльныхъ наукъ создаютъ они свои философскія ученія. Къ такого же рода мыслителямъ можно было бы, можетъ быть, отнести и Канта—время окончательной оцѣнки его философіи еще не наступило. Кромѣ этой, чисто научной философіи, есть еще другая. Тамъ, гдѣ современное знаніе оказывается неудовлетворительнымъ, гдѣ оно не отвѣчаетъ на всѣ запросы мыслящаго человѣчества, эта философія помощью творческаго воображенія смѣло перекидываетъ мосты черезъ неизвѣстное. Роскошными картинами, продуктами своей фантазіи она утоляетъ томленіе духа, она придаетъ ему въ его блужданіяхъ новую силу, вливаетъ въ него надежду и бодрость. Къ такого рода мыслителямъ принадлежитъ Платонъ. Въ XIX вѣкѣ выступилъ со своими философскими утопіями Шеллингъ. Но его философія имѣла только скоропроходящее значеніе; она находилась въ противорѣчіи съ данными точной науки. Приведеніе въ связь натурфилософскихъ построеній, продуктовъ свободнаго творчества, съ выводами положительной науки, сліяніе ихъ въ могучій и стройный аккордъ—это заслуга Фехнера.

Онъ разрѣшилъ торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе лекціи Вундта. Какъ ни рѣзко расходится Вундъ въ своихъ взглядахъ съ Фехнеромъ, между ними существуетъ тѣсная связь. Вундтъ является продолжателемъ дѣла, начатаго Фехнеромъ. При открытіи Вундтомъ въ

1879 г. первой психологической лабораторіи, Фехнеръ шутя сказалъ ему: «Если вы поведете дѣло въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, то черезъ два года вы разрѣшите всѣ психофизическіе вопросы» *). Съ того времени прошло 22 года и экспериментальная психологія разрослась въ цѣлую науку, обширную и безконечную, какъ и всѣ другія. Во всѣхъ странахъ завоевываетъ она себѣ права гражданства; правда, это завоеваніе требуетъ упорной и энергичной борьбы, борьбы со всевозможными предразсудками. Вундтъ самый крупный представитель этой науки. Математическія изслѣдованія Фехнера положили ей начало. И философскія воззрѣнія того и другого имѣютъ между собою много общаго. Мечтательный идеализмъ Фехнера утратилъ свою субъективную, фантистическую окраску, подвергся теоретико-познавательной переработкѣ, получилъ твердое научное обоснованіе, сдѣлался реалистическимъ. Въ исторіи мысли имена Фехнера и Вундта неразрывно связаны между собою.

К—съ.

---

*) См. Gustav-Theodor Fechner. Von Prof. Kurd Lasswitz, стр. 90.

ВО ИМЯ ДОЛГА.

Романъ Гарлянда.

Переводъ съ англійскаго.

(*Окончаніе*) *).

XXV.

Ида снова входитъ въ жизнь Брадлея.

Возвратясь домой, Брадлей пользовался каждымъ случаемъ говоритъ публично, по крайней мѣрѣ, это прерывало монотонную жизнь въ Рокъ-Риверѣ. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ политическихъ дѣлахъ округа и четвертаго іюля произносилъ рѣчь на празднествѣ въ Рокъ-Риверѣ. Слова его сопровождались оркестромъ музыкантовъ, прогулкой съ факелами и угощеніемъ сливочнымъ мороженымъ. Толпа уличныхъ мальчишекъ бросала шутихи, забывъ весь міръ ради своей забавы.

Брадлею было чрезвычайно пріятно ѣхать въ каретѣ во время парада, сидѣть на платформѣ, играя всюду первую роль, вставать при крикахъ многочисленной публики, произносить зажигательныя рѣчи, обращаясь къ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ и указывая имъ на высшіе идеалы, настаивать на необходимости водрузить національное знамя въ борьбѣ со зломъ. Однимъ словомъ, ни одно празднество не обходилось безъ него.

Лѣто прошло гораздо лучше, чѣмъ ожидалъ Брадлей. Черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія изъ Вашингтона, онъ получилъ письмо отъ Иды съ просьбою присутствовать на избирательномъ митингѣ въ Демуанѣ, онъ съ радостью принялъ ея приглашеніе. Ему давно хотѣлось ее повидать, но онъ не рѣшался предпринять путешествіе съ этой исключительною цѣлью.

Онъ выѣхалъ въ ясный октябрьскій день и поѣздка въ Демуанъ была ему чрезвычайно пріятна.

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль 1901 г.

Ландшафтъ казался сѣрымъ, какимъ-то полусоннымъ. Сойки порхали между кленами и дубами, покрытыми пурпурно-желтой листвою, перепела пиликали въ орѣшникѣ, а вороны лѣниво прыгали по полямъ, гдѣ работали пахари. Машины медленно скрипѣли и работали.

Смотря на этотъ тяжелый и физическій трудъ, Брадлей душевно радовался, что онъ теперь избавленъ отъ необходимости заниматься подобнымъ трудомъ.

Ида очень обрадовалась пріѣзду Талькота и крѣпко пожала ему руку со словами:

— Оставайтесь у насъ чай пить. Кромѣ меня и матери сегодня никого нѣтъ и мы свободно обо всемъ переговоримъ. Вотъ моя мать,— сказала она указывая на старушку съ широкимъ лицомъ. Она цѣлый вечеръ просидѣла молча, съ необыкновеннымъ вниманіемъ прислушиваясь къ разговору. Очевидно, она обожала дочь и никогда не задавала ей никакихъ вопросовъ.

Они сѣли за столъ.

— М-ръ Талькотъ, рекомендую вамъ Христину,—сказала Ида—при видѣ входящей дѣвушки съ чаемъ въ рукахъ.—Она заботится объ моей матери въ мое отсутствіе.

— Иногда и она заботится обо мнѣ,—отвѣтила дѣвушка съ улыбкой.

Избѣгая семейныхъ вопросовъ, Ида говорила объ различныхъ общественныхъ дѣлахъ, разспрашивала Брадлея о его занятіяхъ, чтеніяхъ и этотъ разговоръ доставлялъ ему чрезвычайное удовольствіе. Она говорила изящно и употребляла удивительно красивыя выраженія. Онъ больше чувствовалъ, чѣмъ понималъ красоту и силу ея рѣчи.

— Мнѣ очень хотѣлось бы быть писательницей, — сказала Ида,— тогда бы я непремѣнно занялась женскимъ вопросомъ.

— Почему же вы не пишете?

— У меня мало свободнаго времени и тогда пришлось бы оторваться отъ своихъ постоянныхъ занятій, но если бы я писала романы, то непремѣнно брала бы темы изъ современной жизни.

Онъ не могъ запомнить всего, что она говорила, но ясно помнилъ потомъ то отчаяніе, какое овладѣвало имъ, когда она упоминала о книгахъ и авторахъ, о которыхъ онъ никогда не слышалъ.

По тротуарамъ покрытымъ сухими листьями они пошли въ церковь и, войдя въ боковую дверь, Ида начала представлять его дамамъ, которыя окружили ее, какъ только она показалась. Брадлея смущало, что ихъ такъ много, но онъ гордился тѣмъ, что его представляла Ида.

Они подошли къ платформѣ; ему еще никогда не приходилось говорить на подобныхъ митингахъ и онъ чувствовалъ себя чрезвычайно взволнованнымъ, однако очень хорошо произнесъ свою рѣчь, хотя его все время смущало присутствіе Иды. Когда она начала говорить, онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на ея красивую головку и болѣе чув-

ствовалъ, нежели видѣлъ изящныя формы ея фигуры, не стѣсняемой корсетомъ. Тонкій запахъ ея платья, его мягкій шелестъ, все это заставляло его забывать смыслъ ея словъ.

Кергиль подошелъ къ платформѣ съ шутливыми словами:

— Ну что, законодатель, какъ поживаете? Я слышалъ, вы хотите заслужить себѣ безсмертіе, говорятъ, вы попали въ конгрессъ.

— Да, я уже былъ въ Вашингтонѣ впродолженіи нѣсколькихъ дней,-—отвѣтилъ Брадлей

— Ну что же, понравилось?

— Здравствуйте, м-ръ Кергиль,—сказала Ида,—мнѣ кажется, вы здѣсь не на мѣстѣ.

— Я всегда и вездѣ не на мѣстѣ,--проворчалъ Кергиль.

— Знакомы ли вы съ м-ромъ Бердсель,— сказала Ида, представляя Брадлея чрезвычайно красивому молодому человѣку съ свѣтлыми карими глазами и великолѣпными усами. При видѣ его, у Брадлея дрогнуло сердце отъ мысли, что они могутъ быть влюблены другъ въ друга.

— М-ръ Бердсель пріѣхалъ изъ Мускатена,—продолжала Ида,—и случайно узнавъ о нашемъ избирательномъ митингѣ, пришелъ сюда чтобы примириться съ мыслью о женской эмансипаціи.

Брадлей изучалъ Бердселя пристальнымъ взглядомъ и находилъ его необыкновенно красивымъ, ему стало даже неловко стоять рядомъ съ такимъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ и молча выслушивать его остроты. Однако, Ида попрощалась съ Кергилемъ и Бердселемъ и отправилась домой въ сопровожденіи Брадлея. Но Брадлей оказался недостаточно проницательнымъ, чтобы оцѣнить ту поспѣшность, съ какою она простилась съ Бердселемъ.

Они шли рядомъ при лунномъ свѣтѣ. Онъ не рѣшился предложить ей руку и продолжалъ снова говорить о Вашингтонѣ, а она просила его вспомнить о женскомъ вопросѣ въ своей законодательной дѣятельности.

— Я еще не знаю, что я могу сдѣлать, но, во всякомъ случаѣ, я не могу забыть о несчастныхъ женахъ фермеровъ. Я имъ вполнѣ сочувствую и нахожу, что ихъ горькая доля служитъ доказательствомъ безчеловѣчности мужчинъ. Мое сердце болитъ за нихъ. Сейчасъ поднимается новое фермерское движеніе, союзъ, и я думаю къ нему присоединиться. Слышали ли вы объ этомъ обществѣ?

— Очень мало,—отвѣтилъ Брадлей.

Они дошли до воротъ и стояли, какъ влюбленные, залитые луннымъ свѣтомъ.

Въ ея движеніяхъ была какая-то особенная мягкость и женственность, необыкновенно дѣйствовавшая на Брадлея.

— Вы мнѣ позволите вамъ иногда писать, неправда ли?—спросилъ онъ.

— Конечно. Я буду слѣдить за вашей дѣятельностью съ глубочайшимъ интересомъ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы подумали объ этомъ союзѣ и посовѣтовали бы мнѣ, какъ поступить. Прощайте,— сказала она, протягивая ему руку.

— Прощайте,—повторилъ онъ и голосъ его дрогнулъ. Когда она удалилась, ему сдѣлалось грустно и Вашингтонъ со всѣмъ своимъ величіемъ потерялъ для него всякое значеніе.

XXVI.

Жизнь членовъ конгресса.

По возвращеніи въ Вашингтонъ, Брадлей чувствовалъ себя менѣе одинокимъ. Было нѣсколько новыхъ членовъ конгресса, которые старались сблизиться съ нимъ, и нерѣдко они собирались для обмѣна мыслей, несмотря на насмѣшки старожиловъ. Одинъ изъ членовъ, Кленси часто говорилъ:

— Старыя крысы считаютъ себя чертовски важными, но можно прекрасно и безъ нихъ обойтись.

Большинство членовъ были женаты и жили съ своими семьями въ частныхъ квартирахъ, а тѣ, которые не имѣли средствъ привозить семьи или были холостяками, ютились въ меблированныхъ квартирахъ. Брадлей нанялъ себѣ комнату со столомъ въ одномъ домѣ вблизи Капитолія и ему все казалось, что онъ стоитъ ближе къ дѣлу, постоянно имѣя предъ глазами куполъ.

Съ удивленіемъ онъ узналъ, какъ скромно жили многіе члены конгресса. Это были все самые обыкновенные люди. Конечно, нѣкоторые изъ сенаторовъ жили богато, въ прекрасныхъ домахъ, но они составляли исключеніе, и бѣднѣйшіе изъ ихъ товарищей относились недовѣрчиво къ источнику богатства этихъ великихъ людей.

— Важно не то, сколько человѣкъ имѣетъ состоянія, но какъ онъ его пріобрѣлъ,—говорилъ Кленси.—Жизнь въ убогомъ домишкѣ, не есть еще гарантія честности, точно также какъ жизнь въ громадномъ четырехъэтажномъ домѣ не есть признакъ воровства, хотя невольно закрадывается подобное подозрѣніе.

Богатые сенаторы и члены конгресса по большей части владѣютъ обширными каменноугольными копями, мѣдными рудниками или факторіями. Они пріѣзжаютъ въ Капитолій на великолѣпныхъ лошадяхъ съ бичами и шикарной сбруей, прогоняя съ дороги скромныхъ пѣшеходовъ, вродѣ Брадлея и Кленси. Въ первый разъ въ жизни Брадлей встрѣчался съ богатствомъ во всемъ его великолѣпіи и оно возмущало и озлобляло его.

Онъ принималъ мало участія въ организаціи засѣданій. Прежній опытъ въ Демуанѣ научилъ его удаляться отъ кружка заправилъ.

Онъ принялъ мѣсто въ одномъ изъ наименѣе важныхъ комитетовъ и ожидалъ, что будетъ далѣе.

Брадлей велъ жизнь самую тихую. До начала вакаціоннаго времени почти не было никакой работы, кромѣ организаціонной, и онъ имѣлъ много времени для чтенія. Редборнъ также скоро возвратился и принялся за свое дѣло. Кленси часто бывалъ въ театрѣ и на всевозможныхъ выставкахъ и всюду, куда ему присылали даровые билеты.

— До сихъ поръ я жилъ тамъ, гдѣ не было ничего подобнаго и теперь хочу наверстать потерянное,—говорилъ онъ.

Время проходило въ конгрессѣ такъ же, какъ и въ законодательномъ корпусѣ. Каждое утро члены собирались въ громадномъ зданіи, на красоту котораго уже перестали обращать вниманіе, и толпились тамъ, какъ школьники.

Въ сущности дѣло шло такъ же, какъ и въ Айова, только въ болѣе крупномъ масштабѣ, шумнѣе и запутанѣе. Со временемъ Брадлей пересталъ обращать вниманіе на позолоту и вообще на всѣ украшенія сената и зала засѣданій. Онъ болѣе не замѣчалъ размѣра комнатъ, картины, статуи, фрески и пр., все это великолѣпіе сдѣлалось для него совершенно обычнымъ.

Шумъ и движеніе въ залахъ также болѣе не смущали его. По отношенію къ общему числу членовъ, Брадлей не находилъ, чтобы здѣсь было болѣе талантливыхъ людей, нежели въ Демуанѣ. Они были опытные политиканы, болѣе самостоятельные, говорили краснорѣчивѣе и управляли штатами, а не округами и болѣе ничего. Порядокъ засѣданій ничѣмъ не отличался и былъ ему хорошо извѣстенъ.

Онъ возненавидѣлъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ коноводовъ партій, убѣдившись, что они люди безъ принциповъ, нахалы, комедіанты, предатели. «Я могу предложить вамъ свою поддержку», говорили они, совершенно такъ же, какъ если бы шла рѣчь о томъ, чтобы одолжить лошадь или что подобное. Часто Брадлей говорилъ о нихъ съ Редборномъ, который въ качествѣ газетнаго репортера всѣхъ зналъ, онъ относился къ нимъ пренебрежительно и возмущался ихъ безнравственными поступками.

— Коноводы всѣхъ партій просто игроки. Они все готовы принести въ жертву успѣху своей партіи. Намъ необходимъ новый политическій переворотъ для того, чтобы уничтожить централизацію и вообще придать другой характеръ всей политической машинѣ. Существующее положеніе вещей не можетъ долго продержаться, оно само собою падетъ. Всѣ считаютъ его популярнымъ, но это ошибочно; съ каждымъ годомъ оно все менѣе и менѣе удовлетворяетъ народъ. Обратите вниманіе на служебные департаменты. Слышали ли вы про это учрежденіе.

— Нѣтъ, немного—сказалъ Брадлей.

— Каждый годъ,—продолжалъ Редборнъ,—увеличивается армія безполезныхъ клерковъ, каждый годъ возводятся безполезныя обществен-

выя постройки. Всѣ это видятъ, но молчатъ, не зная какимъ образомъ помочь бѣдѣ. Число законовъ постоянно увеличивается, тогда какъ въ сущности слѣдовало бы ихъ уменьшить. Надо уничтожить подачки и какія бы то не было привилегіи. Мы должны стремиться къ тому, чтобы всѣхъ равнять, а мы дѣлаемъ наоборотъ, проводимъ билль Макъ-Кинлея и, Богъ знаетъ, куда идемъ. Но будетъ объ этомъ. Скажите мнѣ лучше, что сталось съ Мильтономъ Дженингсномъ. Онъ обѣщалъ сдѣлаться убѣжденнымъ республиканцемъ.

— Онъ живетъ дома, занимается политикой, но далѣе службы въ округѣ, вѣроятно, никуда не пойдетъ.

— Онъ человѣкъ блестящихъ способностей, но онъ ихъ дурно направилъ. Значитъ, нѣтъ надежды, что онъ къ намъ когда-нибудь попадетъ.

— Онъ женатъ, живетъ противъ семинаріи и кажется вполнѣ доволенъ своею судьбою.

— А вы не женаты,—спросилъ Редборнъ.

Брадлей покраснѣлъ и сказалъ:

— Нѣтъ еще.

Редборнъ подумалъ и прибавилъ:

— Я припоминаю, что кажется была рѣчь о вашей женитьбѣ на маленькой Руссель.

— Нѣтъ, это не устроилось,—отвѣтилъ Брадлей, ему хотѣлось открыть свою тайну Редборну, но онъ не рѣшился.

Законодательная процедура шла очень медленно.

— Это ужасно, что мы здѣсь ничего не дѣлаемъ,—говорилъ Кленси послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ засѣданіи, въ которомъ пришлось выслушивать разглагольствованія Брауна, Диксона и другихъ членовъ, ограничивающихся одними техническими разсужденіями.—Не пришлось даже вотировать. Это просто позоръ. — Спикеръ не далъ ему слова и онъ страшно злился.—Спикеръ имѣетъ всю власть въ своихъ рукахъ и заранѣе все предрѣшаетъ,—увѣрялъ онъ.

— Да, я это замѣтилъ,—отвѣтилъ Брадлей.

— Очень хочется по временамъ дать ему затрещину.

— Едва ли это поможетъ дѣлу и принесетъ пользу.

— Польза будетъ та, что легче сдѣлается на сердцѣ. Подумайте сами, какой смыслъ присылать сюда представителей, когда вся власть находится въ рукахъ спикера и исполнительнаго комитета.

Брадлею пришлось сидѣть между двумя стариками, Самуелсъ изъ Мисисипи и полковникъ Макевелъ изъ Южной Каролины. Они постоянно переговаривались за его спиной, это до того надоѣло Брадлею, что онъ сталъ садиться возлѣ Кленси на мѣсто Биделя, который занималъ длинную скамейку позади ширмъ.

На кутежи и пьянство Брадлей смотрѣлъ съ отвращеніемъ, также относился онъ и къ циничнымъ разговорамъ, которые ему подчасъ

приходилось слышать. Многіе законодатели также очень дурно относились къ женщинамъ клеркамъ. Нерѣдко онъ начиналъ думать, что онъ самъ ненормальный человѣкъ, такъ какъ ему было противно видѣть все, что дѣлали другіе, и онъ приходилъ въ отчаяніе при видѣ кощунства самыми святыми вещами.

Онъ убѣдился, что хотя наружно онъ и былъ менѣе религіозенъ нежели большинство, но въ дѣйствительности, онъ относился съ большимъ уваженіемъ ко всему святому.

Нѣкоторые изъ наиболѣе порядочныхъ членовъ приглашали Брадлея къ себѣ въ гости, онъ былъ у нихъ, но нашелъ для себя эти знакомства совершенно неподходящими и болѣе къ нимъ не возвращался. Ходить въ гости изъ чувства долга онъ не желалъ, тѣмъ болѣе, что убѣдился, что его новые знакомые въ сущности мало интересовались высшей политикой, и большинство совсѣмъ не задумывалось надъ нравственнымъ смысломъ жизни.

Брадлей замѣтилъ, что въ Вашингтонѣ множество красивыхъ дѣвушекъ. Его поклоненіе миссъ Уильберъ нисколько не мѣшало ему восхищаться ими, когда онѣ шли въ церковь. Часто онъ задумчиво смотрѣлъ на этотъ рой веселой молодежи, который былъ отъ него такъ близокъ и въ сущности такъ далекъ, тогда ему казалось, что онъ добровольно лишаетъ себя счастья, оставаясь одинокимъ. Но подобныхъ минутъ у него было мало, онъ вполнѣ сознавалъ, что свѣтская жизнь не для него, и его гораздо чаще видѣли въ библіотекахъ, нежели въ знатныхъ домахъ. Онъ присутствовалъ на одномъ или двухъ большихъ пріемахъ и почувствовалъ отвращеніе къ тѣснотѣ и вообще къ вульгарному характеру всего общества. Его жизнь въ столицѣ не ограничивалась одними занятіями политикой. Онъ умѣлъ цѣнить искусство и литературу, чего нельзя было сказать о большинствѣ его товарищей.

Онъ занимался экономическими вопросами несравненно болѣе, нежели политикой партіи и старался постигнуть истинное значеніе общественныхъ переворотовъ, экономическихъ положеній и ихъ причинъ. Много часовъ онъ провелъ за изученіемъ вопросовъ, не имѣющихъ никакого отношенія до интересовъ его партіи.

Жизнь его была вполнѣ счастливая, наполненная разумнымъ трудомъ, но по временамъ его томило непреодолимое желаніе видѣть Иду.

Изрѣдка онъ ей писалъ, но ея отвѣты носили все тотъ же безличный характеръ.

Однажды возвратясь домой, онъ нашелъ слѣдующее письмо:

«Я присоединилась къ союзу фермеровъ,—писала она.—Мнѣ думается, что настало новый фазисъ вопроса. Прежній *духъ* гренджа еще не погибъ, но перешелъ въ новый образъ. Разница та, что этотъ новый союзъ фермеровъ будетъ сильнѣе прежняго и симпатичнѣе въ своемъ основаніи. Я никогда не считала вопросъ Гренджа погибшимъ. Я ѣду въ Канзасъ для того, чтобы работать на этомъ поприщѣ, тамъ

союзъ съ каждымъ днемъ крѣпнетъ и его главари полны энтузіазма». Далѣе она писала о другихъ предметахъ, но Брадлей страшно взволновался этой новостью.

Онъ давно слышалъ о возрожденіи союза, но до сихъ поръ ему казалось, что это опять старая пѣсня, которая такъ же плачевно окончится, какъ и прежняя.

До девяти часовъ онъ писалъ свою рѣчь, а потомъ, какъ всегда, отправился на прогулку къ Капитолію, который до сихъ поръ не утратилъ для него своей прелести.

Онъ привыкъ выходить на воздухъ каждый разъ, какъ ему хотѣлось освѣжиться отъ сусальнаго блеска, яркой безвкусной роскоши меблированныхъ комнатъ и навязчивыхъ посѣтителей. Онъ выходилъ на прогулку всегда, когда ему хотѣлось обдумать какую-либо возвышенную мысль, когда его охватывала потребность любоваться красотами природы.

XXVII.

Давно взлелѣянныя надежды исчезаютъ.

Послѣ полудня снѣгъ не переставалъ падать, деревья и кустарники уныло опустили свои вѣтви подъ тяжестью снѣга, который казался еще болѣе блестящимъ и сверкающимъ по сравненію съ окружающей темнотою, изрѣдка оживляемой мелькающими огоньками лампъ въ сосѣднихъ окнахъ. На тротуарахъ, гдѣ снѣгъ растаялъ, скользили яркіе отблески отъ фонарей омнибусовъ и каретъ.

Брадлей дышалъ чистымъ воздухомъ, медленно прогуливаясь по узкимъ дорожкамъ, любуясь на чистый нетронутый снѣгъ, лежащій на куполѣ Капитолія. Вполнѣ наслаждаясь пріятной прогулкою, онъ жаждалъ раздѣлить это удовольствіе съ Идой. Онъ чувствовалъ себя точно въ волшебной странѣ, такъ далеко отъ дѣйствительности, а между тѣмъ постоянные звонки кучеровъ, разговоры прохожихъ, смѣхъ дѣвушекъ возвращали его ко всему житейскому и придавали особую прелесть ландшафту.

— Все такъ скоро исчезаетъ,—думалось ему,—дунетъ вѣтеръ, засіяетъ солнце, снѣгъ растаетъ и все пропадетъ.

Онъ вошелъ на безмолвную теперь Эспланаду, смотрѣлъ на городскіе огоньки, блестѣвшіе, какъ рубины. Вдали виднѣлись горы, а далеко на небѣ сіялъ Юпитеръ, величественный и неподвижный, словно король всей восточной стороны неба. Какъ далеко Брадлей уносился въ своихъ мечтахъ отъ блестящихъ декламацій, монотоннаго чтенія клерковъ, рѣзкаго звонка спикера в прочихъ подробностей засѣданій конгресса. Его уши страдали, сердце болѣло отъ всего притворства и лжи законодателей, съ ихъ интригами и подкупами и теперь находясь передъ

лицомъ природы, онъ безгранично наслаждался зрѣлищемъ снѣга, звѣздъ и ночной тишины.

Снова его охватило непреодолимое желаніе написать Идѣ, излить ей всю свою душу и выдти изъ своего неопредѣленнаго положенія.

Онъ пошелъ въ свою комнату, схватилъ перо и бумагу. Не мало онъ исписалъ страницъ, прежде чѣмъ рѣшился послать письмо, все ему казалось или черезчуръ формальнымъ, или черезчуръ смѣлымъ.

Наконецъ, онъ написалъ слѣдующее:

«Дорогая миссъ Уильбёръ. Я совершенно не знаю, какъ высказать то, что у меня на душѣ. Выражая свои чувства, боюсь васъ потерять, промолчавъ, боюсь того же. Не могу вамъ передать, какъ много вы сдѣлали для меня, я прошу только мнѣ дать надежду, дать разрѣшеніе работать для васъ. Знаю, что я слишкомъ многаго требую, вполнѣ сознаю свое безразсудство. Вы меня видѣли всего только нѣсколько разъ, тѣмъ не менѣе я не прошу у васъ извиненія за свою смѣлость. Мнѣ надо высказать все, что накопилось въ моемъ сердцѣ, такъ долѣе оставаться не можетъ, напишите мнѣ, скажите, что я могу взирать на будущее съ надеждой, болѣе я ничего не прошу. Искренно вамъ преданный Брадлей Талькотъ.»

Впродолженіи десяти дней до полученія отвѣта онъ былъ такъ взволнованъ, что рѣшительно не въ состояніи былъ заниматься въ конгрессѣ, за исключеніемъ только того дня, когда онъ произносилъ рѣчь о тарифѣ. Это была его первая самостоятельная рѣчь и ему дали на нее двадцать минутъ. Вся зала его слушала съ глубочайшимъ вниманіемъ и не только потому, что его мысли были новы и ясны, но также потому, что онъ прекрасно излагалъ свои убѣжденія. Онъ потерялъ прежнюю привычку ораторствовать, но зато пріобрѣлъ неотразимую логику, силу и ясность рѣчи, которая ставила его много выше другихъ ораторовъ. Красивая форма изложенія, чувство и убѣжденность рѣчи невольно привлекала къ себѣ, въ особенности послѣ методичныхъ рѣчей, не производящихъ никакого впечатлѣнія, кромѣ скуки.

По окончаніи, его окружили товарищи, поздравляли съ успѣхомъ и онъ самъ остался совершенно доволенъ собою.

Возвратясь домой, онъ былъ пораженъ и обрадованъ, увидѣвъ письмо Иды. Онъ поспѣшно ушелъ въ свою комнату, бросился въ кресло, съ страшной дрожью во всемъ тѣлѣ и съ такимъ сильнымъ сердцебіеніемъ, что у него прерывалось дыханіе. Онъ походилъ на человѣка, безостановочно пробѣжавшаго громадное пространство. Когда Брадлей узналъ почеркъ Иды, руки перестали дрожать и онъ рѣшился открыть письмо. Первую страницу онъ прочелъ два раза, не понявъ ни слова.

Потомъ онъ перевернулъ листокъ и дочиталъ до конца. Письмо было не длинно, но ясно.

«Дорогой м-ръ Талькотъ. Ваше письмо меня глубоко взволновало.

Я должна была какъ-нибудь предупредить его. Я никогда не получала выраженія бóльшей преданности, за исключеніемъ одного случая. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ я не читала его, я не имѣю права дать вамъ какое бы то ни было обѣщаніе. Я не имѣю права переписываться съ вами. Я давно искала способа дать вамъ понять это косвеннымъ образомъ, но ваше письмо вынуждаетъ меня высказать это прямо».

Далѣе она старалась смягчить свой отказъ, но онъ легъ тяжелымъ камнемъ на сердце Брадлея. Давно ему представлялась возможность отказа, но все-таки въ глубинѣ его души таилась надежда, теперь все рушилось и у него не было никакой цѣли къ жизни. Онъ мечталъ рано или поздно быть съ нею неразлучнымъ, это былъ главный лучъ свѣта въ его будущемъ и теперь онъ чувствовалъ себя совершенно несчастнымъ и разбитымъ.

Все это казалось ему такъ ужасно, что онъ готовъ былъ кричать, плакать, но не могъ, такъ у него пересохло въ горлѣ.

Теперь онъ понималъ, насколько надежда его была ошибочна, онъ не винилъ Иды, она была къ нему только добра и снисходительна, а онъ испортилъ все дѣло своимъ опрометчивымъ поступкомъ.

Онъ всегда высоко ставилъ ея общественное положеніе и дѣятельность, но теперь онъ дошелъ до самой послѣдней степени самоуничиженія и отчаянія. Каждое ласковое слово во всѣхъ ея письмахъ ему казалось особенно знаменательнымъ. Всюду онъ видѣлъ, что она его предупреждала. Онъ вспоминалъ каждую свою встрѣчу съ нею, снова все перечувствовалъ, находя странное удовольствіе бередить свою рану. Въ его присутствіи она всегда была сдержана, лично о себѣ ничего не говорила. Много разъ она ему показывала, что ея интимная жизнь до него не касалась. Теперь онъ вспомнилъ взглядъ, который Ида бросила на Бердселея во время митинга. Несомнѣнно, они заранѣе сговорились, тогда это его на минуту смутило, но, по своему нелѣпому самообольщенію, онъ не придалъ ему никакого значенія. Его рѣчь лежала на столѣ, теперь она никому болѣе не нужна и его все болѣе и болѣе угнетала мысль о его одиночествѣ.

Онъ вспомнилъ свою жизнь въ Висконсинскихъ лѣсахъ, гдѣ ивы плакали и сосны имъ вторили. Въ этой грустной обстановкѣ умерла его мать, теперь онъ вспомнилъ о ней съ такимъ горячимъ чувствомъ, какъ никогда, прежде чѣмъ появилась на его горизонтѣ Ида.

Грустное однообразіе лѣсовъ сдѣлало его серьезнымъ и сдержаннымъ человѣкомъ, хотя онъ не былъ угрюмымъ, а, наоборотъ, преисполненнымъ силою и надеждой. Однако, тяжелыя минуты, имъ теперь переживаемыя, не могли не произвести на него впечатлѣнія. Онъ не пошелъ внизъ обѣдать, но сидѣлъ до глубокой ночи въ своей комнатѣ, а когда почувствовалъ голодъ, то отправился въ большой ресторанъ, гдѣ его никто не зналъ. Въ эту минуту ему казалось, что пропалъ весь интересъ жизни, и на слѣдующій день онъ совершенно ме-

ханически отправился въ засѣданіе, хотя нисколько не интересовался дѣломъ.

Кленси замѣтилъ его настроеніе и захотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Талькотъ, вы кажется потеряли сонъ и аппетитъ, навѣрное тутъ замѣшана женщина,—сказалъ онъ.

Брадлей ничего не отвѣтилъ, а Кленси распространилъ этотъ слухъ въ своемъ кружкѣ, но, однако, всѣ слишкомъ уважали Брадлея для того, чтобы черезчуръ дать ходъ своимъ шуткамъ. Однако, скоро жизнь взяла свое и, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, Брадлей снова началъ интересоваться своимъ трудомъ, но огонекъ, интересъ жизни пропалъ и онъ дѣйствовалъ совершенно механически.

Онъ съ жадностью читалъ всѣ вѣсти о возрастающемъ движеніи на западѣ, надѣясь встрѣтить гдѣ-нибудь имя Иды. Газеты съ ожесточеніемъ нападали на эти новые союзы въ Канзасѣ, утверждая, что они созданы безпокойными людьми безъ всякихъ принциповъ, стремящимися раззорить Штаты и потрясти соціальныя основы. Весь западъ казался на пути къ большимъ волненіямъ, а Канзасъ былъ центромъ движенія.

XXVII.

Весенніе съѣзды.

Сессія шла монотонно, по крайней мѣрѣ такъ казалось Брадлею, который нисколько не принималъ къ сердцу интересовъ партіи. Весна начала неотразимо манить его къ себѣ послѣ трехдневнаго теплаго дождя, луга зазеленѣли и наступили солнечные дни. Однажды Брадлей прогуливался за городомъ и ему попался веселый реполовъ въ погонѣ за червями. Каждое растеніе и животное принимало участіе въ пробужденіи весны.

Отдаленныя горы начали покрываться зеленью чрезъ нѣсколько дней, японская спирея покрылась желтыми цвѣтами, айва красивыми бутонами, которые скоро превратились въ красивые цвѣты. Садовники вооружились граблями и тачками, начали засѣвать луговины и затѣмъ перешли къ устройству клумбъ въ безчисленныхъ городскихъ садахъ. Позднѣе, въ поляхъ появились негры на мулахъ для покоса сѣна и цѣлая масса воспоминаній нахлынула на Брадлея. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ цвѣтовъ, небо становилось все яснѣе и прозрачнѣе, строенія принимали новые оттѣнки при яркихъ солнечныхъ лучахъ.

Брадлею страшно захотѣлось поѣхать въ деревню. На Пасху молодыя дѣвушки нарядились въ свои лучшія одежды и отправились въ церковь, онѣ казались красивыми и скромными, какъ лиліи. Новыя шляпы и платья, оживленныя лица, молодыя растенія, все возвѣщало наступленіе весны. Прошенія объ отпускахъ членовъ такъ и посыпались въ конгрессѣ.

Съ наступленіемъ іюня мысль о переизбраніи начала безпокоить многихъ членовъ, которые начали разъѣзжаться по случаю важныхъ домашнихъ обстоятельствъ, а въ сущности для того, чтобы заняться мѣстною политикою. Отсрочекъ не было никакихъ и республика принимала всѣ мѣры для того, чтобы удалить демократовъ съ поля брани. Кленси собрался домой одинъ изъ первыхъ.

— Послушайте, Брадлей, похлопочите, чтобы мнѣ дали поскорѣе отпускъ, я соскучился по женѣ. Право, я здѣсь не нуженъ.

— Что же сказать для полученія вашего отпуска?

— Мало-ли что, мнѣ надо ѣхать по случаю различныхъ неотлагательныхъ дѣлъ, болѣзней, у ребенка зубы рѣжутся, однимъ словомъ все, что хотите.

— Хорошо, я напишу по важнымъ дѣламъ, а все остальное черезчуръ уже избито.

Кленси былъ типъ законодателя, который только и заботился о томъ, чтобы ему было весело пожить и снова быть избраннымъ. Что же касается до Брадлея, то онъ мало думалъ о своемъ переизбраніи до тѣхъ поръ, пока судья ему не написалъ, что его присутствіе необходимо въ конвентѣ.

«Гораздо лучше вамъ быть на мѣстѣ, — писалъ судья, — потому что оппозиція противъ васъ въ сѣверо-западной части округа. Ларсонъ желаетъ быть избраннымъ на ваше мѣсто и онъ старается перетянуть на свою сторону скандинавцевъ въ Фишбейнѣ. Они очень возстаютъ противъ вашихъ воззрѣній относительно пенсіоннаго закона и прочихъ новыхъ идей и возстановили многихъ противъ васъ».

Это письмо сильно безпокоило Брадлея, онъ увидѣлъ, что судья ведетъ за него усиленную борьбу и что, слѣдовательно, онъ можетъ не быть избраннымъ еще разъ.

Конгрессъ необыкновенно привлекалъ его, городъ Вашингтонъ со всѣми его постройками, театрами и библіотеками казался ему чрезвычайно красивымъ. Послѣ письма Иды онъ началъ ходить въ театры и концерты и такъ къ нимъ привыкъ, что ему думалось, что безъ нихъ онъ обойтись не можетъ и тихая, одинокая жизнь, навѣрное, была бы ему въ тягость.

Вслѣдствіе этого, онъ взялъ отпускъ и также отправился въ Рокъ-Риверъ. На обратномъ пути, онъ мало восхищался своимъ путешествіемъ, такъ какъ имъ снова овладѣла тоска, только отчасти смягчаемая радостью возвращенія домой. Однако, при переналѣ чрезъ Аллеганскія горы, при видѣ чудныхъ утесовъ, освѣщаемыхъ солнцемъ, онъ не могъ не любоваться восхитительнымъ зрѣлищемъ, хотя и не долго, потому что поѣздъ быстро скрылся въ темной долинѣ. На другой день Брадлей проѣзжалъ чрезъ громадныя преріи, лежащія между Чикаго и Миссисипи; сіяло яркое іюньское солнце, послѣ дождливой погоды настал солнечный день и громадный локомотивъ переле-

тѣлъ изъ тумана и дождя въ полосу солнца и свѣта съ такой энергіей, какъ будто бы онъ былъ живымъ существомъ.

Брадлею было очень пріятно выйти изъ спальнаго вагона по пріѣздѣ въ Рокъ-Риверъ. Небо, озаренное закатомъ, возвышалось, какъ куполъ громадной пагоды. Птички пѣли. Воздухъ былъ насыщенъ запахомъ листвы и поспѣвающихъ хлѣбовъ. Брадлей радостно пошелъ по плохимъ улицамъ города, который казался ему чрезвычайно маленькимъ и безжизненнымъ, но въ немъ были деревья, птицы, цвѣты и растительность, которая замѣняла городской блескъ. Никто не встрѣтилъ его на станціи, даже не было омнибуса. Сторожъ ему сказалъ:

— Навѣрное судья не знаетъ, что вы сегодня пріѣхали, а то бы онъ непремѣнно выслалъ за вами экипажъ.

М-ссъ Браунъ сидѣла въ кухнѣ, приготовляя какое-то кушанье. Горничная норвежка, съ живыми голубыми глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица, аккуратно накрывала на столъ. Она улыбнулась, когда Брадлей приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія и подойдя тихонько къ м-ссъ Браунъ, нѣжно ее обнялъ. Она вскрикнула отъ неожиданности:

— Великій Боже! Брадлей Талькотъ.

— Я васъ испугалъ,—сказалъ онъ,—гдѣ судья?

Она ласково смотрѣла на него, не оставляя его объятій.

— Онъ въ саду работаетъ, я слышала, какъ онъ что-то ворчитъ,—отвѣтила она.

Брадлей нашелъ судью, копающаго грядку лука; въ карманѣ у него была засунута газета, онъ снялъ сюртукъ и работалъ съ такою энергіею, какъ каторжникъ, обреченный на всю жизнь заниматься физическимъ трудомъ.

— Какъ поживаете, дорогой судья, — воскликнулъ Брадлей.

Судья поднялъ голову.

— Какъ? это вы,—сказалъ онъ, вытирая руки объ бедра и крѣпко пожимая протянутую руку Брадлея.—А я опять за работою, какъ видите. М-ссъ Браунъ настаиваетъ, чтобы я трудился въ саду. Ну что конгрессъ?

— Безобразенъ по прежнему. Никогда не дѣлаютъ что слѣдуетъ, а проводятъ время въ пустякахъ.

Судья надѣлъ сюртукъ, со словами:

— Ура! бросаю свой лукъ и отправляюсь умываться предъ завтракомъ.

По обыкновенію эта процедура совершалась въ кухнѣ. М-ссъ Браунъ съ материнской улыбкой смотрѣла, какъ Брадлей снялъ сюртукъ, повѣсилъ его на гвоздь и началъ усердно умываться и причесываться.

— Какъ пріятно васъ видѣть, Брадъ, — сказала она.

— Мнѣ также,—отвѣтилъ онъ,—такъ отрадно вспоминать старыя времена при видѣ вашей стряпни въ кухнѣ съ отворенной дверью, откуда выглядываютъ цыплята.

— Въ округѣ все идетъ своимъ чередомъ,—сказалъ Браунъ,—но, какъ я вамъ писалъ, все-таки надо поработатать, я созвалъ конвентъ въ Седарвилѣ для того, чтобы привлечь на свою сторону нѣсколькихъ полезныхъ людей. Мы пригласимъ обѣдать стараго Джэка Шлимгена, который составляетъ главную силу у нѣмцевъ.

Брадлей избѣгалъ разговоровъ о политикѣ, но всюду ни о чемъ другомъ не говорили. Каунсиль и Ридингъ увѣряли его, что шансы его хороши въ восточной части округа. Ихъ слова были ему пріятны. Ихъ непринужденное честное преклоненіе предъ его авторитетомъ дѣйствовало на него благотворно.

Въ назначенный день Брадлей вмѣстѣ съ судьею отправились въ путь въ одноконной тѣлежкѣ. Браунъ болталъ безъ умолку, а Брадлей слушалъ его молча, съ полузакрытыми глазами.

Кругомъ поля были засѣяны пшеницей, легкій туманъ затемнялъ солнечные лучи. Горы и деревья дышали жизнью. Вороны, дрозды, реполовы, воробьи весело перекликались, выражая свою жизнерадостность, которая невольно охватывала и сердце человѣка.

Судья погонялъ лошадь, со словами:

— Битва будетъ жаркая, но мы, навѣрное, перещеголяемъ Фишбейна, по крайней мѣрѣ на 25 шаровъ.

Седарвиль находился въ возбужденномъ состояніи, улицы были наполнены взволнованными избирателями, которые съ жаромъ толковали и усиленно жестикулировали.

Когда Брадлей показался, его друзья закричали:

— Три раза ура за достопочтеннаго Брада Талькота.

Съ нескрываемымъ удовольствіемъ онъ пожималъ руки всѣмъ окружающимъ.

— Ура, молодцы, пойдемте въ Дворцовую гостиницу, я васъ угощу обѣдомъ,—сказалъ судья.

— Вотъ это дѣло,—воскликнули они радостно, слѣдуя за нимъ.

Нѣкоторые изъ нихъ отправились въ уборную, чтобы вымыться въ жестяныхъ умывальникахъ, смѣясь и болтая, они не выпускали изъ рукъ мыла и гребешокъ. Другіе бросили на полъ свои потертыя шапки, разсчесали пальцами кудри и направились въ столовую также безцеремонно, какъ въ кухню на фермѣ.

Прислуга суетилась, толкала другъ друга, торопясь подавать заказанный обѣдъ.

Большинство избирателей были веселые, добродушные фермеры. Они были заранѣе увѣрены въ успѣхѣ и поднимали на смѣхъ оппозицію.

Молчаливо возвращались домой судья и Брадлей, но это молчаніе вызывалось иными причинами, чѣмъ утромъ. Они потерпѣли пораженіе и съ обѣихъ сторонъ было наговорено много обидныхъ вещей.

Окружающая природа была по прежнему хороша, но они не обра-

щали вниманія на нее. Заходящее солнце окрашивало поспѣвающіе хлѣба и бросало свои лучи на оконныя рамы. Мимо пронесся поѣздъ, уносящій счастливаго избранника Уатерфильда, который любезно раскланялся съ своими противниками.

Судья былъ такъ же разстроенъ, какъ и Брадлей. Для него это былъ тяжелый ударъ. Ему казалось, что онъ обманулся въ своихъ демократическихъ надеждахъ на прогрессъ и что рушились джеферсоновскіе принципы. Онъ утѣшался, говоря, что эти люди не могутъ считаться представителями народной воли. Самое главное одержать побѣду въ конвентѣ и онъ задумалъ повести новую кампанію.

Брадлей угрюмо молчалъ. Комментаріи его друзей огорчали его еще болѣе, нежели его пораженіе. Ихъ сочувствіе и сожалѣнія оскорбляли его. Онъ не могъ примириться съ мыслью, что честный человѣкъ можетъ имѣть враговъ въ своей собственной партіи. Чѣмъ онъ заслужилъ ихъ гнѣвъ, за что они чертовски радовались его пораженію?

Эта неудача подсѣкла судью почти съ такою же силой, какъ смерть его сына. Если бы Брадлей не былъ такъ слѣпъ въ своемъ эгоистическомъ огорченіи, то онъ могъ бы замѣтить, насколько судья въ одинъ день постарѣлъ и затосковалъ. Но здоровая, сильная натура старика не хотѣла безропотно сдаться. Онъ почти заставилъ Брадлея разослать объявленія о своей независимой кандидатурѣ въ конгрессъ. Брадлей повиновался ему, но совершенно безучастно, какъ будто вся юношеская энергія покинула его.

Судья началъ группировать свою партію, а Брадлей бѣжалъ изъ Рокъ-Ривера, чтобы избѣгнуть какъ участія друзей, такъ и насмѣшекъ враговъ. Онъ боялся встрѣчи съ товарищами въ Вашингтонѣ, но они оказались гораздо болѣе сдержанны, нежели его деревенскіе друзья, и мало кто принималъ къ сердцу его интересы.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи, онъ встрѣтилъ Редборна.

— Вижу по газетамъ, что васъ забаллотировали за ваши «крайнія идеи». Я васъ предупреждалъ, что не всегда безопасно проповѣдывать ереси, утѣшать васъ не буду, вы имѣли свободный выборъ. Надо было или разыгрывать изъ себя фарисея, высказывая сочувствіе всевозможнымъ монополіямъ и спеціальнымъ законамъ, или, какъ сдѣлали вы, выставить впередъ свою индивидуальность и въ награду за то вамъ показали на дверь.

Брадлей очень страдалъ, выслушивая всѣ эти слова и тонкія насмѣшки и колкости своихъ враговъ, но всѣ были до того озабочены своими личными дѣлами, что скоро забыли о его положеніи и онъ повелъ тихую мирную жизнь.

При наступленіи жаркой погоды, городъ сталъ почти также тихъ, какъ и Рокъ-Риверъ. За исключеніемъ небольшого количества путешественниковъ, оставалось немного публики. Извозчики рѣдко попада-

лись на улицахъ. Листья посыпались съ деревьевъ и можно сказать, что городъ заснулъ подъ ихъ покровомъ.

Засѣданія конгресса становились все болѣе и болѣе монотонными и спикеръ постоянно выходилъ изъ залы считать «шапки въ прихожей», какъ говорили шутники. Дѣло подвигалось впередъ, но бумаги быстро накоплялись къ концу сезона. Сенаторы ненадолго показывались, одѣтые въ самыя легкія одѣянія, и вообще конгрессъ поражалъ своею пустотою и непредставительностью. Брадлей казался очень утомленнымъ и подъ конецъ окончательно заболѣлъ. Его раздражали постоянныя нападки газетъ, и въ особенности «Уатервильскій Патріотъ», который раздувалъ каждую изъ его рѣчей, придавая имъ совершенно превратное значеніе и иначе не называя Брадлея, какъ «анархистомъ, соціалистомъ, вполнѣ подходящимъ коноводомъ для взбунтовавшихся фермеровъ въ Канзасѣ».

Редборнъ страшно за него безпокоился и совѣтовалъ ему взять отпускъ и ѣхать домой.

— Поѣзжайте на сѣнокосъ, повѣрьте что здоровье ваше поправится, а здѣсь и безъ васъ обойдутся. Поѣзжайте въ Рокъ-Риверъ, временно бросьте занятія политикой, а когда разразится революція, то наносите смертоносныя раны своимъ врагамъ.

Брадлей принялъ этотъ совѣтъ, чувствуя что городской воздухъ окончательно погубилъ его здоровье.

Въ сущности его губилъ недостатокъ дѣятельности. Для его организма, физическій трудъ былъ необходимъ, онъ старался какъ можно больше ходить, но этого было для него недостаточно.

XXIX.

Брадлей падаетъ духомъ.

Судья и м-ссъ Браунъ были поражены перемѣной въ наружности Брадлея, онъ страшно поблѣднѣлъ и сдѣлался сумрачнымъ, хотя все время увѣрялъ, что онъ совершенно здоровъ.

— Я отправляюсь на ферму, хочу помогать Каунсилю убирать сѣно, я увѣренъ, что физическій трудъ мнѣ принесетъ большую пользу и когда я почувствую волчій голодъ, мое здоровье окончательно поправится.

Вскорѣ судья поѣхалъ съ Брадлеемъ на ферму, гдѣ ихъ встрѣтили съ распростертыми объятіями. М-ссъ Каунсиль выбѣжала къ телѣжкѣ, защищаясь отъ солнца голыми руками.

— Здорово Брадъ, какъ поживаете, вы пріѣхали какъ разъ во-время, чтобы мнѣ помогать обирать ягоды. Брадлей отвѣчалъ:

— Давайте блюдо, сейчасъ иду.

— Ура,—кричалъ Каунсиль сидя на возу,—я вамъ дамъ вдосталь работы.

— Оставьте его въ моемъ распоряженіи,—сказала его жена,—мы найдемъ для Брада получше работу и получше компанію.

Отправясь въ огородъ, Брадлей узналъ всѣ мѣстныя новости, усердно собиралъ ягоды и убивалъ москитовъ, при дуновеніи животворнаго вѣтерка, онъ чувствовалъ себя бодрѣе и свѣжѣе. Стрекозы пѣли, кузнечики расправляли свои блестящія крылышки. Ему чувствовалось легко и весело на душѣ и онъ невольно переживалъ всѣ свои дѣтскія воспоминанія.

За ужиномъ онъ сидѣлъ за столомъ рядомъ съ рабочими, мокрыя рубашки которыхъ свидѣтельствовали, насколько усердно они ворочали сѣно.

— Что вы хотите поработать ради забавы или серьезно, — Брадъ спросилъ Каунсиль.

— Совершенно серьезно, если вы меня возьмете на работу.

— Очень охотно, работы предвидится очень много, но боюсь, что вы не скоро втянетесь въ нашъ тяжелый трудъ.

— Попробуйте меня взять и увидите.

Всѣ страшно интересовались Вашингтономъ, но Брадлей предпочиталъ разговоры объ урожаяхъ и пашнѣ. Онъ пошелъ спать на чердакъ вмѣстѣ съ другими рабочими и при солнечномъ восходѣ его разбудилъ голосъ Каунсиля, совершенно также, какъ бывало прежде, когда онъ здѣсь жилъ въ батракахъ.

— Хало! Брадъ. Вставайте, поворачивайтесь скорѣе.

Онъ поторопился идти завтракать, умылся подъ краномъ и раньше другихъ сѣлъ за столъ.

— Мы живемъ по прежнему и вамъ надо забыть, что вы были въ конгрессѣ,—сказала м-ссъ Каунсиль. Думаю, что если мы можемъ постоянно переносить подобную жизнь, то ненадолго и Брадлей можетъ примириться съ нею.

Во время завтрака не мало поднимали на смѣхъ будущую работу члена конгресса.

Самолюбіе Брадлея было задѣто и онъ рѣшился всѣмъ доказать, что онъ не хуже другихъ можетъ работать. Къ вечеру онъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи, а на другой день онъ настолько хромалъ, что не могъ взять въ руки косу. Однако, въ концѣ недѣли онъ втянулся въ работу и трудился наравнѣ со всѣми. Судья пріѣхалъ въ субботу вечеромъ и нашелъ Брадлея на самой верхушкѣ стога, мокраго отъ пота и съ клоками сѣна въ волосахъ и на платьи.

— Здорово, членъ конгресса,—кричалъ судья.

— Лѣзьте къ намъ на верхушку,—сказалъ Каунсиль,—судья не знатнѣе члена конгресса, давайте всѣ вмѣстѣ работать.

Когда Каунсиль пошелъ откладывать телѣгу, Брадлей сказалъ судьѣ, что его здоровье поправилось и что онъ находитъ, что достаточно потрудился, считая это для себя потерей времени.

Они возвращались домой въ тихую, темную, звѣздную ночь и подобно отцу съ сыномъ мирно разговаривали о своихъ будущихъ планахъ.

— Мы еще можемъ выиграть дѣло, если вы будете крѣпко держаться за него,—сказалъ судья и началъ разсказывать какой новый планъ дѣйствія онъ придумалъ. Кромѣ того, онъ хотѣлъ расширить свое адвокатское дѣло, онъ сдѣлалъ пристройку въ домѣ для того, чтобы имѣть лишнія двѣ комнаты.

— Вамъ необходимо имѣть отдѣльный кабинетъ, Брадъ, чтобы на свободѣ заниматься. Я буду разговаривать съ кліентами, а вамъ передамъ веденіе дѣлъ въ судѣ.

Первое время Брадлей былъ занятъ устройствомъ своего помѣщенія, шкаповъ и полокъ съ книгами. Но вскорѣ его начала угнетать тихая, однообразная жизнь въ Рокъ-Риверѣ. По цѣлымъ днямъ онъ съ отчаяніемъ ходилъ изъ угла въ уголъ и все думалъ, какъ скучна и однообразна жизнь сельскаго адвоката. Почетъ и удобства жизни въ Вашингтонѣ окончательно вскружили ему голову и испортили его жизнь въ Рокъ-Риверѣ. Конечно, любовь могла бы сдѣлать сносной подобную жизнь, но онъ оставилъ всякую мысль о бракѣ и только думалъ, какъ бы возвратиться къ прежней жизни.

У него произошла очень тяжелая сцена съ судьей Брауномъ, который страшно разсердился, когда узналъ, что Брадлей, не говоря ему ни слова, послалъ объявленіе въ комитетъ о томъ, что онъ проситъ его вычеркнуть изъ числа кандидатовъ на члена конгресса. Онъ старался усовѣстить Брадлея, но это ему не удалось

— Оставьте меня, судья, я совершенно разбитъ и болѣе не въ состояніи продолжать эту дѣятельность. Послѣдніе выборы доказали насколько слаба наша партія, я оказался неудачникомъ въ политикѣ, да, кажется, во всемъ и всегда буду неудачникомъ.—Судья молча выслушивалъ его жалобы и видъ отчаянія Брадлея страшно огорчалъ его такъ что онъ не могъ не сообщить свое горе м-ссъ Браунъ. Лежа въ постели. они долго обсуждали положеніе Брадлея, который такъ и заснулъ подъ шумъ ихъ разговора.

— Какъ вы думаете, м-ссъ Браунъ, не замѣшана ли тутъ женщина?—сказалъ нерѣшительно судья.

— Не можетъ быть, я убѣждена, что онъ ничего не скрылъ бы отъ меня. Просто онъ боленъ отъ жары, и притомъ неудача на выборахъ тяжело отозвалась на немъ,—сказала м-ссъ Браунъ.

— Я не вполнѣ согласенъ съ вами,—отвѣчалъ судья.—Повидимому, въ немъ не осталось ни капли честолюбія. Долженъ сознаться, что я разочаровался въ немъ. Я такъ вѣрилъ въ его нравственную силу и теперь страшно о немъ безпокоюсь. Чтобы развлечь Брада, я хочу послать его въ Сенъ-Луи и Канзасъ по нѣсколькимъ процессамъ.

— И хорошо сдѣлаете, поѣздка ему будетъ полезна. Навѣрное

онъ охотно поѣдетъ, такъ какъ онъ, несомнѣнно, отъ всѣхъ сторонится и, насколько возможно, всегда молчитъ.

Брадлей съ радостью принялъ предложеніе судьи, дорожные сборы его немного оживили. Судья также повеселѣлъ и провожая своего питомца на поѣздъ, сказалъ ему: не торопитесь пріѣзжать обратно, отдохните, повеселитесь. Если захотите, то поѣзжайте въ Чикаго.

Когда поѣздъ ушелъ и старики съ грустью ѣхали домой, — судья сказалъ женѣ:

— М-ссъ Браунъ, теперь вы должны беречь меня. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, покуда не создамъ новую партію, стоящую на уровнѣ нравственныхъ идей этого молодца. Я состарился и мнѣ надо имѣть какое-нибудь успокоеніе.

— Я буду вашимъ успокоителемъ,—отвѣтила м-ссъ Браунъ. Судья взялъ возжи въ лѣвую руку и лошадь пошла шагомъ.

— М-съ Браунъ, если бы мы не были на большой дорогѣ, то я охотно бы обнялъ и расцѣловалъ васъ за эти слова.

— Я никого не вижу на большой дорогѣ,—отвѣчала она, и въ ея потухшихъ глазахъ промелькнуло давно забытое кокетство юныхъ лѣтъ.

Онъ обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ. Она положила ему голову на плечо и залилась слезами. Судья вздохнулъ.

— Что дѣлать,—сказалъ онъ,—надо примириться съ нашимъ одиночествомъ. Не можетъ же онъ съ нами вѣчно жить. А все-таки я увѣренъ, что тутъ замѣшана женщина.

XXV.

Большое путешествіе.

Во время своего пребыванія въ Сенъ-Луи Брадлей ежедневно читалъ въ газетахъ описаніе всего происходящаго въ Канзасѣ, каждый день ему попадалось на глаза имя Иды. Она находилась въ западной части округа и постепенно подымалась къ востоку, а въ настоящую минуту всюду появлялись объявленія о ея рѣчахъ на предстоящемъ собраніи въ Чикито. Прочтя это извѣстіе, онъ немедленно и совершенно неожиданно для самого себя уложилъ свой чемоданъ и съ первымъ поѣздомъ направился туда, съ твердымъ намѣреніемъ еще одинъ разъ послушать Иду. Ровно въ двѣнадцать часовъ, поѣздъ пришелъ въ Чикито. Погода ясная, сухая, однимъ словомъ чудный октябрьскій день. Въ воздухѣ чувствовался тотъ ѣдкій растительный запахъ, которымъ отличается Индіанское плоскогоріе на западѣ. Небо было совершенно безоблачно, только блѣдный туманъ смягчалъ яркій солнечный свѣтъ и придавалъ ему молочно-бѣлый тонъ.

Медленно двигался Брадлей изучая городъ и его жителей. Всюду чувствовалось извѣстное довольство. Мужчины шли медленно, ихъ лица были покойны и сдержанны, но, несмотря на видимую обезпеченность,

все-таки замѣтно было много бѣдности. Дома были низкіе, всѣ строенія некрашены и содержали всего три-четыре комнаты. Они казались немногимъ лучше деревенскихъ и далеко некомфортабельнѣе.

— Позвольте узнать, вы не предполагаете говорить рѣчь сегодня?— раздался голосъ позади. Брадлей повернулся и увидѣлъ маленькаго человѣчка, съ большими усами, въ жокейской шапочкѣ, изъ-подъ которой блестѣли наблюдательные черные глаза.

— Нѣтъ, сэръ, я не собираюсь говорить,—отвѣчалъ Брадлей.

— Прошу извинить, я видѣлъ, что вы несете вашъ чемоданъ и по формѣ вашей шляпы догадываюсь, что вы не мѣстный житель. Прошу, прощенья.

— Дѣйствительно. Я пріѣхалъ сюда повидаться съ друзьями.

— А я изъ Канзаса, чтобы присутствовать на митингѣ. Вотъ моя карточка. Я представитель такъ называемой плутократической прессы, какъ выражаются наши милѣйшіе члены союза.

На карточкѣ было написано: «М-ръ Девисъ корреспондентъ газеты «Хроника».

— Боюсь, что весь парадъ уже конченъ, къ сожалѣнію, я опоздалъ на поѣздъ. Намъ не мѣшаетъ поторопиться.

Они достигли главной улицы съ широкой аллеей, идущей на сѣверъ и югъ чрезъ красивую возвышенность на луговинѣ. На боковыхъ дорожкахъ была масса людей, а по срединѣ двигались извозчики.

— Пойдемте въ коммерческій судъ, это главная квартира братства.

Они пошли въ коммерческое собраніе, гдѣ находилась масса народа, серьезно разговаривающаго. Большинство ихъ походило на фермеровъ; толстые, загорѣлые, одѣтые въ поношенное платье, хотя между ними попадались также и молодые въ большихъ бѣлыхъ шляпахъ съ яркими платками, завязанными на шеѣ. Всюду раздавался протяжный говоръ жителей Канзаса.

Брадлей и Девисъ пробрались на небольшой балконъ, выходящій на аллею. Нѣсколько молодыхъ людей уже сидѣли тамъ. Они были чрезвычайно красивы и имѣли здоровый видъ и живописную пеструю одежду.

— Извините меня, господа,—сказалъ Девисъ, пробираясь впередъ и вынимая свою записную книжку,—я репортеръ и долженъ описать прибытіе процессіи.

По широкой улицѣ проходила процессія возмутившихся фермеровъ. Ихъ не сопровождала музыка, не было разноцвѣтныхъ флаговъ, толпа не встрѣчала ихъ радостными возгласами, наоборотъ, они шли молча съ грустнымъ видомъ, какъ бы хороня свои надежды на лучшую будущность и только выражая протестъ своимъ присутствіемъ. Всюду преобладалъ рыжевато-коричневый цвѣтъ. Лица были худыя, загорѣлыя, бороды длинныя, нечесанныя, худыя руки, покрытыя мозолями, управляли не менѣе тощими конями. Женщины

также казались блѣдными и истощенными, сидѣли понуря голову съ дѣтьми на колѣняхъ. Пыль покрывала ихъ дурно сшитыя одежды. Не было ни нарядныхъ экипажей, ни яркихъ красокъ, ни хорошей сбруи и вообще вся процессія носила грустный характеръ и ничего, кромѣ сѣраго, коричневаго и темно-каштановыхъ цвѣтовъ, не было видно. Тихо двигались они впередъ. На нѣкоторыхъ телѣгахъ были привязаны флаги изъ самаго простого холста, на которомъ были написаны различныя изрѣченія.

— Великій Боже!—воскликнулъ Девисъ.—Въ первый разъ въ жизни нахожусь я на подобной похоронной процессіи, посмотрите на эти знамена: «Долой монополіи».

— Валяй, долой ихъ, — сказалъ Девисъ, записывая что-то, въ своей книжкѣ. «Свободная торговля, свободная земля. Постоянный курсъ. Низкіе тарифы».

— Однако вы не многаго хотите, друзья,—сказалъ Девисъ.

«Равенство всѣхъ въ глазахъ закона такъ же желательно для современныхъ фермеровъ, какъ было и во времена нашихъ предковъ».

— Теперь, кажется, все высказано, пора перейти отъ слова къ дѣлу,—бормоталъ Девисъ, читая подписи.

Брадлей все время молчалъ. При видѣ процессіи фермеровъ, ему пришла въ голову мысль, заставлявшая его содрогнуться. Передъ нимъ прошла цѣлая армія страдальцевъ, ветерановъ, которые уже успѣли состариться въ борьбѣ съ несправедливостью и даже съ самою природою, въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Всѣ проходящіе преждевремено состарились отъ непосильныхъ трудовъ и даже въ глазахъ женщинъ виднѣлись слѣды страданій и горькихъ слезъ. Не было ни одной красивой головки молодой дѣвушки, ни оживленнаго личика мальчугана, однимъ словомъ, ничего красиваго во всемъ шествіи, а все только темныя, грустныя, полныя отчаянія лица.

Въ этихъ людяхъ онъ видѣлъ самый трагическій, патетическій протестъ противъ притѣсненій и несправедливостей, переносимыхъ американскими фермерами. Въ сущности это революціонное движеніе было то же, что и въ Гренджѣ, но только въ болѣе отчаянныхъ формахъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. По совѣту Девиса, Брадлей отправились вслѣдъ за шествіемъ по улицамъ, ведущимъ за городъ. Тамъ, на луговинѣ ожидало угощеніе въ видѣ жаренаго быка и затѣмъ должны были начаться рѣчи.

Дорога шла на югъ чрезъ луговину, поворачивала въ сторону, направлялась чрезъ ворота на площадь, на которой всегда происходила ярмарка и скачки, а теперь здѣсь толпились тысячи людей.

Всѣ стояли у столовъ, на которыхъ прислуга торопливо раскладывала куски говядины и баранины и жирно намазанный масломъ хлѣбъ, все завертывалось въ бумажку и раздавалось голодной толпѣ. Нѣкоторые обѣдали у своихъ телѣгъ. Тотъ же сѣрый колоритъ всюду пре-

обладалъ, хотя теперь стало немного болѣе жизни и движенія. Загорѣлыя, измученныя лица немного смягчились и по временамъ появлялась на нихъ непривычная улыбка при полученіи вкусной пищи. Всюду раздавались сердечныя привѣтствія и дружескія пожатія рукъ. Кругомъ на травѣ сидѣли дурно одѣтыя, слабыя женщины, съ больными дѣтьми на рукахъ.

Брадлей не могъ понять, почему подобные праздники ему раньше казались чѣмъ-то веселымъ. Онъ спрашивалъ себя: «неужели и на гренджерскихъ пикникахъ было тоже столько изможденныхъ лицъ или можетъ быть, тогда имъ лучше жилось, или можетъ быть онъ сталъ проницательнѣе»?

Въ настоящее время Канзасъ считался демократическимъ округомъ. Бѣдность равняла всѣхъ своихъ жертвъ. Негръ стоялъ рядомъ съ своимъ бѣлымъ братомъ по несчастью, въ нихъ было много общаго, та же нервная походка, бѣдное платье, молчаливый грустный видъ и умоляющіе глаза. Во всѣхъ этихъ сценахъ было что-то ужасное, за душу хватающее. Въ этомъ движеніи не было величія, а скорѣе мужество отчаянія, какъ въ возстаніи крестьянъ въ Вандеѣ.

Когда обѣдъ былъ съѣденъ, народъ взобрался на возвышеніе противъ платформы, гдѣ уже находились ораторы. Брадлей искалъ глазами Иду, но ея нигдѣ не было. Пѣвцы забавляли публику пѣніемъ народныхъ романсовъ, заглавіе которыхъ поясняло ихъ содержаніе: «Присоединеніе къ союзу», «Долой преграды», «Братья, идемъ впередъ» и т. д.

Народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія Иды и когда она, наконецъ, показалась въ сопровожденіи предсѣдателя собранія, всѣ бросились ее встрѣчать и временно она скрылась изъ глазъ Брадлея. Онъ весь дрожалъ отъ волненія, потому что вспомнилъ прежнія времена.

Наконецъ, она заговорила просто и ясно. Кругомъ не было ни зеленой листвы, ни ея шума, ничего кромѣ небольшой площадки покрытой въ видѣ балагана, и на ней Ида выступила въ присутствіи пяти тысячъ человѣкъ.

Ида тоже измѣнилась и выглядѣла теперь вполнѣ взрослой женщиной. Въ ней болѣе не было юношеской робости. Въ ея голосѣ слышалась рѣшительность, въ поворотѣ головы, въ движеніи руки чувствовалось сознаніе силы.

— Я, желала бы—говорила она,—чтобы весь міръ видѣлъ это собраніе и понялъ его надлежащимъ образомъ. Это только заявленіе о начинающемся движеніи, но еще не самое движеніе. Это просьба, но возмущеніе, которое лежитъ за этой просьбой, сильнѣе, чѣмъ проявленіе его. Способъ выраженія этой просьбы, даже внѣшняя форма всего движенія можетъ измѣниться, но духъ, оживляющій его, дѣлающій его великимъ, неистребимъ и непобѣдимъ. Это движеніе подготовлялось вѣками. Оно наслѣдіе прошлаго. Центръ нашего движенія, его душа

это—требованіе справедливости не для насъ однихъ только, но для всѣхъ несчастныхъ тружениковъ. Настоящее движеніе выше, глубже и шире, чѣмъ въ грендже, такъ какъ оно шире захватываетъ. Теперь, по моему, для фермеровъ вопросъ не въ законодательствѣ, весь вопросъ въ уничтоженіи промышленнаго рабства.

Взрывъ рукоплесканій раздался при этихъ словахъ, показывая, что идея этого движенія глубоко прочувствована самимъ народомъ. Брадлею показалось, что по немъ пробѣгаетъ какъ бы электрическій токъ.

Когда она говорила, слушатели оборачивались другъ къ другу съ сіяющими лицами. Она завладѣвала ими такимъ простымъ и въ то же время страстнымъ выраженіемъ ихъ собственныхъ затаенныхъ мыслей.

Пока она говорила, Брадлей ни о чемъ другомъ не могъ думать, какъ только о ней и не сводилъ съ нея глазъ, но когда она замолчала опять раздались шумныя рукоплесканія и хоръ началъ пѣть, онъ оглянулся на присутствующую публику и снова былъ пораженъ ея несчастнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ видомъ. Также какъ и въ процессіи, всюду отсутствовала молодость, красота и грація. Всюду изможденныя женщины въ темныхъ платьяхъ, съ грустнымъ выраженіемъ лица, какъ будто бы онѣ чувствовали ту пропасть, которая ихъ отдѣляла отъ молодыхъ, веселыхъ и красивыхъ дѣвушекъ. Молчаливая толпа сидѣла неподвижно, не сводя глазъ съ Иды. Всѣ пришли сюда съ исключительной цѣлью добраться до причинъ, вслѣдствіе которыхъ они отъ рожденія обречены на тяжелый трудъ и лишенія, почему преждевременно посѣдѣли и состарились.

Всей душой они отдавались разрѣшенію этой задачи и чувствовали себя родственной всей этой толпѣ. Брадлей также не могъ не сочувствовать имъ всей душой.

Они приходили въ восторгъ отъ музыки, которая въ сущности была самая простая и первобытная, что еще разъ служило доказательствомъ того, какъ неизбалованы были эти несчастные люди.

Народъ толпился возлѣ Иды, желая сказать ей хотя одно слово, и Брадлей совершенно невольно приближался къ ней. Онъ былъ чрезвычайно тронутъ той любовью, которой ее окружали, со всѣхъ сторонъ раздавались похвалы и выраженія привязанности и признательности, въ искренности которыхъ нельзя было сомнѣваться.

Брадлей сознавалъ, что ему слѣдовало бы уйти, прежде чѣмъ Ида его увидитъ, но онъ никакъ не могъ себя пересилить. Его восторженное состояніе привлекло одного старика шедшаго рядомъ съ нимъ.

— Неправда ли, хороша рѣчь? — сказалъ онъ. — Слышали ли вы когда-нибудь что-либо подобное?

— Никогда,—отвѣчалъ Брадлей.

— Какая удивительная женщина, навѣрное нѣтъ другой такой на свѣтѣ,—продолжалъ старикъ.

Брадлей покачалъ головой. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ этомъ.

Сухощавая старуха, въ громадной темно-зеленой шляпѣ, сдвинутой на затылокъ также вмѣшалась въ разговоръ.

— Вотъ вамъ доказательство, какъ много можетъ сдѣлать женщина, когда ей представляется возможность дѣйствовать!

— Здорово сестра Слокумъ, васъ можно всюду встрѣтить!

— Никто болѣе меня не сочувствуетъ уничтоженію несправедливости людской, братъ Тобей, для насъ, фермерскихъ женъ, не можетъ быть болѣе счастья, какъ унизить нашихъ притѣснителей.

Невозможно было забыть трогательное зрѣлище, которое представляла толпа, приблизившаяся къ красивой, изящной ораторшѣ и старавшаяся заглянуть ей въ лицо, прикоснуться къ ея платью или взять ея красивую руку въ свои изможденныя, покрытыя мозолями руки. Эти женщины съ кучей дѣтей забывали свой тяжелый трудъ, вѣчную стирку бѣлья, сбиванье масла и прочіе непосильные труды, доказывая, что несмотря на непрестанную борьбу съ голодомъ и холодомъ, въ нихъ еще сохранилось чувство прекраснаго.

Ида съ улыбкой встрѣчала ихъ робкія ласки, но лицо ея было отуманено грустью. Брадлей старался приблизиться къ ней. Наконецъ, когда толпа начала расходиться, ему удалось просунуть руку черезъ головы окружающихъ ее женщинъ со словами:—Не позволите ли вы и мнѣ пожать вашу руку?—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Она быстро повернулась къ нему, лицо ея вспыхнуло и озарилось улыбкой, не похожей на ту, съ какой она обращалась къ другимъ, и Брадлей почувствовалъ, что его мрачная душа согрѣлась точно лучомъ іюньскаго солнца. Она крѣпко пожала ему руку со словами:

— Какъ я рада васъ видѣть, м-ръ Талькотъ.

Фермерскія жены начали расходиться, снова и снова прощаясь съ нею. Онѣ льнули къ ея рукамъ, заглядывали ей въ глаза. Казалось, что онѣ никакъ не могутъ оторваться отъ нея и навсегда распроститься съ нею.

— Можетъ быть, милая, дорогая, мы васъ болѣе никогда не увидимъ,—сказала одна старуха,—но мы васъ никогда не забудемъ. Ваши слова облегчили наше тяжелое положеніе, по крайней мѣрѣ, теперь намъ свѣтитъ огонекъ надежды на лучшее будущее.

Слезы стояли въ глазахъ Иды и она ласково положила ей руку на плечо, крѣпко расцѣловала ее, не будучи въ состояніи сказать ей что-либо.

Предсѣдатель съѣзда вмѣстѣ съ Идой и Брадлей сошли съ возвышенія и пробрались чрезъ луговину, по которой толпы народа шла въ городъ. Предсѣдатель посадилъ Иду въ карету со словами:

— Я приду къ вамъ въ гостинницу.

— А развѣ вы не хотите поѣхать со мною?—сказала она.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣчалъ онъ съ лукавой улыбкой въ глазахъ и Ида не настаивала больше. Брадлей съ трепетомъ въ сердцѣ сѣлъ рядомъ съ нею.

*

— Ну, братъ Талькотъ, каково ваше личное мнѣніе о подобномъ собраніи?—сказала она, когда экипажъ двинулся.

— Оно напомнило мнѣ митингъ въ грендж̌ѣ, гдѣ я васъ въ первый разъ увидѣлъ, но только оно теперь гораздо многочисленнѣе, серьезнѣе и въ немъ звучитъ больше горя и страданія.

— Да, это правда, несчастный народъ изстрадался. Трудно себѣ представить, какъ серьезно онъ относится къ этому движенію. Посмотрите, съ какимъ увлеченіемъ женщины слѣдятъ за ходомъ дѣла. Даже вопросъ объ уничтоженіи рабства менѣе волновалъ умы.

Лучше скажите, что вы дѣлали въ Вашингтонѣ?

— Ничего,—отвѣчалъ онъ и въ его голосѣ прозвучала грусть. Она посмотрѣла на него пристально и нерѣшительно спросила:

— Вы вернетесь въ конгрессъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Брадлей,—моя политическая карьера окончена, меня забаллотировали въ конвентѣ.

— Вы молоды.

— Не настолько, чтобы легко переносить свое пораженіе. Я окончательно разбитъ.

Это показалось ей страннымъ, непохожимъ на него, какимъ она его знала.

— Работайте съ нами, много хорошаго можно сдѣлать на этомъ поприщѣ.

— Я не такъ смотрю на это дѣло, какъ вы, я не нахожу выхода изъ этого грустнаго положенія.

— Я обращу васъ,—сказала она, положивъ ему руку на плечо. Останьтесь еще на одинъ митингъ.

— Я сдѣлаю все, что вы пожелаете,—сказалъ Брадлей.

— Мнѣ хотѣлось вамъ показать все, что мы дѣлаемъ и въ чемъ заключается мой трудъ. Не предлагайте никакихъ вопросовъ, но будьте только съ нами.

Мысли Брадлея совершенно запутались. Ида была совсѣмъ не такая, какъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ; въ чемъ заключалась разница, онъ не зналъ и скорѣе чувствовалъ, нежели видѣлъ ее. У дверей гостинницы она крѣпко пожала ему руку, глаза ея радостно блестѣли. Придя въ свою комнату, онъ началъ что-то напѣвать и только тогда замѣтилъ, что не умѣетъ пѣть. Сумрачное небо, наконецъ, озарилось для него солнечнымъ лучемъ.

XXXI.

Ида указываетъ путь Брадлею.

Онъ не видѣлъ ее до слѣдующаго утра, и когда она вышла въ пріемную отеля, она показалась ему такой необыкновенно очаровательной, что онъ просто не вѣрилъ своему счастью.

— Теперь я завладѣю вами, м-ръ Талькотъ.

Онъ замѣтилъ, что она болѣе не называла его братомъ. Онъ былъ смущенъ, какъ мальчикъ, и совершенно терялся въ ея присутствіи, въ какомъ-то блаженномъ состояніи шелъ за ней къ каретѣ. Онъ забылъ все, что когда-либо зналъ и только готовъ былъ вѣчно слушать ее.

Она, повидимому, совершенно не думала о себѣ, на ней было надѣто теплое пальто и теплыя перчатки. Изъ подъ широкихъ полей ея черной шляпы лицо ея казалось серебрянымъ, а глаза блестѣли, какъ звѣзды. Запахъ тонкихъ духовъ исходилъ отъ ея платья и достигалъ до него въ каретѣ.

— Намъ придется ѣхать почти цѣлый часъ,—сказала она,—когда они вышли изъ омнибуса и ожидали на платформѣ, до школы было далеко. Брадлею было чрезвычайно пріятно сидѣть рядомъ съ нею въ поѣздѣ и слушать ея разговоръ. Давно онъ объ этомъ мечталъ и не смѣлъ надѣяться на это счастье.

— Я желала, чтобы вы присутствовали именно на этомъ митингѣ, потому что школьный домъ долженъ послужить истиннымъ мѣстомъ зарожденія фермерскаго движенія. Очень хотѣла бы я, чтобы вы работали вмѣстѣ съ нами,—сказала она, внезапно обратившись къ нему.

— Я бы такъ и сдѣлалъ если бы вполнѣ раздѣлялъ ваши взгляды, но теперь я не могу.

— Почему? Въ сущности вы уже давно нашъ. Ваши письма доказали мнѣ это. Почему же вы не хотите работать съ нами?

— Хорошо, я вамъ скажу все откровенно,—отвѣчалъ Брадлей,—подобный поступокъ съ моей стороны произведетъ дурное впечатлѣніе, меня заподозрятъ въ неискренности и въ желаніи дѣйствовать изъ чувства досады. Можно подумать, что послѣ двойного пораженія на выборахъ, мнѣ ничего не осталось, какъ изъ мести перейти въ третью партію.

— Отчасти вы правы, но нельзя же вамъ ничего не дѣлать,—сказала Ида.—Вы слишкомъ сильны для того, чтобы признать себя побѣжденнымъ. Знаете, мнѣ кажется, что эта сама судьба послала вамъ пораженіе.—Она посмотрѣла на него пристально и близость ея лица смущала его.—Ваши письма мнѣ многое сказали, я читала между строкъ, что атмосфера конгресса дѣйствовала на васъ тлѣтворно, честолюбіе васъ захватило, неправда ли?

Онъ опустилъ глаза.

— Нѣтъ, меня захватило другое,—сказалъ онъ наконецъ.

Она заговорила голосомъ, который волновалъ его до глубины души.

— Я хотѣла видѣть васъ. Я вѣрила въ васъ и у меня сердце заболѣло, когда я увидѣла вчера ваше разочарованіе. Жизнь есть борьба, нельзя такъ легко сдаваться. Никогда въ жизни я не была такъ счастлива. Счастлива и въ то же время огорчена. Неправда ли, какъ это по-женски? Я хочу сказать, что до сихъ поръ я никогда не ви-

дѣла такъ ясно всю бѣдность и безпомощность народа, и я счастлива, что могу для него что-либо сдѣлать!

Брадлей молча смотрѣлъ на нее своими большими темными глазами. Ея мягкій голосъ и рука, положенная на его плечо, глубоко волновали его.

— Я опять увлеклась, — сказала она,—и забыла, что я должна беречь свои ораторскія способности для митинга. Вы на меня не сѣтуйте, что я вамъ читала проповѣдь.

— Мнѣ нравится все, что вы дѣлаете,—сказалъ съ улыбкой Брадлей. Она замѣтила, что у него была чрезвычайно пріятная улыбка и вообще онъ ей показался такимъ большимъ, сильнымъ, что она начала чувствовать нѣкоторую робость въ его присутствіи.

Раздался желѣзнодорожный свистокъ, свидѣтельствующій о приближеніи къ станціи, и имъ пришлось сойти.

Вѣтеръ былъ рѣзкій и холодный, когда они вышли на платформу. Было почти шесть часовъ и очень темно. Нѣсколько минутъ они простояли молча въ темной комнатѣ желѣзнодорожной станціи.

— Что же намъ теперь дѣлать?—спросилъ Брадлей.

Ида была въ нерѣшимости.

— Право, не знаю,—сказала она. — Полковникъ Баркеръ долженъ былъ здѣсь меня встрѣтить.

Брадлей предложилъ ей руку.

— Вонъ огонекъ, пойдемте туда. Скажите мнѣ названіе школы, въ которую мы направляемся. Я достану экипажъ и мы туда поѣдемъ.

Холодъ и темнота настолько на нее повліяли, что она потеряла свою обычную увѣренность. Передъ лицомъ практическихъ мелочей ею овладѣла очаровательная женская слабость и она охотно отдалась подъ его покровительство. Брадлею это казалось очень знаменательнымъ, и онъ чувствовалъ подъемъ духа и сдѣлался необыкновенно разговорчивъ и возбужденъ.

— Мнѣ кажется, мы приближаемся къ гостинницѣ, должно быть, это городъ. Здѣсь, на западѣ, два-три домишка составляютъ городъ. Намъ надо поужинать, есть ли у васъ какая-нибудь провизія?

— Нѣтъ, я предоставила всѣ хлопоты м-ру Баркеру.

Дорога шла по пустынной мѣстности, вдоль луговины, на концѣ которой находилась колоніальная лавка.

Они выбрались на пригорокъ и возлѣ магазина они увидѣли надпись на воротахъ: «Гостинница, обѣдъ 25 центовъ». Брадлей постучался, но не получилъ отвѣта. Подождавъ немного, онъ сказалъ:

— Если это гостинница, то можно войти безъ церемоніи.

Они вошли въ пустую небольшую комнату, которая только потому походила на гостинницу, что по серединѣ комнаты стояли столы и громадная печь. На стѣнѣ висѣла карта Канзаса. Брадлей постучалъ

во внутреннюю дверь, она отворилась и въ комнату вошла маленькая женщина съ поблекшимъ грустнымъ лицомъ.

— Дайте намъ два ужина,—сказалъ Брадлей.

— Хорошо,—отвѣтила она, направляясь къ печи, чтобы развести огонь для приготовленія кушанья; она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и разсматривала Иду, сидящую у окна.

— Снимите ваше теплое пальто,—сказала она.

Брадлей помогъ Идѣ снять пальто. Ему было невыразимо пріятно оказывать ей подобныя маленькія услуги. Онъ отправился разыскивать извозчика и когда вернулся, Ида сидѣла въ большомъ креслѣ блѣдная и задумчивая. Брадлей объявилъ, что скоро пріѣдетъ экипажъ.

— А вы пока успѣете поужинать,—сказала хозяйка.

Комната освѣщалась керосиновой лампой, яркіе лучи которой падали горизонтально на кушанья и рѣзали глаза сидящимъ за столомъ. Появилось блюдо съ говядиной, картофель съ масломъ, а на дессертъ ячменный пуддингъ.

— Моя мать всегда приготовляла это кушанье, — сказала Ида, обращаясь съ улыбкой къ хозяйкѣ.

— Мнѣ кажется, я недостаточно поджарила его, обыкновенно онъ у меня лучше удается, а сегодня не совсѣмъ хорошо, да притомъ и ячмень плохой уродился нынѣшній годъ.

Послѣ ужина Брадлей вышелъ изъ комнаты, оставивъ Иду въ бесѣдѣ съ хозяйкой гостинницы.

— Нашъ извозчикъ пріѣхалъ, — сказалъ Брадлей, — экипажъ не очень удобенъ, но что дѣлать—другого не нашлось. Я досталъ стеганое одѣяло, чтобы вамъ хорошенько укрыться, а то страшный вѣтеръ.

— Благодарю за заботы обо мнѣ.

Въ телѣжкѣ было всего одно сидѣнье, Брадлей сѣлъ рядомъ съ Идой, а кучеру пришлось помѣститься на передкахъ гремящей старомодной телѣжки. Иду безпокоило, что ему неудобно.

— Ничего, какъ-нибудь доѣду, я хотѣлъ достать лучшій экипажъ у Сама Смаллея, но онъ занятъ.

Было что-то необыкновенно привлекательное въ его голосѣ, въ немъ слышалась простота и дѣтская неиспорченность и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то слабость и безпомощность, которая захватывала доброе сердце Иды.

— Вы очень озябли?—спросила она извозчика.

— Нѣтъ, сударыня, я привыкъ къ этому. Зимой я никогда не ношу перчатокъ, потому что приходится возиться со снѣгомъ.

Изъ долины они повернули на сѣверъ и вѣтеръ началъ страшно хлестать ихъ по лицу. Мѣсяцъ скрылся и было темно, несмотря на множество звѣздъ.

— Какая сегодня чудная ночь,—сказала Ида, смотря на звѣздное небо.

— Чудная,—отвѣчалъ Брадлей, думая больше о ней, чѣмъ о небесныхъ звѣздахъ.

Возница двинулся впередъ, но старое сидѣнье было такъ непрочно, что шаталось во всѣ стороны, и Брадлей рѣшился охватить рукой талію Иды, чтобы удержать ее на краю сидѣнья.

— Я боюсь, что вы упадете,—оправдывался онъ.

Она ничего не отвѣчала.

Они поднялись на пригорокъ съ другой стороны моста и выѣхали въ долину. Дорога была ужасная, страшно грязная, съ рытвинами и камнями. Темнота придавала дикую прелесть и таинственность всему окружающему.

— Какая уединенная мѣстность и какъ здѣсь должно быть непріятно жить, — сказала Ида.—Однако цивилизація немного сдѣлала для этой мѣстности. Сколько лѣтъ тому назадъ начали здѣсь селиться?—спросила она кучера.

— Около двадцати двухъ лѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—И подобно заведенной машинѣ, началъ разсказывать объ этой жизни полной тяжелаго труда и лишеній.

Люди обманывали и обирали другъ друга, общество и правительство ихъ игнорировали, наука и религія были для нихъ недоступны, и все это терпѣливо съ непризнаннымъ героизмомъ переносили они. Въ его голосѣ было столько горечи, что слушатели невольно содрогались на патетическихъ мѣстахъ. Брадлей сочувственно смотрѣлъ на Иду и казалось, что чужое горе ихъ еще болѣе сблизило.

— Вотъ и школа,—сказалъ кучеръ, указывая на небольшое зданіе освѣщенное краснымъ огонькомъ. Они ѣхали почти цѣлый часъ по безлюдной пустынѣ и вѣтеръ пронизывалъ ихъ до мозга костей. Ида вздрагивала, Брадлей страдалъ за нее. Ему страстно хотѣлось крѣпко прижать ее къ себѣ и защитить отъ холода. Наконецъ школа показалась. Это была маленькая постройка на подобіе ящика, около нея не было ни одного деревца для защиты, какъ отъ вѣтровъ, такъ и отъ солнечныхъ лучей. Со всѣхъ сторонъ слышалось приближеніе телѣжекъ. Пѣшеходы шли по луговинѣ громко разговаривая. Долина казалась сумрачна, холодна и безгранична. Брадлей помогъ Идѣ выйти изъ экипажа и отворилъ дверь въ школу, изъ которой слышались голоса. Комната была наполнена множествомъ народа. Женщины помѣщались въ одной сторонѣ, мужчины въ другой, возлѣ печи, наполненной углемъ, отъ котораго шелъ свѣтъ и тепло. При входѣ незнакомыхъ людей, всѣ замолчали и смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ. Высокій человѣкъ, повидимому, бывшій военный, подошелъ къ нимъ.

— Здравствуйте, сестра Уильберъ, какъ я радъ васъ видѣть!

— Я также рада васъ видѣть, братъ Баркеръ.

— Извиняюсь, что не могъ пріѣхать васъ встрѣтить,—сказалъ онъ.

— Рекомендую вамъ м-ръ Талькота,—произнесла Ида, перебивая его.

— Очень радъ съ вами познакомиться, братъ Талькотъ.

— Какъ я вамъ сказалъ, сестра Уильберъ, я опоздалъ васъ встрѣтить и выслалъ къ вамъ брата Уильяма, очень сожалѣю...

— Не бѣда, разъ уже мы пріѣхали,—сказала Ида.

Полковникъ Баркеръ познакомилъ ихъ со всѣми стоящими вблизи. Тѣснота комнаты не давала возможности разговаривать со всѣми присутствующими, но большинство внимательно осматривали дѣвушку, которая по слухамъ была имъ давно знакома.

Первое впечатлѣніе было неблагопріятное. Многіе изъ присутствующихъ не снимали шляпъ. Всѣ пришли сюда прямо съ поля, ихъ руки были жестки, какъ бычачья кожа, съ искривленными, мозолистыми пальцами. Всѣ имѣли озабоченный видъ и въ ихъ одеждѣ тоже преобладали мрачные цвѣта: коричневый, сѣрый и каштановый. Ничего яркаго и веселаго не виднѣлось на нихъ. Брадлей замѣтилъ небольшое количество дѣвушекъ, сидящихъ на среднихъ лавкахъ.

Подобная публика казалась очень неблагопріятной для Иды.

Полковникъ объявилъ митингъ открытымъ, причемъ произнесъ чрезвычайно удачную рѣчь, а потомъ обратился къ брату Уильяму съ просьбой что-либо сказать.

Братъ Уильямъ былъ фермеръ среднихъ лѣтъ съ нечесанной головой. Его коричневое платье выцвѣло, на морщинистой шеѣ не было воротника, а нѣкоторые пальцы были завернуты тряпками, но при всемъ томъ онъ оказался прекраснымъ ораторомъ, слова его были ясны и содержательны, а жесты вполнѣ умѣстны. Онъ говорилъ въ разговорной формѣ, съ большою искренностью и тактомъ. Въ концѣ концовъ онъ всѣмъ представилъ сестру Уильберъ.

Ида начала тихимъ голосомъ, какъ бы обращаясь къ друзьямъ:

— Братья и сестры, не въ первый разъ я пріѣзжаю въ западныя преріи, чтобы бесѣдовать съ вами, надѣюсь, что и не въ послѣдній разъ. Я надѣюсь продолжать говорить на митингахъ до тѣхъ поръ, пока останется зло, съ которымъ надо будетъ бороться и пока вы пожелаете меня видѣть.

— До конца вашей жизни мы будемъ желать васъ видѣть,—любезно отвѣтилъ полковникъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ,—быстро возразила она,—надѣюсь, что наши реформы будутъ осуществлены прежде, чѣмъ мои волосы посѣдѣютъ. Если мы останемся вѣрны сами себѣ, если наши вожаки останутся вѣрны себѣ, если ихъ не испортитъ политическая дѣятельность.—Она взглянула на Брадлея и многіе, слѣдуя за ея взглядамъ, посмотрѣли на него также; замѣтивъ свою неловкость, она слегка покраснѣла и продолжала далѣе:—Если они останутся вѣрны нашимъ убѣжденіямъ и будутъ смѣло высказывать новыя мысли, которыя приходятъ имъ, тогда я надѣсь, бѣдность не будетъ увеличиваться.

Она закончила словами:

— Сегодня на митингѣ присутствуетъ уважаемый молодой членъ конгресса, представитель Айова, достопочтенный м-ръ Талькотъ. Я надѣюсь, онъ не откажется сказать вамъ нѣсколько словъ.

Покуда народъ ей апплодировалъ, она подошла къ Брадлею и сказала:

— Вы должны поговорить съ ними, скажите имъ искренно, что вы думаете.

Брадлей всталъ. Онъ былъ готовъ исполнить всякое ея желаніе. Онъ началъ съ того, что напомнилъ о грэнджѣ, объ его паденіи, вслѣдствіе недостатка солидарности.

— Я не вполнѣ убѣжденъ, что настало время произвести политическое движеніе, говорилъ онъ,—въ противномъ случаѣ я давно былъ бы съ вами, такъ какъ я самъ такой же фермеръ, какъ и вы. Мои предки также были бѣдняками и сами обрабатывали землю. Каждая капля моей крови принадлежитъ фермерамъ и ихъ интересамъ. Я вѣрю и я буду вашъ отнынѣ и навсегда.—Онъ кончилъ, но нѣсколько мгновеній онъ еще стоялъ молча, волненіе душило его. Онъ сознавалъ, что произнесъ слова, которыя должны измѣнить всю его жизнь.

Слушатели, повидимому, оцѣнили всю важность подобнаго признанія со стороны оратора. Въ его голосѣ слышалось столько силы воли, что когда онъ отрывисто кончилъ и сѣлъ, все собраніе разразилось громкими рукоплесканіями. Ида со слезами на глазахъ пробралась къ Брадлею и крѣпко пожала ему руку.

— Какое счастье! Теперь вы нашъ и сердцемъ, и душой.

Въ своемъ волненіи они не замѣчали, при какихъ странныхъ условіяхъ, въ маленькой сельской школѣ, заключился такой знаменательный договоръ.

Скорѣй на открытый воздухъ, подъ чистое небо! Брадлей, выходя изъ дома, посмотрѣлъ на маленькую сельскую школу, до нельзя набитую народомъ. Навсегда ему осталось памятнымъ это уединенное мѣсто.

— Сколько добра вы имъ сдѣлали, больше, нежели вы предполагаете,— сказала Ида. Я начинаю думать, что мы принимаемъ участіе въ величайшемъ историческомъ переворотѣ. Угнетенные стремятся къ истинѣ, они ищутъ выходъ изъ невыносимаго положенія и когда массой овладѣваетъ такое желаніе, то, навѣрное, цѣль будетъ достигнута и она принесетъ пользу всему земному шару.

Они снова влѣзли въ свой опасный экипажъ и двинулись въ путь. Вѣтеръ прекратился, въ воздухѣ стояла полная тишина, звѣзды чудно блистали, какъ бы принимая участіе во всемъ, что творилось на землѣ. Долина была также темна и уединенна, какъ Арктическій океанъ. Даже лай собакъ принялъ какой-то характеръ ярости и волчьей ненасытности. Они ѣхали молча. Ида глубоко вздохнула и сказала:

— Для насъ все это только одинъ жизненный эпизодъ. Мы снова

возвращаемся къ своей пріятной разнообразной жизни, а эти несчастные люди снова идутъ въ свои бѣдныя хижины, къ своимъ холоднымъ полямъ.

Снова Брадлею казалось необходимымъ поддерживать Иду, но теперь его рука сжимала ее крѣпко и увѣренно, хотя говорить онъ все еще не рѣшался. Ему казалось невозможнымъ, чтобы эта чудная, прекрасная и умная женщина могла думать о немъ, а между тѣмъ, когда онъ произносилъ рѣчь, ея глаза говорили за него.

Извозчикъ разсуждалъ о митингѣ, а сѣдоки молчали, дѣлая видъ, что слушаютъ его. Они оба мечтали. Брадлей вспоминалъ свою прошлую жизнь и думалъ, какъ много сдѣлала для него Ида. Могла ли бы она дать ему больше, чѣмъ она дала? Какой далекой казалась она всегда ему и въ то же время она составляла часть его внутренней жизни. Теперь она сидѣла рядомъ съ нимъ, онъ обнималъ ее рукой и въ то же время она казалась ему безнадежно недоступной для него. Она любила его какъ друга, какъ брата по стремленіямъ—и только. Кромѣ того, онъ не имѣлъ права мечтать о ней теперь, когда онъ потерпѣлъ пораженіе. Она думала о немъ. Она чувствовала глубокую благодарность при мысли, что онъ примкнулъ къ великому движенію, и ей было пріятно, что именно она обратила его. Его честность и искренность удивительно трогали ее; и кромѣ того онъ былъ такъ деликатенъ, такъ серьезенъ и сдержанъ. Прикосновеніе его руки волновало ее и она тихо улыбалась сама себѣ. Въ противность Брадлею, она умѣла анализировать себя, и она понимала, что̀ все это значитъ.

— Вотъ и станція,—сказалъ извозчикъ, указывая мерцающій вдали огонекъ.—Сейчасъ будемъ дома.

При этихъ словахъ передъ Идой встала картина всей этой мѣстности и жизни ея обитателей. Ясное величіе звѣзднаго неба, красота и богатство долинъ и невозможность для людей пользоваться ими, безконечное притѣсненіе бѣдняка вездѣ, и въ городѣ, и въ деревнѣ, жалкія жилища фермеровъ.

— О, какая трагедія во всемъ! Природа такъ щедра и великодушна, а между тѣмъ вездѣ вокругъ такая безпросвѣтная бѣдность. Можно ли измѣнить это?

— Можно, даже должно. Всякій, у кого есть умъ и сердце, долженъ помочь намъ,—отвѣтилъ Брадлей.

Ида была глубоко тронута искренними словами Брадлея.

— Съ этихъ поръ я буду работать для этого народа, для всѣхъ, кто страдаетъ. Я посвящу всю свою жизнь на это дѣло.

Внезапная рѣшимость вспыхнула въ глазахъ Иды. Она повернула къ нему свое лицо, взяла его руку и крѣпко пожала ее. Настала минута молчанія, каждый изъ нихъ пытался заглянуть въ душу другого.

— Мы будемъ работать вмѣстѣ, Брадлей,—сказала она.

Извозчикъ не видѣлъ, какъ робко Брадлей поцѣловалъ ее въ знакъ своей безграничной радости.

XXXII.

Заключеніе.

Однажды въ зимній вечеръ Ида и Брадлей вышли изъ своей квартиры на Капитольской горѣ и направились къ городу. Вотъ уже четвертая недѣля, какъ Брадлей доканчивалъ свою службу въ конгрессѣ и десятая съ тѣхъ поръ, какъ они женились. До сихъ поръ онъ еще обращался съ Идой съ робостью, а его обожаніе къ ней еще болѣе увеличилось отъ постояннаго ея присутствія. Повидимому, она нисколько не сожалѣла о сдѣланномъ ею шагѣ. Она была болѣе сдержанна, чѣмъ онъ, и тѣмъ не менѣе она постоянно показывала ему, какъ глубоко любила его и вѣрила ему.

Благодаря ея вліянію, Брадлей совершенно измѣнился. Никакая рѣзкая выходка спикера, никакое оскорбленіе членовъ болѣе не раздражали его. Всегда онъ былъ на своемъ мѣстѣ, всегда наготовѣ сражаться со зломъ. По временамъ они прогуливались по городу и его ласковое и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанное вниманіе доставляло ей величайшую радость. Во всемъ онъ былъ неизмѣнно ровенъ и спокоенъ. Часто они ходили въ театръ, много гуляли, и всѣ невольно обращали вниманіе на ихъ высокія, стройныя фигуры. Они всегда шли въ городъ чрезъ Капитолій, имъ такъ нравилось проходить подъ тѣнью деревьевъ. Въ этотъ вечеръ погода была особенно хороша. Большіе сугробы покрывали клумбы и деревья. Они шли медленно по узкой тропинкѣ, выходящей на долину, чрезъ восточныя ворота.

— Подождемъ немного, Брадлей,—сказала Ида.

Они остановились и оглянулись назадъ. Блестящій снѣгъ покрывалъ все зданіе, которое высилось въ небѣ, такое холодное, неподвижное, какъ будто оно было высѣчено изъ льда. Яркій свѣтъ лампъ въ нижнихъ этажахъ придавалъ еще болѣе видъ холоднаго величія всей постройкѣ. Лучшаго дома нельзя было себѣ представить. Ида и Брадлей молча имъ восхищались и въ то же время прислушивались къ звуку колокольчиковъ и къ мягкимъ голосамъ извозчиковъ-негровъ, смѣху дѣтей и къ шуму катящихся каретъ.

— Какъ это красиво!—сказала Ида.—Это зданіе похоже на облако.

— Да, но я никакъ не могу смотрѣть на него, не вспомнивъ жилища рабочаго или хижину негра,—сказалъ Брадлей.

Они молча пошли далѣе. Имъ постоянно попадались негритенки дрожащіе отъ холода и непрестанно выкрикивающіе:

— Сегодняшнія газеты!

На площади встрѣчалось множество путешественниковъ, болѣе всего съ запада и юга. Безпрестанно отворялись двери гостинницъ, впуская и выпуская посѣтителей. Снова они встрѣтили стараго разносчика. Они знали наизусть его выкрикиванія, и Ида начала шутя ему вторить:

— Укрѣпляющія капли доктора Фергюсона, Филадельфскія капли отъ кашля, противъ болѣзней горла и хрипоты, пять центовъ коробка.

Скоро они присоединились къ веселой толпѣ людей, пробирающихся въ театръ. Когда они усѣлись на свои мѣста въ балконѣ, зрѣлище бѣдности окончательно скрылось изъ ихъ глазъ.

— Кто говоритъ, что на свѣтѣ нѣтъ свѣта и веселья?—сказала Ида.— Здѣсь нѣтъ ни бѣдныхъ, ни старыхъ, ни убогихъ, ни голодныхъ, ни холодныхъ.

— Это свѣтлая сторона мѣсяца,—сказалъ Брадлей.

Они осматривали публику, мысленно сравнивая съ той, которую они видѣли въ Канзасѣ и Айова. Всюду были дѣвушки съ блестящими глазами, съ яркими красивыми шляпами на завитыхъ волосахъ, цвѣтъ лица ихъ былъ нѣжнѣе лилій, ихъ красивыя платья, изящно и со вкусомъ сшитыя, прелестно драпировали ихъ фигуры. Въ тонкихъ пальцахъ виднѣлись золотые съ жемчугомъ бинокли. Молодые люди, сидѣвшіе рядомъ съ ними, были также одѣты по послѣдней модѣ. Позади барышенъ сидѣли ихъ грузные родители, грубыя лица которыхъ, съ красными носами и отвислыми губами, свидѣтельствовали, что занятіе политикой и торговлей не мѣшало имъ предаваться кутежамъ и разгулу. Всюду слышался шелестъ шелка и тихій музыкальный разговоръ. Въ Чикито публика производила впечатлѣніе удручающее, а здѣсь, наоборотъ,—шумное и веселое.

Занавѣсъ поднялся и глазамъ публики представилась Нотингэмская ярмарка, раздалась красивая, веселая музыка. Молодые парни и дѣвушки неутомимо пѣли и плясали, наряженные въ платья, на которыя никогда не падали дождь, грязь и пыль. Рыцари, одѣтые въ великолѣпные серебряные съ зеленымъ костюмы и изукрашенные драгоцѣнными камнями пояса, прогуливались въ сопровожденіи веселыхъ крестьянъ, повидимому, не знающихъ ни заботъ, ни труда.

Во второмъ актѣ дѣйствіе происходило въ Шервудскомъ лѣсу, въ странѣ Робина Гуда, гдѣ никогда нѣтъ ни снѣгу, ни дождя. Здѣсь веселые лѣсники встрѣчаются, поютъ и пьютъ октябрьскій эль. Появляются Малый Джонъ, Уиль Скарлетъ и Аланъ-а-Дель въ прекрасныхъ нарядахъ, съ завитыми волосами и чудными голосами, они начинаютъ пѣть и веселиться. На ихъ платьяхъ нѣтъ ни пятенъ, ни слѣдовъ ветхости, а наоборотъ, они изукрашены пурпуромъ и золотомъ. Они держатся прямо и весело, вмѣсто того, чтобы горбиться отъ усталости. Нигдѣ нѣтъ слѣдовъ труда, заботъ и безнадежнаго голода. Они только и дѣлаютъ, что поютъ, пляшутъ, утомившись послѣ веселой охоты по роскошнымъ лѣсамъ. Вотъ это веселая, свободная жизнь! Чудная, дѣтская, сказочная, языческая жизнь!

Смотря на сцену, слушая красивую выразительную музыку, лицо Иды невольно затуманилось. Этотъ міръ веселья, безоблачной юности, любви и дружбы составлялъ страшный контрастъ съ недавно видѣн-

ною ею тяжелой жизнью фермеровъ. Когда представленіе окончилось, они пошли медленно домой. Выйдя на улицу, Ида пожала руку Брадлея.

— Какъ все это было прекрасно, прекрасно и больно. Понимаешь ли ты меня?

— Да,—отвѣчалъ просто Брадлей.

— О, Брадлей, какъ хорошо было бы, если бы мы могли открыть подобную страну, куда бѣдные могли бы сейчасъ отправиться, быть счастливыми, не испытывать нужды и лишеній, однимъ словомъ, страну спокойствія и веселья страну, гдѣ нѣтъ мѣста нуждѣ и злобѣ.

— Да,—вздохнулъ Брадлей,—это было бы очень хорошо. Однако, я вижу, что наши радости отравлены навсегда и никогда намъ не придется всецѣло отдаваться какому-либо наслажденію.

— Да, мы родились для того, чтобы чувствовать страданья другихъ. Хуже всего то, что этой страной должна непремѣнно стать Америка. Наши предки переселялись сюда съ этой надеждой, а между тѣмъ оказалось...

Она не кончила и они пошли молча въ глубокомъ раздумьи.

— Мы достигнемъ этого,—сказалъ, наконецъ, Брадлей,—только путь дологъ и труденъ, и тысячи людей умрутъ на дорогѣ.

Идя далѣе, Брадлей слышалъ глубокіе вздохи, вылетающіе изъ груди жены, шедшей рядомъ съ нимъ. Снова они шли мимо красиваго Капитолія, съ его высокимъ куполомъ. Мѣсяцъ поднялся на небѣ, озаряя голубоватымъ свѣтомъ окружавшій пейзажъ, смягчая яркость звѣздъ. Снѣгъ блестѣлъ, какъ брилліанты, и каждая вѣтка, покрытая хлопками снѣга, принимала какой-то сверхъестественный видъ. Кругомъ царила тишина. Они остановились молча и стояли до тѣхъ поръ, пока Ида начала вздрагивать отъ холода. Тогда Брадлей взялъ ее за руку и повелъ домой. Когда они вошли въ комнату, Ида, не раздѣваясь, сѣла у камина, Брадлей взглядомъ слѣдилъ за нею, а она продолжала задумчиво сидѣть; глаза ея были закрыты полями шляпы; она положила подбородокъ на руки и бросила перчатки на колѣни. Брадлей слишкомъ хорошо изучилъ ея характеръ, чтобы прерывать ея задумчивость, а потому терпѣливо ожидалъ, когда она сама заговоритъ. Наконецъ, она рѣзко повернулась къ нему со словами:

— Брадлей, я уѣду домой.

Эти слова поразили его и у него захватило дыханіе.

— Ида, я не могу на это согласиться!—воскликнулъ онъ.

— Да, я должна ѣхать, я не могу здѣсь оставаться. Сегодняшній спектакль пробудилъ мою совѣсть, я должна ѣхать на западъ.

— О, Ида, мы провели здѣсь всего четыре недѣли, я не вижу, почему...

— Я пойду въ вашъ округъ и приму всѣ мѣры для того, чтобы тебя снова выбрали въ члены конгресса. Если ты разсчитываешь здѣсь

исполнить свой долгъ, то я должна принять участіе въ твоемъ избраніи.—Она точно вдругъ стала старше и лицо ее приняло озабоченное выраженіе.—Ты видѣлъ, съ какою радостью меня встрѣчали жены и матери фермеровъ. Дорогой мой, мы не должны быть эгоистами. Мы рождены не для праздности. Я была очень счастлива съ тобой, но я послѣдовательница Іоанна Крестителя, я должна идти въ народъ проповѣдывать слово Божіе.

Она снова замолчала. Брадлей задумчиво мѣшалъ въ каминѣ, чувствуя въ сердцѣ невыразимую боль. Ея присутствіе дѣлало его чрезвычайно счастливымъ и онъ не могъ перенести мысли о разлукѣ съ нею, хотя онъ вполнѣ понималъ ея чувства. Долгіе годы размышленій подняли его на высоту альтруистическихъ взглядовъ. Когда онъ снова заговорилъ, онъ, повидимому былъ совершенно спокоенъ.

— Хорошо, Ида, мы оба себя законтрактовали на всю жизнь,—онъ даже заставилъ себя улыбнуться, взглянувъ на нее. — Моя дѣятельность, какъ члена конгресса, во всякомъ случаѣ, скоро окончится...

Она встала, подошла къ нему, положила ему руки на плечи.

— Твоя политическая карьера не должна оканчиваться еще въ продолженіи многихъ лѣтъ и безъ меня тебѣ въ сущности удобнѣе работать на этомъ поприщѣ. Ты долженъ стараться сохранить твое мѣсто ради меня, ради угнетенныхъ, ради нашихъ... будущихъ дѣтей.—Ея голосъ задрожалъ и на ея губахъ появилась лучезарная улыбка.

Брадлей посмотрѣлъ на нее долгимъ вопросительнымъ взглядомъ, потомъ тихо обнялъ и нѣжно привлекъ къ себѣ.

— Я обязанъ тебѣ всѣмъ. *Теперь* никто меня не побѣдитъ.

Конецъ.

IN MEMORIAM.

Изъ Теннисона.

1.

Мнѣ кажется почти грѣхомъ
Излить въ словахъ мою кручину:
Возможно выразить стихомъ
Печаль души лишь въ половину.

Когда душа поражена —
Врачуетъ боль размѣръ пѣвучій,
Невольно черпаетъ она
Забвенье въ музыкѣ созвучій.

Какъ плащъ тяжелый въ холодà,
Словà—отъ скорби мнѣ защита,
Но ту печаль, чтò въ сердцѣ скрыта —
Не передамъ я никогда.

2.

Со мною будь въ часы тоски,
Когда свѣтильникъ догораетъ,
Біенье жизни замираетъ
И съ силой кровь стучитъ въ виски.

Со мною будь въ печальный мигъ,
Когда въ душѣ слабѣетъ вѣра,
И жизнь—зловѣщая мегера,
А время—хилый гробовщикъ.

Будь здѣсь когда слабѣю духомъ,
И люди, мнится мнѣ тогда,
Живутъ, жужжатъ, подобно мухамъ,
И умираютъ безъ слѣда.

Будь здѣсь, когда въ борьбѣ суровой
Конецъ настанетъ для меня,
И тамъ, за гранью жизни новой,
Блеснетъ заря иного дня.

3.

Всегда ль мы искренно желаемъ
Усопшихъ видѣть возлѣ насъ?
Ужель отъ нихъ мы не скрываемъ
Душевной низости подчасъ?

Быть можетъ, друга свѣтлый взоръ,
Сіявшій раньше одобреньемъ —
Усмотритъ тайный мой позоръ,
И смѣнится любовь—презрѣньемъ?

Нѣтъ, я неправъ, я сознаю;
Любви прощаются сомнѣнья,
А смерть мудра въ своемъ прозрѣньѣ,
И душу видитъ онъ мою.

Въ часы упадка и борьбы
Пребудьте съ нами неизмѣнно
И возносите неизмѣнно
За братьевъ гибнущихъ хвалы.

О. Чюмина.

ЧИСТАЯ СЕРДЦЕМЪ.

I.

Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ Великаго поста, ночью купецъ Родіонъ Яковлевичъ Глѣбовъ вернулся въ свой городъ изъ Москвы. Онъ думалъ попасть домой къ масляной, да не успѣлъ, и какъ ни противенъ ему былъ московскій масляничный шумъ и суета—онъ себя превозмогъ, остался, кого нужно повидать—повидалъ, справился хорошо и теперь ѣхалъ довольный. Впрочемъ довольство его ничѣмъ не выражалось: глаза, какъ всегда, были строги, брови слегка сдвинуты. Онъ одѣвался по-русски, безъ щегольства, но и безъ всякой неряшливости: высокіе сапоги, теплый картузъ. Его худощавое, темное лицо, обрамленное длинной бородой стального цвѣта, было похоже на ликъ стараго письма.

Родіонъ Яковлевичъ вышелъ изъ вагона съ ручнымъ саквояжемъ (багажа онъ не возилъ), миновалъ холодныя желтыя залы вокзала, громаднаго, еле освѣщеннаго, грязнаго, похожаго на всѣ вокзалы губернскихъ городовъ, и, толкнувъ тяжелую дверь, вышелъ на крыльцо.

Вокзалъ былъ далеко отъ города, версты четыре по-полю. У ступенекъ крыльца стояло нѣсколько широкихъ извозчичьихъ саней.

— Пожалуйте, Родіонъ Яковлевичъ! Съ пріѣздомъ васъ! — крикнулъ Ѳедька.—Ивана нѣтъ нонче. Давно васъ дожидались, еще на масляной. Пожалуйте, духомъ довезу.

Глѣбовъ молча усѣлся въ сани и запахнулъ медвѣжью шубу. Стояли морозы, послѣдніе, но крѣпкіе, звонкіе. Полозья такъ и визжали по маслянистой дорогѣ. Съ яснаго, широкаго, сине-чернаго неба свѣтилъ мѣсяцъ, маленькій, немного на ущербѣ, но пронзительно-яркій отъ мороза.

Свѣжія Ѳедькины лошади бѣжали бодро по голубой равнинѣ. Кое-гдѣ въ снѣгу мелькали темные домики. Ѳедька-извозчикъ то и дѣло оборачивался къ Родіону Яковлевичу и заговаривалъ, не смущаясь тѣмъ, что купецъ отвѣчалъ ему рѣдко.

— Какъ дѣла изволили справить, Родіонъ Яковлевичъ? Все ли въ добромъ здоровьѣ?

— Слава Богу.

— Ну подай Господь. А я позавчерашняго дня Николая Семеновича на станцію возилъ.

— Сурина?

— Точно такъ. Въ Казань отъѣхали. Спрашивали, когда ваша милость изъ Москвы будутъ. Мнѣ Евлампія Ниловна, Дунина госпожа, говорили, что каждый день ждутъ, ну я такъ и сказалъ, что каждый, молъ, день ждутъ.

— А ей-то откуда знать?—сурово вымолвилъ Глѣбовъ.

— Черезъ Серафиму Родіоновну, не иначе. Изволили писать Серафимѣ Родіоновнѣ? А барыню Дунину я тогда съ рынка везъ.

Глѣбовъ ничего не отвѣчалъ. Старшей дочери Серафимѣ онъ не писалъ. Она и такъ должна ждать его каждыйдень. Свѣтать начнетъ, утро недалеко, Серафима знаетъ, когда поѣздъ приходитъ и, вѣрно, встала, ждетъ съ самоваромъ.

— Лиза что?—подумалъ вдругъ Глѣбовъ и плотнѣе запахнулъ шубу.

Утро было, точно, недалеко—но еще не свѣтало. Только мѣсяцъ все выше забирался на пустынное небо, дѣлался меньше и ярче, и отъ его свѣта голубая, тихая равнина казалась еще тише. Въѣхали въ городъ—и ничего не перемѣнилось, тотъ же просторъ, та же тишина: широкая, широкая сине-бѣлая улица, и кажется она еще шире, потому что прямая, и потому что тянутся по сторонамъ низенькіе домики въ одинъ этажъ; снѣжныя кровли сливаются со снѣжной улицей, окна потухшія, только кое-гдѣ стекло сверкнетъ мертвымъ мѣсячнымъ свѣтомъ. Нѣтъ проѣзжихъ, и собаки не лаютъ, глухая ночь, глухой городъ, глухіе дома, и люди въ нихъ глухіе, потому что спятъ. Снѣжное море кругомъ молчитъ, со своими неподвижными бѣлыми волнами.

Ѳедька свернулъ лошадей влѣво, въ переулокъ. На поворотѣ открылись и слабо замерцали вдали золоченыя главы кремлевскаго собора. Родіонъ Яковлевичъ глянулъ и три раза, не торопясь, перекрестился. Въ ту же минуту гдѣ-то близко запѣлъ пѣтухъ. Ему отвѣтилъ другой, дальше, потомъ еще и еще, совсѣмъ далеко, чуть слышно.

— Третьи никакъ,—сказалъ замолкшій было Ѳедька.—Заря занимается. Пожалуйте, ваше степенство, пріѣхали!

Домъ у купца Глѣбова былъ хорошій, деревянный, старый и крѣпкій, съ широкимъ помѣстительнымъ мезониномъ. Его весь занимала семья одного судейскаго барина. Самъ Родіонъ Яковлевичъ съ дочерьми жилъ въ двухъ комнатахъ внизу, почти что

*

въ подвалѣ, ходъ былъ въ ворота, черезъ дворъ. Изъ переулка дома и не видно, онъ стоялъ на улицу.

Калитку скоро отворили. Родіонъ Яковлевичъ, поскрипывая сапогами, пошелъ къ дому. Внизу, въ широкомъ низкомъ окнѣ у самой земли, тускло краснѣлъ огонь. Серафима ждала отца.

Глѣбовъ прошелъ черезъ темныя сѣни, гдѣ визгнулъ блокъ и отворилъ дверь въ первую горницу. Удушливое тепло его охватило. Серафима Родіоновна приняла саквояжъ, шапку и шубу. Направо, въ углу, низко, стоялъ кіотъ съ образами и теплилась красноватая лампада. Родіонъ Яковлевичъ молча помолился, медленно кланяясь, и обернулся къ дочери.

— Ну, здравствуй теперь.

Она поцѣловала его руку, онъ поцѣловалъ ее въ голову.

— Живешь? Что Лиза?

— Слава Богу, папаша. Вы какъ съѣздили? Здоровы ли?

— Ничего. Задержался маленько, да ничего, все ладно. Самоваръ-то есть у тебя?

— Самоваръ готовъ,—сказала Серафима и неслышно вышла. У нея былъ тихій голосъ и тихія движенія.

Въ этой же горницѣ, низкой, неглубокой, Родіонъ Яковлевичъ и спалъ. У дверей выдавалась бѣлая печка; между печкой и стѣной въ другую комнату, въ углу, стояла кровать Родіона Яковлевича, за синей ситцевой занавѣской. Между двумя широкими, точно сплющенными окнами, былъ раскинутъ столъ, накрытый свѣжей, сѣрой скатертью съ красными коймами. Въ простѣнкѣ горѣла жестяная лампочка. На высокомъ подоконникѣ лежали большіе, видно тяжелые, желтые счеты. Громадные, низко висящіе часы съ розанами на посѣрѣвшемъ циферблатѣ показывали теперь безъ двадцати пять.

Родіонъ Яковлевичъ сѣлъ къ столу. Вошла Серафима, вынула изъ стекляннаго шкафика чайный приборъ и початой домашній хлѣбъ. Закутанная Дарья внесла большой, шипящій самоваръ. Серафима, все такъ же неслышно двигаясь, заварила чай и сѣла поодаль; ея совсѣмъ стало не видно за высокимъ самоваромъ.

Родіонъ Яковлевичъ помолчалъ. Потомъ спросилъ дочь:

— Заходилъ кто?

— Знали, папаша, что вы въ отъѣздѣ... Кому заходить? Евлампія Ниловна была.

Онъ глянулъ изъ-подъ бровей.

— Ну, эта еще... Бабьи шлепотки. Небось косила, косила языкомъ. А ты? Была гдѣ?

— На ефимонахъ была, у Сергія...

— На ефимонахъ! Въ гости, спрашиваю, куда ходила?

Серафима отвѣтила не вдругъ. Какъ будто чуть замѣтная ро-

зовая тѣнь легла на ея немолодое, блѣдное лицо. Заговорила она такъ же тихо, но торопливѣе:

— Я, папаша, тоже одинъ разъ у Евлампіи Ниловны была. Въ аптеку передъ вечеромъ пошла, Лизѣ грудного чаю взять, а Евлампія Ниловна тамъ. Уговорила меня, я съ полчаса у нихъ посидѣла.

Отецъ опять глянулъ въ ея сторону изъ подъ бровей, суровѣе.

— А Лизу на кого покидала?

— Дарья съ ней оставалась...—еще тише отвѣтила Серафима и протянула отцу большую фарфоровую чашку съ чаемъ.

Родіонъ Яковлевичъ чашку принялъ, поставилъ передъ собой, помолчалъ.

— А что Лиза, нездорова, что-ль, была?—спросилъ онъ хмуро.

— Нѣтъ, такъ, закашляла, да прошло.

— Спитъ?

— Спитъ покойно.

— Тамъ свѣтъ у тебя есть?

— Лампада горитъ.

Родіонъ Яковлевичъ медленно поднялся изъ-за стола.

— Взгляну, не видалъ еще,—сказалъ онъ и, осторожно ступая, пошелъ къ притворенной двери. Серафима встала за нимъ.

Другая горница была побольше первой и оттого казалась еще ниже. Темный блескъ лампадки едва освѣщалъ ее. Два окна выходили на дворъ, а два—по другой стѣнѣ—въ садикъ, и снѣгъ совсѣмъ завалилъ ихъ. На широкой двуспальной постели, почти подъ лампадными лучами, спала, разметавшись, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, крупная, полная, удивительно красивая. Недлинные коричневые локоны мягко вились у лба и нѣжныхъ ушей и падали слабыми кольцами на подушку. На щекахъ розовыми пятнами стоялъ румянецъ. Тонкія разлетающіяся брови давали не то испуганное, не то невинно-лукавое выраженіе ея лицу съ темной тѣнью сомкнутыхъ рѣсницъ. Губы были полуоткрыты, какъ у спящихъ дѣтей. Родіонъ Яковлевичъ постоялъ молча, очень тихо. Лицо его стало яснѣе, морщины сползли со лба.

Лиза пошевельнулась и чуть-чуть застонала.

— Разбўдите!—шепнула Серафима.

Глѣбовъ встрепенулся и трижды широко перекрестилъ дѣвочку.

— Христосъ съ тобою! Спи съ Богомъ!

И, опять такъ же осторожно ступая, вернулся въ первую горницу къ чайному столу.

II.

Родіонъ Яковлевичъ Глѣбовъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ купцовъ въ городѣ. Дѣла онъ велъ большія, но тихо, такъ что никто въ точности о его состояніи ничего не зналъ. Онъ торговалъ мукою оптомъ, склады его были въ пригородѣ, за рѣкою. Приказчика настоящаго имѣлъ только одного, который тамъ же въ пригородѣ и жилъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Глѣбова выбрали церковнымъ старостой за крупное пожертвованіе на новоотстроенную церковь Сергія въ его приходѣ. Всѣмъ была извѣстна строгая, смиренная жизнь Родіона Яковлевича и его благочестіе.

Серафима хорошо помнила свою мать: она умерла въ самый день рожденія Лизы, а Серафимѣ шелъ въ то время четырнадцатый годъ. Мать была еще молодая, веселая,—но тихая, съ карими глазами. Волосы у нея вились кольцами, какъ у Лизы, только она прикрывала ихъ шелковымъ платочкомъ. Жили они тогда не внизу, а въ мезонинѣ, тамъ было свѣтло и просторно, четыре горницы. По угламъ стояли тяжелые кіоты, и теплились лампадки передъ праздниками, а у отца неугасимая.

Серафима знала, что отецъ былъ изъ семьи древняго благочестія. Разсказывали, что смолоду онъ считался первымъ начетчикомъ и чуть не тверже отца съ матерью ненавидѣлъ православную церковь и никоніанъ, а семья его стараго закона очень строго держалась. Двадцати лѣтъ онъ былъ свѣдущъ въ Писаніи, какъ не бываетъ иной и сорока, и не разъ велъ степенные споры съ пріѣзжими священниками. Что съ нимъ вдругъ подѣялось—никто не зналъ. Отвергъ старописныя книги, въ церковь пошелъ, отцу и матери такъ прямо это и объявилъ. Когда спрашивали, кто его смутилъ—онъ отвѣчалъ одинаково: никто не смутилъ, самъ своимъ разумомъ дошелъ, а противъ своего разума ничего не могу. Характеръ его знали: коли скажетъ, что своимъ разумомъ дошелъ,—такъ ужъ тутъ назадъ его не повернешь. Говорили, будто отецъ съ матерью прокляли его, въ немъ и въ дѣтяхъ его; навѣрно никто этого не зналъ. Родіонъ Яковлевичъ сталъ жить одинъ, а вскорѣ старики умерли и, несмотря на проклятіе, домъ и капиталъ отказали сыну. Родіонъ Яковлевичъ опять поселился въ старомъ домѣ, дѣла расширились, и лѣтъ черезъ пять онъ женился на небогатой сиротѣ, православной, которая вскорѣ родила ему дочь Серафиму, а черезъ тринадцать лѣтъ—Лизу, и въ родахъ умерла.

Родіонъ Яковлевичъ, суровый, молчаливый, съ самаго ранняго дѣтства внушалъ Серафимѣ ужасъ. Придетъ, бывало, домой, слова не скажетъ, за обѣдомъ бровей не раздвинетъ.

Защелкнется за нимъ дверь—а мать ужъ шепчетъ Серафимѣ, шепчетъ, головой киваетъ и улыбается тихо:

— Ты, Фимочка, не бойся отца. Онъ добрый, ты не смотри, что онъ такой угрюмый, онъ добрый.

Фимочка все была съ матерью. Отдали ее было по десятому году не то въ школу, не то въ пансіонъ, да скоро взяли. Довольно поучилась, а много дѣвушкѣ знать не годится.

— Что ты у меня какая блѣдная да боязливая,—говаривала мать Фимочкѣ.—Съ отцомъ слова никогда не скажешь. Онъ тебя не съѣстъ, онъ добрый, только у него характеръ такой, потому что онъ въ древнемъ благочестіи былъ.

Мать улыбается, но Фимочка все-таки боится, не понимаетъ и, наконецъ, робко спрашиваетъ:

— Мамашечка, а что это такое „древнее благочестіе"?

На этотъ вопросъ мать всегда отвѣчала все тѣмъ же пространнымъ разсказомъ, нараспѣвъ, какъ Родіонъ Яковлевичъ „дошелъ своимъ разумомъ", и какъ гнѣвались отецъ съ матерью, а ничего подѣлать не могли.

Но Фимочка все-таки не понимала, что такое „древнее благочестіе", и ей было еще страшнѣе.

Мать сидѣла у окна, въ своемъ шелковомъ платочкѣ на пышныхъ волосахъ, а дѣвочка около нея, на низкой скамейкѣ, и жалась къ ея колѣнямъ.

— Характеръ у тебя боязливый,—говорила мать.—А какое оно, древнее благочестіе-то, я не знаю, потому что мы изъ православныхъ. Слыхала, что люди, что по старинѣ живутъ, все такіе степенные да сумрачные. У нихъ строго. Вотъ образа тоже. Нашъ образъ, возьми ты хоть Спасителя, али Богородицу съ Младенцемъ,—ликъ свѣтлый, волосы кудрявятся, ребеночекъ съ улыбкою написанъ, и глазокъ у него карій, радостный. А которые по старинѣ люди—тѣ этого не пріемлютъ. У нихъ въ иконѣ чтобы тьма была, ликъ черный, только глаза бѣлые на тебя смотрятъ и ужасаютъ, это точно. Я видала такія иконы, да и у насъ есть въ кіотѣ, не ихнія, а вродѣ какъ бы ихнія, тоже старыя.

Фимочка думала о древнихъ иконахъ, ей вспоминалось лицо отца и снова дѣлалось страшно.

А мать продолжала:

— Родіонъ Яковлевичъ добрый. Онъ разумомъ дошелъ до нашей православной радости, а въ сердцѣ у него и во всемъ его характерѣ—старинная строгость, потому что кто въ чемъ выросъ и возмужалъ,—тотъ того не превозможетъ. Ну, оно и показывается, будто онъ суровый. Въ немъ крѣпость большая. Ты покоряйся ему только, дочка, слушай его во всемъ.

Серафима покорялась и слушалась, и все-таки боялась отца. Она вѣрила, что онъ дошелъ разумомъ до „православной радости“, но ликъ у него все-таки былъ темный, и сердце въ немъ было старое.

Когда умерла мать, пришли священники, стали пѣть панихиду. Лицо у Родіона Яковлевича сдѣлалось еще темнѣе, но онъ не плакалъ. Серафима плакала тихими, покорными слезами. Мать лежала на столѣ и печально улыбалась, вся бѣлая. Священники пѣли надъ ней, что она ужъ не будетъ больше ни печалиться, ни вздыхать, а Серафимѣ припоминалось, какъ мать ей говорила:

— Ты, Серафимочка, не смотри, что я все сижу у окна да вздыхаю иной разъ, будто печалюсь. Я тебѣ вотъ о радости моей говорю, а ты то понимай, что я и сама не знаю, радость ли она, или печаль. Мнѣ въ радости-то моя печаль и дорога. Вздохну я— и сладко мнѣ. Въ печали моей страха нѣтъ.

И Серафимѣ было больно, что тамъ, куда ушла мама, у нея отнимутъ ея радостную печаль.

Остались они одни. Перешли внизъ. Лизѣ кормилку наняли. Странная была дѣвочка, больная. Серафимѣ отецъ сразу передалъ домашнее хозяйство, и такъ оно съ тѣхъ поръ и пошло. На ея рукахъ и Лиза была. Когда дѣвочка стала подростать—увидали, что она совсѣмъ больная. Руки и ноги у нея дергало, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Говорить не научилась, ничего не понимала и не слышала, только дико мычала. Серафима къ ней привыкла, а другіе ея боялись, особенно, когда она стала ходить и расти. Отецъ звалъ докторовъ, сказали, что она глухонѣмая, слабоумная, что у нея Виттова болѣзнь и сердце не крѣпкое. Два раза Серафима съ отцомъ и Лизой ѣздили на далекое богомолье, къ мощамъ и къ чудотворной иконѣ. Серафима ждала чуда, но Лиза не поправилась. Отецъ сталъ еще сумрачнѣе, но все чаще заходилъ въ горницу, когда Лиза спала—а спала она тихо, спокойно—и подолгу глядѣлъ на нее. Однажды сказалъ Серафимѣ строго и постучалъ пальцемъ по столу:

— Смотри, береги сестру! Какъ мать, береги ее! Ты мнѣ за нее отвѣтъ дашь.

Лиза любила отца больше, чѣмъ Серафиму; когда онъ входилъ, бросалась къ нему, мычала, дергаясь. Онъ часто бралъ ее за руку, гладилъ по головѣ и смотрѣлъ подолгу ей въ лицо. Первый вопросъ его былъ, когда онъ возвращался изъ отлучки, о Лизѣ.

Серафима покорно ходила за Лизой, безъ возмущенія и безъ особой привязанности. Спала съ ней вмѣстѣ, кормила и одѣвала ее. У Лизы бывали припадки, она очень страдала, и тогда Серафима думала:

„Богъ приберетъ ее,—ей тамъ лучше будетъ. Жалко, мучается. Какая ужъ это жизнь“!

Лиза росла, выравнивалась, полнѣла и была очень красива, когда спала: она походила на мать. Годы шли незамѣтно, похожіе одинъ на другой. Блѣдное, длинное, тихое лицо Серафимы, некрасивое, съ широкими свѣтлыми глазами и слегка оттянутымъ книзу ртомъ—дѣлалось еще блѣднѣе и тише. Серафима не скучала и не терзалась: жила, не замѣчая годовъ, смотрѣла за Лизой и за хозяйствомъ; читала „Ниву“ и переводные романы; когда думала, то тихо и смутно вспоминала мать. Ходила въ церковь къ службамъ; отца боялась, но меньше, потому что слушалась его и знала, какъ ему угождать.

Такъ шла жизнь Серафимы до послѣдней зимы, когда ей минулъ двадцать девятый годъ.

III.

Дня черезъ два послѣ возвращенія Родіона Яковлевича, Серафима шла изъ церкви домой, по деревяннымъ, мокрымъ мосткамъ своего переулка. Былъ часъ четвертый въ самомъ началѣ. Морозы оборвались сразу, пришла весна, безвѣтренная, неслышная, ласково и тихо, почти незамѣтно, съѣдающая снѣга. Небо стояло неподвижно-ясное, голубое, будто умытое, все въ предвечернемъ золотѣ. Подъ снѣгомъ, въ канавкѣ, уже текли тонкіе ручейки, но тоже тихіе, безъ лепета. Нѣжный воздухъ былъ остръ и такъ легокъ, точно вовсе его не было.

Въ церкви, откуда шла Серафима, только что кончилась служба покаянія. Медленно читали, медленно выходилъ священникъ, въ темныхъ одеждахъ, говорилъ мучительную молитву и кланялся въ землю, и всѣ за нимъ, на сырыя плиты недавно отстроенной церкви склонялись до земли. Все, все возьми отъ меня, Господи, молились люди, все, что вложено въ насъ Тобою, и дай силу уничтожить во мнѣ данное Тобою. И дай видѣть его яснѣе, чтобы лучше уничтожить. Духъ смиренія и воздержанія пошли мнѣ, Господи.

И такая сила была въ этихъ словахъ, что они были почти прельстительны.

Серафима не разсуждала. Она, какъ всегда въ посту, ходила въ церковь и говорила за священникомъ молитву покаянія, и грустила, и долго потомъ повторяла: „духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія...“ И теперь она еще думала о молитвѣ, но ей не было грустно. Нѣжное небо, радостный воздухъ дали ей вдругъ испугавшую ее радость. Она даже подумала:

„Ой, что это я, грѣшница! Чего веселюсь?“

Но потомъ ей пришло въ голову, что какъ-ни-какъ—а постъ кончается Пасхой, значитъ оттого и въ посту радостно.

Навстрѣчу, по пустыннымъ мокрымъ мосткамъ, шелъ очень высокій, молодой человѣкъ въ шубѣ. У него было бѣлое лицо, веселые, добрые, совсѣмъ голубые глаза и широкая золотая борода. Не рыжая, а именно золотая, блѣдноватаго золота. Онъ поклонился Серафимѣ, улыбнулся, и глаза его стали еще добрѣе и веселѣе.

Серафима слегка ахнула и покраснѣла.

— Отъ Сергія, Серафима Родіоновна? Богу молились?

— Да...—сказала Серафима невнятно.—Я домой.

— Позвольте мнѣ проводить васъ. Вы говорили,—рецептикъ одинъ для Лизаветы Родіоновны нужно вамъ въ аптеку. Такъ я бы рецептъ принялъ, нынче къ вечеру было бы готово.

— Нѣтъ, что-жъ,—заговорила опять Серафима.—Это послѣ какъ-нибудь, Леонтій Ильичъ. Не къ спѣху. Очень благодарю васъ.

Они тихонько шли вмѣстѣ. Леонтій Ильичъ Дунинъ, сынъ Евлампіи Ниловны, провизоръ, казался еще стройнѣе, моложе и выше ростомъ рядомъ съ худенькой фигуркой Серафимы въ черномъ, нескладномъ платьѣ. Длинное, блѣдное лицо ея, впрочемъ, порозовѣло и все точно освѣтилось тихой радостью.

— Весна будетъ,—сказалъ Дунинъ.—Небеса-то какія высокія.

— А я вотъ изъ церкви шла, Леонтій Ильичъ, и думала: отчего это, грѣхъ какой, нѣтъ во мнѣ печали, а веселость на душѣ? А это, вѣрно, погода очень ужъ свѣтлая.

— Свѣтлая погода. Хорошо.

Серафима торопливо прибавила:

— Да и постъ къ Свѣтлому празднику идетъ.

Леонтій Ильичъ поглядѣлъ на нее съ ласковымъ недоумѣніемъ. Они не очень давно были знакомы. Леонтій Ильичъ учился въ московской школѣ, пріѣхалъ въ городъ недавно. Серафима съ нимъ до сихъ поръ все больше молчала.

— А вы такая тихая и печальная,—сказалъ онъ ей.—Смотришь, смотришь на васъ—и такъ бы васъ, кажется, и развеселилъ, разговорилъ, обрадовалъ, чтобъ вы улыбнулись. Вотъ какъ сейчасъ.

Серафима улыбнулась и опять покраснѣла.

— Такъ что-жъ, развеселите,—сказала она. Сердце у нея тихо билось и воздухъ еще ласковѣе приникалъ къ ея лицу.

— Какія мнѣ радости?—прибавила она вдругъ.—Вотъ и домой пришли.

Они, точно, стояли у калитки.

— Мамаша сегодня хотѣла быть у васъ,—сказалъ Леонтій Ильичъ.—Если зайдетъ,—вы ей рецептикъ-то отдайте. А вечеромъ

лѣкарство будетъ готово. Я самъ вечеромъ отлучиться рано не могу, а можетъ вы сами зайдете...

— Ужъ не знаю, какъ,—почти шопотомъ проговорила Серафима и толкнула калитку.—Спасибо вамъ.

Она осмѣлѣла въ послѣднюю минуту и подняла на него глаза. Онъ стоялъ высокій, веселый, тоже немного робкій и глядѣлъ на нее, чуть улыбаясь своей доброй улыбкой. Серафима ему нравилась.

Когда калитка захлопнулась, и Серафима очутилась одна среди большого, снѣжнаго двора, ей показалось, что въ головѣ у нея нѣтъ ни одной мысли, что и не можетъ она ни о чемъ думать, и не хочетъ, а такъ только хочетъ стоять посреди двора и улыбаться.

Снѣгъ посинѣлъ, небеса поблѣднѣли, невидная весна была вездѣ, во всемъ, смиренномудрая и любовная; и покорная душа Серафимы была полна ея таинственной и божеской радостью.

„Будетъ Христосъ Воскресъ", опять подумала Серафима, глядя на снѣга и небо и не умѣя инымъ оправдать своей радости. Небо и снѣгъ были чистые-чистые, и казалось, что ничего другого и нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ чистоты, тишины и счастья.

Но въ эту минуту отъ рѣшетки палисадника, въ глубинѣ двора, отдѣлилась крупная фигура Лизы въ черномъ ватномъ салопѣ и въ платкѣ. Изъ салопа она выросла, виднѣлись ноги въ широкихъ сѣрыхъ чулкахъ и грубыхъ башмакахъ.

Кривляясь и дергаясь, размахивая руками, дѣвочка подходила къ Серафимѣ. Лицо тоже дергалось, было грязно и даже не уродливо, а отвратительно. Серафима очнулась, поглядѣла на Лизу, и въ первый разъ она ей показалась страшной. Зачѣмъ она здѣсь, мычащая, замазанная, гадкая,— когда повсюду такъ тихо и чисто? Но Серафима не сказала себѣ этого словами, только радость ея вдругъ исчезла, и она разсердилась.

— Кто тебя одну гулять выпустилъ?—проговорила она громко, хотя знала, что Лиза и не слышитъ ее, и не понимаетъ.—Домой, домой!—прибавила она, привычными жестами, на пальцахъ, быстро показывая, что надо идти домой. Лиза было замычала, но Серафима взяла ее за руку и повела, не оглядываясь.

Родіона Яковлевича не было дома. Дарья объяснила, что она одѣла Лизу и пустила на дворъ, а сама на минутку отлучилась. Серафима угрюмо и сердито сняла съ кривляющейся и воющей Лизы салопъ, переобула, умыла ее. Лиза пошла ходить, шатаясь, по двумъ комнаткамъ и задѣвала, болтая длинными руками, то за притолку, то за гири часовъ. Смерклось. Серафима сидѣла у стола молча, не зажигая лампы, а Лиза все ходила, неровно, стучала башмаками, дергалась и слегка подвывала, будто жаловалась.

Серафима знала, что въ такіе дни она долго не будетъ спать, что ее нужно вечеромъ мучительно укладывать, а она все станетъ подыматься съ постели, дергаться и мычать.

IV.

На другой день пришла Евлампія Ниловна Дунина, мать Леонтія Ильича, дама полная, бѣлобрысая. У нея были широкія красныя, трясущіяся щеки и нехорошіе зубы. Ходила она не въ шляпкѣ, а въ бѣломъ шелковомъ платкѣ.

Чай давно отпили. Родіонъ Яковлевичъ былъ дома, сидѣлъ въ своемъ углу, за столомъ, насупившись, и молчалъ. Онъ не долюбливалъ Евлампію Ниловну, но ужъ очень они давно были знакомы, старикъ Дунинъ знавалъ покойную жену Родіона Яковлевича. Теперь Дунинъ лѣтъ пять какъ бытъ въ параличѣ, безъ ногъ. У Евлампіи Ниловны, кромѣ сына, росли три дѣвочки, лѣтъ восьми—десяти.

Евлампія Ниловна отъ чаю покраснѣла еще больше и распахнула шаль. Лиза чѣмъ-то занялась въ углу, слышно было ея ворчанье, Серафима сидѣла противъ отца, блѣдная и тихая, какъ всегда.

— Да, надо сказать правду, надо,—журчала Евлампія Ниловна,—Леня одинъ наша надежда. Ужъ это я всѣмъ говорю и вамъ говорила,—да что-жъ, коли правда! Думали — совсѣмъ погибнемъ, какъ старикъ-то мой сѣлъ. Нюшѣ три года было. Ну, думаю, что-жъ, видно околѣвать. А тутъ Леня изъ Москвы пишетъ: потерпите, устрою васъ. И выслалъ кое-что, — вѣдь ухитрился! Я и рѣшила: какъ-нибудь перебьемся, потерпимъ. Знали вы нашу нужду, Родіонъ Яковлевичъ. Да вотъ Богъ послалъ. И какой онъ, Леня, счастливый у меня! Сейчасъ это пріѣхалъ, и сейчасъ ему мѣсто провизоромъ. И квартиру Карлъ Степанычъ далъ, потому что семья, отецъ больной. Ужъ такое-то подспорье эта квартира, такое-то подспорье... Не великое дѣло, конечно, двѣ комнаты...

— А куда ихъ больше?—угрюмо сказалъ Родіонъ Яковлевичъ.— Двѣ комнаты и мы живемъ.

— Ваше дѣло другое,—мягко возразила гостья.—Вамъ не надо больше, вонъ весь домъ вашъ, да не надо вамъ. А у меня семья, больной, Леня человѣкъ взрослый... Тѣсно, тѣсно, говорить нечего, да спасибо, хоть съ голоду не подохнемъ. Такой ужъ сынъ у меня удался. Счастливый онъ у меня.

Родіонъ Яковлевичъ все хмурился. Лиза наткнулась на стулъ, повалила его, сама едва не упала, испугалась и завыла. Серафима пошла къ ней. Гостья закачала головой.

— Сокрушаетъ васъ Лизочка-то,—проговорила она почти сладко.—Кому какой крестъ посланъ.

Родіону Яковлевичу это совсѣмъ не понравилось. Онъ поднялся и крикнулъ на Серафиму:

— Ну, что тамъ? Чего она?

Серафима не сразу отвѣтила:

— Ничего, папаша. Только блажитъ у насъ Лиза со вторника. Спать не уложишь. Боль у ней, что ли, какая, или такъ, передъ припадками. Сна совсѣмъ нѣтъ.

Угомонивъ Лизу, Серафима подошла къ отцу.

— Не взять ли ей тѣхъ капель, папаша?—спросила она тихонько.

— Какихъ еще?

— А помните, въ третьемъ годѣ, московскій докторъ прописалъ? Еще много давать не велѣлъ, мы понемногу давали, она спать стала. И припадки были тогда легче.

— Что-жъ, возьми. Записаны онѣ у тебя?

— Рецептъ есть. Евлампія Ниловна, можетъ, какъ домой пойдетъ—такъ захватитъ. Ихъ дѣлать еще надо. Къ вечеру Дарью пошлемъ.

— Давай, давай, милая, я захвачу,—съ готовностью согласилась Евлампія Ниловна.—Сразу его Ленѣ и отдамъ. Онъ у меня живо... Да что ты, Серафима Родіоновна, спѣсивишься, никогда меня, старуху, не навѣстишь? А вѣдь я тебя семилѣточкой видѣла, съ мамашей. Все я, да я хожу, а ты, словно графиня, дома сидишь.

— Мнѣ нельзя,—тихонько промолвила Серафима и опустила глаза.—Я съ Лизой. Да и не привыкла я.

— Что тамъ не привыкла! Была, вѣдь, у меня. Ну и нынче заходи, за каплями-то.

— Какіе гости по вечерамъ,—сказалъ Родіонъ Яковлевичъ.—Пустое. Развѣ что за дѣломъ.

— За дѣломъ, за дѣломъ!—подхватила Евлампія Ниловна.—Она дѣвушка не вертушка. Приходи же, папаша, вонъ, позволилъ. А я, милые, пойду теперь. Что-то еще дома у меня! Прощайте, прощайте. Прощай, Лизочка. Не видитъ! Кудахчетъ, словно курочка...

Гостья ушла. Передъ вечеромъ, еще не совсѣмъ смерклось, Родіонъ Яковлевичъ сказалъ:

— Не забыть-бы капли-то.

— Я пошлю Дарью, папаша,—тихонько молвила Серафима.

Глѣбовъ помолчалъ.

— Дарью... А тамъ написано, какъ ихъ брать-то? Не перепутать бы чего. Сходи сама, пожалуй. Да спроси тамъ, поскольку и что.

Серафима вспыхнула въ сумеркахъ и по внезапной своей радости поняла, что ей очень хотѣлось идти. Но она не сказала ни слова, только встала, зажгла лампочку, повѣсила ее надъ столомъ, потомъ прошла въ другую комнату одѣться. Лиза сидѣла на скамеечкѣ со сверткомъ изъ тряпокъ, который былъ для нея не то куклой, не то вообще игрушкой. Серафима стала одѣваться, торопясь, хватая не то, что нужно, точно боясь, что отецъ передумаетъ и не отпуститъ ее. Когда она, готовая, вышла изъ спальни, Родіонъ Яковлевичъ сидѣлъ въ углу подъ лампой, проглядывалъ большую шнуровую книгу и щелкалъ желтыми деревяшками счетовъ. Серафима подошла и поцѣловала у него руку. Отецъ едва поднялъ на нее глаза и молвилъ только:

— Скорѣй назадъ будь. Не засиживайся у этой... Она рада до полночи языкъ трепать.

V.

Аптека у нѣмца Карла Степаныча Ротъ была прекрасная, свѣтлая, на главной улицѣ города. За помѣщеніемъ аптеки, черезъ сѣни,—была квартирка провизора Леонтія Ильича Дунина съ семьей. Комнатки низкія, но довольно просторныя. Въ первой обѣдали, ужинали, больной старикъ сидѣлъ въ креслѣ; за перегородкой спалъ Леонтій Ильичъ. Во второй спала вся семья.

Серафима сидѣла въ „залѣ“ за столомъ, который стоялъ посереди комнаты, накрытый бѣлой скатертью, а надъ нимъ съ потолка висѣла лампа.

— Ты шляпку-то, шляпку сними, Фимочка,—убѣждала Евлампія Ниловна.—Что это, право, въ кои-то вѣки отпустятъ, и то не посидишь. Угостить-то хоть дай тебя чѣмъ нибудь.

— Нѣтъ ужъ, Евлампія Ниловна, мнѣ пора. Право, пора.

Серафима, однако, не вставала и все смотрѣла внизъ, на бѣлый кругъ скатерти, освѣщенной лампой.

Леонтій Ильичъ сидѣлъ тутъ же, чистенькій, красивый, милый, поблескивая добрыми синими глазами.

— Если бы не капельки, а порошки вамъ понадобились, Серафима Родіоновна,—говорилъ онъ,—такъ я бы вамъ славную коробочку выбралъ. У насъ есть очень красивыя. Прелестныя картинки. Да я и такъ вамъ присмотрю какую-нибудь, къ будущему разу. Пудры можно положить, мѣлу чистаго или еще чего...

— Спасибо вамъ,—почти шопотомъ благодарила Серафима.— А теперь мнѣ, право, пора...

Евлампія Ниловна съ видомъ сокрушенія покачала головой.

— Несчастная ты дѣвушка, погляжу я на тебя, Фима. Слава

Богу, не маленькая, а отца боишься, воли себѣ нисколько не берешь. Что это, въ самомъ дѣлѣ, къ добрымъ людямъ въ гости пришла и сидишь, какъ на иголкахъ.

— Я за каплями,—сказала Серафима.

Больной старикъ Дунинъ, дремавшій въ креслѣ, застоналъ.

Евлампія Ниловна вздохнула.

— Безпокоятъ его здѣсь. Ахъ, тѣснота, тѣснота у насъ! Дѣвочки мои къ теткѣ пошли, а то и повернуться негдѣ. Не свой братъ, бѣдность-то. Былъ и мой старикъ по торговой части, такъ же, скажемъ, какъ и Родіонъ Яковлевичъ. Да Родіонъ-то Яковлевичъ нынѣ первый у насъ купецъ по своей части,—только, вотъ, добра не на кого тратить, а моему другое опредѣленіе: сиди безъ ногъ, а семья съ голоду околѣвай...

— Что-жъ, мамаша,—робко вставилъ Леонтій Ильичъ, улыбаясь и поглаживая золотую бородку,—теперь что-жъ Бога гнѣвить. Теперь мы слава Богу...

— Слава Богу! Тобой однимъ и держимся. Ты у меня счастливый. Да велико ли у тебя жалованье на такую семью? Велико ли?

Серафима краснѣла, точно ее заставляли слушать то, чего ей слушать не слѣдовало, смущалась, наконецъ поднялась со стула, зажавъ крѣпко рукой въ черной фильдекосовой перчаткѣ сверточекъ съ каплями.

— Уходишь? Ахъ ты, сиротка бѣдная! Некому ни приласкать тебя, ни повеселить! Другая бы дѣвушка развѣ такъ жила, особенно если у родителя состояніе? А ты и слова не скажешь, все съ этой убогой-то вашей возишься. Крестъ Родіону Яковлевичу посланъ, а онъ на тебя его положилъ. Сладко что ли дѣвушкѣ вѣкъ свой на убогой погубить? Сидѣлку бы нанять—чего лучше...

Серафима торопливо сказала, волнуясь:

— Я не жалуюсь, Евлампія Ниловна. Лиза такая послѣ мамаши осталась. Кому-жъ ходить за ней, какъ не мнѣ? Она сама за собой не присмотритъ. А я не чужая.

— Да я ничего и не говорю. Такъ, пожалѣла тебя, что жизнь твоя невеселая. А развѣ Лизу-то не жаль? Каждый разъ смотрю и думаю: просто жалости достойно! Развѣ это человѣкъ? Безъ разума, безъ языка, вся больная. За чьи грѣхи она здѣсь на свѣтѣ мается? Прибралъ бы ее Господь, успокоилъ бы и васъ, и ее.

— Божья воля,— такъ же торопливо промолвила Серафима.— Папаша очень къ Лизѣ привязаны.

— Привязанъ не привязанъ, однако отецъ первый долженъ радоваться, если ее Богъ проститъ. Конечно, все Его воля... Ну,

прощай Фимочка. А ты о чемъ думаешь?—вдругъ обратилась она къ сыну.—Темно. Проводи барышню домой. Вѣдь свободенъ?

Леонтій Ильичъ стоялъ уже съ шапкой.

— Я и хотѣлъ, мамаша, просить позволенія у Серафимы Родіоновны проводить ихъ. Въ переулкахъ нынѣ фонарей не зажигаютъ.

Ночь была теплая, облачная, но свѣтлая,—за облаками стояла полная луна. Леонтій Ильичъ предложилъ Серафимѣ руку—она неловко оперлась на нее. Онъ былъ такой высокій, да она еще ни съ кѣмъ никогда и не ходила подъ руку. Доски тротуаровъ, обнаженныя, пахли сыростью и весной. Воздухъ, теплый и, отъ облаковъ на небѣ, не острый, опять ласкался къ лицу Серафимы, только теперь онъ былъ весь душистый, не одна свѣжесть и чистота въ немъ были, а предчувственный ароматъ земли, которая должна родить травы, обнаженныхъ деревьевъ, которыя должны родить почки и листья. По сторонамъ глухого переулка тянулись заборы, за ними, при сѣромъ свѣтѣ заоблачной луны, видны были эти, пока невинныя, нагія деревья, съ черными, тонкими, и уже совсѣмъ живыми вѣтвями.

— Такъ по двѣнадцати давать?—сказала Серафима дрожащимъ голосомъ.

Она говорила о капляхъ для Лизы. Ей хотѣлось сказать что-нибудь, и было все равно, чтó, все равно хорошо и нужно.

— По двѣнадцати. А то и по десяти. А больше двѣнадцати никакъ не совѣтую, Серафима Родіоновна.

— Что-жъ, развѣ ядовитыя?

— Яда нѣтъ, да вѣдь какъ для кого. Не знаю, предупреждалъ ли врачъ. Я по тому сужу, что вы говорили—у Лизаветы Родіоновны сердце слабое. Тогда положительно больше двѣнадцати давать не слѣдуетъ. Мы съ вами, можетъ, цѣлый пузырекъ выпьемъ—и ничего, а Лизавета Родіоновна, при ея организмѣ, отъ двадцати можетъ заснуть и не проснуться на утро. Я знаю, у насъ фармакологію строго проходили, и случаи намъ приводились. Врачъ васъ вѣрно предупреждалъ.

— Не помню... Да я мало давала. Ужасы какіе вы говорите. Можетъ, лучше вовсе не давать?

— Нѣтъ, нѣтъ. Спать хорошо станетъ. И не ядъ это какой-нибудь! Я такъ сказалъ, для осторожности, при слабомъ сердцѣ больше двѣнадцати не слѣдуетъ брать.

Они шли нѣсколько времени молча. Лѣвая рука Серафимы, лежавшая на рукѣ Леонтія Ильича, слегка вздрагивала и сердце около нея билось часто и радостно. Серафима уже забыла о капляхъ, ей опять хотѣлось сказать что-нибудь, но она не знала, что.

— А вы, Серафима Родіоновна, не огорчайтесь мамашиными словами,—началъ Леонтій Ильичъ другимъ, болѣе тихимъ, голосомъ.—Я, вѣдь, замѣтилъ, что вы разстроились. Мамаша—старый человѣкъ, намученный, ей простить надо, успокоить ее надо. Конечно, всякому о своей радости слѣдуетъ думать, вы же человѣкъ молодой, но, скажу вамъ по сердцу, очень мнѣ въ васъ эта покорность родителю нравится.

Онъ помолчалъ. Серафима не отвѣтила. Сердце билось все сильнѣй, такъ что почти выдержать было нельзя.

— Я и самъ прежде всего на свѣтѣ родителей уважаю и почитаю,—продолжалъ Леонтій Ильичъ.—Что-жъ, волю себѣ недолго взять, да вѣдь радости въ ней нѣту.

Онъ опять помолчалъ.

— Одно только: ужъ очень вы всегда печальная. И лицо у васъ такое печальное. У меня иной разъ... вы не сердитесь, Серафима Родіоновна,—а ей Богу сердце перевертывается, когда на васъ гляжу. Такой ужъ я есть, не могу печальнаго лица человѣческаго видѣть, особенно коль человѣкъ мнѣ милъ...

Серафима молчала, но и онъ теперь чувствовалъ, какъ дрожитъ ея рука. Они шли тише, нѣжный воздухъ еще ласковѣе, еще любовнѣе приникалъ къ ея лицу.

Фонарь блеснулъ у самой калитки дома. Леонтій Ильичъ остановился, тихонько снялъ руку Серафимы со своей, но не отпустилъ, а слабо сжалъ ея пальцы, похолодѣвшіе въ старенькихъ фильдекосовыхъ перчаткахъ.

— Я къ вамъ всей душой, всѣмъ сердцемъ, Серафима Родіоновна,—сказалъ онъ ей.—Я весь тутъ, какой есть. Я лгать не стану. Я васъ, ей-Богу, такъ полюбилъ... Вы ужъ не сердитесь, коли что. Я вѣдь не знаю. Вы...

— Я-то?

Серафима только и сказала и подняла на него глаза. При дрожаніи фонаря онъ увидѣлъ эти глаза, такіе хорошіе, такіе влюбленные и безпомощные,—и не сталъ больше ничего говорить. Онъ наклонился и робко, едва касаясь губами, поцѣловалъ ее въ лобъ.

Потомъ повернулся и пошелъ назадъ, а Серафима толкнула калитку, которая безшумно отворилась и безшумно заперлась за нею.

Дома Лиза еще не спала. Отецъ говорилъ что-то сурово, что она опоздала, что самоваръ не убранъ, — Серафима не отвѣтила, она слушала и не совсѣмъ хорошо слышала, думала о томъ, что изъ темноты свѣтъ лампы рѣжетъ ей глаза и больно смотрѣть. Молча, проворно и привычно дѣлала она все, что надо, убрала со стола, раздѣла Лизу, осторожно накапала ей капель,

которыя принесла. Лиза любила лекарства и охотно выпила капли. Въ постели начала было буянить, но вдругъ затихла и заснула. Серафима поцѣловала руку у отца, ушла къ себѣ и притворила дверь. Хотѣла было раздѣваться, да не стала, а присѣла на скамеечку у широкой постели и такъ сидѣла, не двигаясь. Лампадка горѣла у кіота, въ головахъ постели, тѣни шевелились на подушкахъ и на Лизиномъ лицѣ. Лиза спала, и лицо у нея было опять спокойное, прекрасное и невинное.

У Серафимы до сихъ поръ не было ни одной ясной мысли, волна радости точно закрыла ее всю; но теперь, въ тишинѣ, ей стало спокойнѣе. Она совсѣмъ просто подумала, простыми словами то, что никогда раньше не думала:

„Вотъ, замужъ за него пойду“.

И эта мысль не казалась ей ни непривычной, ни стыдливой, ни страшной. Другія какія-нибудь слова не приходили ей въ голову, да и почему другія? Въ этихъ для нея понятно уложилась вся радость:

„Вотъ, замужъ за него пойду“.

Какъ это будетъ, какъ устроится, она не думала. Просто— „замужъ пойду“, вмѣсто: „люблю“.

Потомъ ей захотѣлось помолиться. Она встала на колѣни у постели и подняла глаза на кіотъ. Тамъ по серединѣ, за лампаднымъ свѣтомъ, стоялъ образъ Спаса, большой, благословеніе матери. Въ золотой ризѣ съ каменьями, весь яркій, розоволикій, ясноокій, съ благостными, молодыми, синими глазами. Слѣва, угломъ, былъ другой образъ Спасителя, но древній, отъ серебряной ризы ликъ его казался еще чернѣе, Серафима видѣла только темное пятно,—да бѣлыя точки глазъ. Но она и смотрѣла на него рѣдко, потому что онъ былъ сбоку, она всегда молилась тому, материнскому.

Своими словами Серафима не умѣла молиться. Невольно ей пришли на память заученныя слова, и она стала шептать:

— Господи, Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми...

Но потомъ она остановилась и не кончила молитву. Не входили въ сердце слова и не давали утоленія радости. „Духъ праздности“... Въ ней и не было духа праздности. „Унынія“. Какое же уныніе, когда радость? „Любоначалія, празднословія“... Не для Серафимы были эти слова, и она невольно остановилась. А для счастья своего она не знала словъ, которыя могла бы сказать Христу. И она просто смотрѣла на ясноокій ликъ.

— Господи, Господи!

Христосъ казался ей знакомымъ, знакомымъ, милымъ, драгоцѣннымъ, златокудрый, съ синими, добрыми глазами. Она такъ

долго смотрѣла ему въ лицо, что уже забыла почти, что это—Христосъ. Ея любовь была въ немъ, была—онъ.

И ни грѣха, ни смущенія въ душѣ оттого, что Христосъ—такой знакомый, такой похожій... Только усталость отъ счастья.

Лампадныя тѣни бродили по подушкамъ. Лиза спала, красивая, тихая. Серафима подумала, что ей хочется плакать—но слезы не текли. Она встала, быстро раздѣлась, легла рядомъ съ Лизой и сейчасъ же заснула.

VI.

Прошло нѣсколько дней, потомъ недѣль. Въ воскресенье Серафима, какъ всегда, пошла къ обѣдни. Въ церкви она молилась не по домашнему, а по привычному, крестилась, кланялась. Теперь она, входя, постаралась забыть свою радость, которая здѣсь казалась ей „грѣховной". Въ церкви это былъ грѣхъ, въ церкви все грѣхъ, да и все иное было въ церкви для Серафимы, чѣмъ дома. И свѣтъ иной, и лампады, и ликъ Христа—не тотъ. Обѣдню она выстояла, какъ прежде выстаивала, потому что такъ надо. Впрочемъ ей было немного скучнѣе и тяжеле.

Подходя къ дому, Серафима вдругъ почувствовала себя нехорошо, точно отъ злого предчувствія. Но это было только мгновенье. Радость сейчасъ же вернулась. А когда Серафима вошла въ комнату—радость перешла въ ужасное счастье и волненье: за столомъ, противъ отца, сидѣла Евлампія Ниловна, принаряженная по праздничному, а сбоку, на стулѣ, съ шапкой въ рукахъ—Леонтій Ильичъ. Раньше онъ никогда не бывалъ у Родіона Яковлевича, и Серафима поняла, что рѣшается ея судьба.

— Вотъ и Серафима,—произнесъ Родіонъ Яковлевичъ непривычно весело и громко.—Раздѣвайся живѣй,—видишь гости. Евлампія Ниловна и сынка мнѣ своего для знакомства привела. Попотчуй гостей-то. Я и самъ послѣ обѣдни чаю еще не пилъ.

Серафима хотѣла выйти, но въ эту минуту Дарья уже внесла самоваръ.

— Ты, Дарья, погуляй съ Лизой по двору,—продолжалъ Родіонъ Яковлевичъ мягко.—Одѣнь ее, Серафима. А сама останься, посиди въ нашей компаніи. Мы ужъ тутъ, признаться, разные разговоры разговаривали, да все не по сурьезному.

Лизу увели. Серафима сняла шляпку и присѣла тихо, поодаль, не поднимая глазъ.

Евлампія Ниловна казалась не то сердитой, не то смущенной; красная, она сжимала губы и обдергивала платье.

— Никакихъ у насъ особенныхъ разговоровъ не было,—сказала она.—А почему не поговорить. На то и въ гости люди ходятъ, чтобъ не молчать.

*

— Это какъ въ какой часъ,—вымолвилъ Родіонъ Яковлевичъ, и теперь въ голосѣ его была обычная суровость.—Надо—поговоримъ, не надо—помолчимъ. Такъ-то, гости дорогіе.

Евлампія Ниловна еще сердитѣе сжала губы. Потомъ произнесла:

— А вотъ Серафима-то у васъ вѣчная молчальница. Эдакъ дѣвушкѣ не весело.

Родіонъ Яковлевичъ глянулъ изъ-подъ бровей.

— Слышалъ я ужъ это сейчасъ отъ васъ. Не весело ей. А какое ей веселье? Чему радоваться? Кого тѣшить? Серафимѣ не замужъ идти.

Прошла минута тишины. Только самоваръ шумѣлъ. Заговорила Евлампія Ниловна:

— А почему-жъ и замужъ не идти? Всякая дѣвушка на свою судьбу надѣется.

— Потому не идти, что Серафимина судьба иная. У нея сирота на рукахъ, убогая. Ей о себѣ думать не показано. Да и что даромъ говорить? Она ужъ не молоденькая. И молоденькая была бы—для безприданницъ жениховъ-то нынче не припасено.

Онъ опять глянулъ изъ-подъ бровей. Евлампія Ниловна даже подскочила.

— Серафима-то у васъ безприданница? Вотъ оно какъ! А только что пустыя слова говорить, Родіонъ Яковлевичъ, слава Богу, на людяхъ живемъ. Люди-то за это осуждаютъ.

— Мнѣ люди не указъ. А слова мои не пустыя, а крѣпкія. Въ карманѣ у меня никто не считалъ, да коли и считали—такъ то мое, и воля моя, и разсужденіе мое. Случая не было—и воля моя неизвѣстна никому была, а нынче къ слову пришлось—такъ таить мнѣ нечего. Вотъ и Серафима пускай послушаетъ.

Евлампія Ниловна не нашлась отвѣтить. Леонтій Ильичъ и Серафима сидѣли, опустивъ глаза.

— Вотъ какъ я положилъ на счетъ дочерей моихъ,—медленно началъ Родіонъ Яковлевичъ.—Извините, гости дорогіе, коль поскучаете,—вставилъ онъ вдругъ ласково,—ужъ къ слову пришлось. Да. Состояніе у меня, слава Богу, есть, не великое, и не малое, и все оно, по смерти моей, отказано мною дочери Елизаветѣ. Опекуны тоже назначены, надежные,—по болѣзни, по ея. Дочери же Серафимѣ, пока она живетъ съ сестрою, какъ жила, въ бракъ не вступая, назначено содержаніе, сколько для жизни требуется. Она у меня къ лишнему не пріучена, да лишняго и не надо, и такъ въ довольствѣ будетъ при сестрѣ. Оговорено же у меня: если Серафима въ бракъ послѣ моей смерти захочетъ вступить, или сестру на чужое попеченіе отдать, въ ле-

чебницу тамъ, что ли, обязанностями своими тяготясь—то пенсіона она своего лишается.

Родіонъ Яковлевичъ пріостановился. Опять только самоваръ шумѣлъ, и то тише, потому что гасъ. Евлампія Ниловна, задыхаясь, спросила:

— А въ случаѣ, если Елизавета раньше сестры умретъ? Все же Серафимѣ все послѣ нея достанется.

— Къ людямъ вѣры не имѣю,—строго сказалъ Родіонъ Яковлевичъ.—Злы люди, нѣтъ въ нихъ любви, а тѣмъ паче къ убогому, который защитить себя какъ—не знаетъ. О Лизаветѣ, кромѣ отца родного, никто не позаботится. А умретъ отецъ, останется она беззащитная, съ состояніемъ,—соблазнъ людямъ. Серафима не зла, да проста, коли будетъ послѣ сестры наслѣдницей—обойдутъ ее люди, наговорятъ, что, вотъ, молъ, одна помѣха дѣлу—сестра убогая, бѣльмо на глазу... Житье ли тогда Лизаветѣ? Нѣтъ, тутъ разумѣніе справедливости надо. И такъ у меня оговорено, что буде Лизавета и умретъ—сестра ей не наслѣдница. Содержаніе свое малое сохранитъ до конца дней, въ монастырь захочетъ — единовременный вкладъ сдѣлаетъ — много ли надо? А Лизино состояніе пусть тогда на вѣчный поминъ нашихъ душъ въ Сергіевскій приходъ пойдетъ.

Евлампія Ниловна хотѣла что-то сказать и не могла, только глядѣла широко раскрытыми глазами на старика.

— Что-жъ... что-жъ это?—вымолвила она, наконецъ.—Да это законовъ такихъ нѣтъ... Это... за что-жъ вы такъ дочь-то свою родную обидѣли?

— По закону моя воля наградить дочерей, какъ хочу,—твердо сказалъ Родіонъ Яковлевичъ.—А обиды тутъ нѣтъ. Я разумомъ до правды дошелъ. Серафима—плоть отъ плоти моей, я ей отецъ и наставникъ, я ее на истинномъ пути долженъ хранить. Я Господу за нее отвѣчаю. Путь ея ясенъ, какъ потрудиться въ жизни. И до тридцати лѣтъ она съ покорностью волю Божью совершала, и безъ соблазновъ пустыхъ прожила. Будетъ соблазнъ—отецъ долженъ охранить ее по своему разумѣнію.

Серафима ничего не поняла. Она и слушала, какъ сквозь сонъ. Она только знала, что пришло какое-то неотвратимое несчастье, всему конецъ, и ей конецъ.

Евлампія Ниловна притихла и спросила уже несмѣло:

— Значитъ ваша такая воля, чтобъ Серафимѣ замужъ не идти?

— Ежели бы она теперь вздумала и на долгъ свой возстала, я силкомъ держать не стану. Да случая такого не вижу, потому что тогда ей ничего отъ меня не будетъ, а кому нынѣ жена-нахлѣбница не тяжела?

— А если бы,—продолжала Евлампія Ниловна, вдругъ осмѣлѣвъ,—скажемъ, Лизавета еще при вашей жизни умерла? Все въ Божьей волѣ. Ужели и тогда Серафиму обидѣли-бы?

Леонтій Ильичъ всталъ и отошелъ къ печкѣ, не слушая.

Родіонъ Яковлевичъ прикрылъ глаза рукой, помолчалъ и сказалъ тихо:

— Что говорить? Его, Его воля. Захочетъ—иной трудъ укажетъ Серафимѣ. Нѣтъ ей отъ меня обиды, и не будетъ. Оставитъ мнѣ Господь одну Серафиму—увижу указаніе отъ Него, не возропщу. Все ея тогда, не для кого хранить. Я только волю Господа исполняю, по моему слабому разумѣнію.

Наступила новое, долгое молчаніе. Самоваръ совсѣмъ потухъ. Леонтій Ильичъ такъ и не сказалъ ни слова.

— Что-жъ, гости дорогіе, чайку?—вдругъ ласково и громко произнесъ Родіонъ Яковлевичъ.—Угощай, Серафима. Извините, заговорилъ я тутъ васъ семейными дѣлами. Оно бы и не слѣдовало, да къ слову пришлось. Простите старика.

Серафима поднялась.

— Кушайте, пожалуйста,—сказала она едва слышнымъ, ровнымъ, точно не своимъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, намъ пора. И то засидѣлись. И пора-то прошла. Собирайся, Леонтій. Спасибо на угощеніи, Родіонъ Яковлевичъ. Некогда намъ. Разговоръ разговоромъ, а дѣло дѣломъ. Насъ извините, Христа ради. Не можемъ.

—Ну, какъ угодно. Жаль очень. Въ другой разъ когда-нибудь милости просимъ. Проводи, Серафима, въ сѣняхъ темно, кадка тамъ стоитъ. Прощайте, благодаримъ покорно.

Серафима, какъ была, въ платьѣ, съ открытой головой, вышла за Дуниными въ сѣни и на дворъ.

Евлампія Ниловна обернулась къ ней, лицо у нея было все красное, точно изъ бани, сердитое и взволнованное.

— Ну, прощай, прощай, Фимуша. Иди. Покорно благодаримъ папеньку твоего на угощеніи, на добромъ словѣ. Вотъ она жестокосердость-то родительская! Старая-то вѣра гдѣ сказывается. Такіе родители отвѣтятъ Богу, отвѣтятъ! Эхъ ты, моя безталанная, страдалица, за чужіе грѣхи отвѣтчица! И жалко тебя, да помочь нечѣмъ. Коль не образумитъ Господь отца,— пропала твоя доля, Фимочка!

Онѣ утерла навернувшіяся злобно-жалобныя слезы и поцѣловала Серафиму.

— Пойдемъ, Леонтій.

— Я... завтра...—начала Серафима.

Евлампія Ниловна ушла впередъ, но Леонтій Ильичъ услы-

халъ тихія слова Серафимы, понялъ, что она хочетъ сказать: „я завтра приду“, взялъ ее за руку и молвилъ:

— Приходите, Серафима Родіоновна, потолкуемъ. Можетъ, что и придумаемъ. И простите вы меня, несчастнаго, Христа ради.

Серафима вернулась въ горницу и хотѣла пройти мимо отца, который сидѣлъ теперь за книгой. Онъ остановилъ ее.

— Смотри ты, тихоня! Въ голову себѣ не забирай. Не видишь, что ли, какъ люди къ чужимъ деньгамъ подбираются. Оно сладко. Дѣвка до сѣдыхъ волосъ дожила, а уши развѣшиваетъ. Разумъ-то собери, да о долгѣ о своемъ думай.

Серафима не отвѣтила, только взглянула изподлобья, тѣмъ же недобрымъ взоромъ, какой былъ и у отца.

— Чего глядишь? Эй, смири себя! О трудѣ своемъ тебѣ думать, Богу молиться, грѣхи замаливать...

— Чужіе грѣхи ..—сквозь зубы произнесла Серафима.

Отецъ поднялся со стула и крикнулъ съ изумленіемъ:

— Что? Что ты сказала?..

Но Серафима уже скользнула вонъ, въ другую комнату, и тихонько притворила за собою дверь.

VII.

На другой день Серафима ходила къ Дунинымъ въ аптеку. У Лизы съ утра начались припадки, къ вечеру она утихла, но Серафима все равно бы пошла, и даже отца не подумала спроситься. Его, впрочемъ, и дома не было.

Леонтій Ильичъ встрѣтилъ Серафиму по дорогѣ, видно поджидалъ ее, и сразу сталъ говорить тѣ самыя слова, которыхъ Серафима отъ него и ждала: горько жаловался на судьбу, на то, что ихъ разлучаютъ, что не дается счастіе.

— Нѣтъ мнѣ ни покоя, ни радости безъ васъ, Серафима Родіоновна. А только посудите сами: какъ мы противъ родителей пойдемъ? Все равно не будетъ счастья. И осуждать вашего родителя не хочу, хоть и кажется мнѣ, что неправильныя у него мысли. Пойти наперекоръ—что жъ, я васъ люблю, мнѣ тяжко смириться, я бы радъ не смиряться,—да какъ жить? Сами знаете, бѣдность у насъ, отецъ больной, сестры-дѣвочки мной держатся, а вѣдь я ужъ тогда долженъ ихъ оставить помощью... Вотъ какое дѣло.

Серафима и не думала, что можно пойти наперекоръ. Про себя ничего не думала, а про него знала, что ему нельзя. Она и сама не понимала, на что надѣялась, когда шла къ Дунинымъ, и зачѣмъ хотѣла видѣть Леонтія Ильича. Когда онъ сталъ го-

ворить ей, что единственное средство—это, чтобъ она попробовала упросить отца,—она молчала, но и тутъ ей не было надежды, она знала, что отецъ не перемѣнитъ рѣшенія, до котораго однажды „дошелъ разумомъ".

— Намъ вѣдь не богатство какое-нибудь нужно, намъ такъ, не много, чтобъ ѣсть что было, чтобъ у моихъ-то не отнимать,—говорилъ Леонтій Ильичъ. — Попросите, Серафима Родіоновна, можетъ онъ и смягчится. У отца да не выпросить! Вѣдь не каменное же у него сердце. Попросите, а? Ужъ я буду въ надеждѣ.

Доброе лицо Леонтія Ильича, такое сначала грустное, теперь опять улыбалось; онъ такъ радъ былъ вѣрить, что все еще можетъ устроиться, тихо, мирно. Безобидная душа его, отвращалась отъ возможности страданія, какъ отъ чего-то страннаго, неестественнаго.

Потомъ они пошли къ Евлампіи Ниловнѣ. Тамъ тоже не было ничего неожиданнаго для Серафимы. Только Евлампія Ниловна кляла и ругала на чемъ свѣтъ стоитъ Родіона Яковлевича и всплакнула надъ судьбой Серафимы. Къ тому, что Серафима будетъ говорить съ отцомъ — отнеслась безъ восторга, хотя и сказала:

— Почему-жъ не поговорить? Попытайся. Да врядъ ли толкъ будетъ. Нѣтъ ужъ, Фимочка, видно такъ Богу угодно. Не судьба моему Леонтію...

Въ это время Леонтія Ильича кликнули въ аптеку. Уходя, онъ пожалъ руку Серафимѣ, поглядѣлъ на нее ласковыми, синими глазами и опять шепнулъ:

— Такъ поговорите? Ужъ я буду въ надеждѣ...

Опять Серафима сидѣла за столомъ съ висячей лампой, молчала, упрямо глядя внизъ, а Евлампія Ниловна изливалась въ безконечныхъ жалобахъ и совѣтахъ.

— Ты ему отлей, отлей свои слезки, Серафима! Ты ему выскажи. Покориться покорись—а выскажи. Ишь ты, добренькій! Все, говоритъ, ея будетъ, коли Лизавета прежде меня умретъ! Да жди, умретъ она! Такія то и живучи. И гдѣ она больная, дѣвка кровь съ молокомъ, сильная, только что разума ни крошки, хуже, прости Господи, чѣмъ у пса или у какой иной твари. У эдакихъ-то и души нѣтъ. Ходи — не ходи,—за нее Богу не отвѣтишь. Больная! Всѣхъ насъ переживетъ!

— У нея припадки теперь,— сказала Серафима. — Очень мучается.

— Мучается, да не къ смерти. А тоже поглядѣть, — и зачѣмъ мучается? И самой, и другимъ терзаніе. Богу молиться надо, денно и нощно, чтобъ прибралъ ее Господь, простилъ на

ней родительскіе грѣхи. А ты-то какъ бы вздохнула! Зажили бы вы съ Леней, мы бы на васъ радовались...

Серафима поднялась и стала прощаться. Евлампія Ниловна вышла ее проводить въ сѣни.

— Молись, молись Богу, дѣвушка, о своемъ счастьи, чтобъ развязались у тебя руки. Припадки, говоришь, у Лизаветы? Что-жъ, капельки-то эти даешь, что Леня тебѣ готовилъ? Покойнѣе она отъ нихъ?

— Даю. Ничего, помогаютъ.

— То-то, давай, давай. Крѣпче спать будетъ.

— У нея сердце слабое, не каждый день даю.

— Какое тамъ слабое! Взгляни-ка на нее,—бѣлая, румянецъ во всю щеку, да и рослая какая! Кто это тебѣ наговорилъ? Онѣ, капли-то, невредныя, мнѣ Леня сказывалъ — хоть два пузырька выпей. Успокоительныя. Ты побольше ей давай, не бойся. По двадцати тамъ, или по двадцати пяти. Поспитъ и успокоится. Ей же легче. Прощай, голубка, Христосъ съ тобою. Ты ужъ не ходи къ намъ пока, хуже бы отецъ не разсердился. А тамъ видно будетъ. Прощай.

VIII.

Серафима точно просыпалась. Ни прежней равнодушной покорности, ни привычнаго страха передъ отцомъ у нея больше не было. Радость ея еще была робкая, смутная, но озлобленіе дало ей твердыя, опредѣленныя мысли и слова. Впрочемъ, эти слова она говорила только себѣ. Она понимала, что съ отцомъ спорить безумно и ненужно. Все равно, ничего не будетъ.

„Камень на шею навязали... камень .. камень...“—думала она, съ ненавистью глядя на Лизу. Одѣвала, раздѣвала, укладывала она ее теперь почти грубо, съ жестокостью, которая пугала даже ничего не понимавшую дѣвочку.

Припадки были тяжелые. Серафима едва сдерживала корчившіеся члены, подкладывала подушки и опять думала:

„Мучается. И сама мучается, и другихъ мучаетъ. Развязалъ бы ее и меня Господь. Ну кому она нужна? На что живетъ?“

Вечеромъ, Серафима, усталая, сама больная, стала капать въ рюмочку капли, но рука дрожала, она влила сразу слишкомъ много,—и съ сердцемъ выплеснула въ умывальникъ, чтобы снова накапать.

Когда Лиза уснула,—она вспомнила, какъ выплеснула лекарство и задумалась. Вотъ и Евлампія Ниловна ей про капли говорила. Неправда, конечно, что Лизѣ капли не вредны, Леонтій Ильичъ лучше знаетъ. Можетъ, и ничего не было бы, кабы она

тогда въ тазъ не вылила, а можетъ Лиза такъ бы и не проснулась. Ну, и не проснулась бы. И не мучилась бы ужъ больше. А у нея сердце слабое, сказали бы — отъ припадковъ умерла. Это тоже бываетъ, докторъ говорилъ. На Лизѣ грѣховъ нѣтъ; за что же ей здѣсь мучиться?

Серафима встала, взяла бутылочку съ каплями, открыла, понюхала: пахло горьковато. Повертѣла рецептъ: нигдѣ не написано, что ядъ.

„За такую Богу не отвѣчать", вспомнились ей слова Евлампіи Ниловны.

Серафима глянула на кіотъ: отсюда ей виденъ былъ только старый, черный образъ въ серебряной ризѣ, съ бѣлыми глазами. Строгій ликъ походилъ, или Серафимѣ казалось, что онъ походитъ—на отца; и у нея опять поднялось озлобленіе. Такіе же, или вродѣ этихъ, образа и въ церкви. Помни долгъ свой, да трудись, да въ грѣхахъ кайся. Какіе грѣхи? За то отвѣчать, что Лизѣ не мучаться, и ей самой не мучаться? Коли такъ—и пусть грѣхъ, и не страшно грѣха. Только мученье одно страшно.

„Завтра на ночь и дамъ ей капли", рѣшила Серафима. „Тридцать дамъ, или сорокъ, а тамъ пусть что будетъ".

Опять послѣ того на нее нашелъ туманъ, и цѣлый день она ходила, какъ мертвая, а вечеромъ совсѣмъ не дала Лизѣ капель. И въ слѣдующій день не дала, и такъ шли дни. На шестой недѣлѣ отецъ выѣхалъ въ Москву ненадолго. Передъ отъѣздомъ постучалъ пальцами о столъ и сказалъ Серафимѣ строго:

— Смотри! У меня отъ Лизы ни на шагъ не отлучаться. Ты отвѣчаешь.

Серафима вспыхнула.

— Да она больная, папаша. Какъ мнѣ за нее отвѣчать? Я не докторъ.

— Не дерзи, дура! Не про то говорю. Говорю, чтобъ ты изъ дома ни на шагъ. Шляться никуда не смѣй, слышишь?

Прежде отецъ никогда такъ грубо не говорилъ съ Серафимой. Она не отвѣчала, но въ сердцѣ опять вспыхнуло озлобленіе, и туманъ слетѣлъ съ души.

„Недолго вамъ надо мной измываться", подумала она, провожая его до калитки. „Возьму свое. И Богъ не осудитъ. Комаръ сядетъ на щеку—комара давимъ. А въ Лизѣ развѣ душа? Разума нѣтъ — и души нѣтъ. Плоть одна поганая".

Серафима въ одномъ платьѣ, съ открытой головой, пошла по двору. Такъ же шла она отъ калитки домой и въ тотъ разъ, на первой недѣлѣ, когда возвратилась съ ефимоновъ, и еще Леонтій Ильичъ ей встрѣтился. Тогда лежалъ снѣгъ, кругомъ

было чисто и тихо, въ небесахъ—свѣтло и торжественно, а въ душѣ была радость. Она думала, что радуется свѣтлому празднику, и боялась, что радость—грѣхъ. Но теперь она знала, что радость—не грѣхъ, а страданіе—грѣхъ, и не хотѣла страданія.

По небу плыли сѣрыя весеннія тучи. Снѣгъ сошелъ, и ужъ подсыхало. У стѣнки, на солнцѣ, выросла малая, блѣдная былинка. Серафима присѣла на приступочку, недалеко отъ палисадника, и сгорбилась, согнулась отъ душевной боли. Но и теперь кругомъ была чистота и тишина. У небесъ, у травки подъ стѣной—нѣтъ разума...

„Значитъ и души нѣтъ“, подумала Серафима, и самой ей показалось это страннымъ.

Глубоко, на самомъ днѣ души—у Серафимы все-таки была радость, та же самая, потому что и любовь была; только страданіе ее затянуло, какъ грозовая туча затягиваетъ небо.

„Придавило меня... Господи! Господи! Нѣтъ у меня разумѣнія, ничего я не знаю, не словами молюсь,—болью моей молюсь, и гдѣ Ты, Господи,—не знаю, и Тебя ли люблю—не знаю, прости Ты меня, научи Ты меня, сними Ты съ меня... Только любовь мою не отдамъ, радость мою не бери, Господи“...

Серафима тихонько заплакала, слезъ было мало, и не утолили онѣ души. По небу все такъ же скользили сѣрыя, легкія облака. Гдѣ-то колоколъ звонилъ, рѣдкій, мѣрный, тонкій. Точно скудныя слезы капали. Серафима прислушалась.

„А вотъ на Пасхѣ веселый звонъ будетъ“, подумала она безотчетно.

Встала было, хотѣла идти домой, да опять заплакала, увидѣла травку подъ стѣной, наклонилась,—и не сорвала ея, пожалѣла, только дотронулась рукой до нѣжной ниточки, до стебелька.

„Нѣтъ души—а радуется“...

— Барышня, вы здѣсь?—крикнула съ порога Дарья.—Пожалуйте-ка сюда.

Въ низкихъ горницахъ было ужъ темно. Зажгли лампочку; пахло душнымъ тепломъ, полотенцами, постнымъ кушаньемъ и керосиномъ. Лиза мычала въ углу. Потянулся долгій, долгій одинокій вечеръ, съ одинокой, молчаливой мукой. Серафима растворила двери и ходила изъ одной горницы въ другую, а въ сердцѣ у нея счастье рвалось изъ-подъ навалившагося душнаго и злобнаго страданія.

Лиза мычала въ углу. Серафима думала:

„Вотъ кто меня душитъ. Навалилась на меня. Придавила, какъ плита могильная. Неужели пропадать моей радости изъ-за нея? Ни разума—ни души“...

И опять ходила, и опять рвалось въ ней сердце.

— Пойдемъ спать,—сказала она вдругъ Лизѣ и взяла ее крѣпко за руку.

Лиза было замычала испуганно, однако пошла, волоча ноги. Серафима оправила постель—лампадка уже горѣла передъ кіотомъ—и стала раздѣвать Лизу, срывая съ нея платье, чулки и юбки, и говорила громко, съ ней или съ собой—она не знала.

— Чего мычишь? Больно? Ладно, потерпи. Ты тварь безсловесная. Камень придорожный. Понимаешь? Ты жерновъ мнѣ на шеѣ. Въ тебѣ и пара нѣтъ, не только что души. За тебя Богу не отвѣчать.

Лиза безсмысленно глядѣла на сестру и мычала, размахивая руками. А Серафима не могла не говорить. Сердце у нея въ груди росло, росло и, казалось, этого и выдержать нельзя.

— Вотъ, лекарства тебѣ дамъ, хочешь лекарствица? Уснешь крѣпко, и не будетъ больно. Хорошія капельки, много дамъ. Будешь разумная, веселая, мамашу увидишь. Ну, что глядишь? Ты мнѣ спасибо скажи.

Серафима засмѣялась. Лиза, глядя на нее, тоже засмѣялась. Она смѣялась не громко, но дико.

— Моя воля, что хочу съ тобой, то и сдѣлаю. И не боюсь никого. Хорошо тамъ, Лиза: ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная. На панихидахъ такъ поютъ. И надъ мамашей пѣли. И надъ тобой будутъ. Ну, чего вылѣзаешь изъ-подъ одѣяла? Лежи. Постой, я тебѣ сейчасъ лекарствица..

Серафима рѣзко отворила дверцу шкапа, торопясь вынула бутылочку съ каплями, рюмочку, отсчитала двадцать, потомъ еще десять, потомъ еще подлила не считая, добавила воды изъ графина и подошла къ постели. Руки у нея такъ дрожали, что мутная жидкость колыхалась и билась о стеклянныя стѣнки.

— Ну вотъ, Лиза. Вотъ теперь выпей. Только надо скоро-скоро, сразу. А то мамашу не увидишь. Постой, погоди, сейчасъ.

Серафима встала на колѣни передъ постелью. Лиза потянулась къ рюмочкѣ.

— Постой. Мы Богу помолимся. Такъ нельзя, я такъ не хочу. Я не ради зла какого-нибудь, а ради любви моей. Господи! Я ради...

Она подняла глаза. Сверху смотрѣлъ на нее, изъ-за лампаднаго огня, свѣтлый ликъ, веселый и грустный, такой знакомый, такой похожій—и такой весь иной. Синіе, добрые глаза были ласковы, но точно спрашивали:

„Ради Меня ли?..“

Серафима остановилась. Еще разъ хотѣла повторить, хотя бы мысленно, „ради любви...“ и не смогла. То, что поднималось изъ сердца все время,—вдругъ поднялось до конца, перешло,

перелилось, вырвалось вонъ,—и Серафима кинулась лицомъ въ постель, бросивъ рюмку на полъ. Рюмка упала и разбилась. У Серафимы слезы потекли неистовыя, съ крикомъ, и Лиза, которая не могла видѣть слезъ, тоже заплакала, закричала и потянулась голыми, тонкими, еще дѣтскими руками къ Серафимѣ.

— Лиза... Лиза... Травка моя неразумная... Развѣ я ради любви хотѣла? Развѣ можно тебя... ради любви? Ради любви—любить, хранить тебя. Плоть, говорила, неразумная, поганая. Прости, Лиза. Не оттого, что грѣхъ—не могу, а оттого, что любовь во мнѣ—не могу.

Серафима плакала все тише, не отнимая отъ своей шеи нѣжныхъ Лизиныхъ рукъ. И Лиза успокоилась понемногу, и такъ и заснула, и сейчасъ же стала красивой и тихой, какъ весенніе снѣга и свѣтлое небо надъ ними. А Серафима до утра не спала, все лежала, не шевелясь, одѣтая и слушала, какъ сердце у нея успокаивается, бьется ровнѣе и крѣпче. Туча боли растаяла. И мысли опять дѣлались ясными и очень простыми.

„Развѣ я для любви моей убить хотѣла?—думала она.—Вѣдь любовь мою никто у меня не отнималъ. Любовь моя всегда при мнѣ. Я чтобъ замужъ за него пойти, чтобъ деньги... вотъ для чего. Души нѣтъ... а какъ мы знаемъ? Въ травинкѣ, вонъ, нѣтъ души, а развѣ она плоть поганая? Въ ней моя радость. И въ Лизѣ—радость. Это я мою радость убить хотѣла, чтобъ замужъ пойти.

Горьковатый запахъ отъ пролитаго лѣкарства подымался съ полу и мѣнялся, смѣшавшись съ запахомъ лампаднаго масла.

— Ну и не пойду замужъ,—думала Серафима, засыпая и вся отдыхая.—А радость моя при мнѣ. Въ радости моей страха нѣтъ, и печали не боюсь. Мамаша говорила... печалью и радость дорога... Господи...

Уже не туча, а легкое облако накрыло ее и она заснула.

IX.

„Тѣло Христово примите...“

Серафима сошла со ступеней амвона и стала, гдѣ раньше стояла, у лѣваго крылоса. Былъ четвергъ, на Страстной. Серафима отговѣла и причастилась. Солнце падало на церковный полъ узкими, пыльными, веселыми полосами. Вся церковь казалась золотой и воздухъ былъ густъ и свѣтелъ, какъ дорогой желтый камень.

Радостные причастные напѣвы дрожали въ сводахъ; радость о томъ, что всѣ чисты, всѣ оказались достойны, для всѣхъ—благодать. Нѣтъ грѣха, негдѣ быть ему, потому что здѣсь всѣ чисты.

Когда служба кончилась, Серафима надѣла кофточку на свое бѣлое, можетъ быть слишкомъ пышное, парадное платье и направилась къ выходу. Но въ самой парадности ея одежды было что-то трогательно-торжественное, та же непривычность, особенность—какъ и въ причастіи.

Яркость весенняго, уже почти лѣтняго солнца на паперти была нестерпима. Серафима остановилась на ступеняхъ. Въ эту минуту ее догналъ Леонтій Ильичъ, который тоже стоялъ въ церкви, но къ Серафимѣ тамъ не подходилъ.

— Съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ,—произнесъ онъ, несмѣло кланяясь и глядя на Серафиму своими добрыми синими глазами.

Она покраснѣла чуть-чуть, потомъ подала ему руку и сказала:

— Благодарю.

Они вмѣстѣ сошли со ступеней паперти, вмѣстѣ минули церковную площадь и пошли по переулку, гдѣ былъ домъ Серафимы.

Земля совсѣмъ высохла. У досчатыхъ тротуаровъ, подлѣ деревянныхъ тумбъ, вездѣ пробивалась, подымалась яркая, яркая трава, и расцвѣтали круглые желтые цвѣты, некрасивые, но самые прекрасные, потому что самые первые, тѣ, у которыхъ ломкій стебелекъ полонъ горьковатымъ молокомъ. Небеса сдѣлались выше, серьезнѣе и темнѣе. За сѣрыми заборами деревья стояли прозрачныя, покрытыя первымъ налетомъ, точно зеленымъ пухомъ. Вверху, едва видныя, быстро мелькали птицы, наполняя воздухъ ровными, пронзительными, счастливыми криками, которые не нарушали, а углубляли тишину.

Леонтій Ильичъ долго шелъ молча рядомъ съ Серафимой, но потомъ несмѣло и ласково заговорилъ:

— Давно мы не видались, Серафима Родіоновна. Ждалъ вѣстей, да и не дождался. Какъ здоровье ваше?

— Благодарю, я здорова. Я рада была встрѣтить васъ, Леонтій Ильичъ.

— Все смотрѣлъ на васъ въ церкви. Такое хорошее у васъ было лицо, веселое. Да и теперь вонъ, улыбаетесь. Нѣтъ ли чѣмъ и меня порадовать? Родіонъ Яковлевичъ что? Могу спросить васъ, имѣли вы... разговоръ съ нимъ?

Серафима покачала головой.

— Нѣтъ, Леонтій Ильичъ. Я не говорила съ папашей. И что себя обманывать: онъ рѣшенія не измѣнитъ.

Леонтій Ильичъ поблѣднѣлъ немного, улыбка слетѣла съ его румяныхъ губъ.

— Какъ же такъ? А я, было, видя васъ радостной, подумалъ, было... Значитъ, конецъ нашему дѣлу? И вы, значитъ, мысли свои ко мнѣ перемѣнили?

— Я къ вамъ никогда не перемѣнюсь. Я васъ до конца

моей жизни буду любить, Леонтій Ильичъ, — просто сказала Серафима.

Онъ взглянулъ на нее, хотѣлъ что-то проговорить, но она перебила его и поспѣшно прибавила, точно боясь, что онъ не такъ ее пойметъ:

— Замужъ не судьба мнѣ идти—я и не пойду. Что-жъ, я бы пошла, еслибъ судьба. А смерти желать живому, чтобы мнѣ выйти—я не могу. Вы не думайте, Леонтій Ильичъ, я не такъ какъ-нибудь покорилась, а я вольно. Любить васъ всегда буду, а больше ничего не надо. Вы себѣ хорошую невѣсту найдете, добрую дѣвушку, подходящую. Полюбите ее. Я узнаю—радоваться буду, если хорошая попадется и сама станетъ васъ любить.

— Вотъ какія горькія слова вы мнѣ говорите, — началъ Леонтій Ильичъ, и на доброе лицо его легла тѣнь недоумѣнія, и губы дрогнули.—Нѣтъ, видно вамъ моя грусть до сердца не доходитъ. Вамъ и горя мало.

— Да нѣтъ же, Господи!—сказала Серафима.—Какъ еще говорить? Я не умѣю говорить. У меня такая грусть, что и дна ей нѣтъ, заглянешь въ нее—а она ужъ и на грусть не похожа, а будто и радость. Сказать словами, не знаю какъ, а вы не слушайте, вы повѣрьте, что все хорошо, и мнѣ хорошо,—вотъ и вамъ будетъ хорошо.

Они стояли у калитки дома. Серафима подняла рѣсницы, улыбаясь, лицо у нея было блѣдное и свѣтлое, а въ глазахъ стояли и не проливались слезы. Она не умѣла ему объяснить ни своей радости, ни своей печали; Леонтій Ильичъ смотрѣлъ на нее, не понимая, но чѣмъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ легче, тѣмъ веселѣе становилось и у него на душѣ.

А небо и земля вокругъ нихъ были чистые-чистые, и казалось, что ничего другого и нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ чистоты, тишины и счастья.

З. Гиппіусъ.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ XIX ВѢКѢ.

Очеркъ Фердинанда Брюнетьера.

Переводъ съ французскаго Е. П. Раковской.

Если судить о значеніи XIX столѣтія въ общей исторіи литературы только по обилію и разнообразію произведеній, то, конечно, никакое другое столѣтіе не сравнится съ нимъ. Но и оставляя въ сторонѣ богатство и разнообразіе произведеній, XIX столѣтіе выдержитъ сравненіе съ самыми славными эпохами въ исторіи литературы. Конечно, ни Франція Людовика XIV, ни Англія Елизаветы, ни Италія Медичисовъ, ни въ древности Римъ, временъ Августа, или Аѳины временъ Перикла—не знали болѣе великихъ поэтовъ, чѣмъ Гёте и Шиллеръ, Байронъ и Шелли, Ламартинъ и Гюго. Можетъ быть, поэты этихъ эпохъ были болѣе совершенными, болѣе классическими, т.-е. болѣе достойными вѣчно служить образцомъ искусства; это—вопросъ, но они не были болѣе великими поэтами. А сколько было историковъ, сколько критиковъ? За послѣдніе сто лѣтъ романъ замѣнилъ эпопею въ нашемъ «инвентарѣ», и кто же станетъ отрицать, что романъ Вальтеръ-Скотта и Диккенса, Бальзака и Жоржъ Зандъ, Толстого и Достоевскаго много разъ поднимался до уровня эпопеи? Если же, помимо количества и качества произведеній, мы станемъ разсматривать ихъ съ точки зрѣнія глубины ихъ историческаго значенія, то нужно будетъ согласиться, что ни въ одномъ столѣтіи, со времени самой отдаленной эпохи возрожденія, не совершилось болѣе коренного измѣненія въ самомъ понятіи литературнаго произведенія въ его содержаніи и назначеніи, а слѣдовательно и въ средствахъ, которыми выполняется это назначеніе. Въ послѣдующихъ страницахъ мы намѣтимъ и опредѣлимъ фазы этой эволюціи.

Я сказалъ выше: «съ самой отдаленной эпохи возрожденія»; дѣйствительно, литература всей Европы была въ XIX вѣкѣ, въ разныхъ или одинаковыхъ формахъ, подъ разными или одинаковыми именами, прежде всего рѣшительной и обдуманной, проведенной по сознательному и опредѣленному плану реакціей противъ того классическаго идеала,

содержаніе котораго опредѣлили въ очень давнія времена Петрарка и Боккаччіо,—«первые изъ новыхъ писателей». Здѣсь не мѣсто возвращаться къ этому идеалу и напоминать о тѣхъ препятствіяхъ, которыя онъ встрѣтилъ, прежде чѣмъ сдѣлался вполнѣ господствующимъ; достаточно будетъ отмѣтить, что самое острое и самое основательное противодѣйствіе ему было оказано въ Англіи и Голландіи, но что въ концѣ-концовъ онъ восторжествовалъ надъ этимъ противодѣйствіемъ. Это было, какъ извѣстно, въ началѣ XVIII столѣтія. Нѣмцы гораздо раньше восприняли этотъ идеалъ въ его главномъ принципѣ, поскольку этотъ принципъ состоялъ въ подражаніи античнымъ образцамъ, вліяніе которыхъ на французское искусство давало себя знать уже начиная съ Людовика XIII; нужно даже отмѣтить, что если *Art Poétique* Буало еще оставлялъ нѣкоторую долю простора воображенію или чувству поэта, то совсѣмъ уничтожилъ его знаменитый Готшедъ. Вообще говоря, за немногими исключеніями, съ которыми всегда нужно считаться, можно утверждать, что наканунѣ французской революціи во всей Европѣ господствовали одинаковый характеръ мысли и чувства, аналогичная манера создавать и писать, и что отъ Лондона до Петербурга, гдѣ русская литература начинала выходить изъ дѣтскаго періода, и отъ Парижа до Неаполя, гдѣ имена нашихъ «философовъ» были у всѣхъ на устахъ, предметъ, роль и функція литературы понимались приблизительно одинаково. Только нѣкоторые недисциплинированные писатели, изъ которыхъ самый знаменитый Лессингъ—осмѣливались требовать, чтобы ихъ избавили отъ грековъ и римлянъ; или, вѣрнѣе, они, работая въ этомъ направленіи, едва-ли сами сознавали свои намѣренія; во всякомъ случаѣ, ни репутація, ни авторитетъ ихъ не вышли за предѣлы ихъ родины, не получили освященія за границей, однимъ словомъ, не сдѣлались достояніемъ Европы.

Если сверженіе ига классицизма есть честь, или слава, то она принадлежитъ намъ—французамъ, считая, что сигналъ къ реакціи подали два французскихъ произведенія: «La Littérature» — м-мъ де-Сталь и «Le Genie du christianisme»—Шатобріана.

Въ самомъ дѣлѣ, вторая изъ этихъ книгъ противопоставляла христіанскій идеалъ идеалу языческому, которымъ систематически вдохновлялись писатели среднихъ вѣковъ и актеры революціонной драмы—Камиллъ Демуленъ и Сенъ-Жюстъ; первая книга, не отвергая величія и совершенства греческихъ и римскихъ образцовъ, предлагала, если не замѣнить ихъ, то, по крайней мѣрѣ, прибавить къ нимъ отнынѣ мастеровъ «сѣверныхъ литературъ».

Пережитки XVIII столѣтія, наслѣдники энциклопедистовъ, тѣ, кого Наполеонъ называлъ идеологами, конечно, пробовали сопротивляться: ихъ было много и они были сильны. И все-таки задача оказалась имъ не подъ силу: ни Жингене, ни Дону не обладали ни удивительнымъ стилемъ Шатобріана, ни тѣмъ неистощимымъ богатствомъ идей, кото-

рое составляетъ отличительную черту таланта м-мъ де-Сталь. Сверхъ того, ни общественное мнѣніе, ни власть не были за нихъ. Если Наполеонъ не любилъ ни м-мъ де-Сталь, ни Шатобріана, то онъ еще менѣе симпатизировалъ идеологамъ, которыхъ онъ сдѣлалъ сенаторами, можно сказать—исключительно съ цѣлью ближе наблюдать за ними и свести ихъ къ нулю; и это ему удалось. Поэтому-то реакція не замедлила перейти отъ литературы въ собственномъ смыслѣ слова, считавшейся средствомъ развлеченія, къ тѣмъ идеямъ, которыя руководятъ самою литературой, и скоро на сцену выступило міровоззрѣніе XVIII вѣка. Дѣйствительно, нельзя достаточно подчеркнуть тотъ фактъ, что въ Англіи и Германіи, какъ и во Франціи и Италіи, реакція была настолько же философской, насколько литературной, и что во всей Европѣ романтическое движеніе явилось одновременнымъ и солидарнымъ съ возвращеніемъ къ религіозной идеѣ.

Главными представителями этого возвращенія къ религіозной идеѣ явились Вордсвортъ и Колериджъ въ Англіи,—тотъ самый Колериджъ, о которомъ Карлейль такъ хорошо сказалъ, что «онъ считался въ глазахъ цѣлаго поколѣнія познавшимъ высшую тайну вѣры разумомъ въ то, что разсудкомъ должно отвергнуть, какъ невѣроятное», Фридрихъ Шлегель, Гёрръ, Новалисъ, Клементъ Брентано—въ Германіи; и во Франціи, или, лучше сказать, на французскомъ языкѣ: Бональдъ, Жозефъ де-Метръ, Ламенне, Ламартинъ и Гюго, мы говоримъ о раннемъ Викторѣ Гюго, о томъ, который исповѣдывался абатту Ламенне и писалъ въ предисловіи къ «Одамъ и Балладамъ», что исторія человѣчества представляетъ интересъ, или смыслъ, только «съ высоты монархическихъ и религіозныхъ идей».

Но реакція не могла на этомъ остановиться. Въ самомъ дѣлѣ, если между духомъ XVIII вѣка и духомъ предшествующаго великаго столѣтія существуетъ не одно противоположеніе и даже противорѣчіе, то, съ другой стороны, между ними есть и связи; конечно, ничто не отличается такъ рѣзко отъ мысли Паскаля и Малебранша, какъ мысль Вольтера, но тотъ же самый Вольтеръ понималъ эпопею и трагедію сходно съ Расиномъ и Буало; только стихъ его не имѣетъ ни твердости стиха Буало, ни силы, граціи и прелести стиха Расина. «Генріада», за исключеніемъ одного мѣста, вполнѣ согласуется съ предписаніями «Art Poétique», и «Заира» могла бы сойти за трагедію въ достаточной мѣрѣ расиновскую, если бы въ ней не отсутствовалъ Расинъ. Но иностранцы не чувствуютъ этихъ различій и, наоборотъ, поверхностныя аналогіи поражаютъ ихъ. Поэтому было трудно, или, вѣрнѣе, невозможно, чтобы реакція, направленная противъ духа XVIII вѣка, рано, или поздно не затронула піитику или, какъ теперь говорятъ, эстетику предшествующаго столѣтія; подъ предлогомъ сверженія ига классицизма, вся Европа, за исключеніемъ Италіи, направила главное усиліе на освобожденіе себя отъ французскаго вліянія. Франція царствовала

слишкомъ долго! Революція, по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ изолировавшая читающую и мыслящую Францію, и войны имперіи, окончившіяся Ватерлоо, конечно, способствовали успѣху этого усилія. А англійское вліяніе настолько же выиграло.

То, что мы по праву отдаемъ на долю англійскаго вліянія, приписывается обыкновенно нѣмецкому вліянію, и нужно сознаться, что сама м-мъ де-Сталь, главнымъ образомъ своею книгою о «Германіи», Бенжаменъ Констанъ, Шлегель, Форіель, въ первыхъ же своихъ работахъ, сдѣлали все возможное, чтобы распространить и упрочить эту идею. Съ другой стороны, можно добавить, что и англичане, и нѣмцы—германцы и что въ извѣстномъ смыслѣ достаточно, чтобы реакція противъ классицизма явилась въ исторіи торжествомъ германскаго генія надъ латинскимъ. Мы тоже такъ думаемъ; дѣло критики, очевидно, не состоитъ въ томъ, чтобы теперь, черезъ стопятьдесятъ лѣтъ, начать гоненіе противъ Лессинга или унижать геній Гёте и Шиллера, или отрицать вліяніе Канта. Но фактъ тотъ, что когда еще ни Кантъ, ни Гёте, ни Лессингъ не были извѣстны внѣ Германіи, англійское вліяніе уже давало себя знать во Франціи; припомнимъ по этому поводу неистовое бѣшенство Вольтера противъ Шекспира, котораго, однако, онъ самъ ввелъ во Францію и даже нѣсколько обворовалъ. Причиною выставляется иногда «робость его вкуса». Я же скорѣе склоненъ думать, что будучи «консерваторомъ во всемъ, кромѣ религіи», Вольтеръ инстинктивно почувствовалъ въ свободѣ шекспировской драмы страшную угрозу по адресу искусной и размѣренной дисциплины, отличавшей французскую трагедію; онъ почувствовалъ въ этихъ драмахъ пониманіе искусства, враждебное своему собственному, истолкованіе и изображеніе жизни—прямо противорѣчащее классическому идеалу. Доказательствомъ того, что онъ въ этомъ случаѣ видѣлъ вѣрно, является тотъ фактъ, что въ это же время, около половины XVIII вѣка, не только авторъ «Гамбургской драматургіи» пользовался Шекспиромъ противъ Вольтера, Расина и Корнеля, но вліяніе англійской литературы пробуждало нѣмецкую литературу и нѣмецкій духъ отъ ихъ долгаго оцѣпенѣнія. Въ сущности, новѣйшая германская литература не швейцарскаго и не швабскаго, а англійскаго происхожденія. Это необходимо знать, чтобы понимать эту литературу. Но это еще болѣе необходимо знать, чтобы отвести англійскому вліянію настоящее мѣсто въ дѣлѣ образованія современнаго европейскаго духа. Такимъ образомъ нужно знать, что, за исключеніемъ одной или двухъ чертъ, напр., неумѣренной склонности къ метафизической спекуляціи, всѣ черты, приписываемыя германскому генію, или духу, были сначала англійскими, а потомъ уже сдѣлались нѣмецкими.

Англичане первые стали искать въ самыхъ старинныхъ своихъ традиціяхъ и, такъ сказать, во мракѣ среднихъ вѣковъ источниковъ вдохновенія, которые для гуманистовъ возрожденія ограничивались

исключительно воспоминаніями о Греціи и Римѣ. Въ исторіи новѣйшихъ литературъ они были первыми «поэтами природы», какъ голландцы были первыми ея художниками. Ихъ поэзія первая—даже у ихъ «классиковъ», у Драйдена, у Попа, стала вдохновляться явленіями «настоящей жизни», которыя потомъ вошли въ поэзію Гёте; правда, они составляютъ иногда прозаическую сторону его пѣсенъ, но гораздо чаще обусловливаютъ ихъ тонкую и проникающую прелесть.

Англичане, а не нѣмцы,—Ричардсонъ въ своей «Клариссѣ Гарловъ», Фильдингъ—въ «Томѣ Джонсѣ», — первые противопоставили «всемірному» человѣку возрожденія и классицизма, «нормальному» и отвлеченному человѣку, о которомъ такъ вѣрно сказано, что его легче узнать, чѣмъ людей въ отдѣльности,—человѣка, такъ сказать «мѣстнаго», индивидуальнаго и опредѣленнаго, который похожъ только на самого себя, или самое большее, на людей своей деревни, своей семьи, своего поколѣнія. Они же первые соединили литературу съ активной жизнью, съ повседневной, практической жизнью, и такимъ образомъ сдѣлали изъ писателя,—изъ Аддисона или Свифта—извѣстное лицо въ государствѣ. Наконецъ, въ то время, какъ вездѣ, даже въ «Эмилѣ», или «Элоизѣ» Руссо, литература была только украшеніемъ, удовольствіемъ общественной жизни, тѣ же англичане, въ лицѣ Вордсворта, Байрона, Шелли, Китса, дали возможность писателю сдѣлать изъ нея выраженіе своего личнаго чувства, не считаясь съ чувствами другихъ, средство выразить свои хорошіе или дурные мотивы, по которымъ онъ отличается и отдѣляется отъ себѣ подобныхъ. Во всемъ этомъ такъ много новаго; чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, мы обязаны нѣмецкому вліянію? И помимо одной или двухъ чертъ, что же остается на долю собственныхъ, оригинальныхъ этническихъ свойствъ нѣмецкаго духа?

Если теперь мы спросимъ себя, которая изъ этихъ чертъ является самою характерной, самой «англійской», то увидимъ, что это, очевидно, послѣдняя черта—индивидуализмъ, и по замѣчательному совпаденію эта же черта является наиболѣе характерной для того, что понимаютъ подъ словомъ *романтизмъ*. Въ то же время я не могу себѣ представить черты, болѣе противоположной классическому идеалу, какъ мы уже нѣсколько разъ сказали и попытались показать. *Романтизму* было дано много опредѣленій, его характеризовали то одной, то другой изъ наименѣе главныхъ его чертъ, но каковы бы онѣ ни были и какимъ бы именемъ ихъ ни называли, ихъ можно свести къ двумъ главнымъ опредѣляющимъ чертамъ: съ внѣшней стороны, это — противоположность классическому идеалу; съ внутренней стороны, это — освобожденіе писательскаго «я». Тогда какъ классическій идеалъ понимался и формулировался только по отношенію къ публикѣ, романтическій идеалъ имѣетъ смыслъ и право на существованіе только постольку, поскольку онъ проявляетъ личность поэта или писателя. Не должно быть никакого старанія нравиться, тѣмъ болѣе поучать — ничего дѣ-

даннаго; нужно только быть «самимъ собою». Вордсвортъ сказалъ гдѣ-то: «Я—ничто, если я не учитель»; но онъ съ бо́льшимъ правомъ могъ сказать: «Если я не буду самимъ собою, то я—ничто, для меня важна не вѣрность, не красота и не полезность того, что я говорю; важна его оригинальность, а оригинальность дается только тѣмъ, что я вкладываю своего, и если то, что я вкладываю своего, не похоже ни на кого, то только въ этомъ случаѣ я — поэтъ. Я не веду читателя къ старымъ истинамъ новыми путями, не веду его и къ новымъ истинамъ незнакомыми путями, но я веду его *какими-нибудь* путями, выборъ которыхъ зависитъ только отъ моего каприза, къ истинамъ, относительно которыхъ утверждаю только одно: что онѣ мои». Одинъ моралистъ сказалъ: «Міръ смотритъ всегда передъ собою»; я обращаю свой взоръ внутрь себя, удерживаю его тамъ, занимаю его. Каждый смотритъ передъ собою, я смотрю внутрь себя, я имѣю дѣло только съ собою; я безпрестанно смотрю на себя, провѣряю себя, наслаждаюсь собою. Другіе идутъ всегда куда-нибудь; если они дѣйствуютъ сознательно, то идутъ всегда впередъ. Я вращаюсь вокругъ самого себя». Эти слова Монтеня могли бы точно также быть словами Байрона или Шелли Во всякомъ случаѣ, я не знаю фразы, которая бы болѣе удачно резюмировала все самое существенное въ *романтизмѣ*. Прежде всего будемъ самими собою; публика возьметъ изъ этого то, что ей понравится. Пишутъ не для того, чтобы заставить себя читать, еще менѣе для того, чтобы получить одобреніе пошляка, пишутъ вслѣдствіе потребности думать, или чувствовать вслухъ, расширить, излить себя, сознать самого себя и сообщить другимъ людямъ, насколько и въ чемъ мы отъ нихъ отличаемся. Повторяю: если это прямопротивоположно классическому идеалу, а доказательствомъ можетъ служить отзывъ Паскаля о Монтенѣ: «Какое глупое намѣреніе изобразить самого себя!» — то ничего не можетъ быть романтичнѣе. Но въ то же время ничего не можетъ быть болѣе въ духѣ англійской націи.

Англійская литература глубоко, кореннымъ и существеннымъ образомъ, индивидуалистична; и если нація, взятая въ массѣ, не болѣе индивидуалистична, чѣмъ всякая другая, и даже лучше всякой другой понимаетъ могущество ассоціаціи, то тѣмъ не менѣе въ собственномъ, этимологическомъ смыслѣ слова, нельзя назвать ни одной націи, писатели и поэты которой были бы болѣе *эксцентричны*, даже до странности, если это нужно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что если между 1830 и 1840 годами этотъ индивидуализмъ имѣлъ противъ себя весь авторитетъ классической традиціи, то, съ другой стороны, за него были всѣ подавленные этимъ авторитетомъ естественные порывы, всѣ непризнанныя имъ законныя права, все, свободу чего онъ стѣснялъ. Въ данномъ случаѣ я пользуюсь выраженіями, заимствованными изъ политическаго словаря, чтобы лучше намѣтить или подчеркнуть тотъ, до

странности буйный характеръ, который одно время приняла литературная борьба. Учителя классицизма, вовсе не желая этого, сдѣлались настоящими тиранами. Изъ ихъ произведеній были выведены правила, или настоящіе «уставы», внѣ которыхъ отрицалось всякое литературное достоинство, и грамматики, и риторы вродѣ Готтшеда или Непомусена Лемерсье сдѣлались непреклонными и бдительными жандармами, слѣдившими за исполненіемъ этихъ уставовъ. «Гдѣ ваши бумаги», — вотъ первый вопросъ, который задавался поэту. Совершенная трагедія должна была удовлетворять двадцати шести условіямъ — не больше и не меньше; и если она удовлетворяла двадцати четыремъ, или двадцати тремъ изъ нихъ, то спускалась на одну или двѣ ступени въ уваженіи «хорошихъ цѣнителей». Очевидно, отъ такого избытка тираніи нельзя было избавиться безъ нѣкоторой доли насилія; освобожденіе личности писателя было самымъ вѣрнымъ и въ то же время самымъ мягкимъ изъ всѣхъ возможныхъ средствъ. Писатель отвѣчалъ тѣмъ, кто хотѣлъ управлять литературою, удалившись изъ общественнаго движенія, въ свою совѣсть. Что могло быть проще и естественнѣе?

Но то, что теоретически представляется самымъ естественнымъ, не всегда оказывается такимъ на практикѣ и въ дѣйствительности. Есть роды литературы, формы литературныхъ произведеній, вродѣ лирической поэзіи, *исповѣдей*, *воспоминаній*, которыя допускаютъ личныя изліянія, и даже не только допускаютъ, но требуютъ ихъ, не имѣютъ смысла безъ нихъ; въ самомъ дѣлѣ, что была бы за *исповѣдь*, если бы авторъ не исповѣдывался? Но есть другіе роды литературы, которые допускаютъ личный элементъ только въ извѣстномъ количествѣ, напримѣръ, романъ, или вовсе его не допускаютъ, напримѣръ, историческія или драматическія произведенія. Романтики, конечно, скоро замѣтили это. Еще скорѣе поняли они, что если прежде, въ очень отдаленныя времена, гордое уединеніе писателя или поэта и было возможно, то при условіяхъ современной новой жизни этой возможности больше не существуетъ. «Vae soli! Горе тому, кто одинъ». Великій аристократъ литературы, вродѣ Байрона, и пенсіонеръ маленькаго принца, вродѣ Гёте, могутъ и теперь сохранять эту величавую позицію; и на другомъ концѣ общественной лѣстницы она мыслима для Бёрнса или Шелли, если только они не умираютъ отъ того, что упорствовали на ней. Но что было дѣлать другимъ писателямъ? Будемъ говорить нѣсколько рѣзко и не будемъ бояться ввести въ исторію идей соображенія матеріальнаго характера. Съ тѣхъ поръ, какъ писатели сдѣлались «профессіоналами», съ тѣхъ поръ, какъ — я уже не говорю—богатство, но просто существованіе и репутаціи сдѣлались доступными только для тѣхъ, кто цѣликомъ отдается профессіи, обиліе и правильность творчества сдѣлались условіями успѣха; а что же можетъ извлечь человѣкъ изъ вѣчнаго созерцанія самого себя?

Вѣдь оригинальныхъ ощущеній мало, что тамъ ни говори; чувствуешь удивленіе и даже нѣкоторое униженіе, когда, разсматривая всю сумму поэтическаго творчества, замѣчаешь какъ разъ обратное тому, что было обѣщано, т.-е., насколько каждый отдѣльный человѣкъ похожъ на всѣхъ! И это открытіе романтики не замедлили сдѣлать на свой собственный счетъ. Какъ же они не видѣли, что уединяться теперь, когда тенденціи столѣтія съ каждымъ днемъ дѣлаются все болѣе и болѣе общественными, все болѣе и болѣе демократизируются, это значитъ не понимать требованій своего времени? Новыя формы нищеты или страданій больше заслуживаютъ интереса, чѣмъ пошлыя приключенія честолюбиваго неудачника или обманутаго любовника. Если бы даже всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ было мало, чтобы вызвать реакцію противъ индивидуализма, то довольно было бы одной, послѣдней, на которой стоитъ остановиться подольше.

Принципомъ или основой индивидуалистской эстетики служитъ убѣжденіе болѣе или менѣе сознательное, что никто не обязанъ подчинять свое мнѣніе мнѣнію другого: *Nullius addictus jurare in verba magistri*. Одни порицаютъ и критикуютъ то, что одобряютъ и чѣмъ восхищаются другіе. Одни и тѣ же предметы вызываютъ въ насъ разныя побужденія. Одинъ терпѣть не можетъ Горація, а для другого этотъ поэтъ источникъ наслажденія. Байронъ ставитъ Попа выше Шекспира, а Ламартинъ видѣлъ въ Лафонтенѣ простого разсказчика. Первоначальное воспитаніе и жизненный опытъ разнообразятъ людей и такимъ образомъ еще увеличиваютъ то различіе между ними, которое уже заложено природою. Кавалерійскій полковникъ смотритъ на вещи иными глазами, чѣмъ торговецъ лондонскаго Сити; нью-іоркскій политикъ разсматриваетъ вопросы не съ той точки зрѣнія, съ какой римскій прелатъ. Какъ же можно спорить о «вкусахъ и цвѣтахъ?» Можетъ ли существовать хорошій и дурной вкусъ? И наконецъ, кто посмѣетъ остановить меня или счесть себя скандализованнымъ какимъ бы то ни было выраженіемъ и проявленіемъ моего я? Каждый изъ насъ есть мѣра вещей и, находя подлиннаго и неоспоримаго свидѣтеля своихъ впечатлѣній только въ самомъ себѣ, признаетъ судьею только самого себя. Къ концу XVIII вѣка критики Юма и Канта (довольно плохо понятыхъ), философски обосновали эти парадоксы. Вслѣдъ затѣмъ явился Гегель съ съ своимъ «тожествомъ противорѣчій», и формулы неувѣренности и сомнѣнія были приняты, какъ законы духа. Мы вынуждены говорить объ этихъ вещахъ, по поводу литературы, такъ какъ хотя въ наше время Тену удалось освободиться изъ этой сѣти софизмовъ, но такіе люди какъ Шереръ, или Ренанъ, запутались въ ней навсегда.

А между тѣмъ, успѣхи науки должны были вывести ихъ изъ заблужденія, и не только сами эти успѣхи по существу, но и существо методовъ, которыми они достигнуты. Дѣйствительно, успѣхи науки установили, во-первыхъ, что существуетъ нѣчто внѣ насъ, и, во-вто-

рыхъ, что если наше знаніе міра—относительно и находится въ зависимости отъ устройства человѣческаго ума, то эту относительность нужно понимать не для индивидуума, а для вида. Есть законы духа, и если дѣйствительность искажается, приспособляясь къ нимъ, то это искаженіе одинаково для всѣхъ, судьей качества нашихъ впечатлѣній является научно доказанная истина. «Значитъ нужно спорить о вкусахъ». О двухъ противополагаемыхъ, или противорѣчивыхъ впечатлѣніяхъ не только нельзя сказать, что они стоятъ другъ друга и что каждый изъ насъ имѣетъ право остаться при своемъ, но, наоборотъ, нужно сказать, что одно изъ нихъ неизбѣжно ложно, а другое вѣрно. Которое — ложно и которое—истинно? Это не всегда можно рѣшить, въ особенности относительно самыхъ тонкихъ и сложныхъ впечатлѣній, но можно надѣяться, что когда-нибудь это будетъ возможно. Это-то и есть предметъ критики, ея конечная и высшая цѣль, которая удаляется по мѣрѣ приближенія къ ней, но которая отъ этого не менѣе точна и опредѣленна. Мы точно также никогда не будемъ знать, что такое *жизнь*, ни что такое *матерія*, но это не мѣшаетъ физіологіи и физикѣ быть науками.

Это было понято около 1840 года; для большей точности скажемъ между 1840 и 1850, или 1855, и отсюда долженъ былъ возникнуть *натурализмъ*. Этому понятію было дано много опредѣленій, также какъ и слову романтизмъ; всѣ или почти всѣ эти опредѣленія содержатъ долю истины, но есть опредѣленіе болѣе общее, чѣмъ другія, по которому натурализмъ это—«подчиненіе писателя или художника своему предмету». Натурализмъ—это воспроизведеніе природы, а первымъ нашимъ дѣломъ, если мы хотимъ выучиться видѣть природу, должно быть отвлеченіе отъ самихъ себя. Мы не должны возводить въ оригинальность собственное безсиліе, и если мы плохо видимъ, то должны стараться видѣть лучше. Для этого намъ дана способность наблюденія и размышленія. Первое качество требуемое отъ «воспроизведенія», это вѣрность, а отъ «портрета»—сходство. Если поднимется споръ относительно вѣрности сходства и достоинства воспроизведенія, то призовите оригиналъ! Вѣдь онъ здѣсь, въ природѣ, совсѣмъ близко отъ насъ, такъ сказать у насъ подъ руками. И не отвѣчайте намъ вмѣстѣ съ поэтомъ, который изъ всѣхъ романтиковъ больше всѣхъ вложилъ себя въ свое произведеніе:

Le coeur humain, de qui? Le coeur humain de quoi?
Quand le diable y serait, j'ai mon coeur humain, moi!

Именно въ томъ-то и заключается вопросъ, «человѣческое ли у васъ сердце?» И не вамъ рѣшать его. Вы можете быть больнымъ и ненормальнымъ человѣкомъ. Да и не намъ рѣшать этотъ вопросъ; его рѣшатъ правда природы и исторіи. Кто повѣрилъ бы, что земля вертится, если бы вѣрилъ только собственному чувству, и дѣйствительно,

въ теченіе сколькихъ вѣковъ люди не вѣрили этому? Судьи Галилея были тоже люди, воображавшіе, что у нихъ «человѣческіе глаза».

Этимъ идеямъ благопріятствовали обстоятельства и особенно то, что можно назвать крушеніемъ романтической политики въ 1848 г.; онѣ распространялись одновременно во Франціи, Англіи и Россіи, (Германія и Италія] были въ это время заняты другимъ) и философами, которыхъ онѣ примиряли со здравымъ смысломъ, и критиками, роль которыхъ эти идеи опредѣляли и расширяли; онѣ были приняты и романистами, Джорджемъ Эліотъ, Тургеневымъ, Флоберомъ, которымъ онѣ давали возможность расширить поле наблюденія, и наконецъ самими поэтами, Леконтомъ де-Лиль и Готье; онѣ не могли рано или поздно не восторжествовать надъ обѣднѣвшимъ романтическимъ идеаломъ. Но мотивы, по которымъ онѣ были приняты, были не всѣ одинаковы; Флоберъ, напримѣръ, былъ враждебенъ Мюссе не меньше, чѣмъ Джорджъ Эліотъ Байрону, но не по тѣмъ же самымъ причинамъ; поэтому между натуралистами съ самаго начала произошло раздѣленіе, отклоненіе доктрины, а собственно во Франціи успѣхи ея были задержаны или даже временно уничтожены доктриною «искусства для искусства».

Это была теорія живописцевъ; и дѣйствительно, казалось бы отъ художника нельзя и требовать ничего иного, кромѣ того, чтобы онъ хорошо писалъ. Ни въ *Мадонахъ* Рафаэля, ни въ портретахъ Рембрандта нѣтъ «мыслей» въ собственномъ смыслѣ слова, и тѣмъ не менѣе это настоящіе шедёвры, то-есть произведенія, различнымъ способомъ, но въ равной степени покрывающія понятіе искусства живописи. Легко понять какимъ образомъ теорія «искусства для искусства» связана съ натурализмомъ. Когда подражаніе природѣ является не только принципомъ и условіемъ, но и предметомъ или закономъ искусства, то только одна вѣрность подражанія и, значитъ только одно качество исполненія даетъ мѣру достоинства художника и отводитъ ему мѣсто въ ряду соперниковъ. Изъ двухъ одинаково схожихъ портретовъ — лучшій, конечно, тотъ, который лучше написанъ, а лучше написанъ тотъ, чей художникъ выказалъ болѣе высокую степень обладанія пріемами своего искусства. Это обладаніе пріемами искусства дѣлается въ свою очередь самымъ вѣрнымъ средствомъ добиться вѣрности сходства, и такимъ образомъ теорія искусства для искусства и натуралистская доктрина не только не противорѣчать другъ другу, но могутъ, или даже должны взаимно поддерживать другъ друга. Поэтому тотъ, кто сказалъ, что въ этихъ трехъ словахъ «искусство для искусства» абсолютно нѣтъ смысла—сказалъ глупость, и тотъ, кто произнесъ эти слова, можетъ быть сдѣлалъ бы не худо, воспользовавшись самъ тѣмъ полезнымъ поученіемъ, которое заключается въ нихъ. Есть разные способы понимать теорію искусства для искусства, и она не имѣетъ того значенія въ литературѣ, какъ въ живописи, если только литература является чѣмъ-то большимъ, нежели просто подражательное ис-

кусство, но во всякомъ случаѣ безапелляціонно осуждать эту теорію нельзя; между 1850 и 1870 годами она оказала большую услугу самой литературѣ, пробудивъ въ художникахъ сознаніе истинности и могущества формы.

Но къ несчастью, съ другой стороны, теорія эта дѣлала изъ искусства родъ священнодѣйствія, и этою чертою она снова возвращалась къ романтизму, отдавая назадъ художнику, или поэту, то, что хотѣлъ у нихъ отнять натурализмъ, то-есть право подчинять міръ тому понятію о поэзіи, или искусствѣ, которое себѣ создалъ художникъ. Она даже давала служителю искусства возможность становиться по отношенію къ публикѣ или къ «толпѣ» въ еще болѣе гордую и непримиримую позицію и удаляться въ еще болѣе суровое уединеніе. Въ самомъ дѣлѣ, романтики требовали этого права только въ силу своей личной чувствительности, указывая на невозможность выйти за предѣлы своего внутренняго я; теоретики искусства для искусства ссылались на самую теорію, на наиболѣе безличныя и объективныя стороны ея смысла и приложенія на практикѣ. Такимъ образомъ, они невольно дѣлали изъ искусства нѣчто вродѣ кабалистики, тайна которой могла принадлежать только немногимъ посвященнымъ; этихъ посвященныхъ они даже готовы были назвать «магами», по примѣру Гюго. Романтики, и до нихъ классики, признавали существованіе различія между толпою и избранными, но различія—только въ степени, да и избранныхъ было еще довольно много, теоретики искусства для искусства признавали разницу въ самой природѣ, разницу по существу и считали избранными только самихъ себя. Если они иногда и спускались съ облаковъ, или, проще говоря, вступали въ бесѣду, то только для того, чтобы обдать олимпійскимъ презрѣніемъ всякаго, кто занимается чѣмъ-нибудь, кромѣ растиранія красокъ и округленія фразъ. Если ихъ не понимали, они гордились этимъ, и въ холодномъ и равнодушномъ пріемѣ со стороны общества видѣли новую причину упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и даже усиливать ихъ. И, наконецъ, по мѣрѣ того, какъ они все болѣе сводили пониманіе искусства къ приложенію пріемовъ все болѣе и болѣе условной и произвольной риторики,—они становились все болѣе и болѣе чуждыми жизни своего времени. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, не подвергая искусство величайшей опасности, отрѣзать ему сообщенія съ жизнью,—мы говоримъ объ общей, повседневной жизни, жизни всѣхъ; стремясь къ этому, художникъ подвергаетъ себя, и еще болѣе, подвергаетъ искусство упреку въ безнравственности; болѣе того: онъ сушитъ и истощаетъ вдохновеніе въ самыхъ его источникахъ.

Мы только что написали слово «безнравственность», и по этому поводу, не вдаваясь въ разсмотрѣніе очень труднаго вопроса объ отношеніи искусства къ морали, мы вынуждены констатировать, что важная ошибка теоретиковъ искусства для искусства состояла въ стремленіи отдѣлить искусство отъ морали еще глубже, чѣмъ отъ самой

жизни. Въ этомъ отношеніи они ссылались на примѣръ природы, которая, по ихъ словамъ, не заботится о нравственности, и что поэтому, желая ее морализировать, уже не подражаешь ей, а искажаешь и уродуешь ее. Они забывали только одно, что хотя мы и не господа природы, но все наше человѣческое достоинство состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ тираніи ея законовъ, и что поэтому не допустимо, чтобы функція или цѣль искусства состояла въ новомъ порабощеніи насъ этимъ законамъ. Но не менѣе вѣрно и то, что изъ всѣхъ доктринъ натурализмъ всего менѣе имѣетъ право проповѣдывать это порабощеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что это за природа, которой надо подражать? Конечно, это—не внѣшняя природа! Существуютъ художники-пейзажисты; нѣкоторые поэты могли соперничать съ ними въ изображеніи красокъ и въ яркости. Но для большей части литераторовъ, для драматурга, для романиста, для историка, «природа»—это человѣческая жизнь: а что такое жизнь, какъ не основа, содержаніе, матеріалъ нравственности? Мы такъ устроены и такъ живемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, между двумя человѣческими существами, каковы бы они ни были, не можетъ установится отношеній, не входящихъ въ область морали. Мы не можемъ принять никакого рѣшенія, которое бы не касалось области нравственности. Стремленіе отвлечься отъ морали въ изображеніи жизни сводится, въ концѣ концовъ, къ уродованію образца, которому хотѣли подражать, и уродованію чрезвычайно произвольному.

Безконечно жаль, что наши натуралисты, въ общемъ, не поняли этого: жаль и по отношенію къ нимъ самимъ, и еще болѣе, по отношенію къ намъ—французамъ.

Итакъ, не они, а другіе, лучше освѣдомленные, или лучше вдохновляемые, скоро должны были понять, или уже давно поняли это, и роль руководителей широкихъ литературныхъ теченій, которая было вернулась къ намъ въ 1850—1870 гг., снова ускользнула отъ насъ. Она досталась англичанамъ: романистамъ вродѣ Диккенса или Джорджъ Эліота, поэтамъ вродѣ Елизаветы Броунингъ, философамъ и эстетикамъ, какъ Карлейль и Стюартъ Милль, или какъ наименѣе извѣстный заграницей, но оказавшій, можетъ быть, наибольшее вліяніе на современную англійскую мысль Джонъ Рескинъ, авторъ столькихъ произведеній съ загадочными названіями: *Fors Clavigera*, *Aratra Pentelici*, странная и какъ бы вызывающая форма которыхъ имѣетъ столько значенія и дѣйствуетъ, какъ «внушеніе». Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и русскій романъ, который до сихъ поръ, можно сказать, не переходилъ за границу, въ лицѣ Толстого и Достоевскаго торжественно вступилъ въ европейскую литературу.

Конечно, Иванъ Тургеневъ былъ тоже русскимъ романистомъ, но—я не знаю почему—намъ казалось, что, живя среди насъ, онъ сдѣлался французскимъ писателемъ. А, между тѣмъ, это было совер-

щенно невѣрно! Онъ не переставалъ быть сыномъ своей расы! Но у счастья есть свои капризы; русскіе могутъ предпочитать Тургенева Толстому, а Гоголя или Пушкина—имъ обоимъ, и все-таки фактъ, что славянская душа вошла въ соприкосновеніе съ европейской литературой черезъ Толстого и Достоевскаго, останется фактомъ. То же самое надо сказать о «скандинавской душѣ». Она и имя Ибсена открылись Европѣ въ «Призракахъ», «Кукольномъ домѣ» и «Дикой уткѣ». И благодаря всѣмъ имъ, и въ особенности послѣднимъ, литература въ данный моментъ, повидимому, освободилась отъ тѣхъ путъ, въ которыхъ ее держала теорія искусства для искусства. Она освободилась также и отъ того, что было наиболѣе непріемлемаго въ натурализмѣ: отъ его безстрастія.

Какъ ни различаются вдохновеніе Толстого и вдохновеніе Рёскина, произведенія ихъ тѣмъ не менѣе представляютъ нѣкоторыя общія черты.

Эти произведенія не являются сами себѣ цѣлью; конечно, я не поручусь, что, писавши ихъ, авторы ихъ вовсе не стремились къ славѣ «хорошо написать», но прежде всего у нихъ было желаніе и намѣреніе «хорошо думать», и главное — дѣйствовать. У всѣхъ у нихъ общественное направленіе, и всѣ они, норвежцы, русскіе или англичане, дѣлая дѣло художника, въ то же время хотѣли дѣлать дѣло человѣка, дѣло полезное, нравственное, и работать для «улучшенія общественной жизни». Одна изъ самыхъ популярныхъ поэмъ Елизаветы Броунингъ, это—ея воззваніе къ человѣчеству «въ защиту дѣтей, работающихъ въ мануфактурахъ»; одна изъ драмъ Ибсена является въ сущности проповѣдью противъ алкоголизма. Но если къ такимъ вопросамъ нельзя относиться *слишкомъ* горячо, то, во всякомъ случаѣ, лишнее затрачивать на нихъ столько таланта. Есть слишкомъ легкія средства поражать людское воображеніе жалостью, негодованіемъ или гнѣвомъ, и Диккенсъ и Достоевскій часто злоупотребляли этими средствами. «Мертвыя души» Гоголя — прекрасный романъ, и никогда «Ифигенія, умерщвленная въ Авлидѣ» не заставляла проливать столько слезъ, сколько «Хижина дяди Тома». Но развѣ романъ Генріетты Бичеръ-Стоу—въ самомъ дѣлѣ романъ, литературное произведеніе? Вотъ вопросъ, который можно задать себѣ. Если французскіе натуралисты были неправы, исключая мораль изъ своихъ изображеній жизни, то англійскіе, русскіе или скандинавскіе натуралисты часто смѣшивали понятіе искусства съ понятіемъ полезнаго. Конечно, полезное и прекрасное вовсе не непримиримы и не несовмѣстимы! Они также совмѣстимы, какъ декоративное и промышленное искусство совмѣстимо съ тѣмъ, что торжественно называютъ «великимъ искусствомъ!» Но, однако, надо стараться не смѣшивать ихъ, а главное не надо думать, впадая въ ту же принципіальную ошибку, что одно дѣлаетъ другое необходимымъ, иначе говоря, считать всякое произведеніе достаточно нравственнымъ, если оно прекрасно, или достаточно прекраснымъ, если оно нравственно.

Мы позволимъ себѣ прибавить, что изъ этихъ двухъ ошибокъ менѣе опасная и менѣе важная, конечно, вторая. Извѣстно, что Тэнъ, бывшій сначала явнымъ и систематическимъ натуралистомъ, пришелъ, въ концѣ концовъ, послѣ многихъ колебаній, составляющихъ честь критики, къ этому заключенію; степень поучительности изображаемыхъ характеровъ сдѣлалась для него мѣркой или критеріумомъ ихъ художественной стоимости. Если мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ, то это не потому, чтобы мы вполнѣ раздѣляли его мнѣніе на этотъ счетъ, а потому, что его примѣръ является живой «иллюстраціей» того движенія, которое мы пытались описать. Мы сейчасъ вернемся къ этому, попытавшись предварительно показать вкратцѣ, какое измѣненіе литературныхъ «родовъ» и «видовъ» было слѣдствіемъ этого движенія.

Удивятся ли мои читатели, если я скажу, что изъ всѣхъ этихъ измѣненій самое значительное и самое печальное, это—измѣненіе драматической литературы? Ни одинъ родъ литературы не былъ такъ богатъ въ нашемъ столѣтіи вплоть до нашего времени, если судить по внѣшности; въ частности мы, французы, ничѣмъ такъ не гордимся, какъ «постоянствомъ нашего драматическаго творчества».

Въ самомъ дѣлѣ, публика Лондона и Петербурга больше всего забавляется нашими водевилями и мелодрамами. Иностранцы, желая выработать себѣ разговорный слогъ, обыкновенно изучаютъ французскій языкъ по репертуару Скриба и Лабиша, и я былъ чрезвычайно удивленъ, узнавъ, какимъ уваженіемъ эти авторы пользуются у американцевъ. Впрочемъ, есть и парижане, которые знаютъ изъ всей французской литературы только романы-фельетоны, да то, что имъ каждый вечеръ предлагается въ двадцати театрахъ. Цѣлое населеніе, въ которомъ актеры всѣхъ категорій составляютъ только небольшую часть, и которое состоитъ изъ костюмеровъ, машинистовъ, ламповщиковъ, продавцовъ афишъ, сторожей, фигурантокъ, матерей актрисъ, портнихъ,—живетъ только театромъ и для театра. Ни одна отрасль литературнаго труда не даетъ такихъ доходовъ, если только авторъ добьется удачи. Ни одинъ успѣхъ не дѣлаетъ такого шума, не доставляетъ въ одни сутки бо̀льшей извѣстности и славы, даже популярности, чѣмъ успѣхъ въ театрѣ. Даже потребность въ газетѣ для цѣлой массы нашихъ современниковъ не болѣе распространена, не болѣе универсальна, не болѣе настоятельна, чѣмъ потребность въ опереткѣ или въ кафе-концертѣ.

Буржуазное воспитаніе нашихъ молодыхъ дѣвушекъ дополняется нѣсколькими куплетами изъ «Миссъ Эліеттъ» или изъ «Жозефины, проданной сестрами». И несмотря на все это, вглядѣвшись поближе, слишкомъ легко убѣдиться, что въ наши дни драматическая литература не произвела ничего, что могло бы выдержать хотя бы отдаленное сравненіе съ безсмертными твореніями Расина, Мольера, Корнеля,

Кальдерона, Лопе де Вега, Шекспира, или, восходя къ древнимъ временамъ,—Софокла и Эсхила. Увы! Да гдѣ даже наши «Заира» и «Севильскій цирюльникъ»? Развѣ драмы Шиллера много выше нашихъ второстепенныхъ трагедій? А драмы Байрона — развѣ драмы? Если итальянцы считаютъ Альфьери «творцомъ своей національной трагедіи», то можно ли сказать, что существуетъ итальянская трагедія? Изъ всей «Карманьолы» Манцони развѣ что-нибудь осталось, кромѣ «письма о трехъ единствахъ»? Короче сказать, развѣ романтизмъ и натурализмъ и у насъ, и въ Англіи, и въ Германіи не оказались одинъ за другимъ на разный манеръ, но вполнѣ неспособными создать драматическое произведеніе, которое не было бы смѣсью шекспировой драмы съ классической трагедіей или поддѣлкой подъ нихъ?

Останется ли что-нибудь изъ всѣхъ этихъ произведеній? Можетъ быть, уцѣлѣютъ нѣкоторыя драмы Шиллера; его «Марія Стюартъ», или «Вильгельмъ Телль», или «Фаустъ» Гёте? или «Марино Фальери» Байрона? Или «Эрнани» и «Рюи-Бласъ» Гюго? Это будетъ видно не раньше, какъ черезъ сто лѣтъ! Я скорѣе склоненъ вѣрить въ продолжительное существованіе тѣхъ драмъ, въ которыхъ Мюссе, вдохновляясь и «Сномъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира, и произведеденіями Мариво, если не слилъ, то смѣшалъ вычурную психологію послѣдняго съ поэтическими капризами перваго—эти драмы: «Andrea del Sarto», «On ne badine pas avec l'Amour», «Fantasio», «les Caprices de Marianne». Впрочемъ, какая-нибудь мѣстная или національная слава будетъ всегда существовать, и въ исторіи литературы всѣхъ народовъ театру будетъ посвящаться отдѣлъ. Мы выставили въ немъ на разныхъ уровняхъ и неодинаково по заслугамъ: Скриба и Дюма-отца, Виктора Гюго, Франсуа Понсара и Эмиля Ожье, Дюма-сына и Викторьена Сарду, Анри Мельяка, Людовика Галеви, можетъ быть Лабиша, автора «Corbeaux» и «La Fille de Roland», и, конечно, не англичане съ своими Эдвардомъ Бульверъ-Литтономъ, Дугласомъ, или Жерродомъ, ни итальянцы съ Манцони, Эдуардо Фабри, Жіамбаттиста Николини, Герарди делла Теста, Піетро Косса не опередятъ насъ ни по богатству, ни по рыночной стоимости, ни даже по литературному достоинству своихъ произведеній. Скорѣе нѣмцы займутъ первое мѣсто со своими Захаріей Вернеромъ, Коцебу, Генри Клейстомъ, Грилльпарцеромъ, Фридрихомъ Геббелемъ, и въ послѣднее время Гергардомъ Гауптманомъ, а главное, съ Генрихомъ Ибсеномъ, на котораго Германія имѣетъ нѣкоторое право, и Рихардомъ Вагнеромъ, котораго пора уже считать столько же драматургомъ, сколько и композиторомъ; вагнеровскимъ «Тристану» и «Парсифалю» мы обязаны всѣмъ, что театръ XIX вѣка создалъ самаго оригинальнаго,—хочется почти сказать: единственно оригинальнаго; вліяніе Вагнера отразилось не только на общемъ движеніи идей, но и на всѣхъ искусствахъ, въ особенности на музыкѣ. Отмѣтимъ здѣсь, что Ибсенъ и Вагнеръ вмѣстѣ съ однимъ-двумя изъ

нашихъ драматурговъ—какъ разъ не тѣхъ, кого *мы* ставимъ выше всѣхъ,—составляютъ тѣхъ немногихъ писателей, о которыхъ можно сказать, что они заняли мѣсто въ европейской литературѣ.

Не трудно объяснить этотъ...—какъ бы это сказать?—этотъ упадокъ рода литературы, шедёвры котораго ,можетъ быть, и дѣйствительно представляютъ послѣднее слово человѣческаго духа, но который естественно, самъ по себѣ—вовсе не неизбѣжно долженъ быть литературнымъ; и въ этомъ то его большая слабость! Ода, элегія, романъ, этюдъ во вкусѣ Карлейля или Тена, Эмерсона и Маколея—ничто, если они не представляютъ изъ себя «литературныхъ произведеній», но водевиль или мелодрама отлично могутъ не быть ими. Репертуаръ Скриба и обоихъ Дюма можетъ служить довольно замѣчательнымъ примѣромъ этому. «La Four de Nesle», «L'Etrangère»—не «литература», Эрнани и Burgraves—литература, но за то не драмы. Съ другой стороны, какъ мы знаемъ, романтическій идеалъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ изображеніи, въ выставкѣ своего личнаго я, а драматическое искусство всего менѣе извиняетъ, допускаетъ и выноситъ именно этотъ родъ литературы. Мы собираемся въ числѣ полутора тысячъ, или тысячи восьмисотъ человѣкъ и высиживаемъ по четыре и по пяти часовъ въ зрительномъ залѣ, не для того, чтобы слушать, какъ авторъ будетъ нескромно разсказывать намъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, среди декорацій и съ антрактами; существуютъ формы, которымъ должны подчиняться выраженія личнаго я писателя. Но съ другой стороны существуютъ формы, неизбѣжно требуемыя для вѣрности наблюденія; вотъ почему натурализмъ тоже не могъ имѣть успѣха на театрѣ. Успѣхъ былъ возможенъ только подъ условіемъ возвращенія къ Мольеру и Шекспиру, что наши драматурги назвали бы возвращеніемъ искусства въ дѣтство, съ точки зрѣнія театра. Да и, наконецъ, самое непреложное изъ всѣхъ заключеній критики и исторіи литературы гласитъ, что по причинѣ человѣческой слабости, всѣ роды искусства не могутъ развиваться одновременно, и нужно прибавить, что и здѣсь, какъ и въ природѣ, чѣмъ ближе другъ другу роды, тѣмъ острѣе и яростнѣе конкуренція между ними, и тѣмъ больше они вредятъ другъ другу. Въ нашемъ столѣтіи расцвѣтъ романа какъ бы заглушилъ ростъ драматической литературы.

Есть еще одинъ родъ литературы, который развился на счетъ того, что теряла драматическая литература: это—лирика; и мы можемъ сказать, что это—очень цѣнное возмѣщеніе, такъ какъ поистинѣ ни въ какую эпоху, даже во времена Пиндара и Симонида міръ не слыхалъ болѣе возвышенныхъ криковъ любви и страданія, отчаянія и гордости, энтузіазма и гнѣва; до нашего времени міръ даже не подозрѣвалъ, какое волненіе можетъ возбудить и распространить въ сердцахъ одинъ только человѣческій голосъ. Все это было, конечно, слѣдствіемъ освобожденія личнаго я! Мы еще разъ повторяемъ и не уста-

немъ повторять, что лиризмъ не заключается ни въ роскоши воображенія, ни въ вѣрности передачи, ни въ силѣ чувства: все это—качества, которыя встрѣчаются или могутъ встрѣтиться въ эпопеѣ, въ публичной рѣчи,—рѣчи, которыя говорились съ высоты трибуны собравшимся грекамъ и римлянамъ, или съ высоты амвона христіанскими проповѣдниками, западая въ душу массъ, затрогивали въ ней самыя темныя и таинственныя струны; но лиризмъ это—«личная» поэзія, это—проявленіе личнаго «я» поэта; это—выраженіе въ словѣ, въ ритмѣ, въ звукѣ, того, что есть въ его душѣ самаго глубокаго и сокровеннаго. Мы уже сказали, что это «я» подавленное трепетало около двухсотъ пятидесяти лѣтъ; въ началѣ XIX столѣтія романтизмъ явился освободить его отъ этого долгаго стѣсненія. Тогда-то оно стало изливаться, литься черезъ край вездѣ во всей Европѣ, во Франціи, какъ и въ Англіи, въ Италіи и въ Германіи; именно тамъ, гдѣ къ радости освобожденія присоединялся гнѣвъ на долгое стѣсненіе, именно тамъ естественнымъ слѣдствіемъ было то, что это «я» создало нѣкоторые изъ величайшихъ шедёвровъ, какъ «Донъ-Жуанъ» Байрона или «Аласторъ» Шелли.

Освобожденіе внутренняго я обновило прежде всего искусство классическаго описанія, или, лучше сказать, самый способъ воспринимать природу и исторію; англійскіе «Лакисты», къ которымъ мы позволимъ себѣ отнести также ихъ предшественниковъ, Крабба, Коупера и Бёрнса, были первыми выразителями этого обновленія. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ мы уже сказали, лиризмъ это—*индивидуализмъ*, то гдѣ же онъ могъ прежде всего возродиться, какъ не въ Англіи? Творецъ «Excursion», Вордсфортъ и творецъ «Донъ-Жуана», Байронъ, только въ одномъ этомъ пунктѣ и похожи другъ на друга, но все-таки похожи: сюжетъ ихъ «поэмъ» имѣетъ для нихъ второстепенное значеніе; они разсказываютъ намъ исключительно только свои впечатлѣнія. Фабула и интрига, исторія и природа являются для нихъ только предлогомъ высказаться, выразить себя, и они выражаютъ себя очень разнообразно, но всегда только самихъ себя. Вѣрно ли это также и относительно Кольриджа и Шелли, Соутея и Мура? На этотъ вопросъ должны отвѣтить англичане. Во всякомъ случаѣ, у насъ это вѣрно относительно Ламартина и Гюго, въ «Méditations» или «Odes et Ballades», въ «Orientales» или «Feuilles d'automne». Это было бы вѣрно въ Германіи относительно Кёрнера и Рюкерта, и въ Италіи относительно Уго Фосколо, Манцони, Леопарди, если бы обстоятельства не сдѣлали изъ нихъ прежде всего патріотовъ. Можно сказать о нихъ, вовсе не желая играть словами, что общій всѣмъ имъ характеръ состоитъ въ нежеланіи имѣть и дѣйствительно въ неимѣніи никакого общаго характера. У каждаго изъ нихъ своя манера чувствовать природу и исторію, воспринимать отъ нихъ впечатлѣнія, у каждаго своя манера объединять, комбинировать свои впечатлѣнія и превращать ихъ въ свои стихи по законамъ своего

внутренняго ритма. Впрочемъ и воспитаніе, и жизненный опытъ ихъ были неодинаковы. Онъ былъ тяжелъ для Леопарди, этотъ жизненный опытъ, тяжелъ и для Шелли, но на другой манеръ; онъ былъ мягче для Ламартина и Байрона. Одинъ изъ нихъ писалъ, главнымъ образомъ, элегіи, другой былъ сатирикомъ. Они любили разныя стороны природы и людей. И какъ писателей, я считаю ихъ очень неравной силы и, главное, очень отличными другъ отъ друга; если говорить только о французахъ, то нужно отмѣтить, что между естественной мягкой тягучестью Ламартина и обрывистой твердостью Гюго нѣтъ ничего общаго, или скорѣе—трудно придумать бо́льшую противоположность. Даже риторика ихъ принадлежитъ къ разнымъ школамъ: «Meditations» происходятъ отъ Парни и Шенедолле, «Odes et Ballades»—отъ Жана Баттиста Руссо и Лебрёна. Но поэзія всѣхъ ихъ по существу *субъективна*, слѣдовательно *личная*. И она такова столько же намѣренно, сколько и безсознательно; какой бы предметъ они ни изображали въ своихъ стихахъ, въ немъ интересуетъ ихъ не онъ, каковъ онъ есть самъ по себѣ, а тѣ ощущенія, которыя онъ въ нихъ возбуждаетъ. То же самое надо сказать о нѣмецкихъ романтикахъ, Новалисѣ и Брентано; однако эти писатели такъ же, какъ въ Англіи авторъ «Lalla Rookh» Муръ, или во Франціи авторъ «Eloa» де-Виньи, такъ сказать, приготовляютъ новое измѣненіе лиризма, которое произойдетъ, когда тѣ, кого можно назвать блудными сынами школы, отважатся проникнуть—Jusqu'au fond désolé du gouffre inférieur—и тамъ заблудятся.

Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ люди пишутъ, не было человѣка, который бы не считалъ себя и не имѣлъ бы права считать себя столь же интереснымъ, какъ и всякій другой; показать справедливость этихъ претензій долженъ результатъ, а результатъ здѣсь, это—произведеніе. Вотъ почему между 1830 и 1840 годами лирическая поэзія завалена «исповѣдями» и не только въ стихахъ, но и въ прозѣ, «признаніями», которыхъ никто не просилъ, и «сообщеніями», изъ которыхъ только два или три еще представляютъ нѣкоторый интересъ: мы говоримъ о тѣхъ, которыя оставили Леопарди, Альфредъ де Мюссе и Генрихъ Гейне.

Оригинальный характеръ ихъ заключается въ томъ, что они написаны прямо отъ лица автора и въ нихъ не изображается фиктивныхъ лицъ, какъ Чайльдъ Гарольдъ Байрона или Олимпіо Виктора Гюго. Это, если можно такъ выразиться, чувство въ его чистомъ видѣ, человѣческое сердце открыто и обнажено передъ нашимъ взоромъ. Байроны и Гюго еще скрывали отъ насъ кое-что изъ своихъ несчастій и какая-то стыдливость удерживала или прерывала въ ихъ устахъ самыя сокровенныя признанія. Эти же писатели отдаются намъ цѣликомъ; они выставляютъ передъ нашими глазами всѣ свои несчастія; они находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы раздражать остроту

ихъ. А такъ какъ страданіе одного изъ нихъ—Леопарди, это—природа; страданіе другого, Мюссе, это—любовь, и третьяго, Гейне,—сомнѣніе, то стихи ихъ, отражающіе вѣчность ихъ страданія и его общность, конечно, останутся навсегда самымъ захватывающимъ выраженіемъ невозможности вѣрить—на нѣмецкомъ языкѣ, пресыщенія любовью—на французскомъ и ужасомъ передъ жизнью—на итальянскомъ. Это—острая форма лиризма; идти дальше значило бы—впасть въ сумасшествіе или дойти до глупости, что и случалось съ нѣкоторыми; красота этой поэзіи можетъ быть резюмирована слѣдующими двумя стихами:

Les plus désespérés sont les chants les plus beaux
Et j'en sais d'immortels, qui sont de purs sanglots! *)

И что же? Самыя настоящія рыданія скоро наскучиваютъ тѣмъ, кого они не трогаютъ, и ни тѣ, кого они трогаютъ, ни въ особенности тѣ, кого они потрясаютъ, не могутъ долго выносить того напряженнаго волненія, которое они выражаютъ. Когда воспріимчивость поэта становится для него исключительно только источникомъ страданій, то до такой степени «личное» ея проявленіе легко отвращаетъ отъ него читателя и публику. Намъ не нравится, когда завладѣваютъ нашимъ вниманіемъ, вызывая нашу жалость. *Omnis creatura ingemiscit*: каждому кажется, что поэтъ задѣваетъ его личность, даже тогда, когда онъ не оскорбляетъ ни его самолюбія, ни тщеславія. Отъ него начинаютъ требовать другихъ пѣсенъ, другого характера, отдѣлившихся отъ его собственной личности, болѣе общихъ сюжетовъ, разнообразить которые ему предоставляется полная свобода. И онъ рѣшается удовлетворить требованію; лиризмъ снова становится эпическимъ, философскимъ, символическимъ; это и замѣчается въ литературѣ около 1860 г.

Надъ этимъ превращеніемъ работали въ Англіи Елизавета Броунингъ, Робертъ Броунингъ, Теннисонъ въ «Идилліи Короля», во Франціи Альфредъ де-Виньи, Леконтъ де-Лиль, и всѣ, кого называли *парнасцами*, Викторъ Гюго, авторъ «Легенды вѣка». Дадимъ мѣсто между ними и Теофилю Готье, и, на нѣкоторомъ разстояніи отъ всѣхъ ихъ—Шарлю Бодлеру, поэту «Цвѣтовъ зла» за то вліяніе, которое онъ оказалъ на образованіе *символизма*. Вблизи ихъ отведемъ мѣсто и прерафаэлитамъ, между которыми было, впрочемъ, больше художниковъ, чѣмъ поэтовъ, и назовемъ еще Рихарда Вагнера, дѣятельность котораго,—мы пользуемся случаемъ повторить это,—имѣла на поэзію не меньшее вліяніе, чѣмъ на музыку. Всѣ эти имена очень похожи другъ на друга! И несомнѣнно произведенія этихъ поэтовъ вызываютъ въ нашей памяти совершенно различныя воспоминанія. Какое отношеніе имѣютъ, напримѣръ, «Цвѣты зла» къ «Идилліямъ Короля»? Столько

*) Самыя отчаянныя пѣсни—это самыя прекрасныя, и я знаю безсмертныя пѣсни, которыя нечто иное, какъ настоящее рыданіе.

извращенія съ одной стороны, и такое благородство—съ другой? Какое отношеніе между «Aurora Leigh» и «Emaux et Camées»? Но вглядитесь ближе; сравните внимательнѣе драму Вагнера, поэму Леконта де-Лиль—античную или варварскую, и картину Бёрнъ Джонса и Альмы Тадемы: во-первыхъ, между ними то общее, что всѣ они ищутъ матеріалъ и источникъ вдохновенія внѣ самихъ себя, во внѣшнемъ мірѣ и, главнымъ образомъ, въ мірѣ прошлаго, въ исторіи, преимущественно въ легендѣ. Развѣ въ «Идилліяхъ Короля» не то же содержаніе, что въ «Тристанѣ и Изольдѣ»? Развѣ «Золото Рейна» не повторяется въ «Легендѣ вѣковъ»? Стремленіе къ истинѣ—общее имъ всѣмъ и всѣ они убѣждены, что эта истина не измѣряется ихъ «впечатлѣніями».

Les formes, les couleurs, les sons se répondent! А поэты—только эхо этихъ звуковъ, зеркало для этихъ цвѣтовъ, созерцатели этихъ формъ и всѣ ихъ усилія направлены на то, чтобы отыскать «соотвѣтствіе» между ними. У всѣхъ ихъ чрезвычайно развито уваженіе, мы бы сказали—суевѣріе относительно формы или стиля и тайна словъ имѣетъ для всѣхъ ихъ одинаковую притягательную силу. Нѣкоторые изъ нихъ обращались съ словами, какъ съ драгоцѣнными камнями, аметистами или изумрудами и ставили себѣ единственною цѣлью подбирать ихъ и оправлять въ сверкающіе уборы. Другіе пошли дальше; они увидали или угадали подъ тайною словъ—тайну вещей, пытались проникнуть въ нее,—отсюда родился символизмъ. Конечно, говорить, что въ «Золотѣ Рейна» или въ «Легендѣ вѣковъ» есть тайный скрытый смыслъ,—значитъ преувеличивать; и, однако, несомнѣнно, что въ этихъ произведеніяхъ есть что-то большее, чѣмъ то первое впечатлѣніе, которое отъ нихъ получаешь.

Въ «Destinées» Альфреда де-Виньи это очевидно. Философская мысль, общественная тенденція облекаются тамъ въ классическую форму. Условія поэзіи измѣнились. Произведенія нѣкоторыхъ отсталыхъ творцовъ, вродѣ Верлена, о которомъ столько шумѣли, являются теперь просто конвульсіями умирающаго романтизма. Теперь уже не достаточно чувствовать; отъ поэта требуется, чтобы онъ «зналъ», наблюдалъ и думалъ, чтобы онъ входилъ, какимъ бы то ни было способомъ, но входилъ въ общую жизнь. Какія бы раздѣленія ни существовали теперь между мѣстными и національными школами—парнасцами и романтиками, отнынѣ въ пониманіи лиризма и самой поэзіи установилось единство. Лиризмъ, это—преломленіе вселенной въ душѣ поэта, поэзія это—искусство выразить въ личномъ освѣщеніи тайны вселенной, человѣка и исторіи.

Эволюція исторіи и критики не много отличалась отъ эволюціи лирической поэзіи, *mutatis mutandis*; съ перваго взгляда это можетъ казаться удивительнымъ, но достаточно вдуматься и объясненіе такого параллелизма представится чрезвычайно простымъ. Развѣ не однѣ и тѣ же причины стѣсняли во время господства классицизма и историка

*

и поэта, и слѣдовательно искажали, затемняли и уродовали понятіе и одного и другого искусства? Такъ какъ только одни великія историческія дѣянія считались достойными трагической сцены, то установилась особаго рода взаимность, вслѣдствіе которой только дѣянія, способныя быть сюжетомъ трагедіи, стали считаться пригодныиъ историческимъ матеріаломъ достойнымъ вниманія историка. А такъ какъ поэту въ то же время прежде всего вмѣнялось въ обязанность не примѣшивать своей личности къ произведенію, то и историку предписывалось видѣть и показывать въ своихъ разсказахъ только «универсальнаго» человѣка; ни тотъ, ни другой не имѣли права останавливаться на подробностяхъ, или на частностяхъ, которыя на фамильярномъ языкѣ называли словами Вольтера: «паразитами, гложущими великія произведенія»; обязанность обоихъ, и историка, и поэта, состояла въ томъ, чтобы резюмировать по строгому выбору, обобщать выбираемый матеріалъ и дѣлать его отвлеченнымъ. Поэтому вполнѣ естественно, что эмансипація исторіи явилась почти одновременно съ появленіемъ лирической поэзіи. Если о Карлейлѣ въ Англіи и о Мишле во Франціи можно было сказать, что они — «поэты въ прозѣ», то это вовсе не случайно. Точно также можно было провести параллель между пріемами Леконтъ де Лиля въ его «Poémes barbares» и Эрнеста Ренана въ его произведеніяхъ: «Etudes d'histoire religieuse,» или «Histoir comparée des langues sémitiques». Между Робертомъ Броунингомъ и Джономъ Рёскиномъ найдется не одна общая черта. А какъ много могли бы мы сказать въ этомъ смыслѣ о столькихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ писателяхъ, для которыхъ лиризмъ и исторія, дѣйствуя попеременно, были,—лиризмъ—средствомъ возбудить объединяющій патріотизмъ, а исторія--средствомъ поддерживать и разжигать это возбужденіе.

Мы не будемъ характеризовать въ этомъ очеркѣ успѣховъ исторіи въ XIX столѣтіи. Достаточно сказать, что пріобрѣтеніе новаго понятія, понятія о разнообразіи эпохъ, превратило исторію изъ монотоннаго и скучнаго перечня сраженій и разбора мирныхъ договоровъ, прерываемыхъ изрѣдка философскими соображеніями,—въ искусство, которое, такъ сказать соперничая съ живописью, задается цѣлью передать намъ то, что можно назвать окраскою и физіономіей эпохи. При свѣтѣ лучше и шире понимаемаго тожества человѣческаго вида исторія самаго отдаленнаго прошлаго, исторія Греціи, въ монументальной работѣ Грота, или исторія Рима, въ большой книгѣ Моммсена, или наконецъ, исторія израильскаго народа, въ послѣднемъ произведеніи Ренана, такъ сказать, освѣтилась неожиданными отблесками, которые проливаетъ на нее изученіе современности. Мы не будемъ перечислять, благодаря какимъ успѣхамъ науки общая исторія осложнилась и обогатилась вкладами исторіи отдѣльныхъ странъ, исторіей религій, языковъ, учрежденій и нравовъ, исторіей литературы и искусства и сдѣлалась такимъ образомъ живымъ изображеніемъ пріобрѣтеній и потерь человѣческаго ума, прогресса и обратнаго движенія цивилизаціи.

Такимъ образомъ, исторія находится въ зависимости вовсе не отъ одной литературы. Она интересуетъ и даетъ знанія, даже и не будучи «литературной»: «Historia, quoquo modo scripta, semper legitur». Ученые бенедиктинцы, которые въ половинѣ XVIII вѣка задумали писать литературную исторію Франціи и начали приводить свой проектъ въ исполненіе, не обращая вниманія на насмѣшки Вольтера, — вовсе не были «писателями», и изданія вродѣ du-Cange'a, или «Corpus Inscriptionum Graecarum», вовсе не будучи «литературою», несомнѣнно, являются «исторіей». Но не упуская изъ вида этого различія, можно всетаки обойти его, а такъ какъ критика, какъ ее понялъ XIX вѣкъ и завѣщалъ начинающемуся столѣтію, сдѣлалась душою исторіи, то мы можемъ и даже должны дать здѣсь очеркъ ея эволюціи.

Критика сначала была чисто литературной; такою мы видимъ ее въ лекціяхъ Лагарпа, Мари-Жозефа Шенье, Непомусена Лемерсье и въ «Исторіи Итальянской Литературы» Шингене. Шатобріанъ, м-мъ де-Сталь, въ «Кориннѣ» и книгѣ «О Германіи», вслѣдъ за нею Бенжаменъ Констанъ, Сисмонди, Форіель, оба Шлегеля, Августъ-Вильгельмъ и Фридрихъ (особенно послѣдній въ своей «Исторіи Литературы»), новооснованные журналы «Edinburgh» и «Quarterly Review» въ Англіи, и нѣсколько лѣтъ спустя «Revue de Deux-Mondes» во Франціи значительно подвинули впередъ критику, превративъ ее изъ мѣстной и національной—въ сравнительную и историческую, изъ догматической—въ объяснительную. Прежде чѣмъ судить, оказывалось необходимымъ понимать, и писатель уже долженъ былъ отвѣчать не только за свой слогъ, какъ прежде, но и за свои идеи, и не только за свои литературныя и философскія идеи, но, главнымъ образомъ, за свои политическія идеи. Въ этомъ-то и заключалась ошибка пониманія, что особенно замѣтно на лекціяхъ Вильмена о «Французской литературѣ XVIII вѣка». Это—рѣчи ритора, но ритора съ очень живыми политическими страстями, который хотѣлъ сдѣлаться министромъ, и политика занимаетъ въ нихъ столько же, или даже больше мѣста, чѣмъ литература. То же самое можно сказать о критикѣ «Le Globe». Для всевозможныхъ Дюбуа и Ремюза литература, все равно подъ какою вывѣскою, подъ классической или подъ романтической, это — только подготовка къ политикѣ; въ Шекспирѣ они больше всего восхищаются «согражданиномъ» Питта и Фокса, Шеридана и Бюрке, Каннинга и Кастрелерейга. «Опыты» Маколея представляютъ шедёвръ этого рода критики; о чемъ бы ни говорилъ авторъ—о Дантѣ или Макіавелли, о Фридрихѣ II или Мирабо, о Драйденѣ или Самюелѣ Джонсонѣ, онъ прежде всего имѣетъ въ виду то, что извлекутъ изъ его словъ тори или виги. Если бы этотъ недостатокъ и эта предвзятая идея не выкупались у него рѣдкими качествами, любовью къ точности и опредѣленности, богатствомъ ораторскаго воображенія и, какъ подобаетъ англичанину, вниманіемъ къ вопросамъ морали, то онъ бы

такъ и остался простымъ Вильменомъ. Поэтому-то романтики и въ Англіи, и во Франція, и въ Германіи избѣгали этого рода критики и, освободясь отъ всякаго авторитета, кромѣ своего собственнаго, основали критику прежде всего и исключительно *импрессіонистскую* и субъективную: т.-е. критику, которая, въ сущности, является просто дневникомъ или памятной книжкой ихъ впечатлѣній отъ чтенія.

Превосходнымъ образцомъ этого рода критики можетъ служить «Les premiers Lundis», «Portraits littéraires», «Portraits Contemporains»— Сенъ-Бёва — изъ первыхъ его произведеній; «Опыты» Шарля Ламба представляютъ преувеличеніе этого пріема. О немъ говорили, что «никогда еще человѣкъ не былъ до такой степени лишенъ критическаго смысла: у него имѣются только симпатіи и антипатіи; книги — его друзья, или—его враги». Конечно, это—не то, что мы теперь называемъ критикой, но такова была прежняя критика, и эти слова даже служатъ наилучшимъ опредѣленіемъ романтической критики. Въ критикѣ романтиковъ только и были, что симпатіи и антипатіи; книги и люди были ихъ друзьями, или врагами; и романтики обращались съ ними соотвѣтственнымъ образомъ, не прикрываясь никакимъ правомъ, кромѣ своего настроенія, и, по правдѣ сказать, совершенно не считаясь ни съ справедливостью, ни съ безпристрастіемъ.

Такое пониманіе и такое искаженіе критики могло продолжаться только въ эпоху литературной войны; и дѣйствительно оно скоро измѣнило характеръ; я не говорю о писаніяхъ Низара или Сенъ-Марка Жирардена, такъ какъ это не европейскія, а только французскія имена, но сссылаюсь на «Port-Royal» Сенъ-Бёва. Что же новаго заключаетъ «Port-Royal» Сенъ-Бёва? А то, что литературныя произведенія и движеніе мысли не изучаются въ этой книгѣ сами по себѣ, ради ихъ самихъ, ради личнаго удовольствія или поученія, которыя они могутъ дать, а какъ «документы», главный интересъ которыхъ въ томъ, что они показываютъ намъ, насколько человѣкъ можетъ отличаться отъ тѣхъ, кто больше всего на него похожъ. Задачею критики здѣсь является характеристика индивидуальностей, и очеркъ «естественной исторіи умовъ», по выраженію самого критика. Именно эту задачу ставилъ себѣ Карлейль въ своихъ «Очеркахъ», и въ особенности въ своихъ лекціяхъ о «Поклоненіяхъ героямъ».

Вся разница между обоими писателями — по существу, такъ какъ по формѣ ничего не можетъ быть менѣе похоже на апокалиптическую манеру Карлейля, какъ искусная, часто предательская и всегда уклончивая манера Сенъ-Бёва,—вся разница состоитъ только въ томъ, что Карлейль больше обобщаетъ и беретъ для изученія только индивидуальности, которыя онъ разсматриваетъ нѣсколько произвольно и выставляетъ, какъ типы. Останемся въ области естественной исторіи, такъ какъ все равно намъ не суждено больше выдти изъ нея. Сенъ-Бёвъ изучаетъ личности, какъ таковыя и самихъ по себѣ; Карлейль уже видитъ въ нихъ представителей вида, или рода, во львѣ или въ

кошкѣ его интересуетъ именно существо кошачьей породѣ. Эмерсонъ дѣлаетъ еще шагъ въ этомъ направленіи въ своемъ произведеніи: «Representative Men», переведенномъ на французскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Les surhumains» («Сверхъ-человѣкъ»), и это заглавіе довольно удачно подобрано и хорошо выражаетъ мысль. Великіе люди, которыхъ онъ выбираетъ своими героями, дѣйствительно, превышаютъ общую мѣру, но переходятъ ее, реализуя ея содержаніе болѣе полно и болѣе совершенно. Они являются на дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ другіе люди большею частью бываютъ только въ возможности; и развѣ не справедливо названы герои Эмерсона «типами», представителями «семейства», возвышающимися надъ «родомъ» или «видомъ»?

Такимъ образомъ, между 1830 и 1850 годами романтическая критика, во многихъ отношеніяхъ еще импрессіонистская и субъективная, объективируется и сталкивается въ этотъ моментъ своего развитія съ гегеліанскими идеями, тѣми идеями, которыя самъ Гегель, или одинъ изъ его учениковъ (самый «литературный» изъ нихъ, это—Карлъ Розенкранцъ) выразилъ въ своей эстетикѣ; это столкновеніе вызвало новое превращеніе.

Помогли этому превращенію, главнымъ образомъ, трое людей: всѣ трое—французы. Это—Эрнестъ Ренанъ, Ипполитъ Тенъ и Эдмонъ Шереръ. Послѣднему, наименѣе «писателю» изъ всѣхъ троихъ, мы обязаны однимъ изъ самыхъ лучшихъ когда-либо и на какомъ-либо языкѣ написанныхъ этюдовъ о Гегелѣ и гегеліанствѣ. Два другіе автора—великіе художники, оставившіе однѣ изъ самыхъ прекрасныхъ страницъ французской прозы въ XIX вѣкѣ. Ренанъ написалъ самыя красивыя, можно сказать, платоновскія страницы, а Тенъ — самыя смѣлыя и мужественныя (мы не говоримъ—самыя краснорѣчивыя, такъ какъ часто имъ не достаетъ соразмѣрности) и самыя яркія. Всѣ трое стремились къ одной цѣли, и ихъ великая заслуга въ томъ, что усилія ихъ въ этомъ направленіи не остались безъ результата: они хотѣли поставить литературныя произведенія внѣ разнообразія личныхъ сужденій, основывая эстетику на результатахъ филологіи и экзегетики, физіологіи и естественной исторіи, этнографіи и сравнительной патологіи. Шедевры ихъ въ этомъ родѣ, это — «Общая исторія семитическихъ языковъ» и «Очерки исторіи религіи» Ренана и «Исторія англійской литературы» и «Философія искусства» Тена.

Въ этомъ послѣднемъ произведеніи выясняется, какъ отъ разсмотрѣнія личности «Representative Men», критика перешла къ классификаціи этихъ типовъ въ исторіи, къ разрѣшенію вопроса, представителями чего являются они, и пришла къ убѣжденію, что они настолько же представляютъ всѣ вліянія, дѣйствовавшія на нихъ вмѣстѣ съ ихъ неизвѣстными современниками, какъ и самихъ себя. Критика уменьшила эти личности на всю сумму найденныхъ вліяній (сводя иногда эту сумму вліяній просто къ итогу великихъ окружающихъ давленій—расѣ, средѣ,

историческому моменту); въ концѣ концовъ, критика установила, что самъ геній или талантъ въ искусствѣ и литературѣ — продукты, какъ «сѣрный купоросъ и сахаръ», сложные по своей природѣ, которые наука можетъ надѣяться разложить на составные элементы. Несомнѣнно, противъ такого пониманія критики можно сказать многое, но теперь не въ этомъ дѣло; во всякомъ случаѣ, нельзя не признать его величія и красоты; и Тенъ, и Ренанъ, какъ писатели, конечно, обязаны частью своихъ качествъ такому пониманію критики. Что также несомнѣнно, такъ это — то, что этотъ родъ критики пользовался чрезвычайнымъ успѣхомъ, и прекрасная «Исторія Итальянской Литературы» Франческо де-Санктисъ и книга Георга Брандеса — датскаго критика о «Великихъ теченіяхъ европейской литературы въ XIX столѣтіи» написаны по методу и по примѣру Тена и Ренана. Но за послѣдніе нѣсколько лѣтъ авторитетъ этого метода начинаетъ падать. Стремленію его авторовъ основать критику на научномъ и квази-научномъ фундаментѣ, противопоставляется, съ одной стороны, открывающій широкое поле для множества очень сильныхъ возраженій дилетантизмъ, или говоря вѣрнѣе, скептицизмъ, а съ другой стороны—такъ называемая «соціологическая» и «соціальная» критика. Послѣдняя съ каждымъ днемъ отвоевываетъ все больше и больше мѣста у «научной» критики, которая слишкомъ безстрастно относится къ моральному достоинству произведеній литературы и искусства. Книги имѣютъ послѣдствія; картины также могутъ ихъ имѣть; правда, Тенъ сомнѣвался въ этомъ и понялъ это только въ концѣ своей жизни. Мы уже сказали выше, что если это превращеніе критики завершится, то съ нимъ нужно будетъ связать имя Джона Рёскина.

О натурализмѣ говорили, что онъ въ извѣстномъ смыслѣ представляетъ не больше и не меньше, какъ приложеніе критики къ такимъ родамъ литературныхъ произведеній, которыя раньше были цѣликомъ въ области воображенія; опредѣленіе это, очевидно, слишкомъ узко. Оно выражаетъ только одну изъ сторонъ натурализма. Но эта сторона представляетъ живой интересъ и формула эта всего лучше подходитъ къ роману. Какъ извѣстно, «классическихъ» романовъ мало и, оставляя въ сторонѣ романы Рабле и Сервантеса, которые представляютъ скорѣе эпопею, чѣмъ романъ, можно назвать только авантюристскій романъ испанцевъ, давшій у насъ «Жиль-Блаза» —Лесажа и англійскій романъ XVIII вѣка, съ Даніелемъ де-Фоэ, Ричардсономъ и особенно Фильдингомъ въ качествѣ представителей. Нужно ли прибавить еще «Манонъ Леско»—аббата Прево? «Элоиза» принадлежитъ къ другой категоріи и, по правдѣ сказать, не знаешь, какимъ именемъ ее назвать. Въ это время всюду, и даже въ Англіи, театръ притягивалъ къ себѣ всѣ литературныя честолюбія и всѣ наличные таланты. Но въ концѣ XIX столѣтія романъ проявилъ *пластичность*, которой отъ него не ожидали, обогатился въ свою очередь всѣмъ тѣмъ, что утратилъ изъ своего прежняго значенія театръ, и неза-

мѣтно приспособился ко всѣмъ требованіямъ современнаго духа. Плодовитость современнаго романа вызываетъ иногда удивленіе и даже аффектацію негодованія. Удивленіе понятно, но негодованіе совершенно неосновательно. Все, что только можно сказать, было въ теченіе этого столѣтія сказано въ романѣ; романъ сдѣлался универсальнымъ родомъ литературы; и—скажемъ прямо—изъ всѣхъ способовъ дѣлать доступными для толпы трудныя задачи, волнующія современную душу, самымъ могучимъ, можетъ быть, по своей привлекательности, является романъ.

Съ самаго начала XVIII столѣтія «Вертеръ» Гете и «Исповѣдь» Руссо, въ которыхъ истина до такой степени перемѣшивается съ фикціей и даже съ ложью, уже направили этотъ родъ литературы въ сторону приближающагося романа; и нужно замѣтить, что хронологически романисты раньше поэтовъ завоевали себѣ право открыто говорить съ нами о самихъ себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое «Атала» или «Рене» Шатобріана? «Дельфина» или «Коринна» м-мъ де-Сталь? «Оберманъ» Сенанкура или «Жакопо Ортисъ»—Уго Фосколо, или «Адольфъ»—Бенжамена Констана? Это—*личные* романы, героями которыхъ являются авторы, подъ болѣе или менѣе прозрачной маской; въ то же время это—лирическіе романы. Они изобилуютъ лирическими пріемами: восклицаніями, байроновскими отступленіями, обращеніями, прозопопеями, размышленіями, криками возмущенія, отчаянія, цѣлыми строфами, къ которымъ поэту остается только подобрать риѳмы. Главная разница сводится къ тому, что, исповѣдуясь сами авторы исповѣдуютъ въ нихъ и другихъ; но вѣдь не можетъ же быть романа съ однимъ только дѣйствующимъ лицомъ: этотъ родъ литературы требуетъ, по крайней мѣрѣ, двухъ героевъ. Но въ этихъ романахъ, также какъ въ одахъ и элегіяхъ, «Оберманъ» и «Рене» являются только выраженіемъ личныхъ чувствъ Сенанкура и Шатобріана. Наблюденіе авторовъ обращено внутрь, ограничено ими сами. И они сохраняютъ и выставляютъ на видъ не тѣ стороны самихъ себя, которыми они похожи на насъ, «форму обычной человѣческой жизни», а наоборотъ то, что они считаютъ въ себѣ оригинальнымъ и исключительнымъ. «Я созданъ не такъ, какъ всѣ тѣ люди, которыхъ я видѣлъ; я смѣю думать, что созданъ такъ, какъ никто больше изъ существующихъ людей». Это — первая фраза въ «Исповѣди» Руссо. Она могла бы служить эпиграфомъ ко всѣмъ романамъ, о которыхъ мы упомянули, и могла бы фигурировать на заглавномъ листѣ «Индіаны», «Наслажденія» и «Исповѣди сына вѣка».

Но подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта и Манцони, романъ котораго «Обрученные» безспорно остается однимъ изъ шедевровъ этого рода литературы, эпическій или повѣствовательный романтизмъ сталъ искать болѣе объективнаго отраженія самого себя въ «воскрешеніи прошлаго», и успѣхъ историческаго романа началъ стѣснять развитіе романа «личнаго».

Ничего не могло быть естественнѣе этого для Германіи и Италіи, гдѣ несмотря на космополитизмъ Гете ясно чувствовалось, что настоящая свобода личности можетъ быть достигнута только въ «общемъ» отечествѣ.

Отсюда — появленіе романовъ Новалиса и Арнима: «Генрихъ Офтердингенъ» и «Стражи короны», и романовъ Максимо d'Азеглio и Доменико Гверацци: «Гекторъ Фіерамоско» и «Беатриче Ченчи». Историки итальянской литературы говорятъ, что эти романы были въ Италіи «средствомъ агитаціи и борьбы противъ иностранцевъ»; а въ Германіи романы Новалиса и другихъ подобныхъ ему авторовъ вызывали призраки феодальнаго прошлаго и переносили нѣмцевъ отъ раздѣленій настоящаго къ воспоминаніямъ о древнемъ единствѣ. Этотъ «мѣстный» патріотизмъ несомнѣнно игралъ извѣстную роль въ склонности Вальтеръ-Скотта къ шотландскимъ «сюжетамъ» вродѣ: «Вэверлей», «Робъ Рой», «Шотландскіе пуритане», «Эдинбургская темница», но его внутреннія побужденія были уже болѣе безкорыстными. Совершенно безкорыстными можно признать побужденія авторовъ въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Пятое Марта» Альфреда де Виньи, «Карлъ IX», Проспера Мериме, «Соборъ Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Эти авторы воскрешали прошлое ради него самого, изъ влеченія и любви къ мѣстному колориту. Подъ тѣмъ же самымъ настроеніемъ Эдвардъ Бульверъ написалъ «Послѣдняго изъ бароновъ» и, ближе къ намъ, Теккерей—«Генри Эсмонда». И тѣ, и другіе безсознательно, за исключеніемъ можетъ быть Мериме, подготовляли успѣхъ *реалистскаго* романа. Вѣдь настоящее когда-нибудь и для кого-нибудь сдѣлается «прошлымъ», если множество подробностей, исключавшихся до сихъ поръ изъ романа, такъ какъ онѣ считались вульгарными, вошли въ разсказы изъ временъ Карла IX или Варвика, то почему имъ не войти и въ романы изъ временъ Луи-Филиппа и королевы Викторіи. Никто не понялъ этого лучше нашего Бальзака, и переходъ отъ историческаго къ реалистскому роману не толькоз амѣтенъ, но, можно сказать, прямо очевиденъ въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ лучшихъ его произведеній: напр., «Шуаны» и «Темное дѣло».

Чтобы очертить эволюцію реалистскаго, или *бытового* романа, называя его болѣе общимъ именемъ, нужно было бы написать цѣлую большую книгу. Мы будемъ называть бытовымъ романомъ тотъ родъ романа, который ставитъ себѣ цѣлью изобразить исторію современной жизни. Исторію опредѣлили какъ «романъ, который былъ, а романъ,— какъ исторію въ возможности». Но сказать только это недостаточно. Романъ Бальзака, Флобера, Гонкуровъ, Золя, Доде, Мопассана во Франціи, Теккерея, Диккенса, Шарлотты Бронте, Джорджъ Эліотъ въ Англіи, и, наконецъ, романъ Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Толстого—въ Россіи не удовлетворился тѣмъ, чтобы быть исторіей «въ возможности»; онъ былъ ею въ свое время, ставилъ себѣ

цѣль быть ею, уже теперь мы можемъ утверждать, что историкъ будущаго нигдѣ не отыщетъ болѣе многочисленныхъ и любопытныхъ документовъ относительно интимной структуры современнаго общества. Мы не назовемъ эти документы самыми подлинными и вѣрными. Нужно будетъ умѣть разбираться. Столько разныхъ по происхожденію, воспитанію и таланту писателей не могли видѣть и не видѣли дѣйствительность подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія, они, несомнѣнно, искажали ее, одинъ въ одномъ направленіи, другой—въ другомъ, и ни одинъ изъ нихъ, конечно, не угонялся за ея безконечной сложностью. Въ дѣйствительности всегда будетъ гораздо больше явленій, чѣмъ можетъ схватить и выразить искусство одного человѣка. Все, что называется изяществомъ, утонченностью, обыкновенно ускользало отъ натурализма, и герцогинямъ Бальзака больше всего не хватаетъ аристократизма. Но что еще страннѣе, такъ это то, что въ натурализмѣ часто не доставало естественности, то-есть свободы, легкости, граціи. Кромѣ того нужно замѣтить, что если англійскій, французскій и русскій натурализмъ и представляютъ нѣкоторыя общія черты—въ сущности самыя главныя, хотя не самыя замѣтныя, то между ними есть и довольно большія различія. Французскій натурализмъ обращался со своими образцами нѣсколько свысока, часто сурово, и интересы искусства не разъ отвлекали его отъ точнаго подражанія дѣйствительности. Онъ «поправлялъ» то, что списывалъ, обыкновенно уродуя это. Англійскій натурализмъ былъ переполненъ нравственными и гуманитарными намѣреніями и у Диккенса, и у Джорджъ Эліотъ, и даже у Теккерея и часто смѣшивалъ искусство съ моралью, не всегда покрывая эту наклонность къ проповѣдничеству своей прирожденной тенденціей къ карикатурѣ. Кромѣ того, какъ мы уже сказали, онъ злоупотреблялъ правомъ вызывать въ насъ чувство жалости къ своимъ героямъ. А русскій натурализмъ, проникнутый ироніей у Гоголя, окрасился мистицизмомъ у Толстого и сдѣлался болѣзненнымъ и революціоннымъ въ одно и то же время въ романахъ Достоевскаго. Онъ сталъ съ большою легкостью пользоваться пріемами мелодрамы и романа-фельетона. И, конечно, какъ мы уже сказали, все это искажало дѣйствительность. Но тѣмъ не менѣе, насколько вѣрно, что для первой половины XIX столѣтія изъ всѣхъ формъ литературы, а можетъ быть и вообще искусства, всего характернѣе лирическая поэзія, также вѣрно, что для второй половины столѣтія всего знаменательнѣе натуралистскій романъ. Очень вѣроятно, что когда-нибудь натуралистскій романъ будетъ въ исторіи новѣйшей цивилизаціи чѣмъ-то столь же значительнымъ, какъ и голландская живопись, съ которою онъ имѣетъ не одну общую черту, какъ замѣтилъ читатель. Другіе писатели были нашими флорентинцами и венеціанцами; Бальзакъ, Флоберъ, Диккенсъ, Эліотъ, Толстой и Достоевскій будутъ нашими Франсъ Хальсами, Міерисами, Тернбургами и даже самимъ Рембрандтомъ.

Но подражаніе природѣ, несомнѣнно составляющее начало всякаго искусства, не является его предѣломъ или даже его главной цѣлью, такъ какъ существуютъ вовсе не подражательныя искусства. Вотъ почему натуралистскій романъ, торжествовавшій извѣстное время надъ всѣми конкурирующими видами романа, все-таки не могъ окончательно задушить ихъ, а слѣдовательно и помѣшать ихъ возрожденію. Кромѣ того, въ какой бы формѣ ни были созданы великія художественныя произведенія, они дѣлаются достояніемъ исторіи искусства, если не исторіи самой природы, они живутъ какъ «образцы»; и всегда находится кто-нибудь, кто пробуетъ воспроизвести ихъ. Ни историческій романъ, ни тѣмъ болѣе субъективный романъ не умерли отъ торжества натурализма, и мы едва смѣемъ сказать это о живомъ еще писателѣ, — романы Лоти — не ниже «Atola». Къ этимъ субъективнымъ романамъ Лоти можно поставить въ параллель романы Габріеля д'Аннунціо: «Дитя наслажденія», «Невинный», «Торжество смерти». Успѣхъ натуралистскаго романа не уничтожилъ вполнѣ и успѣха психологическаго романа, какъ его понимали и создавали сама Жоржъ Зандъ, Октавъ Фелье, Викторъ Шербюлье у насъ, Джорджъ Эліотъ и Мередитъ—въ Англіи; еще ближе къ нимъ при равномъ вліяніи Бальзака и Стендаля писалъ Поль Бурже, авторъ «Mensonge», Disciple» и «Coeur de femme». Съ другой стороны понятно, что натуралистскій романъ легко можетъ въ то же время быть психологическимъ, какъ, напримѣръ, «Мидльмарчъ», а психологическій романъ натуралистскимъ; примѣромъ можетъ служить Поль Бурже, по крайней мѣрѣ, первые его романы.

Натуралистское наблюденіе направляется извнѣ во внутрь; психологическое наблюденіе—изнутри наружу. Первое занимается тѣмъ и останавливается на томъ, что видно, второе — пытается уловить и опредѣлить то, чего не видно. Натуралистъ интересуется поступками, психологъ—мотивами поступковъ. Прибавимъ, что перваго интересуютъ главнымъ образомъ общіе и типическіе случаи, а второго—случаи рѣдкіе или странные. Но изучая человѣческія дѣянія въ ихъ результатахъ, какъ натуралистъ, или въ ихъ причинахъ, какъ психологъ, эти писатели неизбѣжно должны встрѣчаться, и та почва, на которой они встрѣчаются, и составляетъ собственно область психологическаго романа.

Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ сдѣланъ шагъ въ новомъ направленіи. «Каждый фактъ,—писалъ Эмерсонъ,—одной изъ своихъ сторонъ принадлежитъ ощущенію, а другою стороною входитъ въ область нравственности». Романисты поняли это и вопросы морали такъ сказать произвели вторженіе въ романъ. Любопытно прослѣдить участіе женщинъ въ этомъ превращеніи. Начало положила м-мъ де-Сталь, такъ какъ нельзя отрицать, что «Дельфина» и «Коринна» представляютъ то, что мы теперь называемъ «феминистскимъ» романомъ.

За нею послѣдовала Жоржъ Зандъ, въ которой русская критика единогласно признаетъ вдохновительницу «религіи человѣческихъ страданій». Я говорю въ данномъ случаѣ о Жоржъ Зандъ ученицѣ Ламенне, Пьера Леру, Мишеля де-Буржа. Затѣмъ явились по очереди: Шарлота Бронте, Джорджъ Эліотъ, Елизавета Гаскель, съ своими романами: «Дженни Эйръ», «Мари Бартонъ», «Даніель Деронда»; я не говорю о миссисъ Бичеръ - Стоу и миссъ Кумминсъ. Теперь миссисъ Гумфри Уордъ въ своихъ романахъ,—«Робертъ Эльсмеръ», «Давидъ Гривъ», «Марчелла», не боится затрагивать самые важные вопросы настоящаго. На ряду съ нею назовемъ миссъ Оливъ Шрейнеръ, въ Италіи Матильду Серао, въ Испаніи—Эмилію Пардо Базанъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя сказать, что женщины, съ своимъ гордымъ и безсознательнымъ презрѣніемъ къ литературнымъ условностямъ и вообще ко всему тому, что западные мандарины понимаютъ подъ «тайнами искусства», а въ особенности съ тѣмъ чувствомъ жалости, которое овладѣваетъ ими при видѣ человѣческихъ страданій, что женщины Англіи, Франціи, Италіи, Скандинавскаго сѣвера — именно женщины открыли натуралистическому роману его общественное значеніе? Похвалимъ же и мужчинъ за то, что они повѣрили женщинамъ. Болѣе или менѣе глубокое изученіе общественныхъ вопросовъ до сихъ поръ кажется несовмѣстимымъ съ требованіями искусства; но мы не сомнѣваемся, что настанетъ день, когда можно будетъ совмѣстить ихъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ названныхъ писательницъ уже почти успѣли въ этомъ. И будьте увѣрены, что эта тенденція согласуется съ тенденціями истекшаго столѣтія, которыя такъ странно прославили его конецъ, и что поэтому самымъ лучшимъ совѣтомъ романистамъ будетъ совѣтъ продолжать держаться этихъ тенденцій; онъ же будетъ имъ и самымъ пріятнымъ совѣтомъ.

Этотъ же совѣтъ можно дать и послѣдней категоріи «литераторовъ», о которой намъ остается сказать нѣсколько словъ,—ораторамъ. Современная Европа знала великихъ ораторовъ и въ адвокатурѣ, и на трибунѣ, и на амвонѣ; я не думаю, чтобы какой - нибудь англичанинъ сталъ спорить, если я въ сторонѣ и выше другихъ ставлю кардинала Ньюмана.

Но я не знаю, почему изъ стольких ораторовъ только очень немногіе съ честью выдерживаютъ испытаніе чтеніемъ; чтобы вполнѣ понять, сколько физическаго элемента содержитъ краснорѣчіе, лучше всего попробовать теперь перечитать самыя прославленныя рѣки какого-нибудь Лакордера или Беррье.

Въ нѣкоторыхъ рѣчахъ Монталамбера больше содержанія и, главное, больше заразительнаго волненія. Въ свое время Вильменъ очень хвалилъ рѣчи лорда Чатама, а Маколей — рѣчи Шеридана и Бюрке, но всѣ эти ораторы принадлежатъ XVIII столѣтію. Рѣчи Гладстона и Дизраели, которые однако были профессіоналами литературы, вовсе не

занимательно читать, а историкъ, который будетъ справляться съ рѣчами графа Кавура или князя Бисмарка, не будетъ искать въ нихъ литературныхъ красотъ. Я осмѣливаюсь прибавить, что однѣ «декламаціи» дона Эмиліо Кастеляра, которыя искрятся красотами этого рода, могли бы уже отвратить насъ отъ такихъ поисковъ. Нигдѣ сильнѣе, чѣмъ въ собраніи этихъ рѣчей, не обнаруживается противорѣчіе между пустою звучностью извѣстнаго сорта краснорѣчія, впрочемъ весьма музыкальнаго, и практическими, такъ сказать, реальными требованіями новѣйшей политики.

Эта важная причина лишила краснорѣчіе его прежняго могущества и какъ бы отняла у него литературное достоинство. Впрочемъ на этотъ счетъ слѣдуетъ замѣтить, что краснорѣчіе всегда было рѣдко, почти также рѣдко какъ поэзія, или еще рѣже—по словамъ Цицерона въ его сочиненіи «De Oratore»; доказательствомъ этому можетъ служить тотъ фактъ, что у насъ, во Франціи, гдѣ даже тенденція литературы такъ долго была «ораторской», изъ такого множества ораторовъ, говорившихъ съ высоты церковнаго амвона, сохранилось только три имени: Боссюе, Бурдалу, Мальсильонъ, но за то они записаны въ исторіи на почетномъ мѣстѣ. Это вообще участь тѣхъ родовъ литературы, вліяніе и полезность которыхъ до извѣстной степени независимы отъ ихъ литературнаго достоинства. Ни проповѣдуя, ни защищая, ни произнося политическую рѣчь, ораторъ не имѣетъ въ виду создать литературное произведеніе. Интересъ къ искусству играетъ здѣсь совершенно второстепенную, такъ сказать вспомогательную роль; не даромъ Низаръ и послѣ него другіе ставили въ упрекъ Массильону, что въ его «Проповѣдяхъ» слишкомъ проглядываетъ забота о художественной сторонѣ и что это портитъ ихъ. Флешье, у котораго эта работа видна совершенно ясно—просто на просто риторъ. Въ самомъ дѣлѣ, стараніе нравиться, не отдѣлимое отъ всякаго литературнаго замысла, кажется неумѣстнымъ, неприличнымъ, профанирующимъ въ рѣчи, произносимой съ церковнаго амвона. Оно производитъ такое же впечатлѣніе, хотя и по другимъ причинамъ, и въ адвокатской рѣчи, и въ рѣчи, произносимой съ трибуны. Судъ и палата — не академія и языкъ произносимыхъ тамъ рѣчей долженъ зависѣть отъ потребностей дѣйствія. Это новая причина, объясняющая не паденіе, но «искаженіе» стараго ораторскаго искусства. Въ началѣ прошлаго столѣтія оно было искусствомъ, теперь оно сдѣлалось оружіемъ, а истинная красота оружія— не въ богатствѣ и изяществѣ его, а въ томъ, насколько хорошо оно закалено и насколько далеко бьетъ. Если намъ скажутъ, что у древнихъ, гдѣ краснорѣчіе гораздо больше правило дѣлами, чѣмъ у насъ, оно не помѣшало Цицерону и Демосѳену пользоваться литературной славой, не уступающей славѣ Ѳукидида и Лукреція, то, вступаясь за нашихъ великихъ проповѣдниковъ, мы спросимъ отъ ихъ имени: «А сколько было Цицероновъ и Демосѳеновъ?» И прибавимъ отъ себя, что у древнихъ не было ни книгопечатанія, ни прессы, ни книгъ, ни газетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно сказать, что все, что потерялъ въ наше время театръ—выигралъ романъ, а нужно сказать, что театръ потерялъ *именно потому*, что выигралъ романъ; точно также краснорѣчіе утрачивало во власти, въ общественномъ довѣріи, во вліяніи все то, что пріобрѣтала газета. А между тѣмъ, мы еще разъ повторяемъ это, въ развитіи большой литературы, за исключеніемъ почти чудесныхъ случаевъ совпаденія, рѣдко находится мѣсто для всѣхъ родовъ литературы одновременно. Краснорѣчіе уже больше не создаетъ «движеній общественнаго мнѣнія», какъ создавало нѣкогда; пресса ограничила его дѣятельность, оставивъ ему только рѣшающій голосъ. Ораторъ еще можетъ раздражать или шевелить страсти, но онъ не можетъ поддерживать ихъ; эта роль перешла къ прессѣ. Въ этихъ условіяхъ ораторское искусство, даже и сохраняя возможность проявляться, утратило часть того всеобщаго вниманія, безъ поддержки котораго никакой родъ литературы не даетъ всего, что предполагаетъ его опредѣленіе. Теперь, въ наше время, ораторъ—это журналистъ, и то, что потеряло ораторское искусство вслѣдствіе этого превращенія, совершенно наглядно, но *что* выиграла отъ этого литература — это вопросъ. И мы очень счастливы, что не должны отвѣчать на него.

Можемъ ли мы теперь, на основаніи этихъ краткихъ, а главное неполныхъ указаній высказать нѣкоторыя предположенія относительно будущаго, не беря на себя смѣшной обязанности пророчествовать? «Отнынѣ духъ писателя долженъ быть европейскимъ», писала м-мъ де-Сталь сто лѣтъ тому назадъ: теперь она сказала бы, что онъ долженъ быть «міровымъ». Если это была только мечта, то приближается ли она къ осуществленію и желали ли бы мы ея осуществленія? Отложивъ въ сторону всѣ соображенія другого порядка, желали бы мы, чтобы литература въ своемъ собственномъ интересѣ, въ интересѣ своего собственнаго развитія старалась отрѣшиться отъ всего, что въ ней остается французскаго во Франціи, англійскаго въ Англіи? И какіе успѣхи въ этомъ направленіи сдѣлала она въ теченіе только что минувшаго столѣтія?

Можно почти отрицать какіе бы то ни было успѣхи, такъ какъ если XIX столѣтіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ казалось вѣкомъ космополитизма, то въ другихъ отношеніяхъ оно было вѣкомъ національностей. Читателю понятно, что я все время говорю только съ точки зрѣнія литературы. Романтизмъ, какъ реакція противъ классицизма и гуманизма итальянскаго возрожденія, характеризовался въ Англіи и Германіи, главнымъ образомъ, возвращеніемъ къ среднимъ вѣкамъ и къ болѣе раннему времени, къ времени самаго отдаленнаго происхожденія расы; по этому поводу слѣдуетъ напомнить объ успѣхѣ «Старинныхъ Балладъ» Перси, «Оссіана» Макферсона и, такъ сказать, о возрожденіи «Нибелунговъ». Затѣмъ явились ученые въ родѣ Якова Гримма или Лахмана, которые пытались во время этихъ изслѣдованій и возро-

дившагося интереса къ происхожденію расы, опредѣлить германскій или англо-саксонскій «духъ» и, конечно, для этого опредѣленія должны были удержать только самыя оригинальныя черты. Наши ученые съ своей стороны продѣлывали ту же самую работу. Но наши и ученые, и критики встрѣчали гораздо больше трудностей. Когда англичане жертвовали Конгревомъ, Вичерлеемъ, Попомъ и Драйденомъ—Шекспиру, Спенсеру и Чаусеру, то дѣлали просто актъ справедливости. Точно также для нѣмцевъ возвратиться къ среднимъ вѣкамъ значило очистить національный геній отъ множества примѣсей, внесенныхъ иностранцами. Мы, французы, не могли ставить «Mystères» (мистеріи) выше трагедій Расина, или предпочитать Мольеру анонимнаго автора «Farce de Pathelm»; самые компетентные люди, въ родѣ Сенъ-Бёва, отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что разорвать съ классицизмомъ значило, въ сущности, разорвать съ традиціями, которыя нѣкогда доставили французской литературѣ господство во всей Европѣ. Поэтому-то во время нашихъ колебаній и, такъ сказать, метаній отъ Малерба къ Ронсару, и отъ Ронсара къ «Пѣснѣ о Роландѣ», иностранныя литературы: нѣмецкая, англійская и даже итальянская, которая могла подняться до вѣка Данта, минуя вѣкъ гуманистовъ, «націонализировались» съ каждымъ днемъ. Онѣ замыкались, онѣ сосредоточивались въ самихъ себѣ. Опираясь на заключенія ученыхъ, филологовъ, грамматиковъ, критика учила, что такъ какъ литература является выраженіемъ всего, что только есть самаго сокровеннаго въ духѣ великихъ народовъ, великій народъ долженъ быть привязанъ къ своей литературѣ больше, чѣмъ къ какимъ бы то ни было своимъ воспоминаніямъ и традиціямъ. Литература, это—его сознаніе. «Король Шекспиръ былъ связью всего саксонскаго», говорилъ Карлейль. Это онъ поддерживалъ въ англичанахт сознаніе своего національнаго духа отъ Нью-Іорка и до Парааматты. Поэтому-то даже и недостатки Шекспира превращались въ достоинства, такъ какъ главное достоинство, которое требовалось отъ англійскаго или нѣмецкаго писателя, состояло не въ томъ, чтобы хорошо писать и думать, а въ томъ, чтобы писать и думать «по-германски» или «англо-саксски». А что значило: думать по-англо-саксски или по-германски?

Благодаря превратностямъ исторіи, въ началѣ XIX столѣтія это значило—думать менѣе всего на французскій манеръ, или вообще на латинскій манеръ.

Еще одна причина не менѣе способствовала развитію этого духа «націонализма»; вліяніе ея всего лучше выражено въ исторіи современной итальянской литературы. Съ 1796 г. до 1860 г. и даже до 1870 г. итальянцы требовали отъ своихъ писателей, — я говорю не о публицистахъ, ораторахъ или журналистахъ, а о поэтахъ и романистахъ,—того, чтобы они цѣликомъ посвящали себя *Risorgimento*. Я на удачу открываю исторію литературы и ищу, въ чемъ, по мнѣнію критики, состоитъ главная заслуга Уго Фосколо: въ томъ, что, нани-

савъ въ 1806 г. свою знаменитую поэму «Могилы», онъ разбудилъ дремлющую душу итальянцевъ воспоминаніями о славныхъ мертвецахъ и такимъ образомъ дѣйствовалъ въ пользу національнаго возрожденія. Перевернемъ страницу: знаете ли вы Джусти? Его слава, о которой говорятъ въ школахъ, въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ сатиры—средство борьбы противъ итальянской аристократіи и иностраннаго притѣсненія; точно также главная заслуга Габріеля Росетти въ томъ, что онъ своими пѣснями боролся за свободу и независимость Италіи. А въ чемъ достоинство историческихъ романовъ Массимо д'Азегліо? Они воскресили въ памяти итальянцевъ воспоминаніе о двухъ славныхъ сраженіяхъ. А Доминико Гверацци? Былъ орудіемъ агитаціи и борьбы противъ иностранцевъ; вотъ какъ слѣдуетъ относиться къ его «Битвѣ при Беневентѣ» и къ его «Осадѣ Флоренціи». А что намъ скажутъ о театрѣ, напр., о трагедіяхъ Эдуардо Фабри? Намъ скажутъ, что онѣ исполнены «патріотическаго жара» и что, кромѣ того, Фабри «принималъ участіе во всѣхъ политическихъ движеніяхъ, происходившихъ между 1815 и 1849 гг.». Если намъ интересно узнать, на какой прочной основѣ покоится репутація Джіамбаттиста Николини, то намъ скажутъ, что въ драматическихъ произведеніяхъ онъ «сдѣлался борцомъ объединительной и антипапской политики». Какъ видите, это—предвзятая мысль, это—система, или еще лучше, это—благодарность за то, что итальянская литература сдѣлала для величія, славы, единства родины. Итальянская литература подерживала подъ иностраннымъ владычествомъ то, что можно назвать тожествомъ итальянской души. И можно себѣ представить, что она сдѣлала это—вопреки очевидности—вовсе не идя на буксирѣ иностранныхъ литературъ, а, наоборотъ скорѣе прервавъ сообщеніе съ ними, которое она поддерживала въ теченіе четырехсотъ или пятисотъ лѣтъ.

Можно идти еще дальше этого: въ самомъ дѣлѣ, не кажется ли вамъ, что во второй половинѣ XIX столѣтія литература умственно создала «скандинавскую» національность? Шведамъ, норвежцамъ и датчанамъ, конечно, казалось, что «европейская» — нѣмецкая, французская, итальянская или англійская литература—очень несовершенно выражала то, что они чувствовали въ своей душѣ особеннаго, «скандинавскаго». Ибсены и Бьёрсоны имѣли сказать нѣчто такое, чего, какъ они думали, не сказали ни Жоржъ Зандъ, ни Диккенсъ. Они захотѣли сказать это и сказали; ихъ соотечественники узнали себя въ той манерѣ, съ которою они это говорили. Узнавъ о своихъ національныхъ свойствахъ, они попытались освободить ихъ отъ всякой экзотической примѣси и только въ той мѣрѣ, въ которой они въ этомъ успѣли, только въ этой мѣрѣ и существуетъ литература и скандинавскіе духъ и національность въ интеллектуальномъ отношеніи. Я думаю, что то же самое можно сказать и о русской литературѣ и національности, и можно прибавить безъ преувеличенія, что въ этомъ смыслѣ

Петръ Великій и Екатерина не сдѣлали для Россіи того, что сдѣлали Толстой и Достоевскій.

Но достаточны ли эти мотивы для того, чтобы возбудить сомнѣніе въ «европеизаціи» культуры? И какъ бы ни были сильны эти мотивы, развѣ они не уравновѣшиваются другими, которые когда-нибудь могутъ одержать верхъ? Намъ скажутъ, что въ XIX вѣкѣ національныя литературы старались сосредоточиться въ самихъ себѣ и направлять свое развитіе въ духѣ своихъ традицій; но не служитъ ли все это доказательствомъ ихъ взаимнаго проникновенія и появившейся вслѣдствіе этого боязни утратить самыя оригинальныя природныя свойства? Въ преувеличеніи своего націонализма онѣ именно искали средства противостоять тенденціи, влекущей ихъ къ космополитизму. Развѣ драма Ибсена уже настолько отличается отъ романа Толстого, какъ это говорятъ, напримѣръ: «Врагъ народа» отъ «Крейцеровой Сонаты»? Развѣ романы Диккенса не нашли столько же читателей въ Парижѣ, какъ и въ Нью-Іоркѣ? Лучшая исторія «Итальянскаго Возрожденія» написана англичаниномъ, Джономъ Аддингтономъ Симондсомъ; у насъ есть много французскихъ книгъ о Вольтерѣ, Руссо, Дидро, но, можетъ быть, нѣтъ ни одной равной по достоинству книгамъ Штрауса, Розенкранца и Джона Морлея. Англійскій поэтъ Данте-Габріэль Росетти и братъ его, выдающійся англійскій критикъ — сыновья итальянца, также поэта и критика, того Габріэля Росетти, котораго мы упомянули выше, какъ одного изъ дѣятелей возрожденія. Съ другой стороны развѣ не Франція, устами Мельхіора де Вогюе почти открыла самой Италіи автора «Невиннаго» и «Торжества смерти», и всей Европѣ—имена Толстого и Достоевскаго? Появленіе его книги «Roman russe» составляетъ одну изъ литературныхъ эръ конца вѣка. Это взаимное проникновеніе національностей одна въ другую представится дѣятельнымъ, постояннымъ и непреоборимымъ, если вмѣсто литературы мы будемъ разсматривать культуру вообще.

Въ данномъ случаѣ я говорю не о научномъ и промышленномъ интернаціонализмѣ и не о космополитизмѣ денегъ или рабочихъ интересовъ. Но философія Огюста Конта, напримѣръ, нашла себѣ не меньше послѣдователей въ Англіи, въ Германіи и въ Россіи, и еще дальше отъ мѣста своего происхожденія, въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Бразиліи, чѣмъ въ самой Франціи. Музыка Вагнера является не менѣе «міровой»; и за послѣднія нѣсколько лѣтъ трудно сказать, гдѣ лучше исполняютъ ее: въ Бостонѣ или въ Бейрутѣ? А посмотрите, какъ распространяется, какъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все новыхъ и новыхъ адептовъ даже для своихъ парадоксовъ та эстетика Джона Рескина, которая уже двадцать лѣтъ тому назадъ считалась до такой степени британской? Неужели одна литература избѣгнетъ вліянія этихъ широкихъ идейныхъ теченій? Да развѣ, говоря по правдѣ, за послѣднія сто лѣтъ она избѣгнула его? Развѣ романтизмъ,

натурализмъ не были европейскими движеніями, въ сторонѣ отъ которыхъ мы не видимъ ни одной литературы и ни одного писателя, да ихъ и дѣйствительно не было. Развѣ Шатобріанъ, Байронъ и Пушкинъ—не современники? А позднѣе, черезъ сорокъ лѣтъ развѣ не были современниками авторы «Адама Беда», «Мадамъ Бовари» и «Анны Карениной»? Но скажемъ еще опредѣленнѣе. Развѣ вся Европа не была одно время байроновской, развѣ теперь она не «толстовствуетъ» вся безъ искюченія? Итакъ, если только на границахъ не выстроится рядъ литературныхъ таможенъ, какъ теперь выстроены штыки и пушки, то начатое окончится и интеллектуальный космополитизмъ сравняетъ національныя различія. Общественная функція литературы измѣнится по существу; вмѣсто того, чтобы поддерживать раздѣляющія традиціи, родившіяся изъ необходимости противопоставлять себя окружающему, чтобы утвердить себя, она будетъ заимствовать у каждой изъ этихъ традицій самое лучшее, самое оригинальное и чистое, соединяя его въ живую общность. Но если это случилось бы,—это было бы концомъ литературы, потому что въ литературѣ имѣетъ значеніе не только сущность идей, но главное свойство той формы, въ которой онѣ выражены. Говорятъ, что «могущество генія заключается въ томъ, чтобы вовсе не быть оригинальнымъ, чтобы представлять самую совершенную воспріимчивость; представлять другимъ дѣйствовать и безпрепятственно пропускать черезъ свое мышленіе духъ времени». Такъ выражается Эмерсонъ и почти этими словами начинаетъ свой «Опытъ» о Шекспирѣ. Онъ правъ. Но что онъ называетъ здѣсь «духомъ времени»? То, что критика называетъ другимъ менѣе мистическимъ, если не болѣе яснымъ именемъ: геніемъ расы, среды, момента, тѣ *матеріалы*, такъ сказать, которые національная традиція приготовила Шекспиру. Конечно, самое шекспировское въ немъ — онъ самъ, и это нужно напомнить, такъ какъ объ этомъ, повидимому, часто забываютъ. Но тѣмъ не менѣе, въ немъ есть и кое-что англійское, то, что отличаетъ его «Веронскихъ любовниковъ» отъ произведеній Банделло или Луиджи да Порта. Данте не былъ бы Дантомъ, если бы не былъ итальянцемъ; Сервантесъ могъ быть только испанцемъ. Что же такое этотъ національный духъ? Этого нельзя сказать съ полною опредѣленностью; нужно всегда считаться съ тѣмъ правомъ и властью, которыя даны и Шекспиру и Данте, и по которымъ они всегда измѣняютъ его, прибавляя свое собственное внутреннее содержаніе! Они—только потому и Данте, и Шекспиръ! Но никто не станетъ отрицать, что этотъ національный геній зависитъ, главнымъ образомъ, отъ языка, развитіе котораго, опредѣляемое «воздухомъ, водами и мѣстностью», отразило въ своемъ теченіи образы родной страны; отъ языка, которымъ говорили предки, и въ который вложили традиціонный смыслъ, ускользающій отъ людей, не лепетавшихъ на немъ въ дѣтствѣ и не научившихся понимать его еще прежде, чѣмъ начали лепе-

тать, наконецъ отъ языка, прославленнаго великими мастерами и переработаннаго ими для соревнованія тѣхъ, кто захочетъ писать на немъ послѣ нихъ. Что осталось бы отъ Шекспира и Данте, если бы они пробовали писать по латыни? А какъ извѣстно Данте какъ и Петрарка, одно время хотѣлъ писать по-латыни. Національный духъ необходимъ не только для существованія національныхъ литературъ—это слишкомъ очевидно, но и вообще для существованія литературы.

Въ литературѣ есть общія идеи, и въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ желать, чтобы отъ одного конца Европы до другого установились однѣ и тѣ же общія идеи, такъ какъ онѣ служатъ выраженіемъ истины. Но, съ другой стороны, нужно желать, чтобы передача ихъ постоянно разнообразилась «духомъ времени»; а духъ времени, какъ мы уже сказали, это—духъ момента, среды, это—духъ расы, или, лучше и яснѣе говоря, это—національный геній.

Сдѣлавъ это единственное ограниченіе, мы позволяемъ себѣ привѣтствовать тотъ фактъ, что въ концѣ XIX вѣка литература перестала быть «развлеченіемъ», и мы льстимъ себя надеждой, что она не превратится болѣе въ развлеченіе. Конечно, всегда будутъ существовать пошлые шутники, водевилисты, фабриканты, производители оптомъ романовъ-фельетоновъ и кафе-концертныхъ шансонетокъ; останутся и «хроникёры». Но они перестанутъ принадлежать литературѣ; Лабишей больше не будутъ принимать въ академію и Беранже не сдѣлаютъ національныхъ похоронъ. У нихъ останется только рыночная цѣна; они будутъ смѣшить и развлекать своихъ современниковъ, также какъ другіе ихъ опьяняютъ. Ихъ родъ таланта не будетъ ставиться выше таланта хорошаго повара; они будутъ, если имъ угодно, «артистами» въ своемъ родѣ, но не будутъ писателями. Потому что ни независимость, которую себѣ завоевалъ писатель, избавившись навсегда отъ покровительства знатныхъ или наемщика, ни требованія публики, жадной до образованія, или, лучше сказать, до всевозможныхъ сообщеній, ни новая власть, которою обстоятельства облекли литературу, сдѣлавъ изъ нея, какъ мы сейчасъ сказали, оружіе, а не искусство, не избавятъ писателя отъ отвѣтственности, которую возложили на него общественныя измѣненія и превращенія. Онѣ не позволятъ ему также и замкнуться въ гордомъ презрѣніи къ общественному мнѣнію, и если онъ будетъ имѣть претензію писать только для избранныхъ, онъ будетъ наказанъ—я не говорю уже—равнодушіемъ общественнаго мнѣнія, что, въ концѣ концовъ, вещь второстепенная, но безплодностью своего собственнаго усилія и своего произведенія. Онъ не будетъ *забавникомъ*, но не будетъ и дилеттантомъ! У него отнимется присвоенное имъ раньше право срывать цвѣтокъ ради одного наслажденія его запахомъ. Его будутъ цѣнить только по степени полезности его общественной функціи; онъ можетъ, если хочетъ, протестовать противъ такого узко-утилитарнаго пониманія литературы, но его не будутъ лушать, его даже не услышатъ. Если даже его случайно и выслу-

шаютъ, то отвѣтятъ ему, что изъ всѣхъ формъ аристократіи умственная аристократія наименѣе заслуживаетъ оправданія въ принципѣ и является самой опасной всегда, когда, вмѣсто того, чтобы работать надъ просвѣщеніемъ темной души массъ, она злоупотребляетъ своимъ превосходствомъ, такимъ же случайнымъ, какъ прекрасный теноръ или физическая сила переносчика тяжестей,—злоупотребляетъ для того, чтобы увеличить разстояніе между собою и остальнымъ человѣчествомъ.

Значитъ ли это, что мы идемъ къ «соціализаціи» литературы, или, точнѣе говоря, въ особенности мы, французы, къ *возрастающей* соціализаціи ея, такъ какъ я уже сказалъ выше, что изъ всѣхъ литературъ новѣйшей Европы наша французская литература всегда была самой общественной и гуманной? Да, я это думаю; и меня убѣждаетъ въ этомъ, независимо отъ другихъ мотивовъ, то, что изъ всѣхъ европейскихъ литературъ теперь больше всего занимается нравственными и общественными вопросами какъ разъ та, которая долго была самой «индивидуалистской» изъ всѣхъ: читатель понимаетъ, что я говорю объ англійской литературѣ. Припомните жестокія насмѣшки Байрона надъ Вордсвортомъ. Однако, онѣ не помѣшали тому, что Вордсвортъ восторжествовалъ надъ Байрономъ. «Поэзія была для меня,—писала Елизавета Броунингъ въ 1844 году,—такъ же серьезна, какъ сама жизнь; а жизнь была для меня вещью серьезною. Я никогда не впадала въ ту ошибку, которая видитъ въ наслажденіи цѣль поэзіи». Джорджъ Эліотъ писала въ 1856 году: «Честь и уваженіе дивному совершенству формы. Будемъ искать его, насколько возможно, у мужчинъ, у женщинъ, въ нашихъ садахъ, въ нашихъ жилищахъ. Но научимся любить и другую красоту, которая зависитъ не отъ тайнъ пропорціональности, а отъ тайнъ глубокой человѣческой симпатіи». Она прибавляла еще опредѣленнѣе: «Есть столько обыденныхъ и грубыхъ людей, въ исторіи которыхъ нѣтъ ни одного сентиментально-красиваго несчастья! Необходимо помнить объ ихъ существованіи, иначе мы можемъ оставить ихъ совершенно внѣ нашей религіи и нашей философіи и построить такія возвышенныя теоріи, что онѣ будутъ годиться только для исключительнаго міра». А чью это доктрину, доктрину какого это другого англичанина недавно резюмировали въ такихъ словахъ: «До тѣхъ поръ, пока человѣческія существа въ окружающей насъ странѣ могутъ голодать и холодать, до тѣхъ поръ не только невозможно искусство, но невозможенъ даже и споръ о томъ, что роскошь въ одеждѣ и въ обстановкѣ—преступленіе»? Кто этотъ варваръ или иконоборецъ, который осмѣлился сказать: «Во сто разъ лучше дать разрушиться статуямъ Фидія и слинять краскамъ женщинъ Леонардо да Винчи, чѣмъ видѣть, какъ увядаютъ черты живыхъ женщинъ и наполняются слезами глаза дѣтей, которыя могли бы жить, если бы нищета не налагала на ихъ лица могильной блѣдности»? Кто этотъ варваръ? И если случайно окажется, что этотъ пророкъ или апостолъ искусства—Джонъ

Рёскинъ, основатель «религіи красоты»,—развѣ не придется согласиться, что въ Англіи экономистовъ что-то измѣнилось? Ее охватила жалость, отъ которой она, можно сказать, отучилась со времени Шекспира, и какая неожиданность! Именно этою жалостью, которую можно было бы счесть неэстетичною, вдохновлены нѣкоторыя изъ тѣхъ произведеній искусства, которыми она больше всего гордится—«Aurora Leigh», «Adam Bede», и произведенія той школы живописи, которую можно скорѣе назвать «рёскиновской», чѣмъ прерафаэлитской. Во всемъ этомъ есть надъ чѣмъ задуматься.

И какое направленіе почти неизбѣжно приметъ ваша мысль, когда вы вспомните, что въ то же самое время французскій театръ подъ вліяніемъ Александра Дюма, романъ, въ лицѣ Толстого и Достоевскаго,—театръ ли?—нѣтъ, скорѣе скандинавская мысль, въ лицѣ Ибсена и Бьёрнсона стремятся къ той же самой цѣли? Теперь уже не «моральные» вопросы, а собственно говоря—вопросы экономическіе, или скорѣе общественные стали заполонять литературу воображенія. И это чудо сдѣлалъ натурализмъ, освобожденный отъ всякой грубой тенденціи, выведенный изъ своей вызывающей и парадоксальной позиціи и приведенный къ вѣрному подражанію дѣйствительности, но *всей* дѣйствительности. Конечно, можно было осуждать, раздѣлять, различать; можно было упрекать одного автора въ томъ, что его лица—просто неуклюже олицетворенныя отвлеченія; можно было ставить въ вину другому, что жизнь его толпы выходитъ изъ рамокъ его романа. Но нельзя было отрицать, что «Жена Клода» и «Врагъ народа» годятся для театра, и что очень немногіе романы могутъ быть поставлены выше «Анны Карениной». Значитъ, доказательство того, что и театръ и романъ могутъ затрогивать общественные вопросы—дано! Для этого только понадобятся бóльшіе таланты и больше искусства. Тотъ, кто поставитъ себѣ чрезвычайно благородную задачу разбирать общественные вопросы въ драмѣ или въ романѣ, долженъ будетъ, при полномъ владѣніи пріемами своего искусства, внести въ свою работу еще личный опытъ, широкій опытъ, сознательный жизненный опытъ. Число «литераторовъ», можетъ быть, уменьшится вслѣдствіе этого, но достоинство литературы возрастетъ, и еще больше возрастетъ ея вліяніе.

ПОРУЧИКЪ ГУСТЛЪ.

РАЗСКАЗЪ

АРТУРА ШНИЦЛЕРА.

Переводъ съ нѣмецкаго Е. Р.

Да сколько же времени это еще продлится? Посмотрю на часы... Это вѣроятно неудобно, въ такомъ серьезномъ концертѣ. Да кто же увидитъ?.. Тотъ, кто увидитъ—также невнимательно слушаетъ, какъ и я, и передъ нимъ мнѣ нечего стѣсняться... Только четверть десятаго?.. А мнѣ кажется, что я сижу въ концертѣ уже часа три. Я вѣдь не привыкъ... Да что собственно исполняютъ? Надо посмотрѣть въ программу... Да, такъ: ораторію! А я думалъ: обѣдню. Такія вещи годятся только для церкви! Въ церкви хорошо еще то, что каждую минуту можно уйти. Если бы я сидѣлъ на крайнемъ мѣстѣ! Терпѣніе, терпѣніе! И у ораторіи есть конецъ! Можетъ быть, это очень хорошо, и я только не въ настроеніи. Да и откуда быть у меня настроенію?

Когда подумаю, что пришелъ сюда, чтобы развлечься... Лучше бы я подарилъ билетъ Бенедеку, которому такія вещи доставляютъ удовольствіе; онъ вѣдь самъ играетъ на скрипкѣ. Но тогда Копецкій бы обидѣлся. Это было съ его стороны очень мило и сдѣлано съ добрымъ намѣреніемъ. Славный малый, этотъ Копецкій! Единственный, на котораго можно положиться... .

Его сестра вѣдь поетъ вмѣстѣ съ другими тамъ наверху. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, сотня молодыхъ женщинъ и всѣ онѣ одѣты въ черное; какъ же мнѣ ее отыскать между ними? Копецкій потому и получилъ билетъ, что она тоже здѣсь поетъ... И зачѣмъ онъ самъ не пошелъ?

Впрочемъ, онѣ поютъ очень хорошо. Это очень возвышенно — конечно! Браво! браво!.. Буду и я апплодировать съ другими. Тотъ, что возлѣ меня, апплодируетъ, какъ сумасшедшій. Развѣ это дѣйствительно ему такъ нравится? Та дѣвушка, въ ложѣ, наверху, очень красива. На меня она смотритъ или на того господина съ большой бѣлокурой бородой?.. А,—соло! Кто это? Контральто: фрейлейнъ Валькеръ, сопрано: фрейлейнъ Михалекъ... должно быть, вотъ эта—сопрано... Давно ужь

я не былъ въ оперѣ. Въ оперѣ я всегда пріятно провожу время. Послѣзавтра я, пожалуй, опять могу пойти въ оперу, на «Травіату». Да, послѣзавтра я, можетъ быть, уже буду трупомъ! Ахъ, глупости, я самъ этому не вѣрю! Погодите-ка господинъ докторъ, у васъ пропадетъ охота дѣлать подобныя замѣчанія! Я отрублю вамъ кончикъ носа...

Какъ бы хорошенько разглядѣть эту дѣвушку тамъ въ ложѣ! Я попросилъ бы бинокль у того господина, который сидитъ возлѣ меня, да вѣдь онъ меня съѣстъ, если я нарушу его благоговѣйное вниманіе... Съ какой стороны стоитъ сестра Копецкаго? Да вѣдь я ее все равно не узнаю. Я видѣлъ ее всего два, или три раза, послѣдній разъ въ офицерскомъ клубѣ... Что, неужели тутъ все только порядочныя дѣвушки—всѣ сто? О какъ же!.. «При участіи общества любителей пѣнія»!—Общество любителей пѣнія... забавно! Собственно говоря, я всегда представлялъ себѣ подъ этимъ именемъ нѣчто вродѣ вѣнскихъ пѣвицъ и танцовщицъ, впрочемъ я зналъ, что это—нѣчто иное!.. Прелестныя воспоминанія! Тогда у «Зеленыхъ воротъ»... Только какъ же ее звали? А потомъ она прислала мнѣ карточку съ видомъ Бѣлграда... вотъ тоже красивая страна! Копецкому хорошо, онъ ужъ теперь давно сидитъ въ трактирѣ, да покуриваетъ свою «виргинію»!..

Чего это тотъ парень уставился на меня? Онъ кажется замѣчаетъ, что мнѣ скучно и что я не слушаю... Я посовѣтовалъ бы вамъ не строить такого наглаго лица, иначе я съ вами поговорю потомъ, въ фойе! Отвернулся!.. Однако, какъ они всѣ боятся моего взгляда...

«У тебя самые красивые глаза, изъ всѣхъ, какіе я встрѣчала!» Сказала недавно Стеффи... О Стеффи, Стеффи, Стеффи!

Собственно говоря, Стеффи виновата въ томъ, что я сижу здѣсь и долженъ скучать цѣлые часы. Ахъ, вѣчные отказы Стеффи начинаютъ дѣйствительно раздражать мои нервы! Какъ прекрасенъ могъ быть сегодняшній вечеръ. Мнѣ очень хотѣлось бы прочитать письмецо Стеффи. Вотъ оно. Но если я выну свой портфель, то этотъ господинъ, который сидитъ рядомъ со мною, съѣстъ меня! Да вѣдь я знаю, что въ немъ... она не можетъ придти, потому что она должна идти ужинать съ *нимъ*...

Ахъ, это было комично, когда на прошлой недѣлѣ она сидѣла съ нимъ въ «Обществѣ любителей садоводства», а я съ Копецкимъ сидѣлъ напротивъ, и она все время дѣлала мнѣ знаки глазами. Онъ ничего не замѣтилъ—просто невѣроятно! Между прочимъ онъ должно быть еврей. Онъ навѣрное служитъ въ какомъ-нибудь банкѣ... и должно быть поручикъ въ резервѣ!

Ну, въ моемъ полку онъ бы не пошелъ далеко... Вообще, они все еще выпускаютъ столько жидовъ въ офицеры, что я плюю на весь антисемитизмъ! Намедни въ томъ обществѣ, гдѣ произошла исторія съ докторомъ, у Маннгеймеровъ... Маннгеймеры сами, должно быть, жиды,

конечно, крещеные... но у нихъ это совсѣмъ незамѣтно—въ особенности у жены... такая бѣлокурая женщина, красивая какъ картина... у нихъ было въ общемъ очень весело. Славная ѣда, великолѣпныя сигары... Ну, а у кого изъ нихъ деньги?..

Браво, браво! Теперь ужъ скоро кончится?—Да, теперь все общество тамъ на эстрадѣ встаетъ... оно хорошо выглядитъ, торжественно!— И органъ?.. Я очень люблю органъ... Да, вотъ это мнѣ нравится— очень хорошо! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно чаще ходить въ концерты... Я скажу Копецкому, что было чудесно... Я его встрѣчу сегодня въ кофейнѣ?—Ахъ, мнѣ совсѣмъ не хочется идти въ кофейню, вчера я такъ сорвался! Проиграть въ одинъ присѣстъ сто шестьдесятъ гульденовъ—слишкомъ глупо? И кто выигралъ все это? Баллертъ, какъ разъ тотъ, кому деньги не нужны... Собственно Баллертъ и виноватъ въ томъ, что я долженъ былъ пойти въ нелѣпый концертъ... Да, иначе я-бы опять могъ играть сегодня, и, можетъ быть, что нибудь вернуть назадъ. Но это очень хорошо, что я далъ себѣ честное слово цѣлый мѣсяцъ не дотрагиваться до картъ... Мама сдѣлаетъ опять гримасу, получивъ мое письмо! — А, пусть пойдетъ къ дядѣ, у котораго денегъ куры не клюютъ, для него какіе-нибудь двѣсти гульденовъ ничего не составляютъ. Если бы мнѣ удалось настоять на томъ, чтобы онъ выдавалъ мнѣ правильное содержаніе. Но, не тутъ-то было, приходится каждый крейцеръ выпрашивать отдѣльно. И опять начинается пѣсня, что урожай въ прошломъ году былъ плохъ!

Не поѣхать ли мнѣ опять нынѣшнимъ лѣтомъ къ дядѣ на двѣ недѣли? Конечно тамъ скучно до смерти... Если бы опять ту... какъ ее звали-то?.. Удивительно, что я не могу запомнить ни одного имени!.. Ахъ, да, Этелька!.. Она не понимаетъ по-нѣмецки ни одного слова, да въ этомъ и надобности не было... мнѣ не приходится говорить!.. Да, это будетъ отлично; двѣ недѣли деревенскаго воздуха и четырнадцать ночей съ Этелькой, или съ какой нибудь другой... Но мнѣ опять придется провести недѣлю съ папа и мама. Плохо выглядѣла она на святкахъ въ нынѣшнемъ году... Ну, теперь нездоровье ея, вѣроятно уже прошло. На ея мѣстѣ я былъ бы доволенъ, что папа вышелъ въ отставку. И Клара еще найдетъ себѣ мужа... Дядя можетъ дать за ней что нибудь... Двадцать восемь лѣтъ еще не очень большіе года... Стеффи, конечно,—не моложе... Но это замѣчательно: женщины дольше остаются молодыми. Подумать только: намедни эта Маретти въ Madame Sans Gêne...—ей конечно не меньше тридцати семи лѣтъ, а выглядитъ она... такъ, что я не отказался бы!—Жаль, что она меня не спросила...

Жарко становится! Все еще не кончилось? Ахъ, мнѣ такъ хочется на воздухъ! Я немножко пройдусь по Рингу... Сегодня нужно рано лечь спать, чтобы завтра послѣ обѣда чувствовать себя свѣжимъ и бодрымъ. Смѣшно, до чего я мало объ этомъ думаю, мнѣ это до такой

степени все равно! Въ первый разъ однако меня это немножко волновало. Не то, чтобы я боялся: но въ послѣднюю ночь я былъ нервно настроенъ... Правда, подполковникъ Бизанцъ былъ серьезнымъ противникомъ.—И однако со мной ничего не случилось!.. Съ тѣхъ поръ прошло уже полтора года. Какъ время идетъ! А если Бизанцъ мнѣ ничего не сдѣлалъ, то докторъ-то ужъ конечно ничего мнѣ не сдѣлаетъ! Хотя часто именно такіе неопытные фехтовальщики оказываются всего опаснѣе. Доминскій разсказывалъ мнѣ, что его разъ чуть-чуть не закололь человѣкъ, который въ первый разъ въ жизни держалъ въ рукахъ саблю; а Доминскій теперь учителемъ фехтованія въ ополченіи. Конечно, тогда, можетъ быть, онъ еще не былъ такъ ловокъ... Важнѣе всего хладнокровіе. Во мнѣ даже нѣтъ больше настоящаго гнѣва, а вѣдь это была невѣроятная дерзость! Онъ конечно не позволилъ бы себѣ ея, если бы не пилъ передъ этимъ шампанскаго... Такая наглость! Конечно онъ — соціалистъ! Теперь всѣ нарушители закона — соціалисты! Шайка... по ихъ мнѣнію, всего лучше бы сейчасъ же уничтожить все военное сословіе; но кто тогда защититъ ихъ, если придутъ китайцы, объ этомъ они не думаютъ. Болваны!— При случаѣ нужно примѣрно наказывать такихъ господъ. Я былъ совершенно правъ. Я доволенъ, что не отсталъ отъ него послѣ его замѣчанія. Когда вспоминаю объ этомъ, бѣшусь! Но я отлично велъ себя; полковникъ тоже говоритъ, что это было вполнѣ корректно. Вообще эта исторія будетъ мнѣ полезна. Я знаю многихъ, которые бы дали этому господину вывернуться. Мюллеръ, конечно, былъ бы объективенъ или что нибудь въ этомъ родѣ. Съ объективностью въ этомъ случаѣ каждый бы уронилъ себя... «Господинъ поручикъ», уже то, какъ онъ сказалъ «господинъ поручикъ», было безсовѣстно!.. «Вы должны будете согласиться со мной»... Какъ же дошло до этого? И какъ это я пустился въ разговоръ съ соціалистомъ? Какъ это началось-то?.. Кажется, та черная дама, которую я велъ къ буфету, тоже была здѣсь... и потомъ этотъ молодой человѣкъ, который рисуетъ охотничьи сцены—какъ его зовутъ-то?.. Ей-Богу, онъ-то и виноватъ во всей этой исторіи! Онъ говорилъ о маневрахъ, и только потомъ подошелъ докторъ и сказалъ что-то, что мнѣ не понравилось— объ игрѣ въ войну, или вообще въ этомъ родѣ, но на это я еще ничего не могъ отвѣтить... Да, а потомъ заговорили о кадетскихъ корпусахъ... да, это такъ и было... а я разсказалъ объ одномъ патріотическомъ празднествѣ... и тогда-то докторъ обратился ко мнѣ,— не сейчасъ же, но это вышло изъ разсказа о праздникѣ—«господинъ поручикъ, вы, конечно, согласитесь со мной, что не всѣ ваши товарищи пошли въ военные исключительно для того, чтобы защищать отечество!» Такая наглость! И это онъ осмѣливается говорить въ лицо офицеру! Если бы я могъ припомнить, что я на это отвѣтилъ?.. А, да, что-то на счетъ людей, которые мѣшаются въ дѣла, въ которыхъ

они ничего не понимаютъ... Да, вѣрно... потомъ тамъ былъ еще одинъ господинъ, который хотѣлъ уладить дѣло мирно, пожилой господинъ съ насморкомъ... Но я былъ слишкомъ взбѣшенъ! Докторъ сказалъ это совершенно такимъ тономъ, какъ будто подразумѣвалъ именно меня. Ему только оставалось прибавить, что меня вышвырнули изъ гимназіи и что поэтому меня и сунули въ кадетскій корпусъ... А эти люди даже не могутъ понять насъ, они для этого слишкомъ глупы... Когда вспомню, какъ я въ первый разъ надѣлъ мундиръ, такое чувство переживаетъ не всякій... Въ прошломъ году на маневрахъ я дорого бы далъ, если бы вдругъ все это оказалось въ серьезъ... И Маровикъ сказалъ мнѣ, что испытывалъ то же самое. А потомъ, когда его высочество проѣзжалъ передъ фронтомъ и полковникъ привѣтствовалъ его, тогда ужъ нужно было быть порядочной дрянью, чтобы не почувствовать, что сердце начинаетъ сильнѣе биться... И вдругъ является какая-то каракатица, которая во всю свою жизнь ничего не дѣлала, а только сидѣла за книгами, и позволяетъ себѣ наглое замѣчаніе!.. А, подожди же, любезный—до неспособности сражаться... да, именно, ты и сдѣлаешься неспособнымъ.

Да, ну а здѣсь что же происходитъ? Теперь вѣдь должно скоро кончиться?..

«Вы, ангелы Божіи, хвалите Господа»...

Конечно, это—заключительный хоръ... Чудесно, безспорно. Чудесно! Ахъ, я и забылъ о той дѣвушкѣ въ ложѣ, которая давеча начала кокетничать. Гдѣ же она?.. Уже ушла... Вонъ та тоже кажется очень мила... Это черезчуръ глупо, что у меня нѣтъ съ собой бинокля! Бруннталеръ уменъ, его бинокль постоянно лежитъ въ кофейнѣ, въ кассѣ, и сохраняется тамъ въ цѣлости... Если бы та маленькая, впереди меня, обернулась хоть разокъ! Она все время сидитъ такъ прямо. Та, что рядомъ съ нею, навѣрное ея мама! Неужели я ни разу не подумаю серьезно о женитьбѣ? Вилли былъ не старше меня, когда женился. Это имѣетъ хорошія стороны—чтобы въ запасѣ у тебя дома была всегда хорошенькая бабенка... Это глупо, что Стеффи некогда какъ разъ сегодня! Если бы я хоть по крайней мѣрѣ зналъ, гдѣ она, я бы могъ опять усѣсться vis-a-vis. Вотъ была бы славная исторія, если бы онъ догадался, она бы очутилась тогда у меня на шеѣ... Подумать только, во что обходится Флису его связь съ Винтерфельдъ! И при этомъ она обманываетъ его на каждомъ шагу. Ну, кончается... Браво, браво! А, кончилось!.. Какъ пріятно встать, двигаться... Да, какъ же! Сколько времени понадобится этому человѣку, чтобъ уложить въ футляръ свой бинокль?..

«Извините, извините, будьте добры пропустить меня!»

Что за давка! Пропустимъ лучше толпу... Изящная особа... Настоящіе ли это брилліанты?.. Вонъ та—мила... Какъ она на меня смотритъ!.. Да, да фрейлейнъ, я охотно готовъ!.. О, какой носъ! Жи-

довка... Еще... Это баснословно, здѣсь половина—жиды... нельзя даже спокойно наслаждаться ораторіей... Ну, пойдемъ и мы... Чего этотъ идіотъ позади меня толкается? Я отучу его отъ этого... А—пожилой господинъ! Кто это кланяется мнѣ сверху?.. Честь имѣю кланяться, честь имѣю кланяться! Не имѣю никакого понятія, кто это... Проще всего было бы сейчасъ же пойти ужинать къ Лейдингеру... или не пойти ли въ «Общество любителей садоводства?» Кстати тамъ и Стеффи. Почему она не написала мнѣ, куда она съ нимъ отправляется? Она, должно быть, сама не знала этого. Въ сущности это ужасно, такое зависимое положеніе... Бѣдняжка! Да, вотъ выходъ... А, вотъ эта красавица! И совершенно одна. Какъ она мнѣ улыбается... Вотъ идея, я отправлюсь за ней!..

Теперь сойти съ лѣстницы!

А, майоръ пятьдесятъ девятаго... Онъ очень любезно отвѣтилъ на мой поклонъ... Значитъ, я былъ здѣсь не одинъ только офицеръ... Гдѣ же красивая дѣвушка? А, тамъ... она стоитъ возлѣ перилъ... Такъ, теперь нужно достать платье... Только бы дѣвочка отъ меня не ускользнула... Ее ужъ взяли! Какая досадная штука! Она даетъ увести себя какому-то господину и все еще улыбается мнѣ! А здѣсь больше—ни одной, съ которой бы стоило связываться... Господи Боже, что за давка у вѣшалокъ!.. Лучше подождать еще немножко... Такъ! Можетъ быть, дуралей возьметъ мой номеръ?..

«Слушайте, двѣсти двадцать четвертый! Вотъ оно виситъ! Да что у васъ глазъ нѣтъ, что ли? Вотъ оно! Ну, слава Богу!.. Такъ пожалуйста!» Этотъ толстякъ загораживаетъ почти всю вѣшалку. «Прошу васъ»...

«Терпѣніе, терпѣніе!»

Что говоритъ этотъ парень?

«Немножко потерпите!»

Долженъ же я ему отвѣтить... «Пропустите же!»

«Поспѣете».

Что онъ говоритъ? Онъ это мнѣ говоритъ? Это слишкомъ! Этого я не допущу! «Тише!» «Что вы говорите»?

А, такимъ тономъ!

«Не толкайтесь!»

«А вы, придержите глотку!» Я не долженъ былъ этого говорить, я былъ слишкомъ грубъ... Но теперь ужъ это сдѣлано!

«Что такое?»

Онъ оборачивается... Да вѣдь я его знаю! Чортъ побери, это булочникъ, который приходитъ въ кофейню... Что онъ тутъ дѣлаетъ? Навѣрное у него дочь или кто-нибудь въ консерваторіи... Но что же это такое? Да, что же это онъ дѣлаетъ?.. Мнѣ даже кажется, да, клянусь Богомъ, рукоятка моей сабли у него въ рукѣ... Да что онъ, съ ума сошелъ?.. «Послушайте, милостивый государь...»

«Господинъ поручикъ—смирно».

Что онъ говоритъ? Господи, но вѣдь этого никто не слыхалъ? Нѣтъ, онъ говоритъ совсѣмъ тихо... Но почему же онъ не выпускаетъ моей сабли?.. Господи, я не могу оторвать его руки отъ рукоятки... Только бы не произошло скандала!.. Не майоръ ли это, сзади меня?.. Хоть бы никто не замѣтилъ, что онъ держитъ рукоятку моей сабли?.. Онъ говоритъ мнѣ что-то! Что онъ говоритъ!

«Господинъ поручикъ, если вы сдѣлаете малѣйшее возраженіе, я вытащу саблю изъ ноженъ, сломаю ее и отправлю куски ея вашему полковому начальству. Понимаете, глупый мальчишка?»

Что онъ сказалъ? Мнѣ кажется, я вижу это во снѣ! Неужели онъ дѣйствительно со мною говоритъ? Я долженъ бы отвѣтить что-нибудь... Но онъ не шутитъ, онъ дѣйствительно вытаскиваетъ саблю. Господи, онъ тянетъ ее!.. Я чувствую, какъ онъ ее вытягиваетъ! Что онъ говоритъ?.. Ради Бога, только бы не было скандала. Да что же онъ говоритъ?

«Но я не хочу портить вашей карьеры... Ободритесь!.. Не бойтесь, никто ничего не слыхалъ... ну ладно... А чтобы никто не подумалъ, что мы ссорились, я буду теперь съ вами очень любезенъ! Честь имѣю кланяться, господинъ поручикъ, весьма радъ, честь имѣю кланяться!»

Господи, во снѣ я это видѣлъ что ли?... Онъ въ самомъ дѣлѣ это сказалъ?.. Гдѣ же онъ?.. Вонъ онъ идетъ... Я долженъ былъ вытащить саблю и изрубить его. Господи, вѣдь никто не слыхалъ этого? Нѣтъ, вѣдь онъ говорилъ совсѣмъ тихо, мнѣ на ухо... Почему я не подойду къ нему и не разрублю ему черепъ пополамъ?.. Нѣтъ, это не годится, не годится... Я долженъ былъ это сдѣлать сейчасъ же... Почему я не сдѣлалъ этого сейчасъ же?.. Да вѣдь я не могъ... вѣдь онъ не выпускалъ рукоятки, а онъ вдесятеро разъ сильнѣе меня... если бы я сказалъ еще хоть одно слово, онъ бы въ самомъ дѣлѣ переломилъ мою саблю... Я еще долженъ радоваться, что онъ не говорилъ вслухъ!.. Если бы хоть одинъ человѣкъ слышалъ это, вѣдь я долженъ былъ бы stante pede застрѣлиться... А можетъ быть это былъ сонъ... Почему тотъ господинъ, тамъ, у колонны такъ смотритъ на меня? Можетъ быть онъ все-таки слышалъ что-нибудь?.. Спрошу его... Спросить?—Да я съ ума сошелъ!—Какой у меня теперь видъ? Замѣтно ли на мнѣ что-нибудь? Я, должно быть, очень блѣденъ. Гдѣ эта собака?.. Я долженъ его уничтожить!.. Онъ ушелъ... Вообще, здѣсь ужъ совсѣмъ пусто... Гдѣ же моя шинель?.. Да вѣдь я ужъ надѣлъ ее... Я совсѣмъ и не замѣтилъ... Кто же помогъ мнѣ?.. А, вонъ тотъ... Надо дать ему шесть пфенниговъ... Такъ!.. Да что же это такое? Неужели это дѣйствительно случилось? Со мною дѣйствительно кто-то говорилъ такимъ образомъ? Дѣйствительно онъ назвалъ меня «глупымъ мальчишкой»? И я не изрубилъ его на мѣстѣ?.. Да вѣдь я не могъ... у него желѣзный кулакъ... Я стоялъ, какъ пригвожденный къ мѣсту... Нѣтъ, я

должно быть, потерялъ разсудокъ, иначе бы я другой рукой... Но тогда онъ вытащилъ бы изъ ноженъ мою саблю и переломилъ бы ее и конецъ—и все было бы кончено!.. А потомъ, когда онъ отошелъ, было слишкомъ поздно... Не могъ же я всадить въ него саблю сзади...

Какъ, я уже на улицѣ? Да какъ же я сюда вышелъ?—Такъ свѣжо... а, вѣтерокъ—славно... Кто это съ той стороны? Чего эти господа смотрятъ на меня? Можетъ быть, они все-таки слышали что-нибудь... Да нѣтъ, никто ничего не могъ слышать... я же знаю, я оглянулся кругомъ сейчасъ же послѣ этого... Но тѣмъ не менѣе онъ это сказалъ, и, хотя бы и никто не слыхалъ, онъ все-таки сказалъ это. А я стоялъ передъ нимъ и сносилъ все это, какъ будто меня ошеломили ударомъ по головѣ!.. Но вѣдь я ничего не могъ сказать, ничего не могъ сдѣлать, мнѣ оставалось только одно: стоять смирно, стоять смирно!.. Это ужасно, этого нельзя вынести; я долженъ убить его на мѣстѣ, какъ только встрѣчу!.. Мнѣ это говорятъ въ лицо! Мнѣ говоритъ такая дубина, такая собака! И онъ меня узнаетъ... Господи, онъ знаетъ меня, онъ знаетъ, кто я!.. Онъ можетъ разсказать всѣмъ и каждому, что онъ мнѣ это говорилъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не сдѣлаетъ этого, иначе зачѣмъ бы ему говорить такъ тихо... онъ, очевидно, хотѣлъ, чтобы только я одинъ это слышалъ!.. Но кто поручится мнѣ, что онъ все-таки не разскажетъ этого сегодня, или завтра своей женѣ, или дочери, или знакомымъ въ кофейнѣ.— Господи, и вѣдь завтра я опять увижу его! Когда приду завтра въ кофейню, онъ будетъ опять сидѣть тамъ, какъ всегда, и играть въ стуколку съ господиномъ Шлеренгеромъ и торговцемъ искусственными цвѣтами... Нѣтъ, нѣтъ, это не годится, этого нельзя... Когда я увижу его, я изрублю его... Нѣтъ, я не смѣю этого сдѣлать... я долженъ былъ это сдѣлать сейчасъ же, сейчасъ же!.. Если бы это было можно!..

Я пойду къ полковнику и рапортую ему обо всей исторіи... да, къ полковнику... Полковникъ всегда очень ласковъ—и скажу ему: господинъ полковникъ, я почтительнѣйше докладываю, онъ держалъ рукоятку и не выпускалъ ея; я былъ все равно, что безоруженъ... Что скажетъ полковникъ? Что онъ скажетъ? Но тогда остается только одно: отказаться отъ службы!.. Что это вольноопредѣляющіеся тамъ, на моей сторонѣ?.. Мерзость, ночью они выглядятъ офицерами... они салютуютъ! Если бы они знали, если-бы они знали!..

Вотъ кафе Хохлейтнера... тамъ, навѣрное, сидятъ два-три товарища... можетъ быть, даже есть знакомые... Что если я разскажу объ этомъ первому встрѣчному, но такъ, какъ будто это случилось съ кѣмъ-нибудь другимъ? Ну я со всѣмъ помѣшался... Да куда я бѣгу? Что я дѣлаю на улицѣ?

Но куда же мнѣ идти? Да вѣдь я хотѣлъ пойти къ Ледингеру? Ха, ха, какъ же, усѣсться съ людьми... я думаю, каждый будетъ смотрѣть на меня. Да, но что-нибудь должно же случиться... Что должно

случиться?.. Ничего, ничего—никто вѣдь ничего не слыхалъ... никто ничего не знаетъ... что, если бы я пошелъ теперь къ нему на квартиру и сталъ бы умолять его, чтобы онъ объ этомъ никому не разсказывалъ?.. А, нѣтъ, лучше сейчасъ же пулю въ лобъ, чѣмъ сдѣлать такую вещь!,. Это было бы самое умное? Самое умное? Самое умное? Да ничего другого и не остается... ничего не остается... кого бы я ни спросилъ, полковника ли, или Копецкаго—или Блани—или Фридмейера—каждый скажетъ: тебѣ больше ничего не остается!.. Какъ бы это было, если бы я вздумалъ поговорить съ Копецкимъ?.. Да, это было бы самое благоразумное... хотя бы ради завтрашняго дня... да, конечно ради завтрашняго дня... въ четыре часа въ кавалерійской казарьмѣ... вѣдь завтра въ четыре часа пополудни я долженъ драться на дуэли... а я больше не смѣю этого... я не способенъ дать удовлетвореніе... Безуміе, безуміе! Никто ничего не знаетъ, никто ничего не знаетъ! Кругомъ насъ есть много людей, съ которыми бывали гораздо худшія вещи, чѣмъ со мною...

Чего не разсказывали о Декенерѣ, когда онъ долженъ былъ стрѣляться съ Редеровымъ... а судъ чести рѣшилъ, что дуэль должна состояться... Но какъ бы рѣшилъ судъ чести со мною?—Глупый мальчишка.—Глупый мальчишка... и я стоялъ передъ нимъ!—Господи, да это совершенно все равно, знаютъ ли другіе что-нибудь!.. Я это знаю—и это главное! Я чувствую, что я теперь—кто-то другой, а не тотъ, которымъ былъ часъ тому назадъ—я знаю, что я не способенъ дать удовлетвореніе, и поэтому я долженъ застрѣлиться... Я все равно не имѣлъ бы ни минуты спокойствія въ жизни... я постоянно боялся бы, что кто-нибудь, наконецъ узнаетъ это, такъ или иначе, и что кто-нибудь бросить мнѣ въ лицо то, что случилось сегодня вечеромъ! Какимъ счастливымъ человѣкомъ я былъ часъ тому назадъ... Нужно же было, чтобы Копецкій подарилъ мнѣ билетъ—и чтобы Стеффи, эта дѣвка, отказала мнѣ въ свиданіи.—И отъ такихъ-то вещей мы зависимъ... Послѣ обѣда все еще было хорошо и прекрасно, а теперь я—погибшій человѣкъ и долженъ застрѣлиться... Чего я такъ бѣгу? Вѣдь это ни къ чему... Сколько это бьетъ?.. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11... одиннадцать, одиннадцать! Надо же, въ концѣ концовъ, куда-нибудь зайти... я могу зайти въ какую-нибудь харчевню, гдѣ меня никто не знаетъ—въ концѣ концовъ долженъ же человѣкъ ѣсть, хотя бы даже и рѣшилъ застрѣлиться тотчасъ же послѣ ѣды... Ахъ, смерть вѣдь не дѣтская игрушка... кто это сказалъ на-дняхъ?.. Ну, все равно.

Я бы хотѣлъ знать, кто огорчится больше всѣхъ?.. Мама или Стеффи?.. Стеффи... Господи, Стеффи не смѣетъ выразить своего горя, иначе «онъ» прогонитъ ее... Бѣдняжка!—Ни одинъ человѣкъ въ полку недогадался бы, почему я это сдѣлалъ... они ломали бы себѣ голову, почему это Густль покончилъ съ собою?—Никому и въ голову не при-

деть, что я долженъ былъ застрѣлиться оттого, что жалкій булочникъ, гнусный человѣкъ, у котораго случайно сильные кулаки... это слишкомъ глупо, слишкомъ глупо!—Изъ-за этого такой человѣкъ, какъ я, молодой, долженъ... Да потомъ навѣрное всѣ скажутъ: онъ не долженъ былъ этого дѣлать, изъ-за такой глупости, это жаль!.. Но если бы я теперь же спросилъ кого-нибудь, то всякій отвѣтилъ бы мнѣ то же самое:.. и самъ я, задавая себѣ этотъ вопросъ... чортъ побери.. мы совсѣмъ безоружны противъ штатскихъ... Люди думаютъ, что намъ лучше оттого, что у насъ сабля... а если одинъ изъ насъ хоть разъ пустилъ оружіе въ ходъ, то про насъ говорятъ такъ, какъ будто бы мы всѣ были настоящими убійцами... Въ газетѣ тоже стояло бы: «Самоубійство одного молодого офицера»... какъ это они всегда пишутъ?.. «Причины покрыты мракомъ неизвѣстности»... Ха, ха, ха! «Надъ гробомъ его плачутъ»...—Но вѣдь все это—правда... Я все время чувствую себя такъ, какъ будто я самъ себѣ разсказываю исторію... а, между тѣмъ, все это правда... я долженъ убить себя, мнѣ больше ничего не остается—я не могу допустить до того, чтобы завтра Копецкій и Блани вернули мнѣ свое полномочіе и сказали: мы не можемъ быть твоими секундантами!.. Я былъ бы подлецомъ, если бы потребовалъ отъ нихъ этого... Такой человѣкъ, какъ я, который позволяетъ называть себя въ лицо глупымъ мальчишкой... Завтра вѣдь это будутъ знать всѣ... Это черезчуръ глупо, что я на минуту вообразилъ, будто такой человѣкъ не будетъ этого разсказывать... да онъ будетъ разсказывать всюду и его жена теперь уже знаетъ это... завтра будетъ знать вся кофейня... будутъ знать кельнеры... господинъ Шлеренгеръ... кассирша... Даже если онъ рѣшилъ, что не будетъ говорить объ этомъ, то онъ разскажетъ это послѣзавтра... а если не послѣзавтра, то черезъ недѣлю... Если даже онъ сегодня ночью умретъ отъ удара, то вѣдь я знаю это... я это знаю, а я не такой человѣкъ, который можетъ продолжать носить мундиръ и саблю, когда на немъ тяготѣетъ такой позоръ!.. Да я долженъ это сдѣлать—и наконецъ! Что же дальше?—Завтра послѣ обѣда меня могъ бы убить саблею докторъ... такіе случаи бывали... а бѣдный Бауеръ, который получилъ воспаленіе мозга, и въ три дня все дѣло окончено... А Бреничъ упалъ съ лошади и разбилъ себѣ затылокъ... да, наконецъ, ничего другого не остается!—Правда, есть люди, которые отнеслись бы къ этому иначе... Господи, что за люди бываютъ на свѣтѣ! Рингемейеру одинъ мясникъ, заставшій его съ своей женою, далъ пощечину, и онъ вышелъ въ отставку, сидитъ гдѣ-то въ деревнѣ и женился.

И находятся же женщины, которыя выходятъ замужъ за такихъ людей!.. Клянусь Богомъ, я не подалъ бы ему руки, если бы онъ опять пріѣхалъ въ Вѣну...

Значитъ, ты понялъ, Густль: кончено, кончено, счеты съ жизнью

сведены! Поставимъ точку и посыпемъ пескомъ!.. Да, теперь я знаю, что все это совсѣмъ просто... Такъ! Въ сущности я совершенно спокоенъ... Впрочемъ я всегда это зналъ: если разъ дѣло дойдетъ до этого, я буду спокоенъ, совершенно спокоенъ... Но что все кончится такимъ образомъ, этого я все-таки не думалъ... что я долженъ буду убить себя изъ-за того, что такой...

Можетъ быть, вѣдь я его не такъ понялъ... и, можетъ быть, онъ сказалъ что-нибудь совсѣмъ другое... Я тогда совсѣмъ отупѣлъ отъ пѣнія и жары... можетъ быть, я сошелъ съ ума и все это совсѣмъ не такъ?.. Не такъ? ха, ха, не такъ!.. Да я еще слышу это... эти слова все еще звучатъ у меня въ ушахъ... и мои пальцы еще ощущаютъ, какъ я хотѣлъ оторвать его руку отъ рукоятки сабли. Онъ силачъ, деревенщина... Я тоже не слабъ... Францискi — одинъ изъ всего полка, сильнѣе меня...

Мостъ Аспернъ... Далеко ли я еще забѣгу?—Если я буду такъ бѣжать, то въ полночь я буду въ Кагранѣ... ха, ха, ха!—Господи, какъ мы были веселы, когда въ прошломъ сентябрѣ вступали въ него. Еще два часа и мы въ Вѣнѣ... Я усталъ до полусмерти, когда мы наконецъ, пришли... Я спалъ, какъ убитый, все послѣ-обѣда, а вечеромъ мы уже были у Ронахера... Копецкій, Ладинзеръ и... кто же еще былъ съ нами?—Ахъ, да, вольноопредѣляющійся, который во время маршированія разсказывалъ намъ еврейскіе анекдоты... Часто эти вольноопредѣляющіеся очень милые ребята... но всѣ они должны были бы быть только подпоручиками—потому, что иначе, что же за смыслъ? Мы должны мучиться цѣлые годы, а такой господинъ служитъ годъ и получаетъ точно такое же отличіе, какъ и мы... Что за несправедливость! Но что мнѣ за дѣло до всего этого? Чего я безпокоюсь о подобныхъ вещахъ? Каждый рядовой теперь значитъ больше, чѣмъ я... Вѣдь я ужъ вообще больше не существую на свѣтѣ... для меня все кончено... Честь потерять—все потерять!.. Мнѣ ничего не остается, какъ зарядить свой револьверъ и... Густль, Густль, мнѣ кажется, ты все еще не думаешь объ этомъ настоящимъ образомъ... Опомнись... больше ничего не остается... Какъ бы ты ни мучилъ своихъ мозговъ, тебѣ больше ничего не остается! Теперь дѣло только въ томъ, чтобы вести себя прилично въ послѣднюю минуту, чтобы быть мужчиной, офицеромъ, такъ чтобы могъ полковникъ сказать: онъ былъ славный малый, мы сохранимъ о немъ добрую память!..

Сколько ротъ выходитъ на похороны поручика?.. Я долженъ былъ бы знать это... Ха, ха, ха! Если выйдетъ цѣлый батальонъ, даже весь гарнизонъ, если они дадутъ двадцать залповъ, я все-таки никогда больше не проснусь!..

Прошлымъ лѣтомъ послѣ скачки съ препятствіями я сидѣлъ передъ кофейней съ господиномъ фонъ-Энгелемъ... Забавно, я съ тѣхъ поръ не видалъ этого человѣка... Почему у него былъ завязанъ лѣвый

глазъ? Мнѣ все время хотѣлось спросить его объ этомъ, но это было бы неприлично... Вонъ идутъ два артиллериста... они конечно думаютъ, что я иду вонъ за той особой... Пусть она взглянетъ на меня... О, ужасъ! Хотѣлъ бы я знать, какъ такая можетъ зарабатывать себѣ пропитаніе... Да я лучше бы согласился... Хотя нужда научитъ калачи ѣсть... Въ Пржемыслѣ, напримѣръ... мнѣ потомъ было такъ страшно, что я думалъ, что никогда больше не дотронусь ни до одной женщины... Это было отвратительное время, тамъ, въ Галиціи... Собственно говоря это чертовское счастье, что мы пришли въ Вѣну. Покорни-то все еще сидитъ въ Самборѣ и можетъ просидѣть тамъ десять лѣтъ, состариться и посѣдѣть... Но если бы я остался тамъ, со мною бы не произошло того, что случилось сегодня вечеромъ... лучше бы я состарился и посѣдѣлъ въ Галиціи, чѣмъ то... чѣмъ что? чѣмъ что? Да что же это такое? Что такое? Съ ума я что ли сошелъ, что я все время это забываю? Да, клянусь Богомъ, я забываю объ этомъ каждую минуту... Слыхано ли это, чтобы человѣкъ, который черезъ какіе-нибудь два часа долженъ пустить себѣ въ лобъ пулю, думалъ о всевозможныхъ вещахъ, которыя его больше совсѣмъ не касаются? Ей-богу, я чувствую себя такъ, какъ будто пьянъ! Ха, ха, ха, хорошо опьяненіе! Опьяненіе убійства! Опьяненіе самоубійства! Ага! Я острю, это очень хорошо! Да, я очень хорошо настроенъ, это, должно быть, что-то врожденное... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, если бы я кому-нибудь разсказалъ объ этомъ, онъ бы мнѣ не повѣрилъ. — Мнѣ кажется, что если бы револьверъ былъ при мнѣ, я бы сейчасъ же надавилъ курокъ — и въ одну секунду все было бы кончено... Не всѣмъ это такъ легко — нѣкоторые должны мучиться цѣлыми мѣсяцами... Напримѣръ, моя бѣдная кузина, она лежала въ постели цѣлые два года, не могла двинуться, у нея были ужаснѣйшія боли — такая жалость!.. Не лучше ли самому все устроить? Нужно быть только внимательнымъ, хорошо цѣлить, чтобы не случилось несчастья вродѣ того, какъ съ младшимъ подпоручикомъ въ прошломъ году... Бѣднякъ не умеръ, но ослѣпъ... Что съ нимъ случилось потомъ? Гдѣ онъ теперь живетъ? Ужасно разгуливать въ такомъ видѣ: то-есть разгуливать-то онъ ужъ не можетъ, его нужно водить—и такой молодой человѣкъ, ему и теперь еще нѣтъ двадцати лѣтъ... Въ свою возлюбленную онъ удачнѣе выстрѣлилъ... убилъ ее на мѣстѣ... Просто невѣроятно изъ-за чего люди стрѣляются! Ну какъ можно вообще ревновать?.. Во всю мою жизнь я не испыталъ ничего подобнаго... Стеффи теперь веселится въ «Обществѣ любителей садоводства»; потомъ она пойдетъ съ «нимъ» домой... И мнѣ это совершенно все равно, совершенно все равно! Какъ у нея красиво устроено; маленькая ванная комната съ краснымъ фонаремъ.—Когда она намедни вошла туда въ зеленомъ шелковомъ капотѣ... я ужъ никогда больше не увижу зеленаго капота,— да и всей Стеффи... и я никогда больше не буду подниматься по кра-

сивой широкой лѣстницѣ въ Литейной улицѣ... Фрейлейнъ Стеффи будетъ продолжать веселиться, какъ будто ничего не случилось... Она даже никому не посмѣетъ разсказать, что ея милый Густль убилъ себя... Но плакать она все-таки будетъ,—о, да, плакать она будетъ... Вообще плакать будутъ очень многіе... Господи, а мама! Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ я не долженъ думать. Ахъ, нѣтъ, объ этомъ абсолютно нельзя думать... О домашнихъ не думать, Густль, понялъ? — ни одной, самой коротенькой мысли...

Это недурно, теперь я даже въ Пратерѣ... среди ночи... сегодня утромъ я бы ни за что не подумалъ, что ночью пойду гулять въ Пратеръ... О чемъ думаетъ тотъ ночной сторожъ?.. Ну, пойдемъ дальше... хорошо... Съ ужиномъ ничего не вышло и съ кофейней тоже; пріятный воздухъ и какъ спокойно кругомъ... очѐнь... Впрочемъ спокойно мнѣ будетъ скоро, и такъ спокойно, какъ только можно желать. А!—но я совсѣмъ задохнулся... я бѣжалъ самымъ глупымъ образомъ... Тише, тише, Густль, не опоздаешь, тебѣ больше нечего дѣлать — совсѣмъ нечего, то-есть абсолютно больше нечего дѣлать! Мнѣ даже кажется, что меня знобитъ? Это конечно отъ возбужденія... и потомъ вѣдь я ничего не ѣлъ... Чѣмъ это такъ особенно пахнетъ?.. Вѣдь еще цвѣсти нечему?.. Какое у насъ сегодня число? Четвертое апрѣля... Правда, въ послѣдніе дни было много дождей... но деревья еще почти совершенно голыя и темно, у! почти можно испугаться... Собственно говоря я только одинъ единственный разъ въ жизни испугался, тамъ въ лѣсу... я былъ тогда маленькимъ мальчикомъ... нѣтъ, я былъ совсѣмъ ужъ не такъ малъ... мнѣ было четырнадцать или пятнадцать лѣтъ... Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ?—девять лѣтъ... конечно — въ восемнадцать лѣтъ я былъ подпоручикомъ — въ двадцать поручикомъ... а на будущій годъ я буду... Чѣмъ буду я на будущій годъ? Что это значитъ вообще: будущій годъ? Что значитъ: на будущей недѣлѣ? Что значитъ: послѣзавтра?.. Какъ? Стучать зубами? О-о-о!—Ну, пусть ихъ немножко постучатъ... господинъ поручикъ, вы теперь—одни и вамъ не передъ кѣмъ притворяться... это горько... это очень горько...

Сяду на скамейку... А!—куда же я зашелъ? Такая тьма!—Позади меня, должно быть, вторая кофейня... Прошлымъ лѣтомъ я и здѣсь былъ разъ: когда наша капелла давала концертъ... съ Копецкимъ и съ Рюттнеромъ—и съ нами было еще два—три другихъ... Но я усталъ... нѣтъ, я такъ усталъ, какъ будто маршировалъ десять часовъ. Да, это было бы недурно, здѣсь уснуть. Ха, ха, бездомный поручикъ... Да я собственно долженъ идти домой... что мнѣ дѣлать дома? ну а въ Пратерѣ что мнѣ дѣлать? Ахъ, лучше всего было бы, если бы я могъ совсѣмъ не вставать, заснуть здѣсь и никогда не просыпаться... Да, это было бы очень удобно! Нѣтъ, такъ, удобно ваше дѣло не устроится, господинъ поручикъ... Но какъ и когда? Теперь я могу,

*

наконецъ, хорошенько обдумать эту исторію... нужно все обдумать... Это ужъ такъ водится... Буду обдумывать... Что же?.. Нѣтъ, какъ хорошъ воздухъ... надо иногда ходить въ Пратеръ ночью... Да, если бы это пришло мнѣ въ голову раньше, а теперь — конецъ и Пратеру, и воздуху, и прогулкамъ... Да, такъ какъ же это?А, долой кепи: мнѣ кажется, оно давитъ мозгъ.., я совсѣмъ не могу думать послѣдовательно... А... вотъ такъ!.. А теперь соберись съ мыслями, Густль, и сдѣлай послѣднія распоряженія! Итакъ, завтра утромъ, будетъ конецъ... завтра утромъ, въ семь часовъ... Семь часовъ прекрасный часъ. А! Значитъ въ восемь часовъ, когда откроются школы, все будетъ кончено... Но Копецкій будетъ не въ состояніи вести классъ, онъ будетъ слишкомъ потрясенъ... А можетъ быть онъ еще ничего не будетъ знать... вѣдь ничего не будетъ слышно... Макса Липпай тоже нашли только послѣ обѣда, а онъ застрѣлился рано утромъ и никто ничего не слыхалъ...

Ну что мнѣ за дѣло, будетъ Копецкій давать уроки, или нѣтъ?.. Ха, ха?—Значитъ въ семь часовъ!—Да, ну что же еще?.. Больше нечего и обдумывать. Я застрѣлюсь у себя въ комнатѣ и баста! Въ понедѣльникъ тѣло... Кто будетъ радъ, такъ это докторъ... Дуэль не можетъ состояться, вслѣдствіе самоубійства одного изъ противниковъ... Что скажутъ у Маннгеймейровъ? — Ну, онъ не обратитъ особеннаго вниманія... но жена, красивая, бѣлокурая... съ нею могло бы быть... О да, мнѣ кажется, съ нею мнѣ бы удалось, если бы я только немножко постарался... да, это было бы нѣчто иное, чѣмъ Стеффи, съ этой женщиной... Но много возни, ухаживать, посылать цвѣты, умно говорить... Это—не то, что сказать: приходи завтра послѣ обѣда ко мнѣ въ казарму!.. Да, такая порядочная женщина... Это была бы штука... Жена моего капитана въ Пржемыслѣ была непорядочная женщина... я готовъ поклясться въ этомъ: и Либицкій, и Вермутекъ, и истасканный поручикъ, да, и онъ,—всѣ жили съ нею... Но госпожа Маннгеймейръ... да, это было бы совсѣмъ другое, это было бы цѣлое событіе, это почти можетъ сдѣлать изъ васъ совсѣмъ другого человѣка, можно пріобрѣсти извѣстный лоскъ — можно получить уваженіе къ самому себѣ.

Однако вѣчно женщины... и я такъ рано началъ — вѣдь я былъ еще мальчикомъ тогда, когда получилъ первый отпускъ и былъ въ Грацѣ, дома, у родителей... тамъ была и Ридль—это была чешка... она навѣрное была вдвое старше меня —я пришелъ домой только рано утромъ... Какъ на меня посмотрѣлъ отецъ... и Клара... Клары мнѣ было тогда всего больше стыдно... Она была тогда помолвлена... почему же изъ этого ничего не вышло?.. Собственно говоря, я мало думалъ объ этомъ... Бѣдняжка, ей никогда не везло— а теперь она теряетъ единственнаго брата... Да, ты, Клара, меня никогда больше не увидишь, конечно! Что, сестричка, ты не думала этого, когда провожала меня въ

день новаго года на желѣзную дорогу, ты не думала, что никогда больше не увидишь меня?—А мама!.. Господи, мама!.. нѣтъ я не долженъ объ этомъ думать... когда я думаю объ этомъ, то способенъ совершить подлость... Ахъ... что если прежде поѣхать домой... (на одинъ день)... сказать, что получилъ отпускъ на одинъ день... еще разъ увидать папà, мамà и Клару, прежде чѣмъ я покончу... Да, я могу уѣхать въ Грацъ съ первымъ поѣздомъ въ семь часовъ, и въ часъ—я тамъ... Здравствуй, мамà... Здорово, Клара! Ну, какъ поживаете?.. Нѣтъ, вотъ удивятся-то!.. Но они замѣтили бы что-нибудь, если не всѣ, то Клара... Клара навѣрное бы замѣтила... Клара такая умная дѣвушка... Какъ мило она мнѣ написала намедни, а я все еще не отвѣтилъ ей. И какіе хорошіе совѣты она мнѣ даетъ всегда... такое добросердечное созданіе... Можетъ быть, все было бы иначе, если бы я остался дома? Я изучилъ бы сельское хозяйство, поѣхалъ бы къ дядѣ... они всѣ хотѣли этого, когда я былъ еще мальчикомъ... Теперь я, конечно, былъ бы женатъ, на милой, доброй дѣвушкѣ... можетъ быть на Аннѣ, которая меня такъ любила... я даже теперь еще замѣтилъ это, когда былъ дома въ послѣдній разъ, хотя у нея уже есть мужъ и двое дѣтей... Я видѣлъ, какъ она на меня смотрѣла... И она все еще называетъ меня «Густль», какъ прежде.

Вотъ она будетъ порядочно потрясена, когда узнаетъ, какъ я кончилъ, но мужъ ея скажетъ: я это предвидѣлъ: такая дрянь! Всѣ подумаютъ, что это оттого, что у меня были долги... а это—совсѣмъ неправда, все уже уплочено... кромѣ послѣднихъ ста шестидесяти гульденовъ,—ну, да и они получатся завтра...

Да, я долженъ еще позаботиться о томъ, чтобы Баллертъ получилъ свои сто шестьдесятъ гульденовъ... я долженъ написать объ этомъ передъ тѣмъ, какъ застрѣлюсь... Это ужасно, это ужасно!.. Лучше я совсѣмъ уѣду отсюда—въ Америку, гдѣ меня никто не знаетъ... Въ Америкѣ ни одинъ человѣкъ не знаетъ о томъ, что случилось сегодня вечеромъ... ни одинъ человѣкъ не думаетъ объ этомъ... Надняхъ въ газетахъ было написано объ одномъ графѣ — Рунге, который долженъ былъ уѣхать изъ-за одной грязной исторіи, а теперь у него тамъ отель и онъ плюетъ на всю эту сволочь.,. А черезъ два-три года можно бы опять назадъ... конечно, не въ Вѣну... и не въ Грацъ... но я могъ бы поѣхать въ имѣніе... а для мамà и для папà и для Клары, конечно, было бы въ тысячу разъ лучше, лишь бы только я остался живъ... А что же мнѣ за дѣло до другихъ людей? Да кто же интересуется? Кромѣ Копецкаго, всѣмъ будетъ все равно, если я провалюсь... Копецкій—единственный... И какъ разъ онъ далъ мнѣ сегодня билетъ... а изъ-за билета-то все и вышло... безъ билета я не пошелъ бы въ концертъ, и всего этого не случилось бы... Да что же случилось?.. Мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ не прошло и двухъ часовъ... Два часа тому назадъ

одинъ человѣкъ назвалъ меня «глупымъ мальчишкой» и хотѣлъ сломать мою саблю... Господи, да что же это я начинаю кричать, ночью, на улицѣ! Почему же все это случилось? Развѣ я не могъ подождать, пока у вѣшалокъ освободится мѣсто? И зачѣмъ это я еще сказалъ: «придержите глотку!» И какъ это у меня вырвалось? Вѣдь въ общемъ я — человѣкъ вѣжливый... я не бываю такъ грубъ даже со своимъ деньщикомъ... но, конечно, я былъ нервно настроенъ — все сошлось одно къ одному... проигрышъ, и вѣчные отказы Стеффи — и дуэль завтра послѣ обѣда—и потомъ я слишкомъ мало сплю въ послѣднее время — и возня въ казармахъ — въ концѣ концовъ этого не выдержишь!.. Да, рано или поздно, я бы заболѣлъ и долженъ былъ бы взять отпускъ... Теперь это больше не нужно—наступаетъ долгій отпускъ—ха, ха, ха!..

Долго ли еще я буду здѣсь сидѣть? Должно быть ужъ, за полночь... развѣ я не слыхалъ, какъ пробила полночь? Что это такое? Тамъ ѣдетъ карета?

Въ такое позднее время?.. Имъ лучше, чѣмъ мнѣ, можетъ быть это—Баллертъ съ Бертой... Почему это долженъ быть именно Баллертъ?—Проѣзжай!—Хорошенькая штучка была у его высочества въ Пржемыслѣ... съ нею онъ всегда пріѣзжалъ въ городъ къ Розенбергу... Его высочество былъ очень снисходителенъ — настоящій товарищъ, со всѣми на ты... Это было хорошее время, хотя мѣстность была самая безотрадная и лѣтомъ можно было истомиться отъ жары. Разъ трое въ одинъ день умерли отъ солнечнаго удара... между прочимъ и капралъ моего взвода, такой ловкій человѣкъ... Послѣ обѣда мы голые ложились на кровати; разъ ко мнѣ вдругъ вошелъ Визнеръ; я, должно быть, какъ разъ видѣлъ сонъ, встаю, и надѣваю саблю, которая лежала возлѣ меня... хорошъ, должно быть, былъ видъ... Визнеръ хохоталъ до полусмерти — теперь онъ ужъ ротмистръ... — Жаль, что я не поступилъ въ кавалерію... но этого не захотѣлъ старикъ—это была бы слишкомъ дорогая штука—ну а теперь вѣдь все равно... Почему же? Да, я знаю: я долженъ умереть, потому и все равно—я долженъ умереть... Такъ какъ же?—Смотри, Густль, ты дошелъ до самаго конца Пратера, среди ночи, здѣсь тебѣ не помѣшаетъ ни одна живая душа... и теперь ты можешь обдумать все спокойно... И Америка, и выходъ въ отставку, это просто сумасшествіе; а ты вѣдь слишкомъ глупъ, чтобы взяться за что-нибудь новое—и когда тебѣ даже будетъ сто лѣтъ, и ты подумаешь о томъ, что кто-то хотѣлъ сломать твою саблю и назвалъ тебя глупымъ мальчишкой, а ты сталъ передъ нимъ и ничего не могъ сдѣлать... нѣтъ, раздумывать не о чемъ—что случилось,—случилось—и на счетъ мамы и Клары—это тоже вздоръ—онѣ перенесутъ это—все переносится... Какъ горевала мама́, когда умеръ ея братъ, а черезъ четыре недѣли она врядъ ли думала объ этомъ... она ѣздила на клад-

бище... сначала каждую недѣлю, потомъ каждый мѣсяцъ... а теперь—ѣздитъ только въ годовщину. — Моя годовщина — завтра, пятаго апрѣля.—Перевезутъ ли они меня въ Грацъ? Ха, ха, ха! Вотъ порадуются-то черви въ Грацѣ! Но это до меня не касается, пусть другіе ломаютъ себѣ голову на этотъ счетъ... Да что-же собственно касается меня?.. Да, сто шестьдесять гульденовъ Баллерту—и это—все—больше мнѣ не нужно никакихъ распоряженій.—Написать письма? Зачѣмъ? Кому?.. Проститься?—Къ чорту, когда человѣкъ стрѣляется, то это достаточно выразительно! — Тогда ужъ всѣ замѣчаютъ, что онъ простился...

Если бы люди знали, какъ безразлична мнѣ вся эта исторія—они вовсе не пожалѣли бы меня—и вообще жалѣть нечего... Да и что было во всей моей жизни? Одно только я хотѣлъ бы пережить: войну—но, можетъ быть, мнѣ пришлось бы долго ждать... А все остальное я знаю... Зовутъ ли женщину Стеффи, или Кунигундой, это все равно.—Самыя лучшія оперетки я тоже знаю—на «Лоэнгринѣ» былъ двѣнадцать разъ—а сегодня вечеромъ я былъ даже на ораторіи—и булочникъ назвалъ меня глупымъ мальчишкой — ей-Богу, этого какъ разъ довольно! Я совсѣмъ не интересуюсь знать, что могло бы быть дальше...—Значитъ, пойдемъ домой, медленно, совсѣмъ тихо... Въ самомъ дѣлѣ, я совсѣмъ не спѣшу. — Отдохну еще минуты двѣ-три, здѣсь, въ Пратерѣ, — бездомный. — Въ постель я совсѣмъ не буду ложиться—у меня вѣдь будетъ время выспаться.—Ахъ, воздухъ!—Вотъ чего я лишусь...

Что это? — «Эй, Іоганъ, принесите мнѣ стаканъ холодной воды»... Что это?.. Гдѣ... Да сплю я, что-ли?.. Мой черепъ... о, чортъ побери.. Не могу открыть глазъ!—Да я одѣтъ!—Гдѣ же я сижу?—Господи, да я уснулъ! И какъ это я еще могъ спать, уже разсвѣтаетъ!—Сколько же времени я спалъ?—Нужно посмотрѣть на часы... Я ничего не вижу... Да гдѣ же мои спички?.. Ну, наконецъ, одна загорѣлась?.. Три... а въ четыре я долженъ драться на дуэли—нѣтъ, не драться на дуэли—я долженъ застрѣлиться!—Дуэль, это—вздоръ; я долженъ застрѣлиться, потому что булочникъ назвалъ меня глупымъ мальчишкой... Да развѣ это въ самомъ дѣлѣ было? У меня такъ странно въ головѣ... шея у меня точно привинчена, я не могу шевельнуться... правая нога одеревенѣла.—Вставай, вставай!—А, такъ лучше!—Уже свѣтаетъ... А воздухъ, совсѣмъ такой, какъ тогда, рано утромъ, когда я стоялъ въ лѣсу на аванпостахъ... Тогда было другое пробужденіе... и не такой день мнѣ предстоялъ... Мнѣ кажется, я еще не вполнѣ вѣрю этому.—Вонъ улица, сѣрая, пустая—конечно, я теперь—единственный человѣкъ на Пратерѣ.—Я ужъ разъ былъ здѣсь въ четыре часа утра, съ Паузингеромъ—мы ѣхали верхомъ—я, на лошади капитана Мировика, а Паузингеръ—на своей собственной—это было въ маѣ прошлаго года—тогда все уже цвѣло—все было зе-

лено. — Теперь все еще голо, но весна придетъ скоро, черезъ два-три дня она настанетъ. — Ландыши, фіалки — жаль, мнѣ ничѣмъ этимъ ужъ не пользоваться—каждый нищій можетъ сколько-нибудь пользоваться этимъ, а я долженъ умереть! Вотъ такъ несчастье! А другіе будутъ сидѣть за ужиномъ въ виноградникѣ, какъ будто ничего не случилось также, какъ всѣ мы сидѣли въ виноградникѣ въ первый же вечеръ послѣ того дня, какъ былъ похороненъ Липпай... А Липпая такъ любили... его больше любили въ полку, чѣмъ меня— такъ отчего же имъ не сидѣть въ виноградникѣ, когда я умру?— Совсѣмъ тепло—гораздо теплѣе, чѣмъ вчера—и такое благоуханіе— должно быть, что-нибудь уже цвѣтетъ... Принесетъ ли мнѣ Стеффи цвѣтовъ?—Ей совсѣмъ и въ голову не придетъ! Она какъ разъ должна будетъ куда-нибудь ѣхать... Да, если бы это была Адель... А, Адель! — Мнѣ кажется, за послѣдніе два года я совсѣмъ не вспоминалъ о ней. Что за исторіи она устраивала, когда все кончилось... я въ жизни не видалъ, чтобы женщина такъ плакала... Собственно говоря, это было самое лучшее, что я пережилъ... Она была такая скромная, такая нетребовательная—эта любила меня, я могъ бы поклясться въ этомъ.—Это было совсѣмъ другое, чѣмъ Стеффи... Хотѣлъ бы я знать, почему я ее бросилъ... такая глупость! Это сдѣлалось слишкомъ прѣсно, да—вотъ и все... Каждый вечеръ гулять все съ одной и той же... Потомъ я боялся, что я вообще никогда не освобожусь отъ нея.—Ну, Густль, ты могъ подождать—вѣдь это была единственная женщина, которая любила тебя... Ну, что можетъ съ ней быть?—Конечно, теперь у нея другой... Правда, со Стеффи удобнѣе, вы связаны только случайно, все непріятное достается на долю другого, а я получаю только удовольствіе... Да, конечно, нельзя и требовать, чтобы она пришла на кладбище... Да и вообще, кто пошелъ бы, если бы не былъ обязанъ пойти?—Можетъ быть, Копецкій—и только!—Грустно все-таки не имѣть никого близкаго, какъ я...

Что за безсмыслица. А папа, а мама, а Клара... Да, конечно, я имъ сынъ и братъ... Но что же связываетъ насъ кромѣ этого?—они любятъ меня,—да—но что они знаютъ обо мнѣ?—Что я служу, что я играю въ карты и кучу съ женщинами... а кромѣ этого?—Что часто мнѣ бываетъ страшно самого себя, этого я имъ не писалъ, да, мнѣ кажется, я и самъ совершенно не зналъ этого настоящимъ образомъ. Вотъ о чемъ, ты теперь думаешь Густль? Не хватаетъ только, чтобы ты началъ плакать... тьфу, дьяволъ!—Иди какъ слѣдуетъ... такъ! Какъ будто идешь на свиданіе или на службу, или на битву... кто же это сказалъ?.. А, да, маіоръ Ледереръ, когда разсказывали о Вингледерѣ, который такъ поблѣднѣлъ передъ своей первой дуэлью... Да, у настоящаго офицера нельзя узнать по лицу, идетъ ли онъ на свиданіе, или на вѣрную смерть!—Такъ вотъ, Густль! Майоръ Ледереръ это сказалъ! Ха, ха!—Все свѣтлѣетъ... можно уже читать... Что это сви-

ститъ?.. А, по ту сторону вокзалъ Сѣверной желѣзной дороги... По ту сторону стоятъ вагоны... Но на улицахъ никого, кромѣ чистильщиковъ нечистотъ, послѣдніе чистильщики, которыхъ я вижу—ха, ха! Я не могу не смѣяться, когда я объ этомъ думаю... этого я совсѣмъ не понимаю... Можетъ быть, такъ бываетъ со всѣми, разъ они знаютъ навѣрное... На часахъ Сѣвернаго вокзала половина четвертаго... теперь вопросъ: застрѣлюсь ли я въ семь часовъ по вокзальному, или по вѣнскому времени?.. Семь... да почему именно въ семь?.. какъ будто иначе и быть не можетъ... Я голоденъ—ей-Богу я голоденъ—ничего нѣтъ удивительнаго... съ которыхъ поръ я не ѣлъ?.. Съ—со вчерашняго вечера, съ шести часовъ—въ кофейнѣ... да!.. Когда Копецкій далъ мнѣ билетъ, я выпилъ кофе и съѣлъ два хлѣбца.—Что скажетъ булочникъ, когда онъ это узнаетъ?.. Проклятая собака!—А, онъ будетъ знать причину, онъ пойметъ, что значитъ—офицеръ!—Такой человѣкъ способенъ дать себя высѣчь среди улицы и это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, а такіе, какъ мы—умираемъ, если насъ оскорбятъ съ глазу на глазъ... Если бы, по крайней мѣрѣ, такой человѣкъ могъ драться,—тогда онъ былъ бы осторожнѣе, и не рисковалъ бы дѣлать подобныя вещи... И этотъ человѣкъ продолжаетъ жить, спокойно продолжаетъ жить, когда я — долженъ околѣть! — Вѣдь это онъ убилъ меня... Да, Густль, понимаешь ли ты? Это онъ убиваетъ тебя! Но это не должно сойти ему съ рукъ такъ легко! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я напишу Копецкому письмо, въ которомъ все будетъ описано, я напишу ему всю эту исторію... или, еще лучше: я напишу это полковнику, я сдѣлаю рапортъ полковому начальству... точно такой же, какъ служебные рапорты... Подожди же, ты думаешь, что такія вещи могутъ оставаться втайнѣ?—Ты ошибаешься—это будетъ записано на вѣчныя времена и хотѣлъ бы я посмотрѣть, будешь ли ты послѣ этого еще сидѣть въ кафе?—Ха, ха!—это «хотѣлъ бы я посмотрѣть»—прелестно! Я охотно посмотрѣлъ бы еще многое, но, къ сожалѣнію, это будетъ невозможно—конецъ!

Теперь Іоганъ входитъ въ мою комнату и замѣчаетъ, что господинъ поручикъ не ночевалъ дома.—Онъ будетъ предполагать всевозможныя вещи, но что господинъ поручикъ ночевалъ въ Пратерѣ, этого, ей-Богу, онъ не подумаетъ... А, сорокъ четвертый полкъ! Они идутъ стрѣлять въ цѣль—пропустимъ ихъ... такъ, станемъ сюда...—Наверху открывается окно.—Красивая женщина—ну, я бы на ея мѣстѣ надѣвалъ, по крайней мѣрѣ, хоть платочекъ, когда подхожу къ окну... Въ прошлое воскресенье это было въ послѣдній разъ... Мнѣ и во снѣ не снилось, что именно Стеффи будетъ послѣднею.—Господи, вѣдь это же единственное настоящее удовольствіе... Черезъ два часа и полковникъ поѣдетъ вслѣдъ за ними... Этимъ господамъ хорошо—да, да я смотрю вправо!—Да, хорошо... Если бы вы знали, какъ я на васъ плюю!—А, недурно: Кацеръ... съ которыхъ же это поръ онъ переведенъ въ сорокъ четвертый?

Что за лицо онъ сдѣлалъ?.. Почему же онъ показываетъ на свою голову?—Милый мой, твой черепъ очень мало меня интересуетъ... А, это! Нѣтъ, мой милый, ты ошибаешься: я ночевалъ въ Пратерѣ... да ты прочтешь въ вечерней газетѣ.—«Невозможно», скажетъ онъ, еще сегодня утромъ, когда мы шли стрѣлять, я встрѣтилъ его въ Пратерѣ! Кто-то получитъ мой взводъ?.. Можетъ быть его дадутъ Вальтереру?—Вотъ-то будетъ хорошо—человѣкъ безъ энергіи, которому лучше бы быть сапожникомъ... Какъ, солнце уже восходитъ?—Сегодня будетъ прелестный день, настоящій, день... А въ сущности къ чорту его! Въ восемъ часовъ утра этотъ кучеръ будетъ еще на свѣтѣ, а я... ну, что же это такое? Однако это было бы недурно потерять самообладаніе въ послѣднюю минуту изъ-за какого-то кучера... Почему это у меня сразу такъ нелѣпо забилось сердце?—Вѣдь это же не оттого?.. Нѣтъ, о нѣтъ... Это оттого, что я такъ долго ничего не ѣлъ.—Но, Густль, будь же искрененъ съ самимъ собой:—боишься ты, боишься, потому что ты никогда еще этого не пробовалъ... Но это тебѣ не поможетъ, страхъ еще никому ни въ чемъ не помогъ; каждый долженъ это продѣлать въ свою очередь, одинъ раньше, другой позднѣе, и тебѣ приходится сдѣлать это раньше... Дорогого ты никогда не стоилъ, такъ веди себя, по крайней мѣрѣ, прилично на послѣдокъ, этого я отъ тебя требую!—Ну, теперь нужно только обдумать—но что же?.. Я все время хочу что-то обдумать... вѣдь это же совсѣмъ просто: онъ лежитъ въ ящикѣ, и заряженъ, нужно только нажать—это не трудно!

Вотъ эта уже идетъ на работу... бѣдная дѣвушка!—Адель тоже служила въ одномъ заведеніи, раза два я заходилъ за ней вечеромъ... Когда онѣ служатъ гдѣ-нибудь, онѣ не дѣлаются такими женщинами... Если бы Стеффи могла принадлежать мнѣ одному, я бы заставилъ ее сдѣлаться модисткой, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ... Какъ она узнаетъ объ этомъ?—Изъ газетъ?.. Она будетъ сердиться, что я ей ничего не написалъ... Кажется я опять рехнулся... Что мнѣ за дѣло до того, что она будетъ сердиться... Да, сколько времени тянулась вся эта исторія?.. Съ января мѣсяца?.. Ахъ, нѣтъ, это, должно быть, было еще передъ Рождествомъ... Я вѣдь привезъ ей изъ Граца конфектъ, а къ новому году она прислала мнѣ письмецо... Кстати, нѣтъ ли между письмами, которыя у меня дома, такихъ, которыя я долженъ сжечь?.. Гм... письмо Фальштейнера; если его найдутъ, то ему могутъ быть непріятности... Да какое мнѣ дѣло!—Конечно, это небольшой трудъ... да я не могу разыскивать этотъ лоскутокъ бумаги... Самое лучшее все вмѣстѣ... да и кому оно нужно?.. Все это просто оберточная бумага. А мои нѣсколько книгъ я могъ бы завѣщать Блани́.—«Сквозь мракъ и холодъ»... жаль, что я никогда не могъ прочитать этого... въ послѣднее время я совсѣмъ мало читалъ... Орга́нъ—а, изъ церкви... ранняя обѣдня—я ужъ давно не былъ ни у одной обѣдни... въ по-

слѣдній разъ я былъ Феберѣ, когда туда отправили мой взводъ... Но нечего считать:—я смотрѣлъ за своими людьми, чтобы они прилично себя вели... Я могъ бы войти въ церковь... въ концѣ концовъ, вѣдь тамъ, внутри, что-то есть... Ну, сегодня послѣ обѣда я буду это знать въ точности... А, «послѣ обѣда», очень хорошо!.. Такъ какъ же?—Я думаю мамѣ это было бы утѣшеніемъ, если бы она знала!.. Клара придастъ этому меньше значенія... Ну, войдемъ,—повредить это ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Органъ—пѣніе—гм!—что это такое?—У меня совсѣмъ закружилась голова.!. О Боже, о Боже! Я хотѣлъ бы чтобы возлѣ меня былъ человѣкъ, съ которымъ я могъ бы сказать нѣсколько словъ передъ этимъ.

Было бы недурно пойти исповѣдываться! Какъ бы вытаращилъ глаза священникъ, когда я сказалъ бы ему въ заключеніе: честь имѣю кланяться, ваше преподобіе; теперь я иду убить себя!..—Охотнѣе всего я легъ бы здѣсь на мостовую и началъ бы ревѣть... Ахъ, нѣтъ этого нельзя дѣлать! Но плакать иногда такъ отрадно... Присядемъ на минутку, но только не спать, какъ въ Пратерѣ!.. Людямъ религіознымъ лучше въ такихъ случаяхъ... Ну вотъ, теперь у меня даже руки начинаютъ дрожать!.. Если такъ пойдетъ дальше, то я сдѣлаюсь самъ себѣ такъ отвратителенъ, что убью себя просто отъ стыда!—Вонъ та старуха, о чемъ ей еще молить?.. Это—идея, сказать ей: помяните и меня въ своихъ молитвахъ... я не знаю навѣрное, какъ это дѣлается... Ха, ха, мнѣ кажется, что приближеніе смерти отупляетъ!—Пойду!—Что мнѣ напоминаетъ эта мелодія?—Господи! Вчера вечеромъ!—Прочь, прочь отсюда! Этого я не выдержу!.. Шшш... не поднимать такого шума и не стучать саблей—не нужно смущать благоговѣніе этихъ людей—такъ!—На свѣжемъ воздухѣ лучше... Свѣтло... Ахъ, минута все приближается... лучше бы она прошла!—Я долженъ былъ сдѣлать это тотчасъ же,—въ Пратерѣ... Никогда не нужно выходить безъ револьвера... Если бы вчера вечеромъ у меня былъ револьверъ... Господи, опять!—Я могу пойти въ кафе позавтракать...

Я голоденъ... Раньше мнѣ всегда казалось страннымъ, что люди, которые приговорены къ смерти, въ то самое утро еще пьютъ кофе и курятъ сигару... Чортъ возьми, я совсѣмъ не курилъ! И совсѣмъ не хочется курить!—Это смѣшно: мнѣ почти хочется зайти въ свое кафе... Да, оно уже открыто, а изъ нашихъ тамъ, конечно, еще никого нѣтъ. А если уже... Ну что-жъ; это будетъ служить доказательствомъ моего хладнокровія. «Въ шесть часовъ онъ еще завтракалъ въ кафе, а въ семь—застрѣлился»... Я опять совершенно спокоенъ... Ходьба такъ пріятна—и самое пріятное то, что меня никто не принуждаетъ.—Если бы я захотѣлъ, то могъ бы еще бросить весь этотъ хламъ... Америка... Что это такое: «хламъ»? Что такое хламъ? Мнѣ кажется, у меня солнечный ударъ!.. О, о! Я, можетъ быть, оттого такъ спокоенъ, что все еще воображаю, будто я не долженъ?.. Я долженъ! Нѣтъ, я хочу!—Да

можешь ли ты себѣ представить, Густль, что ты снялъ мундиръ и разгуливаешь на свободѣ? А проклятая собака помираетъ со смѣху, и даже самъ Копецкій охотно не подавалъ бы тебѣ руки... Мнѣ кажется, я уже сейчасъ весь покраснѣлъ. — Часовой отдаетъ мнѣ честь... я долженъ отвѣтить... «Здорово».

Я даже сказалъ «здорово».

Такому бѣдняку это всегда доставляетъ удовольствіе... Ну, на меня никому не приходилось жаловаться—внѣ службы я всегда былъ ласковъ. Когда мы были на маневрахъ, я угощалъ людей изъ роты Британника; разъ я слышалъ, какъ одинъ солдатъ сзади меня говорилъ что-то о «проклятой живодернѣ», и я не послалъ его съ рапортомъ,— я только сказалъ ему: «смотрите, это могъ бы услыхать кто-нибудь другой—и вамъ было бы худо!» Вотъ Бургхофъ... Кто то тамъ сегодня на дежурствѣ? Босняки—они выглядятъ совсѣмъ хорошо— подполковникъ сказалъ намедни: когда въ 78 году мы были у нихъ, то никто бы не подумалъ, что они будутъ такъ отражать насъ! Господи, вотъ при чемъ я очень бы хотѣлъ быть! Вотъ они всѣ встаютъ со скамейки.

«Здорово, здорово!» Это почти противно, что никто изъ насъ не можетъ попасть на войну. Было бы гораздо лучше пасть на полѣ чести, за отечество, чѣмъ такъ... Да, господинъ докторъ, собственно говоря вы отлично отдѣлались!.. Развѣ никто не можетъ взять на себя это дѣло вмѣсто меня?—Ей-Богу, я долженъ былъ бы оставить записку, чтобы Копецкій или Виметаль дрались съ нимъ вмѣсто меня... Онъ не долженъ такъ дешево отдѣлаться! — А, да что тутъ! Развѣ не все равно, что будетъ потомъ? Я вѣдь этого никогда не узнаю! Деревья распускаются... Разъ я заговорилъ въ публичномъ саду съ одной—на ней было красное платье—она жила въ улицѣ Штроуніа—потомъ ее перехватилъ Рохтмизъ... Мнѣ кажется онъ все еще съ нею, но больше не говоритъ объ этомъ—можетъ быть, онъ стыдится... Стеффи теперь еще спитъ... Она такъ мила, когда спитъ... какъ ребенокъ, который еще не умѣетъ считать до пяти!—Впрочемъ, когда онѣ спятъ, то всѣ онѣ такъ выглядятъ!—Я долженъ бы все-таки написать ей нѣсколько словъ... почему не написать? Вѣдь это всѣ дѣлаютъ, всѣ пишутъ письма передъ тѣмъ, какъ застрѣлиться.—И Кларѣ я долженъ бы написать, чтобы она утѣшала папà и мамà — и вообще то, что обыкновенно пишется! И Копецкому тоже... Ей-Богу, мнѣ представляется, что будетъ гораздо легче, если проститься съ двумя-тремя людьми... И извѣщеніе полковому начальству — и сто шестьдесятъ гульденовъ Баллерту... Собственно говоря, еще много надо сдѣлать... Ну, вѣдь меня никто не заставляетъ сдѣлать это непремѣнно въ семь часовъ... И съ восьми часовъ у меня будетъ время для небытія... Небытія, да— это такъ называется—и съ этимъ ничего не подѣлаешь...

Рингштрассе—теперь я скоро буду въ своемъ кафе... Мнѣ кажется,

я радъ завтраку... Это невѣроятно, — потомъ письмо Кларѣ, потомъ—Копецкому—потомъ—Стеффи... Что мнѣ написать бѣдняжкѣ?.. «Милое дитя, ты, конечно, не думала»... Ахъ, какой вздоръ!—«Милое дитя мое, я очень тебѣ благодаренъ»... «Милое дитя, прежде чѣмъ уйти отсюда, я не хочу обойти молчаніемъ»... Ну, въ писаніи писемъ я всегда былъ слабъ... «Милое дитя, послѣднее прости отъ твоего Густля»... Какими глазами взглянетъ она на письмо! Еще счастье, что я не былъ въ нее влюбленъ... Это, должно быть, очень грустно, когда любишь женщину и вдругъ такъ... Ну, Густль, признайся; вѣдь и такъ довольно грустно. Послѣ Стеффи было бы много другихъ и, наконецъ,—молодая дѣвушка изъ хорошей семьи, которая могла бы внести обезпеченіе—и хорошенькая...—Кларѣ я непремѣнно долженъ написать, нельзя иначе... «Ты должна простить меня, дорогая сестра, и прошу тебя, утѣшай милыхъ родителей. Я знаю, что доставлялъ всѣмъ вамъ много заботъ и причиняю большое горе, но повѣрь мнѣ, я всѣхъ васъ всегда очень любилъ, и надѣюсь, что ты еще будешь когда-нибудь счастлива, моя дорогая Клара, и не забудешь окончательно своего несчастнаго брата»... Ахъ, лучше я совсѣмъ не буду ей писать!.. Нѣтъ, мнѣ хочется плакать!.. У меня уже выступаютъ слезы, когда я объ этомъ думаю... Я напишу самое большее только одному Копецкому — напишу ему товарищеское прости, а онъ пусть передастъ его другимъ... — Развѣ уже шесть?—А, нѣтъ: половина—три четверти.—Что за милое личико!.. А та маленькая мордочка, съ черными глазками, которую я такъ часто встрѣчалъ въ улицѣ Флоріани! Что она скажетъ? — Да вѣдь она совсѣмъ не знаетъ, кто я такой — она только удивится, что больше не встрѣчаетъ меня... Третьяго дня я рѣшилъ, что въ слѣдующій разъ заговорю съ нею.—Она достаточно кокетничала для этого... но она была совсѣмъ молоденькая—совсѣмъ еще невинное созданіе!.. Да, Густль, не откладывай того до завтра, что можешь сдѣлать сегодня!.. Вонъ тотъ навѣрное тоже не спалъ всю ночь. — Ну а теперь онъ преспокойно пойдетъ домой и ляжетъ спать — и я тоже! — Ха, ха! Теперь Густль подходитъ серьезная минута, да!.. Ну, если бы не чувствовать нѣкотораго ужаса, то было бы совсѣмъ ничего—и вообще, самому себѣ я могу это сказать,—я держусь храбро... А, куда же мнѣ еще? Да, вотъ ужъ и моя кофейня... они еще только открываютъ ее... Ну, зайдемъ...

Вонъ тамъ, въ глубинѣ столъ, за которымъ они всегда играютъ въ тарокъ... Замѣчательно, я никакъ не могу себѣ представить, что человѣкъ, который всегда сидитъ, тамъ, въ глубинѣ, у стѣны—тотъ самый, который меня...—Еще нѣтъ ни души... Да гдѣ же кельнеръ? Эй! Вотъ онъ идетъ изъ кухни... дорогой онъ надѣваетъ фракъ... Въ сущности это совсѣмъ не нужно!.. А для него это нужно... вѣдь онъ долженъ сегодня служить и другимъ людямъ!

«Честь имѣю... господинъ поручикъ». «Доброе утро».

«Раненько сегодня, господинъ поручикъ».

«Ахъ, оставьте, я спѣшу, я могу не снимать шинели».

«Что угодно заказать, господинъ поручикъ?

«Кофе съ молокомъ и съ пѣнкой.

«Сію минуту, господинъ поручикъ!

А, вотъ газеты... уже сегодняшнія газеты... Есть ли уже въ нихъ что-нибудь насчетъ этого?.. Что это?—Кажется я хочу посмотрѣть напечатано ли въ нихъ о томъ, что я лишилъ себя жизни! Ха, ха!—Да чего же я все стою?.. Сяду здѣсь, къ окну... А, онъ уже принесъ мнѣ кофе... Такъ, задерну занавѣску; мнѣ противно, когда сюда заглядываютъ люди... Впрочемъ, никто еще не проходитъ мимо... А вкусный кофе—завтракъ, это—не пустая иллюзія!.. А, дѣлаешься совсѣмъ другимъ человѣкомъ—вся глупость оттого, что я не ужиналъ... Чего это онъ опять стоитъ передъ мною?—А, онъ онъ принесъ мнѣ хлѣбцы...

«Господинъ поручикъ уже слышалъ?..»

«Что такое?»

Господи, развѣ онъ ужъ что-нибудь знаетъ? Вздоръ, вѣдь это невозможно!

«Съ господиномъ Габетсвальнеромъ»...

Что? Вѣдь такъ зовутъ булочника...

Что онъ мнѣ скажетъ?.. Былъ здѣсь, что ли? Можетъ быть, онъ былъ еще вчера вечеромъ и все разсказалъ?.. Что же онъ не говоритъ дальше... Да онъ говоритъ...

«Нынѣшнюю ночь, въ двѣнадцать часовъ случился ударъ».

«Что?..»

Я не долженъ такъ кричать... нѣтъ, я не долженъ показывать вида... но можетъ быть, я брежу... нужно еще разъ спросить...

«Съ кѣмъ случился ударъ?»...

Славно, славно!—я произнесъ это совершенно спокойно!

«Съ булочникомъ, господинъ поручикъ!.. Господинъ поручикъ навѣрное знаетъ его... ну того толстяка, который каждый день послѣ обѣда игралъ въ тарóкъ, возлѣ господъ офицеровъ... съ господиномъ Шлезингеромъ и господиномъ Васнеромъ, изъ магазина искусственныхъ цвѣтовъ, что напротивъ».

Я не сплю,—все такъ согласуется съ дѣйствительностью, и все-таки я еще не могу повѣрить—я долженъ спросить еще разъ, но совершенно спокойно...

«Съ нимъ былъ ударъ?.. Какъ же это? Откуда же вы это знаете?»

«Да, господинъ поручикъ, кому же это знать, какъ не намъ—хлѣбцы, которые кушаетъ господинъ поручикъ—вѣдь изъ булочной господина Габетсвальнера. Намъ разсказалъ объ этомъ мальчикъ, который приноситъ намъ хлѣбъ рано утромъ, въ половинѣ пятаго».

Господи, какъ бы не выдать себя... Мнѣ вѣдь хочется кричать... мнѣ хочется смѣяться!.. Но нужно еще кое-что спросить!—Ударъ— еще не значитъ: смерть... я долженъ спросить умеръ ли онъ... Но спросить совершенно спокойно, такъ какъ-какое мнѣ дѣло до булочника—я долженъ смотрѣть въ газету въ то время, какъ спрашиваю кельнера...

«Онъ умеръ?»

«Ну, конечно, господинъ поручикъ; онъ такъ и остался на мѣстѣ».

О, великолѣпно, великолѣпно!—Въ концѣ концовъ все это оттого, что я былъ въ церкви...

«Онъ былъ вечеромъ въ театрѣ; подымаясь по лѣстницѣ, онъ упалъ. Хозяинъ услыхалъ стукъ... ну, его внесли въ квартиру, и когда пришелъ докторъ, все уже давно было кончено».

«Это очень печально. Онъ былъ еще въ цвѣтущемъ возрастѣ».

Это я теперь славно сказалъ—никто бы не могъ ничего замѣтить.., я таки долженъ сдерживаться, чтобы не закричать, или не вспрыгнуть на билліардъ...

«Да, господинъ поручикъ, очень печально; онъ былъ такой хорошій господинъ, онъ приходилъ къ намъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, и былъ большимъ пріятелемъ нашему хозяину. А бѣдная жена»...

Я думаю, что во всю мою жизнь я не былъ такъ радъ... Онъ умеръ... онъ умеръ! Никто ничего не знаетъ и ничего не было!—И какое чертовское счастье, что я зашелъ въ кофейню... иначе бы я застрѣлился совсѣмъ напрасно — это — воля судьбы... Гдѣ же Рудольфъ? А, онъ разговариваетъ съ кѣмъ-то... Значитъ онъ умеръ, онъ умеръ—я еще никакъ не могу этому повѣрить! Какъ бы я хотѣлъ пойти туда и посмотрѣть.—Въ концѣ концовъ, ударъ случился съ нимъ отъ ярости, отъ сдерживаемаго гнѣва... Ахъ, да мнѣ совершенно все равно—отчего! Главное то, что онъ умеръ, и что я могу жить, и что все опять принадлежитъ мнѣ!.. Какъ смѣшно, что я все время крошу хлѣбецъ, который мнѣ испекъ господинъ Габетсвалльнеръ! Славно!—Такъ, теперь я бы выкурилъ сигарку...

«Рудольфъ, Рудольфъ!»

«Что угодно, господинъ поручикъ!»

«Трабукко»...—Я такъ счастливъ, такъ счастливъ!.. Что я теперь буду дѣлать? Что мнѣ теперь дѣлать?.. Что-нибудь я долженъ сдѣлать, иначе со мной тоже будетъ ударъ отъ радости!.. Черезъ четверть часа я буду въ казармахъ, я заставлю Іогана вытереть себя холодной водой!., Въ половинѣ восьмого ученье, въ половинѣ десятаго экзерсиція.—И я напишу Стеффи, что она должна освободиться на сегодняшній вечеръ, а относительно Граца!..

А послѣ обѣда, въ четыре часа... ну, погоди голубчикъ, погоди! Я какъ разъ отлично настроенъ... Тебя-то, я изрублю какъ котлету!

Роль насѣкомыхъ въ экономіи природы и въ жизни человѣка *).

Глава I.

Общее число видовъ всѣхъ животныхъ по Герштекеру опредѣляется въ 250.000, изъ которыхъ на долю насѣкомыхъ приходится не менѣе 200.000. Шарпъ же въ 1899 г. однихъ только насѣкомыхъ насчитывалъ 2.000.000 видовъ, а недавно одинъ американскій энтомологъ Рейли опредѣлилъ число видовъ ихъ въ 10.000.000.

Естественно, что при такомъ огромномъ количествѣ видовъ, при ихъ способности размножаться въ невѣроятномъ числѣ особей, насѣкомыя являются могучимъ дѣятелемъ, который, несомнѣнно, оказываетъ значительное вліяніе на все окружающее, имѣетъ огромное значеніе и въ экономіи природы, и въ жизни человѣка.

Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій германскаго геологическаго общества д-ръ Кейльгакъ темой своего доклада сдѣлалъ почвообразовательную дѣятельность насѣкомыхъ. Докладъ этотъ въ значительной степени пополнилъ изслѣдованія Дарвина по вопросу о созиданіи почвеннаго слоя дождевыми червями. Степныя мѣстности на незначительной глубинѣ кишмя-кишатъ всякими насѣкомыми и ихъ личинками, которыя и выносятъ на поверхность земли безчисленныя кучки рыхлаго сухого песку. Послѣдствія ихъ дѣятельности особенно явственно выступаютъ тогда, когда верхніе слои почвы состоятъ изъ разнородныхъ элементовъ, наприм., мелкаго песку съ болѣе крупными гальками и валунами. Въ такомъ случаѣ происходитъ замѣтное измѣненіе почвы благодаря дѣятельности насѣкомыхъ. Они выносятъ на поверхность земли только мелкій песокъ, вслѣдствіе чего болѣе тяжелыя части почвы осѣдаютъ все глубже и глубже и верхній слой почвы постепенно распадается на два слоя. Такимъ образомъ мѣста, не доступныя раньше для плуга, благодаря работѣ насѣкомыхъ, превращаются въ годныя для воздѣлыванія растеній.

---

*) См. нашъ Научный Обзоръ въ этомъ же номерѣ: «Роль насѣкомыхъ въ распространеніи заразы» женщ.-вр. *М. И. Покровской*.

Но многія изъ насѣкомыхъ, кромѣ того, изрѣзываютъ землю по всевозможнымъ направленіямъ своими ходами, какъ муравьи, медвѣдки, личинки нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ и такимъ образомъ даютъ свободный доступъ воздуху и водѣ, содержащей, какъ извѣстно, многія кислоты, наприм., угольную. Присутствіе послѣдней въ водѣ способствуетъ растворенію многихъ минеральныхъ веществъ. Взаимодѣйствіемъ такихъ мощныхъ дѣятелей, какъ вода, воздухъ, теплота и холодъ, обусловливается незамѣтное, но непрерывное измѣненіе свойствъ почвы и разрушеніе горныхъ породъ; такимъ образомъ подготовляются тѣ условія, которыя необходимы для заселенія даннаго мѣста растеніями.

Но насѣкомыя имѣютъ большое значеніе и въ роли истребителей различныхъ органическихъ веществъ.

Это—«великіе блюстители чистоты въ природѣ», какъ назвали ихъ Кэрби и Спенсъ.

Подумайте только, какая масса испражненій извергается ежедневно животными! Какъ сильно заражали бы они воздухъ! А между тѣмъ, какъ только эти разлагающіяся вещества попали на землю, они дѣлаются полной собственностью различныхъ насѣкомыхъ. Одни прямо ѣдятъ ихъ, другія — кладутъ свои яички, изъ которыхъ очень скоро выходятъ невѣроятно прожорливыя личинки, быстро пожирающія все жидкое и мягкое, т.-е. то, что болѣе всего и скорѣе всего можетъ заражать воздухъ. Небольшой же твердый остатокъ быстро высыхаетъ и разносится вѣтромъ.

Но, впрочемъ, не всѣ насѣкомыя поступаютъ такъ. *Копры* (напримѣръ Copris lunaris), Навозники (Geotrupes stercorarius) и другіе изъ Пластинчатоусыхъ, дѣлаютъ подъ кучами помета норы, идущія часто внутрь на значительную глубину. Тутъ они кладутъ свои яички, обволакивая ихъ экскрементальной массой; послѣдняя, конечно, служитъ для питанія личинокъ. Такимъ образомъ, они увеличиваютъ плодородіе почвы, транспортируя прямо по корнямъ растеній удобрительныя вещества. Но и помимо того, чрезъ такіе каналы свободно проходятъ вода и воздухъ, что имѣетъ для растеній огромное значеніе.

Кромѣ Жесткокрылыхъ, въ фекальныхъ массахъ живутъ еще и *Двукрылыя* — Diptera, но только въ личиночномъ состояніи. Эти виды не набрасываются зря на фекальныя массы, а обнаруживаютъ извѣстную разборчивость. Одни предпочитаютъ лошадиный пометъ, другія — свиной, третьи, — наконецъ, коровій, четвертые же — исключительно птичій.

Также заражали бы воздухъ и трупы животныхъ, если бы уничтоженіе ихъ не брали на себя цѣлыя полчища насѣкомыхъ.

Раньше всѣхъ являются маленькіе жучки *Карапузики* они прокалываютъ кору трупа въ тысячахъ мѣстъ; затѣмъ слетаются такъ называемыя «мясныя мухи». Изъ нихъ одна «живородящая

муха» кладетъ на трупъ не яйца, а прямо личинокъ, другія же покрываютъ его сплошь милліонами яичекъ, для которыхъ при теплой погодѣ достаточно день-два, чтобы превратится въ необыкновенно прожорливыхъ личинокъ. Какая масса ихъ тутъ является — можно судить изъ того факта, что одна живородящая муха рождаетъ до 20.000 личинокъ. Какую же массу пищи имъ нужно?

Личинки другихъ мясныхъ мухъ, по показанію извѣстнаго *Реди*, въ самое короткое время поглощаютъ столько пищи и растутъ такъ быстро, что ростъ ихъ чрезъ 24 часа дѣлается въ 200 разъ больше первоначальнаго. Дней же чрезъ 5 онѣ достигаютъ полнаго развитія. Сколько же онѣ за это время съѣдятъ?

И въ значительной степени правъ былъ знаменитый *Линней*, который говорилъ, что три мясныя мухи (конечно, ихъ потомство) способны пожрать мертвую лошадь такъ же быстро, какъ и левъ.

На помощь этимъ мухамъ являются *Могильщики* (*Necrophori*), *Мертвоеды—Silphae*, *Кожееды* (*Dermestes*), *Cholevae* и *Staphilinidae*—Короткокрылыя. Къ нимъ подоспѣваютъ *осы*, *шмели* и *муравьи*, такъ что весь мускульный покровъ павшаго животнаго очищается на-черно, такъ сказать, а на-чисто его отдѣлываютъ маленькіе жучки, такъ называемые «*Костоѣды*»; даже рога животныхъ уничтожаются особымъ родомъ насѣкомыхъ. Такимъ образомъ, отъ трупа даже большаго животнаго остается только одинъ скелетъ.

Что касается мелкихъ животныхъ, то ихъ трупы *могильщики погребальные* прямо зарываютъ въ землю, откладывая на нихъ свои яички. Вышедшіе изъ послѣднихъ личинки имѣютъ здѣсь и обильную пищу и находятся въ полной безопасности. Бывшій смотритель Берлинскаго ботаническаго сада, извѣстный своими работами и по ботаникѣ, и по сельскому хозяйству, *Гледичъ*, часто и долго наблюдалъ за дѣятельностью могильщиковъ. Четыре жука, по его словамъ, въ теченіе 5 дней убрали пару кротовъ, четырехъ лягушекъ, трехъ маленькихъ птичекъ, двухъ кузнечиковъ, внутренности рыбы и два куска собачьей печени. Такая египетская работа предпринимается ради потомства: самка затѣмъ залѣзаетъ въ землю и, оставаясь тутъ 5—6 дней, откладываетъ свои яички. Личинки, вышедшія изъ яичекъ, прекрасно тутъ себя чувствуютъ: пищи въ волю и полная безопасность. Нѣчто подобное продѣлываютъ насѣкомыя и относительно растеній. Гнилыя деревья кишатъ личинками одного рода комариковъ съ гребенчатыми усиками—*Ctenophora* и нѣкоторыми другими насѣкомыми. Имъ тутъ и даровая обильная пища, и даровое же помѣщеніе.

Особенно важно значеніе такихъ истребителей растительныхъ веществъ въ лѣсахъ гдѣ, конечно, масса деревьевъ гибнетъ отъ разныхъ причинъ. Безъ участія насѣкомыхъ такія деревья стояли бы безконечно долго. Но насѣкомыя не дремлютъ. Одни изъ нихъ, нападая на кору, прогрызаютъ ее въ тысячахъ мѣстъ, другія предметомъ своего

нападенія выбираютъ стволъ. Избуравливая его по всевозможными направленіямъ своими ходами, они способствуютъ проникновенію туда сырости и воздуха. А разъ къ нимъ присоединится такой мощный дѣятель, какъ теплота, то разрушеніе дерева идетъ очень быстро.

Такую же роль санитаровъ играютъ насѣкомыя и относительно стоячихъ водъ. Воды эти содержатъ въ избыткѣ разлагающіяся органическія вещества и отвратительныя испаренія ихъ извѣстны каждому. Въ этихъ водахъ кишатъ личинки комаровъ, поденокъ и другихъ насѣкомыхъ. Ихъ сюда привлекаетъ изобиліе пищи гніющихъ въ водѣ веществъ, которыя они поѣдаютъ въ невѣроятномъ количествѣ и такимъ образомъ очищаютъ воды. Въ этомъ отношеніи крайне поучительны опыты *Линнея*. Достаточно удалить изъ одного сосуда съ такой водой всѣхъ личинокъ, а въ другомъ ихъ оставить, и вода второго сосуда окажется чрезъ нѣкоторое время чистой и безъ запаха, тогда какъ во второмъ она будетъ по прежнему имѣть тяжелый запахъ. То же подтвердили и опыты *Реомюра*.

Факты эти чрезвычайно любопытны, но, къ сожалѣнію, не обращаютъ на себя общаго вниманія, хотя значеніе ихъ въ жизни природы очень велико.

Несравненно замѣтнѣе то вліяніе, которое насѣкомыя оказываютъ непосредственно на растительное и животное царства.

Что касается до перваго, то въ этомъ отношеніи достаточно упомянуть о нашествіяхъ саранчи, монашенки, филоксеры, кузьки, жука-колорадо.

Ясно, что массовое появленіе извѣстнаго вида является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, какими опредѣляется характеръ флоры какой-нибудь области въ данный моментъ. Подъ вліяніемъ такого фактора нѣкоторые виды растеній могутъ даже совершенно исчезнуть, а на смѣну ихъ явятся другіе, болѣе выносливые.

Огромное значеніе имѣютъ насѣкомыя въ царствѣ растеній при опыленіи, т.-е. механическомъ переносѣ цвѣтневой пыльцы одного какого-нибудь растенія на рыльце такого же другого растенія. Важность этого факта чрезвычайна: разъ такого переноса не произойдетъ, не будетъ и оплодотворенія, а слѣдовательно сѣмена окажутся или безплодными, или даже ихъ вовсе не образуется.

Но далеко не всѣ насѣкомыя служатъ для этой цѣли. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ Перепончатокрылыя (пчелы, осы), потомъ бабочки, а затѣмъ жуки. Любопытно, что опыленіе однихъ растеній можетъ быть производимо самыми разнообразными насѣкомыми, тогда какъ другія опыляются только однимъ какимъ-нибудь видомъ насѣкомаго.

Такъ, напримѣръ, *проф. Мюллеръ* насчиталъ тридцать одинъ видъ насѣкомыхъ, прилетающихъ на цвѣты *Зинзивера (Malva Sylvestris)*

и только четыре вида, садящихся на цвѣты *Просвирняка* (Malva rotundifolia).

Однимъ словомъ, существуетъ самая тѣсная зависимость между растеніями и насѣкомыми. Вспомнимъ хоть *красный клеверъ*. Оплодотвореніе его производится *шмелями*. Они, какъ извѣстно, снабжены очень длинными хоботками, которые свободно могутъ проникать до дна длиннаго вѣнчика. И въ Новой Зеландіи тогда только удалось получить нормально развитыя сѣмена краснаго клевера, способныя давать здоровыя растенія, когда туда перенесены были шмели. Крайне поучительны въ этомъ отношеніи опыты Дарвина. Онъ собралъ съ 1.000 растеній бѣлаго клевера, посѣщавшагося пчелами, 2.290 всхожихъ сѣмянъ, тогда какъ другія 20 растеній, къ которымъ доступъ пчелъ былъ загражденъ, не дали ни одного зерна. При опытахъ съ краснымъ клеверомъ результатъ получился одинаковый. Этихъ фактовъ, я думаю, достаточно, чтобы видѣть, кокое огромное значеніе имѣютъ пчелы и имъ подобныя при перенесеніи цвѣтневой пыльцы, а слѣдовательно, и при оплодотвореніи растеній.

Но не меньшее значеніе имѣютъ насѣкомыя и въ царствѣ животныхъ.

И въ этомъ отношеніи роль ихъ двоякая: они являются истребителями массы другихъ животныхъ, главнымъ образомъ насѣкомыхъ, а въ то же время служатъ и сами пищей для другихъ насѣкомыхъ.

Къ числу первыхъ относятся *цвѣточницы* (Hemerobius), личинки которыхъ знаменитый *Реомюръ* по справедливости назвалъ «львами растительныхъ вшей». Вооруженные парой длинныхъ крючкообразно согнутыхъ челюстей и невѣроятной прожорливостью, онѣ истребляютъ растительныхъ вшей въ ужасающемъ количествѣ. Какую массу ихъ уничтожаетъ каждая цвѣточница, можно судить изъ того, что она въ минуту высасываетъ двѣ большихъ тли. То же продѣлываютъ и личинки нѣкоторыхъ *Сирфидъ* (Sirphidae), истребляющія множество вшей. Достаточно такому прожорливому хищнику попасть на растеніе, покрытое тлями, и онъ до-чиста выѣстъ всѣхъ. Еще полезнѣе въ этомъ отношеніи личинки Божьихъ коровокъ, — извѣстныхъ любимцевъ и дѣтей и взрослыхъ.

А ихневмоны и тахины? Они уничтожаютъ невѣроятное количество различныхъ насѣкомыхъ. А жужелицы? А многія другія насѣкомыя, питающіяся насѣкомыми же? Всѣ они истребляютъ массу насѣкомыхъ и часто очень вредныхъ и тѣмъ въ значительной степени ограничиваютъ ихъ размноженіе и возстановляютъ равновѣсіе въ природѣ.

Но и сами насѣкомыя служатъ пищей массѣ животныхъ. Летучія мыши, полуобезьяны, неполнозубыя, многія насѣкомоядныя птицы, земноводныя, пресмыкающіяся, рыбы питаются насѣкомыми.

Глава II.

Познакомивъ вкратцѣ читателелей съ ролью насѣкомыхъ въ экономіи природы, я теперь постараюсь выяснить ихъ роль въ жизни человѣка, какъ силы враждебной ему и какъ полезной.

Начнемъ съ болѣзней, причиной которыхъ являются различныя насѣкомыя и остановимся прежде всего на такъ называемой *вшивой болѣзни* (Phthiriasis), вызываемой обыкновенной платяной вошью — Pediclus tabescentium.

Жертвами ея, какъ извѣстно, были нѣкоторыя историческія личности: Сулла, ревностный преслѣдователь протестантовъ Филиппъ II, Фердинандъ IV. Эта же болѣзнь была извѣстна и въ Америкѣ еще во времена ея открытія. Такъ у ацтековъ вшей было такое невѣроятное количество, что короли ихъ прибѣгали къ весьма остроумному способу уменьшать ихъ количество. Подданные обязаны были уплачивать дань вшами, цѣлые мѣшки которыхъ и нашелъ во дворцѣ Монтезумы Фердинандъ Кортесъ.

Въ Испаніи же, въ прошломъ столѣтіи, существовали даже обезьяны— большія артистки по части вылавливанія вшей изъ человѣческой головы. Такія обученныя обезьяны за извѣстную плату отдавались желающимъ.

Не менѣе ужасна и другая болѣзнь, вызываемая личинками мухъ. Это *міазисъ* или *червивая болѣзнь*, извѣстная еще въ глубокой древности. Уже въ Библіи есть указанія на нее: Антіохъ Епифанъ, изъ тѣла котораго выходило множество червей, погибъ отъ этой болѣзни, Иродъ Аскалонитъ, Антипа, Клавдій Герминіанъ въ Кападокіи, Юлій, дядя Юліана, тѣло котораго, по свидѣтельству современниковъ, превратилось въ кучу червей, всѣ они заживо были съѣдены червями и окончили свою жизнь въ нечеловѣческихъ страданіяхъ.

Только при наличности «міазиса» на Востокѣ и могла создаться у персовъ такая варварская казнь: преступника клали навзничь въ лодку, а другою, равною по величинѣ, прикрывали сверху, но такъ, что руки, ноги и голова оставались не закрытыми. Лицо несчастнаго мазали медомъ, который привлекалъ мухъ, кусавшихъ его и тутъ же клавшихъ свои яички.

Вышедшіе изъ нихъ личинки пожирали тѣло преступника еще живого, ибо его заставляли принимать столько пищи, сколько нужно для поддержанія жизни. Митридатъ, подвергнутый Артаксерскомъ Длиннорукимъ такой пыткѣ, прожилъ 17 дней, испытывая невообразимыя мученія. Когда же лодку сняли, то увидѣли, что его все тѣло было съѣдено червями, которыя кишѣли во внутренностяхъ страдальца. Безчеловѣчная Ферестима, о которой упоминаетъ Геродотъ, заживо была съѣдена червями. Такъ, по словамъ историка, ее наказали боги за ея жестокосердіе. Поэтъ Алкменъ, трагики Ференидъ, Гонорій, Агриппа, Валерій Максими, кардиналъ Дюпра сдѣлались жертвами, какъ можно полагать, совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ болѣзней, т.-е

послѣдствіемъ «фтиріазиса» явились на тѣлѣ раны, которыя и послужили мѣстомъ для кладки яичекъ мухами и для развитія, слѣдовательно, «міазиса».

Но и въ наше время извѣстны случаи «червивой болѣзни».

Такъ, въ монографіи извѣстнаго энтомолога *I. А. Порчинскаго* «О мухѣ Вольфарта, живущей въ состояніи личинки на тѣлѣ человѣка и животныхъ», приведенъ, между прочимъ, слѣдующій случай:

Въ первой половинѣ іюля мѣсяца, — пишетъ онъ *), — я, прогуливаясь въ одинъ жаркій день по дорогѣ между хлѣбами и подходя къ сосѣднему лѣсу, услышалъ крикъ женскаго голоса и вскорѣ по той-же дорогѣ навстрѣчу ко мнѣ бѣжала изъ лѣсу молодая женщина, которая, приблизившись ко мнѣ, просила жалобнымъ голосомъ спасти ея жизнь отъ заѣданія живого ея тѣла червями.

Вслѣдъ затѣмъ женщина эта упала тутъ же на дорогѣ правымъ бокомъ на землю, согнулась въ полукругъ и раздирающимъ хриплымъ голосомъ кричала: «вотъ, вотъ заѣдаютъ, ѣдятъ, погибла!» и голосъ ея замиралъ постепенно, судорожно.

Пять минутъ спустя, женщина эта подняла голову, стала поправлять раскинутые волосы и, поднявшись, снова обратилась ко мнѣ съ мольбой спасти ей жизнь.

Я направилъ больную ко мнѣ въ домъ и когда, вскорѣ возвратившись, входилъ во дворъ, то слышалъ опять раздирающій крикъ этой женщины подъ окномъ моей комнаты.

У женщины этой, Каролины, Черноруцкой волости, Оршанскаго у., Могилевской губерніи, кромѣ раны между 5 и 7 ребрами ничего другого не было. Эта рана имѣла неправильную, полукруглую форму, съ оборванными краями и достигала въ поперечникѣ до двухъ третей дюйма. По срединѣ раны замѣчалась движущаяся масса, которая, при внимательномъ изслѣдованіи, оказалась сборищемъ личинокъ, выдававшихся къ просвѣту раны. По извлеченіи ихъ пинцетомъ, остальная масса приняла видъ рыхлой, губчатой и распавшейся ткани грязно-мясного цвѣта, а остріе вводимаго мною пинцета входило въ глубь раны и подъ пластинки боковыхъ краевъ ея на разстояніи до дюйма и болѣе. Вся эта обширная красная съ различными оттѣнками поверхность кожи вокругъ раны усѣяна была не сотнями, а тысячами маленькихъ пустулъ, прыщиковъ и точекъ, разсѣянныхъ по всему широкому пространству.

Почти постоянный и неистовый крикъ, сопровождаемый приступомъ вышеописаннаго припадка, заставилъ меня ускорить перевязку. После введенія между губами раны корпіи, намоченной крѣпкимъ растворомъ карболовой кислоты и наложенія компресса, напитаннаго тѣмъ же растворомъ, на всю покраснѣвшую поверхность кожи, больная нѣсколько успокоилась, просила ѣсть и пошла отдохнуть, жалуясь только на боль въ области лопатки, «гдѣ, по выраженію ея, черви самые лютые и всего больше мучаютъ ее».

Первая перевязка произведена была въ три часа пополудни, вторую же я производилъ въ 9 ч. вечера, при довольно безпокойномъ состояніи больной, просившей меня поскорѣе ее перевязать, такъ какъ, по словамъ ея, «черви вездѣ начали ворочаться, ходить и заѣдать».

При этой перевязкѣ я также собралъ нѣсколько личинокъ на далекомъ разстояніи отъ раны и вышедшихъ изъ маленькихъ пустулъ. Поверхность кожи вокругъ раны удерживала свою первоначальную красноту и испещрена была множествомъ прыщиковъ, изъ которыхъ можно было выжать живыхъ личинокъ; больная чувствовала себя лучше и даже просила дозволить ей идти спать.

---

*) Рѣчь идетъ объ отцѣ автора монографіи.

Перевязки въ теченіе двухъ недѣль благотворно подѣйствовали на больную, но когда отецъ автора уѣхалъ, то эта женщина приходила опять 30 августа.

На этотъ разъ одинъ изъ очевидцевъ сообщилъ о ней слѣдующее: «У этой женщины черви опять показались; число маленькихъ ранокъ еще болѣе увеличилось; краснота кожи приняла синеватый цвѣтъ, большая же рана нѣсколько уменьшилась и цвѣтомъ стала блѣдною.

«Повидимому, личинки нашли себѣ новый притонъ; вся сторона тѣла окончательно поражена; больная худа, блѣдна и страданія ея ужасны; лицо ея выражаетъ отчаяніе и безнадежность на жизнь; она убѣждена, что черви съѣдятъ ее живою».

Случай подобной же болѣзни наблюдалъ Зальцманъ въ 1718 г. въ Страсбургѣ у одного молодого человѣка. Кожа его была почти по всей поверхности разъѣдена тысячами личинокъ различной величины. Лѣвый глазъ былъ выѣденъ, а въ пахахъ и колѣняхъ не доставало цѣлыхъ кусковъ мяса. Онъ заживо былъ съѣденъ личинками. Причиной этой болѣзни является муха Вольфарта— Sarcophila Wohlfarti Portsch.

Въ Южной и средней Америкѣ роль мухи Вольфарта, даже еще въ болѣе страшной степени, играетъ—*Люцилія человѣкоядная—падальная муха* (*Lucilia macellaria Fabr. Lucilia homini vorax. Coq.*), вызывающая самую жестокую форму «міаза» съ ужаснѣйшими страданіями; въ огромномъ большинствѣ случаевъ финаломъ ея является мучительная смерть. Муха эта влетаетъ во множествѣ въ госпитали, лазареты, частныя помѣщенія, гдѣ лежатъ больные съ какими-нибудь ранами, жадно набрасывается на раны и откладываетъ здѣсь массу яичекъ. Болѣзнь отъ личинокъ этихъ мухъ страшна именно потому, что легкій зудъ, испытываемый больнымъ первое время, почти не обращаетъ на себя его вниманія. Когда болѣзненныя явленія усилятся и больной обратится къ доктору, то обыкновенно бываетъ уже поздно, такъ какъ болѣзнь вступила въ послѣдній фазисъ своего развитія, гдѣ мучительная смерть—исходъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ неизбѣжный, только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ — страшное изуродованіе. При этомъ самую мучительную сторону болѣзни составляетъ безсонница. Послѣдняя происходитъ отъ непрерывныхъ движеній личинокъ, не дающихъ больному ни минуты покоя и вызывающихъ сильнѣйшую болѣзненную тоску; результатомъ ея является иногда самоубійство или сумасшествіе.

Близкіе къ насѣкомымъ *паучки-зудни* (Sarcoptes) вызываютъ *чесотку* у людей и животныхъ, оканчивающуюся нерѣдко смертью.

Эта болѣзнь стара, какъ самый міръ. О ней уже говоритъ Полибій, описывая одинъ изъ походовъ Ганнибала. Во время этого похода чесотка страшно свирѣпствовала на людяхъ и животныхъ въ Цизальпійской Галліи.

Отъ такой же болѣзни, повидимому, погибла леди Пенруддокъ,— случай, о которомъ говоритъ извѣстный Муффетъ. По словамъ его,

чесоточные клещи кишѣли во всѣхъ частяхъ ея тѣла—головѣ, глазахъ, носу, губахъ, деснахъ, ступняхъ и мучили ее днемъ и ночью.

Больная невыносимо страдала до тѣхъ поръ, пока не были съѣдены всѣ мускулы ея тѣла и пока смерть не освободила ее, наконецъ, отъ страшной пытки.

Нельзя также пройти молчаніемъ *Песчаной блохи—чигое* (*Pulex peactrans* L. или *Sacropsylla pentrans* L)—страшнаго врага человѣка въ Вестъ-Индіи. Насѣкомое это очень долго возбуждало глубокій интересъ. Ученые спорили, пока споръ ихъ не былъ разрѣшенъ Шварцомъ, давшимъ первое описаніе и изображеніе этого насѣкомаго.

Не простительно было бы не упомянуть при этомъ о самоотверженности одного капуцина. Онъ ради науки принесъ въ жертву свою ногу, позволивъ поселиться на ней цѣлой колоніи чигое. Въ такомъ видѣ онъ надѣялся привезти страшныхъ колонистовъ въ Европу и здѣсь заняться изученіемъ ихъ. Къ сожалѣнію, нога оказалась не на высотѣ своего положенія: она сгнила раньше, чѣмъ владѣлецъ ея увидѣлъ Европу. Ее отрѣзали и выбросили за бортъ вмѣстѣ съ страшными жильцами.

Чигое обыкновенно нападаютъ на ступни ногъ, хоть не брезгаютъ иногда и руками. Пробираясь подъ ногти пальцевъ, дѣлаютъ ходы между кожей и мясомъ и устраиваютъ здѣсь свое мѣстопребываніе. Тутъ же и кладутъ свои яички. Разъ во-время не замѣчено ихъ присутствіе и не приняты мѣры для ихъ извлеченія, что съ поразительной ловкостью дѣлаютъ иныя невольницы, въ результатѣ является гибель ноги, а иногда и смерть. Любопытно, что мѣстные жители безъ всякихъ опасеній могутъ ходить босикомъ по полу, а лица, пріѣхавшія только что изъ Европы, часто дѣлаются жертвами этого страшнаго врага.

Далеко менѣе страшнымъ, хотя, несомнѣнно, очень противнымъ является нашъ *постельный клопъ*—(*Cimax lectularius Merretti*).

Родина этого отвратительнаго насѣкомаго, котораго Линней справедливо назвалъ «nocturnum foetidum animal» (ночное, вонючее животное) точно еще и до сихъ поръ не опредѣлена. Одни называютъ Индію, а другіе—Америку. Такъ ли или иначе, но клопъ извѣстенъ былъ уже грекамъ и римлянамъ. Такъ, его зналъ уже Аристотель, а Плиній и Діоскоридъ прямо указываютъ на него. Съ тѣхъ поръ клопъ медленно, но неуклонно подвигается съ юга на сѣверъ, захватывая все бо̀льшій и бо̀льшій районъ. Въ Страсбургѣ онъ явился въ XI столѣтіи, а въ Англіи въ началѣ XVI, гдѣ въ 1503 г. нѣсколько дамъ приняли укусы клоповъ за признаки чумы. Это очень интересное насѣкомое обладаетъ большою сообразительностью, тонкимъ обоняніемъ и необыкновенной живучестью.

Клопы, какъ извѣстно, въ иныхъ мѣстахъ являются въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что живущіе должны отодвигать кровати на средину комнаты и ставить ножки кровати въ подставки съ водой,—

клопъ очень не любитъ воды, но и здѣсь онъ ухитряется добраться до спящаго. Взобравшись на потолокъ, онъ такъ вѣрно разсчитываетъ мѣсто, что какъ разъ падаетъ на спящаго. А разъ клопы завелись, то ихъ очень трудно вывести, ибо вымариваніе ихъ голодомъ цѣли не достигаетъ: клопъ можетъ много мѣсяцевъ прожить безъ пищи. Онъ дѣлается, повидимому, совершенно сухимъ, прозрачнымъ, но лишь только явится возможность питаться, онъ быстро поправляется. Такой экспериментъ надъ живучестью клопа сдѣлалъ у меня одинъ ученикъ. Онъ его держалъ въ бутылочкѣ 8 мѣсяцевъ и клопъ былъ живъ, хотя похудѣлъ крѣпко.

Безрезультатнымъ является также и вымораживаніе клоповъ. Они выдерживаютъ повторное пониженіе температуры до —17° R и остаются живыми, какъ показали недавнія наблюденія Пикеля *), а де-Гееръ увѣряетъ, что держалъ ихъ всю зиму 1772 г. въ нетопленной комнатѣ, когда ртуть термометра опускалась до —33° Ц.

Не брезгаетъ клопъ въ крайнемъ случаѣ и кровью птицъ. Вотъ почему его находятъ въ гнѣздахъ голубей, ласточекъ, а это даетъ ключъ къ уясненію непонятнаго раньше факта, какъ клопы попадаютъ въ совершенно новыя, еще не населенныя людьми строенія.

Клопы являются также и энергичными посредниками при переносѣ заразныхъ болѣзней. Такъ, по изслѣдованію одесскаго доктора Тиктина они вызвали въ Одессѣ (нѣсколько лѣтъ тому назадъ) опасную тифозную эпидемію.

Дѣло началось такъ. Въ Одессу изъ Яффы прибылъ пароходъ, привезшій съ собой одного матроса, заболѣвшаго возвратнымъ тифомъ. Съ тѣхъ поръ стали наблюдаться отдѣльные случаѣ заболѣванія тѣмъ же въ ночлежныхъ домахъ, расположенныхъ возлѣ гавани, гдѣ провелъ ночь также и больной матросъ. Вскорѣ разгорѣлась и настоящая эпидемія, жертвой которой сдѣлалось болѣе 10.000 больныхъ.

Докторъ Тиктинъ, изслѣдуя условія возникновенія и распространенія эпидеміи, пришелъ къ заключенію, что виновникомъ являются клопы, которыхъ невѣроятное множество встрѣчается въ ночлежныхъ домахъ. Они, кусая тифозныхъ, поглощаютъ съ кровью массу спирохетъ микроорганизма возвратнаго тифа и переносятъ ихъ на здоровыхъ. И произведенные опыты блестяще подтвердили такое заключеніе. Подвергая клоповъ продолжительному посту, Тиктинъ пересаживалъ ихъ на тифозныхъ больныхъ, а потомъ давалъ изслѣдовать поглощенную ими человѣческую кровь. Микроскопъ обнаруживалъ здѣсь всегда массу спирохетъ возвратнаго тифа. А прививка такой крови обезьянѣ вызвала у этой послѣдней всѣ характерные признаки возвратнаго тифа и смерть чрезъ 64 ч. Такимъ образомъ полная возможность переноса заразы клопами, является вполнѣ доказаннымъ фактомъ.

*) «Къ біологіи постельнаго клопа» Пикеля въ XXXII т. № 1—2 «Трудовъ Рус. Энт. Об-ва за 1898 г.».

Не менѣе безпокоятъ насъ и блохи, изъ коихъ большою популярностью пользуется блоха обыкновенная (Pulex irritans L) распространенная повсюду. Всѣ части свѣта отъ Европы до Австралии являются для нея мѣстомъ жительства, но она предпочитаетъ грязь, неопрятность и скученность населенія.

При ея необыкновенной ловкости и увертливости, она обладаетъ поразительной силой въ ногахъ, дѣлая скачки въ 20 разъ превосходящіе длину ея тѣла. Если бы человѣкъ обладалъ такой же силой въ ногахъ, то онъ бы дѣлалъ скачки въ 1.200 ф. Ну какъ тутъ ее поймать!

Этимъ, къ сожалѣнію, не ограничивается роль блохъ и часто онѣ являются распространителями различныхъ заразныхъ болѣзней *).

Но изъ всѣхъ этихъ насѣкомыхъ-истязателей рода человѣческаго, говорятъ Кэрби и Спенсъ, призываютъ на себя самыя громкія и повсемѣстныя жалобы тѣ, которыя извѣстны въ общежитіи подъ именемъ *комаровъ* или *москитовъ*.

Хоть въ общемъ комары болѣе надоѣдливы, чѣмъ вредны, однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаются невыносимыми и вполнѣ могутъ состязаться въ этомъ отношеніи съ москитами другихъ климатовъ. Комары въ иные годы являются въ невѣроятномъ количествѣ. Такъ, въ 1736 г. въ Англіи они были такъ многочисленны, что рои ихъ представлялись въ видѣ огромныхъ столбовъ, поднимавшихся въ воздухѣ съ Салисбюрійскаго собора и столбы эти издали походили на клубы дыма, подавая поводъ думать, что соборъ объятъ пламенемъ.

А развѣ мало ихъ теперь у насъ?

Но далеко больше ихъ было раньше благодаря изобилію болотъ, лѣсовъ. Крѣпко доставалось путешествовавшимъ по Россіи иностранцамъ въ XV и XVI ст. отъ комаровъ и мошекъ. Уже въ Литвѣ они должны были надѣвать на лицо сѣтки, а платье толстое и плотное, не смотря на лѣтнюю пору.

Не счастливѣе, впрочемъ, Европы въ этомъ отношеніи и Америка, гдѣ періодически являются во многихъ мѣстахъ москиты. На человѣка они нападаютъ въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, о которомъ, не видя, нельзя составить себѣ и малѣйшаго представленія. Они забираются ему въ носъ, ротъ, уши, глаза, доводя его до бѣшенства. Вслѣдствіе безчисленныхъ укусовъ лицо, руки опухаютъ, покрываясь волдырями; чувствуется невыносимый зудъ и жженіе. Въ Суринамѣ же существуетъ даже казнь при помощи москитовъ. Тамъ людей, обреченныхъ на смерть, голыми выставляютъ на съѣденіе москитовъ и часа черезъ 3—4 жертва погибаетъ.

Но такъ же свирѣпы москиты и въ Африкѣ. Много выстрадалъ Шонбургъ на Паперунѣ отъ «*желтаго кусаки*», длинное жало котораго могло проколоть овчинный тулупъ.

---

*) См. ст. женщ.-вр. Покровской «Роль насѣкомыхъ въ распространеніи заразы».

Но этимъ не ограничивается роль комаровъ. Есть полное основаніе смотрѣть на нихъ, какъ на распространителей *малярiи*, той страшной болотной лихорадки, которая зачастую сопровождается и смертью.

Изслѣдуя кровь больныхъ такой лихорадкой, докторъ Лаверанъ нашелъ въ ней микроорганизмы, напоминающіе собой грегаринъ. Еще въ 1896 году англійскимъ зоологомъ Мансономъ было доказано, что микроорганизмъ «болотной лихорадки» проходитъ въ молодости «стадію жгутиковую». Въ такой стадіи микроорганизмъ этотъ имѣетъ видъ инфузоріи съ длиннымъ, жгутиковиднымъ отросткомъ на концѣ, съ помощью котораго онъ и плаваетъ въ водѣ.

Мансонъ показалъ, что въ формѣ такой стадіи микроорганизмъ этотъ попадаетъ въ тѣло комаровъ, сосущихъ кровь людей или животныхъ, страдающихъ «болотной лихорадкой». Комаръ, отложивъ яички въ воду, умираетъ, падаетъ или въ воду, или на землю, а тогда микроорганизмъ этотъ покидаетъ трупъ хозяина и можетъ легко попасть въ желудокъ человѣка, конечно, вмѣстѣ съ водой.

Въ pendant къ наблюденіямъ д-ра Мансона слѣдуетъ упомянуть о таковыхъ же извѣстнаго Рисса. Когда этотъ послѣдній изслѣдовалъ кровь комаровъ, насосавшихся кровью больныхъ «болотной лихорадкой», то онъ замѣтилъ, что микроорганизмъ этотъ поразительно быстро развивается въ желудкѣ комара, проходя тамъ всѣ стадіи своего развитія, т. е. встрѣчаетъ здѣсь чрезвычайно удобную среду.

Вотъ чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что «малярія» встрѣчается въ низменныхъ, болотныхъ мѣстахъ, гдѣ комаровъ, какъ извѣстно, невѣроятное множество, тогда какъ тамъ, гдѣ комаровъ, вслѣдствіе топографическихъ условій, нѣтъ и больныхъ такой лихорадкой не наблюдается вовсе. Чаще заболѣваютъ ею любители спать или при открытомъ окнѣ, или на землѣ, или жители подвальныхъ этажей; все условія, облегчающія доступъ комаровъ къ человѣку.

То же доказали и наблюденія знаменитаго нѣмецкаго бактеріолога проф. Коха *), то же самое приписываютъ комарамъ доктора *Финлэ* и *Гаммондъ* относительно переноса комарами микроорганизма желтой лихорадки, свирѣпствующей въ болотныхъ, низменныхъ мѣстахъ тропическихъ странъ.

Такую же роль посредниковъ въ переносѣ многихъ заразныхъ болѣзней играютъ и мухи **).

---

*) Насколько «малярія» губительна—можно судить изъ того, что по, свидѣтельству Роланда-Росса, въ 1897 г. изъ 180000 индійской арміи болѣе 1/4 болѣло маляріей, а изъ всего населенія Индіи въ томъ же году умерло отъ этой болѣзни болѣе 500.000 человѣкъ. Въ Италіи же малярія убиваетъ ежегодно болѣе 15,000 человѣкъ. Насѣкомое, распространяющее здѣсь малярію—родной братъ нашего комара изъ рода Anopheles. Виды этого рода въ сѣверныхъ частяхъ нашего отечества отсутствуютъ, но дальше на югъ они встрѣчаются довольно часто.

**) См. статью женщ. вр. Покровской.

Нельзя попутно не указать на послѣднія изслѣдованія доктора Амадео Берлезе, завѣдывающаго сельскохозяйственной лабораторіей въ Портичи (близъ Неаполя). Наблюденія эти проливаютъ свѣтъ на причину порчи нашихъ домашнихъ припасовъ, вслѣдствіе перенесенія на нихъ мухами дрожжевыхъ грибковъ. Послѣдніе пристаютъ къ ножкамъ насѣкомыхъ и даже массами встрѣчаются внутри ихъ организма, а слѣдовательно и въ экскрементахъ. Интересно при этомъ, что грибки не теряютъ своей жизненности, хоть проходятъ чрезъ кишечникъ насѣкомаго. Будучи посѣяны въ подходящую среду они вызывали броженіе, т.-е. быструю порчу нашихъ домашнихъ припасовъ: варенья, меду, сироповъ, желе, если таковые тщательно не закрыты.

Вотъ главнѣйшіе враги человѣка среди насѣкомыхъ.

Но есть еще цѣлый сонмъ другихъ, которыя наносятъ ему косвенный вредъ.

И во главѣ ихъ, безспорно, придется поставить знаменитую *Цеце* (*Glussina morsitans Witw.*). Это бичъ центральной Африки, препятствующій колонизаціи многихъ очень удобныхъ мѣстъ. Хотя укушеніе цеце для человѣка и не смертельно, но за то только коза и буйволъ выносятъ безъ вреда ея укусы. Всѣ же остальныя животныя очень быстро гибнутъ. Знаменитый путешественникъ Ливингстонъ очень скоро потерялъ весь свой вьючный скотъ.

Такъ же страшна и другая муха, водящаяся въ южной Америкѣ. Не застрахована отъ такихъ мухъ и Азія. Роскошныя пастбища въ долинахъ горнаго хребта Тянь-Шань имѣютъ своего спеціальнаго, такъ сказать, врага — блоху *ала-куртъ* (Vermipsylla alakurt Schimk). Она безъ разбора нападаетъ зимою на всѣхъ домашнихъ животныхъ, но изъ нихъ выбираетъ преимущественно молоднякъ, который массами и гибнетъ. Иногда при благопріятныхъ условіяхъ она размножается въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что жертвами ея становятся и взрослыя животныя.

Пастбища Венгріи и нижняго теченія Дуная ежегодно періодически заселяются *москитомъ—Simulia columbatschensis. Fabr.* Своими крайне болѣзненными укусами эти москиты приводятъ скотъ въ бѣшенство. Животныя бѣгаютъ, какъ сумасшедшія, съ остервѣненіемъ расчесываютъ припухшія въ мѣстахъ укуса мѣста, и массами гибнутъ.

Такой же дурной репутаціей, хотя укусы и не влекутъ за собой смерти, пользуются извѣстные *оводы*.

Одни изъ нихъ избираютъ кишечники, какъ *лошадиный оводъ (Gastrus equi. Fabr.)*, *геморроидальный оводъ (Gastrus hemorrhoidalis)*, *двѣнадцатиперстный оводъ (Gastrus duodenalis)*, другіе, какъ *овечій оводъ* (Cephalemyia ovis. Brauer.)—носовыя полости овецъ; третьи, наконецъ, принадлежатъ къ группѣ подкожныхъ. Сюда относится: *бычачій оводъ* (Hypoderma bovis. De-Geer.) — гроза и ужасъ рогатаго скота, особенно въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Его появленіе приводитъ

скотъ въ настоящую панику. Скотъ бросается въ разсыпную, стараясь попасть въ воду — единственное спасеніе бѣдныхъ животныхъ отъ ихъ мучителя.

Нельзя пройти молчаніемъ еще одного овода, называемаго *«плюющая или бѣлоголовая муха»* (*Rhinoestrus purpureus Br.*) *).

«Оводъ этотъ попадается около Семипалатинска и повсюду южнѣе въ заиртышской степи. Автору приходилось ее ловить въ Семипалатинскомъ, Усть-Каменогорродскомъ и Зайсанскомъ уѣздахъ. Водится онъ, повидимому, въ низменныхъ, степныхъ мѣстахъ и не любитъ мѣстъ возвышенныхъ, горныхъ. Изъ мѣстнаго населенія киргизы всего болѣе страдаютъ отъ этой мухи. Они ужасно ея боятся и при ея появленіи поднимаютъ общій переполохъ: всѣ соскакиваютъ и начинаютъ махать чѣмъ попало, дабы отогнать подальше непрошенную гостью. Тѣмъ не менѣе, ей все-таки иногда удается сдѣлать свое дѣло. Замѣчательно, что мѣстомъ впрыскиванія своихъ личинокъ она избираетъ обыкновенно глазъ. На спящихъ она не нападаетъ; по крайней мѣрѣ авторъ не знаетъ ни одного такого случая. Обыкновенно она выбираетъ человѣка спокойно сидящаго; подлетѣвъ къ его лицу, она мгновенно ударяетъ въ глазъ и исчезаетъ. Всѣ разспросныя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ, что мѣстомъ пораженія всегда служитъ только глазъ, случаевъ же пораженія носовой полости или губъ не было.

Послѣ впрыскиванія личинокъ мухою, пораженный глазъ начинаетъ тотчасъ же чувствовать неловкость, мѣшающую свободно смотрѣть, и щемящую боль. Несвоевременное принятіе мѣръ къ умерщвленію личинокъ влечетъ болѣе или менѣе сильное поврежденіе покрововъ глазной впадины и глазнаго яблока; въ иныхъ случаяхъ глазъ вытекаетъ совсѣмъ. Обыкновеннымъ срецствомъ къ умерщвленію личинокъ «бѣлоголовой мухи» служитъ растворъ листового табаку. Взявъ щепотку такого табаку, смачиваютъ его водой, отжимаютъ и двѣ-три капли отжатаго сока пускаютъ въ глазъ. Когда пройдетъ жгучая боль отъ табачнаго сока, глазъ промываютъ; больной начинаетъ свободно видѣть, и отъ личинокъ не остается никакихъ слѣдовъ.

Но далеко бóльшей опасности подвергаются различныя домашнія животныя причемъ болѣзненныя явленія у лошадей и овецъ выражаются, по увѣренію киргизовъ, въ появленіи червей въ горлѣ и носовыхъ полостяхъ.

Хорошо знакомы намъ и *слѣпни*.

Изъ нихъ *слѣпень бычачій* (*Tabanus bovinus L.*) дѣлаетъ, какъ извѣстно, болѣзненные уколы на кожѣ животныхъ, а иногда и человѣка, и высасываетъ кровь; нападаетъ преимущественно самка. Несчастныя животныя, обливаясь кровью, впадаютъ въ бѣшенство и даже дикіе звѣри прячутся въ сырыя, тѣнистыя мѣста.

Существуетъ еще много и другихъ насѣкомыхъ, которыя не только тягостны для нашихъ домашнихъ животныхъ, но даже иногда вызываютъ и смерть ихъ, какъ *Dermatobii*, замѣняющія нашихъ оводовъ въ тропической Америкѣ. Они въ большинствѣ случаевъ истощаютъ животное, лишаютъ его покоя и сна.

Не менѣе вредны многія насѣкомыя и для другихъ сферъ человѣческой дѣятельности, напримѣръ для виноградарства, садоводства, огородничества и др.

---

*) Приводимыя свѣдѣнія беру почти дословно изъ сообщенія Суворцева, напечатаннаго въ томѣ XXIII «Трудовъ Русскаго Энтомологическаго Общества въ С.-Петербургѣ».

Здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ нужно отвести *филоксерѣ (Fhylloxera vastatrix. Planchau)*. Всего лѣтъ 40 тому назадъ явилась она, а уже успѣла заразить огромный районъ, съ каждымъ годомъ распространяясь все больше и больше. Всѣ средства борьбы съ нею оказываются совершенно безполезными. Парижская академія наукъ еще въ 1874 г. объявила премію въ 300.000 фр. за открытіе такого средства, которое давало бы возможность убивать ее, не уничтожая лозы, но никто этой преміи не получилъ еще, несмотря на то, что выдающіяся силы всего міра привлечены къ рѣшенію этого вопроса. Что задача стоитъ того—можно видѣть изъ цифръ. Такъ, во Франціи уничтожено болѣе милліона десятинъ виноградниковъ, стоимостью свыше 70.000.000 фр. Румынія потеряла около 1/4 всей своей виноградной площади, Испанія, Венгрія, Италія уже лишились многихъ сотенъ тысячъ десятинъ и борьба съ филоксерой итальянскому правительству обошлась за время съ 1879 г. по 1885 г. въ 5.000.000 лиръ. Сербія въ настоящее время имѣетъ половину всей виноградной территоріи уже зараженной филоксерой.

Не избѣгла и Россія этого страшнаго врага; уже лѣтъ 15 ведется съ нимъ самая упорная борьба: за это время израсходовано нашимъ правительствомъ болѣе милліона руб. и уничтожено большое количество зараженныхъ виноградниковъ.

Трудность борьбы обусловливается необыкновенной плодовитостью этого насѣкомаго. Такъ количество особей 10-й генераціи столь велико, что, по счету знаменитаго плодовода-практика Гоше, понадобилось бы 60 поѣздовъ по 50 вагоновъ каждый для перевозки всѣхъ особей этой 10-й генераціи.

Въ *садоводствѣ* мы встрѣчаемъ такого же страшнаго врага въ лицѣ *«кровяной тли» (Schizoncura lanigera H.)*, какимъ является филоксера для виноградниковъ. Впервые кровяная тля явилась въ 1787 г., а по другимъ источникамъ, въ 1789 г. въ Англіи, куда она завезена была, по мнѣнію большинства изслѣдователей этого вопроса, изъ Сѣв. Америки. Здѣсь, попавъ въ благопріятныя условія и, не встрѣчая своихъ постоянныхъ враговъ изъ міра животныхъ и растеній, она размножалась въ невѣроятномъ количествѣ, уничтожая цѣлыя тысячи яблонь въ садахъ. Въ 1810 году она проникла въ сидровыя графства, какъ Глостеширъ, гдѣ изъ-за нея едва не пришлось совершенно прекратить производство сидра. Въ памятный для насъ 1812 г. она изъ Англіи вмѣстѣ съ яблоновыми деревьями попала во Францію и въ 1818 г. явилась въ Парижѣ, въ саду Ecole de Pharmacie.

Какъ великъ былъ вредъ, произведенный ею, можно судить изъ того, что она въ одной Нормандіи погубила яблочные сады на пространствѣ болѣе 490 кв. миль = 41.960 дес. Только лишь въ 1829 г. она проникла въ Бельгію и здѣсь впервые обнаружилась въ знаменитыхъ садахъ г. Турне, а отсюда уже разошлась по всей Бельгіи. Въ

1835 г. она перешла въ Германію, произведя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Рейну страшныя опустошенія, а отсюда попала въ Австрію и Италію. Въ Швейцарію она проникла только послѣ морозовъ 1879 и 1880 гг., погубившихъ массу фруктовыхъ деревьевъ, когда была произведена усиленная выписка послѣднихъ изъ Франціи и Германіи; съ ними явилась и страшная гостья—кровяная тля.

Что касается до Россіи, то оффиціально, такъ сказать, тля извѣстна въ западной части Кавказа и въ Крыму. Въ Крымъ она попала лѣтъ на 10 раньше, чѣмъ на Кавказъ, изъ Франціи съ партіей молодыхъ яблонь, и опустошенія, производимыя ею на южномъ берегу Крыма, весьма значительны. Въ Императорскомъ Никитскомъ саду поврежденія отъ кровяной тли были замѣчены въ концѣ 50-хъ годовъ, а въ 1871 г. яблонные питомники и маточныя деревья были такъ сильно поражены ею, что для истребленія тли вся школа сада была уничтожена, но въ 1875 г., когда произошло значительное расширеніе питомниковъ, а досмотръ ихъ сталъ затруднителенъ вслѣдствіе этого, вредъ отъ тли принялъ ужасающіе размѣры. Такъ, осенью 1880 г. въ Никитскомъ саду сожжено было до 5.000 молодыхъ яблонь, погибшихъ отъ тли, а въ Партенитѣ (близъ Аю-Дага) сожжено было до 4.000 яблонь и вся школа яблонь была уничтожена.

Не менѣе вредною, приносящей садоводамъ ежегодно на сотни тысячъ убытковъ, является *яблонная моль* (*Hyponomenta malinella. Zell.*).

Появленіе ея, по словамъ Кеппена, замѣчалось въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Особенно ужасны опустошенія въ Саратовской губ., гдѣ убытки, получаемыя садоводами, въ иные годы, по вычисленію Гримма, простираются до 200.000 р.

Такимъ же страшнымъ для садовъ является извѣстный всѣмъ *Майскій жукъ* или *Хрущъ* (*Melolontha vulgaris Fabr.*) Онъ является въ невѣроятныхъ количествахъ періодически. У насъ онъ извѣстенъ уже давно; первый случай, сообщенный *Палласомъ*, относится къ 1769 г., когда было наблюдаемо множество хрущей близъ Новодѣвичья на Волгѣ. Въ 1804 г. хрущи въ Курляндіи висѣли въ такомъ множествѣ на березахъ, что сучья гнулись подъ ихъ тяжестью. По сообщенію *проф. Линдемана*, въ окружностяхъ Хвалынска хрущи, появляющіеся тамъ около половины апрѣля, объѣдаютъ сперва цвѣтныя и листовыя почки, а за тѣмъ молодыя листья плодовыхъ деревьевъ, а личинки ихъ объѣдаютъ корни, въ особенности яблонь. Въ Бессарабской области, гдѣ хрущи появились въ огромномъ числѣ въ 1859 г., они въ сильной степени повредили не только плодовыя деревья, но и виноградники.

Въ какомъ невѣроятномъ количествѣ являются они—можно судить изъ такого факта: отдѣленіе центральнаго Собранія сельскихъ хозяевъ въ Саксоніи въ 1868 г. уничтожило 90.000 пудовъ этого жука. Считая въ каждомъ пудѣ 53.000 штукъ жука, увидимъ, что количество уничтоженныхъ жуковъ=1.590 милліоновъ.

Во Франціи даже существуютъ синдикаты для борьбы съ майскимъ жукомъ и такихъ обществъ насчитывается здѣсь болѣе 250. Они выдаютъ особое вознагражденіе за собранныхъ жуковъ. Такъ, община Витри на Сенѣ назначила вознагражденіе въ 10 сантимовъ за 1 килограммъ жуковъ и при такой платѣ каждое лицо зарабатывало по $6^1/_2$ ф. въ день 11 мая 1891 г. было собрано въ той же мѣстности 1.607 килограммовъ жуковъ, а во все время ихъ полета 10.501 килограммъ. Если считать на каждый килограммъ 1.162 жука, то одна община Витри уничтожила въ этомъ году 12.202.162 жука, половина коихъ, были самки. Считая, что каждая самка кладетъ по 30 яичекъ, найдемъ цифру уничтоженныхъ жуковъ = 183.032.420 штукъ. Какъ серьезно за границей смотрятъ на это дѣло—видно изъ того, что въ особомъ приложеніи къ правительственному органу въ Франкфуртѣ-на-Одерѣ было объявлено въ виду наступленія лёта майскихъ жуковъ слѣдующее распоряженіе: «такъ какъ собираніе майскихъ жуковъ продолжается очень короткое время, т. е. въ теченіе лишь немногихъ дней рано по утрамъ, то для успѣшности дѣла королевское правительство, на основаніи ходатайства высшаго начальства, повелѣло, чтобы инспектора училищъ, по требованію мѣстной администраціи, освобождали старшихъ учениковъ, желающихъ участвовать въ собираніи майскихъ жуковъ, отъ учебныхъ занятій въ настоящемъ году на все время лета жуковъ.»

Можно было бы привести цѣлый списокъ насѣкомыхъ враговъ плодоводства, но размѣры статьи не позволяютъ мнѣ этого сдѣлать.

Не менѣе враговъ имѣютъ и наши *огородныя растенія*, культура которыхъ во многихъ мѣстахъ составляетъ единственный источникъ существованія жителей.

Прежде всего назовемъ здѣсь *Капустницу* (*Pieris bvassicae Z*) гусеница которой при благопріятныхъ условіяхъ появляется въ невѣроятномъ количествѣ. Такъ, объ одномъ такомъ случаѣ разсказываетъ Дарко. Произошло это между Прагой и Брюнномъ въ 1854 г.

«Поѣздъ только что прошелъ небольшой тунель и вдругъ сталъ двигаться совсѣмъ тихо, хотя вблизи и не было никакой станціи. Наконецъ, и совсѣмъ остановился. Тутъ я и увидѣлъ, говоритъ онъ, совершенно неожиданную и мало вѣроятную причину остановки желѣзнодорожнаго поѣзда. То, что не удалось бы слону или бизону, удалось небольшой гусеницѣ капустницѣ.

Вѣроятно, гусеницы рѣшили кочевать съ объѣденныхъ грядъ на необъѣденныя на другую сторону полотна дороги. И когда поѣздъ подходилъ на всѣхъ парахъ все полотно желѣзной дороги на пространствѣ 200 ф. было густо покрыто ими. Понятно, что на первыхъ 60—80 ф. тяжелыя колеса поѣзда раздавили тысячи этихъ жирныхъ гусеницъ, но за то эта мягкая жирная масса настолько уменьшила треніе колесъ, что въ теченіе слѣдующихъ секундъ они уже скользили по рельсамъ и не могли двигаться. Съ каждымъ шагомъ новыя массы раздавленныхъ гусеницъ прибавляли къ существующимъ слоямъ жира еще новые и, наконецъ, колеса совсѣмъ остановились раньше, чѣмъ колонна гусеницъ была окончательно прорѣзана. Пришлось вымести рельсы и вытереть шерстяными тряпками ободья колесъ локомотива и тендера и тогда только нашъ поѣздъ могъ продолжать путь.

Въ другихъ случахъ указывается на появленіе безчисленнаго множества самихъ бабочекъ капустницы. Такъ, въ концѣ 1846 г. было замѣчено около Дувра цѣлое облако, состоящее изъ капустницъ.

Не мало есть указаній и въ русской энтомологической литературѣ, относительно этой бабочки.

Въ такомъ же невѣроятномъ количествѣ является *картофельный* или *колорадскій жукъ* или *дорифора*—(*Zeptinotarsa decemlincata Stäl.* или *Doryphora decemlincata Say*).

Въ іюнѣ 1870 г. онъ появился въ двухъ различныхъ мѣстахъ штата Онтаріо, а весною и лѣтомъ 1871 г. размножился въ неслыханныхъ до того размѣрахъ; въ мартѣ того же года при запашкѣ прошлогоднихъ картофельныхъ копей находили массы жучковъ въ землѣ, а спустя нѣсколько времени они летали уже цѣлыми тучами по улицамъ Санъ-Луи. Другія полчища этихъ жучковъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова покрыли рѣку Детруа. Они переправились чрезъ озеро Эри, пользуясь для этого всѣми плавающими предметами: кораблями, досками, всякими обломками и т. п. Въ концѣ лѣта 1875 г. *дорифора* встрѣчалась уже массами въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ городовъ, а въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи носилась цѣлыми роями. Дино въ слѣдующихъ словахъ передаетъ о нашествіи дорифоры на островъ Кони: «Весь берегъ былъ покрытъ сплошнымъ слоемъ жучковъ, такъ что дюны и холмы, составляющіе большую часть этого острова, совершенно исчезали подъ этими волнующимися массами, распространившимися по острову изъ плодородныхъ окрестностей городовъ: Флэтбуша и Гревзенда. Въ сентябрѣ 1876 г. въ Мильстнонѣ и другихъ мѣстностяхъ Коннектикута морскими отливами выбрасывалось на берегъ такое огромное количество дорифоры, что гніющія насѣкомыя заражали воздухъ на большомъ пространствѣ. Въ настоящее время этотъ жучокъ занимаетъ болѣе трети всей поверхности Сѣв.-Амер. штатовъ. Въ началѣ появленія дорифоры въ долинѣ Миссисипи цѣна на кортофель сильно поднялась. Произошло это не только вслѣдствіе истребленія его жучкомъ, но и вслѣдствіе сокращенія производства картофеля, такъ что 1873 г. остался памятнымъ для жителей Санъ-Луи: бушель (немного болѣе четверика) картофеля доходилъ до 2 дол. (болѣе 2 р. 50 к.). И картофель, служившій прежде для прокормленія не только людей, но и животныхъ, сталъ предметомъ роскоши, доступнымъ лишь немногимъ.

Такія опустошенія вполнѣ понятны при невѣроятной плодовитости дорифоры: отъ одной пары можетъ произойти въ теченіе лѣта при трехъ генераціяхъ 30.000.000 штукъ.

Въ 1877 г. дорифора, появилась на Рейнѣ близъ Мюльгейма, но своевременно принятыми энергичными мѣрами ей не дали распространиться; въ августѣ же того года она опять была найдена въ Шильдау (Прусская Саксонія); съ тѣхъ поръ о дорифорѣ ничего, къ счастью не слышно.

Особенное значеніе пріобрѣтаютъ для насъ вредныя *полевыя* насѣкомыя, значительному размноженію коихъ въ предѣлахъ Россіи способствовали: сильное развитіе хлѣбопашества за послѣднія 20 лѣтъ, скопленіе однородныхъ культуръ растеній на большихъ площадяхъ, малое разнообразіе и неудовлетворительное состояніе культуры вообще. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ *хлѣбный жукъ, или Кузька*—(*Anisoplia Austriaca. Herbst*), имѣющій самое широкое распространеніе. Еще съ конца прошлаго столѣтія есть указанія на его вредную дѣятельность, но несомнѣнно точныя свѣдѣнія имѣются у насъ съ 1868 года, когда впервые было сдѣлано опредѣленіе хлѣбнаго жучка.

Первоначально хлѣбный жукъ появился въ Херсонской губерніи, а отсюда распространился на сѣверъ и востокъ. Наибольшій вредъ онъ причинялъ въ четные, такъ называемые, жуколетные годы, именно въ 1874, 1876 и 1878 гг. Убытки какъ за отдѣльные годы, такъ и за весь десятилѣтній періодъ съ 1868 г. по 1878 г., не могутъ быть опредѣлены съ достовѣрностью. *Профессоръ Линдеманъ*, на основаніи собранныхъ свѣдѣній, исчисляетъ убытки, нанесенные только въ 1878 г. приблизительно въ 15.000.000 р., а за весь десятилѣтній періодъ въ 25.000.000. р. Другіе же за все время дѣятельности жучка исчисляютъ убытки въ 100.000.000 р., съ чѣмъ можно вполнѣ согласиться. Насколько большіе убытки несли хозяева, можно судить изъ того, что на однѣ жучколовки въ зиму 1878—1879 гг. южныя земства истратили 130.000 р., хотя эти ловушки принесли очень мало пользы.

Какой невѣроятной массой можетъ появляться этотъ жучокъ, судите сами изъ слѣдующаго факта. Въ первой половинѣ іюля 1899 г., между 9—10 ч. вечера, при тихой, совершенно безвѣтренной погодѣ, вниманіе жителей хутора Алексѣевки, Донецкаго округа, было привлечено раздавшимся вдругъ надъ ихъ головами шумомъ. Сначала всѣ были приведены въ недоумѣніе, а затѣмъ загадка разъяснилась. Оказалось, что это кочевалъ хлѣбный жукъ и несся въ такомъ большомъ количествѣ, что шумъ, производимый имъ, не прекращался въ теченіе 20 часовъ. Летѣлъ онъ полосой приблизительно версты въ двѣ шириною. Полетъ его былъ чрезвычайно быстръ: если жучокъ ударялся въ лицо, то заставлялъ вскрикивать отъ боли.

Такъ же страшенъ для сельскихъ хозяевъ сѣверной и средней Россіи *хлѣбный, ржаной или озимый червь* (*Agrotis segetum Hübn.*), какъ саранча и хлѣбный жукъ въ южныхъ губерніяхъ. Онъ истребляетъ не только пшеницу и рожь, но и капусту, картофель, табакъ, рѣпу, салатъ, рисъ, свекловицу, арбузъ, подсолнечникъ, коноплю, гречиху, анисъ и т. п. Вредъ отъ него былъ извѣстенъ еще въ прошломъ столѣтіи. Такъ въ 1790 г. онъ уничтожилъ озимь въ Курляндіи, съ 1791 г. по 1805 г. производилъ опустошенія въ Петербургской губ.; начиная съ 1809 г. почти ежегодно причинялъ убытки на десятки и сотни тысячъ рублей въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества.

Такія же опустошенія производитъ *яровой червь* (*Hydroecia nictitans. L.*). Онъ встрѣчается въ большей части Европы, на Кавказѣ, Туркестанѣ, Сибири и Сѣверной Америкѣ. Въ Россіи онъ причинялъ значительный вредъ въ Симбирской и Казанской губерніяхъ. Такъ съ 1879 г. по 1881 г. въ Симбирской губ. уничтожено имъ болѣе 12.000 д. овса и полбы. Въ 1893 г. яровой червь сильно вредилъ хлѣбамъ] въ губерніяхъ: Казанской, Вятской и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ.

Но, вѣроятно, еще болѣе страшнымъ врагомъ для нашихъ полей является *Гессенская муха* (*Cecidomyia destructor. Say.*), производящая свою опустошительную дѣятельность на пространствѣ 40 губерній средней, южной и восточной Россіи. До сихъ поръ её еще не наблюдали на сѣверѣ Россіи, за Вятской губерніей, въ Привислянскомъ краѣ, Закавказьи, Сибири. Въ Западной же Европѣ она встрѣчается всюду: Германія, Австрія, Венгрія, Италія и Франція ее прекрасно знаютъ. Сѣв. Америка тоже познакомилась съ этой опасной гостьей, прибывшей изъ Европы въ соломѣ гессенскихъ солдатъ. Ее даже и предпріимчивые янки не могутъ выжить до сихъ поръ.

Опустошенія, производимыя гессенской мухой, неисчислимы. Такъ, въ 1880 г. урожай ржи въ Елецкомъ у., Орловской губерніи, Козловскомъ у., Тамбовской губ., былъ на половину или на третью часть менѣе обыкновеннаго. Въ слѣдующемъ году Воронежская губ. поплатилась почти гибелью 18.000 д. хлѣбовъ, въ 1884 г. въ одномъ только Спасскомъ у., Рязанской губ., она повредила посѣвы на пространствѣ 5.033 д. Такъ же сильно хлѣба страдали въ губерніяхъ: Тульской, Вятской, Пензенской, Саратовской, Полтавской, Кіевской, Черниговской, Орловской, Херсонской, Бессарабской и Таврической. Въ послѣдніе же годы она производила опустошенія въ губерніяхъ: Пензенской, Уфимской, Кіевской, Московской и Калужской.

За Гессенской мухой идетъ цѣлый рядъ враговъ, [какъ *Хлѣбный пилильщикъ* (*Cephus pygmaens*), *Шведская мушка* (*Oscinis frit*), *Зеленоглазка* (*Chlorops taeniopus*) и др., убытки отъ которыхъ исчисляются ежегодно большими сотнями, если не милліонами руб. Нельзя пройти молчаніемъ *безкрылую толстоножку* (*Isosoma apterum*), которая въ иныхъ мѣстахъ портитъ до 90% стеблей яровой пшеницы. Заслуживаетъ также вниманія *Совиноголовка гамма* (*Plusia gamma* L.). Опустошенія, производимыя ею еще въ началѣ прошлаго столѣтія, приняли чрезвычайные размѣры въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Такъ, въ 1735 г. страшно пострадала большая часть Франціи отъ Парижа до Эльзаса и Оверни; въ 1780 г. совиноголовка опустошала Померанію, въ 1829 г. Восточную Пруссію, а въ 1832 г. Швабію и Гессенъ, гдѣ она явилась въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что совершенно уничтожила льняные посѣвы на площади болѣе 60 кв. м. Наиболѣе сильныя опустошенія въ Россіи были въ 1829 г. въ Эстляндіи. Начи-

ная съ этого года въ разныхъ мѣстахъ произвела свиноголовка жестокія опустошенія. Такъ въ 1871 г. въ Псковской губ. гусеницей ея было уничтожено льна 26.484 д. на сумму 1.690.088 р.

Въ заключеніе я остановлюсь на страшномъ врагѣ всего растительнаго царства *саранчѣ перелетной (Pachitylus migratorius* L*)*, историческія свѣдѣнія о которой беру изъ Кэрби и Спенсъ.

По словамъ Орозія, въ 3800 г. отъ сотворенія міра саранча явилась въ такомъ количествѣ, что буквально засыпала всю Африку, отлетѣвъ же къ морю, потонула; вода ея не приняла, а выбросила на берегъ. Воздухъ, по словамъ Орозія, былъ зараженъ такимъ зловоніемъ, котораго не произвело бы гніеніе 100.000 труповъ.

Результатомъ подобнаго же нашествія саранчи въ царствованіи Масаниссы была чума, отъ которой, по словамъ св. Августина, погибло болѣе 800.000 народа, а еще больше погибло въ приморскихъ странахъ.

Въ 1650 г. цѣлыя тучи саранчи залетѣли въ Польшу и Литву, заслоняя собой солнце. Она покрыла землю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кучами въ 3—4 ф., вся же земля была покрыта какъ будто черной тканью. Вѣтви деревьевъ гнулись подъ тяжестью насѣкомыхъ, а убытки, причиненные ею, неисчислимы. Въ 1747 г. она опустошила Валахію, Молдавію, Трансильванію, Венгрію и Польшу. Часть ея летѣла въ Трансильваніи тучей, имѣвшей возлѣ Вѣны три мили, а въ длину была такъ велика, что на пролетъ мимо красной башни употребила 4 часа. Эта туча была такъ плотна, что закрывала совершенно солнце, а люди въ 20 шагахъ не могли видѣть другъ друга.

Однимъ путешественникомъ Барроу такъ описывается нашествіе саранчи на южную Африку въ 1784 и 1797 г.

«Поверхность въ 2.000 кв. м. буквально покрыта саранчой. Когда же сѣверо-западный вѣтеръ загналъ ее въ море, то саранча образовала на протяженіи почти 10 миль отмель въ 3 — 4 ф. вышиной, а когда вѣтеръ подулъ юго-восточный, то страшный смрадъ заносило вглубь страны на разстояніи 150 миль.

Съ 1778 г. по 1780 г. Марокскую имперію страшно опустошала саранча, вслѣдствіе чего произошелъ ужасный голодъ. Люди, какъ тѣни, бродили повсюду и, побуждаемые голодомъ, копали разныя коренья и пожирали ихъ съ жадностью. Женщины и дѣти выбирали изъ помета верблюдовъ зерна ячменя, которыя и ѣли.

Народъ умиралъ массами, такъ что трупы валялись по дорогамъ и улицамъ. Въ 1841 г. саранча опустошала Испанію, вызвавъ въ нѣкоторыхъ ея мѣстахъ настоящій голодъ».

Но нельзя, впрочемъ, думать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ фигурируетъ одинъ и тотъ же видъ саранчи. Въ сѣверной Африкѣ опустошенія дѣлаетъ, по опредѣленіи проф. Эйхвальда, *Acridium peregrinum*, въ Египтѣ, сѣверной Аравіи, Палестинѣ, Сиріи, западной и средней Азіи—*Acridium tataricum*, въ южной Африкѣ, южной Персіи, сѣверной Индіи до владѣній китайскихъ *Phymatea morbillosa*, въ средней Азіи, Турціи и южной Россіи *Oedipoda migratoria*. Въ болѣе умѣренныхъ странахъ Стараго Свѣта вредитъ *Palloptenus italicus*.

Саранча перелетная—Pachytylus migratorius, причинявшая у насъ

вредъ, водится преимущественно на сѣверо-западѣ Азіи, юго-востокѣ Европы и въ сѣверной Америкѣ, хоть можетъ залетать и дальше. Плавни и камыши устьевъ Дуная и Кубани являются мѣстомъ ея постояннаго пребыванія и размноженія, точно также какъ и южная Россія до 49° сѣверной широты, Закавказье, берега Сыръ-Дарьи, а отсюда она залетаетъ въ среднюю Россію. Такъ, въ 1860 г. она явилась въ большомъ количествѣ въ Черниговской губ., а въ слѣдующемъ году даже залетѣла въ южную часть Могилевской губ., въ окрестности Варшавы и Сувалокъ (54° сѣв. широты). Первыя свѣдѣнія о ней встрѣчаются въ 1008 г. Самыя же сильныя опустошенія отмѣчены въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Особенно памятными по опустошеніямъ, произведеннымъ ею, въ Новороссійскомъ краѣ, Волынской губ., части Кіевской, Черниговской, Орловской, Могилевской и даже Полтавской, является пятилѣтіе съ 1558 г. по 1862 г. Съ 1863 г. наступило затишье, а въ послѣднее время массовое ея появленіе замѣчено въ землѣ Войска Донского, Кубанской области, губ. Ставропольской, Таврической, Бессарабской, Воронежской, Саратовской и Астраханской.

Вмѣстѣ съ саранчой настоящей въ невѣроянномъ количествѣ начала появляться и такъ называемая *Кобылка*.

Кобылка представляетъ не одинъ какой-нибудь видъ прямокрылаго, а нѣсколько, какъ показали изслѣдованія нашихъ энтомологовъ— І. А. Порчинскаго, проф. Линдемана и др.

Такъ въ Уфимской губ. свирѣпствовала въ 1891 г. главнымъ образомъ *Чернокрылая кобылка—(Stenobothrus melanopterus. R.)* и частью *S. elegans*. Къ счастью ея опустошительная дѣятельность ограничилась южной частью Белебеевскаго и западной частью Стерлитамакскаго уу., но и здѣсь на борьбу съ нею истрачено было 5.000 р. и истреблено кобылки только въ 22 селеніяхъ 1.941 пуд. 19½ ф.

Проф. Линдеманъ, приглашенный туда на борьбу съ нею, такъ описываетъ опустошенія, произведенныя кобылкой:

«Я видѣлъ здѣсь огромныя пространства полей, совершенно истребленныхъ кобылкой,—полей, не давшихъ буквально ни единаго снопа. Особенно сильно поражены здѣсь были поля яровой пшеницы, полбы и ячменя. Я видѣлъ здѣсь поля, на огромномъ протяженіи, покрытыя засохшими стеблями хлѣбныхъ растеній, объѣденныхъ въ разныхъ степеняхъ развитія: отъ однихъ растеній остались лишь короткіе, едва надъ землей поднимающіеся пни, отъ другихъ — осталась половина стебля съ нѣсколькими изъѣденными листочками, у третьихъ—уцѣлѣла вся солома, но съ объѣденнымъ колосомъ. Серпъ не коснулся такихъ полей, ибо кобылка оставила такъ мало, что не стоило труда тратить время и силы на уборку. Кобылка здѣсь произвела столь значительныя опустошенія, что большая часть населенія уже въ срединѣ сентября кормилась не хлѣбомъ, а суррогатами, выпеченными изъ лебеды, просянки (Setaria viridis), повилики, свербиги (Bunnis oricutalis) съ примѣсью небольшого количества проса. И эта мука стоила тогда (10 сентября на мѣстѣ отъ 70 до 90 к. за пудъ!»

Паника населеніемъ овладѣла страшная. Думали, что настали по-

слѣдвія времена. Организовать борьбу съ этимъ врагомъ было очень трудно: русское населеніе смотрѣло на кобылку, какъ на наказаніе Божіе за грѣхи, а слѣдовательно и бороться съ нею считало за грѣхъ. Выручало только въ этомъ случаѣ инородческое населеніе.

Не меньше враговъ имѣетъ и *лѣсоводство*.

Здѣсь первенствующее мѣсто занимаетъ *шелкопрядъ-монахъ* (*Ocneria monacha*). Онъ извѣстенъ давно у насъ въ Россіи и за границей и является иногда въ такомъ количествѣ, что и вообразить себѣ трудно. Такъ въ іюлѣ 1856 г. морскія волны выбросили на берегъ, между Либавой и Виндавой, на протяженіи до 70 в. слой бабочекъ этого шелкопряда толщиною въ 1½ ф., а шириною въ 1 саж. Береговые жители нагружали ими цѣлые возы и въ качествѣ удобренія вывозили на свои поля.

Такое же явленіе произошло, по словамъ знаменитаго Ратцебурга, въ 1857 г. на берегу Восточной Пруссіи. Въ іюлѣ же 1858 г. въ Либаву залетѣло несмѣтное количество бабочекъ, которыя потомъ были унесены въ море и выброшены на берегъ. Не удивительно, что и поврежденія, производимыя гусеницами этой бабочки, огромны.

За періодъ съ 1845 г. по 1867 г. въ Пруссіи и Россіи опустошены страшно были лѣса на пространствѣ 7.000 кв. миль, изъ коихъ на долю Россіи приходится 6.400 кв. м., а на долю Германіи 600 кв. м.

Не менѣе вредно и то семейство жуковъ, которое носитъ названіе *Короѣды*—*Scolytides*, или *Bostryalides*.

Вообще же въ Россіи не много встрѣчается жалобъ на вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ изъ отряда жуковъ. И это вполнѣ понятно. Лѣса у насъ занимаютъ такую огромную площадь, представляютъ во многихъ мѣстахъ такую ничтожную стоимость, а въ иныхъ мѣстахъ даже и никакой, что на вредъ отъ насѣкомыхъ обращаютъ вниманіе лишь тогда, когда опустошенія захватываютъ ужъ слишкомъ большія пространства.

На этомъ я и покончу съ вредными насѣкомыми, а въ слѣдующей главѣ перейду къ описанію полезныхъ насѣкомыхъ.

Глава III.

Существуетъ преданіе, которое нашло себѣ мѣсто и въ Алькоранѣ, о многострадальномъ Іовѣ. Заживо пожираемый червями, онъ не роптал, а славилъ Аллаха, несмотря на то, что обнажились его кости и внутренности. Но когда два червя впились въ его сердце, страдалецъ не вытерпѣлъ, а воззвалъ къ Аллаху, что бы оно не допустило ихъ истерзать то сердце, которымъ онъ молится и славитъ Аллаха. И Аллахъ внялъ его мольбѣ: онъ послалъ архангела Гавріила, который исцѣлилъ больного, а двухъ червей превратилъ—одного въ пчелу, а другого въ шелковичнаго червя. Первая должна, по волѣ Аллаха, услаждать вкусъ правовѣрнаго, а второй—облекать его тѣло въ роскошныя ткани.

Когда на самомъ дѣлѣ человѣкъ сталъ заниматься пчеловодствомъ—сказать трудно. Извѣстно только, что уже древніе писатели упоминали о медѣ. Въ глубокой же древности, до изобрѣтенія пергамента, для письма приготовлялись дощечки, покрытыя тонкимъ слоемъ воска и тогда же были подмѣчено, что воскъ не гніетъ, а потому его стали употреблять при бальзамированіи труповъ. Такъ было набальзамировано воскомъ и медомъ тѣло Александра Македонскаго.

Хоть теперь примѣненіе воска и меда не такъ широко, какъ прежде но тѣмъ не менѣе пчеловодство можетъ доставить значительный заработокъ, особенно мелкому собственнику. Если бы по вычисленіямъ покойнаго проф. *А. М. Бутлерова* на половину всего пространства европейской Россіи съ Польшей количество ульевъ достигло 2.000.000 штукъ, то ежегодный доходъ выразился бы въ 3.000.000 р.

Не менѣе, если еще не болѣе, доходнымъ является *шелководство*, извѣстное съ незапамятныхъ временъ. Насѣкомымъ, доставляющимъ шелкъ, является, какъ извѣстно, *тутовый шелкопрядъ* (*Bombyx mori*). Родина его, нужно думать, Китай. Въ царствованіе императора Юстиніана два монаха тайнымъ образомъ привезли въ выдолбленныхъ палкахъ сѣмена тутоваго дерева и яички шелкопряда въ Константинополь. До XII ст. шелководство существовало только въ восточной римской имперіи, и особенно процвѣтало на островѣ Косѣ. Затѣмъ оно введено было арабами въ Испаніи, въ срединѣ же XII столѣтія проникло въ Италію, при Генрихѣ IV началось во Франціи, а отсюда уже разошлось по всей Европѣ, гдѣ можетъ расти тутовое дерево, давая жителямъ значительный доходъ.

Нынѣ шелководство представляетъ собой значительную отрасль сельскохозяйственной промышленности. Ежегодная добыча шелка приприбзительно 1.500.000 пудовъ на сумму примѣрно 1.000.000.000 фр., причемъ наибольшее количество производитъ Китай, потомъ Италія, Японія и т. д. Россія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. По потребленію же шелка Китай занимаетъ первое мѣсто, потомъ Франція, а Италія всего тринадцатое. Грандіозное развитіе шелковой промышленности наблюдается нынѣ въ Сѣверной - Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Но за то производство шелка въ Зап. Европѣ не возрастаетъ, тогда какъ потребленіе увеличивается съ каждымъ годомъ, такъ что Европа поневолѣ должна обращаться къ странамъ Востока, а между тѣмъ она сама легко можетъ увеличить производство шелка до значительныхъ размѣровъ.

Одна Россія могла бы давать на рынокъ массу шелка. Достаточно вспомнить, что у насъ есть Закавказье и Туркестанъ, южныя и юго-западныя губерніи Евр. Россіи.

Возможность развитія шелководства сознана уже давно. Уже царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ дѣлать шелковичныя насажденія возлѣ Москвы. Значительно позже, основатель комитета шелководства Ма-

словъ и директора его А. П. Богдановъ много потрудились на этомъ поприщѣ, но видныхъ результатовъ достигнуто все же не было.

Теперь, повидимому, дѣло это вступило въ новую фазу: министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ одной стороны, а земства—съ другой дали серьезный толчокъ этой полезной отрасли и она, нужно думать, сторицей окупитъ эти заботы. Многіе, кромѣ того, видятъ новую эру въ опытахъ члена комитета шелководства О. О. Тихомировой по выкормкѣ червей листьями другого растенія — сладкаго корня—Scorzonera hispanica, что даетъ возможность расширить предѣлы шелководства значительно сѣвернѣе, но пока это еще дѣло новое.

Нельзя попутно не упомянуть объ одномъ дикомъ шелкопрядѣ—*Antherea Pernyi*, который даетъ шелкъ, идущій для приготовленія извѣстной всѣмъ че-су-чи; обыкновенно думаютъ, что она дѣлается изъ обыкновеннаго шелка.

А кошениль? Послѣдняя даетъ, какъ извѣстно, чудную краску — карминъ, служащую для окраски тканей въ пурпуровые, алые цвѣта. Теперь мы знаемъ, что это — насѣкомое *Coccus cacti. L.*, живущее на кактусѣ—Орниція обыкновенная, свойственная Сѣв. Америкѣ и акклиматизированная уже на югѣ Европы.

Менѣе цѣннымъ является другое насѣкомое—*польская кошениль* (*Porphyrophora polonica*), то красное небольшое насѣкомое въ родѣ паука съ короткими ножками, которое часто попадается намъ медленно ползающимъ и по землѣ, и по различнымъ растеніямъ. Краска, добываемая изъ него до половины XVII ст., т.-е. до распространенія американской кошенили, пользовалась значительнымъ спросомъ въ европейскихъ мастерскихъ и давала тогда Польшѣ значительный доходъ. Эта кошениль шла въ Турцію, гдѣ ею окрашивали сафьянъ. Шла она также и въ Данцигъ, а оттуда въ Голландію. Нынѣ же она употребляется лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянами для окраски грубаго сукна и полотна.

Два другіе вида *Червецовъ* (*Coccus lacca*), живущихъ на фикусѣ, даютъ смолу, изъ которой приготовляютъ прекрасный сургучъ—«шеллакъ», *Coccus manniparus*, живущій на тамаринтахъ въ окрестностяхъ Синая, вызываетъ своими уколами истеченіе сладкаго сока, при затвердѣваніи дающаго извѣстную «манну».

Насѣкомымъ же обязаны своимъ происхожденіемъ такъ называемые «чернильные орѣшки». Они происходятъ вслѣдствіе укола, произведеннаго на листьяхъ и вѣтвяхъ, нѣкоторыми перепончатокрылыми изъ группы Орѣхотворокъ, какъ *Cynips tinctoria* и *Cynips calicis*. Первая производитъ эти образованія на концахъ вѣтвей и на самыхъ вѣтвяхъ краснаго дуба. Къ мѣсту укола въ изобиліи притекаютъ соки, вслѣдствіе чего ткани усиленно растутъ, образуя наростъ. Въ немъ же находится одна или нѣсколько личинокъ, которыя и питаются

внутренними тканями орѣшка. Другая же форма производитъ наросты между чашечкой и жолудемъ дуба. Европа получаетъ ежегодно около 10.000 центнеровъ такихъ орѣшковъ изъ Малой Азіи. Идутъ они для различныхъ цѣлей, а главнымъ образомъ для фабрикаціи чернилъ, хотя, кажется, и медицина не брезгаетъ ими въ видѣ порошковъ, настоевъ при сильныхъ поносахъ, кровотеченіяхъ и т. п.

Не обходится безъ насѣкомыхъ и медицина. Достаточно въ этомъ отношеніи упомянуть *Шпанку* или *Шпанскую мушку* (Lytha vesicatoria L.), дающую нашъ извѣстный нарывный пластырь. Своими свойствами она обязана особому веществу, называемому «Кантаридиномъ», который легко извлекается спиртомъ.

Недавно также вошло въ употребленіе, послѣ изслѣдованій нашего извѣстнаго проф. Боткина, вещество добываемое изъ *черного таракана*— *Blatta* (*Periplanenta*) *Orientalis L.* Вещество это, называемое «антигидропиномъ», извѣстное, какъ лѣкарственное, у простонародія уже давно, стало впервые примѣняться проф. Боткинымъ съ большимъ успѣхомъ противъ водянки.

Этимъ, кажется, и ограничивается примѣненіе насѣкомыхъ въ медицинѣ.

Многія насѣкомыя служатъ также человѣку пищей *).

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ саранча, которая съ самыхъ древнихъ временъ употреблялась въ пищу, о чемъ уже упоминаетъ Плиній. Ее или мелютъ на мельницахъ, или прямо толкутъ въ ступкахъ, приготовляютъ изъ такой муки тѣсто и пекутъ лепешки, а въ другихъ мѣстахъ изъ нея дѣлаютъ нѣчто въ родѣ фрикассэ.

Кобылки (*Cicada*), воспѣваемые со времени Гомера, употреблялись въ пищу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и понынѣ, считаются большимъ лакомствомъ; китайцы же и теперь еще ѣдятъ съ большимъ удовольствіемъ куколокъ шелковичнаго червя, остающихся послѣ размотки шелка. *Бѣлые муравьи* (*Termes*), будучи поджарены на слабомъ огнѣ, служатъ любимой пищей африканскихъ дикарей, да и европейцы, попробовавъ такого блюда, отзываются о немъ съ большой похвалой.

Но далеко большую пользу приносятъ насѣкомыя косвеннымъ образомъ—истребленіемъ въ громадныхъ количествахъ вредныхъ намъ насѣкомыхъ.

Хищныя, кровожадныя и проворныя стрекозы, прозванныя у французовъ за ихъ легкость, стройность и нарядность «demoiselles'ями», у англичанъ — «Драконовыми мухами» за ихъ свирѣпость, только тѣмъ и занимаются, что ловятъ различныхъ насѣкомыхъ, главнымъ образомъ, комаровъ, мухъ, мошекъ и т. п. Эти «тираны въ воздухѣ» имѣютъ и такихъ же милыхъ дѣтокъ, которыя живутъ въ водѣ,

---

*) Обширная литература по этому вопросу собрана у Кэрби и Спенса «Общая естественная исторія насѣкомыхъ», откуда я и беру нѣкоторые факты.

истребляя тамъ массу всякой всячины и даже рыбью икру, хоть этотъ вредъ въ милліоны разъ искупается приносимой ими пользой Появленіе этихъ насѣкомыхъ въ огромномъ количествѣ находится въ прямой зависимости отъ чрезмѣрнаго размноженія въ данной мѣстности какого-нибудь вреднаго насѣкомаго, какъ это было, напр., въ Эстляндской губерніи. Здѣсь, въ 1852 году, обильномъ массою вредныхъ гусеницъ зерновой совки—Noctua graminis и капустницы—Pieris brassicae, появилось невѣроятное количество стрекозъ, уничтожившихъ этихъ гусеницъ такъ, что они не принесли почти никакого вреда. Подобный же фактъ массового появленія стрекозъ наблюдался возлѣ Либавы въ 1850 г., гдѣ стая насѣкомыхъ летѣла около морского берега цѣлыхъ 7 дней.

Кузнечики—*Locusta*, *Decticus* и *Platycleis*, которыхъ долгое время считали растительноядными, оказались по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Н. Радулина, также хищными.

А оригинальный *богомолъ* (*Mantis religiosa*), съ его своеобразными передними ножками, приподнятыми вверхъ, какъ руки молящагося?

При своей прожорливости и хищности, онъ отличается необыкновеннымъ терпѣніемъ и хитростью во время своихъ охотъ; рѣдкое насѣкомое не дѣлается его добычей.

Нельзя также пройти молчаніемъ очень обыкновенныхъ у насъ *Златоглазокъ* (*Chrysopa*), близкихъ къ нимъ *Вислокрылокъ* (*Rhaphidae*), *Панорпъ* (*Panorpidae*), которыя всѣ и въ личиночномъ, и во взросломъ состояніи занимаются истребленіемъ всякихъ насѣкомыхъ, а главнымъ образомъ травяныхъ вшей.

О двукрылыхъ—Diptera, представителями которыхъ являются наши извѣстныя мухи, я уже говорилъ раньше, а теперь намъ придется подробно поговорить о той группѣ мухъ, которыя извѣстны болѣе подъ именемъ *Тахинъ* или *Ежисмухъ*. Эти въ высшей степени полезныя насѣкомыя, какъ это показали новѣйшія изслѣдованія І. А. Порчинскаго, откладываютъ яички на гусеницъ вреднѣйшихъ бабочекъ, какъ Совки-Гаммы—Plusia-Gamma, монашенки—Ocneria monacha, непарнаго шелкопряда—Ocneria Dispar и др. Личинки проникаютъ внутрь тѣла гусеницы, пожираютъ его, начиная съ менѣе важныхъ частей, а выросши, выходятъ изъ полусъѣденнаго тѣла своего хозяина, чтобы окуклиться уже въ землѣ.

Также важны для насъ и нѣкоторыя живородящія мухи, какъ-то: *саранчевая муха* и *полосатая живородящая муха*. Обѣ онѣ въ личиночномъ состояніи пожираютъ тѣла саранчи, кобылокъ, пруссика, а представители сем. *Жужжалъ* (*Bombylidae*), какъ *осенній жужжало*—*широколобый жужжало*, *темнокрылый жужжало* уничтожаютъ саранчу, кобылокъ и пруссика въ состояніи яичекъ.

Наконецъ, остаются еще Сирфиды *)—Syrphidae, зеленыя личинки коихъ, напоминающія своей формой піавокъ, отличаются необыкновенной прожорливостью и далеко превосходятъ въ этомъ отношеніи Божьихъ коровокъ и ихъ личинокъ. Чтобы доставить своимъ дѣткамъ обильную и готовую пищу, мать кладетъ яички по одному на листья густо покрытыя травяными вшами. Достаточно выросшія личинки высасываютъ отъ 20 до 30 тлей и продѣлываютъ это нѣсколько разъ въ день.

Столь распространенные у насъ муравьи, о которыхъ я уже говорилъ раньше, несомнѣнно, полезны въ лѣсахъ, гдѣ они истребляютъ массу вредныхъ гусеницъ. И на этомъ основаніи лѣсное вѣдомство въ Германіи категорически воспрещаетъ сборъ муравья и муравьиныхъ личинокъ, что у насъ дѣлается совершенно безпрепятственно. Какую массу тѣхъ и другихъ можно видѣть на птичьихъ рынкахъ, гдѣ товаръ этотъ въ огромномъ количествѣ покупается, какъ кормъ разнымъ птицамъ.

Близкіе родственники муравьевъ—*роющія осы*, какъ *Crabronidae* и *Pampilidae или дорожныя осы*, безпощадно губятъ своихъ же собратій—враговъ человѣка. Самки собираютъ для своихъ дѣтей цѣлые запасы изъ живыхъ насѣкомыхъ, гусеницъ, личинокъ, жаля ихъ въ брюшные, нервные узлы. Такія жертвы остаются живыми довольно долгое время, но лишены совершенно способности движенія.

Такую же роль играютъ *Наѣздники*—(*Ichneumonidae*) и близкіе къ нимъ формы—наши друзья и надежные союзники въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми, тѣмъ болѣе, что число относящихся сюда формъ превосходитъ 5.000 видовъ. Мѣстомъ для откладки яичекъ служатъ имъ и взрослыя формы, хоть они предпочитаютъ другія стадіи, начиная яйцомъ и кончая куколкой. Ничто не спасаетъ отъ нихъ жертвъ: длинный яйцекладъ даетъ возможность проникнуть и подъ кору, и въ древесину, и въ воду, причемъ самка откладываетъ на свою жертву или одно яичко, или нѣсколько. Любопытно, что въ этомъ отношеніи одни виды Наѣздниковъ вовсе не разборчивы: первое попавшееся насѣкомое въ какой угодно стадіи развитія, другіе—крайне разборчивы, простирая иногда свою разборчивость до того, что только та или другая стадія развитія, но не взрослое насѣкомое, служитъ для этого.

Не мало хищниковъ и между жуками.

Первое мѣсто между ними занимаютъ *Скакуны*—Cicindellidae—«тигры насѣкомыхъ», какъ ихъ назвалъ знаменитый Линней. Такимъ же хищничествомъ отличаются и ихъ личинки, а также и родныя ихъ сестры—Жужелицы—Carabidae.

---

*) О нихъ, равно какъ и о другихъ изъ приведенныхъ здѣсь, я уже кратко говорилъ въ 1-й главѣ, но здѣсь они разсматриваются, какъ истребители вредныхъ для человѣка насѣкомыхъ.

Мнѣ самому, во время одной изъ энтомологическихъ командировокъ по Кіевской губерніи, приходилось наблюдать неоднократно одинъ очень интересный фактъ. Дѣло въ томъ, что вокругъ свекловичной плантаціи обыкновенно выкапываютъ предохранительный ровъ для задерживанія различныхъ вредныхъ насѣкомыхъ. И вотъ здѣсь-то, на днѣ рва я встрѣчалъ всегда массу довольно большихъ съ очень твердыми надкрыліями, крайне неуклюжихъ жуковъ — *Головачей* (Lethrus cephalutes)—враговъ свеклы. Тутъ же мнѣ постоянно попадались и крупныя, красиво окрашенныя жужелицы, занимающіяся, конечно, охотой. Объектомъ являлся чаще всего «головачъ». Не имѣя возможности разгрызть твердыя надкрылія этого жука, жужелица его переворачивала на спину и у живого, дрыгающаго все время ножками, выѣдала брюшко. Въ томъ же случаѣ, когда попадался головачъ крупныхъ размѣровъ, такъ, что жужелица при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могла перевернуть его на спину, она на минутку отбѣгала куда-нибудь въ сторону и возвращалась уже въ компаніи съ другой. Товарки дружно брались за работу, совокупными усиліями переворачивали жертву и съ аппетитомъ пожирали брюшко. Тоже продѣлываютъ эти ловкіе хищники и съ майскимъ жукомъ. Хищничая цѣлую жизнь какъ въ видѣ личинки, такъ и совершеннаго насѣкомаго, они истребляютъ невѣроятную массу враговъ нашихъ лѣсовъ, полей, садовъ, огородовъ, чѣмъ приносятъ человѣку неисчислимую пользу.

Такое же значеніе имѣютъ для насъ разные виды *Caeosoma*— *Красотѣлы*, проворные, стройные и необыкновенно прожорливые хищники. Жуки эти появляются въ изобиліи обыкновенно въ такіе годы, когда лѣса кишатъ всякими гусеницами.

Скажу еще нѣсколько словъ о *Нарывникахъ*—*Mylabris* и *Шпанкахъ*—*Epicanta*, которые являются страшными врагами саранчи и пруссика. Роль ихъ въ этомъ отношеніи только недавно надлежащимъ образомъ выяснили наблюденія I. А. Порчинскаго. Хотя нарывники иногда появляются въ огромномъ количествѣ и причиняютъ вредъ нашимъ культурнымъ растеніямъ, пожирая ихъ, какъ это и мнѣ приходилось наблюдать въ Полтавской губерніи, гдѣ *Шпанки* объѣли страшно картофельныя поля, но этотъ вредъ—капля въ морѣ той пользы, какую онѣ намъ приносятъ.

«Если вспомнить,—говоритъ I. А. Порчинскій,—что для уничтоженія пруссика и кобылки мы затрачиваемъ (нерѣдко—почти напрасно) значительную сумму денегъ и массу труда, а съ другой стороны, что нарывники и шпанки лишь въ рѣдкіе годы появляются во вредныхъ количествахъ, то нельзя не признать, что размѣры того вреда, который причиняютъ намъ названные жуки, совершенно ничтожны. Эти труженики и драгоцѣнные наши помощники за свой трудъ вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы ихъ немного покормили».

Мнѣ остается еще упомянуть о *Божьихъ коровкахъ*. Эти полезнѣй-

шія, по словамъ знаменитаго Ратцебурга, насѣкомыя появляются иногда невѣроятными массами въ годы сильнаго размноженія травяныхъ вшей, которыми питаются какъ взрослыя Божьи коровки, такъ и личинки ихъ. Такъ, въ 1807 г. морской берегъ близъ Брайтона и всѣ морскія купальни на южномъ берегу Англіи были буквально покрыты Божьими коровками къ величайшему удивленію и даже опасенію жителей, которые и не подозрѣвали, что ихъ маленькіе посѣтители были эмигранты, вышедшіе изъ сосѣднихъ хмельниковъ, гдѣ въ своемъ личиночномъ состояніи каждая Божья коровка уничтожила тысячи, десятки тысячъ растительныхъ вшей.

Этимъ я и закончу свою статью.

Я разсчитывалъ не на спеціалистовъ, а на большую публику, и потому приводилъ примѣры наиболѣе крупные, бралъ группы насѣкомыхъ, наиболѣе извѣстныхъ по своему вреду или пользѣ, а главное всюду и вездѣ, гдѣ только можно было, старался подтвердить тѣ или другія мысли фактами изъ наиболѣе близкой намъ русской энтомологической литературы.

И если читатели, прочитавъ эту статью, скажутъ: «да, тѣ мелкія ничтожныя существа, которыя всюду и вездѣ намъ попадаются, на которыхъ мы никакого вниманія не обращали, достойны вниманія и изученія, а энтомологія, которая ими занимается, не есть пустая забава, а настоящая наука, имѣющая, кромѣ высокаго теоретическаго интереса, и огромное практическое значеніе», то я сочту себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

С. Торскій.

---

*
* *

Есть души скрытыя: онѣ
Напоминаютъ странно мнѣ
Тѣ роковые города,
Что затонули безъ слѣда
Въ пучинѣ темноголубой.
Укрыло море ихъ собой,
И къ жизни силой никакой
Не вызвать ихъ изъ мглы морской.
Въ нихъ все навѣкъ погребено,
И лишь избранникамъ дано
Порою слышать въ поздній часъ
Несущійся изъ бездны гласъ
И колокольный тихій звонъ,
И пѣснь, и плачъ, и арфы стонъ.
Лишь люди, чей отваженъ духъ,
И ясенъ взоръ, и чутокъ слухъ —
Ихъ слышать въ ропотѣ волны
И тайну ихъ постичь вольны.

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Жестокіе», романъ г. Боборыкина. — Удачныя характеристики различныхъ «настроеній».—Вѣрно подмѣченная общая черта — черствость и эгоизмъ.—«За десять лѣтъ практики», Ѳ. Павлова.—Интересныя наблюденія автора изъ фабричной жизни.—Отсутствіе тенденціозности и искренность автора.

«Жестокіе» — вотъ настоящее слово, которымъ мѣтко окрестилъ г. Боборыкинъ героевъ своего послѣдняго романа. На заглавія г. Боборыкинъ всегда очень удачливъ, и многія изъ нихъ надолго становятся ходячимъ словечкомъ, какъ, напр., изъ послѣднихъ—«Накипь». И въ заглавіи новаго романа онъ сумѣлъ вмѣстить ту наиболѣе рѣзкую и характерную черту, которая выдѣляется съ особенною яркостью въ многочисленныхъ и разнообразныхъ представителяхъ самоновѣйшихъ «настроеній». Мы говоримъ именно о настроеніяхъ, а не направленіяхъ, такъ какъ въ послѣднемъ понятіи заключается всегда нѣчто выдержанное, опредѣленное и точное, т. е. именно то, чего лишены всѣ «герои дня», выводимые въ романѣ г. Боборыкина. Предъ читателемъ дефилируетъ цѣлая вереница странныхъ, не то надломленныхъ, не то недодѣланныхъ людей, мятущихся безцѣльно и безъ смысла, словно больные, подточенные коренным, органическимъ недугомъ, котораго они не сознаютъ, хотя и чувствуютъ, что у нихъ внутри что-то неладно. Этотъ неопредѣленный и непонятный имъ недугъ, отравляющій имъ жизнь, они силятся возвести въ нѣчто сугубо высокое и важное, что выдѣляетъ ихъ изъ ряда простыхъ смертныхъ и ставитъ выше, подымаетъ на высоту, недосягаемую для толпы. И они смотрятъ на все остальное человѣчество съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и считаютъ своимъ правомъ творить по отношенію къ нему всякую гадость, разъ этого требуетъ ихъ «духъ». А въ сущности всѣ они оказываются такими мелкими и маленькими людьми, съ извращенной нравственностью и больной душой, что въ концѣ концовъ ничего, кромѣ презрительной жалости не могутъ внушить какъ своей жестокостью, такъ и высокомѣріемъ.

Впереди выступаетъ главный герой романа Приспѣловъ, считающій себя однимъ изъ «сверхъ-людей», пропитаннымъ духомъ Ничше, презирающій всѣхъ, къ кому судьба не была такъ благосклонна, какъ къ его избранной особѣ. Даровитый адвокатъ, сколотившій изрядный капиталъ безъ особыхъ усилій и особой разборчивости въ средствахъ и къ сорока годамъ составившій себѣ довольно видное имя въ мірѣ дѣльцовъ, Приспѣловъ считаетъ себя солью земли, человѣкомъ, стоящимъ чуть ли не на головокружительной высотѣ, съ которой оцѣниваетъ всѣхъ какъ ничтожныхъ людишекъ, созданныхъ для его возвеличенія. Успѣхъ въ дѣлахъ, успѣхъ у женщинъ, которыхъ онъ презираетъ и потому дѣйствуетъ на нихъ импонирующимъ образомъ, совершенно одурманиваетъ его, не давая ему поглубже проанализировать себя самого и увидѣть, что вся его сила весьма невысокаго сорта, что сущность этой силы очень ничтожна, такъ какъ вся она заключается въ той жестокости сердца, которая помогала ему

пренебрегать интересами другихъ и отстаивать личные безъ зазрѣнія совѣсти. Жестокость и эгоизмъ, дѣйствительно, могутъ сойти за силу, но лишь до перваго столкновенія съ жестокостью и эгоизмомъ другого. Тогда-то и сказывается вся непрочность этой силы, вся ея слабость и невозможность ею одной отстоять себя. Такъ случилось и съ нашимъ «сверхъ-человѣкомъ», когда ему вдругъ, нежданно для него негаданно, даетъ, по его выраженію, отставку женщина, на которую онъ уже привыкъ смотрѣть, какъ на свою собственность. Ее онъ взялъ, какъ ему казалось, именно тѣмъ, что онъ сильный человѣкъ, стоящій выше предразсудковъ и мелочныхъ стѣсненій совѣсти. И она казалась ему привлекательной до обаятельности тоже своей свободой въ области нравственныхъ чувствъ, тѣмъ презрѣньемъ къ общепринятой морали, чѣмъ щеголялъ и онъ самъ. Любила ли она его, да и любилъ ли онъ самъ, этотъ вопросъ даже и не возникалъ у него,—она была просто ему нужна, какъ показатель его «мужской силы», того вліянія, которое подчиняло ему женщинъ и возвышало его въ собственныхъ глазахъ. Внезапная измѣна этой женщины, которая безъ всякихъ объясненій бросаетъ его, какъ ненужную больше тряпку, разомъ свергаетъ Приспѣлова съ того пьедестала, на которомъ онъ привыкъ красоваться предъ собой. Онъ растеривается, какъ самый простой смертный, и даже хуже. Онъ унижается до подлости, до желанія грозить шантажемъ своей бывшей любовницѣ, пытается купить компрометирующія ее письма, и когда это не удается, только тогда понимаетъ, какой онъ на повѣрку слабый и жалкій человѣкъ. Жестокость и эгоизмъ, столь цѣнные въ его глазахъ, какъ показатели силы, не выручаютъ его и не оказываютъ ни малѣйшей поддержки въ захватившей его бѣдѣ,—даже и не бѣдѣ, такъ какъ онъ теперь ясно сознаетъ, что никогда ее не любилъ и никогда не былъ любимъ. Его удручаетъ мысль, что не онъ первый далъ ей «отставку», а ему дали. Этого онъ никакъ не въ силахъ переварить и носится съ своей обидой до полной прострація нравственныхъ и физическихъ силъ.

Гдѣ же доказательство его права на званіе «сверхъ-человѣка», чѣмъ онъ такъ превозносился и гордился? Предъ нами все время — жалкій эгоистъ, не знавшій въ жизни ни высокихъ задачъ, ни чистыхъ привязанностей, налагающихъ на людей нѣжныя цѣпи долга. Приспѣловъ тутъ только понялъ, какъ онъ одинокъ и никому не нуженъ, какую пустоту онъ создалъ около себя, пустоту, въ которой ему суждено задохнуться медленно, но неизбѣжно. Онъ дѣлаетъ робкую попытку хотя послѣднія минуты быть кому-либо нужнымъ, оставить послѣ себя хотя для кого-нибудь благодарную память, но и здѣсь терпитъ позорное пораженіе. Онъ предлагаетъ нѣкогда имъ обиженной дѣвушкѣ выйти за него замужъ, чтобы послѣ его смерти получить право на его огромное имущество. Онъ обѣщаетъ ей, что самъ «устранится» и она будетъ вполнѣ свободна. Она рѣшительно отклоняетъ это странное предложеніе, и Приспѣловъ застрѣливается, предпочитая мгновенную смерть медленному умиранію, и въ этомъ только и сказывается признакъ той силы, которую онъ предполагалъ въ себѣ.

Такова судьба перваго изъ «жестокихъ». Не лучше судьба и избранницы его сердца, Поликсены Семеновны Безруковой, такъ спокойно давшей ему «отставку», когда ей это оказалось нужно. Пожалуй, она еще безсердечнѣе, еще жесточе. Ея разрывъ съ Приспѣловымъ совпалъ съ смертельной болѣзнью ея мужа, что ни мало не мѣшаетъ ей ухаживать за новымъ своимъ предметомъ, нѣкіимъ Вилли Галубинымъ, юнымъ эстетомъ, поклонникомъ красоты, которую онъ изучаетъ съ комичной серьезностью. Если Приспѣловъ мнитъ себя силой, какъ ничшеанецъ, коему все дозволено, то Галубинъ стремится къ красотѣ, и въ этомъ стремленіи видитъ весь смыслъ жизни, а на женщинъ смотритъ какъ одинъ изъ предметовъ красоты. Избранница Приспѣ-

лова не долго его интересуетъ, и злополучная измѣнница получаетъ свою мзду полностью. Мужъ, умирая, силится раскрыть ей глаза на все ничтожество и пустоту ея жизни, но безрезультатно, и почти у его гроба она мечтаетъ о новой связи, а когда эта мечта разлетается прахомъ, она остается въ такой же пустотѣ, какъ и Приспѣловъ. Но у того хватило духу разомъ покончить съ собой, на что рѣшиться она не въ силахъ.

Эти двѣ фигуры въ романѣ лучше всего выдержаны и освѣщены. Въ нихъ, однако, новѣйшія настроенія только затронуты. Они—представители сходящаго со сцены поколѣнія, которое только чуть было захвачено новыми вѣяніями. Жестокость и безсердечіе, составлявшія коренную черту ихъ личности, нашли себѣ поддержку въ новомъ ученіи о правахъ сверхъ-человѣка и о новой красотѣ, которая сама себѣ довлѣетъ. Въ чистомъ, такъ сказать, видѣ новыя вѣянія выступаютъ въ двухъ представителяхъ молодого поколѣнія.—Ошаринѣ и упомянутомъ Галубинѣ. Первый до извѣстной степени учитель и руководитель второго. Онъ уже достигъ высшей ступени совершенства, поднялся на вершину, гдѣ царитъ одно холодное созерцаніе безконечныхъ по разнообразію формъ красоты. Отъ него вѣетъ холодомъ, который мѣшаетъ сближенію съ нимъ, что еще болѣе влечетъ къ нему «юношей», какъ Голубинъ, и разныхъ «юницъ», по его выраженію. А онъ, Ошаринъ, разрѣшаетъ имъ любоваться собой и методически, мѣрнымъ тономъ читаетъ имъ лекціи о смыслѣ жизни и задачахъ искусства. И дѣвицы имъ увлекаются не на шутку, а одна изъ нихъ, Маня Доброва, нѣкогда жертва Приспѣлова, увлекшаго ее своей «силой», готова пойти очень далеко въ своемъ увлеченіи, если бы Ошаринъ низпустился до этого. Но ему нельзя, ибо «если стремишься къ высшему освобожденію своего я, нельзя грязнить свою душу... Надо быть цѣломудреннымъ».

Поэтому онъ великодушно разрѣшаетъ любить себя, самъ же только любуется чужимъ чувствомъ, отыскивая въ немъ новые оттѣнки, достойные созерцанія поклонника красоты. Какъ въ немъ, такъ и около него должно быть все особенное, чего нигдѣ нельзя было бы найти. Каждая вещь, каждое слово должно быть преисполнено своего значенія, не похожаго ни на что другое, ибо нѣтъ ничего опаснѣе банальности. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, онъ одобряетъ всякое оригинальничаніе, всякую дичь, лишь бы она не была банальностью, не отдавала «буржуазностью». «Любезный другъ,—проповѣдуетъ онъ благоговѣйно внимающей Манѣ,—каковы бы ни были всѣ эти Федюсинскіе и Евтроповы (о нихъ рѣчь будетъ впереди) и даже тотъ, въ балахонѣ, изображающій изъ себя россійскаго мизерабля съ идеями, они—симптомы реакціи противъ ненавистныхъ намъ съ тобою моралистовъ, выдохшихся радикаловъ народнической подоплеки... Pardon за эти варварскіе термины—но ихъ надо употреблять, когда говоришь обо всемъ этомъ старьѣ. Евтроповъ! Да я готовъ ему всегда сдѣлать ручкой потому, что онъ, съ своей семинарской теософіей à base de лампадное масло, врывается съ другой почвой. У него есть свое credo. Онъ небоится того, что его обвинятъ въ мракобѣсьи, у него есть смѣлость. И я этому радуюсь. И даже невозможный языкъ, какимъ онъ пишетъ—все-таки sui generis. Онъ самъ его выработалъ. Это—пахучая семинарская проза, а не «macedoine» изъ разныхъ полинялыхъ клише».

Въ концѣ концовъ, однако, это холодное безстрастное созерцаніе ради самоуслажденія отталкиваетъ отъ чистаго «эстета» даже его поклонниковъ, и Галубинъ первый возмущается такимъ «вкусизмомъ».

«Довольно!—не выдерживаетъ Галубинъ.—Для тебя все въ мірѣ, въ природѣ и человѣкѣ—рядъ картинъ для твоихъ настроеній. И я восторгался такимъ высокимъ самоуслажденіемъ. Но меня начинаетъ сосать вотъ тутъ—онъ указалъ на грудь...—Нельзя жить только *вкусизмомъ*... надо искать чего-то другого».

И Галубинъ рѣзко порываетъ съ своимъ старымъ учителемъ, которому онъ обязанъ весьма малымъ, да и это малое, какъ очемъ недурно изображено въ романѣ, ведетъ его отъ одной гадости къ другой.

Какъ Приспѣловъ и его избранница представители стараго поколѣнія, жившіе только ради грубѣйшаго эгоизма и не видавшіе иныхъ задачъ, кромѣ удовлетворенія личной страсти, такъ и Ошаринъ уже отживаетъ свое время, и Галубинъ, его ученикъ и поклонникъ, уже живо чувствуетъ, что одной эстетикой не проживешь. Онъ ясно понимаетъ всю пустоту такихъ изломанныхъ людей, какъ Евтроповъ, Федюсинскій и Пеклеванцевъ, которые выступаютъ въ романѣ представителями самыхъ мутныхъ и странныхъ теченій, волнующихъ поверхность современности. Въ романѣ они только намѣчены, потому что и въ жизни они—лишь рябь, обезображивающая поверхность, рябь, неопредѣленная, измѣнчивая и безформенная, возникшая благодаря отсутствію сильнаго вѣтра въ опредѣленномъ направленіи. Надо правду сказать, и изображены они очень плохо, чисто эскизно, мѣстами шаржированы до крайности. Сказался обычный грѣхъ почтеннаго автора—писать портреты, въ которыхъ легко узнать нѣкоторыхъ современниковъ, напр., хотя-бы въ выше приведенной характеристикѣ Евтропова. Кто не узнаетъ въ ней автора курьезныхъ разсужденій по части «хотѣнія» и «прилѣпленія», который дополняетъ нынѣ армію нашихъ доморощенныхъ эстетовъ, Оскаровъ Уайльдовъ и Верлэновъ. Еще хуже поступилъ г. Боборыкинъ, выведя въ Пеклеванцевѣ «сверхъ-босяка», который дико рычитъ, «глазами косо водитъ», только пьянствуетъ и раговариваетъ съ интеллигентными дѣвицами такимъ жаргономъ:

«— Такъ вы, милая барышня, не хотите чокнуться со мной? Вы съ Вѣрой Яковлевной—подружки. И надо бы хоть какой ни то брудершафтъ... Для васъ слишкомъ низко?! *Фи донкъ!* Какой-то мизерабль—и вдругъ лѣзетъ къ тонко-интеллигентной дѣвицѣ съ такимъ предложеніемъ. Презорство! Большое презорство! Вы вѣдь—на высотахъ... въ эмпреяхъ символизма... И говорю на чистоту, не въ рукахъ вы, милая барышня... съ такимъ, можно сказать, ликомъ и умница...»

Затѣмъ пьяный и растерзанный Пеклеванцевъ лѣзетъ къ ней насильно цѣловаться. Смѣемъ думать, что ничего подобнаго г. Боборыкинъ самъ не видалъ и просто пишетъ съ чужихъ словъ и притомъ съ скверньмъ оттѣнкомъ.

Впрочемъ, въ романѣ всѣ эти странныя фигуры не играютъ видной роли,—они только дополняютъ главныхъ «жестокихъ», какъ фонъ, на которомъ послѣдніе выступаютъ съ бо́льшей выпуклостью и опредѣленностью. Вмѣстѣ взятые—Евтроповъ со своими рѣчами объ апокалипсическихъ глубинахъ, въ которыхъ всѣ должны «очиститься въ горнилѣ самоотрицанія, послѣ чего произойдетъ всеобщее пакибытіе, одухотворенное, преображенное и окропленное единымъ родникомъ всего сущаго», истерическій Федюсинскій и пьяный Пеклеванцевъ, расточающій пьяныя проклятія по адресу европейскихъ «пшютовъ символизма»,—они свидѣтельствуютъ о томъ безпокойномъ, мятущемся настроеніи, при которомъ и могутъ имѣть успѣхъ «жестокіе».

Жертвами ихъ обязательно должны пасть всѣ такія чистыя и слабыя натуры, какъ эта Маня Доброва, у которыхъ есть хорошіе порывы, но нѣтъ сильнаго характера. Сначала она становится жертвой «силы» Приспѣлова, который легко подчиняетъ ее своимъ высокомѣрнымъ презрѣньемъ ко всѣмъ слабымъ. Къ счастью для себя, она живо разгадала, что подъ этой высокомѣрной внѣшностью нѣтъ ничего, кромѣ самой низменной животности. Но также легко подчиняется она и эстету Ошарину, который просто подавляетъ ее своей холодной величавостью и безстрастьемъ. Эта бѣдная мятущаяся Маня не можетъ существовать за свой собственный счетъ и нуждается въ руководительствѣ и поддержкѣ. Въ дни сильныхъ и яркихъ опредѣленныхъ направленій она пойдетъ

за ними, можетъ стать даже героиней, но всегда, какъ пассивная личность, которая пойдетъ туда, куда ее поведутъ. И увлекается она въ наши сѣрые будни эстетизмомъ также безсознательно, какъ въ другое время увлеклась бы совершенно обратными «измами». Въ романѣ ее выводитъ на вѣрный путь примѣръ ея квартирной хозяйки, которая тяжелымъ трудомъ, съ полнымъ самоотреченіемъ поддерживаетъ цѣлую семью. Маня поражается массой работы и добра, совершаемой этой простой женщиной, и она преклоняется предъ ея нехитрой дѣятельностью, полной, тѣмъ не менѣе, глубокаго жизненнаго смысла. Доброта и готовность жертвовать собой, лежащія въ основѣ такихъ характеровъ, какъ Маня, откликаются на призывъ окружающей жизни, и она рѣшается энергично помогать другимъ, не найдя личнаго удовлетворенія въ жизни. Можно сказать съ увѣренностью, что на новой дорогѣ, старой и вѣковѣчной для нашей женщины, и Маня найдетъ это удовлетвореніе. Доброта—бо́льшая сила, чѣмъ жестокость, и ей принадлежитъ жизнь, въ которой жестокость только отрицательная величина, осужденная, въ концѣ концовъ, на смерть, ибо въ жестокости нѣтъ творчества.

Другой жертвой «жестокихъ» является въ романѣ юноша, едва начинающій жить, Митя Красицкій, другъ Галубина, нѣжно и глубоко ему преданный. Обладая чуткой артистической душой, Митя мучится отъ разлада съ своей семьею, гдѣ отецъ, грубый и заурядный дѣлецъ-аферистъ и биржевикъ, давитъ его своей грубостью и непониманіемъ его запросовъ. Но еще болѣе мучитъ его любовь, которая съ неотразимой силой охватываетъ его юную душу. Онъ любитъ талантливую музыкантшу-композиторшу Русанову, ловкую даму, которая, добиваясь постановки своей оперы на сценѣ, сходится съ отцомъ Мити, а сама увлекается Галубинымъ и увлекаетъ его, хотя онъ и сознаетъ, что отнюдь не любовь влечетъ его. И Митя все это знаетъ,—знаетъ, что обожаемая имъ женщина—содержанка его отца и любовница его друга. Этого двойного удара не выдерживаетъ его слабое здоровье, и онъ умираетъ тихо и почти радостно, примиренный съ неизбѣжностью случившагося. Не смерть, а жизнь его пугаетъ, жизнь, гдѣ такъ мало доброты и такъ много жестокости.

Смерть этого симпатичнаго, талантливаго юноши, представляющая въ романѣ одинъ изъ лучшихъ по художественности эпизодовъ, не производитъ, однако, удручающаго эффекта. Даже напротивъ, вноситъ примиряющую ноту въ хоръ звѣриныхъ инстинктовъ. Среди Приспѣловыхъ, Ошариныхъ, Евтроповыхъ, дѣльцовъ, аферистовъ и аферистокъ, эстетовъ и ихъ поклонниковъ, эта блѣдная тѣнь напоминаетъ о лучшихъ сторонахъ человѣческой жизни, которыя не могутъ заглохнуть и въ конечномъ итогѣ должны одержать побѣду. И дѣйствительно, какъ Маня Доброва, такъ и бывшій поклонникъ Ошарина, Галубинъ, глубоко потрясенные этой смертью, въ которой Галубинъ не можетъ не чувствовать себя виновникомъ,—видятъ ясно ничтожество тѣхъ интересовъ, которыми они живутъ, и невозможность жить только ради удовлетворенія личныхъ стремленій, хотя бы и прикрытыхъ разными яко бы высокими словами объ искусствѣ, высшей красотѣ и т. п. За нихъ можно быть спокойными, они не останутся въ лагерѣ жестокихъ, разъ они поняли и почувствовали всю нравственную пустоту этого лагеря и его коренное безсилье—дать содержаніе жизни.

Жестокость, такимъ образомъ, терпитъ въ романѣ полное крушеніе, и хотя въ жизни это не всегда такъ бываетъ, но основная идея романа намъ кажется глубоко вѣрной. Если дѣйствительно бываютъ времена, когда жестокость, эгоизмъ, презрѣніе къ другимъ и самоуслажденіе какъ бы вытѣсняютъ лучшія стороны нашей природы, то это служитъ лишь показателемъ какой-то тяжкой болѣзни общественнаго организма, ослабившей благородныя и высокія стремленія, которыми «люди живы». Для нашего времени черта жестокости, несомнѣнно, одни изъ наиболѣе характерныхъ и въ доказательство читатели

сами могу почерпнуть изъ современой жизни тысячи примѣровъ. Но въ самомъ цинизмѣ, которымъ такъ щеголяютъ нынѣ «жестокіе», чувствуется затаенный страхъ грядущаго возмездія и желаніе скрыть его подъ маской презрѣнія ко всему доброму, великодушному и человѣческому. Мы твердо вѣримъ, что современный «danse macabre», творящійся на могилахъ, гдѣ скрыты до времени лучшіе завѣта человѣчества, не можетъ быть длительнымъ. Въ массѣ своей человѣчество лучше, чѣмъ думаютъ наши «жестокіе», и чѣмъ полнѣе кажется теперь ихъ побѣда, тѣмъ глубже будетъ ихъ пораженіе...

Въ бѣдной до скудости литературѣ о внутренней жизни нашихъ фабрикъ не пройдетъ незамѣченной небольшая и скромная книга г. Ѳ. Павлова, «За десять лѣтъ практики». Очерки эти печатались первоначально въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», но растянутые на протяженіи года, они не давали такого цѣльнаго представленія о жизни фабрики, какъ теперь, собранные вмѣстѣ и искусно объединенные авторомъ, который въ рядѣ личныхъ наблюденій даетъ живую картину фабричнаго быта, простую и не эффектную, но удивительно реальную. Намъ давно не приходилось читать съ такимъ захватывающимъ интересомъ чего-либо подобнаго, не смотря на въ высшей степени безыскуственную форму разсказа, въ которомъ нѣтъ и слѣда желанія заинтересовать читателя особымъ эффектомъ или бить на ту или иную модную теорію, чтобы придать очерку особую глубину или современность. Авторъ—не марксистъ, но и не народникъ, онъ прежде всего правдивый и талантливый наблюдатель и бытописатель, который ничего не сочиняетъ и ничего не преувеличиваетъ. Онъ, его взгляды и стремленія остаются все время въ сторонѣ,—на первомъ планѣ мы видимъ только жизнь большой мануфактуры въ различные моменты, въ будни и праздники, въ мирное и бурное время, за станкомъ и въ школѣ, и въ больницѣ, и у себя дома, за чтеніемъ и за работой. Эти картины чередуются другими изъ фабричной или заводской жизни другого типа, обусловленной своеобразными порядками другого производства.

Очерки начинаются превосходной картиной пробужденія фабрики послѣ праздничнаго отдыха—«Заработка», когда огромная фабричная машина, съ восьмью-тысячнымъ населеніемъ, начинаетъ свою непрерывную недѣльную работу.

«На заработкахъ не слышно болтовни и смѣха; всѣ сумрачны и заняты дѣломъ. Послѣ краткаго воскреснаго отдыха, спросонокъ, однообразная, опостылѣвшая работа кажется еще скучнѣе, чѣмъ обыкновенно; но, хочешь-не-хочешь, приниматься за нее надо, надо осмотрѣть станокъ, заправить челнокъ и т. п. Почти всѣ уже на своихъ мѣстахъ, но покамѣстъ чувствуется отсутствіе жизни; паровая еще не пошла. Огромное цѣлое, колоссальный организмъ, именуемый фабричнымъ корпусомъ, имѣетъ свой жизненный центръ, свое сердце—паровую машину. Это сердце, составляющее, какъ и подобаетъ, предметъ особой заботливости и хозяевъ, и директора, помѣщено въ особой просторной пристройкѣ. Въ противоположность всей остальной фабрикѣ здѣсь все блещетъ необычайной чистотой. Начиная отъ крупныхъ частей этого стального сердца, отъ 4-хъ-саженнаго махового колеса, отъ главнаго вала толщиною чуть не въ человѣческое туловище, вплоть до маленькихъ вентилей въ масленкахъ, все какъ жаръ горитъ. Полъ выложенъ замысловатымъ мозаичнымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ цементныхъ плитокъ и ежедневно протирается мокрыми швабрами. Стѣны покрашены свѣтлой масляной краской; лѣсенки и лѣстницы снабжены затѣйливыми перилами. Теперь это стальное чудовище, мощь котораго измѣряется тысячами лошадиныхъ силъ, молчитъ и не шелохнется; спокойно повисли стальные канаты, связывающіе его маховикъ съ главными валами каждаго этажа зданія, и вся фабрика стоитъ недвижима.

Но вотъ по всѣмъ мастерскимъ раздаются сигнальные звонки, предупреждающіе о томъ, что паровая сейчасъ будетъ пущена въ ходъ. Проходитъ одна—двѣ минуты; слышенъ второй звонокъ, и вслѣдъ за тѣмъ вмѣстѣ съ первымъ поворотомъ махового колеса, главный валъ ткацкой приходитъ въ движеніе. Ткачи переводятъ приводные ремни съ холостыхъ шкивовъ на рабочіе, и какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, огромная зала, вмѣщающая болѣе 300 станковъ, загудѣла и ожила, неумолимое, рѣзкое хлопанье «погонялокъ», перекидывающихъ челноки съ уткомъ съ одной стороны основы на другую со скоростью 120—150 разъ и болѣе въ минуту, мягкій стукъ батановъ, лязгъ различныхъ металлическихъ частей,—все это сливается въ какой-то неопредѣленный, но очень сильный непрерывный трескъ. Разговоръ дѣлается невозможнымъ; ткачи понимаютъ другъ друга по губамъ, но я, плохо постигшій это искусство, долженъ нагибаться къ уху и кричать полнымъ голосомъ, когда мнѣ приходится кому-нибудь сказать слово».

Такъ начинается описаніе рабочаго дня въ этомъ «колоссальномъ организмѣ», именуемомъ фабрикой. Какъ машина является его «жизненнымъ центромъ», такъ его направляющимъ и все регулирующимъ центромъ является—директоръ, значеніе котораго, пожалуй, не меньше въ общей жизни фабрики. Въ очеркѣ, посвященномъ этой центральной фигуры, авторъ даетъ очень яркое представленіе объ этомъ магѣ и волшебникѣ, который несетъ отвѣтственность за правильное дѣйствіе громадной фабричной машины. Большая современная фабрика, въ родѣ описываемой, съ ея 8.000 населенія, это—цѣлый городъ, и по послѣдней всероссійской переписи существуетъ только 138 городовъ съ бо́льшимъ населеніемъ. Жизнь этихъ 8.000 съ ихъ дѣтьми и родственниками связана тѣснѣйшимъ образомъ съ жизнью фабрики.

«Эта связь,—говоритъ авторъ,—представляется мнѣ настолько сильной, что я поневолѣ задаюсь вопросомъ, существуетъ ли гдѣ-либо въ настоящее время въ цивилизованныхъ государствахъ какая-либо власть, административная или даже политическая, которая могла бы такъ полно и всесторонне подчинить себѣ индивидуумъ во всѣхъ его жизненныхъ проявленіяхъ, какъ то можетъ сдѣлать директоръ русской фабрики?.. Каждый часъ, каждый шагъ рабочаго и даже его семьи регламентируется администраціей фабрики, во главѣ которой стоитъ одно полномощное лицо, завѣдующее фабрикой — директоръ. Онъ безапелляціонно, лишь не переходя нѣкотораго закономъ установленнаго предѣла, налагаетъ на рабочаго денежный штрафъ. При окончаніи срока найма, т.-е. не рѣже двухъ разъ въ годъ, онъ можетъ на законномъ основаніи лишить рабочаго квартиры, можетъ закрыть ему кредитъ въ лавкѣ, запретить его сыну посѣщать школу, наконецъ, отказавъ ему отъ работы, заставить его искать новаго мѣста жительства».

Такое громадное значеніе директора вызываетъ у автора своеобразное размышленіе. Для всякой дѣятельности, говоритъ онъ, напр., чтобы открыть школу, поступить въ чиновники и т. п., нужно имѣть извѣстный цензъ, удовлетворять тѣмъ или инымъ формальнымъ требованіямъ. Но «какія же требованія надо исполнить, чтобы сдѣлаться директоромъ фабрики? Да ровно никакихъ! Простого оффиціальнаго письма хозяина фабрики фабричному инспектору о томъ, что такой-то назначается завѣдующимъ фабрикой, вполнѣ достаточно, чтобы любое лицо сдѣлать директоромъ или, другими словами, сдѣлать фактически полновластнымъ распорядителемъ судьбы нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Не только объ его образованіи, но даже объ его грамотности никто не спроситъ. Странно!»—замѣчаетъ авторъ и спрашиваетъ, — «неправда ли странно, читатель?»—и заканчиваетъ свое размышленіе о значеніи директора предложеніемъ: «Хорошо бы устроить хотя бы такъ: для болѣе значительныхъ заведеній требовать отъ директора окончанія курса въ высшемъ заведеніи, для мелкихъ —

въ среднемъ, для иностранцевъ—курсъ заграничнаго политехникума съ обязательнымъ знаніемъ русскаго языка».

Предложеніе это, конечно, вполнѣ раціонально, такъ какъ образованіе все же служитъ нѣкоторой гарантіей порядочности, а для значительной части нашихъ фабрикъ оно послужило бы толчкомъ къ усовершенствованію производства. Рутина и отсталость, о которой неоднократно говоритъ въ дальнѣйшихъ очеркахъ авторъ, въ огромной степени зависятъ у насъ отъ грубаго невѣжества заправилъ, облеченныхъ по существу большими полномочіями. Но образованность директора ни мало не рѣшаетъ поставленнаго авторомъ другого, болѣе существеннаго, вопроса о безграничной почти власти, какою обладаетъ такое полномочное лицо. Правда, правительство, въ лицѣ фабричнаго инспектора, контролируетъ значительную часть его дѣятельности, но и самый строгій контроль не можетъ охватить тысячи мелочей, неуловимыхъ и не поддающихся учету, гдѣ директоръ все же остается единымъ вершителемъ судебъ фабричнаго населенія. Таковы ужъ условія самого производства, и поставленный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только съ общимъ подъемомъ культуры, что неминуемо должно отразиться и на взаимоотношеніяхъ администраціи фабрики и ея населенія.

На значеніи культуры и просвѣщенія останавливается и авторъ, посвятивъ два интереснѣйшихъ очерка школѣ, чтенію и развлеченіямъ для фабричнаго люда. Эти очерки производятъ дѣйствительно отрадное впечатлѣніе, указывая съ особой наглядностью на ростъ культуры около такихъ крупныхъ мануфактуръ, какъ описываемая. Правда, все это, такъ сказать, побочныя явленія, не входящія въ задачу фабрики, и возникаютъ они помимо главной администраціи, если только послѣдняя имъ не препятствуетъ. На данной мануфактурѣ всѣ эти культурныя начинанія ведетъ «хозяйка», и то, что ею уже сдѣлано, оказывается весьма существеннымъ. Двѣ превосходныя школы, съ семью учительницами на 300 учениковъ, прекрасно обставленныя—это не всегда можно найти и въ уѣздномъ городкѣ. Библіотека съ нѣсколькими тысячами книгъ и хорошо поставленныя чтенія дополняютъ просвѣтительный багажъ фабрики. Конечно, всего этого оказывается мало, контингентъ учениковъ могъ бы быть вдвое больше, и авторъ приводитъ свой расчетъ, который онъ дѣлаетъ хозяйкѣ, чтобы убѣдить ее «уширить» просвѣтительное производство. Онъ фантазируетъ о двуклассныхъ училищахъ съ дополнительнымъ профессіональнымъ курсомъ для взрослыхъ, о введеніи такой системы рабочихъ часовъ, при которой дѣти рабочаго возраста работали не болѣе 6 часовъ съ большимъ промежуткомъ, и т. п. Хозяйка отклоняетъ его проекты, предлагая ему обратиться къ директору, который и то ворчитъ на «ея баловство».

Что эти проекты, однако, ничего фантастическаго въ себѣ не заключаютъ, показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ фабрикъ, владѣльцы которыхъ дальновиднѣе директора описываемой мануфактуры. Недавно намъ попалось въ «Сѣверномъ Краѣ» сообщеніе о фабрикѣ Красильщикова съ сыновьями въ с. Родникахъ Костромской губ. Фабриканты здѣсь пришли къ убѣжденію, что выгоднѣе имѣть болѣе развитого рабочаго, чѣмъ неграмотнаго крестьянина, идущаго на фабрику только потому, что дѣваться некуда. Въ эту сторону они и направили усилія и достигли того, что ихъ фабрика признается самою интеллигентною въ губерніи. Кромѣ трехъ училищъ, имѣющихся на фабрикѣ, владѣльцы ея поддерживаютъ 14 сосѣднихъ сельскихъ школъ, и за послѣднее время на фабрику перестали принимать неграмотныхъ. Кромѣ того, устроены для взрослыхъ воскресные классы черченія и рисованія, есть безплатная библіотека съ 1.125 подписчиками. Фабрикою возбуждено ходатайство объ устройствѣ народной читальни и объ учрежденіи ремесленной школы.

Эти факты, далеко не единичные, указываютъ на то, какъ далеко идутъ

запросы жизни, и чѣмъ лучше поставлена фабрика, тѣмъ выше и ея культурное вліяніе. Обоюдная выгода требуетъ этого. Фабрика требуетъ развитого рабочаго, иначе не можетъ стоять на высотѣ производства, къ чему ее побуждаетъ конкуренція. Населеніе фабрики въ свою очередь стремится къ развитію, видя въ немъ единственный выходъ изъ своего убожества, и матеріальнаго, и умственнаго.

Кромѣ школы, которую проходятъ если не всѣ, то значительное большинство фабричныхъ дѣтей, библіотеки и публичныя чтенія служатъ для многихъ путемъ къ самостоятельному развитію, къ тому, что принято называть теперь моднымъ словомъ «самообразованіе». Чтеніе въ особенности увлекаетъ тѣхъ, кто, пройдя курсъ школы съ успѣхомъ, заинтересовался наукой. Авторъ приходитъ, на основаніи многочисленныхъ личныхъ наблюденій, къ глубоко поучительному выводу о развитіи чтенія среди фабричнаго населенія. Для него это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію.

«Да, — говоритъ онъ, — любовь къ чтенію, скажу даже: увлеченіе чтеніемъ — больше и больше проникаетъ въ фабричную среду; несомнѣнно, что фабричная масса, по крайней мѣрѣ въ мужской ея части, въ настоящее время выдѣляетъ значительный слой — слой интеллигенціи, именно настоящей интеллигенціи, которой не было среди рабочаго люда двадцать, двадцать пять лѣтъ назадъ. И тогда было, конечно, не мало отдѣльныхъ умныхъ, развитыхъ и читающихъ рабочихъ; но это были разрозненныя единицы, выдвинутыя изъ толпы случаемъ и способностями. Теперь же между рабочими чувствуется извѣстный интеллигентный слой, въ который попадаютъ люди и умные, и среднихъ способностей, и даже глупые, попадаютъ рабочіе разныхъ наклонностей, темпераментовъ, взглядовъ. Но всѣ они получили нѣкоторое начальное образованіе, всѣ усвоили вкусъ къ чтенію и стремленіе мыслить. При той упорной привычкѣ къ труду, которая воспитана въ нихъ поколѣніями, эти люди при всей элементарности ихъ школьной подготовки, пристрастившись къ чтенію, достигаютъ подчасъ удивительныхъ результатовъ. Не удовлетворенные беллетристикой, они набрасываются на книги историческаго, экономическаго, философскаго содержанія. Многимъ изъ нихъ хорошо извѣстны, и не только по именамъ, и Дарвинъ, и Тиндаль, и Байронъ, и Милль, и Гладстонъ, и Бисмаркъ, и десятки другихъ великихъ европейскихъ именъ, не говоря уже о всѣхъ крупныхъ русскихъ писателяхъ и дѣятеляхъ. Вѣря въ науку и понимая, какую великую службу можетъ сослужить знаніе, они въ буквальномъ смыслѣ слова жаждутъ просвѣщенія и по серьезности отношенія къ жизни, къ своимъ обязанностямъ и къ печатному слову, конечно, не должны быть поставлена ниже нашей, такъ сказать, привилегированной интеллигенціи. Но этотъ слой образованныхъ людей, для которыхъ чтеніе стало насущнѣйшей потребностью, среди рабочихъ, какъ и среди другихъ классовъ общества, численно составляетъ покуда еще небольшое меньшинство и оказывается, конечно, по количеству слабѣе въ тѣхъ отрасляхъ труда, въ которыхъ заработокъ ниже. На механическихъ заводахъ вы найдете среди рабочихъ значительно больше людей образованныхъ, чѣмъ между прядильщиками; прядильщики развитѣе ткачей; чернорабочихъ вы не поставите на одну доску съ ткачами, а кожевники или кирпичники стоятъ въ смыслѣ умственныхъ запросовъ еще почти на той же ступени, на которой стояли тридцать лѣтъ назадъ».

Далѣе авторъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что все таки масса фабричнаго населенія стоитъ еще въ сторонѣ отъ просвѣщенія, понимаемаго въ высшемъ смыслѣ, и книга ей чужда, а если и интересуетъ ее подчасъ, то лишь какъ предметъ для развлеченія. Но и въ послѣднемъ смыслѣ книга не имѣетъ и не можетъ имѣть особаго значенія, такъ какъ недоступна по цѣнѣ, да и доставать ее трудно. «Насколько доступна рабочему книга?—спрашиваетъ ав-

торъ.—Какъ и откуда, какими путями можетъ получить книжку фабричный рабочій? Можно съ увѣренностью сказать, что въ четырехъ случаяхъ изъ пяти—исключительно изъ фабричной библіотеки или читальни. Заурядный рабочій, живущій на фабрикѣ, удаленной отъ города, поставленъ въ этомъ отношеніи въ полную и непосредственную зависимость отъ доброй воли фабричнаго начальства. Ни частныхъ библіотекъ, ни читаленъ, ни книжныхъ лавокъ около такой фабрики нѣтъ. Торговцы-офени, правда, частенько заглядываютъ на сосѣднее село, и въ ихъ повозкѣ вы всегда увидите сотню-другую книгъ и книжонокъ; но, не говоря уже о томъ, что это за изданія, покупать книгу, стоющую хотя бы гривенникъ, для рабочаго еще дорого. Покупаютъ книги во сколько-нибудь значительномъ количествѣ только тѣ наиболѣе развитые рабочіе, для которыхъ чтеніе стало уже потребностью; заурядный же рабочій долго подумаетъ прежде, чѣмъ отдастъ за книжку серебряную монету. Иначе вѣдь и быть не можетъ. Многіе ли изъ насъ, изъ лицъ высшихъ сословій, покупаютъ книги, кромѣ тѣхъ необходимыхъ изданій, учебныхъ, научныхъ и справочныхъ, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись по своей профессіи? Одинъ изъ 20-ти, и того меньше! То же самое мы видимъ и въ рабочей средѣ».

Всѣ эти замѣчанія автора вполнѣ справедливы, и тѣмъ больше удивляешься, видя эти завоеванія, которыя книга, несмотря ни на что, дѣлаетъ въ средѣ фабричнаго населенія. Надо принять въ расчетъ, кромѣ всего, и недостатокъ времени, и тѣсноту помѣщенія, гдѣ живутъ заурядные рабочіе. Читальни открыты лишь въ опредѣленные часы, которые не для всѣхъ совпадаютъ съ ихъ свободными часами, и большинству все же приходится читать у себя дома, въ общихъ казармахъ, гдѣ нѣтъ ни особыхъ столовъ, ни табуретовъ, и чтецы располагаются на нарахъ или въ семейныхъ углахъ—на кроватяхъ.

Большимъ подспорьемъ, на ряду съ книгой, служатъ въ дѣлѣ развитія—общія развлеченія, которыя на многихъ фабрикахъ составляютъ предметъ особыхъ заботъ. Въ упомянутой уже фабрикѣ Красильщикова устроена сцена съ декораціями, гдѣ зимою играетъ труппа мѣстнаго художественнаго кружка, подкрѣпляемая любителями изъ рабочихъ. Собирается до 1.200 зрителей каждый разъ, несмотря на плату (отъ 10 к. до 3 р. за мѣсто). Въ описываемой г. Павловымъ фабрикѣ дѣло это то же было поставлено довольно широко. Была устроена чайная съ буфетомъ въ особомъ свѣтломъ зданіи, съ обширной сценой для спектаклей и публичныхъ чтеній съ туманными картинами.

Какъ серьезно смотрятъ сами рабочіе на такія развлеченія, какъ театръ, показываетъ подслушанный авторомъ разговоръ. Рабочіе, одобряя устройство самого дома для развлеченія, отнеслись скептически къ дѣятелямъ, которые взялись за это дѣло «такъ себѣ, отъ бездѣлья». Для нихъ театръ есть дѣло, и они желали бы, чтобы за него брались настоящіе актеры, а не мелкіе служащіе и разные знакомые хозяевъ—барышни и кавалеры. Тѣмъ не менѣе, народъ переполнялъ представленія: желающихъ получить билетъ было вчетверо больше числа мѣстъ, и каждая пьеса выдерживала три-четыре представленія. «На Рождествѣ всѣ мы, любители, положительно выбились изъ силъ... Стали раздаваться голоса за привлеченіе къ театру новыхъ силъ: самихъ рабочихъ, наемныхъ актеровъ, а кто-то высказался за приглашеніе антрепренера, которому фабрика могла дать субсидію и, опредѣливъ наивысшія цѣны, оставила бы за собой контроль надъ репертуаромъ. И почемъ знать, не былъ ли бы такой выходъ изъ нашихъ затрудненій самымъ простымъ, раціональнымъ и прочнымъ рѣшеніемъ вопроса? Почему фабричный поселокъ, имѣющій семь-восемь тысячъ жителей и превышающій по числу населенія огромное число нашихъ городовъ, долженъ довольствоваться любительскими силами, а не можетъ имѣть постояннаго субсидируемаго театра».

Изъ этихъ безпристрастныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, какія возможности для развитія культуры скрыты въ этомъ «колоссальномъ организмѣ», именуемомъ фабрикой. Авторъ, однако, отнюдь не оптимистъ и вовсе не скрываетъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ, вездѣ подчеркивая и скученность населенія, и антисанитарныя условія домашней жизни, и притупляющія условія самой работы, обезличивающіе человѣка, превращаемаго въ часть машины, который «по гудку встаетъ, по гудку чай пьетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ, да почти по гудку и спать ложится». И нерѣдко у него вырываются вздохи сожалѣнія о прежнемъ времени, когда рабочій людъ еще не зналъ ни гудка, ни казармы. «Мнѣ положительно кажется,—заключаетъ онъ,—что при всей строгости и суровости деревенской жизни, при всемъ ея однообразіи, тамъ молодежь чаще и больше смѣется, чѣмъ фабричные парни. На фабрикѣ, быть можетъ, живутъ богаче, чѣмъ въ деревнѣ, пожалуй здѣсь больше разгула, но больше и неудовлетворенности». И это правда, но уже одна возможность болѣе широкой культуры, вносимой фабрикой почти стихійно, заставляетъ мириться съ ея современными несовершенствовами. Послѣднія вовсе не такъ уже обязательны или органически присущи фабрикѣ, чтобы изъ-за нихъ не видѣть и того хорошаго, что уже теперь она даетъ. Не забудемъ, что жизнь современной фабрики насчитываетъ какія-нибудь два-три десятилѣтія, а это періодъ слишкомъ ничтожный, чтобы составить о ней то или иное окончательное рѣшеніе.

А. Б.

БОДЛЕРЪ И ЕГО РУССКІЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ.

П. Я. Стихотворенія, т. II, (1898—1901 г.) Спб. 1901.

Почти двѣ трети новаго тома стихотвореній П. Я. посвящены переводамъ изъ Бодлера. Такимъ образомъ, талантливый авторъ, давъ на этотъ разъ немного оригинальныхъ произведеній, выступилъ въ менѣе благодарной, но, пожалуй, болѣе отвѣтственной роли переводчика. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ уже были напечатаны авторомъ раньше (семь пьесъ вошли въ третье изданіе перваго тома, вышедшаго теперь четвертымъ изданіемъ, но съ инымъ распредѣленіемъ матеріала—въ хронологическомъ порядкѣ), съ оговоркой о значеніи поэзіи Бодлера и ссылкой на статью о немъ, которая теперь помѣщена въ видѣ приложенія къ болѣе полному собранію переводовъ. Авторъ какъ бы оправдывается въ своемъ выборѣ; онъ замѣчаетъ въ концѣ своего этюда о жизни и поэзіи Бодлера: «Я узналъ и полюбилъ Бодлера, еще будучи юношей, лѣтъ двадцать слишкомъ назадъ, когда и само слово «декадентство» было у насъ неизвѣстно,—и нужно ли говорить о томъ, какія именно черты его поэзіи подкупили меня. Скажу одно только: рѣдко какое-либо произведеніе оставляло во мнѣ такое безусловно чистое впечатлѣніе, какъ «Fleurs du Mal»! Юношескія впечатлѣнія г. П. Я. насъ не удивляютъ; они легко объяснимы, ибо— dem Reinen alles ist rein! Но вотъ оказывается, что позже симпатіи автора къ французскому поэту не разъ подвергались тяжелымъ испытаніямъ, потому что въ Бодлерѣ признали «отца современнаго декаденства», и если теперь г. П. Я. все-таки рѣшается издать свои переводы, то потому лишь, что, по его мнѣнію, «надъ русской литературой занимается заря новой жизни», и онъ, «не боясь болѣе сыграть на руку антипатичному литературному теченію, съ спокойной совѣстью предлагаетъ читателю свой трудъ,—вполнѣ увѣренный,

что при всѣхъ своихъ недостаткахъ (Бодлеръ) способенъ будить одни добрыя и свѣтлыя чувства».

Намъ не совсѣмъ ясно, какая «заря новой жизни» русской литературы виднѣется автору, — но дай Богъ, если такъ, — спорить не станемъ, ибо всякой новой зарѣ можно только радоваться. Займемся лучше самимъ Бодлеромъ въ переводѣ г. П. Я. и предложенной переводчикомъ оцѣнкой французскаго поэта, съ которымъ, очевидно, онъ близко сроднился, облюбовавъ съ ранняго возраста, двадцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ. Но прежде всего сдѣлаемъ оговорку: Бодлеръ въ высшей степени трудный авторъ и переводчику, несомнѣнно, удалось справиться весьма удовлетворительно со многими трудностями текста. И тѣмъ не менѣе французскій поэтъ является въ весьма субъективной передачѣ и столь же субъективно общее впечатлѣніе, которое переводчикъ-поэтъ сохранилъ къ своему любимцу съ юныхъ лѣтъ. Какъ онъ ни выставляетъ на видъ свое безпристрастіе, въ «добросовѣстномъ перечисленіи всѣхъ главныхъ недостатковъ бодлеровской поэзіи» (въ послѣсловіи), оцѣнивая поэта, главнымъ образомъ какъ «выразителя духа своего времени», тѣмъ не менѣе кое-какія основныя черты міровоззрѣнія Бодлера сильно стушеваны, и негодованіе автора на современныхъ послѣдователей или продолжателей его поэзіи заставляетъ его нѣсколько закрывать глаза на такія характерныя свойства произведеній Бодлера, которыя способны вызвать далеко не «одни свѣтлыя чувства». Не съ точки зрѣнія узкаго морализма, конечно, надлежитъ судить о поэтѣ, но нужно имѣть мужество смотрѣть правдѣ въ глаза, не набрасывая пелены на то, чего не хочешь видѣть, и не приписывая автору исключительныя свойства своего настроенія.

Бодлеръ еще при жизни названъ былъ поэтомъ «упадка», и каковъ бы ни былъ его талантъ, яркій и независимый, онъ, конечно, во многомъ заслужилъ это названіе. Теперь, когда болѣе полувѣка отдѣляетъ насъ отъ того времени, когда впервые распустились «цвѣты зла», когда, дѣйствительно, подражатели и продолжатели одного изъ первыхъ «декадентовъ» прошлаго вѣка, пріучили насъ къ несравненно большимъ откровенностямъ, на ряду съ усиленнымъ вычуромъ и манерностью, которыхъ, и по признанію г. П. Я., не чуждъ былъ и Бодлеръ,— мы гораздо спокойнѣе можемъ отнестись къ оцѣнкѣ его поэзіи, утратившей новизну запретнаго плода. Несомнѣнно также, что, при всѣхъ своихъ особенностяхъ поэта-декадента, Бодлеръ обладалъ и значительнымъ «спиритуализмомъ» и порываніями къ идеалу,—«правда, смутному, неясному,—по замѣчанію г. П. Я.,—не облеченному ни въ какія реальныя формулы, но все же немолчно напоминающему человѣку объ его возвышенномъ призваніи». Но такимъ идеализмомъ надѣлены и многіе позднѣйшіе поэты, которые въ томъ или другомъ отношеніи могутъ быть причислены къ школѣ Бодлера. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что будучи въ высшей степени «личнымъ» поэтомъ, Бодлеръ, однако, не выдвигалъ индивидуализмъ до слишкомъ назойливаго «выпячиванія своего —я», а, напротивъ, какъ-бы стыдился придавать своимъ образамъ слишкомъ субъективной характеръ, обобщая свои впечатлѣнія, стараясь по возможности придавать даже конкретнымъ образамъ значеніе общихъ типовъ *). Но онъ очень индивидуаленъ въ своемъ стилѣ; очень категориченъ въ своемъ міросозерцаніи; очень искрененъ въ своемъ пессимизмѣ, и какіе бы ему ни мерещились отвлеченные идеалы, онъ глубоко убѣжденъ въ порочныхъ свойствахъ человѣческой природы и былъ дѣйствительно «пѣвцомъ зла и порока»—не по сочувствію къ нимъ, а потому, что считалъ ихъ неизбѣжными въ жизни, ея неотъемлемымъ элементомъ. Возражая автору статьи о Бодлерѣ въ словарѣ Брок-

---

*) Это въ особенности сказалось по отношенію къ женскимъ образамъ, на что справедливо указано Теофилемъ Готье въ его этюдѣ о Бодлерѣ.

гауза и Ефрона, г. П. Я. не согласенъ съ такимъ эпитетомъ, указывая, что нельзя назвать, напримѣръ, Ювенала «пѣвцомъ растлѣнной римской имперіи», или Некрасова «пѣвцомъ крѣпостного права», потому что они выступали обличителями того и другого явленія. Но оба названные поэта, въ особенности же Некрасовъ, считали ихъ явленіями преходящими, а для Бодлера—корень зла заключался въ человѣческой природѣ, неизмѣнной и неисправимой, несмотря на всѣ порыванія къ идеалу. Онъ ощущалъ въ самомъ себѣ эти пороки; онъ могъ ихъ осуждать, но не считалъ возможнымъ передѣлать ни себя, ни другихъ. Наконецъ, самое главное, что составляетъ оригинальность поэзіи Бодлера, это его умѣніе выразить, въ чемъ заключается обаяніе порока, въ субъективномъ настроеніи человѣка, который ему подчинился. Напримѣръ, пьянство, по общему признанію, есть порокъ, но что испытываетъ пьяница, какія ощущенія вызываетъ наркозъ и почему, даже признавая предосудительность этого патологическаго состоянія, онъ не можетъ отъ него отказаться? Отвѣтомъ на такіе вопросы является серія стихотвореній Бодлера, какъ бы рядъ экспериментовъ надъ душой пьяницы и свойствами хмѣля: «L'âme du vin», «Le vin des chiffoniers», «Le vin de l'assassin», «Le vin du solitaire», «Le vin des amants». Въ нихъ именно выражены различныя ощущенія людей, преданныхъ вину, и то, что привязываетъ ихъ къ данному пороку. Задача смѣлая и выполненная съ большимъ мастерствомъ художникомъ, къ которому, однако, могъ бы быть примѣненъ, и съ большимъ правомъ, эпитетъ «жестокій талантъ», который съ меньшимъ основаніемъ данъ былъ Н. К. Михайловскимъ Достоевскому. Конечно, съ точки зрѣнія морали легче осуждать то или другое неблаговидное свойство натуры или порочныя наклонности, чѣмъ проникать въ ихъ сущность. Бодлеръ обладалъ этимъ даромъ проникновенія, но въ то же время онъ вѣрилъ въ устойчивость зла, отсюда—его консерватизмъ и даже политическое ретроградство. Въ смыслѣ же позднѣйшаго декадентства — Бодлеръ представляется «отсталымъ» лишь въ томъ, что все же не отрицалъ различенія добра и зла и не переступалъ границъ, какъ тѣ изъ его послѣдователей, которые увѣровали въ новую мораль ницшеанства. И все-таки—сколько разъ онъ останавливается въ нерѣшительности въ указаніи этихъ границъ; какъ поспѣшно заявляетъ себя поклонникомъ лжи (CXXII, «L'amour du mensonge», не переведено), такъ какъ истина ему не даетъ утѣшенія; съ какою жалостью смотритъ онъ на слѣпыхъ, ищущихъ чего-то наверху—mais, *plus qu'eux hebeté,*— Jedis: Que cherchent-ils au Ciel, tous ces aveugles?—Ему даже непонятно къ чему стремиться?—«Вверху же—мракъ, печальный мракъ молчанія»... Его преобладающіе мотивы—сладострастіе и пресыщеніе, исканіе сильной встряски нервамъ, какими бы то ни было способами, смакованіе одуряющихъ запаховъ,—въ переносномъ и прямомъ смыслѣ, и затѣмъ культъ красоты, но обособленной, самодовлѣющей красоты, не имѣющей ничего общаго ни съ благомъ, ни съ истиной.—«Дочь небесъ иль порожденья ада», ея взглядъ одновременно—«божественный и адскій»; она способна вызвать безразлично—«добро или преступленье», но поэту все равно откуда-бы она ни происходила, отъ Бога или отъ дьявола, лишь бы міръ не представлялся столь безобразнымъ и часы столь томительными отъ скуки. Конечно, у Бодлера могли черпать и весьма нечистыя и нездоровыя ощущенія, и достаточно припомнить хотя бы впечатлѣнія его поэзіи, которыя резюмировалъ его «поклонникъ» Оскаръ Уайльдъ. Въ своемъ діалогѣ о задачахъ критики онъ указываетъ на сборникъ стихотвореній Бодлера, какъ на книгу, гдѣ нашло себѣ выраженье время,—«со всѣмъ его грѣхомъ и усталостью, книгу, которая дастъ намъ въ какой-нибудь часъ прожить больше, чѣмъ жизнь дастъ прожить въ двадцать своихъ жалкихъ лѣтъ». Авторъ, ссылаясь на «Цвѣты зла», цитируетъ на первомъ мѣстѣ «печальный мадригалъ»:

Que m'importe que tu sois sage?
Sois belle! et sois triste!

и продолжаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ *):

«Перейдемъ къ поэмѣ человѣка, который истязаетъ себя; пусть ея тонкая музыка проникнетъ тебѣ въ душу и окраситъ твои мысли, и ты на минуту станешь тѣмъ же, чѣмъ былъ написавшій ее; нѣтъ, не на одну только минуту, а на много пустыхъ, озаренныхъ луною ночей и безлюдныхъ, безсолнечныхъ дней поселится отчаяніе тебѣ чужое, и чужая мука будетъ глодать твое сердце. Прочти всю книгу, дай ей сказать твоей душѣ хоть одну изъ своихъ тайнъ, и душа твоя жадно захочетъ узнать другія, будетъ питаться ядовитымъ медомъ и стремиться къ раскаянію въ странныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ невинна, и къ искупленію странныхъ наслажденій, которыхъ никогда не знала. А потомъ, когда устанешь отъ этихъ цвѣтовъ зла»... Врядъ ли эту «усталость» и эти странныя ощущенія въ «безлюдные и безсолнечные дни», питаніе «ядовитымъ медомъ» и т. п.—врядъ ли всѣ эти чувства, вызванныя чтеніемъ Бодлера, можно назвать «безусловно-чистымъ впечатлѣніемъ».

Очевидно, впечатлѣнія разныя бываютъ, но не зависитъ ли эта разница также отъ того, какъ мы подходимъ къ пониманію поэта, въ какой мѣрѣ его переиначиваемъ въ собственномъ настроеніи? Г. П Я. далъ намъ до нѣкоторой степени ключъ къ объясненію своего отношенія къ Бодлеру, именно—въ своихъ переводахъ. Возмемъ, напр., только что упомянутый «печальный мадригалъ», весьма типичный, характерный образецъ музы Бодлера, выраженіе пресыщенной любви, которая жаждетъ новыхъ, болѣе сильныхъ возбужденій, и съ жестокимъ сладострастьемъ упивается видомъ грусти. Довольство, радость —вульгарны; они не оказываютъ впечатлѣнія на усталую душу; ей нуженъ «печальный» образъ, который дразнилъ бы притупившіеся нервы; и совсѣмъ не надо добродѣтели, а напротивъ—пусть печаль свидѣтельствуетъ, что сердце красавицы искусилось во всѣхъ изгибахъ порока; но только тогда, когда, пресытившись, она дойдетъ до «непреодолимаго отвращенія»—поэтъ признаетъ ее себѣ равной. Таковъ общій смыслъ «печальнаго мадригала». Теперь посмотримъ, какъ «смягчаетъ» его переводчикъ, придавая пьесѣ иной смыслъ. Уже первый — рельефный, характерный стихъ: «Очень мнѣ нужно, чтобы ты была добродѣтельна?—Будь прекрасна и будь печальна»—переиначенъ переводчикомъ: «Пусть твой умъ остротой не блистаетъ, Будь мила! Будь печальна». Получается смыслъ, что поэтъ готовъ полюбить и простушку, лишь бы она была «мила» и «печальна»... Такого сентиментализма Бодлеръ совершенно чуждъ, да и «être sage»—отнюдь не значитъ быть остроумнымъ, а именно «благонравнымъ», «добродѣтельнымъ», «нравственнымъ», соблюдать предписанія благоразумія **). Во второй строфѣ поэтъ выражаетъ желаніе, чтобы на лицѣ красавицы выразился весь ужасъ ея прошлаго: «Quand sur ton présent se déploie Le nuage affreux du passé». Это—«отвратительное облако прошлаго» переводчикъ замѣняетъ «памятью *горя былаго* и зла». Но «горе» можетъ разжалобить, а поэтъ вызываетъ память именно объ «отвратительномъ» прошломъ, которое дѣйствовало бы, какъ острая приправа въ кушаньѣ. Онъ жаждетъ услышать, чтобы, «несмотря на то, что рука его ее ласкаетъ», ея отчаяніе вылилось, какъ хрипъ человѣка въ агоніи:

Quand malgré ma main qui te berce,
Ton angoisse, trop lourde, perce,
Comme un râle d'agonisant.

---

*) Цитуемъ по русскому переводу О. М. Соловьевой.

**) Первоначальное значеніе Sage—мудрый, устойчивое лишь въ формѣ существительнаго (le sage— мудрецъ), вытѣснено въ живомъ языкѣ другимъ значеніемъ, которое именно присуще прилагательному: sage qui a une conduite reglée (см. словарь Darmesteter & Hatzfeld, подъ редакціей A. Thomas).

Въ переводѣ эти стихи совершенно переиначены и получается образъ какого-то сентиментально-сострадательнаго поэта, который силится, но тщетно, «убаюкать» чужое горе:

И, *какъ няня* (?), пытаюсь напрасно
Убаюкать порывъ твой ужасный,
Надъ которымъ не властна любовь.

Это, можетъ быть, очень мило, но это совсѣмъ не Бодлэра. И далѣе, все въ томъ же родѣ: «l'orgueil des damnés»: безумная, дьявольская гордость: обращается въ «каплю гордости той, что порою-Осужденные носятъ въ себѣ»;—«l'etreinte de l'irresistible Dégout»—объятья непреодолимаго отвращенія (какъ результатъ пресыщенія)»—передано описательно: «походить на изгнанниковъ рая, чья гордыня не знаетъ оковъ!»; «Esclave-reine» — т.-е. царица-рабыня, которая, хотя сама царица, но не вполнѣ освободилась отъ подчиненія мнѣ и слишкомъ смотритъ на меня съ трепетомъ,—передано: «нѣжная дѣва»; «l'âme de cris pleine» — душа, вся въ смятеніи (отъ того, что опустилась до дна порока), передано просто—«горделиво», и т. п.; въ общемъ получилось, быть можетъ, недурное самостоятельное стихотвореніе на заимствованную тему, но и тема и подробности не отвѣчаютъ смыслу оригинала. Возьмемъ другое стихотвореніе, гдѣ тотъ же образъ «печальной красавицы» носится передъ поэтомъ, дразня его желанія, которымъ онъ не находитъ удовлетворенія съ тою, съ которой его свелъ простой случай (XXXIII, «une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive): переводчикъ просто-таки пропустилъ это стремленіе поэта— «à la triste beauté dont mon désir se prive» (къ печальной красотѣ, которой мое желанье лишено), и отъ имени поэта представляетъ себѣ находящуюся съ нимъ «порока продажную дочь... въ величьи природномъ,—съ печатью ума на челѣ благородномъ—Подъ шлемомъ душистымъ тяжелыхъ волосъ»,—прибавляя уже вполнѣ отъ себя: «со взоромъ, сіяющимъ граціей нѣжной — И зорями дремлющихъ грозъ...» Вмѣсто этого у Бодлэра просто сказано, что воспоминанія о «печальной красавицѣ», которая владѣла его сердцемъ (это относится, очевидно, къ другой женщинѣ, а не къ еврейкѣ), одни эти воспоминанія оживляютъ его страсти (dont le souvenir pour l'amour me ravive); и если бы лежащая передъ нимъ женщина могла невольною слезой «затемнить блескъ своихъ холодныхъ зрачковъ», то онъ и ее покрылъ бы ласками. Въ переводѣ смыслъ совсѣмъ иной: тутъ и пожеланія объ «отзывномъ сердцѣ», и сокрушенія по поводу безсердечія еврейки, «прекрасной, какъ мертвый изваянный мраморъ» (сравненіе переводчика) и, наконецъ, заключительный возгласъ:

Но ты, о царица толпы безсердечной,
Такъ плакала-ль въ жизни хоть разъ?..

Мы охотно вѣримъ г-ну П. Я., что поэзія Бодлера будила въ немъ лишь «добрыя, свѣтлыя чувства», но какъ будто въ этомъ повиненъ не самъ Бодлэръ... Какъ на образчикъ произвольнаго переложенія оригинала, укажемъ еще на слѣдующее мѣсто въ стихотвореніи «Мученица», — одномъ изъ наиболѣе ужасныхъ «цвѣтовъ зла» поэта, не останавливающагося передъ самыми отвратительными картинами преступленій на почвѣ разнузданной похоти. «Мученица»—именно жертва такой разнузданности; къ чести художественнаго чутья поэта, который все же владѣлъ пониманіемъ художественной мѣры, должно замѣтить, что преступленіе изображается лишь въ смутныхъ намекахъ, вопросахъ, окружено нѣкоторою загадочностью, и хотя суть его ясна, но описаніе останавливается на жертвѣ: убійца скрывается въ туманѣ предположеній недоговоренныхъ. На кровати лежитъ трупъ молодой женщины; кругомъ:

Безлюдье, тишина, еще живая кровь,
Нагого тѣла положенье—

Все, все наводитъ мысль на мрачную любовь,
На пиръ безумный преступленья,
Восторги адскіе, лобзаній дикихъ ядъ...
И мнится—съ роемъ мыслей черныхъ
Всѣ злые ангелы невидимо парятъ
Межъ складокъ занавѣсъ узорныхъ!
Но, Боже! этихъ плечъ сухой, изящный видъ
Ноги, по-дѣтски округленной,
И нѣжной таліи—вѣдь онъ сильнѣй претитъ,
Чѣмъ видъ гадюки раздраженной!
Вѣдь это лилія, расцвѣтшая съ зарей...

Въ третьей изъ приведенныхъ строфъ, въ русскомъ переводѣ—непонятнымъ представляется, почему «изящный видъ»—плечей, ноги и таліи можетъ «претить», да еще хуже, чѣмъ раздраженная гадюка? Оказывается, по провѣркѣ съ оригиналомъ, что тутъ простое недоразумѣніе со стороны переводчика: въ подлинникѣ сказано только, что убитая, повидимому, была еще очень молода; объ этомъ можно заключить «по изящной худобѣ ея плечъ, еще нѣсколько угловатыхъ, по слегка заостреннымъ бедрамъ, наконецъ—по упругой таліи, *словно* раздраженная гадюка (ainsi qu'un reptile irrité)». Обычное сравненіе или эпитетъ—«змѣиной» таліи—переданъ Бодлеромъ въ нѣсколько своеобразномъ оборотѣ, искупающемъ его банальность: вотъ и все. Охотно признаемъ, что въ данномъ случаѣ неточность перевода—случайный промахъ, на которомъ мы отнюдь не желали бы настаивать. Такія погрѣшности со всѣми случаются. Но въ вышеуказанныхъ отступленіяхъ усматривается нѣчто большее, чѣмъ случайное недоразумѣніе по поводу того или другого неяснаго выраженія въ оригиналѣ: въ нихъ систематическое, хотя, вѣримъ, и непроизвольное переиначеніе французскаго поэта, который является передъ русскимъ читателемъ не такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Слишкомъ субъективный переводчикъ придалъ ему иную окраску, которая выражается, между прочимъ, и въ цѣломъ рядѣ вставокъ, — съ перваго взгляда незначительныхъ, едва замѣтныхъ, но, когда подведешь имъ итогъ, то рельефно выступаетъ разница дѣйствительнаго Бодлера съ тѣмъ, какимъ его усвоилъ г. П. Я., приписавъ ему несвойственныя черты. Эти вставки, въ родѣ слѣдующихъ фразъ, гдѣ говорится о прощеніи («прощенья свѣтъ неистовымъ врагамъ», стр. 67), о любви («прощаю и люблю», стр. 75), о свободѣ («Душа безсильно рвется, тоскуетъ и болитъ, и на свободу рвется», стр. 81; «несутъ они свободы и воскресенья вѣсть усталому народу», стр. 85)—все это весьма знакомые намъ мотивы собственной поэзіи г-на П. Я., но вѣдь они совсѣмъ не вяжутся съ поэзіей Бодлера. Нѣкоторыя отступленія отъ точной передачи подлинника, конечно, часто вызваны условіями стихотворной формы перевода: противъ такихъ отступленій—возраженія безсильны, ибо всѣ поэты-переводчики повинны въ нихъ. Мы возражаемъ лишь противъ *новой* и субъективной окраски, приданной переводчикомъ общему содержанію поэзіи Бодлера, а, соотвѣтственно, столь же произвольной оказывается и его оцѣнка французскаго поэта. И въ своемъ стремленіи «обѣлить» Бодлера онъ слишкомъ склоненъ «чернить» тѣхъ его поклонниковъ и послѣдователей, которые во всякомъ случаѣ стоятъ гораздо ближе къ пониманію дѣйствительнаго содержанія оригинальной, интересной, мѣстами дѣйствительно мастерской по формѣ поэзіи, но къ сожалѣнію—весьма часто далеко не возвышенной и очень двусмысленной по своему значенію. Извѣстное число стихотвореній Бодлера не поддается анализу по чисто цензурнымъ условіямъ; они, конечно, и не могли быть обнародованы въ русскомъ переводѣ. Но тонкая фразировка Бодлера, его сжатый и выразительный стиль, иногда въ одной какой нибудь фразѣ, въ одномъ словѣ—раскрывали ту подкладку, которой идеалистъ-переводчикъ не всегда замѣчалъ. Напримѣръ, вотъ начало одного

стихотворенія о служанкѣ: «La servante au grand coeur *dont vous étiez jalouse*»—говоритъ мужъ своей женѣ, приглашая ее пойти на могилу той, которая когда то возбуждала ея ревность, а теперь покоится мертвой подъ скромнымъ дерномъ. Почему авторъ счелъ долгомъ прежде всего напомнить о ревности? Было ли что нибудь, давшее поводъ женѣ ревновать служанку—и къ кому: къ мужу? къ ребенку? Все это не выяснено, не досказано Бодлеромъ и тѣмъ не менѣе именно упоминаніе о ревности придаетъ какой-то особый отпечатокъ *не* добраго поддразниванія мужа, который словно хочетъ напомнить женѣ, что—«хотя ваша соперница и умерла, но она продолжаетъ жить въ моемъ сердцѣ, и даже является ко мнѣ, какъ призракъ, который располагается въ моей комнатѣ, усаживается въ креслѣ въ моемъ кабинетѣ, и своими мертвыми глазами смотритъ на выросшаго ребенка: venant... couver l'enfant grandi de son oeil maternel»... Невольную дрожь вызываетъ этотъ будто бы «невинный» призывъ мужа снести цвѣтовъ на могилу бывшей служанки, и цѣлая семейная драма чуется въ разсказѣ о назойливыхъ галлюцинаціяхъ человѣка, который не можетъ оторваться отъ воспоминаній объ умершей, но не забытой «служанки съ великимъ сердцемъ», возбуждавшей ревность его жены... Этого трепета отнюдь не вызываетъ переводъ, въ которомъ сглажены фразы, дающія поводъ къ разнымъ догадкамъ «между строкъ». О ревности ни слова, и обращеніе, не къ женѣ, а къ покойной «нянѣ»:

Служанка скромная съ великою душой.
Безмолвно спящая подъ зеленью простой,
Давно цвѣтовъ тебѣ мы принести мечтали! и проч.

Получается простая, немножко сентиментальная картинка, какъ добрые родители вспоминаютъ добрую старую няню, воспитавшую ихъ дѣтей... Трогательно, но это не Бодлера.

Однако, мы были бы слишкомъ несправедливы и къ самому Бодлеру, и къ его русскому переводчику, если бы останавливались исключительно на тѣхъ свойствахъ его поэзіи, которыя придаютъ ей особый и не всегда здоровый смакъ и оригинальность, стушеванную переводчикомъ. Пора напомнить, что каковы бы ни были темы поэзіи Бодлера, онъ, конечно, является весьма несомнѣннымъ и крупнымъ художникомъ. Поборникъ чистаго искусства, онъ дорожилъ художественной правдой своихъ образовъ и въ новой, открытой имъ области (не вполнѣ новой, но нужно бы подняться къ XV вѣку, чтобы найти его настоящаго предшественника, и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ даровитѣйшихъ поэтовъ древней Франціи—«дитя богемы», безпутнаго, неудачливаго въ жизни, но высоко талантливаго, искренняго до боли душевной и подкупающаго своей правдивостью поэта, Франсуа Виллона) умѣлъ находить новыя формы выраженія, передающія съ чрезвычайной «красочностью» описываемыя чувства, картинки и настроенія. Относительно нѣкоторыхъ изъ его пьесъ Готье съ полнымъ правомъ оспаривалъ неточность выраженія «декадентство» въ примѣненіи къ нимъ, такъ какъ въ нихъ скорѣе усматривается полная *зрѣлость* искусства, достигшаго высшей формы индивидуальнаго выраженія. Но всякая *зрѣлость* непродолжительна и уже заключаетъ въ себѣ зачатки разложенія: Бодлеръ стоялъ на этой грани. Онъ умѣлъ, какъ настоящій художникъ, представить въ соотвѣтствующей формѣ, сильной и сжатой, правдивое положеніе, причемъ впечатлѣніе, получаемое отъ него, не всегда покрывалось умысломъ художника, а представляется шире и глубже; онъ, въ то же время, какъ это было указано, прибѣгалъ порой къ нѣкоторой манерности, къ вычуру, къ «пикантнымъ» словечкамъ, чтобы усилить впечатлѣніе кричащей нотой. И въ общемъ, однако, онъ выполнилъ завѣтъ, прекрасно выраженный г-номъ П. Я. въ посвященіи «поэту-символисту»: это четверостишіе могло бы быть поставлено переводчикомъ, какъ эпиграфъ ко всей поэзіи Бодлера:

Въ искусствѣ рифмъ—уловокъ тьма,
Но тайна тайнъ, повѣрь, не въ этомъ:
Отъ сердца пой—не отъ ума,
Безумцемъ будь, но будь поэтомъ!

И Бодлеръ, конечно, владѣлъ этою «тайной тайнъ», бывалъ, при этомъ и «безумцемъ», но въ то же время обладалъ и «уловками» въ искусствѣ риѳмъ, т.-е., просто говоря, обращалъ серьезное вниманіе на технику стиха. Переводчикъ не всегда счелъ нужнымъ съ этимъ считаться и допустилъ, напримѣръ, такія строфы, которыя весьма далеки отъ техническаго совершенства:

Какъ больной, безобразный ребенокъ, *котораго*
Сторонились чужіе, краснѣли свои,
И который, въ чуланѣ скрываясь, заброшенный
Долго жилъ безъ друзей и семьи,
Бѣдный ангелъ! Она, ваша нота крикливая,
Горько пѣла: «все—ложь на землѣ и обманъ» и т. д.

Не говоря уже о весьма тяжеловѣсныхъ въ стихѣ—«котораго» «и, который», совершенно неумѣстно распространеніе—«сторонились чужіе», «долго жилъ безъ друзей и семьи», когда дѣло сводится къ сравненію вырвавшагося стона,—или «кричащей нотки»,—изъ души молодой женщины,—съ «хилымъ, ужаснымъ, мрачнымъ, нечистымъ ребенкомъ», котораго семья всячески старалась скрыть, краснѣя за него; и въ душѣ молодой женщины всѣ эти жалобы на неустойчивость людскихъ отношеній, на эгоизмъ, который выступаетъ изъ-подъ «маски румянъ», на то, что—«тяжелое это ремесло быть красивой женщиной», и т. д.—все это, обыкновенно, тщательно скрывается, и вдругъ въ интимной бесѣдѣ вырвалось наружу.

Настоящее стихотвореніе («Признаніе»), вообще, не удалось переводчику, который съ несравненно большимъ успѣхомъ передалъ другія пьесы, какъ, напр., «Альбатросъ», «На высотѣ», «Лебедь», «Пирушка тряпичниковъ» (несмотря на вольную передачу), нѣкоторыя строфы въ «Маленькихъ старушкахъ» совсѣмъ хорошо — «Цыгане въ пути», «Одухотворенный разсвѣтъ» и многія другія. Авторъ, несомнѣнно, нашелъ въ себѣ откликъ многимъ образамъ поэзіи Бодлера и всего удачнѣе справился съ тѣми стихотвореніями, которыя даютъ картинки болѣе общаго характера. Если не всегда соблюдены оттѣнки стиля Бодлера, то все же мѣстами переводчику удавалось сохранить удивительную—для стихотворнаго перевода—близость подлиннику. Стихъ г. П. Я. не лишенъ гибкости и порою изящества. Можетъ быть, лучше было ограничить выборъ переводовъ: правда, Бодлеръ въ такомъ случаѣ представленъ былъ бы въ одностороннемъ освященіи, но эту «односторонность» не отстранилъ переводчикъ и предложивъ большее количество образцовъ, такъ какъ придалъ многимъ изъ переводовъ слишкомъ субъективную окраску. Относясь безпристрастнѣе къ своему любимцу, онъ, можетъ быть, справедливѣе оцѣнилъ бы и его преемниковъ; впрочемъ, какъ ни непріятно утрачивать иллюзіи, у Бодлера достаточно преимуществъ (не только чисто-художественныхъ), чтобы выдержать непосредственную оцѣнку его самого, а не того, какимъ онъ *кажется* тѣмъ или другимъ, обращающимся къ его произведеніямъ. Между прочимъ, г. П. Я. особенно горячо отстаиваетъ Бодлера отъ упрека въ цинизмѣ; хотя авторъ и исходитъ изъ совершенно невѣрнаго опредѣленія цинизма (стр. 269), но онъ правъ, что этого упрека Бодлеръ не заслуживаетъ: онъ былъ для этого слишкомъ *поэтомъ*, какимъ циникъ никогда не можетъ стать, поэтомъ, умѣвшимъ извлекать изъ самыхъ неприглядныхъ сторонъ жизни душевныя эмоціи, заставившимъ даже *зло* распуститься въ цвѣты. Бодлеръ не былъ и «а-моралистомъ», на это указываетъ само названіе его сборника—«Цвѣты зла», названіе, которое, по справедливому замѣчанію одного изъ его критиковъ, составляетъ само по себѣ почти геніальную

находку. Но заглавіемъ почти исчерпывается отрицательное отношеніе поэта къ воспѣтымъ имъ ситуаціямъ; между тѣмъ, за «цвѣтами» нельзя не видѣть ихъ стеблей и корней. Когда переводчикъ отъ имени поэта называетъ себя «мечтателемъ» (стр. 74), когда онъ впадаетъ въ сентиментальность, или говоритъ о «цвѣтахъ поэзіи нетлѣнной», повышая тонъ изложенія, сглаживая и смягчая стиль, наконецъ, даже видоизмѣняя образы, то нельзя не замѣтить, что это черезчуръ субъективная призма для перевода и оцѣнки французскаго поэта, который представленъ инымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. И если бы теперь, вновь пересмотрѣвъ произведенія Бодлера, переводчикъ захотѣлъ въ третій разъ провѣрить свои впечатлѣнія, уже подвергшіяся, по его признанію, нѣкоторымъ искусамъ, то весьма возможно, что онъ и къ любимому съ юныхъ лѣтъ поэту примѣнилъ бы стихъ, который мы заимствуемъ изъ одного изъ самыхъ теплыхъ, задушевныхъ, оригинальныхъ произведеній П. Я., помѣщеннаго въ настоящемъ, второмъ томѣ его стихотвореній:

«Я что-то потерялъ и не могу найти»!

Это общая судьба всѣхъ иллюзій...

Ѳ. Батюшковъ.

ОТВѢТЪ Г. БАТИНУ.

Въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Батинъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ «Сельскохозяйственная философія г. Рожкова». Статья эта посвящена критическому разбору основныхъ взглядовъ, высказанныхъ мною въ книгѣ «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ» и въ статьѣ по тому же вопросу, помѣщенной въ журналѣ «Міръ Божій» за 1900 годъ, № 12. Когда спеціалистъ критикуетъ ученую работу, имѣя въ виду спеціально-ученую публику, ему — за исключеніемъ особыхъ случаевъ — отвѣчать не принято, потому что спеціалисты, для которыхъ онъ по преимуществу пишетъ, обладаютъ всѣми необходимыми данными для того, чтобы, взвѣсивъ всѣ доводы обѣихъ сторонъ и опираясь на свои знанія, самостоятельно разобраться въ вопросѣ. Если бы г. Батинъ имѣлъ въ виду въ своей статьѣ лицъ, посвящающихъ себя спеціальнымъ занятіямъ русской исторіей, то я оставилъ бы его статью безъ отвѣта, но его статья разсчитана, очевидно, на большую публику, въ той или иной степени интересующуюся историческими и неразрывно съ ними связанными соціологическими вопросами, но не всегда способную самостоятельно отнестись къ высказываемымъ взглядамъ, именно по недостаку спеціальныхъ знаній. Это обстоятельство и обязываетъ меня отвѣтить г. Батину.

Г. Батинъ признаетъ, повидимому, доказаннымъ основный фактъ, на которомъ я настаиваю—упадокъ земледѣльческой системы въ старинныхъ областяхъ Московскаго государства въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка *), и отри-

---

*) Это признаютъ, впрочемъ, всѣ, кто писалъ о моей книгѣ; исключеніе представляетъ г. Сергѣевичъ, который въ своихъ «Древностяхъ русскаго землевладѣнія» («Журн. Мин. Народ. Просв.» за 1901 г., апрѣль) заподозриваетъ мои цифры *на томъ основаніи, что онѣ не сходятся съ итогами писцовыхъ книгъ* и, ничто же сумняшеся, соединяетъ въ одно цѣлое крестьянскую и людскую (т.-е. холопскую) пашню, тогда какъ я говорю объ одной крестьянской. Это указываетъ только на степень точности и внимательности г. Сергѣевича и на почти полную «невинность» его относительно писцовыхъ книгъ, о неточности итоговъ которыхъ извѣстно всякому, кто ими занимался.

*

цательно относится прежде всего къ моему объясненію причинъ этого факта. Сущность этого объясненія сводится къ тому, что господство помѣстья, т.-е. непрочнаго, временнаго земельнаго владѣнія, не обезпеченнаго за владѣльцемъ и его потомствомъ, и монастырской вотчины, слишкомъ обширной и разбросанной, что затрудняло надзоръ за приказчиками и вызывало необходимость раздачи монастырскихъ земель во временное владѣніе, подобное помѣстному,—приводило къ преобладанію отжившей переложной системы полевого хозяйства, пріучая главную массу землевладѣльцевъ къ кочевому, хищническому, безпорядочному веденію хозяйства. Разбирая это положеніе, г. Батинъ ставитъ мнѣ вопросъ: «какое собственно отношеніе имѣло раціональное или нераціональное веденіе помѣщикомъ своего хозяйства къ хозяйству причисленныхъ къ его помѣстью полусвободныхъ крестьянъ?» (стр. 109) И сейчасъ же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что необезпеченность помѣстной земли за помѣщикомъ не могла вліять на *крестьянское* хозяйство (стр. 109). Правда, онъ соглашается, что приведенный мною примѣръ о крестьянинѣ Шишкинѣ какъ разъ характеризуетъ вліяніе непрочности помѣстнаго владѣнія именно на *крестьянское* хозяйство, но спѣшитъ оговориться: «подобные случаи не могли, конечно, имѣть значеніе общей, повсемѣстной причины» (стр. 110). Почему же не могли? Само собой разумѣется, что случай съ Шишкинымъ во всей своей индивидуальности не повторялся вездѣ, но *подобные* случаи не только могли, а *должны* были часто повторяться при порядкахъ, характеризуемыхъ тѣмъ, что въ 10 лѣтъ перемѣнялся чуть ли не весь составъ владѣльцевъ помѣстій въ рядѣ уѣздовъ. У каждаго почти помѣщика были крестьяне. Чѣмъ же объяснить, что именно *помѣщики* «пустошили» свои помѣстья, какъ не вліяніемъ помѣстной системы? Не говоря о другихъ способахъ «пустошенія», укажемъ хотя бы на краткосрочность крестьянской аренды, какъ на условіе, гибельно отражавшееся на системѣ крестьянскаго земледѣлія. При крайней подвижности помѣстнаго землевладѣнія, краткосрочная аренда —въ выгодахъ помѣщиковъ, имѣющихъ въ виду усиленную, хотя и непродолжительную эксплуатацію земли и труда безъ особенныхъ затратъ. Дурное же вліяніе краткосрочной аренды на систему хозяйства не подлежитъ сомнѣнію. Г. Батинъ съ обенной силой настаиваетъ на томъ, что главной причиной бѣгства населенія и хозяйственнаго упадка были «грабежи, насилія и полное отсутствіе какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ гарантій» (стр. 111). Если мой оппонентъ имѣетъ въ виду отсутствіе *юридическихъ* гарантій крестьянской личности и собственности въ XVI в., то онъ глубоко ошибается: въ теченіе всего XVI столѣтія русскій крестьянинъ признавался закономъ свободной и правоспособной личностью, и даже тогда, когда въ Уложеніи 1649 г. было узаконено крестьянское прикрѣпленіе, крестьяне въ теченіе всего XVII вѣка ставились закономъ на ряду съ членами другихъ сословій: признавались ихъ показанія въ повальномъ обыскѣ, установлена была пеня за безчестіе крестьянина, принимались свидѣтельскія показанія крестьянъ на судѣ, сохранялось право свободнаго вступленія крестьянъ въ договоры, даже имущественныя права крѣпостныхъ не были уничтожены, а подвергались лишь постепеннымъ ограниченіямъ *). Вообще юридически крестьянская личность и собственность были только развѣ немногимъ менѣе гарантированы, чѣмъ личность и собственность членовъ другихъ сословій въ то время. Но если, какъ надо думать, г. Батинъ имѣетъ въ виду отсутствіе *фактическихъ* гарантій, то очевидно, что при такомъ взглядѣ на дѣло мы какъ разъ входимъ въ сферу чисто-экономическихъ отношеній. Мы не менѣе г. Батина убѣждены въ очень серьезномъ значеніи помѣщичьихъ грабежей и насилій, въ ихъ важномъ, хотя и не исключительномъ, вліяніи на упадокъ крестьянскаго хозяйства, но спра-

---

*) Бѣляевъ. «Крестьяне на Руси». М. 1860, стр. 77—79, 153—157.

шивается: почему же крестьяне на *вотчинныхъ* земляхъ менѣе страдали отъ этихъ грабежей и насилій, чѣмъ *помѣстные* крестьяне? Почему помѣщики чаще грабили и разоряли своихъ крестьянъ, «разгоняли» ихъ, какъ выражаются грамоты, чѣмъ вотчинники? Г. Батинъ напрасно говоритъ, какъ мы видѣли, объ отсутствіи гарантій личности и собственности: въ этомъ отношеніи вотчинные крестьяне были не въ лучшемъ положеніи сравнительно съ помѣстными. Причина хищничества помѣщиковъ совершенно ясна и опредѣленна съ моей точки зрѣнія: помѣщикамъ не было разсчета сберегать хозяйственныя силы крестьянъ, умѣренно и правильно ихъ эксплуатировать, потому что у помѣщиковъ не было увѣренности въ томъ, что земля за ними сохранится на долгое время. Не только хорошій, а даже обыкновенный средній хозяинъ, который имѣетъ въ виду сохранить за собой имѣніе на всю жизнь и передать его потомству, не будетъ систематически разорять своихъ крестьянъ.

Г. Батинъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на «основную *общественную* природу помѣстной системы, которая устанавливала подчиненное положеніе одной части населенія по отношенію къ другой» (стр. 108). Признаться сказать, этой «основной общественной природы» въ помѣстной системѣ я совсѣмъ не замѣчаю. Что такое помѣстная система? Это такая система юридическаго отношенія лица къ землѣ, при которой лицо имѣетъ право временнаго и условнаго пользованія землею безъ права распоряженія ею. Помѣстная система касается, такимъ образомъ, только земли, а не населенія, на ней живущаго, и помѣщикъ не получаетъ надъ этимъ населеніемъ никакихъ особенныхъ правъ. Помѣстный крестьянинъ былъ такъ же свободенъ, какъ и крестьянинъ черный. Быть можетъ, г. Батинъ хочетъ сказать, что фактъ распространенія помѣстной системы, расширяя размѣры частновладѣльческой дворянской земли въ ущербъ землѣ государственной, тѣмъ самымъ фактически, а не юридически, подготовилъ прикрѣпленіе крестьянъ? Несомнѣнно, обезземеленіе крестьянства сыграло важную роль въ процессѣ происхожденія крѣпостного права. Но крестьянство старинныхъ областей Московскаго государства было обезземелено еще раньше, въ удѣльное время, въ пользу государства и въ пользу другихъ состоятельныхъ классовъ общества, и такое обезземеленіе было вызвано очень опредѣленными экономическими условіями, которыя я старался характеризовать въ особой статьѣ *), повидимому оставшейся неизвѣстной г. Батину. Что же касается до развитія помѣстной системы, то, задавая себѣ вопросъ о причинахъ этого важнаго явленія, мы тѣмъ самымъ подходимъ ко второму основному пункту нашихъ разногласій съ г. Батинымъ. Онъ считаетъ неудовлетворительнымъ объясненіе происхожденія помѣстной системы изъ господства натуральнаго хозяйства въ извѣстной стадіи его развитія (стр. 114). «Въ вѣчевой періодъ древней Руси,—говоритъ г. Батинъ,—существововали князья, и у нихъ были служилые люди, дружинники; существовало также и натуральное хозяйство, но не возникало помѣстной системы вслѣдствіе совсѣмъ иныхъ отношеній между военнымъ сословіемъ и населеніемъ» (стр. 114). Для развитія помѣстной системы, по мнѣнію моего оппонента, необходимы были слѣдующія условія: «признаніе государя собственникомъ всей или большей части территоріи; выдѣленіе военнаго сословія, состоящаго на службѣ государя; полное подчиненіе остального населенія государю и военному сословію. Затѣмъ уже, при наличности всѣхъ этихъ данныхъ, выдвигается естественно вопросъ о способѣ вознагражденія государемъ служилаго сословія, который и разрѣшается, при господствѣ натуральнаго хозяйства, институтомъ помѣстнаго землевладѣнія» (стр. 113). Г. Батинъ доходитъ до

*) «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія, въ древней Россіи». «Жизнь» за 1900 г., томъ IX, стр. 61—62.

того, что видитъ въ развитіи помѣстной системы «проявленіе полнаго торжества самодержавія» (стр. 119). Насколько я понимаю г. Батина, онъ упрекаетъ меня собственно въ томъ, что, считая помѣстную систему продуктомъ натуральнаго хозяйства въ одной изъ стадій его развитія, я не опредѣлилъ въ своей книгѣ и статьѣ въ «Мірѣ Божьемъ», чѣмъ характеризуется эта стадія и какъ она произошла. Самъ г. Батинъ полагаетъ, что, характеризуя ее, необходимо принять во вниманіе тѣ именно государственныя или политическія явленія, которыя имъ отмѣчены, и вовсе нельзя ограничиваться уясненіемъ явленій чисто-экономическихъ. Я долженъ оговориться, что и въ книгѣ, и въ названной статьѣ я сознательно уклонился отъ подробнаго выясненія, какая именно стадія натуральнаго хозяйства создаетъ помѣстную систему. Причина такого умолчанія заключалась въ обстоятельствѣ, не зависѣвшемъ отъ моей воли: выясненіе даннаго вопроса заставило бы увеличить размѣры книги, что было совершенно для меня невозможно. Но эта задача исполнена мною въ другомъ мѣстѣ,—въ статьѣ «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи», напечатанной въ сентябрьской книжкѣ «Жизни» за 1900 годъ. По обстоятельствамъ, опять-таки отъ меня не зависѣвшимъ, статья въ «Мірѣ Божьемъ» появилась въ печати позднѣе статьи въ «Жизни», но первая статья была написана гораздо раньше, чѣмъ вторая, почему я и не могъ въ первой статьѣ сослаться на вторую. Если бы статья, напечатанная въ «Жизни», сдѣлалась извѣстной г. Батину, онъ увидѣлъ бы, что я даю точную характеристику той стадіи развитія натуральнаго хозяйства, которая создала помѣстную систему. Сущность этой характеристики сводится къ тому, что преобладающая роль земледѣлія, оттѣснившаго на второй планъ первоначально господствовавшую добывающую промышленность, создала въ массѣ населенія нужду въ капиталѣ, совершенно необходимомъ по самой экономической природѣ земледѣльческаго производства; нужда въ капиталѣ создала ссуды и закладничество, т.-е. признаніе мелкими землевладѣльцами высшихъ правъ на ихъ землю за людьми болѣе состоятельными, капиталистами; чрезъ посредство, главнымъ образомъ, ссудъ и закладничествъ, отчасти также оккупаціи свободныхъ земель, покупки и пр., князья, архіереи, монастыри и бояре сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ земли, но, не имѣя возможности вести свое барское хозяйство, заводить барскую запашку въ крупныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе недостатка въ рынкахъ для сбыта хлѣба, эти новые крупные землевладѣльцы вынуждены были извлекать выгоду изъ своихъ имѣній другимъ путемъ,—путемъ раздачи своихъ имѣній по частямъ сначала своимъ хозяйственнымъ, потомъ и военнымъ слугамъ во временное и условное владѣніе въ вознагражденіе за службу, т.-е. въ помѣстье *). Такъ объясняется процессъ происхожденія и развитія помѣстной системы изъ чисто-экономическихъ условій. Процессъ этотъ начался еще въ XIV вѣкѣ, вѣроятно даже въ XIII, и продолжался до послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка, причемъ можно признать, что развитіе помѣстной системы въ общихъ чертахъ закончилось уже до 70-хъ годовъ, а въ старинныхъ областяхъ государства даже къ началу XVI столѣтія. Понятно поэтому, почему «въ вѣчевой періодъ древней Руси» не было помѣстной системы: тогда господствовала добывающая промышленность, а не земледѣліе. Отношенія между военнымъ сословіемъ и прочимъ населеніемъ тутъ совершенно не при чемъ. Притомъ же эти отношенія и не измѣнились въ удѣльный періодъ сравнительно съ кіевскимъ. Когда г. Батинъ говоритъ затѣмъ, что для появленія и развитія помѣстной системы было необходимо «признаніе государя собственникомъ всей или большей части территоріи», то онъ конечно, правъ, но только упускаетъ

*) «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи». «Жизнь» за 1900 г., томъ IX, стр. 62–64.

изъ вида, что это признаніе—давняго, удѣльнаго происхожденія, и слишкомъ суживаетъ сферу примѣненія помѣстной системы полагая, что она имѣла мѣсто лишь на государевыхъ земляхъ: одной изъ крупныхъ заслугъ г. Рождественскаго въ его изслѣдованіи «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.» надо признать какъ разъ выясненіе того обстоятельства, что принципъ помѣстнаго владѣнія примѣнялся не на однѣхъ княжескихъ, а на всѣхъ вообще земляхъ, принадлежавшихъ крупнымъ вотчинникамъ. Г. Рождественскій только недостаточно объяснилъ это явленіе, но мы сейчасъ видѣли, какими глубокими хозяйственными причинами оно было вызвано. Что касается другихъ элементовъ, создавшихъ, по мнѣнію г. Батина, помѣстную систему, то они не только не нужны были для созданія послѣдней, но даже и не существовали въ эпоху происхожденія и развитія помѣстья. Военнаго *сословія* ни въ XIV, ни въ XV вѣкѣ еще не было: былъ только служилый *классъ*, отличавшійся отъ другихъ слоевъ населенія занятіями, а не спеціальными сословными правами и обязанностями; даже въ XVI в., когда развитіе помѣстной системы въ коренныхъ областяхъ страны было уже закончено, были готовы лишь отдѣльные элементы будущаго служилаго сословія окончательно организовавшагося лишь послѣ смуты, т.-е. тогда, когда помѣстная система вступила въ періодъ своего паденія. Наконецъ, ни въ XIV, ни въ XV, ни даже въ XVI в. не можетъ быть рѣчи о «полномъ подчиненіи остального населенія государю и военному сословію»: первый рѣшительный и далеко еще не окончательный успѣхъ самодержавія относится, какъ извѣстно, къ періоду времени, занимающему послѣднія 35 лѣтъ XVI вѣка, а крѣпостное право начало слагаться только во второй половинѣ этого столѣтія и юридически оформлено было лишь въ Уложеніи 1649 г. Совсѣмъ странно звучитъ фраза г. Батина, что развитіе помѣстной системы—«проявленіе полнаго торжества самодержавія». Не говоря уже о томъ, что *полное* торжество самодержавія наступило лишь во второй половинѣ XVII вѣка—въ эпоху паденія помѣстной системы— и первый его рѣшительный успѣхъ относится къ 60—70-мъ годамъ XVI столѣтія, когда помѣстная система давно уже достигла своего зенита, неужели г. Батинъ сочтетъ и родного брата нашего помѣстья—западно-европейскій бенефицій признакомъ торжества самодержавія? Какъ хотите, а короли основанныхъ на развалинахъ западной римской имперіи германскихъ государствъ въ роли самодержцевъ—это такое новое и неожиданное открытіе, которое, при всей своей оригинальности, не можетъ разсчитывать на долговѣчность въ наукѣ.

Суровое порицаніе встрѣтилъ также мой взглядъ на происхожденіе и развитіе монастырскаго землевладѣнія изъ условій натуральнаго хозяйства. Взглядъ этотъ также развитъ мною въ упомянутой выше статьѣ *); поэтому я не буду его повторять, а ограничусь разборомъ мнѣнія моего оппонента. По его мнѣнію, развитіе монастырскаго землевладѣнія надо объяснить религіознымъ настроеніемъ эпохи (стр. 115). По этому поводу я обращу вниманіе г. Батина на слѣдующія обстоятельства: 1) религіозное настроеніе есть, конечно, необходимый постулатъ всякаго рода вкладовъ въ пользу церкви, но не имъ, а именно условіями натуральнаго хозяйства въ той стадіи, когда преобладающей отраслью промышленности стало земледѣліе, объясняется развитіе *земельныхъ* вкладовъ; другими словами: только хозяйственными условіями эпохи опредѣляется та конкретная форма, въ которую выливаются вклады въ пользу церкви; вѣдь религіозное настроеніе существовало и въ Кіевской Руси, и въ XVII вѣкѣ, и позднѣе, но монастырское землевладѣніе не было типическимъ для этихъ эпохъ: оно едва зарождалось въ кіевскій періодъ и стало разлагаться съ

*) «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи». «Жизнь» за 1900 г., томъ IX, стр. 62, 63—64.

XVII вѣка; 2) тамъ, гдѣ для поверхностнаго взгляда незамѣтно ничего, кромѣ религіознаго настроенія, при ближайшемъ изслѣдованіи обнаруживаются реальныя, чисто-хозяйственныя побужденія: сохранить за собой при жизни землю, отдавъ ее посредствомъ посмертнаго вклада въ собственность богатаго и сильнаго монастыря, отъ котораго можно получить покровительство и помощь на судѣ, передъ властями или матеріальную поддержку; въ актовомъ матеріалѣ XVI в. встрѣчается также много примѣровъ того, что вотчинники, лишенные своихъ старыхъ имѣній благодаря опричнинѣ и пріискивавшіе себѣ новыя вотчины въ неопричныхъ уѣздахъ, отдаютъ въ монастыри эти новыя пріобрѣтенія, руководимые прямо боязнью снова потерять ихъ и чувствуя себя выбитыми изъ колеи, лишенными возможности поставить хозяйство въ новыхъ мѣстахъ на прочномъ основаніи; 3) такимъ образомъ, если даже задаться вопросомъ о вліяніи религіознаго настроенія, то въ результатѣ правильнаго анализа получится на долю чисто-религіозныхъ побужденій довольно небольшой остатокъ, да и тотъ, какъ и всякую идею и всякое общественное настроеніе, нельзя, конечно, брать какъ нѣчто навсегда неразложимое: вѣдь и идея, и настроеніе питаются извѣстными реальными условіями; я согласенъ, что *при современномъ состояніи общественныхъ и гуманитарныхъ наукъ* научный этіологическій анализъ идей и настроеній невозможенъ или возможенъ лишь въ извѣстной небольшой мѣрѣ, но отсюда очень далеко до провозглашенія глубокимъ того объясненія, которое предлагаетъ г. Батинъ, и до наименованія поверхностнымъ моего взгляда, къ чему склоненъ мой оппонентъ. Ниже, въ концѣ своего возраженія, я впрочемъ, еще предполагаю вернуться къ вопросу объ отношеніи психологической исторіи къ исторіи экономической, соціальной и политической.

Третій вопросъ, вызвавшій возраженія г. Батина, касается послѣдствій хозяйственнаго разоренія старинныхъ областей государства для его политическаго строя. Я позволилъ себѣ высказать мысль, что самодержавіе при Грозномъ, Θедорѣ Ивановичѣ и Годуновѣ одержало побѣду надъ боярствомъ, не посмѣвшимъ открыто сопротивляться, именно по той причинѣ, что области, гдѣ сосредоточивалось княжеское и боярское землевладѣніе, пострадали отъ сельскохозяйственнаго кризиса послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка. Г. Батинъ упрекаетъ меня въ хронологической несообразности: казни при Грозномъ падаютъ на 60-е годы, а разореніе, по моему собственному указанію, началось съ 70-хъ. «Такъ какъ сопротивленія Грозному никакого оказано не было, то причины, которымъ это можетъ быть приписано, должны были, очевидно, дѣйствовать ранѣе начала борьбы, т.-е. ранѣе 60-хъ годовъ» (стр. 117). На этомъ основаніи г. Батинъ трубитъ побѣду надо мной,—я думаю, однако, что немножко рано, и что ему придется бить отбой. Прежде всего мнѣ кажется страннымъ общее положеніе г. Батина, что причины извѣстнаго явленія должны дѣйствовать ранѣе самаго явленія; по моему, необходимо только одно: чтобы причина хронологически совпадала съ производимымъ ею дѣйствіемъ, была одновременна съ послѣднимъ. Почему уже въ 50-хъ годахъ или раньше должны были существовать обстоятельства, помѣшавшія боярамъ поднять открытое возстаніе противъ Грознаго *во второй половинѣ* 60-хъ и въ 70-хъ годахъ? Достаточно, если эти обстоятельства имѣли мѣсто именно въ указанное время, т.-е. во второй половинѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ. Не слѣдуетъ притомъ думать, что бояре не оказывали никакого сопротивленія Грозному: въ церковномъ словѣ (митрополитъ Филиппъ), въ литературѣ (Курбскій), въ тяготѣніи къ польскому королю и удѣльному князю Владиміру Андреевичу, въ отъѣздахъ за границу выражалось боярское сопротивленіе.

Вопросъ былъ только въ томъ, возможна ли такая рѣшительная мѣра, какъ возстаніе, и понятно, что возникнуть этотъ вопросъ могъ только въ крайности, въ то время, когда борьба до чрезвычайности обострилась, т.-е. какъ разъ въ

самомъ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ: дѣла митрополита Филиппа и Владиміра Андреевича относятся какъ разъ къ 1568—1569 гг.; 1570 и 1571 годы — время сильнѣйшихъ казней, къ 1571 г. относится извѣстная запись кн. Мстиславскаго, въ 70-хъ годахъ появился особый земскій великій князь—Симеонъ Бекбулатовичъ, тогда же были казнены Воротынскій, Одоевскій и др. *), наконецъ, что особенно важно, и чему г. Батинъ, слѣдуя устарѣвшему взгляду на опричнину, какъ на борьбу противъ лицъ, а не противъ порядковъ, не придаетъ надлежащаго значенія,—именно съ конца 60-хъ и особенно въ 70-хъ годахъ царь сталъ отбирать въ опричнину тѣ уѣзды, гдѣ всего сильнѣе было княжеское и боярское вотчинное землевладѣніе: Ярославскій, Переяславль-Залѣсскій, Ростовскій, Пошехонскій, Дмитровскій **). Извѣстно, что отобраніе извѣстнаго уѣзда въ опричнину имѣло послѣдствіемъ всегда лишеніе всѣхъ его землевладѣльцевъ ихъ имѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ соединенныхъ съ этими имѣніями правъ, родственныхъ по своей природѣ съ феодальными. Вотъ когда положеніе мятежнаго боярства, особенно титулованнаго, унаслѣдовавшаго свои феодальныя права отъ предковъ, а не вслѣдствіе царскаго пожалованія, сдѣлалось невыносимымъ: это было въ 70-хъ годахъ XVI вѣка; въ это время и могла возникнуть мысль объ отчаянныхъ средствахъ сопротивленія, и она парализовалась земледѣльческимъ кризисомъ, достигшимъ своего развитія какъ разъ въ тотъ же моментъ. Наконецъ, не надо забывать, что если я утверждалъ, что кризисъ обнаруживается съ 70-хъ годовъ, то это вовсе нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что до этого времени все было прекрасно, а какъ стукнулъ 1570 годъ, такъ сразу все запустѣло и разорилось. Такое пониманіе было бы слишкомъ въ стилѣ учебниковъ г. Иловайскаго. Необходимо предположить, что кризисъ начался уже въ 60-хъ годахъ, что и отмѣчено мною въ моей книгѣ при изученіи исторіи колонизаціи ***); все, что я утверждалъ, сводится къ тому что въ первой половинѣ, точнѣе—въ началѣ 60-хъ годовъ кризиса еще не было, а въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ мы наблюдаемъ его въ *полномъ развитіи*. Куда же теперь, спрашиваю я, дѣвалась та хронологическая несообразность, на которую такъ побѣдоносно указывалъ г. Батинъ и которую онъ ставилъ въ связь съ моимъ пристрастіемъ къ объясненію всѣхъ историческихъ явленій экономическимъ факторомъ или къ обаянію, какое въ моихъ глазахъ имѣетъ хозяйственное объясненіе историческаго процесса?

Это послѣднее замѣчаніе г. Батина—о моей склонности къ экономическому объясненію исторіи—даетъ мнѣ право сказать нѣсколько словъ о моей исторической философіи. Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, я считаю нужнымъ заявить, что вовсе не принадлежу къ тѣмъ крайнимъ сторонникамъ такъ называемаго экономическаго матеріализма, которые склонны все и вся объяснить *непосредственно* изъ хозяйственныхъ, именно производственныхъ отношеній. Съ моей точки зрѣнія, явленія исторической жизни располагаются на группы въ слѣдующемъ порядкѣ по степени ихъ возрастающей сложности: 1) экономическія явленія, 2) соціальныя (устройство общества, т.-е. классы и сословія), 3) политическія (устройство государства), 4) психологическія (характеры, наука, искусство, религія). Экономическія явленія простѣйшія и наименѣе зависимыя отъ другихъ группъ, а опредѣляющіяся въ своемъ развитіи, главнымъ образомъ, естественными условіями страны и ростомъ населенія. Они *непосредственно* вліяютъ по преимуществу въ сферѣ соціальныхъ отношеній. Гораздо слабѣе ихъ непосредственное вліяніе на политическія явленія,

---

*) Соловьевъ. «Исторія Россіи», компактное изд., т. II, Спб., 1894, столб. 169—182.

**) Платоновъ. «Очерки изъ исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ», Спб., 1899, стр. 141—142, 144—146.

***) «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.», стр. 300—302.

хотя все-таки оно здѣсь сильно. Еще въ меньшей степени замѣтно непосредственное воздѣйствіе экономическаго фактора на психологическія явленія, слагающіяся подъ совокупнымъ вліяніемъ не только хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ явленій, но и извѣстныхъ біологическихъ факторовъ, подъ которыми я разумѣю извѣстные развитые послѣдующею историческою жизнью и видоизмѣненные ею задатки, являющіеся типичными для той или иной психической организаціи. Съ моей точки зрѣнія, психологическая исторія сдѣлается возможной, какъ наука, а не какъ искусство и не какъ простое накопленіе и первоначальная систематизація матеріала,—только тогда, когда эмпирическая психологія опредѣлитъ классификацію характеровъ, а исторія, опираясь на эту классификацію, создастъ схему эволюціи психическихъ типовъ, подобно тому, какъ сейчасъ она вырабатываетъ схему экономической, соціальной и политической эволюціи, только тогда можно будетъ научно анализировать неразложимый теперь въ психологическихъ явленіяхъ остатокъ, получающійся за выдѣленіемъ въ нихъ хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ вліяній. И въ результатѣ такого анализа получится, вѣроятно, надлежащее выясненіе и той связи, какая существуетъ между хозяйствомъ, обществомъ и государствомъ, съ одной стороны, и психологіей человѣка,—съ другой. Въ этомъ задача будущаго, теперь же, имѣя передъ собой только тотъ матеріалъ, который, при современномъ состояніи нашихъ знаній, единственно доступенъ дѣйствительно, научному анализу, отказаться отъ объясненія болѣе сложныхъ соціальныхъ и политическихъ явленій простѣйшими экономическими значило бы, по искреннему и глубокому убѣжденію пишущаго эти строки, отказаться вообще отъ научной работы въ области общественныхъ знаній и въ частности въ исторіи.

Н. Рожковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Л. Н. Толстой и московскіе трезвенники. Четыре года тому назадъ члены 1-го московскаго общества трезвости рѣшили связать свое дѣло со славнымъ именемъ «великаго писателя земли русской», графа Льва Николаевича Толстого. Сдѣлано это было, какъ теперь выяснилось съ очевидною для всѣхъ ясностью, только ради рекламы, но во всякомъ случаѣ въ протоколахъ общества записано, что гр. Л. Н. Толстой единогласно избирается почетнымъ членомъ 1-го московскаго общества трезвости по слѣдующимъ мотивамъ:

«Графъ Л. Н. Толстой, который наравнѣ съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Пушкинымъ, Гоголемъ и другими, служа общепризнаннымъ украшеніемъ нашей отечественной литературы, является вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ первыхъ выдающихся русскихъ трезвенниковъ. Уже много лѣтъ назадъ онъ началъ ратовать публично о народной трезвости, написавъ очеркъ «Первый винокуръ». Въ восьмидесятыхъ годахъ, въ статьѣ «Праздникъ просвѣщенія 12-го января», онъ безстрашно бросилъ горячій упрекъ всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ, что они, справляя праздникъ просвѣщенія обѣдами и виномъ и упиваясь онымъ, этимъ самымъ подаютъ дурной примѣръ простому и менѣе образованному народу. Вскорѣ послѣ этого графъ Толстой написалъ: «Для чего люди одурманиваются», гдѣ выступилъ противъ пьянства и табакокуренія, и, наконецъ, въ

истекшемъ 1896 г., служа той же великой задачѣ отрезвленія, написалъ очеркъ «Богу и маммонѣ», гдѣ доказывалъ, что въ наше время нельзя говорить, что питье или непитье вина есть дѣло частное отдѣльнаго лица. Такимъ образомъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой очень давно и въ гораздо большей степени, чѣмъ все наше образованное общество, ратовалъ о вредѣ пьянства, усовѣщивая печатно не только малограмотный простой народъ, но и людей высокообразованныхъ, а на послѣднее до того никто не рѣшался! Коротко сказать, движеніе во имя трезвости обязано ему, Толстому, тѣмъ, что онъ трезвость вывелъ на свѣтъ изъ ничтожества и сталъ за нее горою передъ лицомъ всей пьющей Россіи, не боясь ни насмѣшекъ, ни брани, ни кривотолковъ. Заграничныя общества трезвости высоко цѣнятъ труды этого знаменитаго трезвенника. У насъ, въ Россіи, «Христіанское общество трезвости и воздержанія» имѣетъ удовольствіе считать его въ рядахъ своихъ членовъ».

Прошло четыре года, и вотъ теперь, 24-го іюня, на годичномъ собраніи этого общества выслушивается, по словамъ московскихъ газетъ, заявленіе одного изъ членовъ, портного Ворсуняка, требовавшаго исключенія изъ членовъ общества его почетнаго члена, графа Льва Николаевича Толстого. Поддержанное двумя-тремя лицами изъ присутствовавшихъ, заявленіе это опиралось на § 4 устава общества, гласящій: «членами общества могутъ быть лишь лица православнаго вѣроисповѣданія». А графъ Л. Н. Толстой, говорилось въ заявленіи, согласно опубликованному недавно постановленію Святѣйшаго Синода, какъ временно отлученный отъ церкви, православнымъ считаться не можетъ. Поднялся торговецъ-мелочникъ Замятинъ, также высказался за исключеніе и закончилъ свою рѣчь такъ: «Не знаемъ мы Л. Н. Толстого и знать его не хотимъ! И зачѣмъ только гг. интеллигенты навязали намъ его?» Предсѣдатель засѣданія постарался разъяснить присутствовавшимъ, что Л. Н. Толстой, при самомъ основаніи общества, первымъ общимъ собраніемъ избранъ въ почетные члены за то, что гораздо раньше возникновенія какихъ-либо обществъ трезвости въ Россіи и словомъ своимъ могучимъ, и личнымъ примѣромъ горячо ратовалъ противъ пьянства вообще, а въ народѣ въ особенности. Перерѣшать постановленія общаго собранія нельзя. Предсѣдатель еще добавилъ: «Гг.! Мы—не миссіонерское братство! Въ рамки нашей мирной работы на пользу людскую не входитъ обязанность критиковать религіозныя убѣжденія сочлена, искренно преданнаго одной съ нами задачѣ: искорененію пьянства! Правда, бывали случаи, когда высшая администрація или полиція указывали обществу, что необходимо исключить того или другого завѣдомо неблагонадежнаго члена. Относительно графа Л. Н. Толстого такихъ указаній намъ не было. И въ самомъ нашемъ уставѣ, за исключеніемъ спорнаго § 4, нѣтъ никакихъ указаній на возможность исключенія сочлена изъ-за тѣхъ или иныхъ его религіозныхъ убѣжденій». Собраніе, видимо, прониклось этими доводами. Вопросъ сталъ сходить на нѣтъ. Поднялся членъ-священникъ Любимовъ и торжественно заявилъ: «Если Левъ Толстой остается въ числѣ членовъ настоящаго общества трезвости, я и всѣ остальныя лица духовнаго званія выходимъ изъ состава, такъ какъ пребывать въ единеніи съ человѣкомъ, осужденнымъ высшею духовною властью, считаемъ невозможнымъ». Пренія опять приняли напряженный характеръ. Послѣ долгихъ обсужденій, общее собраніе пришло къ нѣкоторому соглашенію и выработало такого рода постановленіе: «Заслушавъ заявленіе членовъ 1-го московскаго общества трезвости: портного Ворсуняка, лавочника Замятина, священника Любимова и другихъ—объ исключеніи графа Л. Н. Толстого изъ числа почетныхъ членовъ общества, въ виду состоявшагося постановленія Св. Синода о временномъ отлученіи помянутаго Л. Толстого отъ православной церкви, общее собраніе, принявъ во вниманіе § 4-й своего устава, пришло къ заключенію, что графъ Л. Н. Толстой, послѣ вышеприведеннаго постановленія Св. Синода, не можетъ подхо-

дить къ указанному въ § 4 составу членовъ общества. Въ виду сего, дальнѣйшее пребываніе Л. Н. Толстого въ числѣ членовъ общества является нежелательнымъ. Но также нѣтъ въ уставѣ и указаній относительно порядка исключенія почетныхъ членовъ общества изъ состава его членовъ. Посему постановлено представить настоящее дѣло на усмотрѣніе Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго генералъ-губернатора города Москвы, Великаго Князя Сергѣя Александровича, съ приложеніемъ письменнаго заявленія портного Ворсуняка и покорнѣйшей просьбой: за неимѣніемъ у членовъ общества, на основаніи статей устава, фактическаго права своею властью исключить почетнаго члена Л. Н. Толстого,—дозволить исходатайствовать надлежащее распоряженіе объ исключеніи гр. Л. Н. Толстого административною властью».

Во всей этой дикой исторіи насъ не удивляетъ, конечно, отношеніе къ Л. Н. Толстому со стороны невѣжественныхъ портныхъ и лавочниковъ. Но поразительно, что во всемъ Московскомъ обществѣ трезвости не нашлось, даже среди культурныхъ его членовъ, *ни одного*, кто выступилъ бы съ рѣшительнымъ протестомъ противъ этой травли великаго старца: постановленіе объ исключеніи Толстого, постановленіе безграмотное и ложно мотивированное, будто бы, «временнымъ отлученіемъ отъ церкви», *подписано собственноручно всѣми присутствовавшими*.

Злоключенія корреспондента. Южныя газеты принесли извѣстіе о чрезвычайно характерномъ процессѣ, слушавшемся въ одесскомъ окружномъ судѣ, гдѣ столкнулись—съ одной стороны злополучный, гонимый въ провинціальныхъ захолустьяхъ представитель гласности—корреспондентъ, а съ другой—представитель широкой, въ извѣстныхъ случаяхъ неограниченной судебно-административной власти—земскій начальникъ.

Дѣло возникло по жалобѣ земскаго начальника Елизаветградскаго уѣзда г. Рустановича на корреспондента двухъ одесскихъ газетъ г. Винницкаго, живущаго въ посадѣ Новоукраинка, за клевету въ печати (1535 ст.). Инкриминируемая статья напечатана въ «Новоросс. Телеграфѣ». Воспроизводимъ ее здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями.

«Мѣстный обыватель, корреспондирующій въ двухъ одесскихъ газетахъ, попалъ подъ строгій арестъ на трое сутокъ по распоряженію мѣстнаго земскаго начальника г. Рустановича. Г. Рустановичъ приказомъ своимъ на имя волостнаго старшины за № 18 потребовалъ корреспондента въ мѣстное волостное правленіе. Явясь туда, г. Рустановичъ сталъ строго читать нотацію корреспонденту за его газетныя статьи, въ которыхъ указывалось на крупные пробѣлы въ дѣятельности вдохновителей мѣстнаго крестьянскаго управленія. Послѣ обѣщанія засадить въ тюрьму корреспондента и редактора, г. Рустановичъ, вспомнивъ вдругъ исторію объ участкѣ общественной усадебной земли, пріобрѣтенной съ торговъ корреспондентомъ, грозно спросилъ, исполнилъ ли корреспондентъ какія-то требованія объ освобожденіи полутора-саженной земли, захваченной будто бы послѣднимъ. Когда корреспондентъ отвѣтилъ, что вопросъ объ этомъ клочкѣ земли остается открытымъ до разрѣшенія его херсонскимъ губернаторомъ, г. Рустановичъ, несмотря на то, что дѣло это носитъ характеръ чисто гражданскаго спора, приказалъ волостному старшинѣ позвать 2-хъ этапныхъ, которымъ и велѣлъ арестовать и выдержать корреспондента при волостной кордегардіи въ теченіе трехъ сутокъ, за неисполненіе яко бы своихъ «законныхъ требованій». Несмотря на протесты корреспондента, г. Рустановичъ крикнулъ этапнымъ: «Взять его», и этапные безцеремонно исполнили это распоряженіе, посадивъ ни въ чемъ неповиннаго корреспондента подъ арестъ, и заперли его подъ замокъ. За время трехсуточнаго ареста, по строгому приказанію г. Рустановича, къ арестованному не допускали рѣшительно никого, даже врача, по-

стоянно лѣчившаго арестованнаго корреспондента, пришедшаго навѣстить своего паціента, о нездоровьи котораго было имъ лично заявлено г. Рустановичу; врачъ былъ при этомъ два раза грубо вытолкнутъ этапными. По ночамъ г. Рустановичъ лично являлся для провѣрки, находится ли арестованный корреспондентъ на мѣстѣ, и каждый разъ приказывалъ этапнымъ не дѣлать ему никакихъ облегченій и снисхожденій. По окончаніи трехсуточнаго ареста г. Рустановичъ позвалъ корреспондента въ волостное правленіе и, стуча кулакомъ объ столъ и ногами объ полъ, заявилъ ему, что будетъ зорко слѣдить за его дѣйствіями и будетъ сажать подъ арестъ за всякую малѣйшую его попытку коснуться чьей бы то ни было дѣятельности, называя это неисполненіемъ законныхъ требованій своихъ».

При личныхъ объясненіяхъ со слѣдователемъ, потерпѣвшій земскій начальникъ заявилъ слѣдующее: «Въ корреспонденціи изъ пос. Новоукраинки, помѣщенной въ № 8.097 «Новороссійскаго Телеграфа», я нахожу слѣдующія обстоятельства, заключающія въ себѣ клевету: 1) всей корреспонденціи приданъ характеръ, разсчитанный на то, чтобы изъ нея ясно было видно, что авторъ ея былъ подвергнутъ мною аресту именно за разоблаченія въ печати неправильныхъ моихъ дѣйствій, какъ земскаго начальника; 2) несомнѣнной клеветой я признаю фразу: «Читалъ нотацію корреспонденту за его газетныя статьи, въ которыхъ указывалось на пробѣлы въ дѣятельности заправилъ мѣстнаго крестьянскаго управленія, равно какъ и перечисленіе этихъ пробѣловъ; 3) нахожу клевету въ изложеніи того обстоятельства, что будто мною приказано было не допускать къ арестованному даже врача, и 4) имѣется клевета и во фразѣ: «Позвалъ корреспондента и, стуча кулаками объ столъ, заявилъ ему, что будетъ зорко слѣдить за его дѣйствіями и будетъ его сажать въ клоповникъ за всякую малѣйшую попытку коснуться чьей бы то ни было дѣятельности, называя это неисполненіемъ законныхъ требованій своихъ».

Г. Винницкій былъ преданъ суду; разборъ дѣла состоялся 11-го іюня. Вызвано 10 свидѣтелей, показанія которыхъ нарисовали совершенно одинаковую картину отношеній земскаго начальника къ подсудимому и вполнѣ подтвердили всѣ акты, изложенные въ корреспонденціи. Особенно интересны показанія доктора Клярфельда.

«26-го февраля сего года,—говоритъ онъ,—въ 12 часовъ дня, я получилъ записку, въ которой сказано было, что мой паціентъ Н. Винницкій арестованъ земскимъ начальникомъ и проситъ сейчасъ же явиться къ нему въ кордегардію, такъ какъ онъ заболѣлъ. Зная, что Винницкій страдаетъ одышкой, вслѣдствіе ожирѣнія сердца, я поспѣшилъ къ нему. Когда я вошелъ въ корридоръ, мнѣ указали на въ высшей степени грязное помѣщеніе, въ которое я, къ сожалѣнію, войти не могъ, такъ какъ двери его были заперты на желѣзную скобу. Я могъ,—говоритъ онъ далѣе,—просунуть свою голову въ маленькое окошко. Я былъ пораженъ той зловонной атмосферой, въ которой находился арестованный. Г. Винницкій при этомъ указалъ мнѣ на человѣческій калъ. Обо всемъ видѣнномъ я сейчасъ же доложилъ земскому начальнику, настаивалъ, что при болѣзни Винницкаго трехсуточное пребываніе въ этой клоакѣ можетъ вредно отозваться на его здоровьѣ, и просилъ о переводѣ его въ другое помѣщеніе. Вечеромъ того же дня докторъ получилъ вторую записку уже отъ г. Винницкаго, который писалъ: «Страдаю сильными головными болями и сердцебіеніемъ, приходите и помогите». И что же? Явившись для подачи помощи, я былъ оттолкнутъ привратникомъ, который получилъ строгій приказъ свыше: никого, даже врача, не допускать».

Привратникъ Квыщъ показалъ, что за годъ его службы земскій начальникъ провѣрялъ только два раза заключенныхъ, и то тогда, когда тамъ находился г. Винницкій. Первый разъ онъ провѣрялъ заключенныхъ въ первый день за-

ключенія г. Винницкаго, въ 12 ч. ночи, а второй разъ, въ послѣдній день заключенія г. Винницкаго, въ 1 часъ ночи. Въ распоряженіе г. Винницкаго были предоставлены нары съ клопами. На его просьбу дать ему сѣна, ему отвѣтили, что для него сѣна нѣтъ. Свидѣтель Хрулевъ показываетъ, что, находясь вмѣстѣ съ г. Винницкимъ въ заточеніи, онъ до поступленія г. Винницкаго пользовался сравнительной свободой, могъ выходить погулять и т. д., а послѣ, находясь съ нимъ въ одной камерѣ, лишился всего этого.

Въ показаніяхъ крестьянина Роздобудько интересны слѣдующія подробности: 29 февраля, т.-е. въ день окончанія трехсуточнаго ареста Винницкаго, при волостномъ правленіи собралась большая толпа разнаго народа, а къ 11-ти часамъ прибылъ и г. Рустановичъ, который приказалъ ввести арестованнаго Винницкаго. Приказаніе было исполнено. По входѣ корреспондента Винницкаго г. Рустановичъ, началъ бить кулаками о столъ и топать ногами о полъ, заявилъ ему, что будетъ зорко слѣдить за его, Винницкаго, дѣйствіями, и если онъ, Винницкій, опять позволитъ себѣ въ газетахъ касаться дѣятельности его или его подчиненныхъ, то будетъ каждый разъ сажать его подъ арестъ.

Окружный судъ вынесъ г. Винницкому оправдательный вердиктъ.

Къ характеристикѣ почтово-телеграфной службы. Пользуясь данными, обнаруженными въ недавно разбиравшемся процессѣ по обвиненію начальника калужской почтово-телеграфной конторы ст. с. Эренверга въ бездѣйствіи власти, «Русскія Вѣдомости» обращаютъ вниманіе на общіе порядки службы и контроля въ нашемъ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ.

Въ 1887 году въ Калугѣ образована была почтово-телеграфная контора 3-го класса и введенъ нормальный штатъ служащихъ; работать служащимъ требовалось 7—8 час. въ сутки. Съ тѣхъ поръ составъ служащихъ не увеличивался, тогда какъ размѣръ работы непрерывно росъ не только вслѣдствіе естественнаго роста потребности населенія въ почтово-телеграфныхъ сношеніяхъ, но еще и въ зависимости отъ экстренныхъ событій, какъ расквартированіе въ Калугѣ двухъ пѣхотныхъ полковъ и артиллерійской бригады. Такое измѣненіе вещей не могло пройти незамѣченнымъ для почтоваго начальства, однако единственною за все время мѣрою съ его стороны было отнесеніе въ 1893 г. калужской конторы во второй (высшій) разрядъ почтово-телеграфныхъ установленій, но безъ увеличенія числа служащихъ. Въ 1896 году операціи калужской конторы удвоились; введены были, кромѣ того, новыя операціи — по открытой почтово-телеграфной ссудо сберегательной кассѣ, допущенію посылокъ съ наложеннымъ платежемъ, доставкѣ денежныхъ пакетовъ на домъ адресатамъ, введенію переводовъ денегъ по почтѣ и телеграфу. Въ 1887 году чиновники работали по 7—8 часовъ, теперь при томъ же ихъ числѣ нужно было заниматься въ конторѣ по 16—17 час. въ сутки,

Провинился г. Эренвертъ и обвинялся въ томъ, что отмѣнилъ денной караулъ при почтовой кладовой, изъ которой благодаря этому былъ похищенъ узелъ съ 22.500 руб. Обвинительная власть подчеркнула здѣсь не активный элементъ превышенія власти (отмѣнилъ), а пассивный—бездѣйствія (благодаря отмѣнѣ караула похищенъ узелъ). Иной элементъ въ данномъ случаѣ и при данныхъ условіяхъ службы и мудрено усмотрѣть. Ему ни разу не увеличили числа сотрудниковъ, тогда какъ дѣла постоянно прибавлялось; его ходатайства въ этомъ направленіи клались подъ сукно. Поневолѣ «приходилось приспособляться къ новымъ условіямъ» службы собственными средствами и способами. Съ развитіемъ почтовыхъ операцій приходилось требовать отъ чиновниковъ все большей и большей усидчивости (съ 8 час. въ 1887 г. до 17 час. въ 1897 г. въ сутки). Съ приходомъ полковъ и артиллеріи не хватало чиновниковъ въ конторѣ; за столы къ книгамъ посажены были семь письмоносцевъ, а ихъ соб-

ственная работа разложена между остальными 14, и безъ того обремененными разноскою корреспонденціи по городу и развозкою почты по трактамъ. Одновременно и караульные, приставленные къ почтовой кладовой, стали отвлекаться сверхъ этой спеціальной обязанности къ писанію тутъ же на посту повѣстокъ, книгъ и т. д. Наконецъ, организація новыхъ операцій (касса, переводы, наложенный платежъ и т. д.) сопровождалась окончательнымъ упраздненіемъ днемъ караульныхъ при дверяхъ почтовой кладовой.

Если бы все это не было предметомъ судебнаго слѣдствія и не было обнаружено съ такою очевидностью въ своей роковой совокупности, трудно было бы на первый взглядъ всему этому дать вѣру; но именно эта-то сложная совокупность фатально сцѣпляющихся между собою канцелярщины и глухоты къ заявленіямъ подчиненныхъ, благодушнаго упованія на русское авось, массы безропотнаго труда «подчиненныхъ» и приводитъ на память всѣ тѣ случаи изъ быта чиновничьяго міpка, о которыхъ ежедневно приходится читать, слышать...

Въ частности относительно почтово-телеграфнаго дѣла, призваннаго служить исключительно культурнымъ задачамъ всей страны, особенно обидна погоня за ростомъ доходности, урѣзывающая бюджетъ вѣдомства въ ущербъ развитію службы, улучшенію организаціи. Почта и телеграфъ не только окупаютъ у насъ себя, но и даютъ избытокъ въ приходѣ надъ расходомъ. Здѣсь не нужно просить на улучшенія ассигновокъ изъ казны; здѣсь достаточно было бы большей свободы вѣдомства въ употребленіи излишка. Обращеніе его на развитіе и усовершенствованіе почтово-телеграфныхъ операцій было бы производительнѣе зачисленія его во что бы то ни стало въ общіе доходы казны.

Фальсификація пищевыхъ продуктовъ. Небольшой кружокъ лицъ съ редакторомъ «Вѣстника винодѣлія», г. Таировымъ, во главѣ, взялъ на себя иниціативу поставить на очередь давно назрѣвшій вопросъ о борьбѣ съ фальсификаціей и обратить на него серьезное вниманіе какъ общества, такъ и правящихъ сферъ. Съ этою цѣлью кружкомъ издана книга «Матеріалы по вопросу о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ съ приложеніемъ законопроекта», съ интереснымъ содержаніемъ которой «Россія» знакомитъ широкіе круги публики.

Фальсификація изъ года въ годъ развивается, пускаетъ глубокіе корни, завоевываетъ рынки, вытѣсняя здоровые натуральные пищевые продукты. Законы наши не содержатъ достаточныхъ указаній для борьбы съ этимъ зломъ. Натуральные продукты не находятъ себѣ сбыта, обезцѣниваются, залеживаются у производителей, и это въ совокупности подрываетъ ихъ экономическое благосостояніе. Всѣ страдаютъ отъ такого положенія вещей. Богатѣютъ и процвѣтаютъ лишь фальсификаторы на почвѣ общественной безпомощности.

Одесскій проф. Петріевъ, въ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ «Матеріалахъ», говоритъ, что «фальсификаторы, съ поражающими настойчивостью, энергіею, умѣньемъ и находчивостью пользуясь услугами науки и всякими ухищреніями, забывая всякіе нравственные принципы, придаютъ продаваемому пищевому веществу лишь обликъ натуральнаго; въ малоцѣнномъ продуктѣ часто нѣтъ рѣшительно ничего природнаго, или же это природное совершенно видоизмѣнено и въ иныхъ случаяхъ является ядомъ для потребителя. Не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ,—продолжаетъ далѣе г. Петріевъ,—что фальсификаторы являются тѣми грабителями на большой дорогѣ, которые, ради денегъ, не щадятъ жизни человѣка».

Для иллюстраціи этого взгляда Петріевъ приводитъ слѣдующіе примѣры изъ одесской торговли: 1) въ кондитерскихъ, за очень рѣдкимъ исключеніемъ, нельзя найти настоящихъ фруктовыхъ мармеладовъ, патовъ и проч.: всѣ готовятся изъ желатина (сомнительнаго достоинства), съ примѣсью агаръ-агара, сахарина, красокъ и эссенцій; 2) встрѣчались подъ названіемъ оливковыхъ и

другихъ питательныхъ маселъ множество сортовъ постныхъ маселъ (не говоря уже о гарныхъ), въ которыя *нефтяные остатки* входятъ въ количествѣ до 50 и болѣе процентовъ; на такихъ маслахъ часто готовятся рыбные консервы и другіе продукты; 3) квасы и и другіе прохладительные напитки хотя и выдѣлываются изъ соотвѣтствующихъ матеріаловъ, но сахаринъ неизмѣнно входитъ во всѣ, а нѣкоторые изъ нихъ приготовляются исключительно изъ днѣстровской воды, сахарина и подходящей каменноугольной краски и «эссенціи».

Свидѣтельство другого специалиста, г. Гернета, старшаго лаборанта одесской городской химической лабораторіи, подтверждаетъ тѣ же факты и приводитъ новые, еще болѣе поразительные, относительно фальсификаціи вина. Оказывается, напримѣръ, что вино съ вредными примѣсями было найдено въ одномъ погребѣ изъ каждыхъ трехъ, что въ виноторговлѣ наиболѣе «удовлетворительно» обставлено... печатаніе этикетовъ, и всякіе «бордо», «лафитъ», «рислингъ» фабрикуются тутъ же въ погребѣ,

Вооруженный капиталомъ и знаніемъ, облеченный въ самую соблазнительную изящную форму, съ громкими этикетками разныхъ «шато», фальсифицированный продуктъ имѣетъ могущественнаго союзника въ невѣжествѣ и тщеславіи потребителя, который готовъ за всякую мерзость платить бѣшеныя деньги только потому, что эта мерзость преподносится ему подъ ласкающею его тщеславіе громкой этикеткой: шато-лафитъ», «шато-икемъ». И никто изъ пьющихъ эти «лафиты» и не подозрѣваетъ, должно быть, что настоящіе лафитъ и икемъ производятся во Франціи всего въ двухъ имѣніяхъ въ количествѣ, едва хватающемъ для дворовъ европейскихъ государей. А между тѣмъ лафиты вы найдете всюду и вездѣ. Такова сила традиціи. Безъ «лафита», хотя бы только по этикеткѣ, не можетъ обойтись ни одна купеческая свадьба, ни одинъ юбилейный обѣдъ. Откуда же этотъ лафитъ, спрашивается? Собственной «разливки»,—отвѣтитъ вамъ виноторговецъ, съ тонкой ироніей на губахъ, предоставляя вамъ подразумѣвать подъ «собственной разливкой» все, что угодно. И идутъ на эту приманку сотни и тысячи зажиточныхъ потребителей.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ потребителемъ незажиточнымъ, со среднимъ достаткомъ, могущимъ тратить на виноградное вино не болѣе 50—60 к. за бутылку. Такому потребителю не преподносятся дешевыя вина съ французскими этикетами, чтобы не уронить престижа послѣднихъ—дешевизной. Здѣсь къ услугамъ потребителя различныя вина, относящіяся къ тремъ главнѣйшимъ категоріямъ: «бурда», «кислятина» и «микстура». Другихъ марокъ дешевыхъ виноградныхъ винъ нашъ простой потребитель не знаетъ. Неудивительно, если отъ такихъ винъ его потянетъ къ водкѣ, вполнѣ очищенной, съ которой, по крайней мѣрѣ, нечего бояться никакой фальсификаціи. И такъ въ то время, какъ подвалы винодѣловъ переполнены настоящимъ виноградньмъ виномъ, котораго нельзя сбыть даже по баснословно дешевой цѣнѣ, поддѣльный продуктъ получаетъ широкое распространеніе по всему лицу земли русской.

Въ погонѣ за званіемъ. Обезличенный обыватель россійскій страстно жаждетъ хотя бы при помощи какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ приподнять нѣсколько свое человѣческое достоинство. Въ прошломъ году много шума вызвало дѣло кавказскихъ обывателей, при помощи подкуповъ и подлоговъ старавшихся надѣлить себя княжескими и дворянскими званіями, теперь, по словамъ московскихъ газетъ, въ очень неловкое положеніе попали московскіе купцы, въ погонѣ за болѣе скромнымъ званіемъ потомственнаго почетнаго гражданина.

Уѣздный учитель Леонидъ Пустынинъ нуждался въ средствахъ къ жизни. Опытность и знаніе человѣческихъ слабостей помогли ему не только выйти изъ

затруднительнаго положенія, но даже нажить за 5 лѣтъ, по его словамъ, 42 тысячи. Районъ дѣятельности Пустынина охватывалъ Москву исключительно купеческую.

Зная о страсти купцовъ къ пот. поч. гражданству, Пустынинъ и построилъ на этомъ свой проектъ. Онъ являлся къ многимъ представителямъ московскаго купечества, не имѣющимъ права на причисленіе къ потомственному почетному гражданству, и предлагалъ свои услуги въ исходатайствованіи этого права. Онъ рекомендовался то частнымъ повѣреннымъ, то письмоводителемъ мирового судьи, а иногда даже и учителемъ музыки. У него, видите-ли, былъ такой «секретъ», благодаря которому всѣ ходатайства удовлетворялись. За хлопоты назначалось собственно небольшое вознагражденіе—100 р., да и тѣ Пустынинъ соглашался получать по окончаніи дѣла. Зато, впрочемъ, «на расходы» бралъ.

Пустынинъ доставалъ какія-то бумаги, отправлялъ въ присутственныя мѣста прошенія, получалъ всевозможныя удостовѣренія о личности своихъ довѣрителей. Каждая бумажка при этомъ обходилась имъ «въ копейку». Затѣмъ документы отправлялись въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената, гдѣ «требовалась» сумма въ нѣсколько сотъ рублей на оплату пошлинъ. И опять давали. Число кліентовъ у Пустынина все росло. Въ числѣ ихъ оказались московскіе купцы: Сибиряковъ, Чукмалдинъ, Егоровъ, Колгановъ, Кудрявцевъ и др.

Между тѣмъ въ 1898 — 1899 гг. въ департаментѣ герольдіи правительствующаго сената обращено было вниманіе на значительное количество прошеній, поступавшихъ изъ Москвы отъ купцовъ съ однородными ходатайствами, именно: о причисленіи просителей къ потомственному почетному гражданству, тогда какъ послѣдніе права на это не имѣли. Прошенія были тождественны, всѣ присланы по почтѣ въ видѣ пакетовъ, оцѣненныхъ въ нѣсколько сотъ рублей каждый. Возникло подозрѣніе въ мошенничествѣ, что и вызвало дознаніе, а затѣмъ привлеченіе къ слѣдствію Пустынина. Оказалось, что онъ прошенія отправлялъ въ департаментъ герольдіи, деньги оставлялъ у себя, а довѣрителямъ представлялъ квитанціи на отправленные цѣнные пакеты. Дѣло слушалось 16-го іюня.

Подсудимый призналъ себя виновнымъ, но утверждалъ, что сначала и самъ онъ заблуждался относительно правъ своихъ кліентовъ. Работалъ Пустынинъ не одинъ. По его словамъ, у него были соучастники, чиновники различныхъ учрежденій, которымъ онъ передалъ 14 тыс. руб.

Пустынинъ признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ.

Австрійцы въ крѣпостной зависимости у русскаго помѣщика. Со словъ «Силезской Газеты» «Варшавскій Дневникъ» сообщаетъ о слѣдующемъ необыкновенномъ случаѣ: «Надняхъ галицкому сейму будетъ представленъ проектъ объ ассигнованіи изъ провинціальныхъ средствъ суммы въ 50.000 кронъ для выкупа крестьянъ деревни Зеленой (Гусятинскаго округа) изъ русской крѣпостной зависимости.

Этотъ фактъ, единственный въ настоящее время, имѣетъ слѣдующую исторію. Деревня Зеленая лежитъ на пограничной рѣкѣ Збручѣ; когда въ прошломъ столѣтіи производилось разграниченіе между Россіей и Австріей, то пограничную линію провели такъ, что усадьбы и сады крестьянъ деревни Зеленой были присоединены къ Австріи, а пахотныя поля включены въ русскую территорію. Вслѣдствіе этого крестьяне деревни Зеленой попали въ крѣпостную зависимость къ мѣстному русскому землевладѣльцу и эти крѣпостныя отношенія остались въ полной силѣ и послѣ освобожденія крестьянъ въ Россіи, такъ какъ высо-

чайшій манифестъ и новое положеніе не могли быть примѣнены къ крестьянамъ деревни Зеленой, потому что они были фактически австрійскими подданными. Хотя крѣпостное право давно было отмѣнено какъ въ Австріи, такъ и въ Россіи, тѣмъ не менѣе крестьяне деревни Зеленой работали до 1898 г. на русскаго землевладѣльца и платили ему оброкъ. Такъ какъ русскій землевладѣлецъ былъ очень снисходителенъ, то крестьяне не протестовали противъ своего положенія; но въ 1898 г. старый помѣщикъ умеръ, а имѣніе перешло къ его наслѣднику. Онъ отказался признать права галицкихъ крестьянъ на землю, находящуюся на русской территоріи, и предложилъ имъ нанимать эту землю за очень высокую плату. Крестьяне хотѣли-было переселиться въ Россію, потому что въ Галиціи у нихъ нѣтъ пахотной земли, но тутъ вмѣшались въ дѣло галицкая мѣстная управа и вѣнское центральное правительство: чтобы удержать крестьянъ отъ эмиграціи, галицкая мѣстная управа и центральное правительство согласились между собой купить сообща земли деревни Зеленой, лежащія на галицкой сторонѣ, раздѣлить ихъ на мелкіе участки и распродать крестьянамъ съ разсрочкой на 50 лѣтъ. На эту операцію требуется сумма въ 150.000 кронъ, которая будетъ покрыта на 1/3 изъ провинціальныхъ средствъ, а на 2/3 изъ государственныхъ средствъ.

За мѣсяцъ. Коммиссія г.-а. Ванновскаго *по преобразованію средней школы* закончила въ главныхъ частяхъ разрѣшеніе возложенной на нее задачи. Съ результатами работъ коммиссіи, а отчасти и съ процессомъ работы знакомятъ насъ оффиціальныя сообщенія, опубликованныя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Такъ какъ въ прошломъ обозрѣніи мы указали уже на основныя положенія реформы, выработанныя коммиссіей, то теперь намъ остается коснуться лишь тѣхъ частей ея, которыя до оффиціальнаго сообщенія не были извѣстны въ печати.

Выработанный типъ единой средней общеобразовательной школы предполагается сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ учебныхъ заведеній этого рода. Отступленія отъ типа могутъ быть допускаемы, каждый разъ съ особаго разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, лишь для школъ, учреждаемыхъ всецѣло или частью на средства городовъ, земствъ, обществъ и частныхъ лицъ. Средняя школа имѣетъ своею задачею доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное среднее общее образованіе. Въ цѣляхъ возможнаго избѣжанія наплыва въ университеты излишняго количества слушателей, который объясняется въ извѣстной мѣрѣ, погонею за дипломомъ и льготами, желательно предоставить существующія въ уставѣ по воинской повинности льготы по образованію для окончившихъ курсъ первыхъ трехъ классовъ и полный курсъ средней школы (ст. 64, пп. 2 и уст. воин. пов.) и впредь до пересмотра устава о службѣ по опредѣленію правительства, предоставить послѣднимъ первый классный чинъ въ порядкѣ, указанномъ 255 ст. III т. уст. о службѣ, и въ этомъ смыслѣ измѣнить дѣйствующую нынѣ 295 ст. того же устава.

Аттестаты зрѣлости отмѣняются. Успѣшно прошедшіе курсъ средней школы получаютъ свидѣтельства объ окончаніи ими средняго образованія и пользуются правомъ поступать въ высшія учебныя заведенія на слѣдующихъ основаніяхъ:

А) при поступленіи въ университеты:

а) изучавшіе оба древніе языка могутъ быть приняты на всѣ факультеты безъ повѣрочнаго испытанія;

б) изучавшіе одинъ латинскій языкъ—на факультеты: историко-филологическій и богословскій (Юрьевскаго университета) съ дополнительнымъ экзаменомъ по греческому языку;

в) пріемъ лицъ, упомянутыхъ въ пунктѣ б, на прочіе факультеты, а также допущеніе на всѣ факультеты лицъ, не изучавшихъ вовсе древнихъ языковъ,

производится на основанiи правилъ и программъ, которыя имѣютъ быть выработаны соотвѣтсвующими факультетами и утверждены Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Б) Прiемъ въ высшiя спецiальныя учебныя заведенiя производится на основанiи уставовъ сихъ заведенiй.

Результаты работъ коммиссiи были повергаемы на Высочайшее воззрѣнiе, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было вполнѣ одобрить высказанныя коммиссiей соображенiя о необходимости обращенiя особаго вниманiя на воспитанiе учащейся молодежи и прiученiе ея къ школьной дисциплинѣ, на усиленiе преподаванiя гимнастики, воинскихъ и физическихъ упражненiй, на введенiе подвижныхъ игръ, школьныхъ экскурсiй и прогулокъ, а гдѣ къ тому представится возможность—и ручного труда.

Вмѣстѣ съ симъ Государь Императоръ соизволилъ одобрить предположенiе генералъ-адъютанта Ванновскаго о сохраненiи вышеуказанныхъ классическихъ гимназiй лишь въ пяти слѣдующихъ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кiевѣ, Варшавѣ и Юрьевѣ, по одной въ каждомъ.

Засимъ, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенiя, вышеизложенныя предположенiя коммиссiи будутъ переданы чрезъ попечителей учебныхъ округовъ на обсужденiе попечительскихъ совѣтовъ и педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведенiй и на заключенiе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, митрополита с.-петербугскаго и ладожскаго и тѣхъ министровъ, въ вѣдомствѣ коихъ имѣются учебныя заведенiя.

Заключенiя всѣхъ этихъ лицъ, учрежденiй въ теченiе предстоящихъ зимнихъ мѣсяцевъ будутъ обсуждены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя и затѣмъ дѣлу данъ будетъ ходъ въ установленномъ порядкѣ.

Согласно Высочайшему повелѣнiю, въ видѣ временной, на одинъ годъ, мѣры въ существующихъ мужскихъ гимназiяхъ и прогимназiяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенiя съ будущаго 1901—1902 учебнаго года преподаванiе латинскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ и греческаго въ III и IV классахъ прекращается. Взамѣнъ этихъ языковъ усиливается преподаванiе русскаго языка и географiи и вводится въ I классѣ преподаванiе исторiи и одного новаго языка, а гдѣ по мѣстнымъ условiямъ представится возможнымъ,—и естествовѣдѣнiя, также съ I класса. По отношенiю къ реальнымъ училищамъ повелѣно сдѣлать измѣненiя въ распредѣленiи уроковъ въ первыхъ двухъ классахъ. Соотвѣтствующiя измѣненiя въ распредѣленiи уроковъ съ начала 1901 — 1902 учебнаго года будутъ сдѣланы и въ тѣхъ гимназiяхъ, которыя предположено оставить съ обоими древними языками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенiя, 11-го iюня, Собственноручно начертать:

«*Надѣюсь, что будетъ также обращено серьезное вниманiе и на усиленiе религiозно-нравственнаго воспитанiя нашего юношества*».

Итакъ, стало быть, огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ преобразованiя средней школы совершенъ: классическую систему, господствовавшую надъ школой въ теченiи послѣднихъ тридцати лѣтъ, можно считать окончательно упраздненной, и, конечно, при дальнѣйшимъ обсужденiи реформы, у насъ не найдется ни одного вѣдомства, которое вступилось бы за отжившую систему, которая и до сего времени встрѣчала поддержку исключительно лишь со стороны одного Министерства Народнаго Просвѣщенiя.

Но, присутствуя теперь при упраздненiи классической системы, въ намѣченныхъ коммиссiею основныхъ положенiяхъ реформы мы не находимъ сколько-нибудь опредѣленныхъ указанiй относительно преобразованiя *системы воспитанiя*, т.-е. всего существующаго школьнаго режима, отрицательныя стороны

*

котораго съ достаточною яркостью отмѣчены были въ послѣдніе мѣсяцы періодической прессой. Правда, въ опубликованномъ обзорѣ дѣятельности коммиссіи есть указанія, что этотъ насущный для школы и всего русскаго общества вопросъ возбуждался въ коммиссіи, но данныя указанія слишкомъ кратки, чтобы судить о мнѣніи большинства, которое явилось въ этомъ смыслѣ рѣшающимъ. Мы узнаемъ изъ обзора лишь то, что меньшинство, не встрѣтившее, къ сожалѣнію, поддержки въ остальныхъ членахъ коммиссіи, не признавало возможнымъ въ число задачъ средней школы ставить воспитаніе на томъ основаніи, что въ открытыхъ школахъ о воспитаніи можетъ идти рѣчь лишь постольку, поскольку воспитательное вліяніе оказываетъ само обученіе. Будемъ надѣяться, что мнѣніе этого меньшинства, хотя и не восторжествовавшее въ коммиссіи, будетъ принято въ разсчетъ при окончательномъ преобразованіи дѣйствующей школьной системы. Давайте нашимъ дѣтямъ побольше знаній, воспитывайте ихъ физически, внушайте имъ основы вѣры и нравственности, но не ломайте ихъ характеровъ, какъ ломаетъ ихъ современная школа, не насилуйте ихъ индивидуальныя свойства и качества ради поставленнаго передъ вами общаго, искусственно придуманнаго шаблона, подъ который не подходитъ ни одна живая впечатлительная дѣтская душа. Таковы требованія, которыя предъявляетъ къ школѣ каждый отецъ и каждая мать, которымъ дороги правильное развитіе, физическое и нравственное здоровье ихъ дѣтей.

Точно также какъ вопросъ о роли воспитанія въ будущей школѣ, остается открытымъ и вопросъ о судьбѣ той массы часто противорѣчащихъ другъ другу циркуляровъ, подъ перекрестнымъ огнемъ которыхъ дѣйствовало въ послѣдніе годы училищное начальство. Таковъ, напримѣръ, знаменитый циркуляръ отъ 18-го іюня 1887 г. за № 9255, ограничивавшій доступъ въ среднюю школу «кухаркинымъ дѣтямъ».

Изъ новыхъ циркуляровъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, направляющихъ современную дѣятельность школы, отмѣтимъ слѣдующія два:

Еще въ сентябрѣ 1898 года министерствомъ народнаго просвѣщенія было предложено попечителямъ учебныхъ округовъ обратить вниманіе подчиненныхъ имъ начальствъ на сочиненія покойнаго М. Н. Каткова, съ цѣлью пріобрѣтенія ихъ для фундаментальныхъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. Вдова М. Н. Каткова нѣсколько времени тому назадъ довела до свѣдѣнія министерства, что далеко не всѣ еще перечисленныя выше учебныя заведенія пріобрѣли сочиненія ея покойнаго мужа. Исходя изъ того, что въ виду высоко-религіознаго нравственнаго и патріотическаго направленія статьи Каткова и до настоящаго времени не утратили своего значенія и интереса, министръ народнаго просвѣщенія г.-ад. Ванновскій, по словамъ одесскихъ газетъ, проситъ попечителя одесскаго учебнаго округа вновь рекомендовать сочиненія М. Н. Каткова названнымъ учебнымъ заведеніямъ для пріобрѣтенія ихъ.

Тѣ-же одесскія газеты передаютъ, что г.-ад. Ванновскій циркуляромъ отъ 9-го іюня увѣдомилъ попечителя одесскаго учебнаго округа, что, «на основаніи разъясненій, данныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія по поводу отдѣльныхъ случаевъ, восходившихъ на его разсмотрѣніе, до настоящаго времени установленъ былъ такой порядокъ. Ученики-евреи, оканчивавшіе курсъ 4-хъ или 6-ти классовъ прогимназій и реальныхъ училищъ и поступавшіе для продолженія образованія въ высшіе классы гимназій и дополнительные классы реальныхъ училищъ только потому, что въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ эти ученики переходили, не было соотвѣтственныхъ классовъ, до сего времени разсматривались не какъ переходящіе изъ одного учебнаго заведенія въ другое, а какъ непосредственно переводимые изъ младшихъ классовъ въ старшіе. Вслѣдствіе такого взгляда, извѣстное распоряженіе министерства на-

роднаго просвѣщенія отъ 10-го іюля 1887 года объ ограниченіи пріема евреевъ въ среднія учебныя заведенія извѣстнымъ процентомъ не примѣнялось къ такимъ ученикамъ.

«Въ настоящее время министерство народнаго просвѣщенія изъ имѣющихся въ его распоряженіи данныхъ усмотрѣло, что вслѣдствіе такого изъятія учениковъ, переходящихъ въ высшіе классы другихъ учебныхъ заведеній, отъ дѣйствія правилъ, изложенныхъ въ циркулярѣ 1887 года, процентъ учениковъ-евреевъ во многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно же находящихся въ чертѣ еврейской осѣдлости, значительно превышаетъ ту норму, которая для данной мѣстности установлена.

«Поэтому министръ народнаго просвѣщенія въ дополненіе къ циркуляру отъ 10-го іюля 1887 г. находитъ необходимымъ установить на будущее время, чтобы ученики-евреи, переходящіе для продолженія образованія изъ прогимназій и реальныхъ училищъ въ высшіе классы соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній, принимались въ таковыя не иначе, какъ въ счетъ процентной нормы».

— Недавно опубликованъ всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1898 годъ, останавливающійся, главнымъ образомъ, на штундизмѣ, въ которомъ по словамъ отчета—замѣчается «возбужденное и тревожное состояніе».

Сектанты демонстративно устраивали воспрещенныя Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ комитета министровъ 1894 г. многолюдныя общинныя богомоленныя собранія, привлекая на нихъ и православныхъ людей. На требованія полиціи прекратить незаконныя собранія, штундисты отвѣчали систематическимъ ослушаніемъ, грубостями и даже насиліями, упорно заявляя, что они не желаютъ подчиняться требованіямъ мѣстной власти, такъ какъ увѣрены въ изданіи новаго закона въ пользу свободы ихъ штундовой вѣры, что у нихъ въ самой столицѣ много братьевъ и сильная поддержка. Отъ посѣщенія пастырскихъ и миссіонерскихъ собесѣдованій штундисты упорно уклоняются; изъ народныхъ школъ своихъ дѣтей стараются брать тотчасъ же послѣ выучки первоначальной грамотѣ, устраняя тѣмъ доброе православно-просвѣтительное вліяніе школы на молодое поколѣніе секты. Миссіонерскіе отчеты отмѣчаютъ проникновеніе въ народно-сектантскую среду идей соціально-нигилистическаго направленія и проповѣди такъ называемаго «толстовства».

Далѣе отчеты указываютъ на агитацію въ пользу сектантовъ нѣкоторой, именующей себя либеральною, части нашего общества, въ послѣднее время особенно покровительствующей сектантамъ, поддерживающей съ ними и личныя, и письменныя сношенія и тѣмъ самымъ сильно питающей въ нихъ увѣренность въ дарованіи будто бы полной свободы ихъ лжеученію. Эта агитація перешла и въ печать, въ которой въ 1898 году появилось множество статей въ поддержаніе раскола и сектъ и въ порицаніе нашихъ миссій, и потому не удивительно, что и сектанты усиленно слѣдятъ за литературными теченіями въ ихъ пользу. Заграничные нѣмцы—баптисты тоже будто бы поддерживаютъ сношенія съ русскими штундистами и путемъ заграничной печати и лживыхъ извѣстій о преслѣдованіяхъ и казняхъ производили давленіе на общественное мнѣніе въ пользу сектантовъ. Въ 1898 году въ Лондонѣ на средства сектанта-толстовца, помѣщика Воронежской губерніи, Владиміра Черткова открыта типографія и издается газетка «Братскій листокъ», переименованный затѣмъ въ «Листки свободнаго слова». Изданіе это исключительно занимается русскимъ сектантствомъ и навѣтами на православную церковь и правительственную власть. Въ составленіи этихъ сектантскихъ листковъ принимаетъ, къ прискорбію, дѣятельное участіе извѣстный нашъ писатель графъ Левъ Толстой, возглавляющій каждый выпускъ своей рѣзкой критикой ученія православной церкви, а равно и дѣйствій русскихъ властей. Издателями упомянутыхъ листковъ были разо-

сланы главарямъ штундовыхъ общинъ вопросные листки о положеніи русскихъ сектантовъ въ церкви и государствѣ, отвѣты послѣднихъ и служатъ главнымъ источникомъ сообщаемыхъ въ листкахъ (лживыхъ и пристрастныхъ) свѣдѣній о русскомъ сектантствѣ.

Пропаганда штундизма усилилась. Результаты этой пропаганды, разумѣется, бываютъ самые печальные для православія: по свидѣтельству преосвященнаго херсонскаго, въ какомъ только приходѣ появятся два - три штундиста, положеніе прихода быстро мѣняется, къ прихожанамъ тотчасъ же прививаются грубость, самомнѣніе, критическое отношеніе ко всему церковному, холодность къ богослуженію и самой вѣрѣ. Но что особенно печально—штундизмъ начинаетъ появляться и множиться въ новыхъ для него районахъ.

Такъ, штунда разставляетъ свои сѣти по самымъ отдаленнымъ концамъ Россіи и, подъ видомъ легкости полученія спасенія чрезъ горѣніе къ Богу однимъ духомъ, уловляетъ въ пучину раціонализма весьма многихъ православныхъ. Въ то же время штунда настойчиво стремится объединить въ себѣ все новѣйшее сектанство. Особенно усиленно и успѣшно штундисты ведутъ пропаганду среди молоканъ. Въ сектѣ послѣднихъ въ послѣдніе годы замѣтно броженіе, обнаруживающееся въ недовольствѣ сложившимся порядкомъ жизни и въ исканіи лучшаго. Штундисты воспользовались такимъ настроеніемъ и, проникая въ мѣстности, населенныя молоканами, начали находить въ этой сектѣ прозелитовъ, передавая имъ свою нетерпимость.

Штунда является особенно страшной и грозной силой потому, что мысль современныхъ штундистовъ, все болѣе и болѣе расширяя область своего отрицанія, принимаетъ направленіе крайне опасное для соціально-политическаго строя нашего отечества. «Современный штундистъ,—по словамъ екатеринославскаго миссіонера,—много говоритъ о своей любви ко Христу и усердно читаетъ Евангеліе, но онъ любитъ Христа, не какъ Бога Искупителя, но какъ соціально политическаго дѣятеля, онъ любитъ не Евангельскаго Христа, а «своего», котораго создало его воображеніе, подъ вліяніемъ впечатлѣній матеріальной жизни. Въ Евангеліи современный штундистъ ищетъ не правилъ нравственной жизни, не «глаголовъ жизни вѣчной», но основаній для своихъ свободолюбивыхъ стремленій въ области общественной и соціально-экономической жизни». Въ чемъ заключаются эти свободолюбивыя стремленія сектантовъ? Свобода, къ которой стремятся штундисты, есть свобода отъ всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ на каждаго русскаго человѣка, какъ гражданина своего отечества, свобода отъ всѣхъ обязанностей православнаго христіанина, требуемыхъ церковью (у сектантовъ не нужно ни постовъ, ни посѣщенія храма Божія, ни исполненія обрядовъ церковныхъ) — словомъ, свобода, льстящая одной лишь чувственной сторонѣ человѣка и посему привлекающая многихъ. Въ подтвержденіе приведенной характеристики современнаго штундизма, первый изъ означенныхъ миссіонеровъ ссылается на свою бесѣду съ двумя штундистами, изъ которыхъ одинъ сказалъ миссіонеру: «Мы не желаемъ идти за вами; мы не любимъ вашего Христа; вы съ вашимъ Христомъ мѣняли людей на собакъ, а мы съ нашимъ Христомъ желаемъ быть свободными»; а другой заявилъ: «Освободились отъ пановъ, освободимся и отъ поповъ». Доказательствомъ справедливости того же взгляда на современную штунду, какъ на движеніе не только религіозное, но и общественно-политическое можетъ служить и то, что, напримѣръ, нѣкоторые изъ штундистовъ Харьковской губерніи, совершенно перестаютъ интересоваться религіей; не имѣютъ ни молитвенныхъ собраній, ни пѣснопѣній, ни какихъ-либо вообще богослужебныхъ дѣйствій. Собираясь же, они ведутъ уже исключительно бесѣды объ общественно - политическихъ вопросахъ, читаютъ книги противо-религіознаго и противо-государственнаго содержанія. Между ними обращаются сочиненія самаго возмутительнаго содержанія, направленнаго противъ

вѣры, церкви и государственнаго порядка. Свои соціалистическіе взгляды сектанты часто, не стѣсняясь, высказываютъ и въ бесѣдахъ съ миссіонерами. Но иногда они отъ словъ переходятъ и къ дѣлу, что, по свидѣтельству преосвященнаго херсонскаго, подтвердило ихъ участіе въ тайномъ движеніи среди рабочихъ города Николаева, образовавшихъ такъ называемый «союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ», открытый полиціею при содѣйствіи одного возвратившагося въ православіе бывшаго штундиста.

— Высочайше утвержденнымъ 4-го іюня мнѣніемъ государственнаго совѣта установлены слѣдующіе *сроки предостереженій для періодическихъ изданій*. выходящихъ безъ предварительной цензуры: первое предостереженіе будетъ имѣть силу только одинъ годъ, второе—два года, считая срокъ съ момента полученія предостереженія. О третьемъ предостереженіи законъ не говоритъ, но распоряженіемъ министра отъ 11-го іюня, на основаніи новаго закона, освобождены отъ дѣйствія примѣчанія къ ст. 144-й Уст. о ценз. слѣдующія четыре изданія, получившія раньше по три предостереженія:

«Биржевыя Вѣдомости», «Восходъ», «Русскія Вѣдомости» и «Хозяинъ».

— 29-го іюня гр. *Левъ Николаевичъ Толстой* почувствовалъ нѣкоторое недомоганіе, которое вскорѣ перешло въ серьезную болѣзнь, внушившую тревожныя опасенія за его дорогую для всего культурнаго человѣчества жизнь. Къ счастью, здоровый организмъ Льва Николаевича осилилъ недугъ, и уже къ срединѣ іюля великій писатель земли русской совершенно оправился, хотя болѣзнь и оставила на немъ тяжелые слѣды: Л. Н. замѣтно состарился, похудѣлъ и ослабѣлъ. Поздравительныя телеграммы и письма со всѣхъ концовъ міра свидѣтельствуютъ великому старцу радость культурныхъ людей по случаю его выздоровленія.

Кіевскія больницы.

Въ предыдущей статьѣ, помѣщенной въ іюньской книжкѣ журнала «Міръ Божій», мы описали санитарное состояніе г. Кіева, причемъ говорили и о больничномъ вопросѣ, но коснулись только количественной стороны его, то-есть числа коекъ въ кіевскихъ больницахъ, годовыхъ расходахъ на нихъ, и т. д. Но для того, чтобы исчерпать данный вопросъ болѣе разносторонне, мы должны естественно коснуться и качественной стороны его. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы считаемъ необходимымъ ознакомить читателя, хотя бы поверхностно, съ двумя самыми большими и наиболѣе популярными нашими больницами, именно Александровской, содержимой на средства города, и Кирилловской, состоящей въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія. Мы остановились на этихъ двухъ больницахъ, во 1-хъ, потому, что къ нимъ населеніе наше чаще всего обращается, и, во 2-хъ, что онѣ рѣзко отличаются отъ прочихъ больницъ своими особенностями, на которыя мы и имѣемъ въ виду здѣсь указать. Обѣ эти больницы хорошо знакомы намъ со времени нашего студенчества, когда мы неоднократно бывали въ нихъ, но съ того времени прошло уже около 12 лѣтъ, и мы могли ожидать, что за это время многое въ нихъ существенно измѣнилось. Двѣнадцать лѣтъ въ жизни больницы—вѣдь это цѣлая вѣчность! Въ виду этого, мы сочли нужнымъ снова ознакомиться съ этими больницами, чтобы убѣдиться, насколько онѣ измѣнились за это время къ лучшему. Къ глубокому сожалѣнію, наши ожиданія въ этомъ отношеніи нисколько не оправдались, и мы нашли обѣ больницы въ томъ самомъ состояніи и видѣ, въ какомъ онѣ находились двѣнадцать лѣтъ назадъ. Очевидно, годы эти прошли для нихъ совершенно безслѣдно.

При посѣщеніи *Александровской* больницы, намъ вездѣ, кромѣ новаго инфекціоннаго барака, бросились въ глаза столь хорошо знакомыя намъ съ прежнихъ временъ грязь и запущенность: мы опять вездѣ увидѣли плохо выбѣленныя стѣны, на которыхъ тамъ и сямъ осыпалась штукатурка, старые полы съ массой щелей въ нихъ, гдѣ легко скопляется грязь и застаивается жидкость, спертый воздухъ въ палатахъ вслѣдствіе переполненія ихъ и дурной вентилляціи, плохое, заношенное, часто порванное бѣлье и старые, дырявые халаты на больныхъ и, наконецъ, «съ борка и сосенки» набранную прислугу, поражающую своимъ неряшливымъ видомъ и полнымъ незнакомствомъ съ своими обязанностями. Недостатокъ бѣлья и худая прислуга—старое и едва ли не самое большое зло Александровской больницы. Противъ него въ свое время боролся уже д-ръ Лѣсковъ. «Касаясь нуждъ больницы,—говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ Александровой больницы за 1895, г. стр, 37,—нельзя обойти молчаніемъ существенный пробѣлъ, отражающійся на больныхъ.—неподготовленность палатной прислуги. Обязанности послѣдней очень тяжелы и влекутъ неоднократно за собою зараженія какъ инфекціонными острыми болѣзнями, такъ равно и бугорчаткою, чему бывали примѣры въ больницахъ. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ службы въ палатахъ и при постоянномъ рискѣ заразиться, такъ какъ *прислуга не имѣетъ при палатахъ никакой отдѣльной комнатки, гдѣ она могла бы отдохнуть, и размѣщается въ общихъ палатахъ*, пропитанныхъ чахоточными и другими бациллами—она на пребываніе свое смотритъ, какъ на временное, въ крайней нуждѣ, зло и съ наступленіемъ весны буквально бѣжитъ изъ больницы. Благодаря этому, администрація больницы весною поставлена въ очень тяжкія условія подысканія прислуги для больницы, не очень щепетильно относясь къ выбору, а нанимая на толкучкѣ почти перваго встрѣчнаго; при такихъ условіяхъ, конечно, не приходится справляться о нравственности». Все это безъ всякаго измѣненія осталось и теперь. Не трудно представить себѣ, каковъ долженъ быть уходъ за больными при такой прислугѣ, которой вдобавокъ еще очень мало—всего по 1—2 человѣка на каждые 30 больныхъ. Таково было общее впечатлѣніе, полученно нами при возобновленіе знакомства съ Александровской больницей послѣ 12-лѣтняго перерыва.

Чтобы дополнить это общее впечатлѣніе, мы позволимъ себѣ описать нѣсколько подробнѣе четыре терапевтическимъ барака (№№ 1, 2, 3 и 4), расположенные на самой верхней террассѣ больничной усадьбы, и эпидемическій баракъ (№ 1), находящійся невдалекѣ отъ нихъ. Упомянутые четыре барака представляютъ собою довольно старыя деревянныя зданія, построенныя еще во время турецкой войны для раненыхъ, которыхъ привозили съ театра войны. Съ того времени бараки эти продолжаютъ существовать въ томъ же видѣ и до сихъ поръ, кое-какъ поддерживаемые больничной администраціей. Уже a priori является вопросъ, могутъ ли подобныя деревянныя сооруженія, наскоро сколоченныя, для лѣченія раненыхъ, 25 лѣтъ тому назадъ, служить теперь въ качествѣ постоянныхъ больничныхъ бараковъ? На этотъ счетъ врядъ ли еще можетъ явиться сомнѣніе у всякаго, кто хоть немного ознакомится съ ними. Бараки эти расположены, какъ мы уже сказали, на верхней террассѣ больничной усадьбы въ одну линію и своимъ устройствомъ, равно какъ и размѣрами, очень похожи другъ на друга. Каждый изъ нихъ представляетъ собою обыкновенное одноэтажное деревянное зданіе, состоящее изъ одной большой палаты, въ которую вы прямо со двора и вступаете. Передней, гдѣ можно было бы снять верхнее платье и галоши и немного обогрѣться—нѣтъ, такъ что зимою каждый, кто входитъ, вноситъ съ собою струю морознаго воздуха, очень чувствительнаго особенно для тѣхъ больныхъ, которые лежатъ поближе къ входнымъ дверямъ. Уже одно это обстоятельство вызываетъ постоянное неудоволь-

ствіе и жалобы со стороны больныхъ. Во всѣхъ описываемыхъ баракахъ зимою въ морозные дни очень холодно (иногда бываетъ не больше 10°), потому что печи въ нихъ вездѣ старыя и совершенно недостаточныя для ихъ обогрѣванія. Палаты разсчитаны каждая на 25 человѣкъ, но здѣсь постоянно находится больныхъ значительно больше. Въ такомъ случаѣ приставныя койки размѣщаются подъ самыми окнами, отъ которыхъ дуетъ и гдѣ больные сильно страдаютъ отъ холода. Вентилляція палатъ совершается при помощи форточекъ, чрезъ которыя, когда онѣ открыты холодный воздухъ идетъ прямо на больныхъ и тѣ спѣшатъ какъ можно скорѣе закрыть ихъ. Изъ-за этого происходятъ вѣчныя столкновенія между больными и служителями больницы. Кромѣ форточекъ для вентилляціи, въ потолкахъ палатъ устроены еще фрамуги, но ими можно пользоваться развѣ только лѣтомъ, такъ какъ, когда онѣ открыты, въ палатахъ буквально гуляетъ вѣтеръ. Отсутствіе надлежащей вентилляціи при постоянномъ переполненіи палатъ (мы вездѣ находили вмѣсто 25 по 30, 35 и даже 40 больныхъ) служитъ причиной того, что въ палатахъ постоянно спертый, испорченный воздухъ.

Что касается эпидемическаго барака (№ 1), то о немъ мѣтко выразился въ свое время д-ръ А. Лѣсковъ, сказавъ, что онъ является «чернымъ пятномъ на новомъ родильномъ домѣ, въ сосѣдствѣ съ которымъ онъ какъ бы для ироніи расположенъ». Дѣйствительно, баракъ этотъ является чернымъ или вѣрнѣе грязнымъ пятномъ, и притомъ не только на родильномъ домѣ, а на всей Александровской больницѣ. Баракъ этотъ состоитъ изъ 1 большой и 2 малыхъ палатъ и представляетъ собою ветхое, деревянное зданіе, не имѣющее фундамента и стоящее прямо на землѣ съ покосившимися дверями и окнами, съ неровными щелистыми полами, со старыми *безъ герметическихъ дверецъ* печами, изъ которыхъ нѣкоторыя дымятъ во время топки. На сколько кроватей разсчитанъ этотъ баракъ—неизвѣстно, ибо въ него кладутъ, по словамъ врачей, больныхъ, сообразуясь не съ размѣрами палатъ, а съ количествомъ больныхъ. Мы застали при своемъ посѣщеніи 6 человѣкъ тифозныхъ больныхъ въ большой палатѣ, но намъ сказали, что въ случаѣ нужды сюда кладутъ 10 и даже 16 больныхъ. Въ этой же палатѣ одинъ изъ угловъ огороженъ чѣмъ-то вродѣ ширмъ, за которыми находится ванна. Этотъ огороженный уголъ и есть «ванная» терапевтическаго барака. Ванная, которая помѣщается рядомъ съ кроватями больныхъ, отдѣленная отъ нихъ одной только старенькой, рваной ширмой—что можетъ быть примитивнѣе этого? Когда-то, въ добрыя старыя времена, и этихъ ширмъ, говорятъ, не было, такъ что однихъ больныхъ купали на виду у другихъ.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ удивительномъ баракѣ никакого раздѣленія больныхъ нѣтъ, да и не можетъ быть, въ виду тѣсноты помѣщеній его. Въ одной и той же пататѣ лежатъ дифтеритные больные рядомъ съ тифозными, оспенные—вмѣстѣ съ рожистыми и т. д. Удивительно ли послѣ этого, что «публика—я опять цитирую слова д-ра А. Лѣскова—увидавъ условія, въ которыхъ поставлены больные въ эпидемическомъ баракѣ, очень часто отказывается оставлять заразныхъ больныхъ, унося ихъ съ собою и распространяя такимъ образомъ заразу».

Такова въ общихъ чертахъ кіевская городская Александровская больница, такою она была 12 лѣтъ тому назадъ, такою же она останется, вѣроятно, еще долго.

Теперь перейдемъ къ описанію *Кирилловской* больницы, но прежде сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ общихъ замѣчаній о ней. Какъ сказано, больница эта находится въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, который управляетъ больницами на основаніи устава, утвержденнаго «въ видѣ опыта» еще въ 1851 году. Но уставъ этотъ давно уже устарѣлъ и отжилъ.

Такъ, д-ръ М. С. Уваровъ въ своей статьѣ «Лѣчебныя заведенія Россійской Имперіи» *) говоритъ по поводу его слѣдующее: «Больницы приказа общественнаго призрѣнія подчинены дѣйствію лѣчебнаго устава 1851 г. Этимъ сказано многое, если не все. Самый приказъ является учрежденіемъ, недоступнымъ для широкаго контроля со стороны общества, какимъ пользуются земскія учрежденія, а потому общество и не можетъ дать указаній относительно веденія дѣла. Въ силу этого мы видимъ, что приказныя больницы не развились; онѣ представляются малыми, количество психіатрическихъ кроватей въ нихъ недостаточно; новыя требованія жизни больницъ и новыя требованія науки отразились на нихъ весьма слабо». Еще опредѣленнѣе высказался по поводу этого устава д-ръ П. И. Нечай въ своей статьѣ «Къ вопросу о призрѣніи больныхъ въ кіево-кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ» **). «Нельзя не видѣть нынѣ,—говоритъ онъ,—недостатковъ въ этомъ уставѣ, такъ какъ время шло впередъ, взгляды на вещи мѣнялись и совершенствовались, во врачебной наукѣ и въ практикѣ хозяйственной установились новыя и важныя истины, которыя давно уже проникли въ жизнь, но не вошли въ уставъ. Не удивительно, что въ наше время явились уже большія затрудненія въ примѣненіи этого устава къ дѣйствительной больничной жизни». Такимъ образомъ мы видимъ, что Кирилловская больница управляется до сихъ поръ уставомъ, утвержденнымъ полстолѣтія тому назадъ и потому мы можемъ уже a priori предположить, что больница эта должна быть отсталой и неудовлетворяющей современнымъ требованіямъ медицины.

Осмотръ ея мы начали съ *инфекціоннаго* отдѣленія, которое помѣщается въ наемномъ домѣ въ концѣ Кирилловской улицы. Усадьба этого дома ниже уровня мостовой, и окна по фасаду его, гдѣ помѣщается мужская половина, едва возвышается надъ послѣдней. Мужское отдѣленіе состоитъ изъ 5 небольшихъ комнатъ, двѣ изъ которыхъ темныя, такъ какъ выходятъ окнами въ чуланъ, съ низенькими потолками и старыми покривившимися полами. Стѣны, бѣленныя известью, покрыты кое-гдѣ подозрительнымъ налетомъ, отъ покосившихся оконъ дуетъ, какъ въ самой неблагоустроенной квартирѣ, на наружныхъ стѣнахъ кое-гдѣ видны пятна отъ сырости, которая въ сырую погоду должна быть здѣсь довольно ощутительной. Комнаты вентиллируются при помощи форточекъ. Мы застали въ мужскомъ отдѣленіи 26 больныхъ, которые были размѣщены какъ попало: брюшно-тифозные находились рядомъ съ сыпно-тифозными; въ одной комнатѣ мы застали рядомъ съ тифознымъ больнымъ дифтеритнаго, а въ другой—вмѣстѣ съ скарлатинознымъ больнымъ содержался одинъ коревой и съ натуральной оспой. Женская половина инфекціоннаго отдѣленія ничѣмъ не отличается отъ мужской.

Лучшими отдѣленіями Кирилловской больницы сравнительно съ другими являются гинекологическое, терапевтическое и хирургическое, но въ послѣднемъ очень даетъ себя чувствовать испорченный воздухъ въ палатахъ и корридорахъ. Самыми же неудовлетворительными отдѣленіями, создавшими такую печальную репутацію Кирилловской больницѣ или «Кирилловкѣ»—какъ называетъ ее народъ—являются психіатрическое и накожное.

Первое изъ нихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ совершенно отдѣльныхъ зданій. Въ одномъ изъ нихъ, называемомъ «старымъ домомъ», содержатся подсудимые душево-больные. «Старый домъ вполнѣ оправдываетъ свое названіе,—по своему внѣшнему виду и внутреннему устройству онъ напоминаетъ какое-то средне-

*) «Вѣстн. обществ. гигіены, судеб. и практич. медицины» февраль, 1896 г., стр. 105.

**) «Вѣстн. обществ. гигіены, судебн. и практич. медицины» октябрь, 1895 г., стр. 51.

вѣковое сооруженіе. Массивныя стѣны его, очевидно, десятками лѣтъ не бѣлены: вездѣ то и дѣло видишь полопавшуюся и осыпавшуюся штукатурку, паутину и густую пыль. Полы едва сохранили слѣды бывшей когда-то на нихъ краски, оконныя рамы совершенно сгнили и покосились. Это древнее сооруженіе лишено всякой вентилляціи и достаточнаго количества свѣта. Въ деревянной пристройкѣ къ нему, столь же древней, вѣроятно, какъ и само зданіе, находятся спальныя помѣщенія, въ которыхъ зимою должно быть адски холодно. Такое же неблагопріятное впечатлѣніе производитъ и такъ называемый «большой корпусъ»—тоже очень ветхое зданіе, въ которомъ содержится 35 больныхъ. Одна изъ палатъ его совершенно темная, потому что окнами выходитъ въ боковую пристройку. Женскіе павильоны, въ общемъ болѣе чистые, нежели мужскіе, значительно меньше послѣднихъ по своимъ размѣрамъ. Они оказались очень переполненными. Въ одномъ изъ нихъ (№ 1), разсчитанномъ на 30 больныхъ, мы застали ихъ 49, а въ другомъ (№ 2), въ которомъ больныхъ должно быть 16 душъ; ихъ оказалось ровно вдвое больше—32. Легко представить себѣ, какъ тяжелъ и испорченъ былъ воздухъ въ этихъ павильонахъ. Но еще болѣе переполненными оказались нѣкоторые мужскіе павильоны: такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ (№ 2) вмѣсто полагающихся 16 больныхъ ихъ находилось 46 человѣкъ. Въ мужскихъ павильонахъ васъ на каждомъ шагу поражаетъ грязь, а при входѣ обдаетъ воздухъ съ убійственнымъ клоачнымъ запахомъ. Причина этого заключается въ томъ, что клозеты вездѣ въ этихъ баракахъ устроены въ переднихъ, и такъ какъ они дурно содержатся, то вонь изъ нихъ, благодаря тягѣ, просасывается въ переднія и отсюда разносится по всѣмъ помѣщеніямъ, Въ одномъ изъ павильоновъ мы увидѣли нѣсколькихъ больныхъ на полу. Это, какъ намъ объяснили, слабые и безпокойные больные. Но намъ кажется, что слабость больного не есть еще причина того, чтобы держать его на полу; вѣдь не держатъ же въ другихъ больницахъ слабыхъ больныхъ на полу, а для того, чтобы они не упали съ кровати, около нихъ находятся постоянно сидѣлки или служителя. Что же касается безпокойныхъ больныхъ, то и ихъ, по нашему, едва ли слѣдуетъ держать на полу; для такихъ больныхъ существуютъ особыя кровати съ высокими мягкими спинками, сѣтки, смирительныя рубашки и т. п. Вѣдь за безпокойными больными необходимъ безпрестанный надзоръ все равно, лежатъ ли они на полу или нѣтъ, такъ что этимъ ничего не достигается. Въ павильонѣ № 4 нижній этажъ занятъ мужскимъ отдѣленіемъ, а верхній—женскимъ. Этотъ павильонъ производитъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе. Въ верхній этажъ его ведетъ широкая чугунная лѣстница, заканчивающаяся массивной желѣзной же дверью, послѣдняя всегда заперта на ключъ, который хранится у надзирательницы. Все женское отдѣленіе, довольно обширное, имѣетъ такимъ образомъ одинъ узкій неудобный выходъ черезъ ванную, находящуюся въ другомъ концѣ отдѣленія. Если бы здѣсь произошелъ пожаръ, то врядъ ли кому-нибудь изъ находящихся здѣсь больныхъ женщинъ удалось бы спастись. На это обстоятельство администраціи больницы слѣдовало бы обратить вниманіе. Мы закончимъ описаніе психіатрическаго отдѣленія Кирилловской больницы сообщеніемъ, что смертность въ этомъ отдѣленіи, постоянно высокая, достигла въ 1899 году 25, 3%! *). Эта прямо чудовищная цифра смертности какъ нельзя болѣе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ здѣсь несчастные больные **).

*) «Памятная книжка Кіевской губерніи на 1901 г.» стр. 119.

**) По даннымъ д-ра П. И. Нечая (Op. cit, стр. 59) смертность въ терапевтич. отдѣленіи Кирилл. больницы еще больше. Такъ, въ 1891 г. она достигла 28,6%, въ 92 г.—26,9, а въ 93 г.—28,2%. Подобныя цифры дѣлаютъ излишнимъ всякія комментаріи.

Самымъ неудовлетворительнымъ изъ всѣхъ отдѣленій Кирилловской больницы является накожно-сифилитическое, на которомъ мы поэтому остановимся подробнѣе. Отдѣленіе это также помѣщается въ частномъ зданіи на Кирилловской улицѣ и состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ корпусовъ, изъ которыхъ въ одномъ помѣщается мужская, а въ другомъ—женская половина. Палаты мужской половины поражаютъ своею грязью и запущенностью даже при сравненіи ихъ съ другими отдѣленіями Кирилловской больницы. Стѣны почти вездѣ давно не бѣлены, по угламъ видна паутина, ставшая отъ дыма и копоти совершенно черной. Полы всюду до нельзя грязные, со щелями и всякими неровностями. Въ нѣкоторыхъ палатахъ печи кафельныя, но отъ времени эмальный слой кирпича совершенно облѣзъ, такъ что всюду видны огромныя желтыя пятна. Воздухъ во всѣхъ палатахъ тяжелый, спертый, пахнетъ человѣческими испареніями, лѣкарствами и табачнымъ дымомъ, ибо больные курятъ въ палатахъ за неимѣніемъ особаго помѣщенія для этого. Кое-гдѣ, именно въ палатѣ № 3 и въ подвальномъ этажѣ, о которомъ рѣчь еще впереди, мы замѣтили на стѣнахъ сырость. Одѣяла и халаты на больныхъ изъ такъ называемаго верблюжьяго сукна просто поражаютъ своимъ видомъ: они состоятъ изъ сплошныхъ дыръ и заплатъ; вездѣ сукно отъ времени превратилось въ рѣшето. Еще въ худшемъ состояніи постельное и носильное бѣлье. Простыни изорваны съ такой массой пятенъ, что скорѣе похожи на тряпки, чѣмъ на бѣлье. Рубахи и кальсоны на больныхъ очень заношены, на нѣкоторыхъ до того разорваны что сквозь дырья видно голое тѣло больныхъ. Въ общемъ рубахи и кальсоны скорѣе напоминаютъ нищенскія отрепья, чѣмъ бѣлье. Въ такомъ же состояніи и полотняные чулки на больныхъ, такъ что многіе больные носятъ туфли на босу ногу, предпочитая обходиться безъ нихъ, несмотря на то, что для естественной нужды имъ приходится отправляться въ ретирадныя мѣста черезъ весь дворъ. Но самый ужасный видъ имѣютъ скатерти на шкафчикахъ, стоящихъ между каждыми двумя кроватями, на которыхъ непривычный человѣкъ не могъ бы не только ѣсть, но и смотрѣть безъ тошноты. Такой видъ онѣ пріобрѣли вслѣдствіе множества пятенъ отъ различныхъ мазей, которыя отпускаются здѣсь больнымъ не въ коробочкахъ или баночкахъ, а прямо на бумажкахъ. Шкафчики между кроватями старые, нѣкоторые безъ дверецъ, чуть держатся, иные совсѣмъ разломаны; въ нихъ помѣщается посуда и бѣлье больныхъ, лѣкарства, книги — все, что хотите. Въ палатѣ № 3 мы нашли огромный помойный ушатъ, по виду весьма похожій на классическую «парашку» и назначенный для собиранія сора. Тяжелое впечатлѣніе произвела на насъ палата № 7. Это довольно большая комната съ очень низкимъ потолкомъ, который буквально виситъ надъ головой. Длина ея 9 арш., ширина — 8, а высота—всего $3^3/_4$ арш. Такимъ образомъ, кубическій объемъ этой комнаты равенъ 226 куб. арш. или 8 съ лишнимъ кубич. саженъ. Въ этой комнатѣ мы застали 10 человѣкъ больныхъ, такъ что на каждаго изъ нихъ приходилось, стало быть, по 22,6 куб. арш. или по $^4/_5$ куб. саж. воздуха, между тѣмъ какъ по нормѣ полагается на каждаго больного не менѣе 3 куб. саж. Среди больныхъ этой палаты находился и больной *проказой* мальчикъ изъ с. Никольской-Борщаговки, Даніилъ Бровченко, помѣщавшійся здѣсь за отсутствіемъ отдѣльнаго помѣщенія, куда можно было бы его изолировать. Еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на насъ подвальный этажъ, гдѣ находится палата № 8. Здѣсь всѣ больные, за неимѣніемъ кроватей, лежатъ прямо на каменномъ полу, кто на сѣнникѣ, а кто и просто на какихъ-то тряпкахъ. Въ этой «палатѣ», длина которой 11 арш., ширина — 10 и высота — всего $3^3/_4$ арш. и кубическій объемъ которой равенъ всего 362 куб. арш., находилось 18 человѣкъ больныхъ. Такимъ образомъ, на каждаго изъ нихъ приходилось по 22 куб. арш. или около $^7/_9$ куб. сажен. воздуха, т.-е. въ 4 раза

меньше того, что должно быть. Легко представить себѣ, какъ сильно испорченъ—даже болѣе—какъ отравленъ былъ воздухъ въ этой палатѣ, въ которой вдобавокъ находится еще кубъ для кипяченія воды, не перестающій кипѣть въ продолженіи цѣлаго дня, вслѣдствіе чего къ спертому воздуху присоединяется еще невыносимая жара. При скудномъ свѣтѣ, проникающемъ сюда черезъ небольшія оконца, находившіеся здѣсь люди, повскакавшіе при входѣ нашемъ съ своихъ мѣстъ, показались намъ въ своихъ ужасныхъ халатахъ и разорванномъ бѣльѣ не больными, а какими-то паріями, отверженцами человѣческой семьи, заброшенными сюда жестокой судьбой на ужасныя муки и страданія.

Женская половина накожно-сифилитическаго отдѣленія оказалась гораздо чище и просторнѣе мужской.

Заканчивая эти строки, мы мысленно представляемъ себѣ обѣ эти больницы, и вновь передъ нашими глазами проносятся больные, дрожащіе отъ холода, въ рваномъ бѣльѣ и дырявыхъ халатахъ, валяющіеся на голомъ полу. Неужели—спрашиваемъ мы себя—все это происходитъ теперь въ огромномъ университетскомъ центрѣ, а не было много, много лѣтъ тому назадъ гдѣ-нибудь въ глухой провинціи? Чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ сознательнѣе и строже относится оно къ своей обязанности помогать неимущему и заботиться о болѣющемъ. Для исполненія этихъ высокихъ задачъ благотворительности у насъ существуютъ пріюты, богадѣльни и больницы. Послѣднія являются высшей формой, въ которой выражается общественное призрѣніе, и—согласно духу закона—они «должны удовлетворять элементарнымъ требованіямъ гуманности, приходя на помощь той части населенія, которая нуждается во время болѣзни въ спеціальномъ уходѣ и лишена возможности собственными средствами обезпечить себѣ подобный уходъ и леченіе». Но какъ далеки кіевскія больницы отъ этого идеала! Ихъ смѣло можно причислить къ тѣмъ лечебнымъ заведеніямъ, которыя—по остроумному выраженію А. П. Чехова—являются «учрежденіями, весьма вредными для здоровья ихъ обитателей». Когда же у насъ будетъ столько больницъ, чтобы въ нихъ находили мѣсто всѣ нуждающіеся? Когда же мы улучшимъ наши больницы настолько, чтобы находящіеся въ нихъ больные, страдающіе вслѣдствіе болѣзней, не должны были еще терпѣть отъ холода, голода и другихъ лишеній? Врачъ **Г. И. Гордонъ.**

Петербургъ, 10 іюля.

Изъ русскихъ журналовъ.

Организація народнаго образованія во Франціи. Г-жа *В. Танаевская* («Рус. Богатство» іюнь) передаетъ свои впечатлѣнія отъ знакомства со школьнымъ дѣломъ во Франціи. Начальное образованіе состоитъ изъ нѣсколькихъ ступеней. На первомъ мѣстѣ стоятъ «материнскія школы», куда принимаютъ дѣтей отъ 2 до 4 лѣтъ на цѣлый день, съ цѣлью облегчить уходъ за ними для рабочихъ женщинъ. Но не только занятыя матери посылаютъ туда своихъ малютокъ — женщины свободныя и зажиточныя тоже часто предпочитаютъ свалить съ себя надзоръ за дѣтьми, чтобы безпрепятственно предаваться болтовнѣ съ кумушками на базарѣ или въ лавкѣ. Рутина, вообще отличающая французскую школу, вторгается и въ подобныя убѣжища и вгоняетъ въ свои окаменѣлыя формы и этотъ нѣжный возрастъ. Чѣмъ то казарменнымъ вѣетъ отъ этого батальона малышей, движущихся, поющихъ, танцующихъ и играющихъ по командѣ, машинально повторяющихъ безжизненныя формулы на урокахъ начальнаго обученія. И тутъ какъ вездѣ введены поощрительныя награды,

«декораціи», въ видѣ крестиковъ, ленточекъ и т. п. Между тѣмъ, на материнскія школы возлагаются большія надежды: съ ихъ помощью разсчитываютъ привить рабочему классу элементарныя понятія о чистотѣ, гигіенѣ и т. п. Такъ какъ перевоспитать въ этомъ отношеніи взрослыхъ оказалось безнадежнымъ, то рѣшили сосредоточить вниманіе на дѣтяхъ 2—4 лѣтъ, внушая имъ болѣе культурныя привычки. За материнской школой слѣдуетъ «дѣтскій классъ» для дѣтей обоего пола отъ 4 до 6 лѣтъ. Въ этихъ школахъ игры, хоровое пѣніе и ручныя работы чередуются съ обученіемъ счету, чтенію и письму. Съ 6 лѣтъ ребенокъ вступаетъ въ возрастъ обязательнаго обученія, и если родители не хотятъ отдать его въ школу, то обязаны, подъ угрозой штрафа ежегодно представлять его на экзамены въ школьную коммиссію. Отъ 6 до 13 лѣтъ продолжается курсъ начальной школы. Программа начальныхъ школъ весьма обширна и представляетъ изъ себя нѣчто цѣльное, законченное, такъ какъ начальное образованіе не служитъ подготовкой къ средней школѣ. Педагогическое искусство у французовъ замѣчательно: учебный матеріалъ передается въ упрощенныхъ, ясныхъ и конкретныхъ формахъ, и въ теченіе школьнаго курса учителя дѣйствительно успѣваютъ внѣдрить въ своихъ питомцевъ много знаній и умѣнья, впрочемъ далеко не во всѣхъ частяхъ программы, ибо при обширности курса въ нѣкоторыхъ предметахъ приходится скользить по поверхности. Но собственно воспитательная сторона этого школьнаго курса является мало симпатичной. Преподаваніе исторіи направлено къ тому, чтобы внушить особый благоговѣйный культъ Франціи и французскаго имени; ради этого въ преувеличенныхъ терминахъ повѣствуется о богатствѣ, могуществѣ и даже первенствѣ Франціи среди другихъ народовъ. Естественно, что такимъ путемъ развивается въ юношахъ самодовольный высокомѣрный патріотизмъ. Особенно любопытно въ воспитательномъ отношеніи преподаваніе «морали». Извѣстно, что преподаваніе Закона Божія исключено изъ свѣтскихъ школъ и предоставлено заботамъ родителей и духовенства, мѣсто его занимаетъ «мораль». Общій тонъ этихъ нравственныхъ назиданій пріобрѣтаетъ въ рукахъ учительницъ слащавый и сентиментальный характеръ, а въ рукахъ учителей — книжный, сухой и мертвый. Само собою разумѣется, на первомъ мѣстѣ фигурируютъ возвышенныя правила гражданскаго долга, самопожертвованія, а между тѣмъ основой всего житейскаго поведенія совершенно недвусмысленно выставляется утилитаризмъ и личный разсчетъ. Возьмемъ, напр., ученіе о «долгахъ». Изъ объясненія учителя выходило, что долги дѣлаютъ только лѣнивые и безразсудные люди, которые не хотятъ работать, а желаютъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ. Давать въ долгъ—это значитъ поощрять этихъ празднолюбцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обижать свою семью, лишая ее части имущества; человѣкъ семейный даже и права-то не имѣетъ давать въ долгъ и т. д. Никакихъ отступленій отъ узкаго личнаго и семейнаго эгоизма, никакихъ указаній на помощь нуждающимся при этомъ сдѣлано не было. А во что превратила школьная мораль безсмертные принципы великой революціи? Абсолютный характеръ «равенства», «братства» и присущій имъ радикализмъ представлялись опасными въ качествѣ мотивовъ поведенія. Поэтому равенство выставляется пустымъ звукомъ, утопіей, химерой, когда рѣчь идетъ объ имущественномъ равенствѣ, ибо неравенство неизбѣжно происходитъ отъ большаго или меньшаго умѣнья и энергіи въ работѣ. По этой теоріи выходитъ: если ты бѣденъ, значитъ, ты лѣнтяй, а если будешь трудиться, то будешь непремѣнно богатъ. «Братство» опредѣляется какъ филантропическая помощь богатаго бѣдному и выражается существованіемъ больницъ, пріютовъ, богадѣленъ и т. н. и такимъ образомъ внутренній смыслъ высокаго нравственнаго принципа подмѣняется внѣшними формальными и частными его проявленіями. Вообще, сколько фальши, лицемѣрія и компромиссовъ пускаетъ въ оборотъ эта нравственная

проповѣдь! Совершенно согласно съ утилитарной подкладкой школьной морали идутъ постоянныя увѣщанія — беречь, копить. Упражненія въ бережливости практикуются въ самой школѣ, такъ какъ существуетъ школьная сберегательная касса съ книжками, гдѣ записаны взносы и проценты, которые наростаютъ на капиталы маленькихъ рантье. «Въ видѣ награды за успѣхи и прилежаніе, государство раздаетъ ученикамъ «livret», т.-е. книжки сберегательной кассы съ 5—10 франками взноса, полагая этимъ основаніе скопидомству и мелкому скряжничеству въ дѣтскихъ душахъ». Отвлеченныя моральныя наставленія находятъ нерѣдко и примѣрное практическое примѣненіе въ школьной жизни. Авторъ разсказываетъ случай апоѳеоза добродѣтели въ одномъ женскомъ училищѣ. «Маленькая Сильвія копила въ теченіе мѣсяца тѣ деньги, которыя родители давали ей на завтракъ и собрала сумму въ 60 сантимовъ. На нихъ она купила для матери баночку какао. *Добрая* лавочница, узнавъ о *великодушномъ* поступкѣ Сильвіи подарила ей (легко сказать!) палочку шоколада въ 2 су и довела этотъ поступокъ до свѣдѣнія учительницы. Сильвія была вызвана на середину класса и получила лицемѣрныя похвалы учительницы и поздравленія товарокъ. Она должна была показать знаменитую палочку шоколада, но, очевидно, Сильвія была еще не вполнѣ исковеркана въ своей дѣтской природѣ и давно съѣла подаренный шоколадъ». Наказанія для лѣнивыхъ и шаловливыхъ дѣтей употребляются обычныя: стояніе на ногахъ, въ углу, высылка изъ класса, а въ серьезныхъ случаяхъ — исключеніе. Надо прибавить, впрочемъ, что во многихъ школахъ примѣняется тѣлесное наказаніе, не въ видѣ розогъ, а въ видѣ пинковъ, щипковъ, колотушекъ, дранья за уши и т. и. «Случалось, сидя въ одномъ классѣ, слышать изъ другого дѣтскія вопли, крики, раздраженную брань учителя. Очевидно, это не было чѣмъ-нибудь непривычнымъ, потому что не тревожило другихъ учителей, которые спокойно продолжали свое дѣло подъ аккомпаниментъ воплей и крика. На мой вопросъ, что означаетъ происходящее въ сосѣднемъ классѣ, учитель флегматично отвѣтилъ; Это Б. исправляетъ (corrige) своихъ учениковъ».

Методъ преподаванія во французскихъ школахъ состоитъ въ заучиваніи наизусть, что ведетъ къ накопленію отрывочныхъ знаній, задалбливаютъ одинаково и исторію, и географію, и правила ариѳметики, и правила «морали». Французская школа отдѣлена отъ общества непроницаемой стѣной: не только родители, но даже члены школьныхъ попечительствъ и разнаго рода благотворительныхъ обществъ не допускаются въ школы. Этимъ объясняется, почемтакъ слабо во Франціи общественное содѣйствіе и помощь школьнымъ нуждамъу никто не станетъ тратить деньги на такія дѣла, къ которымъ онъ не можетъ: близко подойти. Эта атмосфера недовѣрія и подозрительности, которою огораживается школа отъ внѣшняго міра, зависитъ, конечно, отъ того, что воспитаніе находится въ рукахъ двухъ враждебныхъ силъ—правительства и клерикаловъ, и на этой почвѣ идетъ постоянная, упорная и далеко не безуспѣшная для духовенства борьба; «отцы» успѣли оттянуть отъ правительства воспитаніе сыновей аристократіи и крупной буржуазіи. Передъ лицомъ свѣтской школы стоитъ вооруженный врагъ, который зорко слѣдитъ за малѣйшими промахами, чтобы дискредитировать правительственную школу въ глазахъ общества. Этимъ объясняется, почему нерѣдко свѣтская школа лицемѣрно сохраняетъ внѣшніе монастырскіе порядки. Такъ, въ женской école normale ученицы имѣли видъ монастырокъ, съ прилизанными волосами, скромно потупленными глазами, въ черныхъ коленкоровыхъ блузахъ безъ пояса. На выраженіе недоумѣнія со стороны автора, директриса отвѣчала:

— Ахъ, не считайте насъ лицемѣрными! Мы просто боимся нападокъ клерикаловъ. Повѣрьте, что они жадно ловятъ всякій неблагопріятный для нашей школы слухъ, дѣлаютъ изъ мухи слона и все это — во славу своихъ

монастырей. Мы не хотимъ подавать ни малѣйшаго повода къ злословію.

Вообще, не такъ давно секуляризованная французская школа во многомъ еще сохраняетъ наслѣдіе клерикальныхъ школьныхъ порядковъ, особенно въ глухой провинціи: вся рутина зазубриванія, закрѣпленіе знаній и нравственныхъ правилъ въ неподвижныя формулы, суровая дисциплина—все это остатки недавно господствовавшей системы. Что касается Парижа, то онъ совершенно очистилъ свои свѣтскія школы отъ всякихъ слѣдовъ клерикализма, и школы его дѣйствительно являются образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ.

Желающіе пополнить свое образованіе по окончаніи начальной школы могутъ поступать въ высшія народныя школы, курсъ которыхъ продолжается два года, или слушать вечернія лекціи, устраиваемыя при училищахъ. Для подготовленія учителей существуютъ особыя écoles normales, мужскія и женскія. Средняя школа раздѣляется на классическую и реальную и состоитъ изъ лицеевъ и collèges; лицеи содержатся правительствомъ, collèges—муниципалитетами, послѣдніе отличаются отъ первыхъ только тѣмъ, что нѣ имѣютъ одного или двухъ старшихъ классовъ. Въ лицеяхъ и collèges одинаково можно получить и классическое, и реальное образованіе. Въ послѣдніе годы замѣченъ сильный отливъ учениковъ изъ этихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ что нѣкоторые изъ нихъ пришлось закрыть. Правительство встревожилось и произвело изслѣдованіе: главной причиной оказалась конкуренція конгрегаціонистскихъ школъ. Не разъ въ палатѣ поднимался вопросъ о запрещеніи духовенству воспитательной дѣятельности, но безуспѣшно, и въ клерикальныхъ школахъ по прежнему продолжаютъ воспитывать враговъ республики: французская революція разсматривается, какъ неизгладимое національное преступленіе и всѣми способами рекомендуютъ стирать слѣды ея; имена великихъ писателей и патріотовъ, какъ Гюго, Мишле, Вальтера, Ренана забрасываютъ грязью и презрѣніемъ. Для женщинъ только съ 1880 г. открыты свѣтскія среднія школы—лицеи съ 6-ти-лѣтнимъ курсомъ. Въ настроеніи французской университетской молодежи въ послѣднее время замѣчается несомнѣнный поворотъ: прежніе студенты увлекались декадентствомъ и мистицизмомъ и отличались полнымъ равнодушіемъ къ общественнымъ вопросамъ. Теперь молодежь начинаетъ сознавать свои обязанности передъ народомъ и стремится просвѣщать его; съ другой стороны, среди нея замѣтна наклонность къ единенію и общенію между собой и профессорами и устройство студенческихъ ассоціацій. Въ заключеніе, г-жа Танаевская оговаривается, почему при характеристикѣ народнаго образованія во Франціи, она отмѣтила преимущественно отрицательныя черты: съ одной стороны, въ Франціи предъявляются высокія требованія, и потому сужденіе о ея недостаткахъ строже, съ другой стороны, нравственный упадокъ современной Франціи, раскрытый дѣломъ Дрейфуса, стоитъ въ прямой связи съ воспитательными и образовательными тенденціями нынѣшней школы.

Учебная реформа. Предпринятая министерствомъ реформа высшаго и средняго образованія продолжаетъ подвергаться оживленному обсужденію въ журналахъ. Сводя, прежде всего, свои счеты съ прошлымъ, русская печать съ горечью констатируетъ, до какой степени случайно было тридцатилѣтнее торжество классической системы, на какихъ шаткихъ основаніяхъ оно покоилось, какою массою ненужныхъ и безсмысленныхъ жертвъ сопровождалось и къ какимъ скуднымъ результатамъ привело. Г. *Филиппов* даетъ въ «Научномъ Обозрѣніи» (іюнь) интересную историческую справку по поводу «реформы гимназій и университетовъ», изъ которой видно что, проектъ толстовской гимназіи былъ въ 1871 году проваленъ въ государственномъ совѣтѣ 18 голосами противъ 9, и что ни одинъ изъ 9 сторонниковъ проекта не былъ самъ ни классикомъ по образованію, ни даже любителемъ классической литературы. Самъ гр. Толстой приводилъ, между прочимъ, въ пользу изученія греческаго

языка тотъ аргументъ, что сродство этого языка съ русскимъ помогло Жуковскому художественно перевести Одиссею. Всемогущій министръ забылъ упомянуть только, что Жуковскій сдѣлалъ свой переводъ, не зная ни слова по-гречески, и что его успѣхъ является лишь самымъ яркимъ доказательствомъ того, что вполнѣ возможно усвоить духъ классическаго міра безъ всякаго изученія классическихъ языковъ. Введенная насильственно, реформа Толстого не могла быть проведена въ жизнь за отсутствіемъ преподавателей: г. Филипповъ напоминаетъ безплодныя попытки министерства — пополнить этотъ пробѣлъ приглашеніемъ чеховъ, давшихъ въ большинствѣ случаевъ лишь смѣхотворный или гнетущій матеріалъ для гимназическихъ воспоминаній. Не помогъ дѣлу и мертворожденный филологическій институтъ при лейпцигскомъ университетѣ. Число профессоровъ и студентовъ-классиковъ у насъ до самаго послѣдняго времени осталось совершенно ничтожнымъ (въ 1893 г. филологи составляли только 4—5% общаго числа студентовъ; притомъ большинство филологовъ избираетъ спеціальностью исторію и словесность, такъ что чистыхъ классиковъ остаются единицы, въ лучшемъ случаѣ—десятки). Что касается результатовъ классическаго обученія, о нихъ краснорѣчиво говорятъ опубликованныя въ послѣднее время ничтожныя цифры тѣхъ, которые преодолѣваютъ всѣ мытарства системы и оканчиваютъ курсъ. «Новое Время» приводитъ, на основаніи отчетовъ Министерства Нар. Просвѣщен., рядъ таблицъ, изъ которыхъ видно, что кончаетъ курсъ въ срокъ, т. е. въ 8 лѣтъ, не болѣе 4—9%, оканчиваетъ отъ 21до 37%, а число *неокончившихъ* составляетъ отъ 62 до 78% всего числа гимназистовъ.

Объ отношеніи толстовской школы къ ввѣреннымъ ея попеченію юношамъ можно судить по справкѣ, приводимой хроникеромъ «Русскаго Богатства» (іюнь) на основаніи однихъ только майскихъ номеровъ провинціальныхъ газетъ. Самоубійство шестиклассника-гимназиста въ Кишеневѣ, самоубійство восьмиклассника въ Лубнахъ, «цѣлая серія труповъ» въ Тамбовѣ, въ Нижнемъ, Саратовѣ и т. д. — вотъ «далеко нерѣдкія послѣдствія господствующей учебной системы». А какова судьба тѣхъ, кто съ этой системой сживается? Тотъ же хроникеръ цитируетъ изъ «Россіи» отвѣтъ на этотъ вопросъ г. Покровскаго: «Что происходитъ съ нашими дѣтьми, съ нашими маленькими братьями и сестрами? Что происходило съ нами самими?.. Поступивъ въ школу, мы тотчасъ же забыли радости, потеряли безвозвратно незлобивый дѣтскій смѣхъ, съежились, присмирѣли, притихли и смѣемся теперь опасливымъ, часто гаденькимъ смѣшкомъ... Школа вытравила въ насъ почти все непосредственное, все живое, свѣжее и яркое въ душѣ; осталась тамъ какая-то пустота, не то мерзость и слизь».

И вотъ, этотъ ужасающій кошмаръ, давившій русскую семью и русское общество въ теченіе тридцати долгихъ лѣтъ, обѣщаетъ разсѣяться, отойти навсегда въ прошлое, въ царство тѣней? Такъ ли это? Вѣрить ли этому избавленію отъ одной изъ нашихъ общественныхъ язвъ? Мы такъ не привыкли видѣть, чтобы эти язвы поддавались усиліямъ мыслящаго русскаго человѣка. Естественны поэтому нотки недовѣрія, проскальзывающія тамъ и сямъ среди хвалебныхъ диѳирамбовъ.

Одну изъ этихъ нотъ мы чаще привыкли слышать изъ ретрограднаго, чѣмъ прогрессивнаго лагеря. Намъ такъ долго твердили оттуда, что внѣ латыни нѣтъ спасенія, нѣтъ истиннаго образованія и истинной науки, — что теперь, когда наступаетъ конецъ «латыни», иные мнительные люди готовы спросить себя: какъ же мы безъ нея обойдемся, чѣмъ ее замѣнимъ; не будетъ ли это пониженіемъ образовательнаго уровня и возвращеніемъ къ варварству? Когда эти вопросы задаетъ, напр., органъ г. Грингмута, мы знаемъ, въ чемъ дѣло и можемъ не безпокоиться; но когда г. Грингмутъ въ качествѣ своего союзника выводитъ проф. С. Н. Трубецкаго, перепечатывая его письмо въ своемъ органѣ,—

мы не можемъ не встревожиться. Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ «походъ противъ классицизма» прикрываетъ собою старый, слишкомъ знакомый намъ лозунгъ: «поменьше ученія»? Развѣ не знаемъ мы изъ печатнаго опыта, что у насъ, дѣйствительно, по словамъ проф. Трубецкаго, «чтобы *оболванить* самую коренную реформу средней школы, не требуется ни спеціальныхъ знаній, ни даже общаго образованія; достаточно одной смѣлости и рѣшительности». Хроникеръ «Вѣстника Европы» (іюль) находитъ эти опасенія преждевременными. «Лозунгъ «поменьше ученья»,—говоритъ онъ,—не только не можетъ считаться общимъ для крайнихъ реформаторовъ и крайнихъ охранителей, — онъ непримѣнимъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. «Поменьше учащихся» — вотъ девизъ послѣднихъ; поменьше *ненужнаго*, забивающаго ученья—вотъ pium desiderium первыхъ... Предложенія, которыя клонились бы къ *свободѣ отъ ученья*, къ существенному уменьшенію суммы знаній, пріобрѣтаемыхъ въ средней школѣ, къ обращенію школы въ мѣсто отдыха и забавы—мы до сихъ поръ не встрѣчали». Дѣйствительно, пока рѣчь идетъ о созданіи *единой* общеобразовательной школы безъ какой-либо сословной или классовой тенденціи, — опасенія проф. Трубецкаго представляются преувеличенными, да и весь ходъ подготовительныхъ къ реформѣ работъ не даетъ основаній къ подобнымъ опасеніямъ; однако, по опыту прежнихъ лѣтъ, все-таки излишняя осторожность надежнѣе излишней довѣрчивости.

Вопросъ, дѣйствительно, въ томъ, *чѣмъ* замѣнятъ ту систему, паденіе которой ничего, кромѣ ликованія, вызывать не можетъ. Предположенія коммиссіи, работавшей подъ предсѣдательствомъ генерала Ванновскаго, всѣмъ теперь извѣстны и въ общемъ безусловно симпатичны. Но это пока еще одни рамки, которыя предстоитъ наполнить содержаніемъ. И тутъ мы сейчасъ же натыкаемся на новый диссонансъ, отмѣченный хроникеромъ «Русскаго Богатства». «Новое Время» уже рѣшило, что новая средняя школа будетъ «національной»; а извѣстно, что это слово значитъ на страницахъ «Новаго Времени». Это значитъ, что «всѣмъ, что русскіе имѣютъ, они обязаны себѣ», что и покажетъ ученикамъ «исторія» въ новой школѣ. «Отечествовѣдѣніе»—новый проектированный коммиссіей предметъ будущей школы—покажетъ, въ свою очередь, что напрасно «мы въ нашихъ разнаго рода курсахъ удѣляли западнымъ конституціямъ гораздо больше вниманія, чѣмъ нашему государственному строю». Словомъ, «національная» школа «возбудитъ въ мальчикахъ народную честь и народную гордость»; еще короче, по формулѣ кн. Мещерскаго—въ школѣ будетъ господствовать «не духъ западной Европы, а духъ Карамзина». Вотъ, стало быть, какое различіе обѣщаетъ намъ реакціонная пресса между старой и новой школой. Если система старой школы формулировалась, по выраженію Достоевскаго, лозунгомъ «чтобы не было идей», то новая система поставитъ обратный лозунгъ «чтобы были идеи» извѣстной общественной партіи. Тогда въ школѣ не останется «даже и слѣда космополитизма»; «соскочитъ вся эта дрянь, навѣянная у большинства жидовствующей либеральной печатью»,— совершенно такъ, какъ, по словамъ «Новаго Времени», происходитъ и теперь въ корпусахъ, гдѣ «господствуетъ сильная воля, категорическій императивъ и никакого сомнѣнія въ разумной справедливости приказаннаго». «До воззрѣній родителей,—добавляетъ «Новое Время»,—ни школѣ, ни государству, ни обществу нѣтъ дѣла, и сообразоваться съ таковыми было бы педагогической нелѣпостью». «Мы хотѣли бы думать,—кончаетъ свои замѣчанія хроникеръ «Русскаго Богатства»,—что въ стоящей на очереди реформѣ эти проекты не имѣютъ никакого отношенія, что ничего подобнаго нигдѣ не «рѣшено» и никакого «созиданія» не началось».

По вопросу объ университетской реформѣ находимъ въ «Образованіи» (май—іюнь) очень интересную статью проф. Шимкевича: «Что нужно университе-

тамъ?» Какъ предупреждаетъ самъ авторъ, ничего новаго въ статьѣ нѣтъ; но вопросъ стоитъ такъ, что и старое, неоднократно повторенное, все еще остается во многихъ случаяхъ новымъ. Таково прежде всего указаніе г. Шимкевича «на ту тѣсную связь, которая существуетъ между университетской и общественной жизнью». Съ этой точки зрѣнія онъ обсуждаетъ вопросъ объ устраненіи причинъ студенческихъ волненій. «Если студенческія волненія ость не болѣе, какъ результатъ излишка свободнаго времени и отсутствія дисциплины и нравственной выдержки, то, конечно, вопросъ сводится только къ тому, чтобы устранить эти нежелательныя черты изъ университетскаго жизненнаго уклада... Однако авторъ допускаетъ, что разрѣшеніе студенческихъ организацій можетъ регулировать академическую жизнь молодежи и этимъ устранить хотя бы нѣкоторыя причины волненій. Онъ предлагаетъ «обставить дѣло такъ, чтобы сходка совершенно потеряла характеръ чего-то необычайнаго и выходящаго изъ уровня обычной жизни», и для этого устроить правильныя, періодическія курсовыя сходки. На такія сходки будетъ являться та часть молодежи,—«наиболѣе хладнокровные и благоразумные»,—которая обыкновенно устраняется отъ сходокъ запретныхъ, а это отразится и на ходѣ преній и на содержаніи резолюцій. Г. Шимкевичъ безусловно противъ присутствія инспекціи на такихъ сходкахъ въ виду установившихся ненормальныхъ отношеній между ней и студенчествомъ. Онъ считаетъ возможнымъ предоставить и предсѣдательство на сходкѣ—студенту, выбираемому на извѣстный срокъ въ это званіе. Но нужно замѣтить, что вопросъ объ организаціи сходокъ вовсе не исчерпываетъ вопроса объ организаціи студенчества вообще.

По вопросу объ устройствѣ университетскаго суда обстоятельно высказался г. Обнинскій, мнѣнія котораго защищаетъ отъ нападокъ реакціонной печати хроникеръ «Вѣстника Европы». Обнинскій совершенно основательно различаетъ судъ профессоровъ для дѣлъ о нарушеніи университетскихъ *правилъ* и судъ студентовъ-товарищей по вопросамъ *чести*, которому считаетъ необходимымъ предоставить право исключенія изъ университета. То же раздѣленіе, но въ менѣе опредѣленныхъ чертахъ, принимаетъ и г. Шимкевичъ, справедливо указывая при этомъ, что судъ правленія, дѣйствующій въ настоящее время, не пользуется довѣріемъ студенчества. Такое отношеніе г. Шимкевичъ объясняетъ «тѣмъ нервнымъ и возбужденнымъ состояніемъ, въ которое впадаютъ члены правленія съ началомъ волненій въ учебномъ заведеніи». «Мнѣ приходилось видѣть,—замѣчаетъ онъ,—какъ люди, всю жизнь слывшіе за гуманныхъ, но оказавшіеся у университетскаго кормила во время волненій, впадали въ такую нервность, что ихъ можно было считать за враговъ студенчества, а между тѣмъ они такими не были и не хотѣли быть». О замѣнѣ теперешней инспекціи съ ея «арміей педелей»—выборной инспекціей съ проректоромъ изъ профессоровъ во главѣ, авторъ только мечтаетъ, какъ объ «отдаленномъ идеалѣ», и немедленно соглашается, что тутъ «почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ и мысли начинаютъ походить на фантазіи».«Въ настоящее же время, замѣчаетъ онъ, отношенія студенчества къ инспекціи связаны съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ явленій, стоящихъ внѣ задачъ министерства народнаго просвѣщенія, и если не закрывать глаза, то приходится сознаться, что это самое больное мѣсто университетскаго устава». Эта податливость чрезвычайно характерна для министерства народнаго просвѣщенія, привыкшаго, по замѣчанію «Новаго Времени», щедро дѣлиться своими функціями съ другими вѣдомствами. Можетъ быть, теперь министерство, принявшееся при своемъ новомъ начальникѣ, по мѣткому выраженію того же «Новаго Времени», за собираніе своихъ функцій, получитъ возможность и въ вопросѣ объ инспекціи занять болѣе самостоятельное положеніе.

Во всякомъ случаѣ, надо согласиться съ заключительнымъ замѣчаніемъ

г. Шимкевича, что «явленія жизни университетской и общественной слишкомъ тѣсно связаны, чтобы прогрессъ одной былъ мыслимъ безъ прогресса другой». «Жизнь не знаетъ другого закона, кромѣ прогресса или смерти», такъ кончаетъ свою статью натуралистъ Шимкевичъ.

Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ. Г. *Ѳ. Воропоновъ* («Вѣстникъ Европы», іюль) разсказываетъ о своей дѣятельности въ качествѣ мирового посредника въ Подольской губ. въ 1864—1865 году. Его воспоминанія добавляютъ лишнюю страницу къ характеристикѣ кипучаго времени насажденія реформы; они показываютъ, какъ не только въ періодъ законодательной обработки Положенія происходили колебанія, переплетались и сталкивались различныя вліянія и мнѣнія, но и въ послѣдующій періодъ административнаго введенія реформы не было ни единства настроенія, ни единства дѣйствія, и многое въ устроеніи участи крестьянина въ той или другой мѣстности зависѣло отъ случайнаго состава лицъ, непосредственно у дѣла стоявшихъ: рамки Положенія давали очень широкое поле для проявленія личныхъ пристрастій въ ту или другую сторону. Авторъ именно отмѣчаетъ двойственность направленія въ ходѣ работъ по крестьянскому дѣлу въ юго-западномъ краѣ. Кіевскій генералъ-губернаторъ Анненковъ тяготѣлъ къ помѣщичьимъ интересамъ, работавшая при немъ «временная коммиссія», состоявшая изъ энергичныхъ и опредѣленно-настроенныхъ дѣятелей, наоборотъ, выступала поборницей крестьянскихъ правъ. Само собою разумѣется, что на коммиссію сыпались нареканія, обвиненія въ неблагонамѣренности, въ преслѣдованіи вредныхъ цѣлей и т. п. Отголоски этой борьбы двухъ теченій отражались, конечно, во всѣхъ углахъ юго-западнаго края. Такъ, губернаторъ каменецъ-подольскій, Сухотинъ, при которомъ автору пришлось работать, оказался довольно простоватымъ человѣкомъ и тѣмъ откровеннѣе обнаружилъ свою чиновническую мораль; онъ при первомъ же свиданіи выложилъ автору свое оффиціальное profession de foi. Онъ началъ рѣчь съ того, что теперь, слава Богу, на службу сюда пріѣзжаетъ не мало настоящихъ русскихъ людей. Давно уже надо было усилить здѣсь русскій элементъ... Надо показать, что такое русскій элементъ... Переходя къ крестьянскому дѣлу, губернаторъ съ неудовольствіемъ отозвался о временной коммиссіи, что она все раздуваетъ новые и новые вопросы: «и законовъ-то у насъ мало — нужно, видите, еще подбавить,—и мужику трудно платить»,—а, между тѣмъ, мужиковъ нечего жалѣть, у нихъ деньги есть, только они прячутъ ихъ въ кубышки и зарываютъ въ землю, и безъ острастки ничего платить не будутъ. «Обращаю ваше вниманіе на то, что теперь главная заслуга посредниковъ—взысканіе выкупныхъ платежей въ срокъ и согласное дѣйствованіе въ этомъ съ полиціею». Таково было первое напутствіе автора передъ началомъ дѣла: русское дѣло, полиція и помощь ей во взысканіи платежей, и какъ можно меньше вопросовъ и принциповъ. Составъ товарищей автора — мировыхъ посредниковъ уѣзда — оказался очень пестрымъ и среди нихъ авторъ нашелъ только двухъ единомышленниковъ, въ томъ числѣ старика Пассека, брата извѣстнаго въ свое время Вадима Пассека. Съѣздъ мировыхъ посредниковъ произвелъ на автора очень печальное впечатлѣніе по рѣшительной безцвѣтности составлявшихъ его лицъ, по ихъ равнодушію къ дѣлу и незнанію его. «Глядя на этотъ составъ,—иронически замѣчаетъ авторъ,—невольно приходилось вспоминать тѣ подозрѣнія въ разныхъ неблагонадежностяхъ, которыя иногда обращались на составъ крестьянскихъ учрежденій сверху и порою слышались отъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Ужъ не этотъ ли маіоръ-коммунистъ и не этотъ-ли виляющій чиновникъ мечтаетъ о возбужденіи народныхъ волненій, симпатизируя коліевщинѣ?» Надо прибавить, впрочемъ, что этотъ подборъ мировыхъ посредниковъ былъ исключительный и никакъ не можетъ считаться типичнымъ. Знакомство съ представителями крестьянскаго самоуправленія произвело на автора еще болѣе безнадежное впечатлѣніе по ихъ за-

битости, робости, по рѣшительному неумѣнью понять свое новое положеніе и вступить въ свои права; волостные писаря, по большей части изъ неудачниковъ, а то и прямо изъ проходимцевъ, тѣмъ не менѣе съ высоты своей грамотности помыкали волостными старшинами, заставляли ихъ прикладывать печать къ бумагамъ, о содержаніи которыхъ тѣ и не знали. Сельскіе старосты имѣли еще болѣе жалкій видъ, кланялись еще ниже, въ поясъ, и проявляли еще больше робости. Какъ иллюстрацію, можно привести слѣдующій случай. Одинъ волостной старшина жаловался автору на непочтеніе къ нему и волости нѣкоторыхъ молодыхъ парней. «А вотъ еслибъ его, когда онъ провинится,— говорилъ старшина,—посадить подъ арестъ, а если больше виноватъ, то дать ему съ пять розогъ, то онъ заговорилъ бы иначе: «ахъ, знаю я, что такое волость! Туда напрасно не сходишь — тамъ накажутъ!» И автору пришлось разъяснять старшинѣ его собственныя права—своею властью наказать виновнаго рублевымъ штрафомъ или двухдневнымъ арестомъ и т. д. Затѣмъ, авторъ сталъ наводить справки о неаккуратномъ поступленіи платежей въ его участкѣ, какъ объ этомъ настойчиво предупреждалъ его губернаторъ. Оказалось, платежи вездѣ были исправно внесены, кромѣ одной волости, гдѣ, вслѣдствіе градобитія, оказалась недоимка въ 300 рублей. Повидимому, положеніе вполнѣ оправдывало неисправность. «А вы и вѣрите? — сказалъ при этомъ становой приставъ. — Прошлый срокъ недоимка была по той же самой волости, и меня командировали для взысканія; я и прибылъ съ казаками. Жаловались мужики и мнѣ; а какъ только мы пригрозили, такъ черезъ два часа принесли мнѣ всѣ деньги до копѣйки. Значитъ, были же онѣ у нихъ, только отдавать не хотѣли». Авторъ заинтересовался этимъ случаемъ, собралъ свѣдѣнія, и что же оказалось: подъ страхомъ казацкой расправы, крестьяне добыли денегъ у мѣстнаго ростовщика-еврея и спустили ему за безцѣнокъ все, что у нихъ было, и даже запродали впередъ свой трудъ. Естественно, что когда подошелъ срокъ новаго платежа, они оказались уже совершенно не въ силахъ его покрыть. Авторъ познакомился съ другими способами вымогательства платежей, напр., при безуспѣшности простыхъ понуканій примѣнялся «грабежъ»: у мужика забиралось какое-нибудь имущество, тулупъ, свитка или другая одежда, причемъ эти вещи иногда закладывались въ кабакѣ; полученныя деньги поступали въ уплату повинности, а владѣльцу вещей предоставлялось выкупать ихъ впослѣдствіи. Другой способъ—такъ называемая «закуція» (экзекуція)—состоялъ въ слѣдующемъ: пришлютъ въ хату къ неисправному мужику понукателя,—тотъ и досаждаетъ ему всѣми способами: опрокидываетъ въ печи горшки съ пищей, бьетъ стекла, портитъ вещи, рѣжетъ куръ и т. д.; когда все это слишкомъ надоѣстъ хозяину, онъ и отдаетъ все, что можетъ. Но самая дѣйствительная «закуція» состояла въ томъ, что понукатели натаскивали въ избу цѣлую кучу золы и взбивали ее прутьями такъ, что вся хата наполнялась ѣдкою пылью; тогда хозяина съ семействомъ запирали внутри и не позволяли выйти. Этого истязанія не выдерживалъ даже самый упрямый неплательщикъ. Подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ начала складываться особая форма продажи труда: владѣлецъ давалъ мужику пятнадцать рублей, а тотъ обязывался за это работать круглый годъ по два дня въ недѣлю. Такимъ образомъ, здѣсь воскрешалась та самая барщина, отъ которой населеніе было освобождено всего три года назадъ. Прежде крестьянинъ отбывалъ барщину за свой надѣлъ, а теперь, получивъ этотъ надѣлъ въ собственность, онъ оплачивалъ его передъ казначействомъ цѣной той же барщины. Сколько промаховъ и грубыхъ недосмотровъ допущено было при введеніи крестьянской реформы, доказываетъ, напр., слѣдующій случай. Разъ автора осадила возбужденная и взволнованная толпа крестьянъ, просившая разобрать ихъ дѣло. Оказалось, выкупные договоры лишили крестьянъ 300 слишкомъ десятинъ фруктовыхъ садовъ, между тѣмъ, эти

сады составляли ихъ главное богатство и значились за ними и въ инвентаряхъ, и въ уставныхъ грамотахъ, притомъ выкупъ былъ заключенъ по добровольному соглашенію. Въ другой разъ много хлопотъ вызвало неожиданное открытіе, что въ одномъ участкѣ крестьяне получили земли больше, чѣмъ за ними было показано въ уставной грамотѣ, на основаніи которой и были исчислены платежи. Длинныя перипетіи и споры вызвалъ возбужденный по этому поводу вопросъ, слѣдуетъ ли исправить ошибку и увеличить сумму платежей. Характеренъ также случай отношенія къ крестьянскимъ выборнымъ властямъ. Однажды послѣ разговора о дѣлахъ въ волости, авторъ замѣтилъ, что сельскій староста и сборщикъ какъ будто что-то хотятъ сказать, да не рѣшаются. На вопросъ автора, староста робко проговорилъ: «А какъ же съ тѣмъ будетъ, что исправникъ насъ наказалъ? Помѣщикъ на насъ нажаловался, а исправникъ приказалъ принести розогъ, и насъ обоихъ наказали». Объ этомъ невѣроятномъ беззаконіи—наказаніи сельскаго старосты, по закону освобожденнаго отъ тѣлеснаго наказанія, авторъ сообщилъ губернатору, прося его дать дѣлу законный ходъ. Но губернаторъ отнесся къ этой жалобѣ, какъ къ затѣѣ безпокойнаго человѣка: «Вотъ нашелъ, о чемъ писать! — выразился онъ. — Велика важность, что исправникъ старосту высѣкъ!» Подобныхъ бытовыхъ чертъ, личныхъ характеристикъ и интересныхъ сообщеній о ходѣ работъ по крестьянскому дѣлу мы не мало находимъ въ содержательномъ очеркѣ г. Воропонова.

Борьба со старостью. Г. *С. Метальниковъ* («Русское Богатство») знакомитъ съ новѣйшими открытіями и опытами Мечникова и его учениковъ. Эти работы проливаютъ совершенно новый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи старости, о причинахъ старческой атрофіи. Извѣстно, что старость сопровождается уменьшеніемъ вѣса, одряхлѣніемъ и увяданіемъ тканей, клѣтки многихъ органовъ становятся меньше, а иногда совсѣмъ исчезаютъ. Это исчезновеніе чаще всего происходитъ вслѣдствіе того, что клѣтки атрофирующагося органа поѣдаются бѣлыми кровяными шариками, такъ называемыми лейкоцитами или фагоцитами. Роль лейкоцитовъ въ жизни организма очень важна: они поѣдаютъ микробовъ, попавшихъ въ кровь животнаго, и тѣмъ предохраняютъ его отъ заболѣванія; они уничтожаютъ также органы, которые должны исчезнуть, напр., при превращеніи насѣкомыхъ они поглощаютъ ткани и органы личинки или съѣдаютъ хвостъ головастика при формированіи изъ него лягушки; наконецъ, они же работаютъ при возстановленіи женскихъ органовъ послѣ родовъ. Въ этой спеціальной истребительной способности лейкоцитовъ легко убѣдиться, веспрыснувъ, напр., въ кровь животнаго нѣкоторое количество бактерій или красящаго вещества: черезъ нѣсколько часовъ всѣ бактеріи или красящій порошокъ окажутся внутри лейкоцитовъ; они овладѣваютъ всѣми посторонними и ненужными организму веществами и перевариваютъ, растворяютъ ихъ. Но на ряду съ полезной дѣятельностью, лейкоциты приносятъ и много вреда. Это обнаруживается особенно при старческомъ одряхлѣніи, когда лейкоциты начинаютъ поѣдать клѣтки безусловно полезныя и необходимыя для организма; вслѣдствіе общаго старческаго ослабленія, клѣтки представляютъ меньше сопротивленія и лейкоциты внѣдряются въ нихъ, размельчаютъ и уничтожаютъ. Кромѣ поѣданія лейкоцитами многихъ клѣтокъ организма, въ старости замѣчается другое явленіе—сильное разростаніе соединительной ткани; въ то время, какъ всѣ ткани и клѣтки подъ старость начинаютъ сокращаться и атрофироваться, соединительная ткань, наоборотъ, усиленно развивается и мало-по-малу замѣняетъ погибающія клѣтки. Такимъ образомъ, по словамъ Мечникова, «старческая атрофія является слѣдствіемъ внутреннихъ клѣточныхъ процессовъ, своего рода борьбой между элементами ткани, все болѣе и болѣе усиливающеюся съ возрастомъ». Почему же подъ старость это равновѣсіе клѣточныхъ силъ нарушается и побѣдителями въ борьбѣ являются фагоциты и соединительная ткань?

На это новая теорія Мечникова даетъ ясный отвѣтъ. Всякій организмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ живетъ, подвергается вліянію различныхъ вредныхъ условій, которыя неодинаково губительно дѣйствуютъ на разнаго рода клѣтки. Наибольшею чувствительностью отличаются яйцевыя клѣточки организа, затѣмъ слѣдуютъ клѣточки нервной системы; наиболѣе стойкими по отношенію къ ядамъ оказываются клѣтки соединительной ткани и фагоциты. Отсюда понятно, что клѣточки, болѣе поддающіяся разрушительнымъ вліяніямъ, ослабѣваютъ, ослабѣваютъ раньше, другія, болѣе выносливыя, дольше сохраняютъ свою жизнеспособность и начинаютъ развиваться на счетъ обезсилѣвшихъ. Эта теорія старости, какъ нарушенія гармоніи между клѣтками организма, представляетъ превосходный эвристическій принципъ для дальнѣйшихъ работъ и опытовъ, обѣщающихъ дать богатые практическіе результаты. Изъ этой теоріи естественно вытекаетъ слѣдующая цѣпь вопросовъ и задачъ. Чтобы парализовать этотъ процессъ старческаго одряхлѣнія, необходимо, слѣдовательно, возстановить нарушенную гармонію между клѣтками организма. Это возможно сдѣлать или путемъ ослабленія наиболѣе сильныхъ клѣтокъ; т.-е. фагоцитовъ и соединительной ткани, или путемъ усиленія ослабѣвшихъ. Ослабить клѣточки можно постепеннымъ отравленіемъ ихъ какимъ-нибудь ядомъ, но ядомъ специфическимъ, который дѣйствовалъ бы исключительно на извѣстныя клѣточки, оставаясь совершенно безвреднымъ для другихъ. Приготовить такой специфическій ядъ оказалось вполнѣ возможнымъ послѣ замѣчательныхъ работъ, произведенныхъ Мечниковымъ и его ассистентомъ Борде. Если вспрыснуть свинкѣ кровь кролика, то сыворотка, приготовленная изъ крови этой инъекцированной свинки, обладаетъ свойствомъ растворять красные кровяные шарики кролика; если ввести даже небольшое количество такой сыворотки въ кровь кролика, онъ моментально умираетъ: очевидно, кровяные шарики кролика разрушаются, и при вскрытіи, дѣйствительно, въ сосудахъ кролика находимъ прозрачную кровь, безъ всякаго присутствія кровяныхъ шариковъ; для всѣхъ другихъ животныхъ сыворотка эта совершенно безвредна. Для борьбы со старостью очень важно было бы найти ядъ, убивающій лейкоцитовъ. Такая сыворотка и была приготовлена Мечниковымъ: для этой цѣли онъ приготовлялъ растворъ изъ лимфатическихъ железъ одного животнаго и впрыскивалъ другому; полученная такимъ путемъ жидкость обладала свойствомъ уничтожать лейкоциты только одного вида животныхъ. Для разработки и примѣненія этого средства необходимы дальнѣйшія изслѣдованія. Въ послѣднее время аналогичнымъ способомъ были получены ядовитыя сыворотки для рѣснитчатаго эпителія, для почекъ и для нервныхъ клѣтокъ. Какъ же дѣйствуютъ подобныя сыворотки, если вводить ихъ въ организмъ животнаго? Въ этомъ случаѣ замѣчается поразительное явленіе: сыворотка, разрушающая красные кровяные шарики кролика, убиваетъ его моментально, если употребить сильную дозу; при меньшихъ дозахъ красные шарики быстро убавляются въ числѣ и только недѣль черезъ шесть постепенно возстановляются до нормы. Если же впрыскивать животному минимальныя количества, то получается совсѣмъ обратный результатъ: число кровяныхъ шариковъ не только не уменьшается, но быстро возрастаетъ. Такимъ образомъ, одно и то же средство является и разрушительнымъ, и цѣлебнымъ. Подобные же опыты были произведены надъ сывороткой противъ лейкоцитовъ ассистентомъ Мечникова Безрѣдкой, и получены были подобные же результаты: сильныя дозы убивали животное, слабыя порождали новыя массы лейкоцитовъ. Особенно любопытны наблюденія надъ введеніемъ среднихъ дозъ, которыя не настолько сильны, чтобы умертвить животное, и не настолько слабы, чтобы вызвать увеличеніе количества лейкоцитовъ: въ такихъ случаяхъ въ брюшную полость, по всей вѣроятности изъ кишечника, проникаетъ масса микробовъ, вслѣдъ за ними приливаютъ и полчища лейкоцитовъ; между тѣми

и другими возникаетъ настоящая война. Но такъ какъ лейкоциты ослаблены сывороткой, то микробы скоро одерживаютъ перевѣсъ, начинаютъ безпрепятственно размножаться и животное умираетъ отъ общаго зараженія. Понятно, какое сильное орудіе въ рукахъ экспериментатора представляетъ это средство произвольно увеличивать и уменьшать количество красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Когда всѣ эти факты были твердо установлены и провѣрены надъ многими животными, Мечниковъ рѣшился предпринять опыты надъ человѣкомъ. Съ помощью инъекціи человѣческой крови козѣ, онъ получилъ сыворотку, которая оказалась очень ядовитой для красныхъ кровяныхъ шариковъ человѣка. Эту сыворотку въ слабыхъ дозахъ онъ сталъ впрыскивать прокаженнымъ; въ результатѣ, количество кровяныхъ шариковъ замѣтно увеличивалось. Эти опыты очень хорошо переносились больными, и въ то же время больные стали чувствовать значительное облегченіе невралгическихъ болей. Можно съ увѣренностью разсчитывать, что кромѣ переименованныхъ сыворотокъ, будутъ найдены и другія—для другихъ тканей, и, такимъ образомъ, съ ихъ помощью можно будетъ возбуждать жизнедѣятельность различныхъ клѣтокъ организма при соотвѣтствующихъ болѣзняхъ: при малокровіи, болѣзняхъ почекъ, печени, легкихъ, мозга и т. д. Можетъ быть, также онѣ помогутъ человѣчеству въ борьбѣ съ процессами, сопровождающими старость: мы видѣли, что, регулируя дозы инъекціи, можно усиливать одни и ослаблять другія клѣтки.

Ѳ. М. Рѣшетниковъ. *Г. А. Скабичевскій* вспоминаетъ о Ѳ. М. Рѣшетниковѣ («Русская Мысль», іюнь) по случаю исполнившагося тридцатилѣтія со дня его кончины. По мнѣнію Скабичевскаго, не только теперь, но и при жизни Рѣшетниковъ не былъ оцѣненъ по достоинству; по крайней мѣрѣ, авторъ съ горечью вспоминаетъ его жалкія, убогія похороны. «Въ тепленькій, но пасмурный мартовскій день тянулись по Лиговкѣ къ Волкову простенькія дроги, на которыхъ возятъ обыкновенно бѣднѣйшихъ ремесленниковъ или канцелярскихъ писцовъ. Угрюмый возница съ печатью нетрезваго поведенія на лицѣ, въ черномъ плащѣ съ короткимъ капюшономъ и въ помятомъ цилиндрѣ, управлялъ парою жалкихъ одровъ, покрытыхъ грязными и измызганными черными попонами. На дрогахъ возвышался ординарный гробъ, изъ самыхъ дешевенькихъ. Вслѣдъ за гробомъ шла вдова въ глубокомъ траурѣ и вся въ слезахъ, и двое маленькихъ дѣтишекъ съ дѣтскою безпечностью весело провожали папашу, чтобы никогда болѣе его не увидѣть. Далѣе шли въ разсыпную человѣкъ десять-пятнадцать братьевъ-писателей и близкихъ знакомыхъ. Ни депутацій съ вѣнками за гробомъ, ни прочувствованныхъ рѣчей на могилѣ: отвезли на кладбище, отпѣли, безмолвно опустили въ могилу, засыпали землею и молча разошлись въ разныя стороны»... А, между тѣмъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ изобразителей народнаго быта и писалъ въ пору наибольшаго увлеченія народолюбіемъ. Это невниманіе къ Рѣшетникову авторъ совершенно невѣрно объясняетъ особымъ настроеніемъ толпы 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ которой, по его мнѣнію, черезчуръ преобладали эстетическіе вкусы. Эстетика, дѣйствительно, была совершенно чужда этому «дикарю, попавшему въ столичный омутъ прямо изъ дремучихъ лѣсовъ своей далекой родины»,—была чужда всей его невзрачной фигурѣ: «Невысокаго роста, съ лицомъ широкимъ, какъ лопата, круглымъ и лунообразнымъ и съ узенькими подслѣповатыми глазками, онъ выглядѣлъ типическимъ инородцемъ монгольской расы». Знавшій его хорошо Гл. Ив. Успенскій такъ его характеризируетъ: «Онъ былъ угрюмъ, неразговорчивъ, необщителенъ, порою грубъ... Отъ всѣхъ онъ сторонился, смотрѣлъ волкомъ, ко всему и всѣмъ былъ подозрителенъ; рѣдко-рѣдко добродушная улыбка освѣжитъ это угрюмое лицо... Никакихъ блестящихъ фразъ онъ не говорилъ, а если и принимался разсказывать что-нибудь, то рѣчь его касалась всегда предметовъ наннобыден-

нѣйшихъ, была длинна, расплывалась въ мелочахъ и утомляла тѣмъ болѣе, что Рѣшетниковъ говорилъ монотонно, «себѣ подъ носъ», не выпуская изъ губъ коротенькой трубочки, отчего каждое слово отдѣлялось паузой. Наблюдатель уходилъ ни съ чѣмъ, чтобы потомъ при появленіи новаго произведенія Ѳ. М. удивляться попрежнему смѣшенію въ этомъ «совершенно обыкновенномъ» человѣкѣ «великаго и малаго»... Эстетика была чужда и его безыскусственному разсказу, не художественно-литературныя цѣли преслѣдовалъ онъ, а то, чтобы «сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ», какъ онъ выразился въ письмѣ къ Некрасову. «Вы не повѣрите,—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ,—я даже плакалъ, когда передо мной очерчивался образъ Пилы во время его мученій»...

Но если эстетика и была чужда Рѣшетникову, такъ это въ глазахъ большого круга его современниковъ и составляло какъ разъ его сильную сторону.

Трудно найти другого человѣка, который бы такъ много выстрадалъ въ своей жизни, какъ Рѣшетниковъ: сколько вынесъ онъ нужды, горя и всякихъ униженій сколько побоевъ и истязаній сыпалось на него отъ колыбели и до могилы! Били его жестоко, безпощадно и родные, и сосѣди, и въ семинаріи; била его и петербургская полиція, когда онъ былъ уже наверху своей литературной славы, такъ какъ ему не разъ приходилось ночевать въ участкѣ. Приведемъ въ заключеніе одинъ характерный анекдотъ.

Разъ на одномъ многолюдномъ редакціонномъ собраніи «Отечественныхъ Записокъ» зашла рѣчь о томъ, что въ прежнія времена беллетристы были несравненно образованнѣе и начитаннѣе нынѣшнихъ.

— Нынѣшніе только и знаютъ, что пишутъ, а сами ничего не читаютъ,— говорилъ Салтыковъ,—вотъ, напр., хотя бы Рѣшетниковъ...

Салтыковъ былъ въ полной увѣренности, что Рѣшетникова тутъ не было, между тѣмъ, какъ разъ въ эту самую минуту Рѣшетниковъ вошелъ и стоялъ сзади Салтыкова, такъ что тотъ его не видѣлъ. И представьте себѣ смущеніе Салтыкова, когда вдругъ сзади него раздался голосъ Рѣшетникова:

— Пятьсотъ томовъ собралъ,—всѣ, подлецы, растащили!

Раздался, конечно, общій хохотъ.

За границей.

Годовщина націи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года австралійская федерація отпраздновала первую годовщину своего возникновенія. Послѣднимъ актомъ королевы Викторіи въ прошломъ году была ратификація новой австралійской конституціи, и австралійская республика (Commonwealth) вступила въ первый годъ своего существованія. Какъ и слѣдовало ожидать, между первымъ министромъ австралійской федераціи Бартономъ и британскимъ министромъ колоніи Чэмберленомъ произошелъ по этому поводу обмѣнъ любезностей. Насколько искренни были поздравленія Чэмберлена—объ этомъ предоставляю судить читателю, который можетъ вспомнить, что Чэмберленъ всѣми силами старался увеличить зависимость австралійской федераціи отъ метрополіи и уступилъ только передъ сплоченностью и единодушіемъ австралійскихъ представителей, не допускавшихъ никакихъ компромиссовъ въ составленномъ ими проектѣ новаго закона, посредствомъ котораго Австралія должна была превратиться въ самостоятельную и независимую націю.

Въ Австраліи годовщина этого важнаго событія, которое можно было бы назвать «рожденіемъ націи», отпразднована была съ большимъ торжествомъ и блескомъ. Австралійцы съ гордостью обращали свои взоры къ прошлому своей

родины, которая сто лѣтъ тому назадъ едва начала свое существованіе, выдѣляясь изъ мрака неизвѣстности, окутывавшаго ее своимъ таинственнымъ покровомъ. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ Европа вступила въ непосредственныя сношенія со своими антиподами и пріобщила къ современному прогрессу австралійскій континентъ, являющійся какъ бы пережиткомъ самыхъ отдаленныхъ геологическихъ періодовъ,—такъ какъ не только фауна Австраліи, но и ея первобытные обитатели носятъ на себѣ слѣды отдаленнѣйшихъ эпохъ,—на этомъ континентѣ произошли великія перемѣны. Тамъ, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ была пустыня и лишь на узкой береговой полосѣ, омываемой океаномъ, виднѣлись небольшія европейскія поселенія, служившія для Англіи мѣстомъ сбыта ея преступниковъ, теперь находятся цвѣтущіе города, Сидней, Мельбурнъ и др., благосостоянію и благоустройству которыхъ могли бы позавидовать многіе европейскіе города. Можно смѣло сказать, что здѣсь, на этихъ пустынныхъ берегахъ у антиподовъ возникла новая Европа. Пять большихъ государствъ, населеніе которыхъ вычисляется въ сотни милліоновъ, раздѣлили между собою австралійскій континентъ, гдѣ нѣкогда господствовали негритосы и кэнгуру, бывшіе полновластными властелинами австралійскихъ дебрей и пустынь. Къ этимъ пяти государствамъ присоединилась еще шестая община—Тасманія и вмѣстѣ они образовали федерацію, которой принадлежитъ великое будущее. Только одна Новая Зеландія, гордая своею независимостью и автономіей и слишкомъ увѣренная въ себѣ и своей будущности, не пожелала слиться съ «Commonwealth» и остается въ изолированномъ положеніи, представляя одно изъ самыхъ прогрессивныхъ обществъ современнаго міра, на опыты котораго въ области спеціальнаго законодательства съ интересомъ взираетъ вся Европа.

Австралія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе правъ на вниманіе Европы. Всего лишь 75 лѣтъ тому назадъ въ Австраліи насчитывалось до 200.000 жителей, преимущественно преступниковъ, отбывающихъ свое наказаніе. Это были отбросы общества, отъ которыхъ отказалась родная страна, теперь же Австралія насчитываетъ четыре милліона жителей, способныхъ и энергичныхъ и отличающихся всѣми тѣми качествами, которыя характеризуютъ англосаксонскую расу и дѣлаютъ изъ нея главныхъ піонеровъ земного шара. Всѣ рѣчи, произнесенныя на торжественномъ открытіи перваго федеральнаго парламента, были проникнуты этимъ гордымъ сознаніемъ своей силы и вѣры въ будущее страны, населеніе которой совершенно однороднаго происхожденія, имѣетъ общій языкъ, общую религію и общія историческія традиціи.

Къ сожалѣнію, и тутъ есть оборотная сторона медали. Молодая австралійская нація, гордая своими успѣхами и тѣмъ контрастомъ, который представляетъ величественное зданіе федераціи въ данную минуту съ ея болѣе чѣмъ скромнымъ прошлымъ, оказалась очень воспріимчивой къ идеѣ имперіализма и ни въ одной изъ англійскихъ колоній эта идея не привилась такъ хорошо, какъ въ Австраліи. Эта страна, обладающая драгоцѣннѣйшимъ въ мірѣ преимуществомъ—свободою отъ бремени вооруженій, не знающая расходовъ на нужды національной обороны, не имѣющая ни враговъ, ни сосѣдей и поэтому не нуждающаяся въ постоянной арміи—эта страна, повидимому, также не можетъ устоять противъ гипнотизирующаго вліянія милитаризма и военныхъ учрежденій. Она уступаетъ дѣйствію всеобщей заразы, также какъ и Соединенные штаты, только въ Австраліи болѣзнь принимаетъ, повидимому, болѣе острый характеръ. Австралійцы, во всемъ далеко опередившіе метрополію, и тутъ не остаются позади, и въ новый парламентъ уже внесенъ законопроектъ, предлагающій конскрипцію и всеобщую воинскую повинность. Разумѣется, тутъ сдѣлана оговорка, что правила эти вступаютъ въ силу лишь въ случаѣ войны, такъ что конскрипція оказывается условной, но тѣмъ не менѣе самый фактъ внесенія этого законопроекта въ «первый» союзный парламентъ является ха-

рактернымъ симптомомъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть знаменія времени въ томъ, что именно демократія беретъ на себя иниціативу подобнаго проекта, хотя и со всевозможными оговорками, тогда какъ въ Англіи идея эта встрѣчаетъ самое стойкое сопротивленіе. Англійская печать, конечно, не замедлила воспользоваться этимъ фактомъ; «Times» и др. газеты указываютъ на него метрополіи, совѣтуя ей взять примѣръ съ Австраліи, такъ что послѣдней будетъ принадлежать честь милитаризаціи англосаксонскаго міра.

Сенсаціонный докладъ. Громадное впечатлѣніе въ англійскомъ обществѣ и печати произвелъ докладъ миссъ Гобгоузъ, только что вернувшейся изъ южной Африки, куда она была послана комитетомъ помощи южноафриканскимъ женщинамъ и дѣтямъ. Миссъ Гобгоузъ посѣтила лагери, устроенные ея соотечественниками для семействъ буровъ, сражающихся противъ англичанъ. Эти семейства, изгнанныя изъ своихъ фермъ, представляютъ нѣчто вродѣ заложниковъ, размѣщенныхъ въ различныхъ, особо приспособленныхъ для этой цѣли лагеряхъ.

Англійская публика, повидимому, не отдавала себѣ отчета, что представляютъ въ сущности эти лагери, и къ чести англійскаго общества надо сказать, что въ лучшей его части докладъ миссъ Гобгоузъ вызвалъ взрывъ негодованія, хотя въ парламентѣ 253 изъ 387 представителей англійской націи высказались въ пользу лагерной системы, несмотря на то, что было указано на ужасающія цифры смертности среди женщинъ и дѣтей, заключенныхъ въ эти лагери. «Гуманность имѣетъ свои границы», объявилъ Бродрикъ въ парламентѣ и спокойно прибавилъ, что англійское правительство, устроивъ эти лагери, выказало даже особенную заботливость о семьяхъ буровъ, проживавшихъ на отдаленныхъ фермахъ и лишенныхъ своихъ защитниковъ, вслѣдствіе чего имъ угрожала опасность нападенія кафровъ и т. д., и т. д. Недоставало только, чтобы Бродрикъ при этомъ пропѣлъ хвалебный гимнъ отеческимъ попеченіямъ британскихъ властей.

Однако, докладъ миссъ Гобгоузъ, ярко обрисовывающій положеніе несчастныхъ бурскихъ семействъ, лучше всего иллюстрируетъ эти добрыя попеченія и, несмотря на сердитый отпоръ, полученный ею со стороны правительства, миссъ Гобгоузъ встрѣтила сочувствіе въ англійскомъ обществѣ, выразившееся въ огромныхъ митингахъ, устроенныхъ въ ея честь въ Оксфордѣ и Лондонѣ. На обоихъ митингахъ ей сдѣланы были восторженныя оваціи. Избѣгая касаться политики, она сказала, что хочетъ только безпристрастно изложить факты, для того, чтобы какъ тѣ, кто противъ войны, такъ и тѣ, кто за нее, могли бы выяснить себѣ положеніе вещей и поступить такъ, какъ имъ велитъ ихъ честь и совѣсть. Она отправилась въ южную Африку съ цѣлью удостовѣриться въ справедливости получаемыхъ отъ времени до времени оттуда извѣстій о бѣдственномъ положеніи женщинъ и дѣтей, и оказать имъ посильную помощь. Запасшись разрѣшеніемъ лорда Китченера и Мильнера, она прослѣдовала дальше на сѣверъ, къ Блёмфонтейну, гдѣ произошло ея первое знакомство съ лагеремъ женщинъ и дѣтей буровъ. Въ Англіи, по ея словамъ, господствуетъ совершенно ложное представленіе объ этихъ лагеряхъ. Въ англійскомъ обществѣ, въ печати и даже въ палатѣ общинъ не разъ заявлялось, что семьи буровъ «добровольно» отправляются въ лагери, гдѣ они пользуются покровительствомъ и защитой, и что они свободны оставить лагерь въ любое время. Ничего подобнаго не существуетъ. Женщинъ и дѣтей насильственно уводятъ въ эти лагери при помощи вооруженной силы. Ни одна изъ женщинъ, уведенныхъ въ лагерь, не нуждалась въ покровительствѣ британскихъ властей и не просила о немъ. Вотъ какъ описываетъ миссъ Гобгоузъ одинъ изъ этихъ лагерей:

«Лагерь удаленъ отъ Блёмфонтейна на двѣ англійскія мили и расположенъ на южномъ склонѣ холма, среди голой равнины, гдѣ не видно и слѣ-

довъ какого-нибудь деревца и нигдѣ нѣтъ ни малѣйшей тѣни. Было четыре часа пополудни, когда я вступила въ лагерь, и палящій зной давалъ себя чувствовать. Въ этомъ городѣ, состоящемъ исключительно изъ палатокъ, гдѣ нѣтъ ни названій улицъ, ни нумеровъ, найти кого-нибудь довольно-таки трудно. Въ этомъ одномъ лагерѣ помѣщается около 20.000 человѣкъ; мужчинъ очень мало, но дѣтей около 9.000. Впрочемъ, цифры эти потомъ почти удвоились. Можно себѣ представить какой воздухъ и какая температура существуютъ въ палаткахъ при такой ужасной жарѣ! Мы сидѣли въ палаткѣ г-жи Б. на свернутыхъ одѣялахъ. Солнечные лучи пронизывали палатку насквозь и спрятаться отъ нихъ было некуда. Въ этой палаткѣ, въ которой г-жа Б. жила со своими пятью дѣтьми и маленькой служанкой изъ кафровъ, не было ни стола, ни стула и даже не было мѣста для какой бы то ни было мебели. Другія палатки населены еще больше. Въ сырыя ночи стѣны палатки промокаютъ и вода стекаетъ внизъ, смачивая одѣяла, на которыхъ спятъ обитатели палатокъ, лежа прямо на голой землѣ. Г-жа Б., однако, не теряетъ мужества и хладнокровія, у нея шестеро дѣтей, въ возрастѣ отъ двухъ до пятнадцати лѣтъ, но только пятеро съ нею; гдѣ находится шестой—она не знаетъ. Ее прямо оторвали отъ нея и увели. Мужъ ея находится гдѣ-то въ тюрьмѣ, въ Блёмфонтейнѣ, но видѣться съ нею онъ не можетъ. Между тѣмъ, она ждетъ родовъ недѣли черезъ три и при этомъ должна спать на голой землѣ... Для сидѣнія у нея также нѣтъ ничего кромѣ свернутаго одѣяла, и такую жизнь она ведетъ уже почти два мѣсяца»...

Но всего больше страдаютъ дѣти. Они мрутъ, какъ мухи, въ этотъ палящій зной и вслѣдствіе недостаточнаго питанія. Условія существованія въ этихъ лагеряхъ поистинѣ ужасны, и миссъ Гобгоузъ говоритъ, что одно воспоминаніе объ этомъ вызываетъ у нея содроганіе. Послѣ Блемфонтейна она посѣтила лагерь въ Кимберлеѣ, который, пожалуй, еще ужаснѣе. Это самый маленькій лагерь изъ всѣхъ, такъ какъ онъ занимаетъ небольшое отгороженное высокою, непроницаемою колючею, изгородью пространство, въ которомъ палатки помѣщаются одна возлѣ другой, безъ всякаго промежутка. У входа въ лагерь находятся часовые и патруль постоянно обходитъ лагерь. Внутри грязь и зловоніе. Пустая безъ всякой мебели палатка служитъ лазаретомъ. Больныхъ множество, но нѣтъ ни одной сидѣлки. Въ лагерѣ безпрепятственно свирѣпствуютъ всевозможныя дѣтскія болѣзни, тѣмъ болѣе, что одинъ военный врачъ для всѣхъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ, да и мало свѣдущъ въ дѣтской медицинѣ. Топлива почти нѣтъ. Въ этомъ ужасномъ лагерѣ миссъ Гобгоузъ видѣла супругу одного бурскаго командира съ шестью дѣтьми. Англійскій генералъ явился къ ней на ферму и выгналъ ее. Ея младшему ребенку было всего 17 дней отъ рожденія, когда явились войска, и она сама была еще очень слаба. Она разсказала свою грустную исторію миссъ Гобгоузъ, смерть своихъ двухъ дѣтей отъ лишеній и т. д. И эта печальная исторія представляетъ далеко не единичный случай. «Трудно даже вообразить себѣ, что приходится выносить несчастнымъ матерямъ, которыхъ держатъ заложницами!»—восклицаетъ миссъ Гобгоузъ.

Въ короткій срокъ, который миссъ Гобгоузъ пробыла въ лагерѣ, умерло нѣсколько дѣтей. Вообще, не проходило дня безъ смертнаго случая и въ одномъ изъ лагерей, въ Спрингфонтейнѣ, не хватило гробовъ для похоронъ, такъ что пришлось похоронить одну женщину прямо въ мѣшкѣ!

Конечно, такой безыскусственный разсказъ англичанки о томъ, что выносятъ жены и матери сражающихся за свою родину воиновъ, не могъ не подѣйствовать на слушателей. Условія, существующія въ южной Африкѣ, слишкомъ мало извѣстны англійской публикѣ, и миссъ Гобгоузъ въ особенности убѣдилась въ этомъ, вернувшись въ Англію, послѣ того, какъ прожила нѣсколько

мѣсяцевъ среди населенія обѣихъ республикъ. Страшное бѣдствіе грозитъ странѣ послѣ опустошительной войны, это бѣдствіе—голодъ! Англійскія военныя власти не въ состояніи добыть достаточно провизіи, чтобы прокормить ту массу народа, которую они держатъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, и дальше будетъ еще труднѣе. Къ голоду присоединяются и другія лишенія, отсутствіе топлива, сырость и холодъ или нестерпимый зной и пыль. Всѣ эти несчастныя какъ будто осуждены на вымираніе. Но миссъ Гобгоузъ, нарисовавъ эти мрачныя картины, высказала при этомъ увѣренность, что еслибъ въ Англіи знали положеніе живущихъ въ лагеряхъ, то всѣ бы развязали свои кошельки, чтобы спасти отъ голодной смерти невинныхъ дѣтей.

Слова эти вызвали взрывъ сочувствія среди публики, собравшейся слушать миссъ Гобгоузъ, которая закончила свою рѣчь слѣдующимъ заявленіемъ:

«Эти лагери оставятъ неизгладимый слѣдъ въ сердцахъ народа. Мѣсто, гдѣ они находились, будетъ отмѣчено и изъ поколѣнія въ поколѣніе будетъ передаваться разсказъ о томъ, что вытерпѣлъ здѣсь народъ. Это не забудется никогда! Мы старались утомить непріятеля, лишить мужества и охоты къ сопротивленію и мы ошиблись! Это оказалось труднѣе, чѣмъ мы думали. Мы хотѣли дѣйствовать на женщинъ, сломить ихъ энергію и въ этомъ также ошиблись, такъ какъ лишенія, которыя они терпятъ въ лагеряхъ, нисколько не ослабили ихъ мужества. Къ сожалѣнію, современные англичане такъ погрязли въ своемъ матеріализмѣ, что рѣшительно потеряли способность понимать идеальныя чувства, воодушевляющія населеніе обѣихъ республикъ. Бурскія женщины отправили посланіе къ англійскому народу и онѣ не разъ обращались ко мнѣ со слѣдующими словами: «Поѣзжайте домой и разскажите все англійскому народу. Мы увѣрены, что онъ не знаетъ, что здѣсь творится. Мы увѣрены, что еслибъ онъ зналъ, то не одобрилъ бы такихъ поступковъ. Такъ подите же къ своему народу и скажите ему это. Пусть англійскія женщины узнаютъ, что намъ приходится выносить и какъ мы должны страдать, видя какъ погибаютъ наши дѣти! Отъ того, какъ они поступятъ, узнавъ объ этомъ, будетъ зависѣть наше мнѣніе о нихъ!»

Собраніе не только выслушало съ большимъ вниманіемъ докладъ миссъ Гобгоузъ, но также съ замѣчательнымъ единодушіемъ вотировало резолюцію, выражающую ей благодарность. Извлеченіе изъ доклада миссъ Гобгоузъ и отчетъ о митингахъ въ Оксфордѣ и Лондонѣ былъ напечатанъ во многихъ англійскихъ газетахъ. Одновременно съ этимъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, не зараженныхъ имперіализмомъ, появились разсказы очевидцевъ, солдатъ, возвратившихся изъ южной Африки, наивно, словно не вѣдая, что они дѣлали, описывающихъ, какъ они жгли фермы и уничтожали имущество буровъ. Все это, вмѣстѣ съ утомленіемъ войной, несомнѣнно, оказываетъ свое дѣйствіе. Въ Англіи начинаетъ возникать движеніе въ пользу прекращенія войны. Постоянно устраиваются митинги, какъ «за», такъ и «противъ войны». Нѣкоторые изъ митинговъ кончились даже рукопашными схватками на улицахъ и, пожалуй, можно сказать, что въ настоящее время англійское общество раздѣлилось на двѣ половины, одна стоитъ за продолженіе войны во чтобы то ни стало, другая—за ея прекращеніе. Тѣ, которые стоятъ за продолженіе войны, упрекаютъ другихъ въ недостаткѣ патріотизма. Англія должна восторжествовать, должна сломить врага, заставить его молить о пощадѣ! говорятъ они. Но врагъ, повидимому, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія склонить голову подъ ударами англійскаго оружія. Напротивъ, на каждомъ шагу онъ даетъ чувствовать англичанамъ, что праздновать побѣду еще рано. И это вызываетъ реакцію въ англійскомъ обществѣ, въ которомъ растутъ симпатіи къ бурамъ, что и заставило недавно лорда Салисбюри открыто обвинить всѣхъ лицъ, симпатизирующихъ бурамъ въ томъ, что война затягивается, такъ какъ они своимъ сочувствіемъ

только поощряютъ буровъ къ дальнѣйшему безполезному сопротивленію и слѣдовательно они виноваты въ томъ, что кровь продолжаетъ литься! Но въ Англіи далеко не всѣ раздѣляютъ мнѣніе перваго министра и поэтому-то южно-африканская война вызвала глубокій расколъ въ англійскомъ обществѣ, послѣдствія котораго теперь еще трудно оцѣнить вполнѣ.

Какъ относится извѣстная часть англійской печати къ этой войнѣ, доказываетъ, между прочимъ, статья одной лондонской газеты, напоминающей англичанамъ, что такая партизанская война, какая ведется теперь въ южной Африкѣ, можетъ длиться безконечно и, слѣдовательно, говорить объ ея окончаніи и строить на этомъ какіе-либо ближайшіе разсчеты по меньшей мѣрѣ безполезно. Въ доказательство газета приводитъ примѣръ Суматры, гдѣ въ 1873 году началась партизанская война и продолжается до сихъ поръ. Голландскія колоніальныя войска непрерывно сражаются съ 1873 г. и военныя операціи стоили голландцамъ милліоны и погубили тысячи жизней, а, между тѣмъ, народъ, съ которымъ сражаются голландцы, продолжаетъ свое сопротивленіе и до сихъ поръ не обнаружилъ ни малѣйшаго признака покорности. До 1873 года въ сѣверо-западной части Суматры существовало независимое малайское государство Ачинъ, во главѣ котораго находился султанъ. Столицей этого султаната былъ Ачинъ съ 36.000 жителей. Въ 1824 г. британское и голландское правительства заключили договоръ, который давалъ имъ сюзернитетъ, и воспрещалъ султану Ачина, какъ вооружать своихъ подданныхъ, такъ и вступать въ какія-либо сношенія съ какими-либо другими иностранными державами. Подданныхъ у султана два милліона и всѣ они превосходные моряки, притомъ обнаруживающіе особенную склонность къ занятію морскимъ разбойничествомъ, но кромѣ того они искусно выдѣлывали шелковыя и бумажныя ткани и обработывали серебро и золото, котораго очень много въ странѣ. До начала войны султанъ Ачина жилъ окруженный восточною роскошью; у него было 1.000 ручныхъ слоновъ и флотъ изъ 200 кораблей. Ничего этого теперь нѣтъ. Въ 1870 г. въ Ачинѣ царствовалъ султанъ, не желавшій признавать сюзернитета голландцевъ. Онъ началъ втайнѣ готовиться къ войнѣ, дѣлалъ запасы оружія и аммуниціи и искалъ у другихъ державъ поддержки. По крайней мѣрѣ на это указывали голландцы, какъ на причину того, что они объявили войну Ачину. Голландцы отправили десять военныхъ судовъ и высадили 4.000 человѣкъ и одну батарею на берегъ. Началась война. Сначала голландцамъ удалось взять одинъ городъ, но затѣмъ они потерпѣли серьезное пораженіе и генералъ ихъ былъ убитъ. Наступало дождливое время года и пришлось пріостановить военныя операціи. Голландцы отправили подкрѣпленія и подъ командою новаго генерала находилось 12.000 человѣкъ. Имъ удалось завладѣть крѣпостью ачинцевъ, но они понесли большія потѣри. Ачинцы превосходные стрѣлки и всегда мѣтили въ офицеровъ, такъ что въ концѣ концовъ офицеры должны были снять свои мундиры и нарядиться въ одинаковую съ солдатами форму, чтобы не слишкомъ отличаться отъ нихъ. То же самое вѣдь было и въ южной Африкѣ. Со взятіемъ крѣпости кончилась регулярная война и началась партизанская. Приходилось воевать съ невидимымъ врагомъ, который внезапно появлялся въ разныхъ мѣстахъ, часто гдѣ его ожидали меньше всего. Возникала перестрѣлка, но врага не было видно, и въ результатѣ оказывалось нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Обыкновенно нападенія происходили ночью, а къ утру не было видно и слѣда непріятеля. Мѣстность благопріятствовала партизанской войнѣ и притомъ непріятель имѣлъ то преимущество, что ему былъ извѣстенъ каждый клочокъ земли, каждый кустикъ, горка и т. п. Въ непроходимыхъ лѣсахъ онъ зналъ каждую тропинку и безошибочно находилъ дорогу тамъ, гдѣ голландцы плутали, ища какого-нибудь прикрытія. Холмы, покрытые густымъ лѣсомъ, джунгли—все это служило превосходнымъ убѣжищемъ для подвижныхъ

отрядовъ ачинцевъ и представляло непреодолимыя препятствія движеніямъ голландцевъ. И такимъ образомъ голландцы не смотря даже на отдѣльныя побѣды, на взятіе городовъ и крѣпости ничего не могутъ добиться до сихъ поръ. Партизанская война продолжается и кровь льется по-прежнему, не говоря уже о громадныхъ издержкахъ, которыя несутъ на своихъ плечахъ голландцы. Англійская газета разсказываетъ эту поучительную исторію англійской публикѣ, проводя аналогію съ южно-африканскою войной, которая также можетъ длиться нескончаемо. Заманчивая перспектива!

Изъ французской жизни. Въ настоящее время, въ Парижѣ общество начало особенно живо интересоваться помѣщеніемъ работницъ. Еще Жюль Симонъ сказалъ, что «дурныя жилища служатъ главными поставщиками кліентовъ для кабаковъ», и ближайшее разслѣдованіе этого вопроса вполнѣ подтвердило его мнѣніе. Дѣйствительно, рабочій, помѣщающійся въ какой-нибудь отвратительной норѣ, стремится въ кабакъ, гдѣ все-таки онъ будетъ находиться въ лучшей обстановкѣ, для одинокихъ же работницъ жизнь въ этихъ углахъ имѣетъ еще и другія отвратительныя стороны и чаще всего она является главною побудительною причиною разврата. Въ виду этого, въ Ліонѣ и Парижѣ образовались общества, выстроившія дома для рабочихъ, гдѣ они могутъ получить квартиру за умѣренную плату, и эти дома теперь даютъ кровъ тысячамъ семействъ рабочихъ, которые чрезвычайно аккуратно вносятъ плату за помѣщеніе. Филантропическое общество въ Парижѣ выстроило два года тому назадъ новый домъ, стоимостью въ 300.000 фр., на деньги, исключительно собранные съ квартирантовъ рабочихъ, такъ что теперь уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ успѣхѣ подобныхъ предпріятій. Конечно, Парижъ и Ліонъ еще очень отстали отъ Лондона, истратившаго на это дѣло 180 милліоновъ, но, во всякомъ случаѣ, и во Франціи теперь начинаютъ понимать важность вопроса о жилищахъ рабочихъ. Но для молодыхъ работницъ до сихъ поръ было сдѣлано очень мало. Община сестеръ Сенъ-Венсанъ-де-Поль отвела для нихъ помѣщеніе въ своихъ учрежденіяхъ, т.-е. молодыя работницы получаютъ тамъ ночлегъ, но въ общемъ это очень мало, такъ какъ община отдаетъ въ распоряженіе работницъ не болѣе двадцати кроватей. Счастливицы, попавшія туда, получаютъ утромъ завтракъ и уносятъ съ собою въ корзиночкѣ свой обѣдъ, а затѣмъ возвращаются съ работы къ ужину между шестью и девятью часами, самое позднее. Другая женская община «Marie-Auxiliatrice» также даетъ ночлегъ работницамъ, но, во всякомъ случаѣ, не болѣе 700 работницъ могутъ найти такой—болѣе или менѣе сносный пріютъ въ Парижѣ, такъ что огромное большинство молодыхъ работницъ вынуждено искать для себя ночлега порою въ весьма подозрительныхъ притонахъ и у хозяекъ, промышляющихъ отдаваніемъ въ наймы угловъ для ночлега. На это обстоятельство обратилъ вниманіе международный женскій союзъ «Amies de la jeune fille», поставившій своею цѣлью покровительство молодымъ дѣвушкамъ въ большихъ городахъ. По почину этого союза въ Парижѣ были открыты различныя общежитія для молодыхъ дѣвушекъ. Иголочный синдикатъ (Syndicat de l'Aiguille) открылъ два общежитія въ сорокъ комнатъ для незамужнихъ работницъ, нѣкоторыя изъ большихъ магазиновъ присоединились къ этому движенію. Лувръ, напр., отвелъ въ улицѣ Раммъ помѣщеніе въ 80 комнатъ для незамужнихъ работницъ. По примѣру международнаго протестантскаго общества покровительства молодой дѣвушкѣ, образовалось такое же католическое общество, развѣтвленія котораго распространилось на всю Европу.

Несмотря на всѣ эти старанія, въ общемъ не болѣе все-таки 1.200 постелей находятся въ распоряженій молодыхъ дѣвушекъ, ищущихъ ночлега, между тѣмъ какъ, по словамъ «Journal de Débats», на одно вакантное мѣсто

является всегда не менѣе 20 кандидатокъ. Очень понятно, что многіе французскіе дѣятели находятъ вопросъ о помѣщеніи работницъ жгучимъ современнымъ соціальнымъ вопросомъ, настоятельно требующимъ своего разрѣшенія. Въ виду этого, филантропическое общество въ Парижѣ, существующее уже 115 лѣтъ, рѣшило заняться этимъ вопросомъ и въ настоящее время это общество воздвигаетъ уже большой меблированный домъ, между Батиньолемъ и Монмартромъ, гдѣ будутъ отведены помѣщенія какъ замужнимъ женщинамъ, такъ и молодымъ дѣвушкамъ, живущимъ своимъ трудомъ. Мужчины не будутъ допускаться въ качествѣ жильцовъ. Цѣна за комнату будетъ находиться въ зависимости отъ ея величины, но, во всякомъ случаѣ, эта цѣна будетъ не высокая. Всѣхъ комнатъ будетъ шестьдесятъ, и хотя этого недостаточно, чтобы удовлетворить существующія потребности въ хорошемъ и дешевомъ помѣщеніи для работницъ, но все-таки это первый шагъ, который поведетъ за собою и послѣдующіе, а инниціатива въ подобныхъ случаяхъ часто имѣетъ громадное значеніе.

Годичный банкетъ студенческой ассоціаціи (Association Genérale des etudiants de Paris) далеко не былъ такъ блестящъ въ этомъ году, какъ въ прошломъ, когда банкетъ этотъ пришелся какъ разъ на время выставки. Въ этомъ году особенное впечатлѣніе произвела рѣчь Шарля Рише. «Студенты имѣютъ общіе интересы, — сказалъ Рише, — которые они не могутъ защищать, если будутъ дѣйствовать изолированно. Надо, чтобы они всѣ соединились вмѣстѣ и чтобы ихъ ассоціація представляла изъ себя одну изъ величайшихъ національныхъ силъ, самую главную, потому что въ ней заключаются надежды и будущее нашего дорогого отечества. Но для того, чтобы союзъ этотъ составилъ силу, онъ не долженъ быть только исключительно союзомъ студентовъ, онъ долженъ соединить также и профессоровъ со студентами. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ профессора и студенты представляли какъ бы двѣ различныя человѣческія расы или различныя зоологическія группы. И тѣ и другіе одинаково терпѣли отъ этого ущерба. Профессоръ, никогда не разговаривающій со своими учениками, въ концѣ концовъ совершенно замыкается въ своемъ собственномъ мірѣ, устарѣломъ и архаическомъ, онъ теряетъ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, вдохновляется только прошлымъ и студенты 1901 года представляются его устарѣвшимъ глазамъ студентами 1860 или 1875 годовъ, со всѣми присущими имъ качествами и недостатками. Между тѣмъ, вѣдь міръ идетъ впередъ и одно поколѣніе студентовъ быстро смѣняется другимъ. По мнѣнію нашего президента Лавасса, черезъ каждые два-три года происходитъ перемѣна въ состояніи студенческой души и съ каждымъ поколѣніемъ студентовъ надо прибѣгать къ новымъ демонстраціямъ и совершенно въ иномъ родѣ, для того, чтобы произвести на нихъ желаемое впечатлѣніе. Профессора не должны отставать отъ молодежи, ихъ окружающей».

Рише заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Важнѣйшее качество человѣка это—мужество, т.-е. твердость и сила, съ которою онъ защищаетъ свои убѣжденія своими дѣйствіями и словами».

Въ Германіи. Въ политическомъ отношеніи въ Германіи наступилъ теперь мертвый сезонъ, такъ что берлинская печать, за отсутствіемъ внѣшнихъ событій, занимается преимущественно внутренними дѣлами и дѣлишками и разнаго рода событіями дня. Такимъ событіемъ было напримѣръ, открытіе памятника Бисмарку и сказанная по этому случаю рѣчь канцлера Бюлова, которая, какъ говорятъ, далеко не такъ понравилась императору, какъ германскому обществу, которое, повидимому, не раздѣляетъ въ данномъ случаѣ взглядовъ императора Вильгельма II, считающаго Бисмарка простымъ орудіемъ въ рукахъ своего дѣда и не болѣе, какъ «великимъ слугой Вильгельма I». Графъ Бюловъ,

слѣдовательно, своими восхваленіями желѣзнаго канцлера какъ творца имперіи не угодилъ Вильгельму II, и тотъ не замедлилъ, конечно, дать ему понять это и недовольный уѣхалъ въ свою обычную экскурсію въ сѣверное море. Но графъ Бюловъ, тѣмъ не менѣе, укрѣпилъ свое положеніе, обнаруживъ извѣстную независимость сужденій, что весьма цѣнятъ пруссаки въ государственномъ дѣятелѣ, несмотря на всю свою лойяльную преданность монархической идеѣ.

Другой инцидентъ, который, подобно рѣчи Бюлова, пробудилъ также много споровъ и разговоровъ въ германской печати, вызванъ опять-таки императоромъ Вильгельмомъ II, который отказался утвердить въ должности одного изъ бургомистровъ города Берлина Кауфмана, избраннаго муниципальнымъ совѣтомъ. Но отказъ Вильгельма II утвердить Кауфмана мотивированъ вовсе не какими либо обвиненіями, взводимыми на новаго бургомистра. Наоборотъ, репутація Кауфмана очень хороша и въ Берлинѣ онъ пользуется извѣстностью, какъ лучшій адвокатъ, такъ что въ его дѣятельности, прошлой и настоящей, нельзя найти ничего такого, что могло бы помѣшать его избранію. Единственною причиною является то, что 20 лѣтъ тому назадъ онъ выступилъ энергичнымъ противникомъ неудачнаго проекта князя Бисмарка табачной монополіи. Онъ былъ тогда президентомъ прогрессистской ассоціаціи «Waldeck» и велъ въ качествѣ президента очень сильную агитацію противъ этого проекта, за что и былъ привлеченъ къ суду чести въ качествѣ поручика 1-го полка гвардейскаго ландвера, по обвиненію въ незаконной агитаціи противъ правительственнаго проекта. Судъ чести приговорилъ его къ увольненію изъ этого полка, но приговоръ былъ отмѣненъ Вильгельмомъ I, такъ что Кауфманъ вернулся къ гражданской службѣ, сохранивъ свое офицерское званіе. Въ свое время дѣло Кауфмана (это было въ 1883 г.) надѣлало много шума. Берлинская печать особенно горячо обсуждала оборотъ, который принялъ это дѣло. Оставаясь числиться въ Ландверѣ, берлинскій адвокатъ Кауфманъ долженъ былъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ, и берлинская либеральная печать указывала на неудобства такого положенія вещей. Въ будущемъ ни одинъ резервный офицеръ не будетъ имѣть права высказывать независимо политическіе взгляды и дѣйствовать сообразно съ этими взглядами, не рискуя навлечь на себя весьма большія непріятности. «Такъ какъ очень мало найдется людей, готовыхъ пострадать за свои политическія убѣжденія,—говорили газеты,—то большинство офицеровъ резерва будетъ держаться въ сторонѣ отъ общественной жизни или же будетъ тщательно скрывать свои взгляды. И то, и другое, несомнѣнно, вредно и общество и страна нисколько не выиграютъ отъ такого вынужденнаго политическаго индиферентизма».

Теперь имя адвоката Кауфмана снова выступаетъ на сцену и вызываетъ такую же жаркую полемику, какъ нѣкогда вызвала его агитація противъ бисмарковскаго проекта табачной монополіи. На этотъ разъ берлинская либеральная буржуазія считаетъ себя обиженной поступкомъ Вильгельма II, въ рядахъ же соціалъ-демократіи этотъ инцидентъ вызвалъ удовольствіе, такъ какъ тамъ привѣтствуютъ всякій малѣйшій признакъ недоразумѣній между германскими либералами и императоромъ. Вообще дѣло Кауфмана соединило въ общемъ чувствѣ неудовольствія самыя противоположныя партіи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ по этому поводу клерикальная газета «Köln. Volkszeitung»: «Если муниципальные вопросы будутъ разрѣшаться съ военной точки зрѣнія, то въ результатѣ явится глубокая и широкая пропасть между гражданами и военными и военный элементъ получитъ преобладаніе, очень нежелательное въ интересахъ мирной кооперации обоихъ классовъ. Конечно, мы убѣждены въ томъ, что императоръ Вильгельмъ всегда имѣетъ въ виду благо своего народа, но то были странные совѣтники, люди, изобразившіе ему военное дѣло молодого поручика Кауфмана въ такомъ яркомъ освѣщеніи, что оно совершенно

затмило солидныя гражданскія качества Кауфмана, муниципальнаго совѣтника, карьера котораго, такимъ образомъ, потерпѣла ущербъ вслѣдствіе того только, что онъ въ молодости не скрывалъ своихъ убѣжденій»...

Въ послѣднее время замѣчается въ германскомъ обществѣ нѣкоторая реакція противъ увлеченія милитаризмомъ. Этому не мало способствовали различныя событія и факты, вродѣ недавняго случая въ Саксоніи, гдѣ одинъ юный офицеръ въ пьяномъ видѣ ударилъ своего товарища, и опомнившись на другой день, принесъ ему самыя сердечныя извиненія. Товарищъ его, понимавшій, что онъ не хотѣлъ нанести ему оскорбленія, принялъ его извиненія, но тѣмъ не менѣе дѣло разгласилось, созванъ былъ военный судъ чести и офицеръ, принявшій извиненія, былъ уволенъ въ отставку. Командиръ полка, объявляя своимъ офицерамъ это рѣшеніе, былъ очень взволнованъ и сказалъ: «Я могу только одно посовѣтовать вамъ господа: во всѣхъ такихъ случаяхъ, всегда посылать вызовъ на дуэль». Мнѣнія печати, однако, раздѣлились на этотъ счетъ. Большинство высказывается противъ дуэлей и находитъ, что такое преувеличенное понятіе о военной чести можетъ быть часто источникомъ весьма большихъ недоразумѣній и слишкомъ часто будетъ вызывать кровопролитіе.

Другимъ фактомъ, значительно повліявшимъ на охлажденіе германскаго общества къ милитаризму, является процессъ Крозига, въ Гумбикненѣ. Этотъ процессъ раскрылъ весьма некрасивыя стороны жизни въ арміи, злоупотребленія дисциплинарною властью, которыя часто дозволяетъ себѣ извѣстная категорія офицеровъ.

Въ числѣ офицеровъ гарнизона въ Гумбикненѣ находился капитанъ Крозигъ, сынъ извѣстнаго прусскаго кавалерійскаго генерала. Онъ пользовался репутаціей необыкновенно строгаго начальника, доводящаго эту строгость до жестокости и сдѣлавшаго изъ дисциплины орудіе пытки для своихъ служащихъ.

Въ числѣ жертвъ, постоянно подвергавшихся его преслѣдованіямъ, находился старый сержантъ Мартенъ, ветеранъ, отличившійся въ нѣсколькихъ великихъ войнахъ. Чтобы избавить бѣднягу отъ мучительствъ Крозига, Мартена перевели въ другой гарнизонъ, но у Крозига остались подъ начальствомъ сынъ Мартена и его зять и обоимъ сильно доставалось отъ жестокаго капитана. Въ январѣ Крозигъ былъ убитъ, въ то время, когда разговаривалъ въ манежѣ съ однимъ изъ товарищей. Въ него выстрѣлили изъ коридора, гдѣ найдено у отверстія, сдѣланнаго пулей въ перегородкѣ, ружье, неизвѣстно кому принадлежащее. Произведены были аресты. Изъ Берлина приглашены были искусные сыщики и началось строжайшее разслѣдованіе, которое, однако, ничего не открыло. Арестованы были Мартенъ и Гиккель, зять Мартена; противъ нихъ не только не было никакихъ уликъ, но даже не было намека на какіелибо улики, кромѣ подозрѣнія, основаннаго на томъ, что они оба имѣли особенныя причины ненавидѣть Крозига. Этого было достаточно, однако, чтобы ихъ обвинили въ убійствѣ и письма, которыя они писали своимъ роднымъ и друзьямъ, ясно указываютъ, какой нравственной пыткѣ они подвергались. Мартенъ, въ концѣ концовъ, не выдержалъ этой пытки и бѣжалъ, а бѣгство его, конечно, явилось главнымъ противъ него свидѣтельствомъ. Однако, передъ началомъ судебнаго разбирательства, онъ вернулся и отдался въ руки властей безъ всякаго сопротивленія.

Начался процессъ. Публика съ большимъ интересомъ ожидала судебнаго разбирательства, не столько интересуясь самымъ фактомъ преступленія, сколько раскрытыми злоупотребленіями и превышеніями власти, а также различными подробностями военной жизни, которыя обнаружились на слѣдствіи. Все это придавало сенсаціонный характеръ гумбикненскому процессу, такъ что личности подсудимыхъ совершенно отступали на второй планъ. Адвокаты доказали всю несостоятельность обвиненій, и подсудимые были оправданы. Печать и обще-

ство могли быть довольны такимъ исходомъ, но тѣмъ не менѣе судебная процедура вызвала въ печати весьма горячіе споры. Дѣло въ томъ, что новый военный уголовный кодексъ, въ которомъ сдѣлано много уступокъ современному духу, тѣмъ не менѣе предоставляетъ право императору, какъ военноначальнику, давать общія инструкціи, которымъ должны подчиняться военные суды. На основаніи этихъ-то инструкцій, военный совѣтъ въ Гумбикненѣ каждый разъ объявлялъ двери закрытыми, какъ только на допросѣ свидѣтелей, или же во время премій, дѣло касалось превышеній и злоупотребленій властью, которыя позволялъ себѣ капитанъ Крозигъ. Это стремленіе окружить тайной все, что касается дѣйствій военныхъ, очень не нравится огромной части германской печати, хотя консервативныя газеты, какъ, напримѣръ, «Kreuzzeitung», и одобряютъ такой образъ дѣйствій, говоря, что и такъ борьба противъ милитаризма дѣлаетъ слишкомъ большіе успѣхи въ германскомъ обществѣ, подобнаго же рода разоблаченія доставятъ ей только новое оружіе. Другія же газеты возражаютъ на это, что то, что было возможно въ прежнія времена съ наемными войсками, теперь немыслимо, при существованіи національной арміи и всеобщей воинской повинности. Благодаря именно тому, что военный міръ всячески стараются обособить отъ гражданскаго, масса злоупотребленій остается сокрытой и не попадаетъ на общественный судъ, вслѣдствіе чего и возможны такіе факты, какъ дѣло Крозига, и бездна между гражданами и военными углубляется.

Турецкая медицина. Несмотря на прогрессъ, достигнутый Турціей во многихъ отношеніяхъ, въ области медицины, какъ въ турецкихъ провинціяхъ, такъ и въ столицѣ, продолжаютъ процвѣтать самыя грубыя суевѣрія. Народъ предпочитаетъ знахарей и знахарокъ врагамъ и цирульниковъ хирургамъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ, сотрудникъ кельнской газеты, постоянно живущій на Балканахъ, говоритъ, что не только мусульманское, но и христіанское населеніе Балканскаго полуострова обнаруживаетъ поразительное невѣжество и неразвитость, благодаря которымъ ловкіе обманщики и обманщицы могутъ легко морочить народъ и творить чуть не чудеса, пріобрѣтая славу и деньги. Въ Турціи есть образованные доктора, но они остаются въ городахъ, такъ какъ въ деревнѣ они не могли бы имѣть никакой практики и имъ пришлось бы погибнуть съ голоду, такъ какъ никто изъ сельскаго населенія не станетъ къ нимъ обращаться. Такъ стоитъ дѣло и по сіе время. Въ Турціи существуютъ спеціальные народные врачи, въ которыхъ народъ вѣритъ и къ которымъ онъ обращается въ случаѣ болѣзни, но къ настоящему врачу никто не идетъ. Эти народные врачи, словно древне-греческіе астрологи, составляютъ нѣчто вродѣ гороскопа своихъ паціентовъ. Они спрашиваютъ больного: «Какъ тебя зовутъ? Какъ зовутъ твоего отца? Изъ какого племени ты происходишь» и т. п. Написавъ эти имена, они подъ буквы подставляютъ цифры, потомъ продѣлываютъ съ этими цифрами разнаго рода дѣйствія и, наконецъ, послѣ разныхъ манипуляцій отыскиваютъ благопріятныя для больного созвѣздія и рѣшаютъ на основаніи этого какъ лѣчить больного и когда ему принимать лѣкарство.

Нѣмецкій журналистъ говоритъ, что такимъ народнымъ врачомъ можетъ быть каждый, кто захочетъ и почувствуетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы морочить народъ. Однажды ему самому пришлось наблюдать слѣдующее превращеніе; онъ зналъ одного турка, по имени Хаджи Мустафа, который въ теченіе уже многихъ лѣтъ продавалъ дыни и овощи на базарѣ. Всѣ привыкли видѣть его каждое утро возлѣ горъ зелени и ароматныхъ дынь, зазывающимъ покупателей и расхваливающимъ свой товаръ. Каково же было изумленіе народа, когда въ одинъ прекрасный день, вмѣсто дынь и овощей, въ лавочкѣ

Мустафы появились на прилавкѣ цѣлые ряды какихъ-то стклянокъ, порошковъ, сушеныхъ корней и т. п. А самъ Мустафа сидѣлъ съ важнымъ видомъ позади прилавка и читалъ какой-то огромный толстый фоліантъ. Пораженный, въ свою очередь этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, нѣмецкій журналистъ вошелъ въ лавочку Мустафы и, поздоровавшись съ нимъ, спросилъ его, что означаетъ такая перемѣна? Мустафа поднялся и съ серьезнымъ видомъ отвѣчалъ ему: «Аллахъ великъ! Магометъ явился ко мнѣ ночью и объявилъ мнѣ: ты назначенъ Богомъ облегчать страданія людей?» Народъ, собравшійся у лавочки Мустафы и слышавшій эти слова, началъ ему низко кланяться, приговаривая: «Аллахъ великъ! Да будетъ воля его!» Такой сонъ, какой приснился Мустафѣ, имѣетъ въ глазахъ народа гораздо больше значенія, нежели всѣ докторскія свидѣтельства и дѣйствительно у Мустафы сразу возникла такая практика, которой бы могъ позавидовать любой докторъ медицины, тѣмъ болѣе, что доктора всегда обвиняютъ, если онъ не поможетъ больному, Мустафу же никто и не подумалъ бы обвинить въ этомъ. Если онъ не могъ помочь больному, значитъ, такова была воля Аллаха и противиться ей никто не можетъ!

Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ профессія врача передается отъ отца къ сыну, какъ ремесло столяра или слесаря. Впрочемъ, и это такое же ремесло и не требуетъ отъ человѣка никакихъ особенныхъ знаній. Обыкновенно такой врачъ покупаетъ оставшееся отъ умершаго или уѣхавшаго европейскаго врача запасы лѣкарствъ и начинаетъ давать ихъ своимъ больнымъ безъ всякаго разбора. При такомъ способѣ лѣченія часто бываютъ ошибки и отравленія, но это не ставится въ вину врачу, то воля Аллаха! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ жилъ въ Константинополѣ такой врачъ, получившій откровеніе во снѣ. Къ нему стекались толпы народа, но онъ не бралъ ни съ кого больше одного піастра (около 10 коп.) за визитъ и тѣмъ не менѣе въ короткое время онъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ, такъ какъ съ утра до поздней ночи народъ толкался у его дверей, добиваясь впуска къ нему, и не было ни одного человѣка даже въ высшемъ, такъ называемомъ образованномъ обществѣ Стамбула, который бы не лѣчился у него, хотя бы втихомолку.

Огромную практику имѣютъ турецкіе священники, муллы и имамы. Къ нимъ обращаются преимущественно съ разнаго рода нервными и психическими болѣзнями не только мусульмане, но и христіане, вѣрящіе въ то, что они обладаютъ чудеснымъ даромъ излѣчивать эти болѣзни. Въ Албаніи почти вся народная медицина находится въ рукахъ женщинъ, но и въ Константинополѣ очень много женщинъ занимаются врачеваніемъ, не взирая на всякія запрещенія. Особенно большимъ вліяніемъ пользуются повивальныя бабки, которыя въ гаремѣ играютъ большую роль. Къ нимъ прибѣгаютъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ и онѣ часто злоупотребляютъ этимъ, тѣмъ болѣе, что мужчины-врачи, а въ особенности иностранцы, не имѣютъ доступа въ гаремъ.

Въ послѣднее время вслѣдствіе появленія чумныхъ заболѣваній въ Константинополѣ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ остальною Европой, положеніе медицины въ Турціи обратило на себя всеобщее вниманіе. Можно быть увѣреннымъ, что огромное число заболѣвшихъ ускользаетъ отъ взоровъ настоящихъ врачей и такимъ образомъ опасность распространенія заразы возрастаетъ въ сильнѣйшей степени.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Нѣмецкое происхожденіе «Марсельезы» — Мнѣніе японскаго писателя о разныхъ европейскихъ націяхъ. — Крестовый походъ противъ пьянства.—Нужны ли литературные псевдонимы.

Карлъ Блиндъ дѣлаетъ любопытное открытіе: знаменитый французскій національный гимнъ «Марсельеза» имѣетъ нѣмецкое происхожденіе! Блиндъ описываетъ въ «Nineteenth Century» многочисленныя превратности, которымъ подверглась эта пѣсня, происхожденіе которой до сихъ поръ скрывается во мракѣ. Согласно распространенному воззрѣнію, гимнъ этотъ былъ написанъ Руже де-Лиллемъ однажды вечеромъ, когда онъ находился въ гостяхъ у страсбургскаго бургомистра Дитриха. Дитрихъ просилъ его сочинить военную пѣсню для волонтеровъ, которые должны были выступить на другой день въ походъ. Руже де-Лилль согласился и въ ту же ночь написалъ текстъ и музыку, что было дѣйствительно выдающимся подвигомъ, принимая во вниманіе длину текста «Марсельезы». Тѣмъ не менѣе и среди французовъ находятся люди, отрицающіе авторство Руже де-Лилля. Такъ, напримѣръ, знаменитый французскій музыкальный критикъ Кастиль Блазъ утверждаетъ въ своей книгѣ «Molière Musicien», появившейся въ 1852 г., что Руже де-Лилль не былъ «отцомъ «Марсельезы». По словамъ этого критика, «Марсельеза»—ничто иное, какъ нѣмецкій церковный гимнъ, завезенный во Францію въ 1782 г. Въ дѣйствительности же дѣло было такъ: въ Сентъ-Омерѣ, въ департаментѣ Па-де-Кале, жилъ одинъ старый капельмейстеръ, который занимался сочиненіемъ гимновъ и пѣсенъ и, кромѣ того, еще писалъ ораторію. Съ 1775 г. по 1787 онъ былъ капельмейстеромъ собора и продолжалъ заниматься композиціей музыкальныхъ пьесъ. Выйдя въ отставку за два года до взятія Бастиліи, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ своихъ музыкальныхъ сочиненій, сдѣлавъ имъ надлежащій списокъ, положилъ ихъ на храненіе въ городской архивъ. Такимъ образомъ и удалось потомъ найти въ его интродукціи къ ораторіи тотъ самый мотивъ, на который Руже де-Лилль написалъ слова черезъ пять лѣтъ послѣ этого. Разумѣется, Руже измѣнилъ также первоначальный темпъ, который былъ бы слишкомъ медленнымъ для воинственной пѣсни и, въ концѣ концовъ, церковная пѣсня превратилась въ военный гимнъ. Но откуда же все-таки она была занесена во Францію? На этотъ вопросъ французскій критикъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Іоганнъ Шерръ разсказываетъ въ своей книгѣ «Блюхеръ, его жизнь и его время», что онъ, будучи мальчикомъ, пѣлъ въ церковномъ хорѣ въ одной деревенской католической церкви рождественскую кантату и когда кончилъ и вышелъ изъ церкви, то одинъ старый наполеонскій солдатъ сказалъ ему: «Знаете ли вы, что вы такое пѣли? Вѣдь, это «Марсельеза»! Шерръ разсказалъ объ этомъ своему отцу, деревенскому органисту и тотъ воскликнулъ съ удивленіемъ: «Что ты такое говоришь? Съ чего ты это взялъ? Музыка, которую я ввелъ въ рождественскую кантату, взята мною изъ одной старинной мессы».

Месса, о которой онъ упоминалъ, была написана Гольтманомъ, капельмейстеромъ курфюрста Пфальцскаго, изъ Пфальца она попала въ Эльзасъ и оттуда уже легко могла проникнуть во Францію. Превращеніе церковной мелодіи въ воинственную пѣсню не представляетъ, однако, ничего необычайнаго, въ особенности если вспомнить Лютера, который часто заимствовалъ для церковной музыки нѣкоторыя свѣтскія мелодіи. Братъ знаменитаго профессора Кусмауля, принимавшій участіе въ войнѣ между Мексикой и Соединенными Штатами, часто любилъ забавляться тѣмъ, что игралъ въ церкви въ замедленномъ темпѣ различныя шансонетки и никто не замѣчалъ этого, принимая его музыку за

церковную. Пѣснь Руже де-Лилля была первоначально названа «Боевою пѣснью рейнской арміи» и только послѣ того, когда такъ называемые союзники занесли ее изъ Марсели въ Парижъ въ 1792 г., бывшая церковная пѣснь превратилась въ извѣстный всѣмъ французскій гимнъ—«Марсельезу».

Въ томъ же журналѣ приводится нѣсколько не лишенныхъ интереса цитатъ изъ одного японскаго журнала. Авторъ статьи, изъ которой приводятся эти выдержки, одинъ извѣстный японскій писатель Имада Ямиро находитъ, что японцы должны непремѣнно избрать себѣ, какъ образецъ, какую-нибудь идеальную европейскую націю и постараться перенять ея культуру и всѣ ея стремленія. И вотъ, послѣ долгихъ разсужденій и изслѣдованій характера различныхъ европейскихъ націй, японскій писатель приходитъ къ заключенію, что къ его понятію объ идеальной націи больше всего подходятъ англичане.

«Я знаю четыре великія страны,—говоритъ онъ,—общественная и внутренняя жизнь которыхъ заслуживаетъ съ нашей стороны вниманія и подражанія во многихъ отношеніяхъ, это—Англія, Россія и, Франція и Германія. Русскіе отличаются сдержанностью: они хорошіе дипломаты и прекрасно умѣютъ скрывать свои истинныя мысли и стремленія. Пока не будешь имѣть съ ними дѣла, до тѣхъ поръ не узнаешь, что они такое на самомъ дѣлѣ и что можно ожидать отъ нихъ... Все это разумѣется прекрасныя качества для военнаго времени, но въ мирныя времена и въ сношеніяхъ съ другими націями такія свойства оказываются весьма непріятными и препятствуютъ взаимному довѣрію.

«Нѣмцы ловки и умны. Если они хотятъ чего-нибудь достигнуть, то дѣлаютъ это очень искусно. Но они никогда не принимаютъ въ разсчетъ чужихъ плановъ и чужой хитрости, а думаютъ только о себѣ, поэтому, то они такъ часто подвергаютъ себя непріятнымъ сюрпризамъ.

«Французы—рыцарская нація; имъ нравится играть роль защитниковъ и спасителей угнетенныхъ и они иногда заходятъ въ этомъ стремленіи такъ далеко, что даже готовы изъ-за какой-нибудь благородной идеи поставить на карту свою жизнь. Но за то они необыкновенно легкомысленны, впечатлительны и непостоянны и поэтому совершенно невозможно брать ихъ за образецъ, достойный подражанія.

«Что же касается англичанъ, то они въ одно и то же время очень практичны, честны, энергичны и сдержанны. Они принимаютъ во вниманіе только факты и считаются съ ними, мужество ихъ не такъ велико, какъ мужество французовъ, но оно достойнѣе и постояннѣе. Они переносятъ удары съ полнымъ хладнокровіемъ и всюду, гдѣ только можно, безстрашно сражаются ради господства своего народа».

Эта стойкость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, хладнокровіе и непоколебимое сознаніе своего превосходства, характеризующія британскую націю, восхищаютъ японца, и онъ находитъ, что англичане именно и представляютъ ту идеальную націю, которую японцы должны избрать своимъ образцомъ.

«Review of Review» говоритъ, что крестовый походъ противъ пьянства нигдѣ не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ особенности въ Канзасѣ, гдѣ дѣйствуетъ гроза всѣхъ кабаковъ, миссисъ Корри Нэшенъ. Въ Канзасѣ, по настоянію и вслѣдствіе пропаганды женскаго христіанскаго союза трезвости, были вотированы законы, воспрещающіе продажу спиртныхъ напитковъ, но въ дѣйствіе эти законы не были приведены и во многихъ городахъ и мѣстечкахъ кабаки торговали открыто, не взирая ни на какіе запретительные законы. Торговля спиртными напитками процвѣтала и это даже подало поводъ одному изъ сенаторовъ сказать, что «обѣ стороны должны быть довольны. Женщины получили законъ, котораго онѣ такъ добивались, а муж-

чины имѣютъ виски, безъ котораго не могутъ жить и, слѣдовательно, всѣ счастливы». Нѣкоторое время, дѣйствительно, какъ будто оправдывались слова сенатора и все было спокойно, но явилась миссисъ Кэрри и безпечальному существованію кабатчиковъ пришелъ конецъ.

Первый мужъ этой храброй амазонки трезвости умеръ отъ пьянства и съ тѣхъ поръ она объявила непримиримую войну всѣмъ кабакамъ. Такъ какъ она пользуется въ своемъ городѣ большимъ вліяніемъ, какъ выдающійся членъ женскаго христіанскаго общества трезвости, то ей удалось добиться выполненія закона и закрытія кабаковъ. Но въ другихъ городахъ она потерпѣла въ этомъ отношеніи пораженіе, кабаки не были закрыты и она рѣшила распорядиться съ ними по своему, т.-е. во главѣ отряда такихъ же безстрашныхъ амазонокъ, какъ она сама, она отправилась въ кабаки и произвела тамъ всевозможныя опустошенія. Кабатчики принесли жалобу въ судъ, но она не угомононилась и отправившись въ другое мѣсто произвела тамъ то же самое. Въ концѣ концовъ она была арестована и просидѣла около трехъ недѣль въ тюрьмѣ, но тѣмъ не менѣе кабатчикамъ было отказано въ искѣ, такъ какъ по закону они дѣйствительно не имѣли права торговать спиртными напитками.

Выпущенная изъ тюрьмы, неистовая американка снова принялась за то же самое и въ сопровожденіи своихъ послѣдовательницъ продолжала разрушать кабаки, появляясь словно грозный мститель съ топоромъ въ рукѣ, невозможно было умѣрить ея рвеніе и она пріобрѣтала все больше и больше послѣдовательницъ, становясь настоящимъ бичомъ содержателей пивныхъ лавочекъ и т. п. заведеній. Въ то же время миссиссъ Кэрри Нэшенъ старалась дѣйствовать и своимъ краснорѣчіемъ; она всюду читала лекціи о вредѣ пьянства и пріобрѣтала прозелитовъ.

Ея примѣръ нашелъ подражателей, или вѣрнѣе подражательницъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ была также объявлена война кабакамъ, но къ сожалѣнію, при этомъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія и одна женщина была убита во время нападенія на кабаки. Наступило настоящее царство террора; обѣ стороны взялись за оружіе и между посѣтителями кабаковъ и приверженцами трезвости происходили правильные стычки.

Канзасскіе судьи оказываются на сторонѣ идей трезвости и ихъ яростныхъ представительницъ, такъ что кабатчикамъ постоянно отказывается въ искѣ, хотя они, въ свою очередь, приводятъ законъ, воспрещающій подобное «безцеремонное» обращеніе съ чужою собственностью, какое позволяетъ себѣ миссиссъ Кэрри, разбивающая топоромъ мебель и зеркала, также какъ она, съ своей стороны, оправдываетъ свои поступки, опираясь на законъ, воспрещающій продажу спиртныхъ напитковъ. Такимъ образомъ, война продолжается. Открытіе кабака въ Канзасѣ становится уже настоящимъ актомъ мужества и все населеніе раздѣлилось на два лагеря. Въ церквахъ и на площадяхъ устраиваются митинги и число сторонницъ миссиссъ Кэрри, которыхъ она воодушевляетъ своимъ примѣромъ и своимъ безстрашіемъ, растетъ не по днямъ, по часамъ.

Молодой французскій писатель Эрнестъ Шарль посвящаетъ въ «Revue Bleue» статью литературнымъ псевдонимамъ. Онъ старается разрѣшить вопросъ, нужны ли такіе псевдонимы? Они существуютъ уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ литература, и когда вмѣстѣ съ этимъ возникла потребность,— быть можетъ, и необходимость—скрывать свое настоящее имя. Въ самомъ началѣ псевдонимъ, дѣйствительно, служилъ для того, чтобы избавить себя отъ нескромнаго любопытства, которое было всегда стѣснительнымъ, а подчасъ, можетъ быть, даже опаснымъ. Не такъ давно еще нельзя было безопасно писать о многихъ вещахъ и тѣмъ болѣе признавать себя открыто авторомъ нѣкоторыхъ статей, касающихся какой-нибудь злобы дня или болѣе или менѣе жгу-

чихъ современныхъ вопросовъ. О многомъ удобнѣе было писать, прикрываясь псевдонимомъ, въ особенности лицамъ, принадлежащимъ къ такъ называемому высшему обществу. «Вѣдь сравнительно недавно,—говоритъ Эрнестъ Шарль—литература заняла настолько почетное мѣсто, что званіемъ литератора стали гордиться. Прежде многимъ казалось и неудобнымъ, и унизительнымъ писать въ газетахъ и журналахъ и если они это дѣлали, то скрывали свое авторство. Даже маркизъ Кондорсе, не имѣвшій недостатка въ мужествѣ, не рѣшился бороться съ этимъ предразсудкомъ, и поэтому никогда не выставлялъ своего имени подъ своими статьями. Но хотя эти времена и не очень отдаленны, о нихъ сохранилось только одно воспоминаніе. Намъ трудно представить себѣ то состояніе ума и развитія, которое заставляло смотрѣть на литературную дѣятельность, какъ на занятіе не вполнѣ достойное. Все это прошло и кануло въ вѣчность, и если писатели и теперь еще прибѣгаютъ къ псевдонимамъ, то дѣлаютъ они это больше ради традиціи или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, но никакъ не ради личной безопасности или потому, что считаютъ не совмѣстнымъ съ достоинствомъ своего имени подписывать его подъ какою-нибудь газетною или журнальною статьей.

По мнѣнію Эрнеста Шарля, псевдонимы давно уже отжили свое время. Такъ почему же этотъ обычай продолжаетъ существовать въ литературѣ? Молодой французскій писатель объясняетъ это отчасти скромностью нѣкоторыхъ авторовъ, отчасти же тѣмъ, что многія фамиліи писателей недостаточно красивы и звучны и это заставляетъ ихъ прибѣгать къ псевдонимамъ, затѣмъ псевдонимъ представляетъ то удобство, что онъ даетъ возможность писателю сотрудничать въ нѣсколькихъ органахъ печати заразъ, не боясь показаться читателямъ слишкомъ ужъ плодовитымъ? Эрнестъ Шарль замѣчаетъ по этому поводу, что нѣкоторые изъ журналистовъ, прибѣгающіе по такой причинѣ къ псевдонимамъ, усвоиваютъ себѣ въ то же время и совершенно различную манеру писать, и мѣняя подпись, мѣняютъ какъ будто свою литературную физіогномію. Но не всѣ, конечно, способны такъ быстро мѣнять свою личность и настоящій литературный талантъ всегда сохраняетъ свои типическія черты и свою индивидуальность.

Но во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Эрнеста Шарля, псевдонимъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вводитъ въ заблужденіе публику и поэтому онъ все больше и больше теряетъ свой «raison d'être». Современный читатель притомъ болѣе интересуется содержаніемъ статьи, нежели именемъ, которымъ она подписана, за исключеніемъ тѣхъ именъ, которыя служатъ для него извѣстнымъ девизомъ, воплощаютъ извѣстное міросозерпаніе или же стяжали славу первокласснаго таланта. Во всѣхъ другихъ случаяхъ читатель даже не запоминаетъ имени, которымъ подписана статья или книга, которую онъ только что прочелъ. Къ чему же тогда эта тайна? И Эрнестъ Шарль совѣтуетъ всѣмъ писателямъ отказаться отъ этого пережитка старины и храбро подписывать свое имя подъ всѣми своими произведеніями. Существованіе псевдонимовъ, по его мнѣнію, все-таки нѣсколько унижаетъ литературу.

Скрантонская школа.

(Письмо изъ Калифорніи).

Вопросъ о широкомъ распространеніи техническаго и общаго образованія въ наименѣе культурныхъ слояхъ населенія получилъ въ Соединенныхъ Штатахъ замѣчательно удачное разрѣшеніе, въ видѣ такъ называемыхъ «Correspon-

dence Schools», т.-е. такихъ школъ, въ которыхъ все преподаваніе ведется исключительно корреспонденціей. Такая форма преподаванія не является исключительной принадлежностью Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ она съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ подверглась испытанію, или практикуется, и во многихъ другихъ странахъ (между прочимъ, и въ Россіи), но нигдѣ она не получила такого широкаго развитія, какъ въ Америкѣ.

Въ послѣднее время, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, въ Европѣ чрезвычайно много говорилось о «народныхъ университетахъ», къ числу которыхъ принято относить цѣлый рядъ школъ довольно разнообразнаго характера, по программѣ своей охватывающихъ элементарное и отчасти среднее образованіе и посвященныхъ, главнымъ образомъ, для взрослыхъ. Такого рода образовательнымъ учрежденіямъ, по различнымъ соображеніямъ, сочувствуютъ, повидимому, всѣ слои населенія, безъ различія состоянія и образа мыслей: и рабочіе, стремящіеся къ расширенію своего кругозора и къ пріобрѣтенію теоретическихъ познаній въ своей профессіи; и фабриканты, и заводчики, которые, въ виду усложненія механизма, предпочитаютъ имѣть развитыхъ (въ техническомъ, конечно, отношеніи) рабочихъ; и правые, которые видятъ въ этихъ школахъ средство отвлечь вниманіе массъ отъ болѣе жгучихъ вопросовъ и заботъ; и лѣвые, которые надѣются, что онѣ приведутъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Сообразно съ этими различными точками зрѣнія на дѣло, само движеніе выливается въ чрезвычайно различныя, иногда просто противоположныя по своимъ задачамъ формы; а такъ какъ наиболѣе дѣятельные работники движенія руководятся широкими общечеловѣческими принципами, то само движеніе направляется болѣе въ сторону общаго, чѣмъ чисто техническаго образованія.

И въ Америкѣ это движеніе носило исключительно такой характеръ, но въ силу обстоятельствъ оно развивалось весьма слабо, пока имъ не занялись чуткіе и дальновидные капиталисты. Эти послѣдніе сразу поняли, что дѣло распространенія образованія среди малообразованной части американскаго населенія можетъ оказаться прекраснымъ помѣщеніемъ для ихъ капиталовъ, если только придать ему соотвѣтствующій характеръ; поэтому, рѣшивъ пустить въ ходъ свои капиталы и хорошо зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, они обратились къ американскому рабочему съ вопросомъ: «хочешь зарабатывать больше денегъ?» и сами же на него отвѣтили: «учись», и талантливо развивъ этотъ отвѣтъ въ милліонахъ брошюръ, афишъ и объявленій, они добились того, что рабочіе повалили къ нимъ толпами и не были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ.

Американскіе «народные университеты», поставленные на капиталистическую ногу, снабженные прекрасными учебными пособіями и хорошимъ составомъ преподавателей, даютъ почти высшее техническое, т.-е. чисто практическое, образованіе сотнямъ тысячъ рабочихъ, мелкихъ служащихъ, приказчиковъ и т. п., которые, благодаря этому образованію, дѣйствительно, получаютъ возможность значительно улучшить свое матеріальное положеніе. Американскіе «народные университеты» держатся на прочныхъ основаніяхъ и, въ противоположность подобнымъ имъ учрежденіямъ въ Европѣ, они не только не нуждаются для поддержанія своего существованія въ какихъ бы то ни было пожертвованіяхъ или субсидіяхъ со стороны, но, наоборотъ, сами приносятъ хорошіе дивиденды своимъ акціонерамъ.

Самымъ замѣчательнымъ, во многихъ отношеніяхъ, изъ этихъ учебныхъ заведеній, является International Correspondence Schools, мѣстопребываніе котораго находится въ г. Скрантонѣ, въ штатѣ Пенсильванія; замѣчательно оно и по своему быстрому и разностороннему росту, и по богатству, и по значенію, такъ какъ оно послужило прототипомъ для множества подобныхъ школъ, возникшихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ по всему Союзу.

Скрантонская школа основана сравнительно недавно—въ 1891 г. Начало ея было очень скромно. Городъ Скрантонъ находится въ центрѣ пенсильванскаго каменноугольнаго бассейна, самаго значительнаго въ Союзѣ. Въ промышленныхъ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ разные десятскіе, над смотрщики, приказчики и т. п. набираются, главнымъ образомъ, изъ среды обыкновенныхъ рабочихъ, причемъ иногда, особенно въ горной промышленности, для того, чтобы имѣть право попасть въ ряды мелкой администраціи и быть въ состояніи нести связанную съ этимъ положеніемъ отвѣтственность, кандидатъ долженъ сперва съ успѣхомъ выдержать экзаменъ по законамъ установленной программы. Для того, чтобы помочь рудокопамъ пріобрѣсти нужныя для этого экзамена техническія познанія, въ Скрантонѣ издавался популярный журналъ «The Colliery Engineer», посвященный соотвѣтствующимъ вопросамъ горной промышленности, главнымъ же образомъ вопросамъ о вентиляціи и содержаніи рудника. По примѣру большинства американскихъ профессіональныхъ журналовъ, въ «The Colliery Engineer» посвящалось много мѣста отвѣтамъ на разные техническіе вопросы, за разрѣшеніемъ которыхъ читатели обращались къ издателямъ. Отдѣлъ этотъ мало-по-малу принялъ чрезвычайно большое значеніе, благодаря тому, что кандидаты стали широко пользоваться имъ для разрѣшенія встрѣчавшихся имъ въ учебникахъ затрудненій и это обстоятельство натолкнуло редактора журнала г. Томаса Фостера на мысль воспользоваться имъ для вполнѣ систематической подготовки кандидатовъ къ экзамену; такая задача, однако, значительно переростала объемъ журнала, поэтому отдѣлъ «Корреспонденція съ читателями» былъ изъятъ изъ этого послѣдняго и продолжалъ свое дальнѣйшее развиіе совершенно самостоятельно.

Для осуществленія своей задачи г. Фостеръ въ 1891 г. организовалъ акціонерное товарищество съ капиталомъ въ полтора милліона долларовъ, въ вѣдѣніе котораго перешелъ и журналъ. Вскорѣ, подъ руководствомъ опытнаго иниціатора, были составлены и отпечатаны первыя лекціи и 16-го октября того же года школа начала функціонировать. Лекціи, выходъ въ свѣтъ которыхъ съ нетерпѣніемъ ожидался многими заинтересованными рабочими, имѣли большой успѣхъ и съ тѣхъ поръ усиленный притокъ учениковъ въ школу не прекращается.

Со времени открытія школы, составленный г. Фостеромъ общій планъ преподаванія не подвергся никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. По этому плану предполагается, что всѣ познанія ученика до поступленія въ школу ограничиваются умѣніемъ читать и писать; поэтому новозаписавшемуся ученику прежде всего доставляются по почтѣ 2 тетради съ лекціями по ариѳметикѣ, вмѣстѣ съ особымъ руководствомъ, подробно объясняющимъ, какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться ими и что дѣлать, въ случаѣ могущихъ встрѣтиться затрудненій. Лекціи написаны чрезвычайно простымъ языкомъ и обнимаютъ собою только дѣйствительно необходимыя, примѣняемыя на практикѣ свѣдѣнія; примѣры и задачи подобраны, главнымъ образомъ, изъ практики руднаго дѣла. Изучая первыя лекціи, ученикъ можетъ натолкнуться на какое-нибудь затрудненіе, которое не въ состояніи преодолѣть безъ посторонней помощи; тогда онъ немедленно обращается въ школу съ просьбой о разъясненіяхъ (на этотъ случай у него имѣются особые бланки и конверты съ печатнымъ адресомъ школы, что освобождаетъ его отъ часто непосильной для него задачи составленія складнаго письма), которыя онъ и получаетъ съ слѣдующей же обратной почтой; за подобными разъясненіями онъ долженъ обращаться въ школу опять и опять, до тѣхъ поръ, пока вся первая тетрадь не станетъ для него вполнѣ понятной. Изъ школы, вмѣстѣ съ разъясненіями, ему возвращается также и его письмо, въ которомъ исправлены всѣ грамматическія и стилистическія ошибки, съ пригла-

шеніемъ обратить на нихъ вниманіе и, благодаря этому совѣту, въ немъ постепенно вырабатывается также умѣніе писать дѣловито и правильно. Для того, чтобы пріучить ученика къ строго-систематическому ученію и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрять время отъ времени его познанія, каждая тетрадь съ лекціями сопровождается особымъ вопросникомъ; покончивъ съ тетрадью, ученикъ долженъ заполнить отвѣтами вопросникъ и отослать его въ школу; пройденная тетрадь съ лекціями представляетъ собою прекрасный практическій учебникъ и остается во владѣніи ученика, который отославъ первый вопросникъ, чтобы не терять времени, принимается за слѣдующую тетрадь; вскорѣ изъ школы ему сообщаютъ, вѣрны ли были его отвѣты на вопросникъ, или нѣтъ и въ послѣднемъ случаѣ его приглашаютъ вернуться еще разъ къ первой тетради; если же его отвѣты были вѣрны, то ему, пока онъ занятъ второю тетрадью, доставляется третья и т. д. Такимъ образомъ, за ариѳметикой слѣдуетъ начальная алгебра и геометрія, за ними геометрическое и техническое черченіе и т. д., пока ученикъ не пройдетъ весь курсъ углепромышленности. Лекціи составлены очень добросовѣстно и строго-систематично—каждая изъ нихъ предполагаетъ въ ученикѣ знаніе только того, что вошло въ предыдущія и ничего больше, и, какъ я уже сказалъ, лекціи написаны чрезвычайно простымъ, всѣмъ понятнымъ языкомъ и щедро усѣяны чертежами и рисунками. Въ свое время, ученикъ за небольшую плату получаетъ готовальню, доску и проч. чертежныя принадлежности имѣстѣ съ подробными указаніями о томъ, какъ ими пользоваться; чертежи посылаются ученикомъ въ школу, гдѣ они провѣряются и исправляются такъ же внимательно, какъ и письменныя работы; а для того, чтобы предупредить возможность недобросовѣстной копировки, его чертежи должны быть по размѣрамъ нѣсколько больше, чѣмъ получаемые имъ изъ школы образцы. Пройдя съ успѣхомъ весь курсъ ученія (что видно изъ письменныхъ работъ и чертежей), ученикъ получаетъ соотвѣтствующій дипломъ.

Такова въ общихъ чертахъ система обученія въ скрантонской школѣ; несмотря на всѣ ея неизбѣжные недостатки (отсутствіе непосредственныхъ, словесныхъ объясненій преподавателя, которыя не могутъ быть съ полнымъ успѣхомъ замѣнены перепиской; отсутствіе демонстраціи и опытовъ и т. д.), она, тѣмъ не менѣе, обладаетъ весьма важными достоинствами: она, напр., не требуя присутствія ученика въ школѣ въ опредѣленные часы, устраняетъ вредныя послѣдствія пропуска уроковъ со стороны рабочаго, задерживаемаго иногда на работѣ на нѣсколько лишнихъ часовъ, или принужденнаго иногда работать и по воскресеньямъ, въ особенности въ горячую пору года; ученикъ, принужденный прервать на нѣкоторое время свое ученіе, можетъ во всякое время возобновить его съ того самаго мѣста, гдѣ оно было прервано; ученикъ, принужденный по роду своихъ занятій переѣзжать съ мѣста на мѣсто, можетъ это дѣлать безъ всякаго ущерба для своего ученія; тетради съ лекціями состоятъ изъ 10—100 страницъ и удобно помѣщаются въ карманѣ, такъ что, имѣя ихъ съ собою, ученикъ можетъ пользоваться ими во всякую свободную минуту — на конкѣ, на пароходѣ, во время обѣденнаго и всякаго другого перерыва въ работѣ; хотя сношенія между преподавателемъ и ученикомъ имѣютъ мѣсто только письменно, за то они неизбѣжны, ибо если ученикъ, не понимая чего-нибудь въ своихъ лекціяхъ, не снесется со своимъ преподавателемъ, то онъ не будетъ въ состояніи вѣрно отвѣтить на вопросникъ и тогда это послѣднее обстоятельство вызоветъ переписку между нимъ и преподавателемъ, а это чрезвычайно важно въ виду того, что въ обыкновенныхъ школахъ самолюбивый ученикъ (а учащійся рабочій всегда принадлежитъ къ этой категоріи) не любитъ назойливо обращаться за разъясненіями и часто просто проходитъ мимо непонятныхъ для него вопросовъ.

Система г. Фостера имѣла необычайный успѣхъ, и ученики буквально пова-

лили въ его школу толпами. Школа, какъ было уже сказано, была открыта 16 октября 1891 г.; къ январю 1892 г. число ея учениковъ равнялось уже 115; къ январю 1893 г. — 1.231; къ январю 1894 г. — 3.092; къ январю 1895 г.—5.657; къ январю 1896 г.—10.105; къ январю 1897 г.—16.635; къ январю 1898 г. — 30.252; къ январю 1899 г. — 68.824; къ январю 1900 г.—136.055, а въ настоящее время въ ней учится 280.000 человѣкъ, т.-е. она представляетъ собою самое грандіозное по количеству учениковъ учебное заведеніе въ мірѣ; понятно, что значеніе такого учрежденія въ учебной жизни страны будетъ огромно. Надо, однако, замѣтить, что кругъ дѣятельности школы не ограничивается территоріей Союза, такъ какъ ея учениковъ можно встрѣтить по всему свѣту, не исключая самыхъ дикихъ колоній въ Африкѣ, ни самыхъ заброшенныхъ островов Полинезіи; въ Россіи (съ Сибирью) въ настоящемъ году имѣется болѣе 20 учениковъ скрантонской школы, въ Канадѣ и въ Австраліи ихъ имѣется много тысячъ.

По мѣрѣ того, какъ росло значеніе школы, расширялась также и ея программа; первоначально школа была посвящена теоретической подготовкѣ рабочихъ къ занятію высшихъ должностей въ администраціи угольныхъ рудниковъ, но вскорѣ въ ея программу вошли и всѣ остальныя отрасли горной промышленности; затѣмъ оказалось возможнымъ завести отдѣльное преподаваніе механики,—возникла школа механики, распадающаяся на многочисленныя спеціальныя отдѣленія, посвященныя желѣзнодорожнымъ, фабричнымъ, сельско-хозяйственнымъ механикамъ, изученію газовыхъ машинъ, машинъ-холодильниковъ и т. д. Затѣмъ, мало-по-малу, возникли школы электро-техническая, архитектурная, гражданско-инженерная, химическая, коммерческая, общеобразовательная, математическая, педагогическая, даже электротерапическая. Всѣ эти школы относятся между собою, какъ отдѣльные факультеты въ университетахъ. Каждая школа распадается на нѣсколько отдѣленій: напр., гражданско-инженерная состоитъ изъ пяти отдѣлѣній: желѣзнодорожнаго, муниципальнаго, гидравлическаго инженерства, постройки мостовъ, топографіи; ученикъ имѣетъ право записаться на одинъ изъ этихъ спеціальныхъ курсовъ, или на всѣ (на полный курсъ гражданскаго инженерства). Каждая школа даетъ полное систематическое образованіе по своему предмету, поскольку это возможно безъ знанія высшей математики; напр., въ программу желѣзно-дорожнаго отдѣленія школы гражданскаго инженерства входятъ: ариѳметика, начальная алгебра, геометрическое и техническое черченіе; геометрія и тригонометрія; элементарная механика, гидромеханика; алгебра и логариѳмы; пневматика, матеріалы; нивеллировка, топографія, постройка пути, содержаніе линіи; постройка станціи, мастерскихъ и проч. желѣзнодорожныхъ зданій. Каждый курсъ предполагаетъ дать возможность рабочему пріобрѣсти теоретическія познанія, необходимыя для его повышенія по должности, но для менѣе честолюбивыхъ рабочихъ при школѣ имѣются болѣе краткіе курсы по разнымъ спеціальностямъ.

Первоначально скрантонская школа была посвящена исключительно рабочимъ, но благодаря полнотѣ, систематичности и строгой практичности ея курсовъ, въ число ея учениковъ вступаетъ не мало людей, пріобрѣвшихъ уже извѣстное положеніе въ той или другой области промышленности, но чувствующихъ, что имъ недостаетъ знаній для того, чтобы удержаться на высотѣ своего положенія въ виду современнаго быстраго развитія машинизма. Школа идетъ навстрѣчу потребностямъ этой высшей категоріи работниковъ, на что указываетъ, между прочимъ, основаніе особаго курса математики; мало того, школа не боится браться также за дополненіе практическихъ познаній лицъ, даже съ высшимъ образованіемъ: всего нѣсколько недѣль тому назадъ открытъ курсъ электротерапіи, имѣвшій съ самаго начала большой успѣхъ и предназначающійся для врачей, зубныхъ врачей, фельдшеровъ, медицинскихъ студентовъ

и т. п. Несомнѣнно, что и въ числѣ учениковъ другихъ отдѣленій школы, рядомъ съ простыми рабочими, имѣется не мало лицъ съ высшимъ образованіемъ; большинство учениковъ, однако, состоитъ изъ рабочихъ особенно мастеровыхъ: машинистовъ, кочегаровъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, каменьщиковъ, а также изъ низшихъ служащихъ—телеграфистовъ, конторщиковъ, приказчиковъ, кондукторовъ и т. д.

Средній возрастъ учениковъ равняется 25 годамъ, среди нихъ есть и 15-ти-лѣтніе мальчики, и 60-ти-лѣтніе старики; понятно, что при поступленіи въ школу возрастъ, полъ, раса и религія не имѣютъ никакого значенія.

Мѣстопребываніе школы находится въ г. Скрантонѣ, гдѣ она владѣетъ цѣлымъ кварталомъ зданій. Главное зданіе представляетъ собою величественную, каменную пятиэтажную постройку, позади которой находятся болѣе мелкія постройки для складовъ, типографіи и мастерскихъ. Въ этомъ дѣятельномъ центрѣ обширной организаціи съ утра до вечера рабочаетъ около 1.200 человѣкъ мужчинъ и женщинъ; въ справочномъ бюро, гдѣ получается обширная корреспонденція школы и откуда посылаются по всему Союзу, даже по всему свѣту, програмы, рекламныя афиши и листки и т. п., работаетъ не менѣе 25 чел. конторщиковъ и секретарей; отсюда письменныя работы учениковъ поступаютъ въ обширную залу для первоначальной провѣрки, которая производится особымъ штатомъ женщинъ, набираемыхъ исключительно изъ среды школьныхъ учительницъ; въ ихъ распоряженіи имѣется богатая библіотека справочныхъ книгъ и по одному опытному спеціалисту по каждому изъ преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ. Окончательная провѣрка работъ производится спеціалистами-инструкторами, которые затѣмъ, при участіи своихъ помощниковъ обращаются къ ученикамъ съ соотвѣтствующими совѣтами, разъясненіями и замѣчаніями.

Тутъ же въ богатыхъ библіотекахъ и кабинетахъ школы составляются учебники, чертежи и рисунки. Всѣ книги, брошюры, програмы печатаются въ собственной типографіи школы, занимающей отдѣльное зданіе, въ которомъ работаетъ до 130 типографщиковъ. Въ этой типографіи печатается также издаваемый школой журналъ, програма его успѣла уже значительно расшириться и въ настоящее время, подъ названіемъ «Mines and Minerals», онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ горнопромышленныхъ журналовъ Союза. Въ особыхъ мастерскихъ школы приготовляются и упаковываются различныя учебныя пособія, которыя продаются ученикамъ по сравнительно невысокимъ цѣнамъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ успѣхъ всякаго предпріятія, въ значительной степени, зависитъ отъ рекламы, пренебреженіе къ которой не спасетъ отъ смерти, или, въ лучшемъ случаѣ, отъ прозябанія даже самое полезное и нужное дѣло. Администраторы скрантонской школы знаютъ цѣну рекламъ; врядъ ли есть такое мѣсто въ промышленныхъ штатахъ Союза, гдѣ бы вы не увидѣли на видномъ мѣстѣ въ кабакѣ, въ табачной лавкѣ, или у цирюльника какой нибудь раскрашенной афиши школы, гдѣ бы вы не могли достать ея общей програмы или програмы какого-нибудь изъ ея отдѣльныхъ курсовъ. Афиши эти бываютъ подчасъ очень наивны: изображается, напр., фигура изнуреннаго трудомъ рабочаго въ рваномъ платьи—это невѣжда; рядомъ съ нимъ побѣдоносно взираетъ на васъ великолѣпный господинъ въ франтовскомъ одѣяніи, съ золотой цѣпочкой и перстнемъ; надпись подъ нимъ гласитъ: «а я учился въ International Correspondence Schools». Для болѣе недовѣрчивой публики школа издаетъ милліонъ рекламныхъ брошюръ подъ заманчивыми заглавіями, вродѣ: «Средство для улучшенія собственнаго положенія», «Самый вѣрный способъ выдвинуться», «Какъ добиться повышенія по должности», и т. д., и т. д. Кромѣ того, агенты школы постоянно объѣзжаютъ всѣ промышленные пункты Союза—это все отличные говоруны и они стараются склонять къ поступленію въ школу тѣхъ, на которыхъ печатная реклама не произвела достаточно сильнаго впечатлѣнія.

Что касается дипломовъ, выдаваемыхъ школой, то они, понятно, особеннаго значенія не могутъ имѣть, такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ даже дипломы высшихъ учебныхъ заведеній имѣютъ меньше значенія, чѣмъ гдѣ бы то ни было; однако, при выборѣ между двумя рабочими, изъ которыхъ одинъ имѣетъ дипломъ школы, наниматель всегда отдастъ предпочтеніе этому послѣднему. Помимо дипломовъ объ окончаніи курса, школа, по желанію ученика, періодически посылаетъ его принципалу особыя свидѣтельства, извѣщающія объ успѣхахъ ученика въ наукахъ...

Стоимость обученія въ школѣ сравнительно высока; отдѣльные курсы (напр., курсъ по электрическому освѣщенію) стоятъ 15—30 долл., полные же курсы (напр., полный курсъ электричества) — 60 — 120 долл. (1 долл.=2 руб.). Плата за ученіе можетъ быть уплачиваема мѣсячными взносами въ 2—5 долл., но въ такомъ случаѣ она значительно повышается. Продолжительность ученія неопредѣленна и зависитъ отъ успѣховъ ученика; обыкновенно она равняется 2—3 годамъ.

Успѣхъ этой, во многихъ отношеніяхъ, образцовой школы, вызвалъ многочисленныхъ подражателей. Correspondence Schools, организованныхъ по типу скрантонской, имѣется въ настоящее время въ Союзѣ свыше 100, но въ то время, какъ скрантонская имѣетъ болѣе 50 отдѣльныхъ курсовъ, новѣйшая Correspondence Schools обыкновенно посвящаютъ себя одной какой-нибудь спеціальности. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ также пользуются большою извѣстностью—таковы, напр., нью-іоркская школа электричества (Electrical Engineer Institute), особенно рекомендуемая Т. Эдиссономъ; бостонская школа (American Correspondence School), которая представляетъ собою по своей программѣ воспроизведеніе скрантонской; въ Нью-Іоркѣ и въ Индіанаполисѣ находится двѣ наиболѣе значительныя школы рисованія и иллюстраціи описываемаго типа; въ Индіанаполисѣ же имѣется рядъ школъ съ чисто университетской программой (*National Correspondence Schools of Pharmacy Law, Medical*); механическія и коммерческія (*Business Correspondence Schools*(имѣются во всѣхъ крупныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ; въ заключеніе упомяну о трехъ школахъ, которыя всякому, не жившему въ Америкѣ, покажутся курьезными,—это школа составленія объявленій (*Corresp., School of Advertizing*) въ Чикаго, школа журнализма въ г. Детройтѣ, въ штатѣ Мичиганъ (объявленіе объ этой школѣ начинается такъ: «полный, научный курсъ, приспособливаемый къ индивидуальнымъ надобностямъ студента... опытные инструкторы школы состоятъ редакторами пяти популярныхъ газетъ», популярная газета означаетъ въ переводѣ—желтая), и школа корректурнаго искусства въ Филадельфіи. Я упомянулъ только о наиболѣе значительныхъ *Correspondence Schools* Союза, представляющихъ собою только небольшую часть общаго числа школъ этого типа, которыя въ настоящее время выростаютъ, положительно, какъ грибы послѣ дождя.

Широкое движеніе распространенія техническаго образованія, вылившееся въ Соединенныхъ Штатахъ, преимущественно, въ формѣ *Correspondence Schools*, совершенно затерло собою первоначальное движеніе, изъ котораго оно вышло,—движенія, поддерживаемаго, какъ въ Европѣ, наиболѣе гуманной и безкорыстной частью интеллигенціи и клонящагося, главнымъ образомъ, къ непосредственному воспитанію рабочихъ массъ въ духѣ высшихъ соціальныхъ идеаловъ и къ подготовкѣ этихъ массъ къ болѣе сознательной личной и общественной жизни въ будущемъ. Это послѣднее движеніе не исчезло, ибо оно исчезнуть не можетъ, и имѣетъ мѣсто въ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко весьма оригинальныхъ формахъ; но развивается оно чрезвычайно медленно, да и то только въ немногихъ крупныхъ центрахъ торгово-промышленной и умственной жизни страны, ибо на его знамени нѣтъ магическаго и всемогущаго слова—долларъ.

І. Маевскій.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Роль насѣкомыхъ въ распространенiи заразы *).

До сихъ поръ микроорганизмы, наши невидимые враги, поглощали все вниманіе ученыхъ. Открытіе различныхъ болѣзнетворныхъ зародышей слѣдовало одно за другимъ. Тщательно изучались ихъ свойства, условія, благопріятствующія ихъ размноженію, различныя вещества, на которыхъ они могутъ хорошо развиваться. О всемъ этомъ создалась богатая научная литература.

Вопросъ о способахъ распространенія болѣзнетворныхъ зародышей, о путяхъ, при помощи которыхъ она попадаетъ въ человѣческое тѣло, также пользуется большимъ вниманіемъ ученыхъ. Нахожденіе микроорганизмовъ въ воздухѣ, въ водѣ, на поверхности различныхъ предметовъ даетъ право думать, что все это служитъ источникомъ распространенія заразы. Изслѣдованіе пищевыхъ продуктовъ показало присутствіе нашихъ невидимыхъ враговъ въ молокѣ, маслѣ, мясѣ и проч. Потому ихъ также причислили къ распространителямъ заразныхъ болѣзней. Наши комнатныя животныя, кошки, собаки считаются способными разносить болѣзнетворные зародыши.

Для того, чтобы предупредить распространеніе заразы, начали примѣнять дезинфекцію въ различныхъ видахъ, которая имѣла въ виду, главнымъ образомъ, лишеніе жизни нашихъ невидимыхъ враговъ. Какихъ только дезинфецирующихъ средствъ не предлагалось и не предлагается для уничтоженія заразы въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Сѣра, сулема, горячій паръ и проч.—все это употребляется для уничтоженія микроорганизмовъ. Если опытъ показываетъ, что какое-либо вещество можетъ прекратить жизнь микробовъ, то его начинаютъ примѣнять для дезинфекціи. Въ началѣ оно обыкновенно подаетъ большія надежды, а потомъ часто оказывается не достигающимъ цѣли. Многолѣтній опытъ показалъ, что нѣтъ ни одного дезинфецирующаго средства, послѣ котораго заразная болѣзнь не могла бы повториться въ томъ же самомъ помѣщеніи въ скоромъ времени.

Послѣднее обстоятельство обыкновенно приписывается тому, что различные предметы: платье, постельныя принадлежности и проч., припрятываются, остаются непродезинфецированными и сохраняютъ заразу. Это, конечно, вѣрно. Но въ подобныхъ случаяхъ не одними только неодушевленными предметами можно объяснить повторное появленіе заразы. По всей вѣроятности, дѣятельное участіе тутъ принимаютъ насѣкомыя.

Уже одинъ тотъ фактъ, что насѣкомыя переносятъ оплодотворяющую пыль съ мужского цвѣтка на женскій, даетъ намъ право думать, что болѣзнетворные микроорганизмы также могутъ распространяться при ихъ помощи. Кому не извѣстно, что иногда укусъ мухи вызываетъ опуханіе, напр., губы. Въ

*) См. ст. «Роль насѣкомыхъ въ экономіи природы и въ жизни человѣка», помѣщенную въ I-мъ отдѣлѣ настоящаго №-ра.

такихъ случаяхъ обыкновенно говорятъ, что укусила какая-то особенная ядовитая муха. Но тутъ гораздо правдоподобнѣе объясненіе, что муха просто занесла микроорганизмы, которые вызываютъ воспалительное состояніе подкожной клѣтчатки.

Вопросъ о распространеніи заразы насѣкомыми давно уже началъ обращать вниманіе врачей, но это дѣлалось въ большинствѣ случаевъ мимоходомъ. Еще въ 1824 году Леррей пишетъ, что въ тулонскомъ военномъ лазаретѣ было двѣнадцать больныхъ *сибирской язвой*. Это было въ маѣ, когда послѣ проливныхъ дождей наступила сильная жара. Всѣ больные объясняли свое заболѣваніе тѣмъ, что они сидѣли на молодой травѣ и ихъ укусило какое-то насѣкомое. Швабе (1838 г.) разсказываетъ, что у многихъ заболѣвающихъ сибирской язвой, чувствовавшихъ себя до этого совершенно здоровыми, вдругъ появлялось ощущеніе, какъ будто ихъ кто-нибудь укусилъ. Затѣмъ на этомъ мѣстѣ развивалось воспаленіе. Укусъ чувствовался обыкновенно на такихъ частяхъ тѣла, которыя не были прикрыты платьемъ.

Основываясь на подобныхъ фактахъ, ученые первой половины девятнадцатаго столѣтія думали, что мухи могутъ распространять сибирскую язву.

Давэнъ (1870 г.) говоритъ, что переносъ мухами сибирской язвы съ животныхъ на людей извѣстенъ давно. Онъ считаетъ это вѣроятнымъ по аналогіи со слѣдующимъ наблюденіемъ. Онъ производилъ опыты надъ гніеніемъ растительныхъ веществъ и имѣлъ случай наблюдать, какъ мухи переносили зародыши плѣсени на фрукты, изъ которыхъ онѣ высасывали сокъ. Давэнъ утверждаетъ, что сибирская язва обыкновенно сильно свирѣпствуетъ въ жаркое время года, лѣтомъ. Если у животныхъ она появляется и зимой, то это обыкновенно бываетъ въ теплыхъ хлѣвахъ, а не на открытомъ мѣстѣ. Въ первыхъ бываютъ мухи и въ холодное время года, потому онѣ и тогда могутъ способствовать распространенію заразы. Ему не приходилось наблюдать сибирской язвы въ парижскихъ хлѣвахъ. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что въ Парижѣ отсутствуютъ мухи, кусающія животныхъ. По его мнѣнію, мухи могутъ переносить заразу на извѣстное разстояніе.

Вообще существуетъ довольно много наблюденій надъ распространеніемъ сибирской язвы при помощи насѣкомыхъ. Между прочимъ, жители русскихъ степей убѣждены, что въ жаркое время года мухи способствуютъ распространенію данной болѣзни между животными. Тотъ фактъ, что укусъ мухи далеко не всегда влечетъ за собой заболѣваніе, объясняютъ такимъ образомъ. Извѣстно, что если комара убить въ то время, когда онъ пьетъ кровь, то получаются болѣе сильныя воспалительныя явленія, нежели тогда, когда ему даютъ возможность спокойно улетѣть. Точно также, если убить муху, зараженную сибирской язвой въ то время, когда она кусаетъ, то зараза дѣйствуетъ съ большей силой, такъ какъ въ такомъ случаѣ на кожѣ остается большее количество болѣзнетворныхъ зародышей. Если же муха, укусивъ, улетитъ, то зараза дѣйствуетъ менѣе энергично и заболѣванія можетъ не послѣдовать. *Зидереръ* упоминаетъ такой случай. Одинъ человѣкъ работалъ на кирпичномъ заводѣ. Въ полдень онъ легъ отдохнуть. Когда онъ заснулъ, то его въ щеку укусила муха. Съ просонья онъ сильно ударилъ ее рукой и убилъ. Черезъ нѣкоторое время у него на щекѣ образовалась пустула, характерная для сибирской язвы. Изъ разспросовъ выяснилось, что недалеко отъ мѣста его сна находилась павшая овца, которую терзали птицы. Тотъ же авторъ упоминаетъ объ одной женщинѣ, которая также убила муху на лицѣ, послѣ чего у нея появилась сибирская язва. Вблизи того мѣста, гдѣ это произошло, валялся трупъ сибиреязвенной овцы. *Эстрадеръ* разсказываетъ про одного крестьянина, убившаго и раздавившаго муху, укусившую его въ лицо. Онъ мылъ укушенное мѣсто холодной водой, теръ его, но это не уменьшало боли и вскорѣ онъ заболѣлъ

сибирской язвой. Упомянемъ еще объ одномъ случаѣ, о которомъ говоритъ *Гриффинъ*. Одинъ молодой человѣкъ обѣдалъ въ ресторанѣ. Тамъ его укусила въ щеку обыкновенная зеленая муха, изъ породы тѣхъ, какія питаются мясомъ. Ее убилъ одинъ изъ его товарищей, сидѣвшій напротивъ. Изъ ранки вытекло немного крови. Затѣмъ, на этомъ же мѣстѣ образовалась сибиреязвенная пустула. Потомъ выяснилось, что ресторанная прислуга, вопреки запрещенію санитарныхъ властей, выбрасывала различные остатки: мясо, хлѣбъ и проч. на дворъ, гдѣ поэтому постоянно водилось много мухъ, которыя массами залетали въ окна ресторана, садились на пищу и на посѣтителей.

Такимъ образомъ, существуетъ много наблюденій, которыя указываютъ на возможность переноса сибирской язвы на людей при помощи мухъ. Но для большаго подтвержденія даннаго факта не доставало только опытовъ, которые давали бы болѣе твердую точку опоры. Подобнаго рода изслѣдованія впервые были произведены *Реймертомъ* въ концѣ шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. Онъ бралъ домашнихъ и мясныхъ мухъ и сажалъ ихъ подъ стеклянный колпакъ. Тамъ находился сосудъ, въ который была налита вода съ примѣсью высушенныхъ бацилъ сибирской язвы. Мухи забирались въ сосудъ, пили изъ него жидкость и загрязняли послѣдней свои члены. Спустя два часа можно было констатировать нахожденіе палочекъ сибирской язвы въ хоботкѣ мухъ, а нѣсколько позднѣе и въ ихъ экскрементахъ. Затѣмъ, Реймертъ взялъ хоботокъ, ножки и крылья мясныхъ мухъ и сдѣлалъ подкожное впрыскиваніе морской свинкѣ. Послѣдняя умерла отъ сибирской язвы. Изъ этого опыта экспериментаторъ вывелъ заключеніе, что мухи, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ животными, павшими отъ сибирской язвы, могутъ служить переносчиками заразы. Подобнаго рода опыты Реймертъ производилъ и надъ кусающимися мухами. Но такъ какъ послѣднія не хотѣли пить предлагаемую имъ жидкость, то Реймертъ заключилъ, что онѣ не могутъ заражать при помощи укуса. Но за послѣднее время *Раильэ* высказываетъ по этому поводу болѣе вѣроятное соображеніе. Онъ думаетъ, что кусающіяся мухи могутъ своимъ хоботкомъ привить заразу, если онѣ предварительно захватили ее на мертвомъ или больномъ животномъ. Хотя муха, вонзая хоботъ въ кожу, затѣмъ втягиваетъ въ себя кровь, а не выдѣляетъ жидкость въ рану, все-таки туда могутъ попасть болѣзнетворные зародыши. Само собою понятно, что если насѣкомое, содержащее въ своемъ тѣлѣ заразу, будетъ убито, когда оно кусаетъ, то въ данномъ мѣстѣ останется большее количество зародышей и зараженіе совершается легче.

Въ 1898 году *Нютали* произвелъ опыты надъ другими насѣкомыми: клопами, блохами. Онъ сажалъ ихъ на животное, умершее отъ сибирской язвы, затѣмъ пересаживалъ на здоровое. Для этой цѣли онъ бралъ преимущественно мышей, которыя отличаются большей чувствительностью къ данной болѣзни. Всего было взято восемь здоровыхъ животныхъ, на которыхъ посадили 124 зараженныхъ клопа. Результатъ получился отрицательный. Мыши всѣ остались живы и здоровы. Потомъ было доказано, что сибиреязвенныя бациллы быстро умираютъ въ тѣлѣ клопа, особенно при сравнительно высокой температурѣ, 37° С. Возможность зараженія при помощи клоповъ вѣроятна только въ томъ случаѣ, если на расчесанномъ мѣстѣ кожи раздавить зараженнаго клопа.

Блохи также едва ли играютъ большую роль при распространеніи сибирской язвы. Опыты показали, что въ ихъ организмѣ сибиреязвенныя бациллы быстро умираютъ. Животныя, искусанныя зараженными блохами, оставались живы.

Чума также можетъ распространяться при помощи насѣкомыхъ. Еще въ давнія времена замѣчали, что появленіе чумы сопровождалось обиліемъ мухъ. *Варвичъ* говоритъ, что въ 1576 году въ Англіи свирѣпствовала сильная чума, лѣто было чрезвычайно жаркое и народилась масса мухъ. *Димерброкъ*, описавшій эпидемію чумы, свирѣпствующую въ 1646 году въ Норвегіи и Гол-

ландіи, говоритъ, что лѣто характеризовалось метеорами, сильнымъ жаромъ и множествомъ насѣкомыхъ.

Изъ болѣе позднихъ наблюденій заслуживаютъ вниманія слѣдующія. *Гезеръ* говоритъ, что въ концѣ пятидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія въ Триполи, въ городѣ Бенгази была сильная чумная эпидемія. Въ городѣ насчитывалось около десяти тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ погибло двѣ трети. Бенгази былъ очень грязенъ и тамъ было такое обиліе насѣкомыхъ, что турки назвали его царствомъ мухъ.

Іерсинъ былъ первый, который нашелъ зародыши чумы въ тѣлѣ мухъ. Въ 1894 году, въ Гонконгѣ свирѣпствовала чума. Іерсинъ замѣтилъ что въ его лабораторіи, гдѣ онъ производилъ различные опыты, валяется множество мертвыхъ мухъ. Въ этомъ же помѣщеніи онъ изслѣдовалъ тѣла животныхъ, умершихъ отъ чумы. Онъ взялъ мертвую муху, отрѣзалъ у нея лапки и крылья, а тѣло растеръ и развелъ въ бульонѣ. Изслѣдованіе жидкости показало, что въ ней содержится много бациллъ, которыя считаются причиной чумнаго заболѣванія. Полученную смѣсь Іерсинъ впрыснулъ морскимъ свинкамъ. Черезъ сорокъ восемь часовъ послѣднія погибли отъ чумы. Основываясь на этомъ опытѣ, онъ сдѣлалъ заключеніе, что чумная зараза пагубна для мухъ и что онѣ могутъ служить средствомъ для ея распространенія.

За послѣдніе годы *Нютал*ь произвелъ опыты надъ мухами съ цѣлью рѣшить вопросъ, насколько онѣ дѣйствительно могутъ распространять чумную заразу. Онъ бралъ для этой цѣли обыкновенныхъ комнатныхъ мухъ, помѣщалъ ихъ въ особый аппаратъ, гдѣ находились размельченные органы животныхъ, умершихъ отъ чумы. Для контроля онъ устроилъ другой аппаратъ, въ которомъ были также размельченные органы животныхъ, но только здоровыхъ. руда онъ также посадилъ мухъ. Черезъ восемь дней онъ замѣтилъ, что въ первомъ аппаратѣ мухи всѣ умерли, тогда какъ во второмъ только двѣ изъ десяти, очевидно болѣе слабыя. Подобные опыты Нюталь производилъ нѣсколько разъ и получилъ такіе же результаты. Онъ замѣтилъ, что при болѣе высокой температурѣ мухи гибнутъ скорѣе, нежели при низкой. При 23—28° С онѣ умирали большею частью черезъ три дня.

Такъ какъ мухи, зараженныя чумой, могли жить нѣсколько дней, то Нюталь думаетъ, что онѣ могутъ способствовать распространенію заразы въ довольно значительной степени. Насытившись тѣломъ чумнаго животнаго, муха начинаетъ всюду летать. Она садится на людей, на животныхъ, на пищу,—на различные предметы и всюду оставляетъ свои экскременты, въ которыхъ могутъ находиться жизнеспособныя бацилы. Такимъ образомъ зараза разносится всюду. Поэтому во время эпидеміи очень важно, какъ можно скорѣе уничтожать трупы животныхъ, погибшихъ отъ чумы, или поливать ихъ какой-нибудь дезинфецирующей жидкостью, которая не только убивала бы заразу, но и отгоняла бы прочь мухъ. То же самое, конечно, слѣдуетъ дѣлать и съ различными выдѣленіями какъ людей, такъ и животныхъ, больныхъ чумою. Очень важно также во время эпидеміи оберегать пищевыя вещества отъ нашествія мухъ.

Нѣкоторые ученые замѣтили, что, кромѣ мухъ, и другія насѣкомыя могутъ распространять заразу чумы. *Ганкинъ* бралъ экскременты муравьевъ, которые питались тѣлами крысъ, погибшихъ отъ данной болѣзни, и дѣлалъ изъ нихъ впрыскиваніе крысамъ и мышамъ. Такимъ образомъ онъ заражалъ ихъ чумой и онѣ умирали. Авторъ думаетъ, что такіе зараженные муравьи могутъ распространять чуму даже среди людей, когда, разыскивая воду, они заберутся въ ванную комнату и оставятъ тамъ свои экскременты. Онъ пришелъ къ заключенію, что сами муравьи отъ чумы не умираютъ и сохраняютъ зародыши послѣднихъ въ своемъ тѣлѣ только короткое время. Однажды онъ нашелъ зараженнаго муравья въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ чумной крысы. Но тамъ,

гдѣ лежали только трупы людей, погибшихъ отъ данной заразы, онъ находилъ исключительно незараженныхъ муравьевъ. Въ Индіи мертвыя крысы очень быстро съѣдаются этими насѣкомыми, потому Ганкинъ склоненъ думать, что они играютъ немаловажную роль въ распростаненіи заразы среди людей.

Огата находилъ также чумныхъ зародышей въ тѣлѣ блохъ, которыхъ онъ собиралъ на трупахъ крысъ, погибшихъ отъ чумы. Онъ думаетъ, что и блохи могутъ способствовать распространенію заразы при помощи укуса. То же предположеніе дѣлается и относительно москитовъ и клоповъ. Нѣмецкая чумная коммиссія (1897 г.) считаетъ это мало вѣроятнымъ. Но она думаетъ, что упомянутыя насѣкомыя *косвеннымъ* образомъ могутъ способствовать распространенію заразы. Ихъ укусы вызываетъ раздраженіе кожи. Укушенное мѣсто чешется и на немъ образуются ссадины, черезъ которыя зараза можетъ проникать внутрь организма. Потому среди простаго народа, гдѣ господствуетъ обиліе всяческихъ насѣкомыхъ, чума находитъ благодарную почву. Прививка заразы, взятой изъ тѣла блохъ, морскимъ свинкамъ дала положительные результаты. Послѣднія вскорѣ погибали отъ чумы. Потому весьма возможно, что Огата правъ и укусы блохъ могутъ способствовать зараженію.

Клопы также, повидимому, играютъ здѣсь извѣстную роль. *Яшагина* упоминаетъ про одинъ случай, наблюдаемый имъ. Его паціента укусилъ клопъ. Осталась маленькая ранка и больной заразился чумой. Авторъ думаетъ, что въ данномъ случаѣ зараза была занесена не клопомъ, но рана послужила только отверстіемъ, черезъ которое она проникла.

Для того, чтобы выяснить вопросъ о роли клоповъ при распространеніи заразы, *Нюталь* произвелъ опыты. Онъ бралъ клоповъ и сажалъ ихъ на чумныхъ крысъ и мышей. Затѣмъ онъ переносилъ ихъ на здоровыхъ мышей. Изслѣдованіе показало, что въ тѣлѣ клопа могутъ находится чумные зародыши. Они тамъ остаются въ живыхъ дней пять. Несмотря на это, животныя, укушенныя зараженными клопами, всѣ остались въ живыхъ. Изъ этого Нюталь выводитъ заключеніе, что укусы клоповъ могутъ заразить только въ исключительныхъ случаяхъ. Но онъ признаетъ весьма вѣроятнымъ, что если клопъ укуситъ и мы раздавимъ его и затѣмъ расчешемъ укушенное мѣсто, то чума можетъ проникнуть въ наше тѣло и мы заболѣваемъ. Конечно, это можетъ случиться только тогда, если чумные зародыши въ тѣлѣ клопа еще не умерли.

Въ Индіи во время послѣдней чумной эпидеміи *Симондъ* сдѣлалъ наблюденіе, что очень часто люди, которые касались труповъ чумныхъ крысъ, заражались. Онъ думаетъ, что въ данномъ случаѣ блохи играли немаловажную роль. Онъ замѣтилъ, что чаще всего зараза передавалась людямъ въ томъ случаѣ, если они касались труповъ крысъ вскорѣ послѣ ея смерти. Если же они лежали нѣкоторое время, то зараза не передавалась. Обыкновенно та крыса, которая умерла въ ночь, утромъ была опасна при прикосновеніи. Въ его практикѣ не было ни одного случая, чтобы человѣкъ заболѣлъ чумой, придя въ соприкосновеніе съ трупомъ крысы, пролежавшей сутки.

Симондъ, произвелъ опыты съ цѣлью выяснить, какими путями зараза чумы проникаетъ въ животное. Онъ примѣшивалъ чумныхъ зародышей къ пищѣ, которою кормилъ послѣднее. Обыкновенно получался отрицательный результатъ. Но впрыскиваніе заразы подъ кожу давало положительный результатъ. Потому Симондъ думаетъ, что чума обыкновенно проникаетъ черезъ кожу, цѣлость которой нарушена. У животныхъ онъ не могъ прослѣдить, насколько вѣрно его предположеніе, но люди дали положительныя указанія. Въ одной двадцатой всѣхъ случаевъ, когда у него были чумные больные, онъ находилъ на ихъ тѣлѣ маленькія ранки и ссадины, которыя при дотрагиваніи были болѣзненны. Онѣ обыкновенно появлялись ранѣе общаго заболѣванія, сохранялись до смерти и содержали въ себѣ чумные зародыши. Подобныя ранки и ссадины встрѣчаются

*

обыкновенно на тонкихъ мѣстахъ кожи, вблизи чумныхъ бубоновъ. По этому поводу Симондъ разсказываетъ, что двое японскихъ врачей при вскрытіи труповъ умершихъ отъ чумы слегка порѣзали себѣ руки и заразились. Проявленіе болѣзни у нихъ было подобно только что описаннымъ.

Симондъ при помощи опытовъ доказалъ, что крысиныя блохи могутъ переходить на другихъ животныхъ. Онъ находилъ въ тѣлѣ блохъ, взятыхъ съ трупа чумной крысы, болѣзнетворныхъ зародышей. Онъ смѣшивалъ воду съ растертыми тѣлами блохъ и дѣлалъ вспрыскиваніе тремъ мышамъ. Одна умерла отъ чумы черезъ 80 часовъ. Симондъ дѣлалъ и такой опытъ. Бралъ блохъ съ кошки и сажалъ ихъ на трупъ чумной крысы. Въ одномъ ящикѣ съ послѣдней находилась и здоровая крысы. Послѣдняя умерла отъ чумы. Опытъ съ мышами далъ подобный же результатъ. Два опыта съ крысами были отрицательные. Симондъ думаетъ, что въ такихъ случаяхъ крысы выловили блохъ и съѣли. Онъ вообще приписываетъ блохамъ очень большую роль въ распространеніи чумной заразы среди крысъ и мышей. Онъ думаетъ, что безъ первыхъ послѣднія не могутъ заражать другъ друга. Въ доказательство Симондъ приводитъ слѣдующій опытъ. Онъ взялъ семь здоровыхъ крысъ и посадилъ ихъ вмѣстѣ съ чумной въ одну клѣтку. Блохи у всѣхъ были выловлены. Здоровыя и больная оставались вмѣстѣ цѣлыя сутки и зараза не передавалась.

Симондъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ передачу чумы блохами. Когда онѣ кусаютъ животное или человѣка, то возлѣ ранки и даже на ея поверхности остаются экскременты, содержащія заразу, которая проникаетъ въ тѣло черезъ укушенное мѣсто. Онъ думаетъ, что различныя формы чумы у человѣка и животныхъ появляются, главнымъ образомъ, благодаря посредничеству паразитовъ, преимущественно блохъ. Потому чума особенно свирѣпствуетъ въ грязныхъ жилищахъ. Зараза при помощи блохъ должна передаваться гораздо рѣже отъ человѣка къ человѣку, нежели съ крысъ людямъ. Потому во время эпидеміи не слѣдуетъ касаться крысиныхъ труповъ или очень близко подходить къ нимъ до тѣхъ поръ, пока на нихъ блохи не будутъ убиты. Послѣднее лучше всего дѣлать при помощи кипятка.

Симондъ не приводитъ фактовъ, доказывающихъ, что крысиныя блохи могутъ переселяться на человѣка и кусать его. Но судя по наблюденіямъ, которыя показываютъ, что блохи съ другихъ животныхъ—съ птицъ, собакъ, кошекъ, могутъ переходить на человѣка и жалить его, надо думать, что и крысиныя блохи способны къ тому же. Это особенно возможно во время эпидеміи, когда крысы мрутъ массами. Въ такомъ случаѣ въ поискахъ за пищей блохи перескакиваютъ съ труповъ на лошадей.

Ужасающія цифры жертвъ, уносимыхъ *холерными* эпидеміями заставили ученыхъ заняться вопросомъ объ участіи, какое принимаютъ насѣкомыя въ распространеніи заразы. Какъ и чума, холера свирѣпствуетъ преимущественно въ грязныхъ городахъ и въ грязныхъ скученныхъ жилищахъ бѣднаго населенія, которыя изобилуютъ всякими паразитами. Поэтому вопросъ, насколько послѣднія участвуютъ въ распространеніи холерныхъ зародышей, имѣетъ немаловажное значеніе.

Въ 1849 году *Николасъ* наблюдалъ холеру въ Мальтѣ. Онъ высказываетъ предположеніе, что мухи принимаютъ участіе въ распространеніи заразы. Въ огромномъ числѣ онѣ летали туда и сюда, садились на экскременты, затѣмъ на людей, на пищу, всюду оставляя свои испражненія. Николасъ разсказываетъ такой случай.

Одинъ англійскій корабль находился впродолженіи шести мѣсяцевъ въ плаваніи по Средиземному морю. За это время на немъ было нѣсколько холерныхъ заболѣваній. При отплытіи на бортѣ корабля сидѣло множество мухъ. Постепенно онѣ исчезли. Съ ними прекратилась и холера. Когда корабль воз-

вратился въ Мальту, то произошло опять нашествіе мухъ. Холера начала снова свирѣпствовать на немъ, хотя не было никакого сообщенія съ берегомъ. Послѣ новаго отплытія корабля мухи исчезли, холера тоже прекратилась.

Флюгге, извѣстный нѣмецкій ученый, думаетъ, что насѣкомыя въ холерное время заражаютъ пищу и тѣмъ способствуютъ распространенію болѣзни. Ихъ число сильно колеблется въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время. Потому тамъ, гдѣ ихъ много, они могутъ играть важную роль. Флюгге замѣчаетъ, что въ тѣ мѣсяцы, когда особенно свирѣпствуетъ холера, всегда бываетъ много мухъ.

Маддоксъ былъ первый, кто открылъ присутствіе живыхъ холерныхъ спириллъ въ экскрементахъ мухъ. Русскій ученый *Савченко* кормилъ мухъ холерными зародышами, разведенными въ бульонѣ, и затѣмъ изслѣдовалъ ихъ испражненія. Уже спустя два часа онъ могъ находить въ послѣднихъ холерную бациллу. Сначала она встрѣчалась вмѣстѣ съ другими зародышами. Но потомъ, когда мухамъ пришлось питаться исключительно вышеупомянутымъ бульономъ, то послѣдніе постепенно исчезли и остались только холерныя спириллы. Савченко высказываетъ мнѣніе, будто бы онѣ могутъ размножаться въ организмѣ мухъ. При помощи прививокъ животнымъ онъ пришелъ къ заключенію, что холерная зараза не теряетъ своей силы, побывавъ въ организмѣ даннаго насѣкомаго. Во время послѣдней холерной эпидеміи въ Гамбургѣ *Симондсъ* работалъ въ одной старой больницѣ. Тамъ было помѣщеніе для вскрытій, гдѣ лежало много труповъ умершихъ отъ холеры и ихъ кишки. Въ комнатѣ постоянно присутствовало множество мухъ. Симондъ изслѣдовалъ тѣло нѣкоторыхъ изъ нихъ и нашелъ холерныхъ спириллъ. Чтобы предупредить распространеніе холеры при ихъ помощи, трупы немедленно послѣ вскрытія зашивались и обмывались. Вся грязь быстро убиралась. Послѣ этого онъ не находилъ холерныхъ зародышей въ тѣлѣ мухъ, бывшихъ въ помѣщеніи для вскрытій.

Чтобы выяснить вопросъ, какъ долго холерныя спириллы могутъ жить на тѣлѣ мухъ, Симондъ произвелъ слѣдующіе опыты. Девять мухъ было посажено на кишку умершаго отъ холеры. Потомъ ихъ перенесли въ большую колбу, въ которой онѣ могли свободно летать и двигаться. Изслѣдованіе показало, что на ихъ поверхности зародыши сохраняли свою жизнеспособность 4—45 минутъ, и даже $1^1/_2$ часа. Изъ этого Симондъ вывелъ заключеніе, что во время холерной эпидеміи мухи могутъ играть важную роль. Поэтому надо подвергать тщательной дезинфекціи испражненія холерныхъ больныхъ и оберегать пищу отъ мухъ.

О томъ, какое громадное количество болѣзнетворныхъ зародышей могутъ переносить на своемъ тѣлѣ мухи, показываютъ опыты *Уффельмана*. Онъ бралъ мухъ, кормилъ ихъ разводкой холерныхъ бациллъ и затѣмъ производилъ изслѣдованіе сначала надъ обезпложенной желатиной. Отъ одной мухи получилось 10.500 зародышей, отъ другой 25. Подобные же опыты, произведенные надъ стерильнымъ молокомъ, которое зараженные мухи пили, показали 100 зародышей холеры въ одной каплѣ молока. Мясо дало также соотвѣтственные результаты.

Основываясь на опытахъ Савченко и Уффельмана, Флюгге замѣчаетъ: «Въ маленькихъ жилищахъ, гдѣ нѣтъ никакой перегородки между кухней и больными, позднимъ лѣтомъ и осенью, когда появляется множество мухъ, ихъ посредничество при переносѣ заразы на пищу должно обращать на себя особенное вниманіе. Различныя пищевыя вещества, особенно во влажномъ состояніи, могутъ долго сохранять на себѣ холерныхъ бациллъ, оставленныхъ на нихъ мухами».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Macgac вмѣстѣ съ *Хавкинымъ* и *Симпсономъ* произвелъ изслѣдованіе въ Индіи во время холерной эпидеміи. Наблюденіе было сдѣлано надъ тюрьмой. Въ ней появилась холера и что всего страннѣе, только въ мужскомъ отдѣленіи. Женское было отгорожено отъ послѣдняго вы-

сокой стѣной, которая была большимъ препятствіемъ для переселенія мухъ изъ одного отдѣленія въ другое. Въ мужскомъ въ разныхъ мѣстахъ были разставлены пробы молока. На нихъ садилось множество мухъ. Онѣ оставляли холерныхъ бациллъ, что было доказано разводками. Даже въ коровьихъ хлѣвахъ пробы оказывались зараженными. Мухи стаями садились на холерныя испражненія, а потомъ переселялись на молоко и рисъ. Основываясь на подобномъ наблюденіи Macrae думаетъ, что мухи представляются въ высшей степени важнымъ агентомъ при распространеніи данной болѣзни.

Бухананъ сдѣлалъ подобное же наблюденіе въ Burduan'ѣ надъ заключенными въ тюрьмѣ. Была эпидемія холеры и появилось множество мухъ. Возлѣ тюрьмы было нѣсколько хижинъ, среди обитателей которыхъ свирѣпствовала болѣзнь. Сильный вѣтеръ занесъ оттуда большое количество мухъ въ тюрьму. Онѣ напали на пищу заключенныхъ. Среди послѣднихъ появилась холера.

Существуютъ наблюденія, которыя указываютъ на возможность распространенія другихъ заразныхъ болѣзней при помощи насѣкомыхъ. *Алесси* находилъ тифозныхъ бациллъ въ экскрементахъ и тѣлѣ мухъ. А *Ведеръ*, указывая на возможность распространенія заразы при помощи послѣднихъ, разсказываетъ слѣдующее. Въ одномъ домѣ онъ видѣлъ, какъ въ сосудъ, только что опорожненный отъ испражненій тифознаго больного и недезинфецированный, забрались мухи, а потомъ отгуда могли легко переселиться въ крынку молока, которую только что принесли изъ коровника и поставили почти рядомъ съ первымъ, и заразить его. «Можно ли удивляться послѣ этого, если въ этомъ домѣ и въ сосѣднемъ свирѣпствуетъ брюшной тифъ»? спрашиваетъ Ведеръ. Въ одномъ лагерѣ, гдѣ была тифозная эпидемія, онъ также производилъ наблюденія надъ дѣятельностью мухъ. Тамъ съ экскрементами больныхъ обходились очень небрежно. Безчисленное число мухъ ползало по нимъ, а потомъ онѣ отправлялись въ кухню и столовую и нападали на провизію. Авторъ видѣлъ, какъ онѣ носились цѣлыми стаями взадъ и впередъ.

Туберкулезъ въ настоящее время представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ ужасныхъ бичей, которые свирѣпствуютъ среди населенія. Аккуратно, изъ года въ годъ онъ уноситъ большое число жертвъ, преимущественно въ цвѣтущемъ возрастѣ, когда человѣкъ могъ бы быть полезенъ обществу своимъ производительнымъ трудомъ. Потому совершенно естественно, что ученые обратили вниманіе на то значеніе, которое имѣютъ насѣкомыя въ данномъ случаѣ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ *Шпильманнъ* и *Гаусгальтеръ* произвели опыты, доказывающіе возможность распространенія коховскихъ бациллъ при помощи мухъ. Они брали мухъ и ихъ экскременты со стѣнъ одной больничной палаты и изслѣдовали ихъ на туберкулезные зародыши. Въ томъ и въ другомъ оказалось много послѣднихъ. То же самое нашелъ и *Гофманъ*, который производилъ опыты надъ мухами и ихъ испражненіями въ комнатѣ, гдѣ короткое время оставался одинъ чахоточный больной, умершій очень скоро. Сами мухи, повидимому, могутъ также гибнуть отъ туберкулеза. Кормленіе мокротой, содержащей коховскія бациллы, убивало ихъ въ 24 часа. Прививка содержимаго въ кишкахъ мухъ служила причиной развитія туберкулеза у морскихъ свинокъ.

Деверъ произвелъ опыты съ клопами, которыхъ онъ бралъ съ постели одного туберкулезнаго больного. Комната послѣдняго отличалась замѣчательной нечистоплотностью. Мокрота выплевывалась прямо на полъ, который не мылся цѣлые мѣсяцы. Деверъ дѣлалъ морскимъ свинкамъ вспрыскиваніе изъ собранныхъ тамъ клоповъ и онѣ погибали отъ туберкулеза. Клопы давали также разводки коховскихъ бациллъ. Микроскопическое изслѣдованіе и разводки показали, что 60% всѣхъ клоповъ содержали въ себѣ заразу. Авторъ думаетъ,

что туберкулезные зародыши могутъ жить и размножаться въ тѣлѣ клопа и что послѣдній служитъ для распространенія заразы.

Въ Египтѣ давно уже замѣчали, что такъ называемая *египетская офтальмія* разносится мухами. *Лаверанъ* говоритъ, что данная болѣзнь постоянно появляется тамъ въ жаркое время года. Онъ сплошь и рядомъ наблюдалъ, что глаза новорожденныхъ бывали покрыты массой мухъ, которыя ползали по нимъ взадъ и впередъ и переносили на своемъ тѣлѣ заразу съ больныхъ глазъ на здоровые.

Шварцъ во Флоридѣ наблюдалъ одну муху, которая отличается особенной наклонностью усаживаться на глазахъ людей и животныхъ, а также и на раны. Онъ думаетъ, что эти насѣкомыя могутъ способствоватъ переносу заразы. Губбартъ придерживается того же мнѣнія. Онъ говоритъ, что во Флоридѣ время отъ времени появляется въ видѣ эпидеміи серьезное заболѣваніе глазъ. Онъ думаетъ, что въ школахъ и въ различныхъ другихъ мѣстахъ скопленія народа зараза можетъ переноситься мухами.

Девевръ при помощи опытовъ доказалъ возможность переноса impetigo при помощи вшей. Онъ бралъ послѣднихъ съ головы больныхъ дѣтей и сажалъ ихъ на голову здоровыхъ. Черезъ нѣсколько дней у послѣднихъ появлялось то же заболѣваніе. Подобные опыты повторялись много разъ съ одинаковыми результатами. Производились также и слѣдующіе опыты. Онъ бралъ вшей съ головы здороваго ребенка и сажалъ на голову больного, затѣмъ черезъ двадцать минутъ переносилъ ихъ опять на перваго, зараза и тутъ передавалась.

По поводу этого мимоходомъ замѣтимъ слѣдующее. Всѣмъ извѣстно, что если чесаться общимъ гребнемъ, которымъ пользуются многіе, то такимъ образомъ можно занести себѣ какую-нибудь болѣзнь волосъ. Весьма возможно, что въ данномъ случаѣ играютъ извѣстную роль не только невидимые микроорганизмы, но и видимые паразиты, которыхъ мы заносимъ себѣ вмѣстѣ съ гребнемъ и которые дарятъ насъ заразой. Потому для сохраненія себя отъ послѣдней лучше всего всегда пользоваться только своимъ собственнымъ гребнемъ.

Существуютъ наблюденія, что и нѣкоторыя другія болѣзни также могутъ передаваться при помощи насѣкомыхъ. Изъ нихъ мы упомянемъ про септицемію, піемію, рожу, желтую и перемежающуюся лихорадку, проказу. Кто знаетъ, можетъ быть, при распространеніи дифтерита, скарлатины, кори, насѣкомыя также принимаютъ дѣятельное участіе. Данный вопросъ настолько заинтересовалъ бактеріологовъ и врачей, что надо ожидать многочисленныхъ опытовъ и наблюденій. Можетъ быть, посредничествомъ насѣкомыхъ объяснятся тѣ случаи, когда нельзя доискаться причины заболѣванія. До сихъ поръ наши невидимые враги настойчиво разыскивались въ воздухѣ, водѣ, почвѣ. Теперь пришелъ чередъ насѣкомыхъ и разныхъ человѣческихъ паразитовъ, съ которыми мы находимся въ такомъ тѣсномъ общеніи. Кто знаетъ, если бы, напр., вздумали прослѣдить насѣкомыхъ, ѣдущихъ на поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходахъ во время холерной эпидеміи, то убѣдились бы, что они не мало способствуютъ распространенію заразы по путямъ сообщенія. Можетъ быть, тогда объяснились бы и тѣ случаи, когда холера какъ бы перескакиваетъ черезъ одни города и деревни и останавливается въ другихъ. А переходъ заразы изъ одной квартиры въ другую и повторное появленіе заразы въ одномъ и томъ же помѣщеніи развѣ не можетъ объясняться при помощи мухъ, блохъ клоповъ, таракановъ. Вообще опыты надъ насѣкомыми могутъ доставить много выводовъ важныхъ для народнаго здравія.

Все вышесказанное легко можетъ привести многихъ въ уныніе. Какъ уберечься отъ заразы, если шальная муха, клопъ, блоха, таракань награждаютъ насъ болѣзнетворными зародышами? Выходитъ, отъ заразы какъ будто нѣтъ и спасенія. Но мы съ своей стороны въ этомъ видимъ новое доказательство

общности интересовъ, всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, живущихъ въ извѣстной мѣстности и необходимости радикальныхъ мѣръ для улучшенія ея положенія въ санитарномъ отношеніи.

Говоря о роли насѣкомыхъ въ распространеніи заразныхъ болѣзней, ученые не одинъ разъ указываютъ на особенно благопріятныя для этого условія, которыя существуютъ въ грязныхъ городахъ и грязныхъ жилищахъ. Въ послѣднихъ мухи, тараканы и разные человѣческіе паразиты находятъ обильную пищу для своего питанія и размножаются въ огромномъ числѣ. Города, которые не думаютъ о водвореніи у себя санитаріи, жилища бѣднаго населенія, въ которыхъ господствуетъ тѣснота и грязь, всегда изобилуютъ всякаго рода насѣкомыми. Неряшливые обитатели какой-либо мѣстности спокойно выбрасываютъ остатки пищи около своего жилища и тѣмъ гостепріимно приглашаютъ къ себѣ миріады мухъ. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ пріѣхали на возу или въ вагонѣ изъ холерной мѣстности. Сначала онѣ дарятъ заразу одному-двумъ, а потомъ появляется эпидемія. Въ этомъ, конечно, виноваты сами обитатели, которые не позаботились водворить чистоту возлѣ своего жилища.

Посѣщая жилища петербургскихъ рабочихъ, я всегда поражалась обиліемъ мухъ, которыя тамъ находились, и равнодушіемъ, проявляемымъ къ нимъ хозяевами. Мнѣ постоянно приходилось видѣть остатки пищи на столахъ, на которыхъ ползали миріады мухъ. Маленькія дѣти по отношенію къ послѣднимъ оказывались въ самомъ безпомощномъ положеніи. Ребенокъ, обыкновенно спеленатый, самъ былъ лишенъ возможности защищаться отъ мухъ, которыя безнаказанно ползали по его лицу. Матери некогда гоняться за ними, а нянька, какая-нибудь восьмилѣтняя дѣвочка, объ этомъ и не подумаетъ. Здѣсь же около ребенка валяется его соска или рожокъ, на которые мухи садились безпрепятственно. Тутъ же рядомъ стоитъ чашка или бутылка съ молокомъ, ничѣмъ не покрытая. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что городская бѣднота ютится цѣлыми семьями въ одной и той же квартирѣ и имѣетъ одну общую кухню, намъ станетъ понятно, какъ легко могутъ передавать мухи заразу, напр., при помощи пищи, не только дѣтямъ, но и взрослымъ. Каждое лѣто среди маленькихъ дѣтей свирѣпствуетъ дѣтская холера и острый желудочно-кишечный катарръ, уносящіе огромное число жертвъ особенно въ іюлѣ и августѣ, когда появляется много мухъ. Весьма возможно, что послѣднія играютъ здѣсь немаловажную роль.

Мнѣ вспоминаются семьи, имѣющія нѣсколько человѣкъ дѣтей, помѣщающихся на одной кровати, въ которой всегда масса блохъ и клоповъ. Заболѣваетъ одинъ корью или скарлатиной. Онъ продолжаетъ спать на той же постели вмѣстѣ съ другими. Послѣднія, пока здоровы, бѣгаютъ на дворѣ съ сосѣдними дѣтьми, заходятъ къ нимъ въ квартиры и награждаютъ ихъ зараженными насѣкомыми. Эпидемія начинаетъ переходить изъ одной семьи въ другую, захватывая все большій и большій районъ.

Приходилось мнѣ бывать и въ артельныхъ квартирахъ, гдѣ вмѣсто кроватей употребляются нары. На послѣднихъ спитъ десять, двѣнадцать, двадцать и больше человѣкъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Грязь, тѣснота—какая благодарная почва для развитія всякаго рода насѣкомыхъ! Когда передъ холерой въ Петербургѣ производились осмотры квартиръ бѣднаго населенія, то пытались водворить тамъ нѣкоторую чистоту. Для этой цѣли разбирались нары, изъ которыхъ сыпалась такая масса разныхъ насѣкомыхъ, что они буквально покрывали весь полъ. Что же удивительнаго, если сыпной и возвратный тифъ бываютъ частыми гостями въ артельныхъ квартирахъ? Какое значеніе будетъ имѣть здѣсь дезинфекція помѣщенія, если рабочій носитъ на своемъ тѣлѣ и своемъ платьѣ зараженныхъ паразитовъ; если послѣднія могутъ попрятаться

отъ дезинфекцирующихъ средствъ въ щели, подъ полъ, перекочевать въ сосѣднюю комнату и даже въ сосѣднюю квартиру?

Вообще, чѣмъ больше стараются выяснить пути, при помощи которыхъ распространяется зараза, тѣмъ больше приходятъ къ къ убѣжденію, что одно спасеніе отъ послѣдней предупреждающія мѣры. Поддерживать чистоту почвы при помощи канализаціи и своевременнаго удаленія домашнихъ отбросовъ и нечистотъ необходимо не только потому, что въ ней можетъ быть зараза, но и потому, что на грязной почвѣ разножается множество насѣкомыхъ. Обильное количество чистой воды нужно населенію не только для того, чтобы съ ней въ его желудокъ не попали зародыши брюшнаго тифа и холеры, но и для водворенія среди него большей чистоты. Въ жилищахъ бѣднаго населенія надо уменьшить тѣсноту не только потому, что выдѣленія человѣческаго организма портятъ воздухъ, и дѣлаютъ его ядовитымъ для людей и что въ немъ накопляется масса болѣзнетворныхъ зародышей, но и для водворенія въ нихъ большей чистоты, для уничтоженія массы насѣкомыхъ, которыя тамъ господствуютъ. Все это до того ясно и очевидно, что можно только пожалѣть, что такъ туго прививается нашему обществу идея о необходимости различныхъ радикальныхъ санитарныхъ мѣръ. Только послѣднія могутъ дѣйствительно охранять народное здравіе, предупреждать эпидеміи.

Женщина-врачъ М. И. Покровская.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Астрономія. *Полное солнечное затменіе 18 Мая.* 18 мая (нов. ст.) около 5 часовъ утра во всемъ азіатскомъ архипелагѣ (на о-вахъ Суматрѣ, Борнео, Маврикія, Целебесѣ, Новой Гвинеѣ и др.) въ теченіе приблизительно 6 минутъ наблюдалось полное солнечное затменіе; на юго-востокѣ Африки оно было только частнымъ. Всѣ культурныя страны снарядили для наблюденій этого затменія особыя экспедиціи, американцы и англичане не удовольствовались одной и выслали—первые 4, а вторые 2 экспедиціи. Насколько можно судить по краткимъ предварительнымъ сообщеніямъ, результаты наблюденій, несмотря на облачную погоду въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ общемъ удовлетворительны. Такъ, американцы получили хорошія фотографіи солнечныхъ протуберанцевъ, сфотографировали ультра-фіолетовая часть спектра хромосферы и произвели много другихъ спектроскопическихъ изслѣдованій. Прекрасныя фотографіи спектровъ получилъ также и англичанинъ Newall, а гринвичскому астроному Dyson удалось сдѣлать хорошіе снимки солнечной короны, которая очень похожа на корону прошлаго года. Русскіе астрономы сняли 6 фотографій черезъ облака cirrus и, конечно, получили не очень ясныя изображенія. При помощи особыхъ, приборовъ была констатирована довольно значительная поляризація блестящихъ частей короны. Кажется, особенно удачными были наблюденія французскихъ астрономовъ. Такъ, астрономъ De la Buume-Pluvinel, наблюдавшему затменіе на о-вѣ Суматрѣ, при весьма благопріятныхъ атмосферныхъ условіяхъ, удалось выполнить всю намѣченную имъ программу. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, что вращенія короны не замѣчено, и что столь рѣзкія во время затменія 1871 и 1883 г. фраунгоферовы линіи въ спектрахъ короны нынѣ не наблюдались. Болѣе подробно съ результатами наблюденій

этого затменія мы познакомимъ читателя, когда появятся отчеты астрономическихъ экспедицій.

Геологія и палеонтологія. Геологами давно уже было замѣчено, что почти всѣ горныя породы тропическихъ пустынь покрыты особой корою желтаго, коричневаго или черного цвѣта и также, что въ породѣ образованіе подобной коры начинается обыкновенно во вдавленныхъ мѣстахъ, напр., на кремнѣ черная кора появляется сначала въ тонкихъ занозистыхъ бороздкахъ, характерныхъ для плоскостей излома этого минерала, и уже оттуда распространяется по поверхности всего камня.

Г. Линкъ считаетъ эту кору минеральнымъ новообразованіемъ, значительно отличающимися по своему химическому составу отъ самой породы. Новообразованія эти состоятъ, главнымъ образомъ, изъ окисей марганца и желѣза, затѣмъ кременкислоты, глинозема, фосфорной кислоты и, конечно, произошли путемъ вывѣтриванія породы. Главнымъ разрушающимъ дѣятелемъ при этомъ является роса, благодаря большому содержанію въ ней углекислоты. Образовавшіяся углекислыя соли подъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ азотнокислаго аммонія и хлористаго натрія, а также высокой тропической температуры окисляются и переходятъ въ безводные окислы. Такимъ образомъ, темная кора горныхъ породъ тропическихъ пустынь является продуктомъ химическаго вывѣтриванія этихъ породъ при благопріятныхъ для сего условіяхъ климата тропическихъ пустынь,—именно сухости и отсутствія дождей. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ авторъ объясняетъ, напр., тотъ фактъ, что подобныхъ коръ не встрѣчается на породахъ тропическихъ же саваннъ; здѣсь тропическіе ливни смываютъ образовавшіеся продукты разрушенія горной породы и препятствуютъ образованію коры. Вообще нужно замѣтить, что такая кора образуется крайне медленно напр., несмотря на историческую древность пирамидъ, на нихъ нѣтъ и слѣда такихъ образованій.

Новый видъ копытнаго — Helladotherium Johnstoni. Еще Стэнли въ описаніи своего послѣдняго путешествія въ Африку упоминалъ, что карлики, обитавшіе въ первобытныхъ лѣсахъ Землики, разсказывали, что тамъ водится животное, похожее больше всего на лошадь, но полосатое, какъ зебра, и нѣкоторыми признаками напоминающее жирафу. Гарри Джонстону бельгійскіе офицера разсказывали, что на границѣ государства Конго дѣйствительно водится такое животное, за которомъ туземцы охотятся изъ-за его мяса и пестрой шкуры, но ни одному европейцу не удалось видѣть этого копытнаго, называемаго туземцами Окапи. Судя по описанію, Окапи—жвачное, съ раздвоенными копытами, строеніе передней части черепа его напоминаетъ тапира, задней—лошадь, длинныя уши съ тонковолосистой бахромой—осла, задняя часть тѣла покрыта полосами, какъ у зебры, и украшена хвостомъ жирафы. До сего времени въ Англіи имѣлись только куски шкуры Окапи, но все-же, на основаніи приведеннаго выше описанія зоологи отнесли это животное къ роду Heladotherium, принадлежащему къ семейству первобытныхъ жирафовъ, и вымершему въ Европѣ еще въ третичный періодъ. Недавно отправлены въ Англію два черепа и цѣлая шкура Окапи и родство его съ ископаемыми формами будетъ, конечно, установлено болѣе точнымъ образомъ,—но и теперь Окапи не избѣгъ общей участи всѣхъ новыхъ видовъ и получилъ латинское имя—Helladotherium Johnstoni.

Біологія и медицина. *Искусственное образованіе новыхъ видовъ бабочекъ подъ вліяніемъ температуры.* Лѣтъ 30 тому назадъ Вейсманъ показалъ, что въ зависимости отъ температуры окружающей среды куколки производятъ бабочекъ той или другой окраски, при этомъ Вейсману удалось искусственно произвести явленія такъ называемаго сезоннаго диморфизма, наблюдаемаго у нѣкоторыхъ видовъ бабочекъ. Подобнаго рода изслѣдованія снова воспроизведены

цюрихскимъ зоологомъ *Штандфуссомъ*. Интересные опыты этого ученаго показали, что подъ вліяніемъ температурныхъ измѣненій изъ куколокъ образуются бабочки другихъ видовъ, имѣющихъ распространеніе въ мѣстностяхъ весьма удаленныхъ отъ Цюриха.

Такъ куколки Vanessa urtica—бабочки, весьма распространенной въ Швейцаріи, сохранявшіяся при температурѣ отъ 4 до 6° Цельзія, дали бабочекъ вида Vanessa polaris, живущаго въ Лапландіи и другихъ сѣверныхъ странахъ. Если же куколки того же вида—V. urtica были подвергнуты дѣйствію температуры отъ 37 до 39° Цельзія, то получался видъ V. ichnussa, встрѣчающійся только въ Корсикѣ и въ Сардиніи. Наконецъ, нѣкоторыя куколки этого же вида V. urtica подвергались три или четыре дня подрядъ дѣйствію температуры отъ 42 до 45° въ теченіи 2-хъ часовъ ежедневно. При этихъ условіяхъ получилась разновидность *V. ichnusoïdes*—разновидность, появляющаяся иногда въ жаркія лѣта въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ. Куколки *Machaon*, вида весьма распространеннаго въ умѣренныхъ странахъ, подвергнутыя дѣйствію относительно высокой температуры, давали разновидность, встрѣчающуюся въ іюлѣ и въ августѣ въ Сиріи. Многія куколки другихъ видовъ дали при этихъ условіяхъ бабочекъ до сего времени неизвѣстныхъ. Вообще эти изслѣдованія показываютъ, что подъ вліяніемъ низкой температуры изъ куколокъ—получается разновидности холодныхъ странъ, подъ вліяніемъ высокихъ температуръ—разновидности тропическія или, во всякомъ случаѣ, присущія теплому климату.

Вопросъ объ искусственномъ полученіи, подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ условій, различныхъ видовъ или разновидностей—животнаго и растительнаго царствъ, въ связи съ вопросомъ о естественномъ димоофизмѣ видовъ, имѣетъ громадный научный интересъ, и мы надѣемся въ одномъ изъ ближайшихъ №№ нашего журнала дать болѣе или менѣе полный обзоръ относящихся сюда явленій.

Борьба съ комарами. Изъ статей г-жи Покровской и г. Торскаго, напечатанныхъ въ этомъ № нашего журнала, читатели могутъ видѣть, какое громадное значеніе имѣютъ насѣкомыя вообще въ дѣлѣ распространенія заразы и въ частности комары—въ распространеніи болотной лихорадки. Поэтому не удивительно, что въ настоящее время изыскиваютъ всевозможные способы, чтобы удерживать на почтительномъ разстояніи этихъ опасныхъ и надоѣдливыхъ враговъ. Г. *Онимусъ*, хорошо изучившій нравы комаровъ, утверждаетъ, что по отношенію къ этимъ насѣкомымъ поставленная задача крайне трудна, такъ какъ комары быстро привыкаютъ почти ко всѣмъ средствамъ, которыя изобрѣтаются для борьбы съ ними. Наилучшими химическими средствами оказываются—для личинокъ—*керосинъ*, для летающаго насѣкомаго—комара *пиретръ*, все равно въ видѣ ли порошка или въ видѣ настойки. Достаточно сжечь въ особой лампочкѣ или просто на платиновой пластинкѣ небольшое количество этого послѣдняго вещества, чтобы удалить изъ комнаты комаровъ, къ какимъ бы видамъ они не принадлежали. Другія вещества не оказываютъ такого общаго дѣйствія, и являясь, напримѣръ, прекраснымъ средствомъ для борьбы съ комарами въ Парижѣ, не оказываютъ никакого дѣйствія на комаровъ юга Франціи или Италіи и наоборотъ. Какъ извѣстно, комары не выносятъ вѣтра,—ихъ нѣтъ надъ рѣкой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теченіе настолько сильно, что приводитъ въ сильное движеніе и воздухъ, нѣтъ и на тѣхъ морскихъ берегахъ, гдѣ часты вѣтры. На этой боязни комаровъ сильнаго воздушнаго теченія основано и всѣмъ извѣстное средство для изгнанія комаровъ изъ спальной комнаты—сквознякъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ,—на этомъ же основанъ и вентиляторъ-вѣеръ, изобрѣтенный г. *Онимусомъ* противъ того же врага.

Новое лѣченіе туберкулеза. Извѣстный физіологъ *Шарль Рише* въ лекціи о туберкулезѣ, читанной въ «Обществѣ друзей Парижскаго университета»,

говоритъ о новыхъ способахъ лѣченія этой страшной болѣзни, смертность отъ которой равна $^1/_5$ всего числа умирающихъ. Уже въ XVIII столѣтіи анатомо-патологами было произнесено слово «туберкулезъ», но яснаго представленія объ этой болѣзни никто изъ нихъ еще не имѣлъ. Только въ 1819 г. *Лэннекъ* впервые указалъ, что специфическій продуктъ этой болѣзни «туберкулъ» можетъ встрѣчаться во всѣхъ органахъ, въ легкомъ, мозгу, печени, селезенкѣ и пр. Въ 1865 г. *Вильсменъ*, впрыснувшій нѣсколькимъ кроликамъ мокроту чахоточныхъ, умершихъ затѣмъ отъ туберкулеза, доказалъ заразительность чахотки. Въ 1868 г. *Шово* была установлена заразительность ея и черезъ резъ поглощеніе туберкулезныхъ продуктовъ, которые онъ заставлялъ съѣдать различныхъ животныхъ. Всѣ животныя подвергшіяся этому опыту, не смотря на противодѣйствіе пищеварительныхъ соковъ, погибли отъ туберкулеза черезъ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени. Наконецъ въ 1882 году *Робертъ Кохъ* показалъ, что туберкулезные органы характеризируются присутствіемъ особаго специфическаго микроба и что заразительность туберкулеза обусловливается этимъ микробомъ. Теперь всѣми учеными признаны 5 основныхъ законовъ, касающихся туберкулеза. *1-й законъ.* Всѣ животныя безъ исключенія воспріимчивы къ туберкулезу: левъ, собака, кошка, жирафа, мышь, крыса, курица, фазанъ, попугай, лягушка, рыбы, дождевые черви, мухи и т. д., съ тою только разницею, что одни болѣе устойчивы, чѣмъ другія. Такъ, обезьяна отъ прививки очень маленькой дозы туберкулезной культуры умираетъ черезъ 15, 20, самое большое 30 дней. Наоборотъ, лошадь, оселъ гораздо болѣе устойчивы, но все же въ случаяхъ, когда казалось, что они вполнѣ не воспріимчивы, вскрытіе показало, что всѣ ихъ органы поражены туберкулезомъ. *2-й законъ.* Всѣ органы безъ исключенія могутъ быть поражены туберкулезомъ. Туберкулезныя бациллы располагаются въ соединительной ткани, окружающей кровеносные сосуды этихъ органовъ, чаще всего въ легкихъ. *3-й законъ.* Коховская бацилла противостоитъ теплотѣ, свѣту, высушиванію (конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ) и сохраняетъ при этомъ свою заразительность. Отсюда выводъ—мокрота чахоточнаго больного является главнымъ агентомъ распространенія заразы. *4-й законъ.* Итальянскіе ученые открыли, что туберкулезъ у птицъ отличается отъ туберкулеза у млекопитающихъ, причемъ животныя, которыя очень чувствительны къ птичьему туберкулезу, къ туберкулезу млекопитающихъ гораздо менѣе чувствительны; эти два туберкулеза являются какъ бы антагонистами по отношенію другъ другу. Поэтому можно надѣяться, что найдутъ способъ ослабленія ядовитости токсина туберкулезныхъ бациллъ или же ядовитости этихъ послѣднихъ и такимъ образомъ возможно будетъ дѣлать прививки противъ туберкулеза.

Переходя затѣмъ къ своимъ собственнымъ опытамъ лѣченія туберкулеза Рише указываетъ, что онъ дѣлалъ прививки нѣсколькимъ животнымъ сразу въ одинъ и тотъ же день и часъ, въ одной и той же дозѣ и вирулентности, животнымъ одного роста, лѣтъ и питавшимся одной и той же пищей. Всѣ животныя, которымъ прививали туберкулезъ, умирали, и только одна собака, которую кормили сырымъ мясомъ, выжила, между тѣмъ какъ остальныя, которыхъ кормили вареными—погибли. Сначала не обратили никакого вниманія на связь между кормленіемъ собаки сырымъ мясомъ и ея выздоровленіемъ. Затѣмъ же, когда напали на слѣдъ, то опыты, поставленные вполнѣ точно и тщательно, показали, что собаки, которымъ былъ привитъ туберкулезъ и которыхъ кормили *сырымъ* мясомъ *никогда* не умираютъ, тогда какъ собаки, которыхъ кормятъ иною пищею всегда умираютъ отъ туберкулеза. Судить о томъ, какъ прогрессируетъ болѣзнь, можно по увеличенію, или уменьшенію вѣса животнаго. Если собака погибаетъ, то она худѣетъ, если же вѣсъ ея увеличивается, то слѣдовательно болѣзнь будетъ побѣждена. У туберкулезныхъ

собакъ вѣсъ ихъ со дня прививки постепенно уменьшается, такъ что черезъ 45 дней (средняя продолжительность болѣзни у собакъподвергшихся опыту) животное теряетъ 30% своего вѣса. Туберкулезная собака, которую кормятъ *вареннымъ* мясомъ черезъ 20 дней со дня прививки, страшно худѣетъ, ослабѣваетъ, всѣ ребра ясно вырисовываются, мышцы атрофируются, жиръ совершенно исчезаетъ. Былъ поставленъ слѣдующій опытъ. Изъ 8 собакъ *1-й серіи*—4 были оставлены для контроля; имъ давалось, главнымъ образомъ, вареное мясо и другая пища, но ни куска сырого мяса; три изъ нихъ умерли очень скоро и только четвертая прожила 145 дней; тогда какъ остальныя 4 собаки, которыхъ кормили сырымъ мясомъ, и на *стопятидесятый* день были совершенно здоровы. На 120 день вѣсъ ихъ увеличился въ среднемъ на 40%. Затѣмъ вѣсъ ихъ сталъ немного уменьшаться, такъ какъ съ 121 дня ихъ перестали кормить сырымъ мясомъ. *2-я серія* опытовъ надъ 4 собаками. Послѣ прививки туберкулеза всѣмъ 4 давалась обыкновенная пища въ теченіе 20 дней, всѣ 4 за это время похудѣли и имѣли болѣзненный видъ. Черезъ 20 дней на удачу выбрали 2 изъ нихъ, которыхъ кормили вареннымъ мясомъ, а 2 сырымъ. На 48 день первыя *погибли*, вторыя же увеличились въ вѣсѣ на 30%. Опытъ этотъ былъ поставленъ 6 февраля 1900 г.; черезъ годъ 6 февраля 1901 г. обѣ собаки, которыхъ кормили сырымъ мясомъ были вполнѣ здоровы, и вѣсъ ихъ противъ первоначальнаго вѣса увеличился на 40%. Одну изъ этихъ собакъ умертвили, сдѣлали вскрытіе и не нашли туберкулеза, только въ нькоторыхъ мѣстахъ образовалась рубцовая ткань—слѣдъ излѣченнаго туберкулеза.

3-я серія опытовъ была поставлена 26-го декабря 1899 г. Особенно интересны результаты опыта надъ одной изъ собакъ. Собака эта въ моментъ прививки вѣсила 12 кило. На 25 й день послѣ прививки она почти умирала и 26-го января 1900 г. вѣсила всего 9 кило. Тогда ее начали кормить сырымъ мясомъ; результатъ получился поразительный, такъ какъ 24-го апрѣля она снова вѣсила 19 кило и здоровье ея было цвѣтущее. 6-го февраля 1901 г., т.-е. черезъ годъ и 2 мѣсяца послѣ прививки ее умертвили. Ея легкія изслѣдованныя другимъ врачомъ, не имѣли никакихъ слѣдовъ туберкулеза.

Наконецъ *4-я серія* состояла изъ 14 собакъ, изъ которыхъ 10 оставлены для контроля, а 4-хъ кормили сырымъ мясомъ. Первыя десять умерли на 100 день послѣ прививки, а остальныя, которыхъ кормили мяснымъ сокомъ и сырымъ мясомъ,—вполнѣ здоровы.

Всѣ опыты могутъ быть легко провѣрены всякимъ физіологомъ. Такъ, *Шантелесъ* сомнѣвался въ результатахъ, полученныхъ Рише, и ему захотѣлось самому проконтролировать ихъ. Съ этой цѣлью Шантелесъ привилъ туберкулезъ двумъ собакамъ одинаковаго вѣса, но одну изъ нихъ кормилъ вареннымъ, а другую сырымъ мясомъ. Первая, какъ и въ опытахъ Рише, погибла, вторая же—вполнѣ здорова. Послѣ опубликованія этихъ опытовъ и Рише дѣлали много возраженій. Одни говорили, что собака—животное плотоядное; давая ей сырое мясо, тѣмъ самымъ ставятъ ея питаніе въ естественныя, нормальныя условія, къ человѣку же—животному всеядному нельзя приложить того, что приложимо къ плотоядной собакѣ. На это проф. *Бушаръ* отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ задача сведется къ тому, чтобы человѣка изъ всеяднаго превратить въ плотоядное, а для этого нужно только кормить его сырымъ мясомъ. Другіе утверждали, что въ опытахъ Рише все сводится къ перекармливанію. Въ сущности это, конечно, не возраженіе противъ метода, а только объясненіе фактовъ. Но, кромѣ того, Рише не думаетъ, чтобы описанные выше факты выздоровленія отъ туберкулеза можно было объяснить однимъ перекармливаніемъ. И вотъ почему. Рише давалъ собакамъ такое количество сырой говядины, которое соотвѣтствовало бы минимуму, необходимому для существованія собаки,—и все же собаки противостояли туберкулезу. Если собакамъ, зараженнымъ туберкуле-

зомъ, однимъ давать даже незначительныя количества сырого мяса, то все же эти полуголодныя животныя выглядятъ и сопротивляются болѣзни гораздо лучше, чѣмъ тѣ, которыхъ перекармливаютъ, но только *вареньмъ* мясомъ или вообще какой-либо другой пищей.

Примѣнить способъ лѣченія туберкулеза сырымъ мясомъ къ человѣку довольно затруднительно,—нельзя надѣяться чтобы больной человѣкъ съѣдалъ бы необходимое количество сырого мяса.

Количество сырого мяса, которое нужно давать собакамъ, чтобы предохранить ихъ отъ туберкулеза весьма значительно. Если собакѣ давать менѣе 10 граммовъ на килограммъ ея вѣса, то собака умираетъ; для хорошаго положительнаго результата необходимо отъ 12—15 граммовъ на кило вѣса.

При такомъ отношеніи, человѣку нужно давать ежедневно не менѣе 750 граммовъ сырого мяса. Трудно предположить чтобы больные могли каждый день съѣдать такое количество.

Къ счастью, легко обойти это затрудненіе. Мясо, какъ извѣстно, состоитъ изъ 2 частей; одна, которая добывается изъ него при помощи сильнаго давленія, — жидкая, ее можно назвать мышечной сывороткой, другая, остающаяся послѣ выдавливанія—мышечныя фибры. Мышечная сыворотка, въ общежитіи называемая *мяснымъ сокомъ*, содержитъ, по мнѣнію Рише, всѣ активные, лѣчебные элементы для борьбы съ туберкулезомъ. Если однихъ животныхъ кормить только мышечными волокнами, а другихъ только мяснымъ сокомъ, то вторые выживаютъ, а первые умираютъ отъ туберкулеза. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы ѣсть сырое мясо, можно пить мясной сокъ; его даже больной человѣкъ можетъ выпить большія количества. Многочисленныя пробы показали, что для полученія 750 грам. мясного сока необходимо 2 кило мяса, и что этого количества мясного сока, выпиваемаго ежедневно достаточно для лѣченія взрослаго человѣка.

Предлагаемое проф. Рише лѣченіе туберкулеза требуетъ довольно значительныхъ затратъ. Но онъ надѣется, что когда полезность открытаго имъ метода будетъ признана всѣми, то на помощь придетъ индустрія и цѣна мясного сока значительно понизится.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Августъ 1901 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Сборники.—Исторія литературы и критики.—Исторія русская и всеобщая.—Политическая экономія.—Біологія.—Географія.—Путешествія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. М. Жемчужниковъ. «Стихотворенія». Т I и II.—*Эдгаръ Поэ.* «Полное собраніе сочиненій».—*Лесажъ.* «Хромой Бѣсъ», «Жиль Блазъ».—*Джонатанъ Сфиетъ.* «Путешествіе Гулливера».

А. М. Жемчужниковъ. Стихотворенія въ двухъ томахъ съ портретомъ автора и автобіографическимъ очеркомъ. Третье изд. Спб. 1901 г. Ц. за 2 т. 3 р. Лучшая и вѣрнѣйшая характеристика поэзіи А. М. Жемчужникова заключается въ двухъ словахъ—гражданская лирика. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Памятникъ Пушкину» Жемчужниковъ, обращаясь къ «цѣнителямъ искусства для искусства», предлагаетъ имъ высказаться:

Вотъ ты хоть, напримѣръ, отборныхъ полный чувствъ,
Въ комъ тонкій вкусъ развитъ, кому такъ Пушкинъ дорогъ,
Ты, въ комъ рождаютъ пылъ возвышенной мечты
Стихи и музыка, статуя и картина,—
Но до сѣдыхъ волосъ лишь въ *чести гражданина*
Не усмотрѣвшій красоты.

Въ противоположность этимъ большимъ и малымъ цѣнителямъ всяческой красоты, Жемчужниковъ воспѣваетъ преимущественно красоту гражданской чести, которая вызываетъ въ немъ то ѣдкіе, острые до боли нападки на лжецовъ и лицемѣровъ, считающихъ любовь къ родинѣ и народу, стремленіе къ національной славѣ и развитіе истиннаго патріотизма своей исключительной монополіей, то глубокую, хватающую за сердце скорбь, при видѣ слабости друзей добра и прогресса и злобнаго торжества «гасителей духа». Честь гражданина, понимая въ самомъ чистомъ и высокомъ значеніи этого слова, составляетъ сущность поэзіи Жемчужникова, что придаетъ его стихотвореніямъ не преходящее значеніе и вѣсъ.

Его пѣсня не умолкала за послѣднія 30 лѣтъ, и наканунѣ своего пятидесятилѣтняго юбилея, отпразднованнаго въ прошломъ году, онъ выпустилъ цѣлый сборникъ «Послѣднихъ пѣсенъ», въ которыхъ слышится прежняя неутомимая вражда къ поборникамъ мрака.

Пусть васъ народная преслѣдуетъ вражда,
Вражда безъ устали до гроба!—

Такъ пѣлъ онъ въ 80-мъ году, и тотъ же мотивъ неизмѣнно сохранился и въ мощныхъ строфахъ «Послѣднихъ пѣсенъ». Ни личная скорбь, такъ прекрасно выраженная имъ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній перваго тома (см., напр., «Кончено. Нѣтъ ея. Время тревожное, время безсонныхъ ночей», «Если бы ты видѣть могла мое горе», и другія того же цикла), ни старость не ослаб-

ляютъ въ немъ силы чувства, разъ дѣло коснется святыхъ для поэта понятій—родина, честь, долгъ гражданина. Подавленный личнымъ горемъ, поэтъ все же находитъ въ себѣ великое мужество, чтобы дать «совѣтъ самому себѣ»:

Ужъ будетъ о себѣ
Да о своемъ несчастьѣ!
Въ общественной судьбѣ
Пора принять участье.
Взгляни—со всѣхъ сторонъ
Какъ тучи понависли!..
Отчизны добрый сынъ
Не станетъ спать подъ тучей...

И какъ истинный сынъ отчизны, онъ не спалъ въ самое темное время, когда, казалось, нависшія тучи покрыли столь дорогую ему родину навсегда. Сквозь этотъ мракъ онъ провидитъ лучшее время и находитъ слова утѣшенія для ослабѣвшихъ въ борьбѣ и желѣзное слово упрека для тѣхъ, кого въ великолѣпномъ стихотвореніи «На роднпѣ» онъ мѣтко окрестилъ «повапленные гробы».

Настоящее третье изданіе также изящно, какъ и «Послѣднія пѣсни», о которыхъ мы говорили въ прошломъ году. Стихотворенія расположены хронологически, что придаетъ имъ особую цѣну, облегчая пониманіе и поясняя время, когда и чѣмъ было вызвано данное настроеніе поэта. Въ первомъ томѣ собраны лирическія произведенія, наиболѣе извѣстныя и лучшія. Во второмъ помѣщены двѣ драматическія пьесы въ стихахъ «Странная ночь» и «Сумасшедшій», очень остроумно написанныя, и нѣсколько сатирическихъ поэмъ, въ общемъ болѣе слабыхъ, чѣмъ лирическія стихотворенія, но и въ нихъ мѣстами попадаются настоящія «крылатыя слова».

Собраніе сочиненій Эдгара Поэ. Поэмы и сказки. Полное собр. въ переводѣ К. Бальмонта. Т. I. Москва. 1901 г. Изд. «Скорпіонъ». Ц. 1 р. 50 к. Многочисленные переводы произведеній Поэ на русскій языкъ и многія изданія ихъ, которыя то и дѣло выходятъ, показываютъ, насколько американскій поэтъ сталъ близокъ русскимъ читателямъ. Однихъ онъ привлекаетъ увлекательностью своихъ чудесныхъ фантастическихъ разсказовъ, другихъ необычайностью своего настроенія, удивительнымъ талантомъ—раскрывать передъ изумленнымъ читателемъ такія глубины мысли, чувствъ и жизни, которыя не грезились ему и во снѣ. Въ небольшомъ очеркѣ предшествующемъ переводамъ, г. Бальмонтъ вѣрно, хотя и вычурно по обыкновенію, опредѣляетъ причину того неотразимаго вліянія, какое оказываетъ Поэ на душу читателя, подчиняя ее и заставляя трепетать отъ ужаса и страннаго жгучаго наслажденія. Читая его, испытываешь нѣчто похожее на то ощущеніе головокруженія и страстнаго желанія, какое овладѣваетъ нами на краю пропасти, когда надо сдѣлать огромное усиліе воли, чтобы не поддаться искушенію и не ринуться съ высоты въ бездну. «Есть удивительное напряженное состояніе ума,—говоритъ г. Бальмонтъ,—когда человѣкъ сильнѣе, умнѣе, красивѣе самого себя. Это состояніе можно назвать праздникомъ умственной жизни. Мысль воспринимаетъ тогда все въ необычныхъ очертаніяхъ, открываются неожиданныя перспективы, возникаютъ поразительныя сочетанія, обостренныя чувства во всемъ улавливаютъ новизну... Такія состоянія... бываютъ у каждаго... Но однихъ они посѣщаютъ, быть можетъ, только разъ въ жизни, надъ другими то сильнѣе, то слабѣе они простираютъ почти безпрерывное вліяніе, и есть избранники, которымъ дано въ каждую полночь видѣть привидѣнія и съ каждымъ разсвѣтомъ слышать біеніе новыхъ жизней. Къ числу такихъ немногихъ избранниковъ принадлежитъ величайшій изъ поэтовъ-символистовъ Эдгаръ Поэ. Это—сама напряженность, это воплощенный экстазъ... Эдгаръ Поэ былъ изъ расы причудливыхъ изобрѣтателей новаго.

Идя по дорогѣ, которую мы какъ будто уже давно знаемъ, онъ вдругъ заставляетъ насъ обратиться къ какимъ-то неожиданнымъ поворотамъ, и открываетъ не только уголки, но и огромныя равнины, которыхъ раньше не касался нашъ взглядъ, заставляетъ насъ дышать запахомъ травъ, до тѣхъ поръ никогда нами невиданныхъ и однако же странно напоминающихъ нашей душѣ о чемъ-то бывшемъ очень давно, случившемся съ нами гдѣ-то не здѣсь. И слѣдъ отъ такого чувства остается въ душѣ надолго, пробуждая или пересоздавая въ ней какія-то скрытыя способности, такъ что послѣ прочтенія той или другой необыкновенной страницы, написанной безумнымъ Эдгаромъ, мы смотримъ на самые повседневные предметы инымъ проникновеннымъ взглядомъ. Событія, которыя онъ описываетъ, всѣ проходятъ въ замкнутой душѣ самого поэта; страшно похожія на жизнь, они совершаются гдѣ-то внѣ жизни, внѣ времени,—внѣ пространства, ихъ видишь сквозь какое-то окно и, лихорадочно слѣдя за ними, дрожишь, оттого что не можешь съ ними соединиться».

Въ первый томъ вошли поэмы, переведенныя стихами (въ томъ числѣ знаменитая поэма «Воронъ»), и значительная часть разсказовъ, изъ которыхъ много разъ уже переведены—«Тѣнь», «Маска Красной Смерти», «Мальстремъ», «Молчаніе» и др. Переводъ г. Бальмонта близокъ къ подлиннику, хотя мѣстами тяжеловатъ, что зависитъ отъ вычурности и изысканности слога. Переводчикъ мѣстами разжижаетъ сжатый стиль Поэ повтореніями и вставками, можетъ быть, и красивыми сами по себѣ, но лишающими Поэ его чрезвычайной сдержанности выраженія, столь характерной для его необузданной фантазіи. Особенно страдаетъ этимъ недостаткомъ переводъ поэмы «Воронъ», вообще переданной очень музыкально, но растянуто. *А. Б.*

Лесажъ. «Хромой бѣсъ». Съ біографіей автора. Новая библіотека Суворина. Спб. 1901 г. Алэнъ-Ренэ Лесажъ. «Жиль Блазъ». Съ иллюстраціями въ текстѣ Жуо, Стааля, Леру и Дидье, съ тремя портретами Лесажа и критическимъ очеркомъ. Иллюстрированное безплатное приложеніе къ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Иностранной Литературы». Спб. 1901 г. Дѣятельность Лесажа занимаетъ своеобразную страницу въ исторіи французской литературы. Такъ называемый «великій вѣкъ» Людовика XIV въ литературномъ отношеніи давно уже сказалъ свое послѣднее слово. Классическая драма уже не привлекала талантовъ, пока ее не воскресилъ опять въ обновленномъ видѣ Вольтеръ. За оскудѣніемъ «высокихъ родовъ» тѣмъ ярче выступило на свѣтъ Божій, такъ сказать, нижнее теченіе литературы, которое въ лицѣ Лесажа получило наиболѣе талантливаго представителя. Менѣе изысканная по формѣ, болѣе демократическая по содержанію, доступная по своимъ мотивамъ гораздо болѣе широкимъ кругамъ читателей, литература эта существовала и раньше. Питаясь, съ одной стороны, чисто народными элементами, жившими въ ярмарочномъ театрѣ, а съ другой стороны—могучимъ вліяніемъ, шедшимъ изъ Испаніи, струя эта явственно выступаетъ уже у Мольера въ его «Донъ-Жуанѣ», въ типахъ его Сганарелей, Скапеновъ и Маскарилей. Блестящая испанская литература первой половины XVII вѣка демократизировалась и распространилась на сѣверъ отъ Пиренеевъ особенно благодаря неисчерпаемому богатству новеллистическаго матеріала. Романы приключеній, спеціально воровскіе романы переводились и передѣлывались на французскій языкъ далеко раньше Лесажа, но онъ первый въ «Хромомъ бѣсѣ» и особенно въ «Жиль Блазѣ» сообщилъ этимъ передѣлкамъ черты, сдѣлавшія ихъ оригинальными и замѣчательными произведеніями французской прозы. Тотъ и другой романъ представляютъ почти механическое соединеніе безконечнаго ряда повѣстей. Въ «Хромомъ бѣсѣ» (1707) эти разсказы еще не всегда развиты, сюжетъ иногда только названъ въ двухъ-трехъ строчкахъ, и единственная связь между ними та, что ихъ разсказываетъ Асмодей, желающій познакомить своего друга дона Клеофаса со всѣмъ,

что происходитъ въ Мадридѣ. Въ «Жиль Блазѣ» (1715—1735) связь отдѣльныхъ эпизодовъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, нѣсколько тѣснѣе: это автобіографія авантюриста, который проходитъ всѣ сферы жизни, переживаетъ неисчислимый рядъ превращеній, сталкивается съ людьми всѣхъ слоевъ и званій, изъ которыхъ каждый разсказываетъ и свою исторію. Изъ объемистой книги Лесажа можно было бы сдѣлать сотни romans romanesques, о которыхъ теперь вновь мечтаютъ во Франціи, тогда какъ Лесажъ только намѣчаетъ положенія, разсказываетъ фабулу и предоставляетъ читателю наполнить ее психологическимъ содержаніемъ. Это изобиліе романической фантазіи, несомнѣнно, было одной изъ главныхъ причинъ популярности романовъ Лесажа. Другою причиною былъ сатирическій элементъ. Ни для кого не было тайною, что испанскія имена, испанскіе сюжеты, эпизоды испанской исторіи прикрывали только картину французскаго общества, которое представлялось автору далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Въ характерѣ своей сатиры Лесажъ именно и отличается отъ своихъ испанскихъ образцовъ: тогда какъ испанскіе писатели со своею страстностью стремятся довести всякую отрицательную черту до ея трагическихъ послѣдствій, Лесажъ со своимъ ésprit gaulois во всемъ видитъ только предлогъ посмѣяться; десятки убійствъ совершаются у него при самомъ водевильномъ настроеніи участниковъ. Нѣтъ такого слоя современнаго автору общества, который бы не имѣлъ здѣсь своего представителя, всегда мѣтко и юмористически характеризованнаго: чванное дворянство, крупное и мелкое; духовенство со своимъ невѣжественнымъ ханжествомъ и со страшною инквизиціей, которой боится даже Асмодей (во времена Лесажа и много позже Франція была хорошо знакома съ кострами); глуповатое мѣщанство; судьи-грабители и врачи-шарлатаны; разбойники на большихъ дорогахъ; плутоватые лакеи; распутныя актрисы; придворные, преданные душой и тѣломъ интригѣ; наконецъ, безхарактерный Филиппъ IV и всесильный его любимецъ графъ Оливарезъ, столь живо знакомые намъ не своими историческими дѣяніями, а потому, что имѣли счастье жить одновременно съ величайшимъ въ мірѣ портретистомъ—Веласкезомъ,—всѣ эти лица, сословія и профессіи проходятъ передъ читателемъ въ легкихъ, но ясныхъ силуэтахъ.

Если въ лицѣ Мольера и Сервантеса Лесажъ имѣлъ великихъ предшественниковъ, то и литературное потомство его дѣлаетъ ему не мало чести. Правда, чувствительный романъ Руссо, Бернарденъ де Сенъ-Пьера и аббата Прево ничѣмъ не обязанъ Лесажу, но «Кандидъ», какъ романъ приключеній, весьма напоминаетъ его; Бомарше не только заимствовалъ изъ «Хромого бѣса» сюжетъ своей «Евгеніи», но и неподражаемая фигура севильскаго цирульника, несомнѣнно, находится въ родствѣ съ Жиль Блазомъ. Испанскій воровской романъ, конечно, не непосредственно, а черезъ Лесажа далъ много матеріала для романтическаго разбойничьяго романа, который часто имѣлъ ареной Испанію и закончился драмой знаменитаго испанскаго бандита и гранда—Эрнани. Богатая фантазія старшаго Дюма опять воскресила романъ приключеній, а столь славный въ свое время «Рокамболь» Понсонъ-дю-Терайля есть ни болѣе, ни менѣе, какъ возрожденный «Жиль Блазъ». Въ Россіи Лесажъ всегда пользовался большою популярностью: начиная съ XVIII столѣтія, почти каждое поколѣніе переводитъ заново его главнѣйшія произведенія. Наконецъ, по нашему убѣжденію, Лесажъ служилъ источникомъ одного изъ величайшихъ произведеній русской поэзіи: миѳическаго Ченстона, которому Пушкинъ приписалъ своего «Скупого рыцаря», вѣроятно, никогда не найдутъ, тогда какъ фабула этого шекспировскаго отрывка почти въ томъ же видѣ имѣется въ «Жиль Блазѣ» (кн. IX, гл. 11).

Лежащіе передъ нами переводы двухъ крупнѣйшихъ романовъ Лесажа весьма посредственны; они, правда, написаны довольно гладкимъ языкомъ, но это та гладкость, которая достигается безцеремоннымъ отношеніемъ къ подлиннику. Переводчикъ «Жиль Блаза» то и дѣло вставляетъ русскія поговорки съ прибав-

кой «какъ говорится». «Біографія», предпосланная «Хромому бѣсу», есть изложеніе давно устарѣвшей статьи Сентъ-Бёва, на котораго, впрочемъ, сдѣлана ссылка, а «критическій очеркъ», приложенный къ «Жиль Блазу», хотя и указываетъ нѣсколько «пособій», составленъ вполнѣ ремесленно, изобилуетъ общими мѣстами, банальными метафорами и гиперболами и даетъ слабое представленіе о значеніи превозносимаго автора. *Е. Дегенъ.*

Джонатанъ Свифтъ. Путешествія Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго и В. Яковенко. Съ портретомъ автора и рисунками. Москва, 1901 г. Изъ всей англійской литературы XVIII вѣка два авторскихъ имени, двѣ книги выдержали испытаніе времени на ряду съ величайшими произведеніями человѣческой фантазіи: Де-Фо и Свифтъ, «Робинзонъ Крузо» и «Гулливеръ». Правда, потомство не постѣснилось сдѣлать изъ этихъ глубокомысленныхъ книгъ дѣтскія сказки, также какъ изъ еще болѣе геніальнаго романа Сервантеса, за то во всей Европѣ, вѣроятно, нѣтъ ни одного школяра, которому не были бы близки фигуры Гулливера, Робинзона и Донъ-Кихота. Болѣе всѣхъ отъ этого превращенія пострадалъ, безъ сомнѣнія, Гулливеръ: похожденія ламанчскаго рыцаря сохраняютъ свой художественный юморъ, несмотря на урѣзки, поэзія самодѣятельности на лонѣ природы, столь привлекающая дѣтское воображеніе при чтеніи «Робинзона», также не могла быть уничтожена никакими передѣлками и искаженіями, тогда какъ похожденія Гулливера по странамъ, населеннымъ карликами или великанами; безъ общественно-сатирической подкладки, составляющей главную ихъ соль, имѣютъ лишь интересъ неправдоподобности. Гулливеръ самъ по себѣ, какъ типъ, не имѣетъ никакого значенія; геніальная изобрѣтательность Свифта въ этомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ его сочиненіяхъ, не имѣетъ характера художественной фантазіи. Не неожиданные повороты фабулы привлекаютъ здѣсь читателя, а ѣдкое остроуміе, холодный и вмѣстѣ съ тѣмъ убійственный сарказмъ, съ которымъ авторъ хладнокровно развѣнчиваетъ все, что принято считать возвышеннымъ и красивымъ. Въ формѣ безыскусственнаго дѣлового и точнаго корабельнаго журнала авторъ даетъ не только политическій памфлетъ, злую партійную каррикатуру, но сатиру на всю человѣческую натуру, самую безпощадую и пессимистическую, быть можетъ, какая когда-либо была написана. Сатира Свифта захватываетъ читателя не только, какъ картина общественныхъ несовершенствъ, но и какъ человѣческій документъ. Вмѣстѣ съ тонкимъ и проницательнымъ умомъ, отъ котораго никакія традиціонныя, всѣми почитаемыя ширмы не могутъ скрыть убожества дѣйствительнаго содержанія жизни, мы наблюдаемъ здѣсь и глубоко несчастную душу самого автора: онъ презираетъ людей и издѣвается надъ ними съ тѣмъ болѣе ядовитою горечью, что чувствуетъ въ себѣ зародыши тѣхъ же общихъ недуговъ, тѣхъ же дурныхъ поползновеній. Въ этомъ заключается трагизмъ всей печальной жизни Свифта. Онъ видѣлъ жалкую подкладку всѣхъ величій и велъ непрестанную, непримиримую борьбу съ антиобщественными силами, но при этомъ онъ самъ страстно жаждалъ стоять въ первыхъ рядахъ этого испорченнаго общества, чувствуя себя головою выше всѣхъ этихъ властъ имущихъ любимцевъ судьбы, и озлоблялся еще болѣе, убѣждаясь, что глупость и низость—лучшія орудія въ борьбѣ за существованіе, нежели умъ и геніальность. Если въ дѣйствительной жизни онъ терпѣлъ пораженія, то своими сочиненіями онъ съ лихвой отомстилъ своимъ врагамъ и всѣмъ ихъ нисходящимъ поколѣніямъ: сатира Свифта стала національнымъ достояніемъ Англіи, его остроты, опредѣленія, каррикатурные портреты до сихъ поръ примѣняются въ общественной и партійной борьбѣ, когда нужно особенно больно уколоть противника. Тэнъ удачно сопоставляетъ Свифта съ Вольтеромъ въ ихъ способѣ иронизировать и насмѣхаться: французъ «въ одинъ моментъ, изъ потребности дѣйство-

вать, наноситъ ударъ, ласкаетъ, сто разъ перемѣняетъ тонъ, выраженіе лица, съ рѣзкими движеніями, внезапными скачками; онъ иногда ребенокъ, онъ всегда свѣтскій человѣкъ, обладающій вкусомъ и владѣющій разговоромъ». Англичанинъ, какъ умъ положительный, «слишкомъ солиденъ и слишкомъ сухъ, чтобы быть пріятнымъ и веселымъ. Когда онъ встрѣчаетъ смѣшную черту, ему не доставляетъ удовольствія слегка коснуться ея, онъ изучаетъ ее; онъ вникаетъ въ нее серьезно, онъ основательно овладѣваетъ ею, онъ знаетъ всѣ ея подраздѣленія и всѣ доказательства противъ нея». Здѣсь сказывается разница между человѣкомъ, привыкшимъ вести остроумные споры въ философскомъ обществѣ салоновъ, и политическимъ бойцомъ, дрессированнымъ въ атмосферѣ борьбы на животъ и на смерть.

«Путешествіе Гулливера» въ разсматриваемомъ здѣсь изданіи представляетъ единственный полный переводъ этого замѣчательнаго произведенія на русскій языкъ (г. Канчаловскому принадлежитъ также единственный полный переводъ «Робинзона Крузо») и исполненъ прекрасно со стороны языка. Можно указать только нѣкоторые, не частые, впрочемъ, провинціализмы, напр., «блукающій» (стр. 309), «нанимать» въ смыслѣ отдавать внаймы (стр. 272) и т. п. Переводъ этотъ появляется уже вторымъ изданіемъ,— первое вышло въ 1889 г. Онъ въ достаточной мѣрѣ снабженъ примѣчаніями, часто облегчающими полное пониманіе сатиры Свифта. Къ сожалѣнію, вступительный критико-біографическій очеркъ, переведенный съ англійскаго, имѣетъ черезчуръ морализующій характеръ и мало соотвѣтствуетъ потребностямъ и вкусу русскаго читателя.

Е. Дегенъ.

СБОРНИКИ.

«Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая».

Литературно-художественный сборникъ «Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая». Спб. 2902 г. Ц. 3 р. 50 к. Неурожай, постигшій въ прошломъ году нѣкоторыя мѣстности на югѣ, захватилъ и значительную часть еврейскаго населенія врасплохъ. Мелкій рабочій людъ южныхъ мѣстечекъ, большею частью состоящій изъ евревъ-мастеровыхъ, колонисты-евреи и евреи-арендаторы, въ огромной массѣ, оказались въ крайней нуждѣ. И при обычныхъ условіяхъ, жизнь еврейской массы представляетъ одну вопіющую о помощи нужду, а неурожай подорвалъ въ самомъ корнѣ существованіе этой массы, лишивъ ее и того несчастнаго заработка, какой она имѣла въ видѣ всякой случайной работы на мѣстѣ, такъ какъ неурожай сократилъ въ значительной части всякіе мѣстные заработки. Въ виду этого явилась мысль у нѣсколькихъ русскихъ писателей издать настоящій сборникъ въ пользу еврейскаго населенія этихъ мѣстностей.

Сборникъ составленъ не только интересно, но и изданъ превосходно. Огромный томъ въ 500 страницъ in folio, съ великолѣпными, оригинальными иллюстраціями художниковъ—Пастернака, Сѣрова, Архипова, Переплетчикова, Иванова, Полѣнова, Левитина, Рѣпина, съ автографами Зола, Тургенева, Герцена, содержитъ какъ беллетрическія произведенія, такъ и научныя и публицистическія статьи извѣстныхъ русскихъ писателей и ученыхъ. Открывается сборникъ чудеснымъ стихотвореніемъ въ прозѣ Вл. Короленки «Огоньки», которое превосходно иллюстрируетъ основную, братскую идею сборника.

«Какъ-то давно, темнымъ осеннимъ вечеромъ, случилось мнѣ плыть по угрюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ, на поворотѣ рѣки, впереди, подъ темными горами мелькнулъ огонекъ.

«Мелькнулъ ярко, сильно, совсѣмъ близко...

«—Ну, слава Богу!—сказалъ я съ радостью,—деревня, близко ночлегъ!

«Гребецъ-сибирякъ повернулся, посмотрѣлъ черезъ плечо на огонь и опять апатично налегъ на весла.

«—Далече!

«Я не повѣрилъ: огонекъ такъ и стоялъ, выступая впередъ изъ неопредѣленной тьмы. Но гребецъ былъ правъ: оказалось, дѣйствительно, далеко.

«Свойство этихъ ночныхъ огней — приближаться, побѣждая тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить своею близостью. Кажется, вотъ-вотъ еще два-три удара весломъ,—и путь конченъ... А между тѣмъ далеко!..

«И долго еще мы плыли по угрюмой и мрачной, какъ чернила, рѣкѣ. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, въ безконечной дали, а огонекъ все стоялъ впереди, переливаясь и маня,—все такъ же близко, и все такъ же далеко...

«Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше, и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

«Но все-таки... все-таки впереди огни!..»

Пусть же и настоящій починъ дружной семьи русскихъ литераторовъ, художниковъ и ученыхъ будетъ тѣмъ «огонькомъ», который, мелькнувъ во мракѣ ночи, служитъ отрадной надеждой для усталыхъ путниковъ, что «близокъ ночлегъ», гдѣ не будетъ «ни еврея ни эллина», а всѣ—братья. Если такія произведенія, какъ пресловутые «Сыны Израиля» гг. Литвина и Крылова, въ своемъ позорномъ шествіи по Россіи, возбуждаютъ всюду племенную вражду, рознь и ненависть, то иное чувство и иное настроеніе возбудитъ настоящій сборникъ, въ которомъ читатели найдутъ имена любимыхъ писателей и уважаемыхъ ученыхъ. Изъ беллетристовъ приняли участіе гг. Короленко, Гаринъ, М. Горькій («Старый еврей», «Погромъ»), Мельшинъ («Ферганскій орленокъ»), Семенъ Юшкевичъ («Невинные»), Вересаевъ («Изъ Гезіода»), П. Я. («Сонъ на чужбинѣ», «Именемъ любви») и др. Необычайно сильное впечатлѣніе производитъ разсказъ М. Горькаго «Погромъ», рисующій картину одного изъ тѣхъ еврейскихъ погромовъ, которыми была ознаменована первая половина 80-хъ годовъ. Описанный имъ погромъ былъ въ Нижнемъ въ 84-омъ году, и отъ всѣхъ другихъ того времени отличался страшной свирѣпостью толпы, растерзавшей девять человѣкъ, въ томъ числѣ одного старика, молодую дѣвушку и двоихъ дѣтей. Г. Вересаевъ далъ прекрасный переводъ изъ Гезіода («Труды и дни»):

... Позднѣе
Родиться или раньше умереть
Хотѣлъ бы я. Теперь мнѣ страшно жить:
Нашъ вѣкъ—желѣзный вѣкъ; и днемъ, и ночью
Земля дрожитъ отъ стоновъ человѣка;
Въ тоскѣ тяжелой все вокругъ примолкло,
И недалекъ ужъ часъ, когда отличіе
Добра отъ зла исчезнетъ для людей.
Другъ перестанетъ друга понимать,
Отецъ—дѣтей своихъ, хозяинъ—гостя...
И честность, и любовь, и честь, и правда
Растопчутся безъ страха; предъ злодѣемъ,
Обрызганнымъ кровавыми слезами,
Склонятся всѣ въ нѣмомъ благоговѣньи;
Кулакъ смѣнитъ права; довѣрье къ людямъ
Встрѣчаться будетъ хохотомъ; борьба,
Борьба слѣпая встанетъ средь людей,
Отъ злобы озвѣрѣвшихъ...
И тогда,

Закрывъ лицо одеждой бѣлоснѣжной,
Съ земли широкой отлетятъ на небо
И Стыдъ, и Совѣсть. Въ безпросвѣтномъ мракѣ
Застонутъ всѣ. Предѣла злу не будетъ.

Еще богаче отдѣлъ научный и публицистическій. Такія имена, какъ проф. Чупрова, Чичерина, Тимирязева, Сѣченова, Кизеветтера, Герье, Стороженко, М. Ковалевскаго, Мищенко, ученыхъ и публицистовъ—П. Струве, С. Булгакова, Обнинскаго, Туганъ-Барановскаго, Вл. Соловьева и др.—достаточно опредѣляютъ научно-публицистическое содержаніе этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго сборника. Изъ всѣхъ изданій такого рода онъ напоминаетъ намъ извѣстный сборникъ «Въ помощь голодающимъ», изданный редакціей «Рус. Вѣдомостей» въ 1891 г., имѣвшій такой блестящій успѣхъ. Отъ души желаемъ, чтобы и сборникъ «Помощь евреямъ» разошелся также быстро и далъ такой же прекрасный результатъ. Со стороны редакціи и ея сотрудниковъ сдѣлано все, чтобы удовлетворить самый строгій вкусъ, а симпатичная, глубоко гуманная цѣль сборника должна привлечь къ нему живѣйшее сочувствіе всѣхъ, въ комъ дѣло братской любви способно вызвать откликъ и возбудить благородный порывъ.

А. Б.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ.

Г. Брандесъ. «Шекспиръ, его жизнь и произведенія». Т. I и II.—Ю. Озаровскій. «Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ».

Георгъ Брандесъ. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Переводъ В. М. Спасской и В. М. Фриче, подъ редакціей Н. И. Стороженка, съ предисловіемъ и примѣчаніями редактора. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Томъ I. Москва 1899. Томъ II. Москва. 1901 г. Основная задача психологическаго метода, которому, какъ извѣстно, слѣдуетъ Брандесъ, заключается въ томъ, чтобы найти въ произведеніи литературы черты психологіи его автора, а психологію эту, въ свою очередь, привести въ связь съ условіями данной среды и даннаго историческаго момента. Въ послѣднемъ отношеніи методъ Брандеса соприкасается съ такъ называемой научной критикой Тэна, идеямъ котораго датскій критикъ, несомнѣнно, весьма многимъ обязанъ. Разница между обоими изслѣдователями сводится къ тому, что Брандесъ центромъ своихъ разысканій дѣлаетъ картину духовной жизни художника и интересуется его произведеніями лишь какъ наиболѣе яркимъ и полнымъ отраженіемъ души автора, и историческимъ фономъ, какъ комментаріемъ къ ея уразумѣнію, тогда какъ у Тэна творческая личность отодвигается на задній планъ и произведенія искусства разсматриваются исключительно, какъ результатъ взаимодѣйствія безличныхъ силъ, природныхъ, расовыхъ и историческихъ факторовъ.

Когда дѣло идетъ о писателѣ болѣе или менѣе новаго времени, біографію котораго мы можемъ изучить со всею подробностью, то приложеніе психологическаго метода не представляетъ въ большинствѣ случаевъ особенной трудности. На основаніи писемъ, указаній современниковъ, а часто и прямыхъ признаній авторовъ, можно довольно вѣрно судить о тѣхъ чувствахъ и настроеніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ создалось то или иное произведеніе. Изученіе безспорныхъ случаевъ показываетъ, что нѣтъ такой объективной литературной формы, въ которой бы такъ или иначе, сознательно или безсознательно не выразилось душевное состояніе писателя. Достаточно вспомнить, сколько лично пережитого и продуманнаго заключается въ романахъ Толстого или въ драмахъ Ибсена. Послѣдній высказалъ по этому поводу весьма знаменательныя слова, которыя,

конечно, относятся не къ нему одному. «Я влагалъ въ свое творчество,—говоритъ онъ,—то, что стояло, такъ сказать, выше моего обыденнаго *я*, и прибѣгалъ къ этому за тѣмъ, чтобы оно лучше сохранилось внѣ меня и во мнѣ самомъ. Но я вкладывалъ въ свои произведенія и какъ разъ противоположное,—то, что, при углубленіи въ самого себя кажется намъ отбросами и подонками собственной души. Въ этомъ случаѣ я смотрѣлъ на творчество, какъ на омовеніе, послѣ котораго я чувствовалъ себя чище, здоровѣе и свободнѣе... Нельзя въ художественной формѣ изобразить что-либо такое, что до извѣстной степени или по крайней мѣрѣ въ извѣстное время не имѣетъ первообраза въ насъ самихъ».

И эту связь между творчествомъ и индивидуальностью автора въ данныхъ случаяхъ не трудно бываетъ прослѣдить. Но представимъ себѣ, что черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ наши потомки не имѣли бы другихъ біографическихъ данныхъ, напр., о Толстомъ, кромѣ того, что онъ провелъ очень разсѣянную юность, чуждую какихъ либо общественныхъ настроеній, затѣмъ поступилъ въ военную службу, сражался въ Севастополѣ, жилъ на Кавказѣ, затѣмъ вышелъ въ отставку, занимался сельскимъ хозяйствомъ, женился, имѣлъ много дѣтей, состоялъ въ пріятельствѣ съ Фетомъ и во враждѣ съ Тургеневымъ, написалъ комплиментъ «Сѣверному Вѣстнику» и отдалъ одинъ изъ величайшихъ своихъ романовъ для напечатанія въ «Ниву». Какую массу остроумныхъ и все-таки нелѣпыхъ догадокъ могли бы сдѣлать историки литературы для объясненія произведеній Толстого! Конечно, многіе пришли бы къ заключенію, что между жизнью и творчествомъ его нѣтъ никакой связи, что Пьеръ Безухой, Андрей Болконскій, Левинъ и Нехлюдовъ представляютъ чисто объективные типы, созданные геніальнымъ наблюдателемъ, а кто-нибудь, быть можетъ, построилъ бы смѣлую гипотезу, что гр. Л. Н. Толстой не могъ быть авторомъ «Войны и Мира», что онъ просто прикрылъ своимъ именемъ авторство своего родственника гр. Дм. А. Толстого, которому неудобно было выступать въ качествѣ литератора.

Почти въ такомъ положеніи находится современная намъ критика по отношенію къ Шекспиру. Все, что извѣстно объ его жизни, весьма мало вяжется съ его драмами; отсюда столько усилій безчисленныхъ изслѣдователей построить теорію, по которой геніальный художникъ можетъ создавать образы не умирающаго значенія, оставаясь самъ ничтожнѣйшимъ «изъ дѣтей ничтожныхъ міра»; отсюда и нелѣпая гипотеза о томъ, что авторомъ «Гамлета» и «Лира» былъ не Вильямъ Шекспиръ, посредственный актеръ и кутила, впослѣдствіи разбогатѣвшій сомнительными средствами, а ученый философъ и государственный дѣятель Френсисъ Беконъ. Всѣ эти построенія и домыслы не могутъ быть опровергнуты безспорными фактическими данными, поэтому парадоксальные и эксцентрическіе умы будутъ, вѣроятно, еще долго возвращаться къ этимъ воздушнымъ замкамъ, и только логическимъ путемъ, при помощи аналогіи и вѣроятности, можно вывести нѣкоторыя болѣе или менѣе правдоподобныя заключенія.

Для психологическаго метода Брандеса предстояла въ данномъ случаѣ трудная, но и заманчивая задача конструировать психологію генія на основаніи его произведеній и общихъ данныхъ объ исторической эпохѣ, притомъ такъ, чтобы оставить мѣсто для несомнѣнныхъ фактовъ его біографіи, которые, правда, весьма немногочисленны, но тѣмъ не менѣе доставляютъ изслѣдователю почти непреодолимыя трудности. Отъ надежды добыть безспорную истину надо было a priori отказаться. Если бы паче чаянія былъ открытъ какой-нибудь достовѣрный документъ о жизни Шекспира, кто знаетъ, сколько предположеній Брандеса оказались бы неосновательными и какъ неожиданно и просто объяснились бы многія подробности, которыя теперь вызываютъ одно недоумѣніе! Для примѣра неустойчивости всевозможныхъ

остроумныхъ домысловъ передъ лаконическими, но неотразимыми фактами укажемъ на гипотезу Брандеса о томъ, кто служилъ оригиналомъ для жестокой «смуглой лэди» Шекспировскихъ сонетовъ. Эта «смуглая лэди» стоила уже неимовѣрныхъ умственныхъ усилій всѣмъ шекспирологамъ, и до сихъ поръ ничего приближающагося къ истинѣ добыть никому не удалось. Брандесъ, вслѣдъ за нѣкоторыми другими изслѣдователями, видитъ образецъ этой «лэди», какъ и многихъ изъ женскихъ типовъ шекспировскихъ драмъ, въ личности фрейлины королевы Елизаветы Мэри Фиттонъ. Все построеніе, по крайней мѣрѣ по отношенію къ сонетамъ, кажется вполнѣ естественнымъ и пріемлемымъ. Но вотъ, какъ указываетъ проф. Н. И. Стороженко, найдены два хорошо сохранившіеся портрета этой лэди, «на которыхъ она изображена блондинкой съ бѣлымъ цвѣтомъ лица и сѣрыми глазами»,—и весь трудъ Брандеса и его предшественниковъ пропалъ даромъ.

Однако, при всѣхъ возможныхъ частныхъ ошибкахъ, основная мысль Брандеса правильна: произведенія Шекспира, какъ и всякаго другого художника, *должны* отражать исторію его души въ ея послѣдовательномъ развитіи, и найти слѣды его личности въ характерахъ, поступкахъ и рѣчахъ его героевъ — одна изъ крупнѣйшихъ проблемъ исторіи литературы. Въ предисловіи къ русскому переводу книги Брандеса проф. Н. И. Стороженко, такой знатокъ шекспировской литературы и самъ столь осторожный изслѣдователь, вовсе не склонный преувеличивать достоинства критическихъ работъ Брандеса, указывая на нѣкоторыя сужденія датскаго писателя, которыя онъ считаетъ устарѣвшими или неточными,—въ общемъ отзывается съ большою похвалою о данной работѣ; она отличается, по компетентному мнѣнію московскаго профессора, «тонкостью психологическаго анализа, умѣньемъ читать между строками, мѣткостью характеристикъ, острымъ чутьемъ всего поэтическаго и замѣчательнымъ мастерствомъ изложенія. Она читается какъ самый интересный культурно-историческій романъ, который всякій начавшій читать непремѣнно прочтетъ до конца и вынесетъ изъ нея, помимо убѣжденія въ тѣсной связи жизни Шекспира съ его произведеніями, ту же любовь къ Шекспиру, какъ человѣку, и то же благоговѣніе къ его генію, которыя водили перомъ ея даровитаго автора». Чтобы наслаждаться природой, нужно умѣть смотрѣть на нее; чтобы находить удовольствіе въ произведеніяхъ художественной литературы, особенно давно минувшихъ временъ, необходимо умѣть ихъ читать; по мнѣнію Брандеса, для этого нужно приступать къ нимъ «съ чуткимъ сердцемъ, здравымъ умомъ и съ непосредственнымъ пониманіемъ всего геніальнаго»; онъ забылъ еще прибавить—съ достаточною историческою подготовкою, которая служитъ лучшимъ условіемъ для развитія вышеуказанныхъ цѣнныхъ качествъ. Въ наше время (да и не только въ наше) нерѣдко встрѣтить со стороны такъ называемыхъ читателей отношеніе къ Шекспиру, какъ къ почтенному имени, славу котораго почему то принято возносить до недосягаемой высоты, но въ сущности всѣ эти классики довольно-таки скучны. Дайте обыкновенному читателю въ руки не только «Бурю» или «Цимбелина», но «Лира», «Гамлета», «Ромео и Юлію», если только эти образы не стали ему близки въ изображеніи Росси или Томазо Сальвини, и пусть онъ изложитъ вамъ, что онъ вынесъ изъ этого чтенія; мы убѣждены, что въ большинствѣ случаевъ такой читатель ограничится нѣсколькими банальными фразами, которыя онъ припомнитъ изъ ораторскихъ попытокъ своего учителя словесности. Его смутитъ наивность, часто непослѣдовательность фабулы; онъ посмѣется надъ историческими анахронизмами; онъ найдетъ въ монологахъ много напыщенности, а въ діалогахъ излишнее словопреніе; герои покажутся ему ходульными, шуты прѣсными, женщины слащавыми; многое будетъ ему совсѣмъ непонятно; многія интереснѣйшія черты онъ пропуститъ безъ вниманія. Но пусть тотъ же читатель, если онъ дѣйстви-

тельно способенъ воспринимать прекрасное, приступитъ къ Шекспиру подъ руководствомъ Брандеса: мы не сомнѣваемся, что внимательное чтеніе одной этой книги будетъ достаточно, чтобы величіе Шекспира и его образовъ стало понятно профану.

Брандесъ даетъ прежде всего всѣ необходимыя историческія и историко-литературныя данныя, раскрывающія передъ читателямъ тотъ дѣйствительный и идейный міръ, на фонѣ котораго развился самъ авторъ и возникли его произведенія. Въ этой области, конечно, Брандесу едва ли удалось открыть что-нибудь существенно-новое, что бы десятки разъ не было сообщено англійскими и нѣмецкими комментаторами Шекспира, но благодаря изобразительному таланту Брандеса всѣ эти факты не остаются отвлеченными свѣдѣніями, но сливаются въ яркія картины. Съ необыкновеннымъ мастерствомъ устанавливаетъ онъ нѣсколькими остроумными соображеніями критику текста, которою нѣмецкіе изслѣдователи обыкновенно такъ изнуряютъ даже спеціально подготовленнаго читателя. Отдѣливъ то, что принадлежитъ источникамъ Шекспира, опредѣливъ вѣроятную дату данной драмы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣсто ея въ психологической біографіи автора, указавъ тѣ черты, въ которыхъ отразились историческія лица и событія, критикъ приступаетъ къ главной своей задачѣ—къ разъясненію смысла драмы и характеровъ дѣйствующихъ лицъ съ точки зрѣнія психологіи автора. Все творчество Шекспира становится какъ бы однимъ художественнымъ произведеніемъ, герой котораго самъ авторъ. Предъ нами проходитъ драма великаго человѣка во всѣхъ фазисахъ: юношеская полнота силъ и жизнерадостность, беззавѣтная вѣра въ людей, разочарованіе въ тѣхъ именно людяхъ, которые казались особенно достойными любви и довѣрія, тяжелый опытъ авторской и артистической жизни, горькія наблюденія надъ событіями общественнаго характеръ; прежняя довѣрчивость и веселая уравновѣшенность смѣняются скептицизмомъ и угнетеннымъ настроеніемъ; скептицизмъ усиливается до пессимизма, а затѣмъ вызываетъ могучій взрывъ ненависти и презрѣнія къ людямъ; наконецъ, опять умиротвореніе, возвращеніе къ поэзіи и къ вѣрѣ въ свѣтлыя стороны человѣческой души. На вопросъ, какіе факты, какія коллизіи создавали эту эволюцію душевныхъ состояній, безъ исключенія во всѣхъ случаяхъ приходится отвѣчать полнымъ невѣдѣніемъ. Нашему наблюденію доступно только отраженіе этихъ психологическихъ фазисовъ въ произведеніяхъ Шекспира. Ясно, что при этихъ условіяхъ остается большой просторъ для субъективныхъ взглядовъ каждаго изслѣдователя, не столько въ констатированіи даннаго настроенія, сколько въ обоснованіи его. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и Брандесъ оставляетъ читателя далеко неудовлетвореннымъ. Наиболѣе слабымъ намъ кажется психологическій анализъ Брандеса тамъ, гдѣ онъ старается объяснить антидемократическія чувства Шекспира. Начиная съ «Короля Іоанна», затѣмъ всѣ усиливаясь въ «Юліѣ Цезарѣ», въ «Троилѣ и Крессидѣ. въ «Тимонѣ», а особенно въ «Коріоланѣ» встрѣчается дѣйствительно много выходокъ противъ низшихъ народныхъ слоевъ, какъ противъ толпы, невѣжественной, глупой, корыстной, неблагодарной, совершенно не понимающей даже собственную пользу. Но, во-первыхъ, Брандесъ напрасно ищетъ отрицательныхъ чертъ черни, гдѣ Шекспиръ, повидимому, объ этомъ не думалъ. Такъ, критикъ считаетъ Калибана («Буря») выразителемъ взгляда автора на демократію, указывая, что Ренану въ своей извѣстной философской драмѣ легко было сдѣлать изъ этой фигуры сборище всѣхъ дурныхъ сторонъ ненавистныхъ ему народныхъ массъ. Нельзя навязывать Шекспиру отвѣтственность за міровоззрѣніе французскихъ intellectuels конца XIX вѣка. Конечно, рисуя Калибана полузвѣремъ, который гораздо легче поддается культурному воздѣйствію пьяныхъ матросовъ, чѣмъ благороднымъ усиліямъ мудраго Просперо, Шекспиръ имѣлъ въ виду только туземцевъ Америки, которые такъ занимали воображеніе современ-

ныхъ ему англичанъ; и въ своемъ взглядѣ на темнокожихъ геніальный писатель, надо признаться, не стоялъ выше своихъ современниковъ, но отсюда еще все-таки далеко до отожествленія англійскаго демоса съ хищнымъ и грубымъ животнымъ. Во-вторыхъ, Брандесъ не противопоставляетъ антидемократическимъ выходкамъ Шекспира тѣхъ мѣстъ изъ его драмъ, гдѣ высказывается болѣе человѣчное отношеніе къ низшей братіи, какъ, напр., прекрасныя слова короля Лира (III, 4) о «бездомной голытьбѣ» (Брандесъ цитируетъ эти стихи съ иною цѣлью). Но всего недостаточнѣе кажутся намъ соображенія Брандеса объ основаніяхъ враждебнаго отношенія Шекспира къ толпѣ. Критикъ указываетъ двѣ причины: весьма обильными цитатами онъ доказываетъ, что Шекспиръ имѣлъ физическое отвращеніе къ внѣшности простонародной толпы, что его отталкивалъ въ буквальномъ смыслѣ ея дурной запахъ. Въ этомъ Брандесъ видитъ тонкую артистическую организацію Шекспира. Странно съ этимъ соединяется симпатія Шекспира къ своему родному городку Стрэтфорду, нечистоплотность котораго поражала даже современниковъ и засвидѣтельствована неопровержимыми документами. Второй мотивъ болѣе вѣскій, но все-таки, по нашему мнѣнію, недостаточный. Въ наиболѣе близкое соприкосновеніе съ толпой Шекспиръ приходилъ въ театръ въ качествѣ автора и актера. Здѣсь партеръ велъ себя грубо, оскорблялъ артистовъ и драматурговъ, обнаруживалъ дурной вкусъ, короткую память къ заслугамъ и т. д. Все это, несомнѣнно, справедливо, но развѣ геніальный умъ, какимъ всюду Брандесъ изображаетъ Шекспира, можетъ строить свое міровоззрѣніе на такихъ узкихъ основаніяхъ? Развѣ грубость вкуса и поведенія лишаютъ народъ или человѣка (все равно) законныхъ правъ на гуманное къ нему отношеніе? Одно изъ двухъ, или антидемократическія вспышки Шекспира слишкомъ обобщены Брандесомъ, или вражда къ народу должна была имѣть болѣе глубокія философскія и болѣе вѣскія фактическія основанія. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ, намъ кажется, требуетъ еще болѣе тщательнаго пересмотра.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя согласиться съ выводами Брандеса, его указанія будятъ мысль и заставляютъ читателя самостоятельно рѣшать многіе вопросы, которые иначе, быть можетъ, и не возникли бы при чтеніи Шекспира. Нельзя не привѣтствовать появленія этой въ высокой степени интересной книги на русскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что она издана въ столь рѣдкомъ у насъ вполнѣ литературномъ переводѣ. *Е. Дегенъ.*

Ю. Э. Озаровскій. Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Пособіе для режиссеровъ, театральныхъ дирекцій, драматическихъ артистовъ, драматическихъ школъ, любителей драматическаго искусства. Изданіе Д. М. Мусиной. Выпускъ I. «Недоросль» Фонвизина. Умѣлая постановка на сценѣ серьезныхъ драматическихъ произведеній требуетъ отъ режиссера, съ одной стороны, обширныхъ свѣдѣній историческихъ, литературныхъ, бытовыхъ и т. п., а съ другой—художественной фантазіи, съ помощью которой только и можно превратить текстъ пьесы, самъ по себѣ безжизненный, въ живую, цѣльную и яркую картину, гдѣ каждое отдѣльное лицо и положеніе являлось бы въ органической связи съ цѣлымъ. Въ настоящее время взглядъ на сценическую постановку какъ руководителей театральнаго дѣла, такъ и публики, въ значительной степени и весьма существенно отличается отъ тѣхъ воззрѣній, какія были въ ходу лѣтъ 20—30 тому назадъ: требованія стали несравненно шире, строже, опредѣленнѣе, да и театральная техника сдѣлала огромные успѣхи. Основной принципъ современнаго театра: «Сцена есть жизнь»; соотвѣтственно этому теперь признается правильною только такое изображеніе жизни на театральныхъ подмосткахъ, въ которомъ допускается какъ можно меньше отступленій отъ дѣйствительности, исторической или современной, смотря по содержанію пьесы, какъ можно меньше того, что принято называть

сценическою условностью. Такъ, напримѣръ, декорація комнаты на сценѣ должна изображать такую комнату, въ которой въ самомъ дѣлѣ можно жить; мебель, вся обстановка, расположеніе отдѣльныхъ частей помѣщенія, костюмы, гримировка и всѣ малѣйшіе аксессуары дѣйствующихъ лицъ должны быть строго соображены съ дѣйствительностью и ни въ чемъ не нарушать общаго характера данной въ пьесѣ эпохи и бытовыхъ особенностей того круга людей который въ пьесѣ изображается. Все это теперь считается уже азбучной истиной и почти не вызываетъ возраженій; но на практикѣ дѣло «обстоитъ» далеко не такъ благополучно, особенно въ театрахъ, не располагающихъ крупными матеріальными средствами для затратъ на сложныя постановки, или тамъ, гдѣ лица, этимъ дѣломъ руководящія, не обладаютъ необходимымъ запасомъ свѣдѣній и умѣнья. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ и пускаются въ ходъ разные оправдательные софизмы, вродѣ, напр., того, что тщательная постановка пьесы отвлекаетъ вниманіе зрителей отъ главнаго, т.-е. отъ исполненія, на разныя мелочи,—движеніе облаковъ, шумъ вѣтра, живые цвѣты, настоящіе бутерброды и т. п.; но большая часть этихъ насмѣшекъ надъ «мейнингенствомъ», обличающихъ только собственное безсиліе смѣющихся, попадаетъ мимо цѣли или, какъ говаривалъ покойный Островскій, «мимо смысла»: вѣдь облака и прочіе аксессуары, если они вѣрны дѣйствительности, нисколько не оскорбляютъ художественнаго вкуса зрителей, а лишь помогаютъ цѣльности получаемаго отъ пьесы впечатлѣнія, полнотѣ сценической иллюзіи; наоборотъ, появленіе въ царскихъ покояхъ XVI-го столѣтія изящнаго позолоченнаго канделябра съ двуглавымъ орломъ самаго новѣйшаго образца, или «своя» шевелюра, выстриженная «ежикомъ», у боярина того же XVI-го вѣка грубо и безъ всякой надобности эту иллюзію нарушаютъ; а вѣдь подобные промахи мы видѣли, и не дальше, какъ два года тому назадъ, на сценѣ одного изъ лучшихъ нашихъ театровъ!

Нельзя, поэтому, не привѣтствовать интересную и полезную попытку артиста Императорскихъ театровъ г. Озаровскаго дать режиссерамъ подробное пособіе или руководство къ постановкѣ наиболѣе выдающихся, «классическихъ» пьесъ русскаго репертуара, собравъ воедино и расположивъ систематически весь относящійся къ данной пьесѣ матеріалъ, для режиссера необходимый,—литературный, историческій, бытовой, художественный и т. д.

Первый выпускъ этого изданія, только что вышедшій большой томъ въ 4-ку, посвященъ «Недорослю». Здѣсь мы находимъ, во-первыхъ, текстъ комедіи, въ полномъ его видѣ, причемъ на поляхъ особыми знаками отмѣчены тѣ «купюры», которыя дѣлаются при постановкѣ ея на Императорской сценѣ и, по нашему мнѣнію, въ виду литературнаго и историческаго значенія пьесы, не должны бы допускаться... Но, къ сожалѣнію, вѣрная передача пьесы въ томъ видѣ, какъ ее написалъ авторъ, не въ нашихъ театральныхъ нравахъ: у насъ не принято «церемониться» ни съ Фонвизиномъ, ни даже съ самимъ Шекспиромъ, не говоря уже о какомъ-то Островскомъ, изъ котораго безъ всякаго стѣсненія «херятъ» цѣлые акты («Послѣдняя жертва»), а не только отдѣльныя фразы. Редакторъ изданія, видимо, и самъ находитъ этотъ порядокъ нормальнымъ, потому что нигдѣ ни словомъ не обмолвился противъ него. . Текстъ «Недоросля» напечатанъ, въ общемъ, исправно; мы замѣтили, однако, при бѣгломъ просмотрѣ, два три искаженія. Такъ, на стр. 4 Простакова говоритъ: «Каковъ кафтанецъ? Тришка сшить изволилъ» Здѣсь вопросительный знакъ долженъ быть переставленъ послѣ слова: «изволилъ». На стр. 7, въ текстѣ и въ примѣчаніи, извѣстные пироги называются подовыми, между тѣмъ какъ вездѣ въ Россіи ихъ зовутъ подóвыми; точно также нельзя говорить: «шелепами», какъ рекомендуется на стр. 58, а надо говорить: «шелепáми». Къ тексту сдѣлано нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній, содержаніе которыхъ показываетъ, что составитель ихъ имѣлъ въ виду читателей очень... «просто-

душныхъ»: такъ, напр., онъ нашелъ необходимымъ пояснить, что «первое, второе» значитъ: «во-первыхъ, во-вторыхъ»; «возьмутся мѣры» значитъ: «найдутся» (вѣрнѣе было бы сказать: «будутъ приняты»); «зады»—«ранѣе изученное»; «на земи»—на землѣ, «наприкладъ»—напримѣръ, и т. п. Должно быть, подобныя поясненія обязаны своимъ происхожденіемъ извѣстному заявленію о ненадобности наукъ для актера, сдѣланному на театральномъ съѣздѣ; но вѣдь смѣло можно сказать, что сочувствующіе этому заявленію и въ руки не возьмутъ книги г. Озаровскаго!

За текстомъ «Недоросля» слѣдуетъ небольшая біографія Фонвизина, характеристика его литературной дѣятельности, замѣтки объ исторіи «Недоросля» на сценѣ и объ изображенной въ комедіи эпохѣ. Очеркъ этотъ составленъ г. Варнеке и иллюстрированъ портретами какъ самого Фонвизина, такъ и главнѣйшихъ исполнителей «Недоросля» въ старое и новѣйшее время.

Далѣе слѣдуетъ третій отдѣлъ книги—художественно-режиссерскій. Здѣсь, прежде всего, подъ названіемъ «матеріаловъ для характеристики» лицъ комедіи, собрано все то, что о каждомъ изъ нихъ говорится въ текстѣ пьесы; затѣмъ даны «мотивы» грима, причесокъ и костюмовъ всѣхъ лицъ, мотивы декорацій, обстановки и мебели,—въ рядѣ рисунковъ гг. Воскресенскаго, Пономарева, бар. Клодта и Янова. Авторы этихъ рисунковъ оговариваются, что они вовсе не претендуютъ на какую-либо художественно-законченную иллюстрацію типовъ безсмертной комедіи,—что ихъ рисунки не больше, какъ *намеки*. На нашъ взглядъ, большинство этихъ рисунковъ очень хороши и типичны; неудачнымъ вышелъ только Простаковъ, лицу котораго придано очень интеллигентное выраженіе,—словно это какой то энциклопедистъ! — а для «комизма» пришиты къ нему толстѣйшія губы; неудаченъ также и Вральманъ, потому что изображаетъ покойнаго исполнителя этой роли Трофимова, съ его характернымъ носомъ, изъ-за котораго артистъ съ кѣмъ-то даже печатно ссорился...

Едва ли не самую интересную часть книги представляетъ скомпонованная г. Озаровскимъ «примѣрная mise en scène» комедіи. Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ подробно остановиться на разборѣ этой наиболѣе самостоятельной части труда г. Озаровскаго; общее наше впечатлѣніе таково, что при всемъ стараніи разработать возможно лучше постановку пьесы, у г. Озаровскаго недостало изобрѣтательности: дѣйствующія лица у него «толкутся» на сценѣ, дѣлая иногда совсѣмъ неудобные переходы, напр., между столомъ и скамьей,—а «движенія» въ истинномъ смыслѣ этого слова, видно мало. Впрочемъ, надо оговориться, что режиссеръ многое предоставляетъ собственной изобрѣтательности исполнителей, давая только общую схему дѣйствія. Насколько такой пріемъ правиленъ по существу, объ этомъ, конечно, можно спорить.

Не совсѣмъ согласны мы также и съ проектируемой для «Недоросля» декораціей и обстановкой. Стѣны въ гостиной Простаковыхъ едва ли могли быть обтянуты «бѣлымъ крашенымъ полотномъ, кое-гдѣ прорвавшимся и обнаруживающимъ деревянный срубъ зданія». Вѣрнѣе предположить ихъ оштукатуренными, а если обтянутыми, то, во всякомъ случаѣ, не полотномъ, а холстомъ, выкрашеннымъ не въ бѣлый, а въ «дикій» цвѣтъ. Простыя скамейки вдоль стѣнъ этой же гостиной, рядомъ съ софой и обитыми креслами, кажутся неумѣстными, точно такъ же, какъ и полки съ посудой на стѣнахъ, когда тутъ же стоитъ для посуды шкафъ. Вѣдь Простаковы если и не важные господа, то, всеже, не какіе-нибудь захудалые однодворцы; въ ихъ домашней обстановкѣ должно сказываться извѣстное стремленіе быть «не хуже другихъ». Напр., на стѣнахъ непремѣнно должно повѣсить хоть одинъ масляными красками писанный портретъ родственника или какой-нибудь «особы». А проектированная режиссеромъ полка «съ книгами и учебными пособіями Митрофана»—совсѣмъ лишняя: какія у него могутъ быть книги, да еще и учебныя пособія? ужъ

не глобусъ ли? Кутейкинъ носитъ съ собой Часословъ, Цыфиркинъ ходитъ съ доской и грифелемъ,—вотъ и весь реквизитъ митрофановой премудрости!

Впрочемъ, все это—мелкіе недочеты, отнюдь не уменьшающіе несомнѣнныхъ достоинствъ оригинально задуманнаго и старательно выполненнаго изданія, которому нельзя не пожелать возможно болѣе полнаго успѣха, въ интересахъ нашего театральнаго дѣла.

Въ слѣдующемъ выпускѣ обѣщано «Горе отъ ума», постановкѣ котораго недавно посвятилъ статью П. П. Гнѣдичъ, въ «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ». *П. М—въ.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

В. О. Ключевскій. «Краткое пособіе по русской исторіи».—*Больтонъ Кингъ.* «Исторія объединенія Италіи».

Проф. В. О. Ключевскій. Краткое пособіе по русской исторіи. Частное изданіе только для слушателей автора. 2-е изданіе, съ дополненіями. М. 1901 г. in 8-vo, Стр. 2 нен.+166. Ц. 60 коп. «Пособіе» г. Ключевскаго издано съ разрѣшенія университетской цензуры, представляетъ изъ себя передѣлку общаго курса русской исторіи, много лѣтъ читаемаго авторомъ въ московскомъ университетѣ; на обложкѣ «пособія» значится, что оно предназначено *«только для слушателей автора»*, а въ текстѣ рядъ ссылокъ на *«Учебную книгу русской исторіи»* С. М. Соловьева, имѣющихъ цѣлью изобразить изъ «пособія» какъ бы комментарій къ отдѣльнымъ главамъ сочиненія Соловьева, а не самостоятельную работу. «Краткое пособіе» издано, между тѣмъ, въ количествѣ 6.100 экземпляровъ, на обложкѣ обозначена не только цѣна, но указанъ и складъ изданія въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, продается пособіе обычнымъ путемъ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Такимъ образомъ, указанные выше университетская цензура, слушатели автора и самъ его учитель Соловьевъ потревожены ради обстановки, представляющей результатъ обычнаго оригинальничанья почтеннаго московскаго профессора. Второе изданіе весьма быстро послѣдовало вслѣдъ за первымъ—знакъ, что книжка была выпущена во время и сразу же напала на опредѣленную публику; несмотря на нѣкоторыя существенныя неудобства, книжка г. Ключевскаго нашла доступъ въ среднюю школу, которой черезчуръ успѣли надоѣсть архаическіе учебники гг. Иловайскихъ и Елпатьевскихъ. Книжка г. Ключевскаго, хотя бы искусственно пристегнутая къ фактическому разсказу Соловьева, пригодна и для цѣлей самообразованія, тогда какъ самъ авторъ, повидимому, не предназначалъ ее первоначально ни для публики вообще, ни для средней школы, ни для цѣлей самообразованія, а просто для лицъ, имѣющихъ по окончаніи университетскаго курса, держать экзаменъ въ государственныхъ коммиссіяхъ, и при *второмъ* изданіи не устранилъ ее изъ неподходящей къ ней и указанной выше обстановки. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію опредѣленныхъ указаній со стороны самого г. Ключевскаго, критика поставлена въ очень затруднительное положеніе и вынуждена начинать съ неблагодарнаго указанія на *неопредѣленность цѣли*, какую преслѣдовалъ въ книжкѣ авторъ.

Но какъ бы ни понималъ г. Ключевскій свою задачу, какъ бы ни старался упрекнуть критику въ томъ, что она навязываетъ ему цѣли, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду и даже сознательно не хотѣлъ преслѣдовать, все-таки останется въ силѣ замѣчаніе относительно далеко *неравномѣрной разработки главной темы*. Книжку г. Ключевскаго было бы правильнѣе наименовать «краткимъ пособіемъ по *древней* русской исторіи», а не по русской

исторія вообще. Собственно текста въ книжкѣ 163 страницы, изъ которыхъ на древнюю исторію приходится 123 стр., а на новую, т.-е. на XVIII и XIX вѣка, только 40 стр. Такое распредѣленіе историческаго матеріала не можетъ найти ни научнаго, ни педагогическаго (педагогическаго *еще менѣе*) оправданія. Оставляя въ сторонѣ запросы ученаго характера, надо признать, что книжка г. Ключевскаго должна быть разсчитана на публику всякаго рода, и прежде всего на публику школьную и публику, зараженную нелюбезнымъ многимъ пристрастіемъ къ самообразованію. Очень старый и очень пошлый принципъ изучать исторію ab ovo долженъ быть брошенъ: старина—не цѣль изученія, а лишь простое средство познанія настоящаго, текущей дѣйствительности. Не походы Александра Македонскаго, не подвиги военныхъ героевъ, не дѣянія знаменитостей, зачастую дутыхъ, приходится изучать нынѣ въ школѣ, а цѣлые историческіе процессы: какъ и какимъ путемъ пришло человѣчество къ тому, что оно есть. Все вниманіе учащагося должно быть устремлено на изученіе *современнаго общества*; прошлое этого послѣдняго изучается лишь какъ введеніе, а слѣдовательно, наивозможно сжато. Г. Ключевскій стоитъ на высотѣ современнаго историка въ смыслѣ пониманія того, какой матеріалъ подлежитъ разработкѣ въ современномъ историческомъ руководствѣ, но надлежащее распредѣленіе этого матеріала у него отсутствуетъ, и его читатели получаютъ болѣе ясное представленіе о далекихъ временахъ Русской Правды и Уложенія, чѣмъ объ эпохѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Г. Ключевскій, ни съ того, ни съ сего, любезно сообщаетъ своимъ читателямъ о взглядахъ Карамзина, Погодина и Соловьева на личность царя Ивана Грознаго, а о реформахъ Александра II упоминаетъ вскользь. Надо искренно пожалѣть, что книжка московскаго профессора, обладающая многими крупными достоинствами, переноситъ центръ тяжести въ Русь древнюю, а не новую. Какъ разъ ни въ школѣ, ни дома нѣтъ нужды большую часть времени проводить за изученіемъ старья, и въ концѣ концовъ не получить никакого опредѣленнаго представленія о настоящемъ. Неопредѣленная по своей основной цѣли книжка г. Ключевскаго оставляетъ очень неопредѣленное впечатлѣніе въ области русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ. Современное историческое руководство главное вниманіе какъ разъ и должно обратить на два послѣдніе вѣка. Если они будутъ оставаться въ тѣни или на заднемъ планѣ, тогда лучше совсѣмъ упразднить преподаваніе исторіи въ средней школѣ. Г. Ключевскій до нѣкоторой степени оцѣнилъ этотъ существенный пробѣлъ въ его книжкѣ и во второмъ изданіи вставилъ совершенно отсутствующія въ первомъ статьи: 1) «ходъ и связь реформъ» Петра Перваго (стр. 123—126), 2) «военная реформа» (стр. 126—127), 3) «финансы» (стр. 133—134), 4) «судебные уставы 1864 года» (стр. 158—162) и наконецъ, 5) «уставъ 1874 г. о воинской повинности» (стр. 162—163). Пошлость старой школы, между тѣмъ, въ томъ именно и заключалась, что она учила по преимуществу тому, что ни на что не годно и что не представляло никакого развивающаго элемента; окончившій среднюю школу являлся въ полномъ смыслѣ слова общественной тупицей... Тѣмъ печальнѣе встрѣтить нынѣ игнорированіе новаго времени въ историческомъ руководствѣ новаго стиля, принадлежащемъ перу писателя, который имѣлъ случай замѣтить слѣдующее: «Чтобы знать, куда и какъ идти, нужно знать, откуда и какъ мы пришли. Опредѣляя задачи и направленіе своей дѣятельности, каждый изъ насъ долженъ быть, хоть немного, историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ (1884—1885, стр. 13).

Вслѣдъ за неравномѣрной разработкой главной темы критикѣ приходится отмѣтить *невыдержанность общаго плана*. До времени реформъ Петра Перваго въ книжкѣ предлагается изложеніе русской исторіи по довольно опредѣ-

ленному плану, въ основаніе котораго положено дѣленіе древней русской исторіи по территоріально-политическимъ признакамъ. Вслѣдъ за введеніемъ (стр. 1—19), посвященномъ природѣ восточно-европейской равнины (стр. 1—6), древнѣйшимъ извѣстіямъ о народахъ восточной Европы (стр. 7—10), вопросамъ о разселеніи (стр. 11—14) и бытѣ (стр. 14—19) восточныхъ славянъ, слѣдуетъ очеркъ исторіи Руси днѣпровской, городовой, торговой, въ которой установился очередной порядокъ княжескаго владѣнія (стр. 20—50). Второй очеркъ охватываетъ исторію Руси верхне волжской, удѣльно княжеской, вольно-земледѣльческой (стр. 51—69); къ этому же очерку весьма естественно пріурочена глава о новгородской землѣ (стр. 69—82). Очеркъ третій—исторія московскаго государства, исторія Руси Великой, Московской, монархическо-боярской, военно-земледѣльческой (стр. 83—123). Здѣсь заканчивается основной текстъ руководства, и новая русская исторія является какъ бы извнѣ пристегнутой въ формѣ двухъ главъ: «реформы Петра Великаго» (стр. 123—134) и «обзоръ главнѣйшихъ явленій со смерти Петра Великаго» (стр. 134—163), самые заголовки изложенія показываютъ, что здѣсь авторъ умышленно отклоняется отъ опредѣленнаго плана и говоритъ какъ бы изъ снисхожденія къ неразумной толпѣ, которая грубо требуетъ знакомства съ новорусскою исторіей.

Главное вниманіе Ключевскаго сосредоточено на процессѣ *политическомъ*; процессъ духовный по весьма понятнымъ причинамъ и совершенно правильно игнорируется вовсе; процессовъ общественнаго, юридическаго и экономическаго авторъ касается слегка и лишь настолько, насколько это, по его мнѣнію, необходимо для уясненія политическаго строя древней Руси. *Государство* съ его исторіей выдвинуто на первый планъ. Не останавливаясь на правильности такой постановки темы въ настоящее время, позволимъ себѣ отмѣтить лишь *неполноту изложенія* даже съ той точки зрѣнія, на которой остановился въ своемъ «краткомъ пособіи» г. Ключевскій. Роль западно-европейскаго вліянія, значеніе церкви въ московской Руси, происхожденіе раскола старообрядства—все это обойдено совершенно, и на это умолчаніе авторъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. На ряду съ неполнотой изложенія критика считаетъ себя въ правѣ отмѣтить отсутствіе указаній на основныя ученыя пособія по крупнымъ историческимъ вопросамъ, изученнымъ въ «краткомъ пособіи». Въ немъ имѣется всего только одно указаніе на «Учебную книгу русской исторіи» Соловьева; это указаніе имѣетъ цѣлью рекомендовать лучшее руководство для ознакомленія съ основными *фактами* русской исторіи. Книга Соловьева написана крайне сухо, но несмотря на эту сухость, а равно на устарѣлость изложенія, рекомендовать больше нечего, особливо въ данномъ случаѣ, такъ какъ курсы г. Ключевскаго вообще представляютъ изъ себя лишь своеобразную переработку Соловьевскихъ матеріаловъ. Но рѣчь идетъ не о фактахъ, а о явленіяхъ, о капитальныхъ вопросахъ русской исторіи, требующихъ основательнаго изученія, возбуждающихъ справедливый интересъ въ той части общества, которая путемъ домашняго самообразовательнаго чтенія желаетъ добыть себѣ хоть какое-нибудь образованіе. Весьма любопытно, что это ограниченіе исторической премудрости учебной книгой Соловьева, это отсутствіе литературныхъ указаній сопровождается у г. Ключевскаго нѣсколько устарѣлымъ изложеніемъ отдѣльныхъ частей пособія, какъ, напр., отдѣла объ опричнинѣ, главы о Смутномъ времени... *) Раздѣлъ о «писцовыхъ книгахъ» (стр. 107—108) тельнымъ, разъ нѣтъ ссылки на пособіе, изъ котораго можно было бы уразумѣть хоть сколько-нибудь вопросъ о нихъ. Устарѣлость изложенія, сказы попалъ не на мѣсто и для обычнаго читателя представляется мало вразуми-

*) Особенно старо и странно трактуется вопросъ на второй половинѣ стр. 104-й.

вается также во введеніи, гдѣ привлечены не безъ искусства данныя геологіи, но зато совершенно отсутствуютъ результаты работъ археологическихъ послѣдняго времени. Почему отсутсвуютъ — это секретъ нашего автора, который старо и поверхностно говоритъ о миѳологіи славянъ, игнорируя превосходныя статьи г. Милюкова о славянахъ въ первомъ выпускѣ «Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» г. Виноградова; подготовка петровскихъ реформъ могла бы быть изложена г. Ключевскимъ болѣе рельефно и основательно, равнымъ образомъ было бы вполнѣ въ характерѣ «пособія», еслибъ было сдѣлано сжатое резюме всего изложенія, отсутствіе котораго досадно чувствуется. Наконецъ, цѣлый рядъ любопытныхъ замѣчаній можно было бы сдѣлать, еслибъ мы взялись отвѣтить на вопросъ, насколько удачно г. Ключевскій свой университетскій курсъ по русской исторіи сжалъ въ лежащее передъ нами «краткое пособіе». Отказываясь за недостаткомъ мѣста отъ этой интересной работы, мы отъ души совѣтуемъ автору возможно скорѣе издать этотъ курсъ цѣликомъ. Вѣдь публикѣ нечего читать по русской исторіи, а его курсъ—прекрасная книга для чтенія большой публикѣ...

Послѣ изложенныхъ выше замѣчаній, намъ остается сдѣлать вполнѣ опредѣленное указаніе на то, что «Краткое пособіе» г. Ключевскаго въ общемъ очень цѣнное руководство въ современной литературѣ главнымъ образомъ для элементарнаго ознакомленія съ общимъ ходомъ русской исторіи. Серьезное, умное, элементарное изложеніе даетъ возможность рекомендовать книжку и для школы, и для домашняго чтенія, разумѣется, при условіи просмотра указаннаго выше сочиненія Соловьева. Мы принуждены будемъ пользоваться ею для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, хотя по существу должны признать, что вполнѣ она не удовлетворяетъ ни одной цѣли; мы убѣждены, что, при добромъ желаніи талантливаго автора, книжка, будучи переработанной, можетъ стать прекраснымъ матеріаломъ для домашняго самообразовательнаго чтенія. И въ настоящемъ видѣ мы не можемъ не рекомендовать ее вниманію преподавателей исторіи. Въ старшихъ классахъ съ нею можно работать въ школѣ при условіи напряженной работы самого преподавателя. При домашнемъ же самообразовательномъ чтеніи, книжка г. Ключевскаго превосходный переходъ отъ фактическаго учебника къ блестящимъ очеркамъ по исторіи русской культуры г. Милюкова. *Василій Сторожевъ.*

Больтонъ Кингъ. Исторія объединенія Италіи. Переводъ съ англійскаго Н. Кончевской съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Томъ I. Цѣна I руб. 50 коп. Изд. С. Скирмунта. Исторія объединенія Италіи одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи Европы XIX вѣка. Интересна она и по ходу событій, явившихъ странное на первый взглядъ зрѣлище собиранія страны вокругъ небольшого и повидимому ничѣмъ не благопріятствуемаго государства: интересна и по взаимодѣйствію самыхъ разнообразныхъ политическихъ принциповъ, въ которомъ прогрессивное начало одержало верхъ и надъ теократической реакціей, и надъ монархической реакціей; интересна и по безпрерывному появленію новыхъ сочетаній, въ которыхъ революціонные элементы не разъ находили поддержку со стороны реакціонныхъ и наоборотъ; интересна и по тому драматизму, который сообщили событіямъ столкновенія пробудившагося къ свободѣ итальянскаго народнаго генія съ тупымъ упорствомъ Бурбоновъ и съ разсчетливымъ гнетомъ Австріи; интересна наконецъ по той плеядѣ замѣчательныхъ людей, которымъ суждено было стать орудіемъ историческаго процесса.

Нѣтъ, поэтому, ничего страннаго въ томъ, что у историка, занявшагося вопросомъ объ объединеніи Италіи, на ряду съ научнымъ увлеченіемъ появляется увлеченіе совершенно другого рода, увлеченіе художественное. И читатель, привыкшій искать въ исторіи только объективнаго изложенія фактовъ, вполнѣ понимаетъ, если и не можетъ его оправдать, тотъ тонъ, который усвоилъ себѣ англійскій историкъ. Тонъ этотъ чуть не сплошь дидактическій и авторъ не

разъ подчеркиваетъ свое отношеніе къ изображаемымъ событіямъ. Эпиграфъ книги взятъ изъ ап. Павла: «Все это случилось, чтобы служить примѣромъ, а описано въ наставленіе намъ».

Естественно, что при такомъ взглядѣ на первый планъ выступаетъ прагматическое изложеніе и отводится много мѣста отдѣльнымъ характеристикамъ. Портреты Мадзини, д'Азеліо, Джоберти, Пія IX, Кавура удались Кингу довольно хорошо. Своего отношенія къ событіямъ онъ нисколько не скрываетъ. Его симпатіи всецѣло принадлежатъ борцамъ за объединеніе.

Но было бы ошибкой предполагать, что субъективизмъ автора лишаетъ книгу всякаго научнаго интереса. Больтонъ Кингъ обращаетъ большое вниманіе на соціальныя условія Италіи, и посвящаетъ описанію ихъ цѣлыя три главы настоящаго тома. Эти главы представляютъ наибольшій интересъ для русскаго читателя, хотя въ нихъ есть и существенные пробѣлы. Экономическое положеніе страны за разсматриваемый періодъ изображено гораздо менѣе полно, чѣмъ была возможность сдѣлать это, даже руководствуясь существующими обработками.

Все изложеніе объединено одной идеей, проходящей чрезъ всю книгу; авторъ все время внимательно слѣдитъ за ростомъ сознанія единства Италіи въ отдѣльныхъ ея частяхъ.

Вообще говоря, книга англійскаго историка является очень хорошимъ руководствомъ для ознакомленія съ исторіей Италіи въ XIX в. Даже въ европейской литературѣ мы затруднились бы указать другое сочиненіе, которое такъ удачно соединяло бы съ небольшимъ объемомъ удачно подобранный и совершенно достаточный для не спеціалиста матеріалъ. Хорошіе труды Рейхлина, Тиварони, Ниско черезчуръ громоздки, а среди остальной литературы едва ли есть возможность остановиться на чемъ нибудь вполнѣ удовлетворительномъ. Что касается русской литературы, то единственная книга по исторіи Италіи XIX в.—Сочиненіе Эли Сореля,—слишкомъ поверхностно и не даетъ понятія порою объ очень крупныхъ фактахъ и явленіяхъ. Словомъ появленіе труда Кинга можно только привѣтствовать.

Первый томъ занятъ событіями, начиная отъ вѣнскаго конгресса до неудачнаго окончанія революціи 1848 года. Русскій переводъ удовлетворителенъ; крупныхъ погрѣшностей мы не замѣтили. Только напрасно переводчикъ говоритъ «отъ Марховъ»; это не «мархъ» (!), а просто «марка», какъ это ни покажется неожиданно г-жѣ Кончевской. Къ переводу приложено предисловіе, написанное авторомъ спеціально для русскаго изданія. Въ немъ авторъ опять говоритъ о дидактическихъ цѣляхъ своей книги. *А. Дживелеговъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

С. Франкъ. «Теорія цѣнности».

С. Л. Франкъ. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. С.-Петербургъ 1900. Изданіе М. И. Водовозовой. Стр. VI + 370. Книга С. Л. Франка представляетъ выдающееся явленіе въ нашей научной литературѣ по политической экономіи. Это не болѣе или менѣе приличная обязательная «отписка» по дѣлу о полученіи ученой степени магистра или доктора, а серьезный научный трудъ, написанный внѣ всякаго отношенія къ внѣшнимъ, такъ называемымъ «академическимъ», требованіямъ. Авторъ, съ одной стороны, задался критическимъ разборомъ марксовой теоріи цѣнности, съ другой стороны тѣмъ, что, по нѣмецкому выраженію, можно было бы назвать Rettung—«спасеніемъ» этой теоріи отъ ея болѣе рѣшительныхъ критиковъ.

Скажемъ прямо, что критика остроумнаго и вдумчиваго автора намъ кажется гораздо болѣе удачною, чѣмъ его попытка спасти «трудовую цѣнность», какъ «субъективную цѣнность общественнаго дохода». Франкъ въ своемъ предисловіи говоритъ о томъ «невыносимомъ состояніи, въ которомъ еще до сихъ поръ находится экономическая наука». «Мы имѣемъ, въ сущности, не одну, а двѣ экономическія науки—науку «марксистскую» и науку «буржуазную», изъ которыхъ каждая говоритъ на совершенно особомъ языкѣ, не прислушиваясь къ мнѣнію другой и считая это мнѣніе въ большей или меньшей степени завѣдомой ложью. Если оставить въ сторонѣ ущербъ, наносимый этимъ состояніемъ той единой наукѣ, которая не знаетъ дѣленія на лагери и занята только одной задачей—безпристрастнымъ исканіемъ истины, то нужно будетъ признать что невыгоды такого дѣленія на двѣ непримиримыя научныя партіи отражаются больше всего на партіи марксистской; тогда какъ такъ называемая «буржуазная» или «оффиціальная» политическая экономія быстрыми шагами двигалась впередъ и съ каждымъ днемъ завоевывала новые горизонты, наука «марксистская», несмотря на глубину и плодотворность ея основныхъ мыслей и талантливость ея представителей, упорно топталась на одномъ мѣстѣ, занимаясь догматическимъ толкованіемъ старыхъ, превратившихся почти въ ходячія фразы, положеній даже тамъ, гдѣ дѣйствительность или научная мысль давнымъ давно ихъ опередила. Къ счастью, плачевное зрѣлище борьбы за верховную научную гегемонію двухъ ненавидящихъ и презирающихъ другъ друга научныхъ партій отходитъ уже въ область прошлаго: мы присутствуемъ при процессѣ ихъ взаимнаго сближенія, и уже недалеко то время, когда разногласіе соціально-политическихъ міросозерцаній не будетъ выражаться въ обособленномъ существованіи двухъ самостоятельныхъ наукъ» (стр. I—II).

Здѣсь дана правильная характеристика дѣйствительнаго положенія вещей, и въ немъ, главнымъ образомъ, повинно то, что мы въ другомъ мѣстѣ назвали *«основнымъ разсужденіемъ»* марксистской ортодоксіи. Задача критическаго направленія, поэтому, и состоитъ въ томъ, чтобы показать всю психологическую условность этого основного разсужденія и избавить науку отъ его неблагопріятствующихъ отысканію истины вторженій.

Авторъ разбираемаго критическаго этюда, по нашему мнѣнію, совершенно правильно развиваетъ, что теорія трудовой цѣнности не можетъ быть поддерживаема, какъ теорія *мѣновой* цѣнности. Онъ даже идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что «такъ называемыя рыночныя цѣны отъ сравнительной затраты труда не находятся ни въ какой (?!) зависимости». Это уже прямо непонятное критическое увлеченіе, которое, намъ кажется, автору придется взять назадъ.

Говоря, что «трудовой теоріи мѣновой цѣнности противорѣчитъ разноцѣнность продуктовъ различнаго рода труда» авторъ, на нашъ взглядъ, правъ, и мы находимъ только, что этотъ пунктъ заслуживалъ бы болѣе полнаго развитія, чѣмъ онъ нашелъ у Франка, и притомъ именно съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ самъ Франкъ и которая характеризуется въ особенности рѣшительнымъ подчеркиваніемъ *соціальныхъ* моментовъ, опредѣляющихъ мѣновую цѣнность всѣхъ объектовъ товарнаго обращенія.

Отвергая попытки толкованія теоріи цѣнности Маркса, даваемыя другими авторами (Штаммлеромъ, Зомбартомъ, Булгаковымъ, Конрадомъ Шмидтомъ) Франкъ самъ не удержался отъ соблазна тоже «истолковать» трудовую цѣнность.

Для него трудовая цѣнность не есть мѣновое отношеніе между товарами, не есть вовсе непосредственный матеріальный фактъ хозяйственной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не есть также и «простая регулятивная гипотеза», какъ для вышеуказанныхъ авторовъ. Что же она такое для Франка?

«Трудовая цѣнность,—отвѣчаетъ онъ,—есть общественная субъективная цѣнность дохода въ общественномъ хозяйствѣ». Это опредѣленіе поясняется

слѣдующими словами автора: «Если представить себѣ общество въ видѣ одного хозяйничающаго (хозяйствующій? *П. С.*) субъекта, другими словами, если исходить изъ представленія объ его интересахъ и потребностяхъ, то всѣ блага входящія въ доходъ, оцѣниваются, какъ продуктъ его труда. Какова бы ни была мѣновая цѣнность этихъ благъ для общества, какъ таковаго, онѣ являются результатомъ его производительной дѣятельности, а потому ихъ цѣнность опредѣляется количествомъ затраченнаго на ихъ производство общественнаго труда». Такимъ образомъ трудовая цѣнность есть субъективная цѣнность хозяйственныхъ благъ съ точки зрѣнія планомѣрно хозяйствующаго общества. «Общественный характеръ цѣнности,—говоритъ нашъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—состоитъ не въ томъ, что объективная мѣновая цѣнность отражаетъ на себѣ реальный учетъ общественнаго труда, затраченнаго на нихъ; онъ заключается въ томъ, что помимо индивидуальной субъективной оцѣнки возможна *общественная* оцѣнка продуктовъ, т.-е. оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія интересовъ всего общества: эта оцѣнка столь же мало есть матеріальный фактъ внѣшняго міра, какъ и оцѣнка индивидуальная; она не оказываетъ сама по себѣ никакого вліянія на реальный ходъ хозяйственныхъ явленій, не опредѣляетъ ни процесса общественнаго производства ни процесса распредѣленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не есть фикція: она есть *реальный психологическій фактъ*, который при извѣстныхъ условіяхъ, именно, когда обществу дана возможность сознательно воздѣйствовать на хозяйственныя отношенія его членовъ, пріобрѣтаетъ и практическое значеніе. Становясь на точку зрѣнія общества, мы должны иначе оцѣнивать продукты, чѣмъ съ точки зрѣнія индивидуальной. И эта общественная субъективная цѣнность, какъ мы видѣли есть необходимо *трудовая* цѣнность» (стр. 263 — 264). Удивительно, какъ острый критическій взоръ автора не видитъ очевидной странности своего разсужденія. Трудовая цѣнность есть «реальный психологическій фактъ», но наличность этого «реальнаго факта» опредѣляется условіями, въ экономической дѣйствительности не существующими! На самомъ дѣлѣ авторъ обходнымъ путемъ пришелъ къ тому же, что такъ давно высказалъ Родбертусъ, а именно, что «трудовая цѣнность» есть не народно хозяйственный фактъ, а народно-хозяйственная идея. Иначе и точнѣе это можно формулировать такъ: такъ называемая «*трудовая цѣнность*» *выражаетъ собой этическій постулатъ*, согласно которому должно быть построено общественное хозяйство, удовлетворяющее принципамъ справедливости. Но если это такъ, то вся выдвигаемая Франкъ конструкція трудовой цѣнности имѣетъ гораздо меньше теоретическаго значенія, чѣмъ ему кажется. Задавшись цѣлью спасти «трудовую цѣнность», пріурочивъ ее ко всему обществу, какъ хозяйствующему субъекту, авторъ, мнѣ кажется, предпринялъ совершенно ненужный трудъ и внесъ новую неясность въ вопросъ. Защищаемая имъ идея или начало «трудовой цѣнности» ни въ какомъ теоретическомъ спасеніи не нуждалась и, въ сущности, не имѣетъ ничего общаго съ реальной экономической проблемой цѣнности. Въ то же время Франкъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на значеніе труда, какъ реальнаго «фактора» производства, и соотвѣтственно этому умалилъ роль труда, какъ фактора субъективной цѣнности и цѣны въ реально существующемъ обществѣ, основанномъ на обмѣнѣ. Такъ, онъ совершенно прошелъ мимо важнаго значенія затраты труда какъ фактора, опредѣляющаго количество благъ, т. е. объективный моментъ, имѣющій огромное значеніе для субъективной цѣнности. Между тѣмъ эта сторона дѣла уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ была выяснена Туганъ-Барановскимъ въ его первой научной работѣ, напечатанной въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1890 г. и хорошо извѣстной Франку.

Мнѣ кажется, что въ теоріи цѣнности вполнѣ возможенъ цѣльный синтезъ эмпиризма Рикардо (того Рикардо, котораго мы теперь знаемъ гораздо лучше,

чѣмъ наши предшественники, благодаря опубликованію трехъ коллекцій его писемъ) съ австрійской школой, и что этотъ синтезъ благополучно и безповоротно покончитъ съ фантомомъ прежней «объективной» цѣнности, установивъ такой реальный рядъ: субъективная цѣнность—цѣна—мѣновая цѣнность... Самый терминъ «трудовая цѣнность» надлежало бы устранить, такъ какъ онъ даетъ поводъ ко множеству недоразумѣній. Трудъ есть чрезвычайно важный факторъ созданія благъ, а потому онъ является весьма важнымъ факторомъ и субъективной цѣнности, которая лежитъ въ основѣ цѣны и мѣновой цѣнности. Только съ этической и соціально-политической точки зрѣнія трудъ— есть единственный факторъ созданія благъ, но къ этой этической точкѣ зрѣнія общественной справедливости чисто экономическая проблема цѣнности не имѣетъ никакого отношенія. И если Франкъ, вмѣстѣ съ Дюрингомъ и Штольцманномъ, настаиваетъ на значеніи соціальныхъ факторовъ *мѣновой* цѣнности, то, по существу, это—точка зрѣнія (я съ нею согласенъ), прямо противоположная классическому построенію Маркса: Марксъ изъ «закона» цѣнности, лежащаго въ основѣ образованія цѣнъ и доходовъ, выводилъ распредѣленіе общественнаго продукта, названные же авторы и Франкъ изъ даннаго распредѣленія выводятъ образованіе цѣнъ и доходовъ. По моему глубокому убѣжденію, теорія цѣнности Маркса можетъ быть правильно истолкована только такимъ образомъ: эта теорія несостоятельна какъ теорія цѣнности, и прежде всего потому, что *она не есть вовсе теорія цѣнности.*

Едва ли не самые удачные отдѣлы книги представляютъ превосходныя, а мѣстами прямо блестящія главы VII (Схема распредѣленія дохода у Маркса) и VIII (Техническій и соціальный факторъ мѣновой цѣнности). Авторъ чрезвычайно сильно и ярко проводитъ ту совершенно справедливую мысль, что субъективная цѣнность, а слѣдовательно, цѣна не можетъ не находиться въ значительной зависимости отъ распредѣленія соціальной силы или могущества вступающихъ въ обмѣнъ субъектовъ. Къ сожалѣнію, здѣсь, какъ и въ предшествующихъ главахъ разсужденія автора неясны и невѣрны, поскольку онъ не отличаетъ *хозяйственнаго* строя общества отъ его *соціальнаго* строя (о смыслѣ и необходимости такого различенія см. мои статьи «Къ критикѣ нѣкоторыхъ проблемъ и положеній политической экономіи», «Жизнь» 1900 г.).

Позволю себѣ еще сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній. Неудачнымъ представляется мнѣ наименованіе «субъективной цѣнности» *абсолютною* въ отличіе отъ относительной мѣновой. Это словоупотребленіе, логически несостоятельное, тѣмъ болѣе странно, что именно никто такъ сильно не настаиваетъ на относительности цѣнности, какъ теоретики «субъективной цѣнности». Напомнимъ хотя бы о томъ, съ какимъ удареніемъ еще въ 1854 г. *Гессенъ* говорилъ о «das Relative des Wertes». Психологи, разрабатывавшіе общую проблему цѣнности, также настаиваютъ на *относительности* той цѣнности, которую Франкъ предлагаетъ называть абсолютною.

Указаніе Франка, что «психологическая школа» не обратила вниманія на разъясненіе общаго понятія цѣнности (стр. 196) невѣрно, или, по крайней мѣрѣ, неточно: извѣстныя общепсихологическія изслѣдованія о цѣнности Мейнонга (A. Meinong, Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Werttheorie, Graz. 1894) и Эренфельса (Chr. v. Ehrenfels, System der Wertteorie 2 тома Leipzig». 1897 и сл.), которыхъ Франкъ, повидимому, не знаетъ, но которыя разъясняютъ общее понятіе цѣнности даже съ утомительной обстоятельностью, съ одной стороны, извѣстны экономистамъ психологической школы и ими цитируются, съ другой стороны, написаны отчасти подъ вліяніемъ экономической литературы о цѣнности, которая въ нихъ цитируется. Характернымъ образомъ, авторы обѣихъ этихъ работъ—*австрійцы* и профессора австрійскихъ университетовъ (Мейнонгъ—грацскаго, Эренфельсъ — пражскаго), и безъ всякой натяжки они

могутъ быть объединены вмѣстѣ съ Менгеромъ, Бемъ-Баверкомъ, Визеромъ и др. въ одну австрійскую школу теоретиковъ цѣнности.

Напрасно Франкъ пренебрежительно отзывается (стр. 353) о работахъ Лексиса, въ которыхъ затрагивается значеніе соціальнаго фактора въ образованіи цѣнъ и доходовъ. Въ сущности та основная мысль, которую, вслѣдъ за Штольцманномъ, проводитъ Франкъ, съ неменьшей ясностью, хотя и въ общей формѣ, высказывалась и Лексисомъ (укажу, между прочимъ на его превосходную статью о III томѣ «Капитала» въ «Quarterly Journal of Economics» и на его статью «Wert» въ маленькомъ словарѣ Эльстера).

Въ заключеніе считаю нужнымъ подчеркнуть, что богатая мыслями и самостоятельная работа Франка должна быть прочтена всѣми, серьезно интересующимися теоріей политической экономіи. **Петръ Струве.**

БІОЛОГІЯ, ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Гарнеръ. «Языкъ обезьянъ».—*Щетинскій.* Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-исторической коллекціи» — «Америка».—*Дьячковъ.* «Въ горахъ Большого и Малаго Карачая».—*В. Семеновъ.* «На Дальнемъ Востокѣ».

Р. Л. Гарнеръ. Языкъ обезьянъ. Переводъ съ англійскаго С. Л. Халютина подъ редакціей В. В. Битнера. Изд. Сойкина. Петербургъ. 84 стр. цѣна 50 коп. «Что же въ этомъ чудеснаго, если обезьяны говорятъ? Онѣ видятъ, онѣ слышатъ, онѣ любятъ, онѣ ненавидятъ, онѣ дѣйствуютъ такими же средствами и съ такими же цѣлями какъ и человѣкъ. Онѣ чувствуютъ радость и страданіе и это побуждаетъ ихъ смѣяться или кричать, также какъ и насъ. Если звуки, издаваемые ими лишены значенія, то почему же онѣ не нѣмы? Если же онѣ ими что нибудь выражаютъ, то почему же имъ не быть въ состояніи опредѣлить, что именно онѣ выражаютъ?»—Этими словами, нѣсколько напоминающими защитительную рѣчь Шейлока, авторъ формулируетъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что обезьяны обладаютъ языкомъ, т. е. способностью связывать опредѣленныя понятія съ опредѣленными звуками и пользоваться послѣдними для выраженія первыхъ.

Убѣжденіе это авторъ—американскій зоологъ Гарнеръ—вынесъ изъ многолѣтнихъ наблюденій надъ жизнью обезьянъ и особенно надъ ихъ психикой. Что касается спеціально языка, то авторъ открылъ совершенно новые пути для изслѣдованія и это то придаетъ его книгѣ особенную оригинальность и высокій интересъ. Наиболѣе важно въ этомъ отношеніи сдѣланное авторомъ примѣненіе фонографа къ изученію и анализу звуковъ, издаваемыхъ различными животными. Получая отпечатки звуковъ на цилиндрѣ фонографа и анализируя ихъ во всѣхъ деталяхъ, автору удалось открыть цѣлый рядъ звуковъ, имѣющихъ, повидимому, вполнѣ опредѣленное значеніе, такъ какъ обезьяны издавали ихъ всегда лишь при вполнѣ опредѣленныхъ условіяхъ. Заучивая эти звуки и воспроизводя ихъ потомъ въ присутствіи обезьянъ того же вида въ другихъ мѣстахъ, или, какъ онъ говоритъ, «обращаясь къ обезьянамъ на ихъ собственномъ языкѣ», авторъ наблюдалъ производимое этими звуками впечатлѣніе, прислушивался къ отвѣту и фиксировалъ его въ фонографѣ. Такимъ образомъ онъ пришелъ къ выводу, что у изслѣдованныхъ имъ видовъ обезьянъ (особенно подробно изслѣдованъ «Капуцинъ» cebus capucinus) имѣются опредѣленныя «слова» для понятій «пища», «питье или жажда», «погода», «обезьяна» и нѣкоторыя другія.

Авторъ не думаетъ, что онъ пришелъ уже къ окончательнымъ результатамъ, онъ продолжаетъ свои изслѣдованія и надѣется достигнуть гораздо большаго. Попутно Гарнеръ дѣлаетъ много интересныхъ наблюденій надъ другими сторонами психики обезьянъ, напримѣръ, надъ ихъ умѣніемъ считать, предпочтеніемъ тѣхъ или иныхъ цвѣтовъ и т. д. Со многими изъ высказываемыхъ авторомъ общихъ взглядовъ нельзя согласиться (напр., съ его своеобразными понятіями объ акустикѣ), многое представляется слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніемъ—такъ, напримѣръ, строгая пропорціональность между развитіемъ голосовыхъ органовъ и умственными способностями, якобы наблюдаемая во всемъ ряду млекопитающихъ. Но опыты автора и достигнутые при этомъ результаты сами по себѣ столь интересны, что книга эта могла бы быть смѣло рекомендована каждому интересующемуся общими біологическими вопросами, еслибъ переводъ ея не былъ такъ ужасенъ.

Приведемъ нѣсколько перловъ. «Свѣтъ научнаго изслѣдованія, насколько позволяетъ состояніе нашихъ теперешнихъ знаній, признаетъ, что начальною точкой соприкосновенія между элементарной матеріей и жизнью является протоплазма. Какія тайны біологіи, въ предѣлахъ области жизни, останутся еще неизвѣстными, могутъ узнать лишь тѣ, кому предстоитъ жить въ будущемъ. Въ настоящее время въ первичномъ состояніи животворенной матеріи находятъ очевидность самостоятельности». (стр. 59). «Мнѣ представляется, что звукъ ихъ не представляетъ прямого выраженія сообщеній, появляется косвеннымъ результатомъ дѣйствія, имѣющаго цѣлью передачи мысли, даже при неслышности звука» (стр. 75). «Въ свѣтѣ современнаго пользованія и значенія языка, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ, заключаются всѣ виды и средства сообщенія между умами» (стр. 61), «...она не сравнима съ дѣтскою любовью или страхомъ къ родителямъ, имѣющими естественное происхожденіе подъ вліяніемъ наслѣдственной передачи, вслѣдствіе кровнаго родства между ними» (стр. 37). Мы могли бы заполнить много страницъ подобными выписками,—выраженія вродѣ: «бодрствовать до позднихъ часовъ», «открыть жестъ отрицанія между «обезьянами», «сознавать серьезную нить», «является въ смыслѣ чего-то въ родѣ привѣтствія», «съ граціей минуэта», «дѣлать видъ нападенія на дѣвочку» встрѣчаются на каждомъ шагу и дѣлаютъ чтеніе этой книги занятіемъ крайне непріятнымъ. Русская публика привыкла къ сквернымъ переводамъ, но ...est modus in rebus,—надо и честь знать.

Бѣдный г. Гарнеръ! Даже редакція г. Битнера и предисловіе г. Кулагина не спасли его «Языкъ обезьянъ» отъ такого «обезьяньяго» языка. *Ч.*

Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій. Сост. А. Щетинскій. 124+II стр. съ 76 рисунками. Изд. Т—ва «Трудъ и Знаніе». Псковъ. Ц. 1 р. 50 к. Книжку г. Щетинскаго можно рекомендовать, какъ прекрасное руководство всякому собирателю естественно-историческихъ коллекцій, особенно начинающему, котораго, главнымъ образомъ, и имѣлъ въ виду составитель. Трудъ автора не компилятивный, а является результатомъ многолѣтней практики, по всему видно, что «техническая часть набивки чучелъ, а также изложеніе способовъ собиранія и составленія разныхъ коллекцій, описаны, какъ результатъ личнаго опыта и тщательнаго изученія всѣхъ пріемовъ, какіе наиболѣе удобны при подобныхъ работахъ». Также нѣтъ преувеличенія и въ слѣдующихъ словахъ автора: «Въ описаніи различныхъ способовъ и пріемовъ приготовленія естественно-историческихъ предметовъ, я по возможности старался не упустить изъ вида ни малѣйшей подробности, зная по опыту, что только детальное описаніе можетъ принести существенную пользу начинающему натуралисту». Планъ книги слѣдующій. Сначала г. Щетинскій подробно описываетъ инструменты, необходимые для препарированія, матеріалы для набивки чучелъ и предохранительные со-

ставы, затѣмъ переходитъ уже къ самому процессу снятія шкурокъ, набивки ихъ и постановки. Каждый классъ животныхъ авторъ разсматриваетъ отдѣльно: первыми идутъ млекопитающія крупныя и мелкія, затѣмъ птицы, рыбы, земноводныя и пресмыкающія, ракообразныя мягкотѣлыя, черви, насѣкомыя, которымъ посвящено цѣлыхъ 33 страницы (разсматриваются по отрядамъ, паукообразныя и многоножки. Нѣсколько страницъ удѣлено описанію приготовленія скелетовъ, искусственныхъ глазъ, искусственныхъ скалъ, а также и постановкѣ группъ, изображающихъ сцены изъ жизни животныхъ.

Къ этой основной части книжки, посвященной коллектированію животныхъ, приданы уже болѣе слабыя главы: собираніе растеній и составленіе гербарія и собираніе и составленіе минералогическихъ коллекцій. Въ ботанической части, несмотря на ея краткость (18 страницъ), начинающій коллекторъ найдетъ еще много полезныхъ совѣтовъ и указаній, но 6 страничекъ, удѣленныхъ собиранію минераловъ и почвъ, опредѣленію твердости и удѣльнаго вѣса первыхъ и количественному анализу послѣднихъ, врядъ ли представятъ какой-либо интересъ даже и для начинающаго—настолько они элементарны (составленъ по Герду); да вѣдь автору и самому не совсѣмъ ясны научныя различія между минераломъ, горной породой и почвой.

Этотъ недостатокъ или лучше сказать излишество все же не мѣшаетъ пожелать книжкѣ г. Щетинскаго самаго широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что хотя и издана она въ Псковѣ, а не въ столицѣ, но издана весьма опрятно.

В. Агафоновъ.

Америка. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ, в С. Чефрановымъ. Москва. Изд. В. Линда и Д. Байкова. 640 стр. Ц. 2 р. 25 к. Наконецъ то даже учителя географіи поняли, что эта наука—одна изъ увлекательнѣйшихъ областей человѣческаго знанія, что безсовѣстно превращать ее въ зубристику искаженныхъ географическихъ названій, позорно преподавать ее по какому-нибудь Смирнову. Видимо, наши педагогическіе горизонты начали проясняться даже нѣсколько раньше, чѣмъ появились циркуляры съ соотвѣтственными предписаніями.

«Предлагаемый сборникъ, пишутъ гг. составители, составляетъ вторую часть задуманной нами серіи географическихъ сборниковъ по всѣмъ частямъ свѣта. Цѣли, которыми руководились мы при составленіи настоящей книги, остались тѣ же, что и при изданіи перваго сборника «Азія». Мы стремились дать подходящій матеріалъ для иллюстраціи курса Америки путемъ классного и внѣкласснаго чтенія... Особенное вниманіе было обращено на то, чтобы всѣ наиболѣе характерныя черты природы и жизни населенія были представлены съ возможной полнотою, хотя, конечно, мы далеки отъ мысли, что достигли въ этомъ отношеніи желаемаго».

Дѣйствительно, составители затратили массу труда, чтобы выбрать 83 статьи, содержащіяся въ этомъ сборникѣ. Здѣсь вы встрѣтите и русскихъ авторовъ—Іонина, Альбова, Тверского, Святловскаго, Владимірова, Витковскаго, Алексѣева, Коропчевскаго, А. Краснова; помѣщены также и длинные отрывки изъ прекраснаго разсказа В. Короленки «Безъ языка». Изъ иностранныхъ авторовъ встрѣчаются и беллетристы и ученые:—рядомъ съ Дарвиномъ, Бэтсомъ, Штюбелемъ и Бреггеромъ—Киплингъ и Сенкевичъ. Выборъ статей сдѣланъ умѣло и съ большой любовью къ дѣлу, но все же составители далеко не исчерпали всей поставленной ими себѣ задачи. Все разнообразіе природы Америки—отъ береговъ Огненной Земли до Гренландіи представлено въ сборникѣ съ достаточной полнотою, и мы рады за нашихъ дѣтей, которые могутъ знакомиться съ дивными картинами этой природы по прекраснымъ пейзажамъ Сенкевича, Іонина и др., или, хотя и по менѣе красочнымъ, но мастерскимъ, точно кованнымъ,

описаніямъ Дарвина. Много статей посвящено картинамъ жизни вымирающихъ туземныхъ племенъ и наши гимназисты извлекутъ изъ сборника болѣе правильное и полное представленіе о столь заманчивой для юношеской фантазіи жизни индѣйцевъ, чѣмъ изъ патентованныхъ учебниковъ географіи и изъ романовъ Эмара. Панорамамъ большихъ городовъ и уличной жизни ихъ отведено въ разбираемой книгѣ также достаточно мѣста, но за то на политическую и соціальную жизнь различныхъ государствъ Америки не обращено никакого вниманія. Особенно это рѣжетъ глазъ по отношенію къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Составители какъ будто проглядѣли существованіе этой удивительной націи. Изъ сборника «Америка» читатель ничего не узнаетъ о томъ, какъ живетъ, какъ работаетъ, къ чему стремится и чему молится «янки»; ничего не узнаетъ о трестахъ, о рабочихъ партіяхъ, о парламентѣ, о политической борьбѣ, о самоуправленіи отдѣльныхъ штатовъ, о высокомъ уровнѣ образованія массъ, объ истинной «любви къ отечеству и народной гордости» янки, ничего о той свободѣ совѣсти и личности, которыя царятъ въ этой странѣ и которыя сдѣлали ее столь богатой, могучей, культурной и относительно счастливой.

Это громадный пробѣлъ, и намъ думается, не случайный, а къ сожалѣнію сознательный, и никакія соображенія не оправдаютъ составителей въ этомъ прегрѣшеніи передъ юными читателями. Передъ нимъ отходятъ на задній планъ даже и такіе недочеты, какъ, напр., отсутствіе указаній, къ какимъ годамъ относится каждая статья сборника, что, конечно, важно, такъ какъ 30-ти лѣтняя давность нѣкоторыхъ статей врядъ ли желательна при описаніи столь быстро эволюціонирующей страны, какъ Америка.

Жаль, что составители такъ сильно и незаслуженно наказали и себя самихъ, и своихъ читателей, вытравивъ изъ книги душу и нервъ американской жизни; но все же, даже въ такомъ искалѣченномъ видѣ мы привѣтствуемъ появленіе этого сборника и желаемъ ему успѣха. Поневолѣ только задаешь вопросъ, неужели и «Европа» появится въ такомъ же педагогически-ампутированномъ видѣ? Вѣдь у насъ же теперь въ педагогіи время реформъ и диктатуры сердца! Издана «Америка» прекрасно и снабжена большимъ количествомъ (72) хорошихъ рисунковъ. *В. Агафоновъ.*

А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ. Въ горахъ Большого и Малаго Карачая. Путешествіе 26-ти учениковъ Екатеринодарской гимназіи. Тифлисъ. 1900. Ц. 80 к. Какой-нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ никто и не помышлялъ ни о какихъ путешествіяхъ учениковъ гимназій. Въ послѣдніе годы, однако, является все больше и больше попытокъ дать ученикамъ интересное, пріятное и полезное развлеченіе во время каникулъ: все чаще и чаще устраиваются школьныя экскурсіи, школьныя поѣздки, близкія и далекія, по Россіи и даже заграницей. Разсматриваемая книжка г. Дьячкова-Тарасова содержитъ описаніе экскурсіи, предпринятой лѣтомъ 1898 г. учениками Екатеринодарской гимназіи въ горахъ Большого и Малаго Карачая, по мало доступнымъ мѣстностямъ близъ истоковъ р. Кубани, на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Эта экскурсія не является первымъ шагомъ Екатеринодарской гимназіи: уже годомъ раньше, въ 1897 г. была предпринята поѣздка съ 15 учениками, чрезъ мѣстечко Горячій Ключъ, на Майкопо-Туапсинское шоссе, далѣе на мѣстечко Туапсэ, пароходомъ въ Сухумъ, затѣмъ пѣшкомъ въ Новый Аѳонъ, пароходомъ въ Новороссійскъ и по желѣзной дорогѣ въ Екатеринодаръ. Подробное описаніе первой экскурсіи издано въ мало доступныхъ «Циркулярахъ» по управленію кавказскимъ учебнымъ округомъ.

Вторая поѣздка, 1898 г., была совершена по иному маршруту. Изъ Екатеринодара направились въ Баталпашинскъ, далѣе чрезъ Хумару, Сенты, гдѣ на развалинахъ какого-то древняго монастыря основалась женская обитель, далѣе

къ Илухорскому перевалу, гдѣ такимъ образомъ путники стали лицомъ къ лицу съ главнымъ хребтомъ. Отъ Илухорскаго перевала экскурсанты направились въ Большой Карачай, гдѣ у подножія Эльбруса могли ознакомиться съ печальнымъ состояніемъ серебро-свинцовыхъ рудниковъ русскаго общества «Эльбрусъ». Чрезъ Каджюртъ вышли, наконецъ, они къ Кисловодску, причемъ эта послѣдняя часть пути была совершена верхомъ. Въ Кисловодскѣ и Пятигорскѣ, были осмотрѣны всѣ ихъ достопримѣчательности, галлереи, гротъ Лермонтова, источники—но уже путешествіе было почти закончено и на слѣдующій день всѣ были въ Екатеринодарѣ. Къ безхитростному разсказу о путешествіи г. Дьячковъ-Тарасовъ прибавилъ нѣсколько рисунковъ.

Въ приложеніи даны метеорологическія наблюденія и журналъ экскурсіи, описаніе минералогической коллекціи и минеральныхъ источниковъ, составленныя преподавателемъ физики С. И. Борчевскимъ, также принимавшимъ участіе въ экскурсіи, затѣмъ списокъ жуковъ и бабочекъ, собранныхъ Вл. Телѣгою (уч. VII кл.) и списокъ растеній, собранныхъ Р. Шиллингомъ (уч. V кл.), наконецъ фрески Сентинскаго храма. Очень пріятно видѣть въ печати труды молодыхъ натуралистовъ, позволимъ только выразить нѣкоторыя свои пожеланія. Растенія собраны, очевидно, случайно, безъ какой бы то ни было системы, значительная часть ихъ осталась безъ опредѣленій, наконецъ, самый списокъ ихъ (44 №№) напечатанъ съ опечатками и въ какомъ-то непонятномъ безпорядкѣ. Всему этому, конечно, легко помочь, стоитъ лишь обратиться за содѣйствіемъ къ одному изъ нашихъ спеціалистовъ-ботаниковъ, интересующихъ флорой Кавказа. *Б. Федченко.*

«На дальнемъ Востокѣ». Очерки и разсказы Вл. Семенова. Цѣна 1 руб. Книжкѣ этой, заключающей десять небольшихъ разсказовъ, самъ авторъ придаетъ значеніе какого-то «протеста» противъ популярныхъ «Морскихъ разсказовъ» и тому подобныхъ произведеній. Его предисловіе поясняетъ намъ, что въ своихъ описаніяхъ онъ избѣгалъ шаржа и выводовъ, на которые столь падки вообще путешественники, добившіеся нынѣ лишь того, что «въ морской средѣ по отношенію къ правдивости изложенія фактовъ слово *путешественникъ* получило то же значеніе, какъ на берегу слово *охотникъ*». Какъ видно изъ нѣкоторыхъ ссылокъ, г. Семеновъ относитъ къ числу такихъ путешественниковъ и знаменитаго французскаго географа Эл. Реклю. Ужъ одинъ этотъ фактъ побуждаетъ читателя благодарить г. Семенова за отсутствіе въ его книжкѣ какихъ-либо выводовъ. Да къ тому же, какіе выводы можно, напримѣръ, сдѣлать изъ описанія елки на суднѣ или суматохи, поднятой тамъ же паденіемъ за бортъ собаки?

Разсказы, помѣщенные въ этой книжкѣ, печатались г. Семеновымъ уже раньше въ повременныхъ изданіяхъ; издать же ихъ отдѣльной книжкой авторъ рѣшился потому, что въ нихъ онъ усмотрѣлъ намекъ на то, что уже 10—12 лѣтъ тому назадъ среди китайцевъ наблюдалось настроеніе, приведшее ихъ къ волненіямъ минувшаго лѣта. Сверхъ того, такъ какъ изъ случайно имъ наблюдавшихся и записанныхъ эпизодовъ явно обнаруживается «всегда существовавшая рѣзкая разница въ отношеніяхъ къ туземцамъ со стороны западно-европейцевъ и со стороны нашихъ офицеровъ и матросовъ», то г. Семеновъ надѣется, что его «слабые штрихи окажутся полезными читателю для выясненія себѣ причинъ тѣхъ особенностей, которыми характеризуется положеніе, занятое нами нынѣ въ китайскомъ вопросѣ».

Такая претензія автора, однако, совершенно не оправдывается содержаніемъ книжки, которая къ тому же наполовину заполнена разсказами, не имѣющими никакого отношенія къ дальнему Востоку вообще и Китаю въ частности. Обращаясь же къ тому, что мы узнаемъ изъ книжки Семенова объ этой послѣдней странѣ, мы прежде всего должны отмѣтить, что самъ г. Семеновъ почти не

коснулся Китая, побывавъ только въ двухъ-трехъ открытыхъ для европейской торговли портахъ, и хотя онъ и озаглавилъ одинъ изъ своихъ очерковъ (кстати сказать наиболѣе содержательный) «Въ глуши Китая», но едва ли правильно, потому что въ немъ онъ описываетъ лишь устье р. Ву-цзяна (у автора—У-кіангъ) и городъ Вэнь-чжоу-фу (у автора—Вак-чи-фу), открытый для иностранной торговли еще въ 1876 г. по Чжифуской конвенціи, причемъ совершенно непонятное увѣреніе автора, что отъ сотворенія міра городъ этотъ не видѣлъ парового катера, конечно, не дѣлаетъ его «глуше»; а такъ какъ въ то же время г. Семеновъ не потрудился познакомиться съ Китаемъ и по литературѣ, то отъ описаній его, естественно, мы не можемъ ожидать ничего новаго. Впрочемъ, описанія эти довольно живы и читаются легко; но въ этомъ и единственное ихъ достоинство.

Внѣшность книжки—приличная, цѣна—умѣренная.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюня по 15-ое іюля 1901 г.).

Н. П. Дружининъ. Волостныя правленія. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.

Его же. Общепонятное законовѣдѣніе. Спб. Ц. 1 р.

М. Герасимова. Учительскій календарь. Спб. 1901 г. Ц. 80 к.

Г. М. Тумановъ. Земельные вопросы. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.

Рибо. Опытъ изслѣдованія творч. воображенія. Спб. Изд. Пантелѣева 1901 г. Ц. 80 к.

В. А. Дюковъ. Курсъ двойной ит. бухгалтеріи. Мск. 1901 г. Ц. 75 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Вып. VIII. Ц. 40 к. Мск. Юргенсонъ.

С. Грузенбергъ. Нравств. философія Шопенгауера. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

С. Адамовичъ. Разложеніе алгебраич. выраженій на множителей. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Н. Тезяковъ. Бесѣды по гигіенѣ. Изд. Ворон. губ. земства. Ц. 50 к.

В. И. М. Чехія и чехи. Популярно-научная библіотека А. Ю. Маноцковой. Мск. Ц. 40 к.

Д-ръ Л. Штейнъ. Къ аграрному вопросу. Изд. то же. Ц. 75 к.

Фр. Іодль. Давидъ Юмъ. Изд. то же. Ц. 1 р. 20 к.

В. Д. Катковъ. Наука и философія права. Берл. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арч. Гейки. О преподаваніи географіи. Мск. 1900 г. Ц. 80 к.

В. Рахмановъ. Физич. способы лѣченія. Мск. 1901 г. Ц. 75 к.

Нусбаумъ. Основы біологіи. Мск. 1901 г. Ц. 80 к.

А. Богдановъ. Познаніе съ историч. точки зрѣнія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Соловьевъ-Несмѣловъ. Съ поволжья. Изд. «Дѣтск. Чтенія». Мск. Ц. 60 к.

В. И. Немировичъ-Данченко. Соколиныя гнѣзда. Изд. то же. Ц. 50 к.

Гиляровскій. Портной Ерошка. Изд. то же. Ц. 5 к.

Тихоміровъ и Богдановъ. Обезьяны, слоны и попугаи. Изд. «Дѣтскаго Чтенія». Ц. 30 к.

Е. Свѣшниковъ. Ледяной домъ. По ром. Лажечникова. Изд. То же. Ц. 30 к.

Ив. Ивановъ. Рыцарь слова и жизни. Изд. то же. Ц. 50 к.

А. Е. Заринъ. Увлеченія А. С. Пушкина женщинами. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.

А. Н. Емельяновъ-Кохановскій. Обнаженные нервы. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Е. И. Игнатьевъ. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

В. Минто. Дедуктивн. и индуктивн. логика. Изд. Библіотеки для самообраз. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 75 к.

Н. А. Бороздинъ. Уральскіе казаки и ихъ рыболовство. Спб. 1901 г. «Вѣстн. Казачьихъ Войскъ».

Проф. Хлопинъ. Загрязненіе проточн. воды. Спб. 1901 г.

М. Кулишеръ. Миѳъ о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. Мск. 1901 г.

Н. Барановъ. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.

Отчетъ о дѣятельн. Нижег. санит. комм. за 1898 г.

А. И. Шингаревъ. Ясли-пріюты. Воронежъ. 1901 г. Ц. 5 к.

Отчетъ Нижег. общ. библіот. за 1900 г.

Отчетъ Комит. по Упр. Нижегор. художд.-историч. музеемъ за 1900 г.

Путеводитель по окрестностямъ Петербурга. Въ шести выпуск. *Н. Ѳ. Арепьева*, съ карт. Ц. вып. 50 к.

Сельско-хоз. обзоръ Нижег. губ. за 1899 г.

Отчетъ о дѣятельности пермск. библіотеки Общества имени Смышляева за 1899—1900 г.

Отчетъ Общества для распростр. просвѣщ. между евреями въ Россіи за 1900 г.

Сборникъ семейно-педагогич. кружка въ г. Казани. 1901 г.

Статист. сборникъ по Яросл. губ. Вып. 8.

О народномъ просвѣщеніи и объ органахъ его въ Россіи. Харьковъ. 1901 г.

Кедровъ. Гигіенич. и эконом. знач. нѣм. законодат. о страхов. рабочихъ. Докл. въ засѣданіи Моск. гигіен. Общества.

Менстровъ. Въ защиту трезвости. Сборникъ поученій и статей.

Отчетъ Иваново-Вознес. Обществ. библіотеки за 1900 г.

М. Н. Волынскій. Всесословная волость, какъ судебно-административн. и земская единица. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.

Жуковскій. Собраніе сочиненій. Спб. Изд. Глазунова. 1901 г. Ц. 2 р. 25 к.

Отчетъ о дѣятельн. коммиссіи по устройству народн. чтеній въ Екатеринославѣ за 1900 г. Екатеринославъ. 1901 г.

Больтонъ Кингъ. Исторія объединенія Италіи. Т. I. Перев. съ англ. Н. Кончевской. М. Изд. Скирмунта. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Magie and Religion» by Andrew Lang (Longmans and C°). (*Магія и религія*). Въ этой книгѣ заключается критическій разборъ новѣйшихъ теорій о первобытной религіи, а также изложеніе результатовъ новѣйшихъ антропологическихъ изысканій въ области религіи и магіи.

(Athaeneum).

«Les «premières Années» de M. Jules Simon» par Gustave et Charles Simon. (*Первые годы Жюля Симона*). Воспоминанія о Жюлѣ Симонѣ, написанныя его сыновьями, представляютъ не только исторію человѣка, но и его времени, такъ какъ хотя событія и не выступаютъ на первомъ планѣ въ этомъ разсказѣ, но все же они занимаютъ въ немъ достаточно мѣста и увеличиваютъ интересъ и значеніе воспоминаній, такъ какъ въ нихъ можно видѣть отраженіе бурныхъ событій 1848 г.

(Temps).

«La Civilisation païenne et la morale chrétienne» par M. Reynaud (Perris et C°). (*Языческая цивилизація и христіанская мораль*). Авторъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать языческую цивилизацію и тѣ причины, которыя способствовали ея паденію и торжеству христіанской морали. Недостатки и слабыя стороны язычества авторъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія индивидуальной нравственности.

(Journal des Débats).

«La Civilisation païenne et la famille» par M. Reynaud). Языческая цивилизація и семья). Въ этомъ своемъ трудѣ, какъ и въ предшествующемъ, авторъ говоритъ о несовершенствѣ языческой цивилизаціи и ея неправильныхъ взглядахъ на семью и воспитаніе. По мнѣнію автора, только христіанство спасло языческую семью отъ окончательнаго разложенія и поэтому для сохраненія семьи нужно остерегаться касаться ея основъ, иначе все зданіе можетъ рухнуть.

(Journal des Débats).

«La Rage» par le docteur Auguste Marie, directeur de l'institut antirabique de Constantinople (Masson et C°). (*Бѣшенство*). Небольшая брошюра, излагающая въ сжатой популярной формѣ открытія и изслѣдованія, касающіяся этой страшной болѣзни. Авторъ этой брошюры знакомитъ читателя съ симптомами этой болѣзни у животныхъ и у человѣка и описываетъ современныя методы лѣченія. Брошюра снабжена предисловіемъ Ру, директора Пастеровскаго института въ Парижѣ.

(Journal des Débats).

«The Romance of the Heavens» by prof. A. W. Biccerton. Author of «Romance of the Earth» (Swan Lonnesabein). (*Романъ небесъ*). Популярная астрономія, доступная широкому кругу читателей. Особенно интересны главы: о происхожденіи солнечной системы, метеорныхъ феноменахъ, видимой вселенной, безсмертномъ космосѣ и т. д.

(Athaeneum).

«The Nineteenth Century» (Putnam's Sons). (*Девятнадцатый вѣкъ*). Въ этой книгѣ заключается обзоръ прогресса, достигнутаго въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности за послѣднее столѣтіе. Каждой отрасли человѣческой дѣятельности посвящается отдѣльная статья. Въ составленіи этого сборника приняли участіе Эндрью Карнеджи, Эндрью Лангъ, Эдмундъ Госсъ, Лесси Спифенъ и др.

(Daily News).

«Literary Friends and Acquaintance» by William Dean Howells. Illustrated (Harper and Brothers). (*Литературные друзья и знакомые*). Книга носитъ автобіографическій характеръ, но это нисколько не умаляетъ ея интереса. Почти всѣ великіе писатели Америки, слава которыхъ распространилась далеко за океанъ, были знакомы съ авторомъ и онъ посвящаетъ имъ интересныя страницы въ своихъ воспоминаніяхъ. Повидимому, онъ чувствуетъ наибольшее расположеніе къ Лоуэллю, Лонгфелло и Гольмсу и сообщаетъ о нихъ много любопытныхъ чертъ. Вообще эти литературныя воспоминанія написаны очень живо и въ нихъ отражается цѣлая литературная эпоха.

(Athaeneum).

«La France: Essai sur l'histoire et le fonctionnement des Institutions politiques françaises» par I. E. C. Bodley. Paris (Guillaumin et C°). (Исторія и дѣятельность французскихъ политическихъ учрежденій). Французское изданіе книги Бодлея «Франціи» не представляетъ перевода, а скорѣе переработку прежняго изданія, съ добавленіемъ новыхъ главъ о свободѣ и соціалистахъ. Выводы автора очень интересны. Разбирая исторію и дѣятельность французскихъ политическихъ учрежденій, авторъ указываетъ на тѣ характерныя черты, которыя дѣлаютъ эти учрежденія антилиберальными, какова бы ни была номинальная форма правительства во Франціи.

(Athaeneum).

«Mein Recht auf Leben» von prof. Heinrich Spitta (Tiebingen, Mohr). (Мое право на жизнь). Авторъ этой книги, профессоръ Тюбингинскаго университета, психологъ, извѣстный своими изслѣдованіями о снѣ и сновидѣніяхъ въ связи съ умственнымъ разстройствомъ и своимъ введеніемъ въ психологію, какъ науку, въ новомъ своемъ трудѣ изслѣдуетъ отношенія между природой и умомъ разсматриваетъ ихъ, какъ факторы нравственнаго и религіознаго міровоззрѣнія. Его въ особенности интересуетъ происхожденіе и развитіе нашихъ главныхъ и руководящихъ вѣрованій. Онъ говоритъ, что въ душѣ каждаго человѣка заложено сознаніе своего права на жизнь, одновременно съ сознаніемъ извѣстной задачи или долга, который онъ долженъ выполнить. Въ этомъ именно сознаніи и заключается право на жизнь. Далѣе авторъ говоритъ о христіанской религіи, какъ о религіи альтруизма и проводитъ параллель между собственною философіей и буддизмомъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«The Social problem: Work and Life» by I. A. Hobson (Nisbet and C°). Соціальная проблема, работа и жизнь). Съ этою книгой слѣдуетъ познакомиться всѣмъ экономистамъ и соціологамъ и, главнымъ образомъ, соціальнымъ реформаторамъ, такъ какъ она касается наиболѣе жгучихъ вопросовъ современной соціальной жизни.

(Manchester Guardian).

«Portraits Intimes» par Adolphe Brisson (Armand Collin). (Портреты) Это пятый выпускъ «портретовъ», авторъ которыхъ развертываетъ передъ читателемъ цѣлую картинную галлерею, сопровождая ее характеристикой лицъ, которыхъ онъ изображаетъ въ своихъ очеркахъ. Въ этомъ новомъ томѣ заключается между прочимъ, interview съ Крюгеромъ и его характеристика.

(Journal des Débats).

«Die Karikatur der europäischen Völker» vom Alterthum bis zur Neuzeit. Von Eduard Fucho und Hans Kraemer (Hofmann und C°). (Каррикатура европейскихъ народовъ; съ древнихъ временъ до современной эпохи). Каррикатура играетъ большую роль въ исторіи культуры всѣхъ европейскихъ народовъ. Оба автора задались цѣлью прослѣдить ея постоянное развитіе и значеніе и выяснить, насколько въ ней отражались жизнь и тенденція данной эпохи. Это интересное изслѣдованіе снабжено въ изобиліи иллюстраціями и представляетъ вполнѣ законченную исторію каррикатуры у европейскихъ народовъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«Die Traumdeutung» von Siegmund Freund. Leipzig und Wien (Deuticke). (Значеніе сновидѣній). Жизнь во снѣ давно уже служитъ предметомъ научныхъ изслѣдованій. Еще Аристотель интересовался этимъ явленіемъ и многія его воззрѣнія до сихъ поръ раздѣляются современными учеными. Авторъ вышеназванной книги обращаетъ вниманіе преимущественно на физіологическій характеръ сновидѣній и старательно избѣгаетъ пускаться въ дебри различныхъ гипотезъ, что составляетъ въ одно и то же время и сильную, и слабую сторону его изслѣдованія. Обладая прекрасной эрудиціей, авторъ приводитъ въ началѣ книгѣ библіографію занимающаго его вопроса и только послѣднія главы книги онъ посвящаетъ психологіи сна. Несмотря на это, книга все-таки представляетъ огромный интересъ даже для обыкновенныхъ читателей, не посвященныхъ въ тонкости психологической и физіологической науки. Авторъ умѣючи распорядился, имѣющимся у него огромнымъ матеріаломъ наблюденій и изслѣдованій.

(Frankfurt. Zeitung).

«Insucht und Vermischung. Die Immunisirung der Familien» von A. Reibmayr (Deutike). Leipzig. (Иммунизація народовъ). Народы такіе же организмы и также имѣютъ свою собственную гигіену и патологію. Въ лабораторіи природы идетъ постоянная работа и приготовляются новыя формы этихъ организмовъ путемъ приспособленія и наслѣдственности. Авторъ дѣлаетъ попытку въ своемъ изслѣдованіи освѣтить эту таинственную работу природы и указать ея значенія въ жизни народовъ. Главнымъ образомъ авторъ старается доказать неосновательность преувеличеннаго страха передъ наслѣдственною передачей болѣзней, такъ какъ въ самомъ организмѣ человѣка имѣются средства для борьбы съ вредными началами наслѣдственности. Авторъ говоритъ о постепенной самопроизвольной иммунизаціи народовъ, въ силу которой исчезаетъ воспріимчивость къ извѣстнымъ заразнымъ болѣзнямъ и эпидеміи, нѣкогда опустошавшія цѣлыя страны, теряютъ свою интенсивность и даже совсѣмъ прекращаются.

(Frankfurt. Zeitung)

«The Evolution of Geography» by John Keane. With 19 Maps and several Illustration. (*Эволюція географіи*). Въ этой книгѣ заключается очеркъ возникновенія и развитія географической науки, начиная отъ древнѣйшихъ временъ до перваго кругосвѣтнаго плаванія. Читается съ большимъ интересомъ; карты и иллюстраціи изданы прекрасно.

(Athaeneum).

«Les protestants d'autrefois» par Henry Lehr. (*Fischbacher*). (*Протестанты въ прежнія времена*). Книга эта служитъ дополненіемъ вышедшаго раньше изслѣдованія подъ заглавіемъ «Vie intérieure des Eglises» и «Moeurs etusages», изданнаго пасторомъ Поммъ де-Фелисъ. Въ этомъ новомъ трудѣ разсматривается происхожденіе военныхъ учрежденій у гугенотовъ, которые перенесли свою религіозную организацію въ военную область.

(Journal des Débats).

«Le livre de la femme» par M-me Camille Pert (*Ollendarf*). (*Книга женщины*). Авторъ этой книги довольно удачно справился со своею задачей и составилъ практическое руководство для женщинъ всѣхъ классовъ, какъ одинокихъ, такъ и замужнихъ. Каждая женщина найдетъ въ этой книгѣ указанія, которыя могутъ быть ей полезны, какъ относительно выбора профессіи, такъ и относительно хозяйства; а также во многихъ другихъ случаяхъ своей жизни.

(Journal des Débats).

«Le Village aérien» par Jules Verne (*Hetzel*) *3 fr. Illustrations de George Roux.* (*Воздушная деревня*). Неистощимый писатель Жюль Вернъ прибавилъ еще новый томъ въ своей серіи необыкновенныхъ путешествій. Мѣсто дѣйствія его новаго разсказа, какъ всегда, очень занимательнаго и изобилующаго научными свѣдѣніями, находится въ Африкѣ, въ центральной части, въ громадномъ лѣсу, непроницаемомъ для солнечныхъ лучей, гдѣ господствуетъ самая необыкновенная растительность и обитаютъ никому неизвѣстные доселѣ существа.

(Journal des Débats).

«Amphibaand Reptiles» by Hans Gadaw. The Cambridge Natural History (*Macmillan and C°*). *London.* (*Амфибіи и пресмыкающіеся*). Прекрасное научное изслѣдованіе, основанное на продолжительномъ и серьезномъ наблюденіи надъ природой. Несмотря на свой строго научный характеръ, книга эта доступна для всѣхъ, имѣющихъ нѣкоторыя свѣдѣнія по зоологіи и не требуетъ никакихъ спеціальныхъ познаній.

(Daily News).

«India in the Nineteenth Century by M-r D. C. Boulger (*Horace Marshall and Son*). (*Индія въ девятнадцатомъ вѣкѣ*). Авторъ описываетъ Индію въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, и указываетъ на необходимость удовлетворенія законныхъ требованій ея населенія, стремящагося къ непосредственному управленію своею страной. Ростъ населенія Индіи требуетъ соотвѣтствующаго развитія всѣхъ рессурсовъ страны, въ промышленномъ, торговомъ и сельскохозяйственномъ отношеніи, а для этого необходимо прежде всего произвести реформу административной системы.

(Daily News).

«Educational Foundations of Trade and Industry» by Fabian Ware. (*Harper and Brothers*). (*Воспитательныя основы торговли и промышленности*). Книга эта представляетъ сравнительное изслѣдованіе воспитанія людей, занимающихся торговлей или промышленностью въ различныхъ странахъ. Цѣль автора—показать, какую роль играетъ подготовительное воспитаніе въ развитіи торговли и промышленности и какое употребленіе изъ этихъ школъ дѣлается въ Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, такъ успѣшно конкурирующихъ съ Англіей въ торговой и промышленной борьбѣ за существованіе. Авторъ, видимо, восхищается Германіей и расхваливаетъ ея систему національнаго воспитанія, благодаря которой она опережаетъ всѣхъ своихъ соперницъ въ промышленномъ состязаніи.

(Daily News).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

